

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 14, выпуск 8, 2025

NAUCHNYI DIALOG

Volume 14, Issue 8, 2025

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 8, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIN PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Владикавказ	Нижний Новгород
	Волгоград	Петрозаводск
	Воронеж	Самара
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Киров	Саранск
	Краснодар	Севастополь
	Москва	Тамбов
Авторы, имеющие ученую степень		Якутск
	90 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Дата выхода в свет 22.10.2025

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 8, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Волгоград)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я з ы к о з н а н и е . М е д и а к о м м у н и к а ц и и . Ж у р н а л и с т и к а

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Л и т е р а т у р о в е д е н и е . Ф о л ь к л о р и с т и к а

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

И с т о р и ч е с к и е н а у к и

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думинка, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Larisa N. Rebrina, Doctor of Philology, professor (Russia, Volgograd)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Аверина А. В.</i> Иллокутивная сила обстоятельственных придаточных предложений (на материале немецкого языка)	9
<i>Адамова З. Г., Хомподоева М. В.</i> Психолингвистическое исследование механизма усвоения содержания ценности «итэбэл» («вера») на основе базы данных ассоциатов (на материале якутского языка)	40
<i>Баженова Т. Е.</i> Севернорусские изоглоссы на территории Среднего Поволжья	64
<i>Горячева М. А.</i> Карельский язык в сфере периодической печати : динамика функционирования как отражение изменений языковой идеологии и политики в XX—XXI веках	79
<i>Манёрова К. В.</i> Формульность немецкого контролируемого языка как трудность в практике перевода с помощью нейронных сетей	101
<i>Маринова Е. В.</i> Термины как результат разных форм заимствования (на материале языка цифрового общества)	121
<i>Прокопьева А. Е.</i> Словообразовательное гнездо с вершиной чомуо 'быть большим' в языке лесных юкагиров	141
<i>Рябцева Е. С., Горяев С. О.</i> Академик Байер о Руси и России : образный язык в научных и поэтических текстах.....	161
<i>Шамне Н. Л., Майер В. С.</i> Колоративные маркеры современности в актуальных культурных конфликтах	181
<i>Шигуров В. В., Шигурова Т. А.</i> Именительный и винительный падежи русских существительных в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией	205

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Автаева Н. О., Бейненсон В. А., Болдина К. А.</i> Генеративные нейросети в региональных медиа : навыки использования и этические установки нижегородских журналистов и студентов	231
<i>Бабикова М. Р., Кружкова О. В.</i> Двухфакторная модель детерминации восприятия граффити жителями мегаполиса	255

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Жиронкина Е. С.</i> Рецептивная стратегия романа М. Эмиса «Зона интересов»	278
<i>Киселева И. А., Поташова К. А.</i> Аутентичная интонация стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840) как ключ к пониманию авторского замысла	296

Лин Цзе. Рецензия рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в китайском литературоведении	317
Макаров А. Н., Тютюнник И. А. Дискуссия Шиллера и Бюргера о природе искусства для народа	344
Сафрон Е. А. Северный миф в творчестве финских прозаиков второй половины XIX века (на примере сказок С. Топелнуса)	364

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баранов А. В., Касьянов В. В. Исторические тенденции развития планирования г. Краснодара в 1921—1941 годах	381
Близняков Р. А., Малышев Д. А. Морские перевозки российских паломников в Палестину в конце XIX века	397
Валиахметова Г. Н., Цуканов Л. В. Нормативно-правовое обеспечение кибербезопасности в арабских монархиях Залива : этапы и особенности развития	421
Васильев Д. В., Васильев С. Д. Роль железнодорожного транспорта в экономике Закаспийской области : на примере Мургабского государственного (1896—1912)	442
Засеев Г. А. Деятельность низовых партийных ячеек в Северной Осетии и организация идеологического контроля над ними в 1920-е годы	460
Ильин П. В. Декабристы, оправданные на следственном процессе : подполковник И. А. Арсеньев	481
Ипполитов В. А. Отражение настроений крестьянства в период Первой мировой войны в делах об оскорблении императорской фамилии	504
Махрачев Г. С., Махрачева Я. В., Облицов М. А. Развитие валяльного промысла на территории Тамбовской губернии в условиях перехода от позднеимперского к советскому строю	529
Подлесных С. Н. Причины упразднения совестных судов в Российской империи	549
Салфетников Д. А. Текстильная промышленность Северо-Кавказского края в 1927—1934 годах : условия становления и проблемы производства	568
АВТОРАМ	589
CONTENTS	595

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Александра Егоровна Прокопьева, канд. филол. наук (Якутск)
Анна Викторовна Аверина, д-р филол. наук (Москва)
Валерия Станиславовна Майер, канд. филол. наук (Волгоград)
Виктор Васильевич Шигуров, д-р филол. наук (Саранск)
Екатерина Сергеевна Рябцева, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Елена Вячеславовна Маринова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Зоя Гаврильевна Адамова, канд. филол. наук (Москва)
Кристина Валерьевна Манёрова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Мария Александровна Горячева, канд. филол. наук (Москва)
Мария Васильевна Хомподоева, канд. пед. наук (Якутск)
Николай Леонидович Шамне, д-р филол. наук (Волгоград)
Сергей Олегович Горяев, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Татьяна Алексеевна Шигурова, д-р культурологии (Саранск)
Татьяна Евгеньевна Баженова, канд. филол. наук (Самара)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Аверина А. В. Иллокутивная сила обстоятельственных придаточных предложений (на материале немецкого языка) / А. В. Аверина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 9—39. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-9-39.

Averina, A. V. (2025). Illocutionary Force of Adverbial Clauses: Evidence from German. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 9-39. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-9-39. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Иллокутивная сила обстоятельственных придаточных предложений (на материале немецкого языка)

Аверина Анна Викторовна
orcid.org/0000-0002-3117-6362
доктор филологических наук,
профессор кафедры грамматики
и истории немецкого языка
Anna.averina@list.ru

Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

Illocutionary Force of Adverbial Clauses: Evidence from German

Anna V. Averina
orcid.org/0000-0002-3117-6362
Doctor of Philology, Professor,
Department of Grammar and
History of the German Language
Anna.averina@list.ru

Moscow State
Linguistic University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор исходит из того, что обстоятельственные придаточные в немецком языке могут быть дифференцированы по степени проявления иллокутивной силы на три группы: (1) несовместимые с модальными показателями; (2) допускающие использование модальных слов со значением эпистемической модальности и инференциальности, но неспособные иметь в своей структуре модальные частицы; (3) допускающие использование любых модальных показателей, в том числе и модальных частиц. Цель работы заключается в установлении взаимосвязи между семантикой обстоятельного придаточного и проявлением его иллокутивной силы. Привлекаются данные корпусов DECOW 16A и DWDS. Посредством описательного метода раскрыты особенности структуры и семантики обстоятельных придаточных. Компонентный анализ позволил выстроить семантические модели сложноподчиненных предложений с обстоятельными придаточными. Контекстуальный анализ использован для выявления влияния контекстуального окружения на иллокутивную силу придаточного предложения, трансформационный — для определения степени смысловой спаянности частей сложноподчиненного предложения. Показано, что семантика отношений между частями сложноподчиненного предложения предопределяет иллокутивную самостоятельность или несамостоятельность обстоятельного придаточного и может оказывать влияние на его структурную синсемантию / автосемантию.

Ключевые слова:

обстоятельные придаточные предложения; иллокутивная сила; модальные слова; модальные частицы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study posits that adverbial clauses in the German can be categorized based on their degree of illocutionary force into three groups: (1) incompatible with modal indicators; (2) allowing the use of modal words denoting epistemic modality and inferentiality, but unable to incorporate modal particles within their structure; and (3) permitting the use of any modal indicators, including modal particles. The objective of this paper is to establish a relationship between the semantics of adverbial clauses and the manifestation of their illocutionary force. Data from the DECOW 16A and DWDS corpora are utilized. Through a descriptive methodology, the structural and semantic characteristics of adverbial clauses are elucidated. Componential analysis facilitates the construction of semantic models for complex sentences containing adverbial clauses. Contextual analysis is employed to uncover the influence of contextual surroundings on the illocutionary force of subordinate clauses, while transformational analysis is used to determine the degree of semantic cohesion among the components of complex sentences. It is demonstrated that the semantics of relationships between parts of a complex sentence predetermines the illocutionary independence or dependence of the adverbial clause and may influence its structural synsemantics / autosemantics.

Key words:

adverbial clauses; illocutionary force; modal words; modal particles.

УДК 811.112.2*36

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-9-39

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Иллокутивная сила обстоятельственных придаточных предложений (на материале немецкого языка)

© Аверина А. В., 2025

1. Введение = Introduction

В центре внимания публикации — факторы, влияющие на возможность проявления иллокутивной силы, или внутренней перспективы (перспективы говорящего), в обстоятельственных придаточных предложениях, и, соответственно, связанная с этим степень зависимости придаточного предложения от главного. В частности, речь пойдет об обстоятельственных придаточных предложениях трех типов: (1) несовместимых с какими-либо показателями эпистемической модальности; (2) ограниченно допускающих модальные показатели и (3) совместимых с любыми модальными маркерами (3):

(1) *Die Zufriedenheit von Eltern steige erst wieder an, wenn (*ja, *vielleicht) die Kinder aus dem Haus gehen* (Berliner Zeitung. 31.12.2005) [DWDS: Zeitungskorpus] // Удовлетворенность родителей возрастает только тогда, когда (*ведь, *возможно) дети уходят из дома (здесь и далее перевод наш. — А. А.).

(2) *Eine 600 Meter große Holzbaracke brannte gestern nachmittag kurz nach 15 Uhr in Friedrichshain an der Vogtstraße ab, nachdem (*ja) offenbar gezündelt worden war* [DWDS: Zeitungskorpus] // Деревянный барак площадью 600 метров сгорел вчера днем вскоре после 15 часов в Фледрихсхайн на Фогтштрассе после того, как (*ведь), по-видимому, произошла перестрелка.

(3) *Sah beklemmend realistisch aus, aber die Leute haben sich nur amüsiert, weil ja alles aus Pappe war* [DWDS: Zeitungskorpus] // Выглядело ужасно реалистично, но люди просто наслаждались, потому что ведь все было сделано из картона.

В (1) не могут быть использованы ни модальные слова, ни частицы. В (2) допустимо употребление модальных слов, но не могут быть употреблены модальные частицы. В (3) возможно использование как модальных слов, так и частиц.

В публикации будет показана взаимосвязь между семантикой сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными, особенностями их синтаксического оформления, степенью зависимости придаточного предложения от главного и возможностью проявления субъектной, или внутренней, перспективы говорящего. Освещение данного вопроса тесно связано с целым рядом других, а именно:

— с концепциями структурной, смысловой и интонационной синсемантики / автосемантики главного и придаточного предложений, разработанными в отечественном и зарубежном языкознании [Гулыга, 1971; Адмони, 1973; *Handbuch der deutschen Konnektoren ...*, 2003];

— с выделением константы сложного предложения [Черемисина и др., 2020], грамматической семантикой союзов [Подколзина, 1959; Наер, 1970; Гулыга, 1971; Volodina, 2011] и описанием семантики придаточных [Кострова, 1991; Eisenberg, 2004];

— с различного рода исследованиями в области модальности [Diewald, 1991; Leiss, 2011; Abraham, 2013] и иллокутивной силы придаточного предложения [Thurmar, 1989; Coniglio, 2011; Averina, 2020];

— с анализом тетичных, гипотетичных и категоричных суждений [Abraham, 2020; Leiss, 2020].

В одной из более ранних публикаций автора уже была предложена дифференциация придаточных предложений по степени их модализованности в связи с исследованием проявления иллокутивной силы [Averina, 2020], были освещены причины отсутствия иллокутивной силы в некоторых типах объектных и относительных придаточных предложений, однако вопрос о том, что обуславливает высокую степень модализации именно обстоятельственных придаточных типа (3), их отличительные свойства и особенности семантики, а также разница между предложениями типа (1), (2) и (3) еще не были предметом специального исследования. Нуждаются, таким образом, в описании следующие проблемные вопросы, а именно:

— Почему обстоятельственные придаточные предложения, обладающие, согласно наблюдениям Е. В. Гулыги [Гулыга, 1971], схожей степенью структурной синсемантики, проявляют различную степень иллокутивной силы? Так, например, условные придаточные предложения не допускают в своей структуре никаких модальных показателей (1); временные и модальные придаточные совместимы только с модальными словами (2), а придаточные причины и уступки (3) могут иметь в своей структуре любые модальные маркеры — модальные слова, модальные глаголы во вторичном значении и модальные частицы.

— В каком соотношении находятся семантика, структура и иллокутивная сила придаточного предложения?

— Какая роль при анализе иллокутивной силы предложения отводится коммуникативной ситуации и контексту?

— Каким образом степень проявления в придаточном иллокутивной силы (или субъектной перспективы) высказывания связана со степенью интегрированности придаточного предложения в главное?

Решение обозначенных вопросов представляется возможным через выявление взаимосвязи между передаваемой в сложноподчиненном предложении с обстоятельственным придаточным грамматической семантикой и степенью модализованности придаточного предложения, а также через анализ типов коммуникативной ситуации, в котором выступает соответствующее предложение. Как справедливо отмечает в связи с этим Е. В. Гулыга, «смысловая автосемантия отдельно взятого цельного предложения оказывается по существу относительной», поскольку только в контексте раскрывается значение целого ряда анафорических элементов [Гулыга, 1971, с. 15]. Таким образом, исследование вопроса о синтаксической неподчинимости модальных показателей в обстоятельственных придаточных позволит увидеть во взаимосвязи семантическую, иллокутивную, структурную и просодическую синсемантию. В свою очередь это даст возможность определить роль субъектной перспективы в интерпретации степени синсемантичности придаточного предложения и выделить семантические модели сложного предложения по степени модализации. Этим и определяется актуальность проводимого исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые показана взаимосвязь между семантикой, выражаемой в сложноподчиненном предложении между составными частями, и иллокутивной силой соответствующего придаточного предложения.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит определенный вклад в развитие концепции об иллокутивной силе предложения. Практическая значимость определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы на занятиях по теоретической грамматике студентов лингвистических факультетов вузов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной работы заключается в том, чтобы раскрыть взаимосвязь между семантикой обстоятельственного придаточного и проявлением его иллокутивной силы, то есть способностью иметь в своей структуре показатели эпистемической модальности и инференциальной эвиденциальности. Цель определила следующие задачи: 1) показать взаимосвязь структуры, грамматической семантики, просодии предложения и возможности проявления субъектной перспективы; 2) описать семантику типов придаточных

предложений, в которых: а) отсутствует проявление субъектной перспективы; б) присутствует субъектная перспектива, но существуют ограничение на употребление показателей интерсубъективности, например модальных частиц; в) нет каких-либо ограничений на использование модальных показателей; 3) объяснить различную степень проявления субъектной перспективы в придаточных предложениях и степень семантической спаянности компонентов сложного предложения и 4) предложить семантические модели сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными, отражающими степень интегрированности последних в структуру сложного предложения.

Материалом исследования выступили данные корпусов DECOW 16A и DWDS. Всего было отобрано и проанализировано свыше 500 примеров, содержащих различные типы обстоятельственных придаточных предложений. Корпус DECOW 16A содержит 777,685,885 предложений, отобранных из немецкоязычных сайтов (включает в себя 17,116,160 документов), содержащих как сообщения в форумах, так и различного рода онлайн-сообщения. Корпус DWDS содержит 13 000 000 000 примеров из текстов немецких газет и журналов (*Berliner Zeitung*, *Tagesspiegel*, *die Zeit*), публичных выступлений политиков и разговорной речи. В процессе анализа были использованы примеры из газет и журналов, а также из текстов политических дебатов.

При решении поставленных задач были использованы следующие методы исследования: описательный, трансформационный, метод контекстуального и компонентного анализа. Посредством использования *описательного метода* были раскрыты особенности структуры, семантики и показана степень проявления внутренней перспективы в обстоятельственных придаточных; на этой основе с использованием метода компонентного анализа были выстроены семантические модели сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными; метод *контекстуального анализа* был использован для выявления влияния контекстуального окружения на иллокутивную силу придаточного предложения; *трансформационный* метод был использован для того, чтобы определить степень смысловой спаянности частей сложноподчиненного предложения. В некоторых случаях для интерпретации примеров мы обращались к мнению носителей языка.

Представим краткий обзор наблюдений отечественных и зарубежных исследователей над структурной и смысловой синсемантией придаточных предложений.

В отечественном языкознании одна из первых фундаментальных работ, в которой освещены вопросы синсемантии главного и придаточного

предложений, — монография Е. В. Гулыги [Гулыга, 1971]. Она вводит такие понятия, как структурная и смысловая автосемантия и синсемантия в гипотаксисе, дает определение семантического ядра, обозначает факторы, предопределяющие структурную и смысловую синсемантию компонентов сложноподчиненного предложения, а также выстраивает сочетания главного и придаточного предложений в зависимости от их синсемантичности / автосемантичности. Е. В. Гулыга отмечает, что компоненты сложноподчиненного предложения не могут быть автосемантическими, поскольку входят в состав сложноподчиненного предложения. На этом основании в ее работе использован термин *потенциально-автосемантические предложения*, когда речь идет о главном или придаточном предложении, которое по количеству и характеру своих членов, а также по порядку следования может совпадать с самостоятельным [Там же, с. 13]. Придаточные предложения могут быть потенциально-автосемантическими (*Da kam ein Bauernjunge gelaufen und berichtete, sein Vater liege im Wald* // Тут прибежал крестьянский мальчик и сообщил, что его отец лежит в лесу (L. Frank. Die Jünger Jesu)) и синсемантическими (*Der Tod Gorkis traf mich tief. Er muss alle diejenigen treffen, denen das neue Russland am Herzen liegt* // Смерть Горького глубоко поразила меня. Он должен встретиться со всеми теми, кто заботится о новой России (L. Feuchtwanger. Centum opuscula) [Там же]. Сама по себе структурная синсемантия, как отмечает Е. В. Гулыга, создается порядком слов, наличием служебных слов в придаточном предложении и структурных коррелятов в главном. Смысловая синсемантия обуславливается определенными лексическими разрядами слов в составе главного предложения: переходными глаголами речи, образованными от них существительными, связочными глаголами, модально-оценочными индикаторами, словами указательного поля и существительными неопределенно-предметного значения [Там же, с. 44].

Важная роль в исследовании сложноподчиненного предложения отводится и подчинительному союзу. Как отмечает Е. В. Гулыга, подчинительный союз прочно входит в структуру придаточного предложения, его вычеркивание представляется совершенно невозможным, поскольку изменится значение как отдельно взятого придаточного предложения, так и всего сложноподчиненного предложения, при этом «значение сложноподчиненного предложения не равняется механической сумме высказываний главного и придаточного предложений: на них наслаивается еще и значение отношений, в котором они между собой находятся» [Там же, с. 26]. Опираясь на наблюдения Н. М. Наер [Наер, 1970], Е. В. Гулыга показывает, что подчинительные союзы образуют семантические поля. Союзы одно-

го семантического поля отличаются друг от друга частными лексическими значениями и особенностями их употребления, они также могут быть многозначными. Лексического значения лишен союз *dass*, который служит средством подчинения [Строева-Сокольская, 1940, с. 56]. Союзы играют важную роль в установлении семантико-синтаксических отношений между предложениями: союзы — «синсемантические единицы, которые выполняют не только синтаксическую функцию подчинения предложений, но благодаря своему лексическому значению обычно выражают семантико-синтаксические отношения между главным и придаточным предложениями» [Гулыга, 1971, с. 25].

Аналогичные наблюдения имеют место в работах других исследователей. В. Г. Адмони справедливо отмечает, что между главным и придаточным предложением существует тесная органическая связь, поскольку «сложноподчиненное предложение не есть простое, механическое сложение двух элементарных предложений, а единая синтаксическая конструкция, составные части которой взаимозависимы друг от друга и существуют лишь в соотношении друг с другом» [Адмони, 1973, с. 321]. М. И. Черемисина и Т. А. Колосова обращают внимание на то, что «константа сложного предложения — это прежде всего показатель отношения, связи между знаменательными переменными. По своей значимости в структуре сложного предложения показатель связи сопоставим только со сказуемым в строе простого предложения: это главный член, конструктивная вершина сложного предложения» [Черемисина и др., 2020, с. 78].

Таким образом, обзор работ отечественных исследователей позволяет обратить внимание на центральную роль союза в установлении семантико-синтаксических отношений между частями сложного предложения, на тесную связь между главным и придаточным, а также на факторы, определяющие структурную и смысловую синсемантию простых предложений в составе сложного.

В зарубежных исследованиях последних двух десятилетий также поднимаются вопросы, связанные со степенью интегрированности коннектора в предложение и степенью зависимости придаточного предложения от главного. В частности, авторы коллективного труда по коннекторам обращают внимание на синтаксическую и просодическую зависимость придаточного предложения от главного. Речь идет о трех степенях зависимости: высокой, средней и низкой. Высокая степень синтаксической зависимости имеет место в том случае, если придаточное предшествует главному, а в главном при этом меняется порядок слов (*Wenn es stark regnet, bleibt Clara zu Hause* // Если будет идти сильный дождь, Клара останется дома). Средняя степень синтаксической зависимости проявляется в трех случаях:

1) если придаточное предшествует главному, но при этом в главном предложении порядок слов не меняется (*Wenn es stark regnet, dann bleibt Clara zu Hause* // Если будет идти сильный дождь, то тогда Клара останется дома); 2) если придаточное включено в главное как parenthetische (Clara bleibt heute, weil es stark regnet, zu Hause // Клара останется сегодня, так как идет сильный дождь, дома); 3) если придаточное следует после главного, не изменяя в нем порядка слов (*Clara bleibt heute zu Hause, weil es stark regnet* // Клара останется сегодня дома, так как идет сильный дождь). Низкая степень синтаксической зависимости проявляется в том случае, если порядок слов в придаточном такой же, как и в главном предложении (*Clara bleibt heute zu Hause, weil es regnet stark* // Клара останется сегодня дома, ведь идет сильный дождь) или если придаточное предшествует главному, но в смысловом отношении от него не зависит, имея вид комментария (*Weil du es unbedingt wissen willst: Clara bleibt heute zu Hause* // Так как ты непременно хочешь это знать: Клара останется сегодня дома) [Handbuch der deutschen Konnektoren ..., 2003; Volodina, 2011, с. 144]. Просодическая зависимость имеет место в том случае, если придаточное предложение входит в интонационный рисунок главного: как правило, предложения с низкой степенью синтаксической зависимости просодически самостоятельны. Таким образом, отечественные и зарубежные германисты обращают внимание на просодическую самостоятельность некоторых типов придаточных предложений, а также на то, что соответствующий порядок слов может свидетельствовать о низкой степени зависимости придаточного предложения от главного.

В зарубежных исследованиях последних лет есть наблюдения над иллокутивной синсемантией различных типов придаточных предложений [Haegeman, 2002; Coniglio, 2011; Frey, 2011; Abraham, 2013], однако основное внимание уделялось описанию тех языковых компонентов, которые не могут иметь места в придаточных [Coniglio, 2011; Abraham, 2013], либо рассматривались особенности просодической и структурной организации предложений данного типа вне взаимосвязи с проявлением в них субъектной перспективы [Frey, 2011]. Вопросы, связанные с семантикой и структурой иллокутивно несамостоятельных предложений с обстоятельственными придаточными, остаются открытыми.

Обобщая обзор исследований по структурной (синтаксической) зависимости частей сложноподчиненного предложения, обозначим следующие значимые ключевые моменты:

— придаточные предложения отличает структурная синсемантия; в некоторых случаях они могут быть потенциально-автосемантическими, если порядок слов соответствует порядку слов главного предложения;

— интонационный рисунок главного и придаточного предложений свидетельствует о просодической зависимости / независимости, которая в свою очередь связана с синтаксической зависимостью / независимостью;

— ядро сложноподчиненного предложения — показатель связи между главным и придаточным предложением.

Мы полагаем, что при объяснении причин иллокутивной самостоятельности / несамостоятельности придаточного целесообразно принимать во внимание не только лишь структурную синсемантику / автосемантику, но и: а) семантику союза, оказывающую влияние на интерпретацию содержания всего предложения в целом и придаточного в частности; б) грамматическую семантику всего сложноподчиненного предложения. В определенной степени иллокутивная сила связана со структурной синсемантичностью / потенциальной автосемантичностью придаточного и проявляется в просодическом оформлении.

Совершенно очевидно, что различные типы придаточных предложений обладают различной степенью синсемантии / автосемантии на уровне не только структуры, но и семантики. В связи с этим важно понимание взаимосвязи структуры, семантики, просодии предложения и возможности проявления иллокутивной силы.

Ключевой момент в интерпретации степени зависимости придаточного предложения от главного — анализ его иллокутивной силы. Как будет показано далее, она во многом определяется семантическими отношениями в структуре сложноподчиненного предложения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Модальность придаточного предложения и проявление в нем субъективной перспективы. Дифференциация придаточных предложений по степени модализации

Е. В. Гулыга трактует модальность как синтаксическую категорию, выражающую соотношение между высказыванием и объективной действительностью с точки зрения говорящего [Гулыга, 1971, с. 47]. По ее мнению, ядром категории модальности являются три наклонения: индикатив, конъюнктив и императив, помимо наклонений в систему средств выражения модальности входят модальные глаголы, модальные слова, *Futur I* и *Futur II* [Там же, с. 49]. Модальные отношения Е. В. Гулыга рассматривает как дополнительный критерий структурно-семантической классификации. Соответственно, она выделяет бимодальные и мономодальные сложноподчиненные предложения. Бимодальные предложения включают в себя различные наклонения, мономодальные — одно из наклонений [Там же], сравним:

(4) *Kurzzeitig sah es so aus, als ob die Party noch abgesagt werden könnte* [DWDS: Zeitungskorpus] — бимодальное предложение // На мгновение показалось, что вечеринку все еще можно отменить;

(5) *Für sie hätte Lebensgefahr bestanden, wenn sie von dem kranken Tier gebissen oder gekratzt worden wären* [DWDS: Zeitungskorpus] — мономодальное предложение // Для них была бы опасность для жизни, если бы они были укушены или поцарапаны больным животным.

Вопрос об употреблении других модальных показателей в придаточном предложении Е. В. Гулыга не рассматривает.

Можно говорить об определенной зависимости между употребленным в сложноподчиненном предложении союзом и выбором наклонения. Так, например, в предложениях с причинными союзами *weil* и *da* всегда будет употреблено изъявительное наклонение, то есть индикатив, в то время как в предложениях условия, вводимых союзом *wenn*, может быть как индикатив, так и конъюнктив. В связи с этим важное наблюдение делает О. А. Кострова: она рассматривает союз как роль объединяющего модального оператора в сложноподчиненном предложении [Кострова, 1992, с. 25]. Как показывает анализ фактического материала, союз и семантика всего сложноподчиненного предложения оказывают влияние не только на выбор наклонения, но и на возможность включить модальные показатели в структуру придаточного предложения. Остановимся подробнее на вопросе о том, какие ограничения на употребление модальных показателей в придаточном предложении имеют место.

В более ранней публикации автора было показано, что придаточные предложения немецкого языка могут быть дифференцированы по степени модализованности [Averina, 2020]. Прежде чем изложить данную дифференциацию, рассмотрим различные виды дейктичных модальных значений. Идея о том, что некоторые модальные значения могут обладать дейктичными свойствами, принадлежит Г. Дивальд [Diewald, 1991]. Показатели недейктической модальности не содержат оценок степени вероятности с позиции Ориго, а служат для выражения волеизъявления, долженствования либо для указания на объективную возможность / невозможность существования факта. К недейктическим модальным значениям можно отнести деонтичность, волиитивность, алетическую модальность: модальные показатели данного типа служат для модализации пропозиции и могут иметь место в любом типе придаточных предложений. К дейктичным вслед за Г. Дивальд мы относим значения эпистемической модальности и инференциальной эвиденциальности. Дейктическая модальность — это оценка фактичности ситуации с позиции Ориго. Дейктическая модальность отражает внутреннюю перспективу говорящего / пропозициональ-

ного субъекта, то есть содержит оценку говорящим / пропозициональным субъектом нефактичности ситуации.

Показатели дейктической модальности неоднородны и могут быть дифференцированы по степени проявления дейктичных свойств (см. [Abraham, 2011; Abraham, 2013; Leiss, 2011]) следующим образом:

— одноплановые дейктики. К ним относятся модальные слова типа *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *offensichtlich*, *angeblich möglicherweise*, *vermutlich*, *augenscheinlich*. Они либо выражают предположение (*vielleicht*, *vermutlich*), то есть эпистемичность, либо указывают на источник сообщаемой информации (*angeblich*, *augenscheinlich*), выражая значения инференциальной или репортативной эвиденциальности. Как пишет Э. Лайсс, эти маркеры кодируют простой дейксис, их можно рассматривать как элементы грамматического строя, но грамматическое значение представлено в виде лексического концепта (то есть грамматическая семантика представлена в виде лексического значения) [Leiss, 2009; Leiss, 2011]. В свою очередь, это проявляется в том, что семантика модальных слов может быть интерпретирована вне контекста;

— двухплановые дейктики. К ним относятся модальные глаголы во вторичном значении. Согласно Э. Лайсс, специфика языковых единиц этого типа заключается в том, что в предложениях с ними Ориго разделяется на Ориго-Говорящего и Ориго-Наблюдателя. При этом источник информации локализован у Ориго-Наблюдателя, в то время как оценка информации — у Ориго-Говорящего (*Ole soll in Hannover einen guten Vortrag gehalten haben* // Говорят, Оле прочитал в Ганновере хороший доклад) [Leiss, 2011]. Таким образом, модальные глаголы во вторичном значении проявляют способность передавать одновременно как эпистемическую модальность, так и эвиденциальность (значение репортативной и инференциальной эвиденциальности);

— трехплановые дейктики. Идея о трехплановой дейктичности модальных частиц принадлежит В. Абрахаму. Ее основанием служит общее знание (в английской терминологии — Common Ground). Многоплановая дейктичность проявляется в следующем: (1) говорящий оценивает информированность собеседника, (2) дает ему об этом знать и (3) провоцирует его к реакции на высказанное [Abraham, 2011, с. 140]. Так, в следующем примере *Haider ist ja betrunken gewesen* (Хайдер же был пьян) говорящий оценивает общее знание с адресатом, указывает ему на это знание и призывает его к пересмотру своей позиции. Дейктичность, выраженная модальными частицами, имеет иной характер, чем в случае с модальными глаголами и модальными словами: они служат для осуществления осциллирующей коммуникации между говорящим и собеседником (в терминологии

В. Абрахама — *eine oszillierende Kommunikation*) [Там же]. Модальные частицы, таким образом, передают значение эпистемической модальности и инференциальной эвиденциальности, а также служат для апелляции к собеседнику, выступая в роли показателей intersубъективности.

Одноплановые и двухплановые дейктики можно рассматривать как показатели субъектной перспективы говорящего, трехплановые — маркеры intersубъективности. В исследованиях германистов, посвященных анализу иллокутивно несамостоятельных предложений, степень проявления дейктичных свойств модальных показателей, как правило, не учитывается [Coniglio, 2011; Thurmair, 1989]. Мы полагаем, что придаточные предложения могут быть дифференцированы в зависимости от того, могут ли они иметь в своей структуре показатели субъектной перспективы (модальные слова и модальные глаголы во вторичном значении, то есть одноплановые и двухплановые дейктики) и intersубъективности (модальные частицы, то есть трехплановые дейктики). В результате можно говорить о следующих степенях модализованности придаточных предложений (подробнее см. [Averina, 2020]):

1. Придаточные предложения с нулевой степенью модализации, в структуре которых не могут быть использованы ни модальные слова как одноплановые дейктики, ни модальные частицы или модальные глаголы как многоплановые дейктики. Как правило, речь идет о придаточных объектных при фактивном предикате в главном предложении, придаточных относительных ограничительных, в некоторых случаях — о придаточных места и придаточных условия, сравним:

(6) *Er bedauerte, dass es (*ja, *doch, *vielleicht) nicht gelungen sei, die Sozialisten eigenständig darzustellen* [DWDS: Zeitungskorpus] // Он выразил сожаление по поводу того, что не удалось (*ведь, * все же, * возможно) представить социалистов как самостоятельных.

(7) *Missmutig sehen wir aus dem Fenster und wünschen uns weit weg, dort hin wo es (*ja, *doch, *vielleicht) warm ist* [DWDS: Zeitungskorpus] // Мы с недоумением смотрим в окно и мечтаем оказаться подальше, туда, где (*ведь, * же, * может быть) тепло.

(8) *Niemand, der dort (*ja, *doch, *vielleicht) gewesen ist, wird behaupten, er habe sie gefunden* [DWDS: Zeitungskorpus] // Никто из тех, кто был там (*ведь, * же, *возможно), не будет утверждать, что нашел ее.

(9) *Wenn er ihn (*ja, *doch, *vielleicht) beschädigt, schadet er auch sich selbst — kulturell, spirituell, ökologisch, wirtschaftlich* [DWDS: Zeitungskorpus] // Если он причиняет ему вред (*ведь, * же, * возможно), он наносит вред и самому себе — культурно, духовно, экологически, экономически.

2. Средняя степень модализации имеет место в том случае, если в структуре придаточного могут быть использованы только одноплановые и двухплановые модальные дейктики — модальные слова и модальные глаголы во вторичном значении. Это, как правило, придаточные предложения времени, модальные придаточные, или придаточные образа действия, вводимые союзами *indem* или *dadurch, dass*, придаточные цели и следствия:

(10) *Ich möchte nicht [...] Kräfte unterstützen, die am Schluss, nachdem sie **vielleicht** erfolgreich gewirkt haben, ihrerseits religiöse Pluralität missachten ...* [DWDS: Bundstagskorpus] // Я не хочу поддерживать [...] силы, которые в конце концов, после того как, возможно, добились успеха, со своей стороны пренебрегают религиозным плюрализмом.

(11) *Verändert die Politik diese Bedingungen, indem sie **vielleicht** die Zwölf- in eine Zwanzigjahresfrist wandelt oder eine Zinsabschlagsteuer einführt, liegt es im Bemühen der Versicherer, dieses Manko durch höhere Erträge auszugleichen* [DWDS: Zeitungskorpus] // Если политика изменяет эти условия, возможно, путем преобразования двенадцатилетнего периода в двадцатилетний или путем введения налога на снижение процентной ставки, страховщики должны попытаться компенсировать этот недостаток за счет увеличения прибыли.

(12) *Ich hoffe, mit so einem Film junge Deutsche zu erreichen, damit sie **vielleicht** verhindern, dass so etwas nochmal passiert* [DWDS: Zeitungskorpus] // Я надеюсь, что с таким фильмом мы сможем привлечь молодых немцев, чтобы они могли предотвратить повторение чего-то подобного.

(13) *Nestlé schafft es positiven Buzz über die Marke zu erzeugen, indem sie **wahrscheinlich** bei Facebook Sponsored Posts kaufen und sich bei BuzzFeed mit Spaßartikeln nach oben raten lassen* [DWDS: Gegenwartskorpora mit freiem Zugang] // Nestlé удастся создать положительный ажиотаж вокруг бренда, поскольку они, вероятно, покупают спонсируемые посты в Facebook¹ и получают рейтинг на BuzzFeed с забавными статьями.

3. Высокая степень модализации имеет место в придаточных предложениях в том случае, если в их структуре могут быть использованы модальные слова, модальные глаголы во вторичном значении и модальные частицы. В придаточных предложениях причины и уступки могут быть использованы все перечисленные модальные показатели, сравним:

(14) *Sah beklemmend realistisch aus, aber die Leute haben sich nur amüsiert, weil **ja** alles aus Pappe war* [DWDS: Zeitungskorpus] // Выглядело пугающе реалистично, но люди просто наслаждались, потому что да, все было сделано из картона.

1 Социальная сеть принадлежит компании Мета, признанной террористической организацией на территории Российской Федерации.

(15) *Aktien und Investmentfonds werden kombiniert, obwohl ja auch die Fonds zum größten Teil aus Aktien bestehen* [DWDS: Zeitungskorpus] // Акции и паевые инвестиционные фонды объединены, хотя да, фонды также состоят в основном из акций.

Остановимся подробнее на вопросе о том, какая взаимосвязь существует между семантико-синтаксическими отношениями в сложноподчиненных предложениях с обстоятельственными придаточными и их иллокутивной силой.

3.2. Семантико-синтаксические отношения в сложноподчиненном предложении и степень проявления субъектной перспективы

К обстоятельным придаточным предложениям относят, как правило, следующие: цели, условия, причины, следствия, уступки, модальные (образа действия), сравнения, времени и придаточные места. В грамматике Duden придаточные места отнесены к атрибутивным (относительным) [Duden, 2016, с. 1040], а К. Питтнер рассматривает предложения данного типа как пограничные между обстоятельными и относительными [Pittner, 2013, с. 502]. В данной публикации придаточные места не рассматриваются, поскольку проявляют общие свойства с относительными придаточными, а их иллокутивная сила определяется прежде всего информационной структурой (подробнее см. [Averina, 2020]).

Обстоятельные придаточные предложения могут быть представлены в виде следующих семантических моделей, отражающих семантико-синтаксические отношения в сложноподчиненном предложении и обладающих соответствующей степенью проявления иллокутивной силы:

Модель 1: Описание мыслимых, представляемых фактов или моделирование условий для реализации мыслимых, представляемых действий.

Для придаточных предложений данного типа характерно отсутствие проявления иллокутивной силы и высокая степень интегрированности в главное предложение. К данному типу относятся сложноподчиненные предложения с придаточными условия и нереального сравнения. Использование модальных показателей допустимо лишь при определенных условиях.

Модель 2: Представление событий на временной оси.

Модель 2а: Представление событий, протекающих одновременно или в разное время.

К данному семантическому типу относятся сложноподчиненные предложения с придаточными времени. В придаточных предложениях данного типа могут быть использованы одноплановые и двухплановые модальные дейктики; включение модальных частиц как показателей интерсубъективности возможно только при определенных условиях.

Модель 2b: Представление событий на временной оси, протекающих одновременно или в разное время, одно из которых обуславливает другое.

Данная модель представлена сложноподчиненными предложениями с придаточными следствия, цели и образа действия. Как и в случае с темпоральными придаточными предложениями, в них могут быть использованы одноплановые и двухплановые модальные дейктики; употребление модальных частиц как показателей интерсубъективности возможно только при определенных условиях.

Модель 3: Интерпретация событий реальной действительности.

В предложениях данного типа могут быть использованы любые показатели дейктической модальности без каких-либо ограничений. К данной модели относятся сложноподчиненные предложения с придаточными причины и уступки.

Остановимся на более подробной характеристике представленных моделей и покажем взаимосвязь между проявлением субъектной перспективы, структурой и семантикой предложения.

Модель 1: Описание мыслимых, представляемых фактов или моделирование условий для реализации мыслимых, представляемых действий.

Особенность условных предложений заключается в том, что они не могут иметь в своей структуре каких-либо модальных показателей:

(16) *Führungskräfte erhalten sogar noch einen höheren Bonus, wenn sie (*vielleicht, *vermutlich, *ja) ihre Zielvereinbarungen erfüllt haben* (Berliner Zeitung. 29.12.2005) [DWDS: Zeitungskorpus] // Руководители получают еще больший бонус, если они (*возможно, *предположительно, *ведь) выполнили свои целевые соглашения.

Модальные показатели могут иметь место в придаточных условиях, если использовано сослагательное наклонение, если в главном предложении прослеживается взаимосвязь с моментом речи, например:

(17) *Wenn sie vielleicht so freundlich wären, mir die entsprechende Rubrik mitzuteilen, danke und ein gutes neues Jahr!* [DECOW 16A] // Если бы вы могли быть так любезны, чтобы сообщить мне соответствующую рубрику, спасибо и с Новым годом!"

В предложении (17) переданы не отношения условия, а вежливая просьба в сочетании со словами благодарности. Связь с реализуемым в настоящий момент речевым действием делает возможным использование модальных показателей в придаточном предложении.

Рассмотрим особенности условных придаточных предложений, на которые обращают внимание исследователи, и предложим объяснение причин отсутствия в предложениях данного типа иллюкативной силы.

Как уже было отмечено, в сложноподчиненном предложении важная роль отводится союзу: по наблюдениям Е. В. Гулыги, подчинительный союз прочно входит в структуру отдельно взятого придаточного предложения [Гулыга, 1971, с. 26]. Условная семантика заложена в союзе *wenn*, формируя значение гипотетичности. Важные наблюдения о предложениях гипотетического типа сделаны в работе Э. Лайсс [Leiss, 2020]. В частности, она отмечает, что они занимают промежуточное положение между тетичными и категоричными высказываниями. Тетичные предложения (18) содержат только фокусный экспонент, или рему, и не могут иметь в своей структуре модальные показатели, поскольку включение модального компонента всегда предполагает коммуникативную бинарность предложения (19) (подробнее см. [Аверина, 2022]), сравним:

(18) *Es lebten einmal im Paradies zwei Menschen, Adam und Eva / Когда-то в раю жили два человека, Адам и Ева* [DWDS: Gegenwartskorpora mit freiem Zugang] — тетичное предложение, обладает коммуникативно одночленной структурой;

(19) *Er ging 1798 nach Dresden / Он уехал в Дрезден в 1798 году* [DWDS: Zeitungskorpus] — категоричное, обладает коммуникативной бинарностью.

Тетичные (18) и гипотетичные (16) предложения проявляют общее свойство: оно заключается в том, что они не утверждают, то есть не выражают ассерции. Гипотетичные предложения служат для моделирования альтернативных вариантов действий и их интерпретаций («In Konditionalsätzen geht es jedoch nicht primär um die Assertierung eines Sachverhalts. Es geht vielmehr darum, alternative Handlungs- und Deutungsmöglichkeiten zu modellieren») [Leiss, 2020, S. 36]. Таким образом, условные придаточные предложения сближаются по своим свойствам с тетичными и не содержат в своей структуре модальных показателей.

В свое время Дж. Лайонз обратил внимание на то, что условные придаточные содержат условный оператор в своей структуре (*wenn p, dann q*) [Lyons, 1983, p. 405], а то, что попадает в сферу действия данного оператора, несовместимо с эпистемическим содержанием. Исключение составляют те придаточные, в структуре которых есть отсылка к речевому акту:

(20) *Wir würden uns sehr freuen, wenn Sie sich diese Zeit nähmen* [DECOW 16A] // Мы были бы очень признательны, если бы вы уделили этому время.

Л. Хегеман характеризует предложения типа (20) как условные предложения, которые кодируют речевой акт и соотносятся с моментом речи [Haegeman, 2002], что делает возможным употребление модальных показателей.

Можно отметить и высокую степень проявления смысловой спаянности частей сложноподчиненного предложения с придаточными условия:

по наблюдениям Х. Вегенер, отличие условных предложений от причинных и уступительных заключается в том, что условные не могут быть связаны сочинительным союзом, в то время как каузальные и уступительные отношения могут быть переданы средствами сочинительной связи [Wegen, 2000, с. 35].

Х. Лонштайн рассматривает условные предложения как содержащие скрытую модализацию, а именно модальность необходимости [Lohnstein, 2011, с. 358]. Мы полагаем, что условные предложения не обозначают каких-либо действий, а описывают условия для их реализации. Как отмечает Т. А. Фритц, условные придаточные передают не события, а немодализованные, мыслимые факты [Fritz, 2018, с. 121]. Несовместимость придаточных условия с эпистемическими модальными маркерами связана еще и с тем, что значение условия тесно связано с неким логическим следствием, или выводом, на что обращают внимание грамматисты [Pafel et al., 2016, с. 208].

Ограничения на включение модальных показателей имеют место и в случае с придаточными сравнения. Так, по мнению носителей языка, в следующих высказываниях употребление модальных маркеров вряд ли допустимо:

(21) *Es sieht so aus, als sei (*ja, *vielleicht, *doch) die Menschheit im Jahr nach dem Tsunami dem Weltuntergang abermals ein Stück näher gekommen* [DWDS: Zeitungskorpus] // Похоже, что (*ведь, *возможно, *же) человечество снова немного приблизилось к концу света через год после цунами.

(22) *Vor der Wohnung stehend hörten wir ein Scheppern, als ob (*ja, *vielleicht, *doch) jemand gefallen ist* [DWDS: Zeitungskorpus] // Стоя перед домом, мы слышали какой-то шум, как будто (*ведь, *возможно, *же) кто-то упал.

Использование модальных слов в придаточных предложениях данного типа возможно, если главное предложение имело бы форму вопроса:

*(21a) *Sieht es so aus, als sei vielleicht die Menschheit im Jahr nach dem Tsunami dem Weltuntergang abermals ein Stück näher gekommen?* // Похоже ли это на то, что человечество, возможно, снова приблизилось к концу света через год после цунами?

*(22a) *Haben Sie ein Scheppern gehört, als ob vielleicht jemand gefallen ist?* // Вы слышали скрежет, как будто наверное кто-то упал?

В данном случае прослеживается связь с моментом речи как в (17), что и объясняет допущение модальных показателей.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

— условные придаточные предложения имеют высокую степень интегрированности в сложное предложение. Это проявляется в том, что на

уровне поверхностной структуры условная семантика не может быть передана ни в сложносочиненном предложении, ни посредством использования простых предложений, объединенных по смыслу отношениями условия;

— обусловленность фактов связана с логическим следствием и не может существовать совместно с показателями нефактичности, если придаточное предложение содержит форму *Indikativ*;

— условные придаточные предложения обладают высокой степенью смысловой синсемантии, обусловленной логическим выводом, моделирующим нефактичную ситуацию;

— употребление показателей дейктической модальности в придаточных сравнения также невозможно, что, в свою очередь, объясняется тем, что предложения этого типа не утверждают, а представляют собой модель мыслимого, то есть воображаемого факта и обладают высокой степенью смысловой синсемантии;

— употребление модальных показателей допустимо лишь в том случае, если главное предложение имеет вид вопроса, то есть связано с моментом речи, или содержит перформативные глаголы: говорящий обращается таким образом к собеседнику, а события представлены с позиции субъектной перспективы.

Модель 2: Представление событий на временной оси

Модель 2а: Представление событий, протекающих одновременно или в разное время

Описание событий, протекающих одновременно или в разное время, имеет место в сложноподчиненных предложениях со значением времени:

(23) *Nachdem er **scheinbar** mit seiner dunklen Vergangenheit abgeschlossen hat, muss er sich nun mit der Organisation von Kindergeburtstagen, ersten unliebsamen Verehrern seiner Töchter und aufdringlichen Verkopplungsversuchen seiner Nachbarin herumschlagen* [DECOW 16A] // Казалось бы, покончив со своим темным прошлым, он теперь вынужден разбираться с организацией детских дней рождения, первыми неприятными поклонниками своих дочерей и навязчивыми попытками связи со своей соседкой.

Как видно из приведенного примера, использование модальных слов вполне допустимо. Модальные частицы в предложениях данного типа возможны только в том случае, если главное предложение имеет в своей структуре перформативные глаголы и адресовано собеседнику:

(24) *Ich möchte mich bedanken, dass Sie diese Kurzintervention zulassen, nachdem **ja** die Kollegin meine Zwischenfrage abgelehnt hat* [DWDS: Bundestagskorpus] // Я хотел бы поблагодарить вас за разрешение этого краткого вмешательства после того, как да, коллега отклонила мой промежуточный вопрос.

Мы полагаем, что в данном случае употребление частицы можно объяснить еще и тем, что наряду с временным передается еще и значение каузальности. Каузальное значение выступает при этом в роли периферийного, базовое значение союза является временным: дополнительное каузальное созначение придает предложению иллюкутивную силу.

Аналогичная ситуация имеет место в случае употребления подчинительных союзов *als*, *sobald*, *bevor* и *ehe*.

Придаточные предложения времени могут быть трансформированы в сложносочиненные предложения, что свидетельствует о проявлении большей степени семантической независимости по сравнению с условными придаточными:

(25) *Die U-Bahn-Linien rollen zwischen 8 Uhr und 14 Uhr im 5-Minuten-Takt, **danach** bis 19.30 Uhr im 10-Minuten-Abstand, später im Viertelstunden-Turnus* [DWDS: Zeitungskorpus] // Линии метро курсируют с 8:00 до 14:00 с интервалом в 5 минут, затем с интервалом в 10 минут до 19:30 и с интервалом в четверть часа позже.

Модель 2b: Представление на временной оси событий, одно из которых обуславливает другое

Семантическая модель представлена сложноподчиненными предложениями с придаточными цели, следствия или инструментальными (образа действия). Общим для обозначенных типов придаточных предложений можно считать способность иметь в своей структуре модальные слова, что можно проследить на примере следующих высказываний:

(26) *In diesem Moment Oszillieren sie nur so schwach, dass das gerade (+**offenbar**, +**vielleicht**) ausreicht um die Oberflächenspannung des Wasser zu überwinden* (Klimakonferenz für Jedermann. 11.03.2009) [DWDS: Zeitungskorpus] // В этот момент они колеблются настолько слабо, что этого достаточно (+очевидно, +возможно), чтобы преодолеть поверхностное натяжение воды.

(27) *Der Täter beschädigte den PKW entlang der Fahrerseite, indem er **vermutlich** mit einem Schlüssel den Lack zerkratzte* [DECOW 16A] // Преступник повредил автомобиль со стороны водителя, предположительно поцарапав краску ключом.

(28) *Eine große Grünfläche zum Spielen muss auch vorhanden sein, damit **vielleicht** auch andere Kinder mit zum Spielen kommen können* [DWDS: Zeitungskorpus] // Также должна быть большая зеленая зона для игр, чтобы, возможно, другие дети могли присоединиться к ним, чтобы поиграть.

В (26) указано на то, что одно действие наступает вследствие предшествующего действия; в (27) — на то, что одно действие осуществляется посредством другого; придаточное предложение цели служит для

обоснования необходимости реализации соответствующего действия (28). В придаточных предложениях данного типа могут быть использованы одноплановые дейктики, отражающие перспективу говорящего, но в них, как правило, не используют модальные частицы как показатели intersубъективности. Исключение составляют высказывания, в которых говорящий обращен к собеседнику, ожидая его ответной реакции. В данном случае высказывание построено таким образом, что говорящий утверждает истинность пропозиции либо высказывание в целом служит для обоснования его мнения. Это находит проявление в использовании интеррогативного модуса в главном предложении, кодировании верификативной ремы или контрастивного топика. Рассмотрим некоторые варианты.

В (29a) модальные частицы не могут быть использованы, но если представить включение высказывания в диалог, в котором кодирован контраст (контрастивный топик, подробнее см. [Büring, 2005]), то включение этих показателей intersубъективности вполне допустимо (29b):

(29a) *Binnen Minuten wurde es bitterkalt und der Wind blies so stark, dass sich (*ja) die Bäume bogen und ächzten* [DCOW 16A] // Через несколько минут стало очень холодно, и подул такой сильный ветер, что (*ведь) деревья согнулись и застонали.

(29b) A: *Wie war das Wetter gestern in Moskau?*

B: *In / Moskau war es \warm. In Dub/NA wurde es binnen Minuten bitterkalt und der Wind blies /SO stark, dass sich ja selbst die \BÄume bogen und ächzten.* (пример см. [Averina, 2020]) //

A: Какая была погода в Москве?

B: В Москве было тепло. А в Дубне вдруг за несколько минут стало очень холодно, и сильный ветер подул так, что ведь даже деревья согнулись и застонали.

В приведенном примере контрастивный топик маркирован знаками / и \, которые, в свою очередь, передают восходящий и нисходящий тон. Аналогичная ситуация может иметь место и в инструментальных придаточных предложениях: включение модальных частиц допустимо, если подчинительный союз получает максимальное ударение, тем самым говорящий убеждает собеседника в истинности пропозиции, сравним:

(30a) *Zudem verbessern sie die Luft in der Wohnung, indem sie Schadstoffe absorbieren und Staub auffangen* [DWDS: Zeitungskorpus] // Они также улучшают воздух в доме, поглощая загрязняющие вещества и задерживая пыль.

*(30b) A: *Sie verbessern nicht die Luft in der Wohnung.*

B: *Sie **VERBESSERN** die Luft in der Wohnung, **INDEM** sie ja Schadstoffe absorbieren und Staub auffangen* //

A: Они ничего не улучшают в квартире.

В: Они улучшают воздух в квартире, как раз ведь именно поглощая загрязняющие вещества и задерживая пыль.

В (30a) события представлены таким образом, что говорящий излагает их, не будучи вовлеченным в утверждение истинности происходящего. Можно сказать, что в данном случае имеет место объективированное изложение событий. В (30b) события представлены с позиции субъекта: он утверждает истинность пропозиции. В данном случае кодирован Verumfokus (термин принадлежит Т. Хёле [Höhle, 1992], или верификативная рема (см. [Янко, 2008]).

Таким образом, мы видим, что модальные частицы возможны в данных типах придаточных в том случае, если имеет место не только вовлеченность говорящего в высказывание, но и обращенность к собеседнику.

Предложения, описывающие события, происходящие в одно время либо в разное время, соединены союзами цели, инструментальными и союзами следствия — эти отношения могут быть переданы средствами сочинительной связи, например:

(31) *Daraus kann ein Computer anschließend das Foto berechnen und **da-bei** auf jedes Objekt fokussieren* [DWDS: Zeitungskorpus] // Исходя из этого, компьютер может при этом рассчитать фотографию и сфокусироваться на любом объекте.

(32) *Der nachfolgende Zug war nicht in der Lage, alle Passagiere aufzunehmen, und wurde **daraufhin** von denen, die keinen Platz mehr gefunden hatten, an der Abfahrt gehindert* [DWDS: Zeitungskorpus] // Следующий поезд не смог вместить всех пассажиров, и в результате тем, кто не смог найти место, было отказано в отправлении.

В целом можно заключить, что придаточные предложения времени, следствия, цели и инструментальные могут включать в себя модальные показатели, однако использование модальных частиц как трехплановых дейктиков возможно только при определенных условиях: ситуация должна быть представлена таким образом, что говорящий утверждает истинность пропозиции, обращаясь к собеседнику, или ситуация должна быть изложена как альтернатива к схожей: в данном случае события представлены с позиции внутренней перспективы, или перспективы говорящего. Значения времени, следствия и образа действия могут быть переданы и в сложносочиненном предложении, что свидетельствует о том, что для сложноподчиненного предложения данного типа характерна некоторая степень смысловой автосемантии в отличие от придаточных сравнения и условия.

Модель 3: Интерпретация реальных событий

Интерпретационный компонент присутствует в придаточных причины и уступки, вводимых союзами *weil, da, obwohl, obgleich, obschon*. В при-

даточных предложениях данного типа могут быть использованы все виды модальных показателей без каких-либо ограничений — модальные слова, модальные частицы, модальные глаголы во вторичном значении, сравним:

(35) *Im Laufe der nächsten Wochen komme ich periodisch nach Berlin, obwohl ja (+sicher) nicht alle Spieler da sind* [DWDS: Zeitungskorpus] // В течение следующих нескольких недель я буду периодически приезжать в Берлин, хотя ведь (+**конечно**) не все игроки будут там.

(36) *Im Dezember habe ich die Besuche auf dem Amt für meine Tochter erledigt, weil sie ja (+sicher) zur Schule muss und sich auf das Abitur vorbereitet* [DWDS: Zeitungskorpus] // В декабре я закончила визиты в офис для своей дочери, потому что ведь (+**конечно**) ей нужно в школу, и она готовится к выпускному экзамену.

В грамматике П. Айзенберга обращается внимание на то, что союз *weil* скрепляет предложения, в которых указаны два обстоятельства, являющиеся верными: одно является истинным в том случае, если истинно другое. В этом проявляется отличие высказываний с *weil* от высказываний с *wenn*. В качестве демонстрации П. Айзенберг приводит следующие примеры [Eisenberg, 2004, с. 335]:

(a) *Karl bremsst, weil ein Baum auf der Straße liegt* // Карл тормозит, так как дерево лежит на дороге.

(b) *Karl bremsst, wenn ein Baum auf der Straße liegt* // Карл затормозит, если дерево будет лежать на дороге.

В (a) указывается на то, что наступление факта в (b) обусловлено обстоятельством, вводимым союзом *weil*: Карл тормозит потому, что на дороге лежит дерево, но это не единственная причина, почему он может тормозить. В (b) речь не идет о том, что Карл действительно тормозит и дерево действительно лежит на дороге [Ibid.], то есть в первом случае речь идет о реальном факте, во втором — о мыслимом, или представляемом, факте. Х. Бринкманн также указывает на то, что высказывания с союзом *weil* указывают на фактичность, в то время как высказывания с *wenn* — на возможность существования факта [Brinkmann, 1962, с. 678]. Таким образом, указание на фактичность в каузальных придаточных сближает их с категоричными утверждениями.

Придаточные причины получают подробное рассмотрение в работе [Sanders et al., 2009]. В частности, Т. Сандерс и Э. Свитсер обращают внимание на то, что посредством каузальных конструкций говорящий пытается дать характеристику явлений окружающего мира [Ibid.]. В более ранней работе [Sweetser, 1990] были рассмотрены следующие варианты оформления каузальных отношений в английском языке в предложениях с союзами *because* или *since*:

(a) *John came back because he loved her* // Джон вернулся, потому что любил ее.

(b) *The neighbours are not at home because the lights are out* // Соседей нет дома, потому что нет света.

(c) *Since you're so smart, when was George Washington born?* // Раз уж ты такой умный, скажи, когда родился Джордж Вашингтон?

В (a) части предложения представляют собой пропозиции, соответственно, каузальные отношения выстраиваются на уровне пропозиции. В (b) говорящий высказывает свое умозаключение на основе собственных наблюдений — в данном варианте каузальные отношения выстраиваются, согласно Э. Свитсер, на эпистемическом уровне. В (c) каузальные отношения строятся на уровне речевого акта. В последних двух предложениях говорящий берет на себя ответственность за высказывание [Там же].

Интерпретационный компонент содержится и в высказываниях с союзами *obwohl*, *obgleich*, *obschon*. Анализируя придаточные, вводимые союзом *obwohl*, П. Айзенберг обращает внимание на то, что они могут и не содержать значение уступки в высказываниях типа:

(a) *Helga arbeitet, **obwohl** sie müde ist* [Eisenberg, 2004, с. 337] // Хельга работает, хотя и устала.

Это свидетельствует о том, что в придаточных предложениях с *obwohl*, *obgleich*, *obschon* могут быть переданы аддитивные, или добавочные, отношения, что сближает придаточные с этими союзами по семантике со сложносочиненными предложениями.

Для каузальных и уступительных предложений характерно еще одно свойство: придаточные данного типа могут иметь порядок слов главного предложения. Рассмотрим в качестве примеров следующие высказывания:

(35) *Du darfst nicht so ungeduldig sein, **weil** sie **ist** noch sehr jung* [DECOW 16A] // Ты не должен быть таким нетерпеливым, потому что она еще очень молода.

(36) *Endlich Unterstützung, **obwohl** wir **sind** gar nicht so wenig* [DECOW 16A] // Наконец-то поддержка, хотя нас не так уж и мало.

Есть работы, в которых рассматриваются отличия предложений с *weil* и *obwohl*, имеющих предикат на последнем месте, от предложений, предикат в которых занимает второе место [Antomo et al., 2010; Freywald, 2010]. Детальное изучение данного вопроса — предмет отдельной исследовательской темы. Отметим в связи с этим еще и то, что предложения (35) и (36) обладают просодической самостоятельностью, на что обращают внимание лингвисты [Antomo et al., 2010]. Это позволяет увидеть во взаимосвязи проявление иллокутивной, просодической, структурной и смысловой автосемантии в функционировании придаточных причины и уступки. По

наблюдениям У. Фрайвальд [Freywald, 2010], именно предложения с каузальной и уступительной семантикой могут иметь в своей структуре глагол на втором месте. У. Фрайвальд объясняет это большим количеством данных, содержащих примеры этого типа, в корпусе по сравнению с предложениями, вводимыми союзами *dass* или *wobei*. Мы полагаем, что это связано именно с семантикой каузальности и уступительности: поскольку речь идет об интерпретации причинно-следственных или concessивных связей между событиями, то отношения между ними могут выстраиваться на уровне умозаключений, наблюдений, предположений или очевидных для участников коммуникации фактов, что, в свою очередь, допускает возможность различной интерпретации пропозиционального содержания. Таким образом, смысловая автосемантия, свойственная придаточным причины и уступки, допускает проявление субъектной перспективы. В связи с этим есть интересные наблюдения над функционированием сложноподчиненных предложений в различных типах текстов в работе О. А. Костровой: она обращает внимание на то, что придаточные времени характерны для объективированного текстообразования, а придаточные причины — для персонализированной устной речи [Кострова, 1992, с. 28].

4. Заключение = Conclusions

В центре внимания данной публикации было выявление соотношения между семантикой сложноподчиненного предложения и степенью проявления иллокутивной силы в придаточном. Были рассмотрены вопросы, связанные со структурной, смысловой и иллокутивной синсемантией / автосемантией обстоятельственных придаточных предложений, проанализирована семантика сложноподчиненных предложений, показано влияние коммуникативной ситуации и контекста на иллокутивную силу придаточного предложения. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Определяющим фактором, влияющим на иллокутивную силу обстоятельственного придаточного предложения, можно считать семантические отношения между частями сложноподчиненного предложения.

2. Степень модализованности придаточного предложения определяется его способностью иметь в своей структуре показатели эпистемической модальности, обладающие одноплановой, двухплановой и многоплановой дейктичностью. В соответствии с этим выделяют придаточные предложения с нулевой, средней и высокой степенью модализации. Обстоятельственные придаточные предложения, обладающие различной степенью проявления модализованности, были представлены в виде нескольких семантических моделей, отражающих: (1) описание мыслимых, представляемых фактов или моделирование условий осуществления тех или иных

фактов; (2) представление событий на временной оси; (3) представление событий на временной оси, одно из которых обуславливает другое; и (4) интерпретацию событий реальной действительности.

Смысловая синсемантия условных предложений определяется нефактичностью, заложенной в семантике самого союза и определяемой значением сложноподчиненного предложения в целом. Иллокутивная и смысловая синсемантия свойственна придаточным условия и сравнения, для которых характерно описание мыслимых, представляемых фактов. Средняя степень проявления иллокутивной силы характерна для сложноподчиненных предложений, содержащих описание реальных фактов / событий, происходящих одновременно или в разное время, при этом один из фактов обуславливает существование другого. Высокая степень иллокутивной силы и смысловая автосемантия свойственны сложноподчиненным предложениям, передающим интерпретацию событий: смысловая автосемантия придаточных причины и уступки допускает использование любых модальных показателей. В свою очередь, это проявляется в возможностях варьирования порядка слов, то есть отражает структурную самостоятельность.

3. Степень интегрированности придаточного предложения в структуру сложноподчиненного предложения и степень спаянности частей определяются, таким образом, семантикой отношений между частями сложного предложения. Для сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными действует следующая закономерность: семантика отношений между частями сложноподчиненного предложения предопределяет просодическую и иллокутивную самостоятельность придаточного и может оказывать влияние на его структурную синсемантию / автосемантию.

4. Придаточные предложения, обладающие высокой степенью модализации, обладают свойством переходить в разряд потенциально автосемантических предложений с порядком слов главного предложения, самостоятельным просодическим рисунком и более широким спектром семантики.

Перспективным представляется более детальное исследование вопроса о том, какая взаимосвязь существует между степенью спаянности частей сложного предложения и спектром значений, передаваемым соответствующим союзом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *DECOW 16 A* — [Electronic resource]. — Access mode : www.webcorpora.org (accessed 25.10.2024).

2. *DWDS* : Bundestagskorpus — [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024).
3. *DWDS* : Gegenwartskorpus mit freiem Zugang — [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024).
4. *DWDS* : Parlamentsreden — [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 30.11.2024).
5. *DWDS* : Zeitungskorpora — [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 15.03.2024).

Литература

1. *Аверина А. В.* Синтаксически независимые предложения без иллюкутивной силы / А. В. Аверина // Филологические науки в МГИМО. — 2023. — Т. 16. — № 8. — С. 2467—2472. — DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-8-20.
2. *Адмони В. Г.* Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. — Ленинград : Наука, 1973. — 368 с.
3. *Гулыга Е. В.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е. В. Гулыга. — Москва : Высшая школа, 1971. — 206 с.
4. *Кострова О. А.* Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством (на материале современного немецкого языка) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / О. А. Кострова. — Москва, 1991. — 32 с.
5. *Кострова О. А.* Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации / О. А. Кострова. — Самара : Издательство Самарского университета, 1992. — 144 с.
6. *Наер Н. М.* Синсемантия и асемантия подчинительных союзов в немецком языке (к вопросу о смысловой структуре служебных слов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. М. Наер. — Москва, 1970. — 22 с.
7. *Подколзина Н. М.* Синонимия подчинительных союзов в современном немецком языке / Н. М. Подколзина // Филологические науки. — 1959. — № 2. — С. 91—101.
8. *Строева-Сокольская Т. В.* Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке / Т. В. Строева-Сокольская. — Ленинград : [б. и.], 1940. — 106 с.
9. *Черемисина М. И.* Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. — 226 с.
10. *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 312 с. — ISBN 978-5-9551-0267-2.
11. *Abraham W.* Über Unhintergebarkeit in der modernen Modalitätsforschung / W. Abraham // Modalität und Evidentialität. — Trier : Focus, 2011. — S. 125—147.
12. *Abraham W.* Zur grammatischen Grundlegung von Modalität — semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation / W. Abraham // Funktionen der Modalität. — Berlin, Boston : De Gruyter, 2013. — S. 25—75.
13. *Abraham W.* Zur Architektur von Informationsautonomie : Thetik und Kategorik. Wie sind sie linguistisch zu verorten und zu unterscheiden? / W. Abraham // Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]. — Tübingen : Stauffenburg, 2020. — S. 87—144.
14. *Antomo M.* Desintegration und Interpretation : Weil-V2-Sätze an der Schnittstelle zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik / M. Antomo, M. Steinbach // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 2010. — № 29. — S. 1—37. — DOI: 10.1515/ZFSW.2010.001.

15. *Averina A.* Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung : Tiefenstruktur und Semantik / A. Averina // Sprachwissenschaft. — 2020. — Bd. 45. — № 4. — S. 425—471.
16. *Brinkmann H.* Die Deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. — Düsseldorf : Schwann, 1962. — 940 S.
17. *Büring D.* Intonation und Informationsstruktur / D. Büring // Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. — Berlin : [b. i.], 2005. — S. 144—163.
18. *Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen / M. Coniglio. — Berlin : Akademie, 2011. — 230 S.
19. *Diewald G.* Deixis und Textsorten im Deutschen / G. Diewald. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1991. — 435 S.
20. *Duden.* Die Grammatik / hrsg. von Angelika Wöllstein und der Dudenredaktion. — 9., vollständig überarbeitete und aktualisierte Auflage. — Berlin : Dudenverlag, 2016. — Bd. 4. — 1341 S.
21. *Eisenberg P.* Der Satz. Grundriß der deutschen Grammatik / P. Eisenberg. — 2., überarbeitete und aktualisierte Auflage. — Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2004. — Bd. 2. — 62 S.
22. *Frey W.* On the types of adverbial clauses allowing root phenomena / W. Frey // Main Clause Phenomena. New Horizons. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2011. — Pp. 405—428.
23. *Freywald U.* Obwohl vielleicht war es ganz anders Vorüberlegungen zum Alter der Verbzweitstellung nach subordinierenden Konjunktionen / U. Freywald // Historische Textgrammatik und Historische Syntax des Deutschen Traditionen, Innovationen, Perspektiven. — Berlin : Walter de Gruyter, 2010. — S. 56—84.
24. *Fritz Th.* Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren / Th. Fritz // Worte über Wörter. Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2018. — S. 115—130.
25. *Haegeman L.* Anchoring to Speaker, Adverbial Clauses and the Structure of CP / L. Haegeman // Working Papers in Theoretical Linguistics 2. — Washington : Georgetown University, 2002. — Pp. 117—180.
26. *Höhle T. N.* Über Verum-Fokus im Deutschen / T. N. Höhle // Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4. — Opladen : [b. i.], 1992. — S. 112—141.
27. *Handbuch* der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln) / R. Pasch, U. Brauße, E. Breindl, U. H. Waßner. — Berlin : Walter de Gruyter, 2003. — 834 S.
28. *Leiss E.* Drei Spielarten der Epistemizität, drei Spielarten der Evidentialität und drei Spielarten des Wissens / E. Leiss // Modalität: Epistematik und Evidentialität bei Modaladverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2009. — S. 3—24.
29. *Leiss E.* Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität : Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik / E. Leiss // Modalität und Evidentialität. — Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2011. — S. 149—169.
30. *Leiss E.* Thetik, Kategorik und die Theorie der Kopula in der Universalgrammatik des Realismus / E. Leiss // Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]. — Tübingen : Stauffenburg, 2020. — S. 15—42.
31. *Lohnstein H.* Formale Semantik und natürliche Sprache / H. Lohnstein. — Berlin : Walter de Gruyter, 2011. — 444 S.
32. *Lyons J.* Semantik / J. Lyons ; Bd. II. — München : C.H. Beck Verlag, 1983. — 508 S.

33. *Pafel J.* Einführung in die Semantik. Grundlagen — Analysen — Theorien / J. Pafel, I. Reich. — Stuttgart : J. B. Metzler, 2016. — 312 S.
34. *Pittner K.* Adverbialsätze / K. Pittner // Satztypen des Deutschen. — Berlin : Walter de Gruyter, 2016. — S. 501—525.
35. *Sanders T.* Introduction : Causality in language and cognition — what causal connectives and causal verbs reveal about the way we think / T. Sanders, E. Sweetser // Causal categories in discourse and cognition. — 2009. — Pp. 1—18. — DOI: 10.1515/9783110224429.1.
36. *Sweetser E.* From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure / E. Sweetser. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 174 p.
37. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen / M. Thurmair. — Tübingen : Wissenschaftlicher Verlag, 1989. — 314 S.
38. *Volodina A.* Sweetser's Drei-Ebenen-Theorie : Theoretische Überlegungen vor dem Hintergrund einer korpuslinguistischen Studie über konditionale und kausale Relationen / A. Volodina // Konnektoren im Deutschen und im Sprachvergleich Beschreibung und grammatische Analyse. — Tübingen : Narr Verlag, 2011. — S. 127—156.
39. *Wegener H.* Koordination und Subordination / H. Wegener // Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik. — Tübingen : Wissenschaftlicher Verlag, 2000. — S. 33—44.

Статья поступила в редакцию 07.05.2025,
одобрена после рецензирования 16.09.2025,
подготовлена к публикации 04.10.2025.

Material resources

DECOW 16 A. Available at: www.webcorpora.org (accessed 25.10.2024). (In Germ.).

DWDS: Bundestagskorpus. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024). (In Germ.).

DWDS: Gegenwartskorpus mit freiem Zugang. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024). (In Germ.).

DWDS: Parlamentsreden. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 30.11.2024). (In Germ.).

DWDS: Zeitungskorpora. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 15.03.2024). (In Germ.).

References

- Abraham, W. (2011). Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In: *Modalität und Evidentialität*. Trier: Focus. 125—147. (In Germ.).
- Abraham, W. (2013). Zur grammatischen Grundlegung von Modalität — semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation. In: *Funktionen der Modalität*. Berlin, Boston: De Gruyter. 25—75. (In Germ.).
- Abraham, W. (2020). Zur Architektur von Informationsautonomie: Thetik und Kategorik. Wie sind sie linguistisch zu verorten und zu unterscheiden? In: *Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]*. Tübingen: Stauffenburg. 87—144. (In Germ.).
- Admoni, V. G. (1973). *Syntax of the modern German language*. Leningrad: Nauka Publ. 368 p. (In Russ.).
- Antomo, M., Steinbach, M. (2010). Desintegration und Interpretation: Weil-V2-Sätze an der Schnittstelle zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 29: 1—37. DOI: 10.1515/ZFSW.2010.001. (In Germ.).

- Averina, A. (2020). Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. *Sprachwissenschaft*, 45 (4): 425—471. (In Germ.).
- Averina, A. V. (2023). Syntactically independent sentences without illocutionary force. *Philological Sciences at MGIMO*, 16 (8): 2467—2472. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-8-20. (In Russ.).
- Brinkmann, H. (1962). *Die Deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf: Schwann. 940 S. (In Germ.).
- Büring, D. (2005). Intonation und Informationsstruktur. In: *Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus*. Berlin: [b. i.]. 144—163.
- Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (2020). *Essays on the theory of complex sentences*. Moscow: LIBROCOM Book House. 226 p. (In Russ.).
- Coniglio, M. (2011). *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen*. Berlin: Akademie. 230 S. (In Germ.).
- Diewald, G. (1991). *Deixis und Textsorten im Deutschen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 435 S. (In Germ.).
- Duden. (2016). *Die Grammatik*, 4. Berlin: Dudenverlag. 1341 S. (In Germ.).
- Eisenberg, P. (2004). *Der Satz. Grundriß der deutschen Grammatik*, 2. Weimar: Verlag J. B. Metzler. 62 S. (In Germ.).
- Frey, W. (2011). On the types of adverbial clauses allowing root phenomena. In: *Main Clause Phenomena. New Horizons*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 405—428.
- Freywald, U. (2010). Obwohl vielleicht war es ganz anders Vorüberlegungen zum Alter der Verbzweitstellung nach subordinierenden Konjunktionen. In: *Historische Textgrammatik und Historische Syntax des Deutschen Traditionen, Innovationen, Perspektiven*. Berlin: Walter de Gruyter. 56—84. (In Germ.).
- Fritz, Th. (2018). Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren. In: *Worte über Wörter: Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 115—130. (In Germ.).
- Gulyga, E. V. (1971). *Theory of compound sentences in modern German*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 206 p. (In Russ.).
- Haegeman, L. (2002). Anchoring to Speaker, Adverbial Clauses and the Structure of CP. In: *Working Papers in Theoretical Linguistics 2*. Washington: Georgetown University. 117—180.
- Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln)*. (2003). Berlin: Walter de Gruyter. 834 S. (In Germ.).
- Höhle, T. N. (1992). Über Verum-Fokus im Deutschen. In: *Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4*. Opladen: [b. i.]. 112—141. (In Germ.).
- Kostrova, O. A. (1991). *Extended syntactic form as an intermediate link between a simple sentence and a superphrasal unity (based on the material of the modern German language)*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 32 p. (In Russ.).
- Kostrova, O. A. (1992). *Extended syntactic form in contact communication*. Samara: Samara University Press. 144 p. (In Russ.).
- Leiss, E. (2009). Drei Spielarten der Epistemizität, drei Spielarten der Evidentialität und drei Spielarten des Wissens. In: *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modaladverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 3—24. (In Germ.).

- Leiss, E. (2011). Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. In: *Modalität und Evidentialität*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag. 149—169. (In Germ.).
- Leiss, E. (2020). Thetik, Kategorik und die Theorie der Kopula in der Universalgrammatik des Realismus. In: *Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]*. Tübingen: Stauffenburg. 15—42. (In Germ.).
- Lohnstein, H. (2011). *Formale Semantik und natürliche Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter. 444 S. (In Germ.).
- Lyons, J. (1983). *Semantik*. Bd. II. München: C.H. Beck Verlag. 508 S. (In Germ.).
- Naer, N. M. (1970). *Synsemancy and asemancy of subordinate conjunctions in the German language (on the issue of the semantic structure of official words)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Pafel, J., Reich, I. (2016). *Einführung in die Semantik. Grundlagen — Analysen — Theorien*. Stuttgart: J. B. Metzler. 312 S. (In Germ.).
- Pittner, K. (2016). Adverbialsätze. In: *Satztypen des Deutschen*. Berlin: Walter de Gruyter. 501—525. (In Germ.).
- Podkolzina, N. M. (1959). Synonymy of subordinate conjunctions in modern German. *Philological Sciences*, 2: 91—101. (In Russ.).
- Sanders, T., Sweetser, E. (2009). Introduction: Causality in language and cognition — what causal connectives and causal verbs reveal about the way we think. In: *Causal categories in discourse and cognition, 1*: 1-18. — DOI: 10.1515/9783110224429.1.
- Stroeva-Sokolskaya, T. V. (1940). *The development of a compound sentence in the German language*. Leningrad: [b. i.]. 106 p. (In Russ.).
- Sweetser, E. (1990). *From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press. 174 p.
- Thurmair, M. (1989). *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Wissenschaftlicher Verlag. 314 S. (In Germ.).
- Volodina, A. (2011). Sweetser's Drei-Ebenen-Theorie: Theoretische Überlegungen vor dem Hintergrund einer korpuslinguistischen Studie über konditionale und kausale Relationen. In: *Konnektoren im Deutschen und im Sprachvergleich Beschreibung und grammatische Analyse*. Tübingen: Narr Verlag. 127—156. (In Germ.).
- Wegener, H. (2000). Koordination und Subordination. In: *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. Tübingen: Wissenschaftlicher Verlag. 33—44. (In Germ.).
- Yanko, T. E. (2008). *Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 312 p. ISBN 978-5-9551-0267-2. (In Russ.).

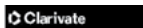
*The article was submitted 07.05.2025;
approved after reviewing 16.09.2025;
accepted for publication 04.10.2025.*

Информация для цитирования:

Адамова З. Г. Психолингвистическое исследование механизма усвоения содержания ценности «итэгэл» («вера») на основе базы данных ассоциатов (на материале якутского языка) / З. Г. Адамова, М. В. Хомподоева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 40—63. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-40-63.

Adamova, Z. G., Khompodoeva, M. V. (2025). A Psycholinguistic Study of Assimilation Mechanism of Value Concept “Itegel” (“Faith”) Based on an Associative Database (Material from Sakha Language). *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 40-63. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-40-63. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

LIBRARY.RU
РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Психолингвистическое исследование механизма усвоения содержания ценности «итэгэл» («вера») на основе базы данных ассоциатов (на материале якутского языка)

Адамова Зоя Гаврильевна ¹
orcid.org/0000-0002-9757-1779
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
лаборатория психолингвистики,
корреспондирующий автор
zoya_adamova@mail.ru

Хомподоева Мария Васильевна ²
orcid.org/0000-0002-8188-7859
кандидат педагогических наук, доцент
mkhompodoeva@yandex.ru

¹Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

²Арктический государственный
институт культуры и искусств
(Якутск, Россия)

A Psycholinguistic Study of Assimilation Mechanism of Value Concept “Itegel” (“Faith”): Associative Database (Material from Sakha Language)

Zoya G. Adamova ¹
orcid.org/0000-0002-9757-1779
PhD in Philology, Leading Researcher,
Laboratory of Psycholinguistics
corresponding author
zoya_adamova@mail.ru

Maria V. Khompodoeva ²
orcid.org/0000-0002-8188-7859
PhD in Pedagogy, Associate Professor
mkhompodoeva@yandex.ru

¹Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

²Arctic State Institute
of Culture and Arts
(Yakutsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты экспериментального психолингвистического исследования проблемы мотивационной значимости социального действия, представленного аксиологическим понятием «итэбэл» («вера») в якутской лингвокультуре. Показано, что с помощью типологизации массива вербальных реакций на стимул *итэбэл*, полученного в результате ассоциативного эксперимента на якутском языке, по выделенным параметрам на основе интегративной модели актуального личностного смысла осуществляется моделирование содержания личностного смысла базовых ценностей, основанного на аксиологическом отношении. Личностный смысл ценности рассматривается как результат усвоения «идеального» содержания базовых ценностей. Моделируется содержание социальной установки, обуславливающей единство восприятия ценностей и поведения членов социальной группы. Обосновывается положение о том, что ценностно-смысловое определение личности отражается в речевых действиях субъектов социальных отношений. Доказано, что в ассоциатах, полученных при предъявлении респондентам слова-стимула *итэбэл*, репрезентировано содержание когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов социальной установки; актуализированы этнический и эмоционально-оценочный компоненты, свидетельствующие о значимости *итэбэл* как этнической ценности.

Ключевые слова:

психолингвистика; аксиология; речевые действия; аксиологическое отношение; база жанных ассоциатов ценностей; ВЕРА; модель актуального личностного смысла; модель социальной установки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents the findings of an experimental psycholinguistic investigation into the motivational significance of social action as represented by the axiological concept “itegel” (“faith”) within Sakha linguistic culture. It demonstrates that through the typologization of verbal responses to the stimulus “itegel”, obtained from an associative experiment conducted in the Sakha language, the modeling of personal meaning related to fundamental values is achieved based on an integrative model of current personal significance. The personal meaning of value is considered a result of assimilating the “ideal” content of fundamental values. Furthermore, the study models the content of social attitudes that underlie the unity of value perception and behavior among members of a social group. It argues that the value-meaning definition of personality is reflected in the speech acts of individuals engaged in social relationships. The research provides evidence that the associations elicited by the stimulus word “itegel” encompass cognitive, emotional, and behavioral components of social attitudes, highlighting ethnic and emotionally evaluative components that underscore the significance of “itegel” as an ethnic value.

Key words:

psycholinguistics; axiology; speech acts; axiological relationship; database of value associations; FAITH; model of current personal significance; model of social attitudes.

УДК 811.512.157*23

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-40-63

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Психолингвистическое исследование механизма усвоения содержания ценности «итэбэл» («вера») на основе базы данных ассоциатов (на материале якутского языка)

© Адамова З. Г., Хомподоева М. В., 2025

1. Введение = Introduction

Проблема поиска и определения человеком своего статуса в современном обществе связана с «растеканием» и трансформацией культурных форм, так как в них содержится то, что регулирует деятельность не только отдельно взятого человека, но и общества в целом. Согласно концепции постнеклассической рациональности В. С. Степина, «мировоззренческие универсалии», или «фундаментальные жизненные смыслы культуры», в своей совокупности образуют систему «социокодов», то есть «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения)», фиксирующих «накапливаемый и постоянно развивающийся социальный опыт» [Степин, 2009, с. 9]. Речь идет о системе базовых ценностей, содержание которых определяется «отображаемыми в них способами и моделями поведения и деятельности» [Пищальникова, 2024, с. 73], которые в каждую конкретную историческую эпоху регулируют деятельность на всех уровнях отношений, от межличностных до отношения ко «всеобщему», в которые вступает человек в процессе социализации и субъективации [Плотников, 2002, с. 371]. Они основаны на языковом (коллективном) знании и призваны задавать направление движения, цели и способы деятельности и тем самым регулировать социальное поведение, сохраняя целостность культуры и общества. Следовательно, актуализируется проблема социального наследования системы базовых ценностей, для решения которой необходимы методики диагностирования характера усвоения их содержания субъектами исторического процесса. Это требует, с одной стороны, специального изучения регулирующей роли социальных ценностей, для чего требуется выявление актуальных для современной исторической эпохи форм социального вза-

имодействия, с другой — установления социокультурной специфики процесса присвоения индивидом системы базовых ценностей, что необходимо для оптимизации процессов социального взаимодействия. В современной психолингвистике в рамках теории межкультурной коммуникации проводятся исследования механизмов работы «языкового сознания», сопоставляются «образы мира» различных культур, выявляется их этнокультурная специфика [Тарасов, 1996, Уфимцева, 2016]. Однако остается недостаточно разработанной как в теоретическом, так и практическом аспекте изучение социокультурной специфики «мировоззренческих универсалий» и роли речевой деятельности в формировании их содержания и функционировании в качестве ценностных ориентаций в контексте сохранения и наследования целостности культуры.

Целью данной работы является демонстрация психолингвистической методики моделирования речевой деятельности как социальной, обуславливающей интегрирующую и регулирующую роль ценностей. Для этого в статье решаются следующие задачи: обосновывается выделение речевых действий и речевых операций как единиц анализа для выявления мотивационной силы социального действия; предлагается алгоритм анализа ассоциативного поля как модели присвоения предметного содержания речевой деятельности; содержание ассоциативного поля «Итэбэл» («Вера») интерпретируется как модель репрезентации формируемого в речевой деятельности «инвариантного содержания» установки, регулирующей социальное взаимодействие; приводятся результаты анализа соотношения задающих формы и смысловое наполнение совместной деятельности социокультурных факторов процесса усвоения базовых ценностей в содержании анализируемой модели.

Согласно методологическим основаниям психолингвистики речевая деятельность изоморфна любой другой и представляет собой «не замкнутый акт деятельности, а лишь совокупность речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную цели деятельности как таковой» [Леонтьев, 1974, с. 26]. В системе аксиологических понятий, номинирующих базовые ценности, речь идет о речевой деятельности, которая обеспечивает познание, то есть осознание (осмысление) собственной жизнедеятельности, на основе общения. Как социальная коммуникация общение подразумевает объект взаимодействия, в качестве которого выступает «идеальное» содержание базовых ценностей в виде «образов-мыслей», закрепленных в понятии и / или образе. Следовательно, под речевым действием нами понимается «конституирующее» совместную деятельность действие, свойства которого определяются структурой социального взаимодействия. Она «по существу своему — не дело индивида, не дело изолированного носителя языка: это прежде всего внутренняя ак-

тивность общества, осуществляемая им через отдельных носителей языка или, точнее, при их помощи» [Там же, с. 23]. Методология отечественной этнопсихолингвистики направлена на выявление и изучение социокультурных факторов, обуславливающих специфику общения как социального взаимодействия. Основным инструментом изучения «инвариантного образа мира» выступает ассоциативный эксперимент, который позволяет интерпретировать отношение «стимул — реакция» как речевое действие, осуществляемое в конкретных условиях совместной жизнедеятельности. Анализ этого отношения дает возможность выявлять структуру общения и, тем самым, психологическую структуру и содержание личностного смысла, репрезентируемого стимулом [Ассоциативный эксперимент ..., 2019].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью разработки междисциплинарных методик исследования процесса формирования ценностных ориентаций как процесса обретения социальной субъектности, необходимой для культурного наследования. Такие методики должны быть направлены на выявление как универсальных, так и социокультурно обусловленных факторов процесса обретения субъектности. Так как присвоение содержания базовых ценностей как «коллективных представлений» (Э. Дюркгейм) происходит в речевой деятельности (в общении), предлагается психолингвистический подход к исследованию механизма его влияния на процессы формирования социальной субъектности.

Методологическая база исследования основана на интеграции подходов, разработанных в рамках отечественной психолингвистики, и включает анализ экспериментальных, ассоциативных данных на основе социальных характеристик речевого действия. Данная методика позволяет анализировать содержание ассоциативного поля (далее — АП) ценностей как модели речевой деятельности, репрезентирующей характер взаимодействия образов мира участников общения и специфику формирования инвариантов этих образов [Леонтьев и др., 2011].

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предлагаемой методики для исследования ценностей и ценностных ориентаций в контексте социального наследования. Полученные данные могут быть использованы в междисциплинарных проектах, направленных на изучение ценностных ориентаций групп и личности, общности целей и направленности деятельности социальных групп.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Фактический материал исследования составляет массив из 94 вербальных реакций на якутском языке на слово-стимул *итэбэл* (*вера*). Респонденты опроса — жители г. Якутска Республики Саха (Якутия), носители

якутского языка от 14 до 74 лет. Выбор имени ценности *итэбэл (вера)* для проведения психолингвистического анализа структуры и содержания психологического значения этой языковой единицы объясняется тем, что вера относится к категории фундаментальных жизненных «универсалий», обеспечивающих программу жизнедеятельности индивида и общества в целом [Степин, 2009]. Кроме того, выбор основан на результатах работы Лаборатории психолингвистики Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) по изучению иерархии базовых ценностей в городах Российской Федерации. Лаборатория психолингвистики МГЛУ осуществляет формирование лингвистической базы данных: «Интерактивная карта ценностей городов РФ», «База данных: вербальные ассоциаты ценностей якутской лингвокультуры» [Пищальникова, 2019]. Кроме того, создаются ассоциативные словари базовых ценностей [Мультиязычный ассоциативный словарь ..., 2024 и др.]. Они основаны на фундаментальных принципах разработанного в отечественной психологии и психолингвистике деятельностного подхода к изучению сознания и самосознания человека, согласно которым ценности и ценностная ориентация групп и личности, обуславливающие мотивацию поведения людей, являются «центром» структуры деятельности человека как субъекта исторического процесса [Ананьев, 2001]. Цели создания базы данных вербальных ассоциатов ценностей связаны с расширением и наглядным представлением массива экспериментальных данных, а также разработкой психолингвистических методик изучения актуального содержания базовых ценностей в различных решающих для реального процесса формирования ценностных ориентаций аспектах. Так, разрабатываются экспериментальные методики исследования идентичности на основе данных ассоциативного эксперимента; аргументирована детерминированность идентичности системой базовых ценностей [Мультиязычный ассоциативный словарь ..., 2024]. Доказано, что специфика идентификационных процессов отображается в содержании этносоциальных представлений, фиксированных в значениях естественного языка и выполняющих функции конвенциональных стереотипов: процесс смыслообразования (личностного смысла) на основе значения зависит от характеристик этнической группы, условий ее проживания и характера межэтнического взаимодействия [Адамова, 2006]. А такое свойство компонентов конвенционального стереотипа, как логическая и психологическая согласованность, позволяет выявить реальное соотношение содержания компонентов и тем самым роль конвенционального стереотипа в функционировании идентичности [Там же]. Такой подход подтвердил диагностический потенциал психолингвистических методик в изучении междисциплинарной проблемы этнической идентичности. Од-

нако для диагностирования проблемы обретения социальной субъектности на основе системы базовых ценностей в контексте социального наследования необходимо обосновать функциональность личностного смысла как элемента социальной реальности, который описывает процесс формирования смысла социального действия, обеспечивающего единство восприятия и направленности социального поведения.

Функционирование системы базовых ценностей как аксиологических оснований культуры и общества определяется *аксиологическим отношением*. Его содержание, детерминированное социокультурным контекстом, проявляется и функционирует как «конкретное ценностное значение», а формой его является «психологический процесс, в котором сознание схватывает ценность» [Каган, 1997, с. 67]. Иными словами, именно аксиологическое отношение обуславливает характер формирования личностного смысла ценностей на основе их «идеального», или объективированного, значения, закрепленного за номинирующей ее единицей. Как сущностное свойство системы ценностей, оно является результатом и процессом основанной на коллективных представлениях социальной деятельности, средства и способы которого формируются прежде всего в речевой деятельности (в общении) и имеют социально наследуемый характер [Леонтьев, 1974].

Это положение соотносится с положениями феноменологической концепции социального знания П. Бергера и Т. Лукмана: для изучения становления объективности знания следует исходить из повседневного, естественного отношения к «объективированному» в значениях естественного языка миру; социальная реальность постигается и создается в условиях повседневного речевого общения не просто как процесс взаимопонимания, но и как процесс взаимного определения значимости ситуации и действия [Бергер и др., 1995]. Следовательно, изучение механизма формирования основанного на аксиологическом отношении личностного смысла может дать ответы на вопросы о том «подлинно социальном» (Э. Дюркгейм) в природе человека, что является основой жизни людей в социуме и регулирует их поведение. Выделяя свойства речевого действия как социального действия, можно моделировать речевую деятельность общения как механизм формирования личностного смысла в процессе присвоения ценности и становления субъектности и тем самым моделировать механизм функционирования ценности как аксиологического основания культуры и общества. При этом важно учитывать методологические основания психологии социального познания и теории речевой деятельности.

Во-первых, согласно отечественной психологии социального познания процесс присвоения ценностей является не просто процессом взаимодействия отдельных субъектов, но процессом взаимодействия идентичностей

и зависит от условий социального контекста и форм социального мышления [Андреева, 2012]. Иными словами, от социальных условий формирования потребности в самоопределении, то есть от структуры социальной реальности, задающей цели и средства деятельности общения, и психологического процесса поиска возможностей удовлетворения этой потребности как развития мотивационной сферы личности. Этот процесс обретения субъектности опосредован предметным содержанием языкового значения ценностей. Речь идет о том, что коллективные (социальные) представления, составляющие содержание идентичности, включены в повседневную жизнь и имеют коммуникативную природу. Взаимодействие человека, общества и культуры происходит на основе речевой деятельности общения.

Во-вторых, в структуре деятельности общения, как и в любой другой деятельности, выделяются мотивационная, целевая и исполнительная стороны. Общение основано на потребностях, направлено на достижение цели и опосредовано задающими направлением и формы речевой деятельности социально и культурно обусловленными речевыми действиями и операциями, предоставляющими возможности контакта с миром. Это означает, что моделирование деятельности общения, включенной в структуру социальной реальности, должно включать не только «рефлексивное понимание» (Г. П. Щедровицкий) социальной ситуации, связанное с представлениями о мире и вызываемыми ими переживаниями. Именно такой характер моделирования «образа мира» сложился в отечественной психолингвистике, хотя «образ мира» необходимым образом включает в себя и «действенное понимание», то есть способность субъекта «построить ситуацию и начать в ней действовать» [Щедровицкий 2023, с. 159]. Именно поэтому «образ мира» как ментальный конструкт является динамическим образованием, «более адекватным или менее адекватным, более полным или менее полным... иногда даже ложным...», формируемым в результате «означивания» предметного мира [Леонтьев, 2003, с. 13]. Этот процесс подразумевает не только наличие тех или иных ментальных структур, но и наличие условий для общения на основе общих интересов. Именно такое общение, основанное на аксиологическом отношении, задает направление и задачи развития общества и культуры с привлечением адекватных инструментов. Это означает, что средства и способы речевой деятельности определяют структуру деятельности человека как субъекта деятельности и структуру его социального мышления как совокупности социально одобряемых способов типизации «жизненного мира» (А. Шюц).

В-третьих, «образ мира» является внутренним условием формирования актуальной для текущего времени социальной установки как «конечного продукта» процесса мотивации у личности: она возникает при на-

личии потребности и ситуации ее удовлетворения и включает в себя такие мотивационные образования, как потребности, цели и задачи, мотивы [Имедадзе]. Именно характер установки как «направляющей» потребности, ключевыми характеристиками которой являются целостность и динамичность, предопределяет поведение личности, так как в рамках установки организуется мотивационная сфера личности [Там же]. Система социальных установок на уровне общности, «через призму которых индивид воспринимает ту или иную ситуацию, выбирая соответствующий образ действий», рассматривается в социологии как «социальная ориентация» [Стегний, 2017, с. 12]. Эта «активность сознания» субъекта социальных отношений, которая регулирует его социальную деятельность в целом, основана на «образе социального мира», то есть на «общем предметном содержании» ценностей, которое в качестве «инвариантного» содержания социальной установки обеспечивает единство способов решения практических жизненных ситуаций [Там же]. Таким образом, социальная установка содержит в себе как элементы «образа социального мира», то есть представления о социальном мире и вызываемые ими переживания, так и готовность действовать в определенном направлении и не зависит от отдельных актов психической деятельности субъекта. Следовательно, анализируя межсловесные связи, формируемые в связи с аксиологическими понятиями, мы моделируем структуру и содержание личностного смысла ценностей как смысла социального действия, в которой репрезентируется содержание социальной установки на уровне общности, как «психологического переживания» того, что воздействует на социальное взаимодействие, то есть того, что является результатом смыслообразования и в то же время процессом его формирования. Это позволяет говорить о направленности и регулирующей (интегрирующей) роли личностного смысла ценностей как социальной ориентации и использовать психолингвистический анализ ценностей как диагностический инструментальный.

Деятельностный подход к интерпретации деятельности общения как процессу формирования языковой социальной установки согласуется с принципами постнеклассической рациональности: моделирование действительности должно осуществляться в контексте деятельностных отношений между индивидом, обществом и культурой с учетом обеспечивающих интеграцию общества и культуры механизмов; роль таких механизмов в социальной реальности играют опосредованные языковыми значениями ценности как «мировоззренческие универсалии» культуры [Степин, 2009]. Для анализа полученных в результате ассоциативного эксперимента межсловесных связей, рассматриваемых как речевое (социальное) действие, мы используем психолингвистическую модель актуального личностного

смысла, которая позволяет анализировать речевое действие как «механизм вербализации личностного смысла в актах функционального оперирования знаком» [Пищальникова, 2019, с. 756].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussions

3.1. Место ценности, обозначенной именем *итэбэл (вера)*, в иерархии ценностей

В исследовании мы опирались на следующее определение **ценностных ориентаций**: это «представления о системе значимых ценностей, определяющих наиболее общие ориентиры жизнедеятельности» [Леонтьев, 1992, с. 2]. Выбор ценности, обозначенной в якутской лингвокультуре именем *итэбэл (вера)*, для специального анализа обоснован результатом предварительного опроса, направленного на выявление наиболее значимых для респондентов ценностей. Опросник состоял из 30 ценностей: безопасность, богатство, вера, власть, гармония, деньги, доверие, дружба, жизнь, здоровье, интеллект, комфорт, любовь, милосердие, мир, независимость, образование, порядочность, природа, работа, Родина, свобода, семья, справедливость, счастье, творчество, толерантность, уважение, успех, честность. Он был составлен на базе сравнения и объединения списков базовых ценностей, имеющих-ся в психологии, социологии, лингвистике, что было осуществлено в рамках проекта «Интерактивная карта ценностей городов Российской Федерации». Участникам ассоциативного эксперимента в г. Якутске (статистические данные о возрасте респондентов приведены на рисунке (рис. 1); из 98 респондентов 77,6 % составляли мужчины, остальные — женщины) было предложено отметить 10 наиболее значимых ценностей из предложенного списка.

Хас саастааххын?

98 ответов

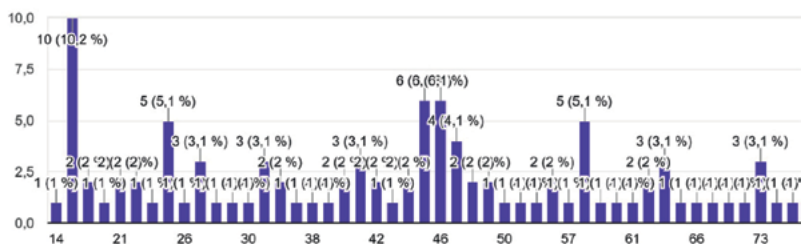

Рис. 1. Возраст респондентов

Таблица с результатами опроса жителей Якутска в сравнении с данными по другим городам Республики Саха (Якутия) (табл. 1) подтверждает

необходимость проведения такого опроса, поскольку выявления различия в списках.

Таблица 1

Статистический ранг наиболее значимых ценностей
в городах Российской Федерации

	Мирный	Нерюнгри	Якутск (р/я)	Якутск (я/я)
1.	Здоровье	Здоровье	Здоровье	Доруобуйа (здоровье)
2.	Семья	Семья	Семья	Дьиэ кэргэн (семья)
3.	Любовь	Любовь	Счастье	Таптал (любовь)
4.	Дружба	Безопасность	Любовь	Доҕордоһуу (дружба)
5.	Доверие	Жизнь	Безопасность	Дьол (счастье)
6.	Безопасность	Счастье	Жизнь	Олох (жизнь)
7.	Счастье	Дружба	Деньги	Эйэ (мир)
8.	Жизнь	Деньги	Дружба	Харчы (деньги)
9.	Мир	Комфорт	Доверие	Куттал суох буолуута (безопасность)
10.	Гармония	Доверие	Уважение	Итэҕэл (вера)

Так, в настоящее время (опрос проводился в ноябре 2024 года) вера не входит в число наиболее значимых для респондентов ценностей. Исключение составили результаты опроса в г. Якутске на якутском языке, где *итэҕэл (вера)* находится как в статистической иерархии, так и в иерархии по ранжированию на 10 позиции (табл. 2).

Таблица 2

Иерархия по весомости и статистическая иерархия ценностей
(г. Якутск, опрос на якутском языке)

Ценность	Ранг	Весомость	Статистический ранг	%
Доруобуйа (Здоровье)	1	0,012	1	86,2
Дьиэ кэргэн (Семья)	2	0,011	2	70,1
Олох (Жизнь)	3	0,009	6	50
Дьол (Счастье)	4	0,008	5	60,9
Таптал (Любовь)	5	0,007	3	66,1
Эйэ (Мир)	6	0,006	7	45,4
Куттал суох буолуута (Безопасность)	7	0,004	9	39,1
Доҕордоһуу (Дружба)	8	0,003	4	64,9
Харчы (Деньги)	9	0,002	8	44,3
Итэҕэл (Вера)	10	0,001	10	35,6

Это подтвердило результаты анализа нашего исследования, которое показало, что в русской лингвокультуре ценность, обозначенная словом *вера*, не играет интегрирующую роль социальной ценности, но в якутской лингвокультуре в содержании анализируемой ценности были обнаружены признаки ценностно-смыслового самоопределения личности, которые вместе с актуализацией этнического компонента в содержании понятийного компонента могут свидетельствовать о значимости *итэбэл* как этнической ценности [Адамова, 2021].

3.2. Содержание потребностно-целевого и исполнительного компонентов языковой социальной установки *итэбэл* (вера)

В структуре психолингвистической модели актуального личностного смысла, которую мы берем за основу моделирования, выделяются понятие, представление, эмоции и оценки [Пищальникова, 1999]. При этом под понятийным компонентом смысла понимается совокупность наиболее существенных признаков предмета, явления; под представлениями — субъективные чувственные образы действительности; эмоция и оценка соотносительны с определенными чувствами индивида и положением предмета, явления на субъективной шкале «хорошо-плохо» [Там же].

Алгоритм анализа ассоциативного поля анализируемого имени ценности (табл. 3) с целью определения характера влияния социального и личностного факторов на механизм субъективации предполагает в первую очередь определение содержания понятийного компонента значения слова *итэбэл* (вера), номинирующего исследуемую ценность. Это необходимо для установления признаков предикации между стимулом и реакцией, основанных на характере присвоения объективированного значения *итэбэл* (вера). Именно «идеальное содержание» становится базой для присвоения и дальнейшего развития аксиологического понятия: с одной стороны, на основе ценностей субъект познает мир; с другой стороны, в процессе своей деятельности общения он придает им субъективный смысл и тем самым влияет на дальнейшее развитие аксиологического понятия [Леонтьев, 1976, с. 58—59].

Для определения содержания понятийного компонента мы основывались на дефинициях «Толкового словаря якутского языка» [ТСЯЯ, с. 797—798] и «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского [Пекарский, 2008, с. 979], а также концептуальных характеристиках веры как аксиологического основания якутской культуры [Афанасьев, 1993]. Для перевода ассоциатов на русский язык был использован «Толковый словарь якутского языка» [ТСЯЯ]. Кроме того, авторы статьи являются носителями якутского языка как родного.

Согласно словарным дефинициям *итэбэл* имеет следующие понятийные компоненты: религиозный, то есть вера в бога, злого духа и т. д.; пси-

хологический, то есть уверенность в чем-либо, в исполнении чего-либо; социальный, то есть доверие как результат завоевания своей добросовестностью, искренностью признания людей, а также подтверждения кредитоспособности [ТСЯЯ, с. 797—798; Пекарский, 2008, с. 979].

Представим сначала полученный в ходе эксперимента массив из 94 вербальных реакций на якутском языке (количество респондентов: $n = 94$) на слово-стимул *итэбэл* (вера). Этот массив реакций составляет **ассоциативное поле «Итэбэл» («Вера»):**

Таҥара (Бог) 6;
эрэл (надежда) 6;
эрэни (имя действия: надеяться) 5;
бэйэбэр (в себя) 4;
айылба (природа) 3;
баар (есть) 3;
вера 3;
сиэр-туом (обряд; правила жизни, заведенный порядок, установившийся обычай) 3;
Айыы 2 (миф. общее название высших существ, олицетворяющих доброе начало);
бэрээдэк (порядок) 2;
да 2;
доверие 2;
итэбэй (верь) 2;
сырдык (свет) 2;
сүгүрүйүү (имя действия: преклоняться, поклоняться) 2;
аанньал баар (ангел существует);
айылбаба сүгүрүйүү (поклонение, преклонение перед природой);
Айыыларга сугуруйуу (преклонение перед Айыы);
аньыы (грех, грешно);
баба санаан туоларыгар (в исполнение желаний);
Байанай (миф. общее название духов леса, воды, покровителей охотников и рыболовов);
билини (признание);
бийлэх (кольцо);
дойду (страна, край, родина; разг. малая Родина);
дууһа (душа);
иитилибэт (не воспитывается);
иитэ аҕал (дать на воспитание);
иит (воспитывать);

итэбэлэ суох киьи увереннай буолбат (человек без веры не может быть уверенным);

итэбэйи (имя действия: верить);

итэбэл күүстээх дьайыы киһи — аймахха (сильное влияние на человека);

иччи (миф. особый род существ, пребывающих в определенных пределах и явлениях природы, духи-хозяева);

кимтэн да, туохтан да, тутулуга суох өйдөбүл (независимое ни от кого и ни от чего понятие);

киьи (человек);

көрүүлэни (иметь видения);

куттал (страх);

куус (сила);

күн (солнце);

күөмчү (притеснение, обида);

күүстээх (сильная);

күүстээх, бэйэбэ итэбэл, Үрүҥ Аар Тойонго (сильная, в себя, в Бога)

кыым (искра);

кэрэгэй (неудовлетворительный, недостаточный);

олох (жизнь);

өйдөөһүн (понимание);

помощь;

саамай сыаналаах (самое ценное);

санаа (желание);

Саха итэбэлэ (вера народа саха);

Саха таҥарата (Бог народа саха);

суох (нет);

Танара уерэ5э (учение о Боге);

Танара5а, Айыыларга, иччилэргэ сугуруйуу (поклонение, преклонение перед Богом, богами, духами);

Танара, иччилэр (Боги, духи);

таптал (любовь);

тирэх (опора);

тулбадыйбат санаа (нерушимая идея);

үнэр итэгэйи (вера через молитву);

харысхал (оберег);

хас биирди киһиэхэ баар буолуохтаах (должна быть у каждого);

ыһах (ысыах — национальный праздник);

эрэл, оҕолорум (надежда, мои дети)

На понятийном компоненте, связанном с собственно религиозным пониманием *итэбэл* (вера), основаны следующие речевые действия: *Танара* 6; *сиэр-туом* 3; *Айыы* 2; *аньыы*; *Байанай*; *биһилэх*; *дууһа*; *иччи*; *саха итэбэлэ*; *саха танарата*; *Танара үөрэбэ*; *Танара, иччилэр*; *таптал*; *үгэр итэбэйии*; *харысхал*. Всего 23 ассоциата из 94 (25 %). Они непосредственно не свидетельствуют о присвоении содержания ценности, однако на их основе формируется регулирующая социальная роль ценности в индивидуальном сознании. Так, важно подчеркнуть, что в данном компоненте 10 из 24 речевых действий связаны с этническим компонентом религиозной веры, в том числе с этнической принадлежностью.

На втором этапе анализа ассоциативного поля исследуются индивидуальные представления, в которых могут быть отображены образы *итэбэл* (вера), функционирующие в процессе социального взаимодействия, то есть деятельности общения у текущего поколения. Согласно теории речевой деятельности личностные смыслы формируются на основе содержания объективированного значения. В содержании основанных на религиозном компоненте объективированного значения индивидуальных представлений выявлен значительный этнический компонент: *сүгүрүүү* 2; *Айылыларга сүгүрүүү*; *айылба* 3; *айылбага сүгүрүүү*; *Танараба, айылыларга, иччилэргэ сүгүрүүү*; *дойду*; *кун*; *ыһыах* (всего 11). Они репрезентируют социальные действия и операции, связанные с элементами этнической культуры, которые являются неотъемлемой частью повседневной жизни народа саха [Афанасьев, 1993]. С другой стороны, индивидуальные представления связаны с пониманием веры как независимой от воли человека мистической сущности. Они выражаются в следующих речевых действиях и операциях: *аанньал баар*; *иитиллибэт*; *кимтэн да, туохтан да тутулууга суох*; *көрүүлэни*; *кыым* (всего 5). Такой характер речевой деятельности свидетельствует о специфике формирования идентичности. Он основан, с одной стороны, на социальных практиках, связанных с проводимой в Республике Саха (Якутия) политикой этнической солидаризации на основе якутского языка и этнически значимых символов, смыслов и ценностей [Винокурова, 2017], с другой стороны, на образе веры как доминантной ценности культуры.

Следующий компонент содержания объективированного значения имени анализируемой ценности связан с такой концептуальной характеристикой веры, как уверенность в чем-либо и / или исполнение чего-либо. В данный компонент мы включили следующие ассоциаты (всего 14): *эрэл* 6; *эрэни* 5; *доверие* 2; *итэбэйии*. С содержанием данного понятийного компонента связаны речевые действия и операции, свидетельствующие об актуальных (текущих) формах социального взаимодействия. Они основаны

на социальной установке, направленной на удовлетворение потребности в уверенности в себе (всего 10): *бэйэбэр* 4; *бажа санаан туоларыгар*; *бэйэбэ итэбэл*; *итэбэлэ суох киһи увереннай буолбат*; *санаа*; *эрэл*, *оҕолорум*. Социальная детерминированность потребности в «психологической» вере подтверждается тем, что такая же «ведущая» установка на веру была выявлена нами в результате анализа содержания ассоциативного поля *веры* на материале русского языка.

Известно, что фундаментальной социальной ценностью является доверие, которое влияет на характер всей системы ценностей, а его функциональность зависит от «культуры доверия», которая подразумевает наличие таких сущностных характеристик социального взаимодействия, как «соотнесенность с другими» и «ориентированность на будущее» [Штомпка, 2012, с. 21]. Индивидуальные представления, связанные с названными социальными признаками *итэбэл* (вера), обнаружены нами в следующих речевых операциях: *билини* (признание), *өйдөөһүн* (понимание), *иит* (воспитывать). В основном же, актуальная речевая деятельность наших испытуемых, свободная от этнической составляющей *итэбэл* (вера), связана с направляющей потребностью в психологической вере, то есть в уверенности в себе и вере в исполнение своих желаний. Таким образом, мы можем констатировать, что присвоение инвариантного содержания анализируемой ценности происходит на основе, с одной стороны, этнического компонента предметного содержания *итэбэл* (вера), в том числе его «мистической» составляющей, с другой стороны, на основе обусловленного текущей социальной ситуацией психологического компонента, в котором актуализирована потребность в уверенности в себе. Задачей следующего этапа исследования является анализ содержания эмоционально-оценочных речевых действий.

3.3. Содержание аффективного компонента языковой социальной установки *итэбэл* (вера)

Согласно деятельностному подходу, в процессы обобщения и общения включается и аффективная сторона личности, поэтому мотивационный процесс неразрывно связан с эмоциональной сферой личности. Следовательно, система мотивов субъекта социологизирована и проявляется в целенаправленной деятельности субъекта или в форме эмоциональной составляющей действия [Леонтьев, 1975]. В первом случае речь идет об осознаваемых «смыслообразующих мотивах», а во втором — о «мотивах-стимулах», которые могут отражаться в деятельности «в форме эмоциональной окраски действия» [Там же, с. 201]. Это означает, что в «идеальном содержании» значения любого аксиологического понятия, которое так или иначе включено в речевую деятельность субъекта, заключается оцен-

ка, которая всегда «целеориентирована», то есть связана с деятельностью, в том числе со средствами достижения практических целей: в отличие от дескриптивных, оценочные предикаты выражают не просто отношение к объекту оценки, но аксиологическое отношение, то есть «отношение между действительным миром и его идеализированной моделью, сам факт наличия или отсутствия соответствия между этими мирами, отражение одного в другом» [Арутюнова, 1988, с. 59]. Кроме того, в нем необходимым образом содержится эмотивное значение, то есть выражаемое языком эмоциональное отношение к объективированному значению ценности [Шаховский, 2016]. Так как аксиологическое отношение формируется в речевой деятельности, реализующейся в общении, эмоционально-оценочные речевые действия связаны с мотивационным компонентом социальной установки, который предопределяет характер как активно-действенного компонента деятельности, так и пассивно-эмоциональных (неосознаваемых) процессов переживания субъекта [Асеев, 1976]. Специальный анализ эмоционально-оценочных речевых действий репрезентирует элементы «эмоционального образа» действительности, такие как закрепленные за значением слова социальные эмоции и обусловленные ими психологические процессы индивидуализации. Для нас важно, что такой «человекоцентричный» подход учитывает активность субъекта и направленность его деятельности и может выявить «компоненты» процесса субъективации не только на уровне «внешних стимулов», но и на уровне «психологических особенностей, интернализованных в ходе социального взаимодействия», а также «субъектных особенностей человека» [Николаев, 2024, с. 11]. С точки зрения проблемы социального наследования мотивы должны осознаваться субъектом, так как без присвоения социальных ценностей на личностном уровне происходит обесценивание ценностей как аксиологических оснований культуры и общества.

В соответствии с лингвистическим определением оценки и эмоций для интерпретации содержания ассоциатов эмоционально-оценочного характера мы выделили три группы. Первая группа ассоциатов связана с речевыми действиями утвердительно-побудительного характера, которые манифестируют значимость анализируемой ценности для субъекта и носят характер долженствования: *баар* 3; *да* 2; *итэбэй* 2; *хас бишрдии киһиэхэ баар буолуохтаах*; *күүстээх дьайыы киһи аймахха*; *саамай сыаналаах* (всего 10). Согласно С. Л. Рубинштейну, «динамические тенденции долженствования» предполагают осознание и включение в деятельность общественно-значимой потребности как личностно-значимой [Рубинштейн 2020, с. 686]. К этой же группе мы относим следующие реакции, репрезентирующие значимость анализируемой ценности как важного элемента

жизни человека (всего 6): *бэрээдэк; киһи; олох; помощь; тирэх; тулхадый-бат санаа*. Вторая группа ассоциатов отражает общее оценочное отношение, репрезентирующее познавательный опыт субъекта и отражающее объективные характеристики оцениваемого объекта: *сырдык 2; куустээх* (всего 3). Наконец, в третью группу мы выделили 5 ассоциатов, актуализирующих эмотивное значение анализируемого аксиологического понятия. Согласно классификации В. И. Шаховского [Шаховский, 2008] мы выделили аффективы *куттал*, *куус* и коннотативы *күөмчү*, *кэрэгэй*. Отметим, что речевое действие *итэбэл* — *куус* мы интерпретируем как связанное с эмоциональным отношением на основе данных «Мультиязычного ассоциативного словаря базовых ценностей» [Мультиязычный ассоциативный словарь ..., 2024], согласно которым оценочный предикат *сила* присутствует как частотная реакция в содержании ассоциативных полей практически всех базовых ценностей. Наиболее частотным он является в составе АП таких ценностей, как *вера*, *власть*, *деньги*, *здоровье*, *доверие*, *любовь*, и выражает, на наш взгляд, эмоциональное отношение. Если реакция *куус* (сила) связана с положительным эмотивным значением анализируемой ценности, то *куттал* (страх), *күөмчү* (ограничение), *кэрэгэй* (неудовлетворительный, недостаточный) — с отрицательным. Такие же речевые действия, выражающие эмоции страха и чувство неудовлетворенности, были выявлены нами в результате анализа содержания ассоциативного поля аксиологического понятия, обозначенного словом *вера*, в русской лингвокультуре [Адамова, 2021], что подтверждает социально детерминированный характер эмотивного значения *итэбэл* (вера), объясняемый исторически близкими социокультурными контактами русской и якутской лингвокультур. К этой же группе мы относим единичный ассоциат *суох* (нет), рассматриваемый нами как маркер эмоции, выражающий чувство неудовлетворенности. Таким образом, социальная установка *итэбэл* (вера), направленная на удовлетворение потребности, с одной стороны, в этнической принадлежности и, с другой, в психологической уверенности в себе, основана на переживании значимости коллективных представлений о вере. Одновременно речевые действия фиксируют отрицательную эмоциональную модальность переживания, связанную с неудовлетворенностью как чувством недостаточности, ограниченности. Согласно деятельностной теории мотивации, отрицательные эмоции являются функциональным критерием значимости, так как в них наличествует потенциальное активное вмешательство в процесс осуществления неудовлетворенной потребности [Асеев, 1976].

Высокая мотивационная значимость с высокой степенью долженствования при низком ранге значимости подтверждает социальную природу анализируемой ценности. Как отмечается в трудах, посвященных социо-

логическим измерениям ценностей, при ранжировании ценностей респонденты ориентируются на индивидуальные ценностные предпочтения; кроме того, высокая степень долженствования может быть связана с влиянием фактора возраста респондентов (средний возраст респондентов, которые приняли участие в ассоциативном эксперименте на якутском языке, составил 41 год), так как представители среднего и старшего поколения в отличие от молодых людей отдают предпочтение групповым ценностям [Саганенко и др., 2016]. С другой стороны, аффективная значимость анализируемой ценности связана с чувством ограниченности и недостаточности. Можно предположить, что эти социальные эмоции связаны со спецификой социального взаимодействия. Как показал анализ содержания ассоциативного поля, коллективные представления не предоставляют структурных (то есть ставших частью картины мира) возможностей для удовлетворения потребностей, сопряженных с сущностными характеристиками *итэбэл* (веры) как фундаментальной социальной ценности, основанной на взаимном доверии.

Преимущество психолингвоаксиологического подхода к изучению социального взаимодействия состоит в том, что в ассоциативном эксперименте обнаруживаются наиболее актуальные для конкретного исторического периода структурные элементы деятельности общения как социального взаимодействия: межсловесные связи фиксируют коллективные представления, обеспечивающие социальное взаимодействие; субъективные представления, отражающие механизм формирования аксиологического отношения, обеспечивающего единство восприятия и социального поведения. На основе проведенного анализа мы выявили социокультурные факторы, определяющие специфику содержания личностного смысла *итэбэл* (вера), его значимость как социальной установки.

4. Заключение = Conclusions

Мы продемонстрировали методику моделирования структуры и содержания личностного смысла ценностей как содержания социальной установки. Выявление характера присвоения национально-культурной специфики содержания ценностей на личностном уровне важно для понимания взаимовлияния культурного и социального начал в процессах становления социальной субъектности, следовательно, для изучения междисциплинарных проблем, связанных с культурным и социальным наследованием. Предлагаемая нами методика основана на деятельностном подходе к изучению содержания «мировоззренческих универсалий», национально-культурное своеобразие которого обусловлено спецификой социального взаимодействия как деятельности общения.

Проблема социальной субъектности как определяющего фактора социального наследования является междисциплинарной проблемой, для решения которой важны диагностические инструментарии, основанные на интегральных характеристиках социального взаимодействия. Такой характеристикой является речевое общение, поэтому перспективы нашего подхода к изучению социальных ценностей мы видим в разработке психолингвистических методик обнаружения и изучения роли «подлинно» социального в формировании и функционировании ценностей и ценностных ориентаций.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка : т. 1 / Э. К. Пекарский. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 1282 с. — ISBN 978-5-02-025258-5.
2. ТСЯЯ — Толковый словарь якутского языка. — Новосибирск : Наука, 2006. — 841, [2] с. — ISBN 5-02-032390-X.

Литература

1. Адамова З. Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / З. Г. Адамова. — Москва, 2006. — 212 с.
2. Адамова З. Г. Экспериментальное психолингвистическое исследование ценности вера как индикатора духовности / З. Г. Адамова // Вестник МГЛУ. — Гуманитарные науки. — 2021. — Выпуск 2 (844). — С. 72—84.
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 288 с. — ISBN 5-272-00315-2.
4. Андреева Г. М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия [Электронный ресурс] / Г. М. Андреева // Психологические исследования. — 2012. — Т. 5. — № 26. — Режим доступа : <http://psystudy.ru> (дата обращения 20.06.2025).
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
6. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности / В. Г. Асеев. — Москва : Мысль, 1976. — 158 с.
7. Ассоциативный эксперимент : теоретические и прикладные перспективы психолингвистики : монография / под ред. В. А. Пищальниковой. — Москва : Р. Валент, 2019. — 200 с. — ISBN 978-5-93439-575-0.
8. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — Москва : Медиум, 1995. — 323 с.
9. Винокурова У. А. Якутские ценности в начале XXI века // Новые исследования Тувы. — 2017. — № 3. — С. 84—99. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.5>.

10. *Имедадзе И. В.* Ситуативное развитие мотивации и установка [Электронный ресурс] / И. В. Имедадзе. — Режим доступа : <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892090.htm> (дата обращения 20.12.20).
11. *Каган М. С.* Философская теория ценности / М. С. Каган. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. — 204 с.
12. *Леонтьев А. А.* Речевая деятельность / А. А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А. А. Леонтьев. — Москва : Наука, 1974. — С. 21—28.
13. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — Москва : Политиздат, 1975. — 304 с.
14. *Леонтьев А. Н.* Образ мира / А. Н. Леонтьев // Мир психологии. — 2003. — № 4. — С. 11—18.
15. *Леонтьев А. Н.* Психолингвистический аспект языкового значения / А. Н. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований. — Москва : Наука, 1976. — С. 46—72.
16. *Леонтьев Д. А.* Методика изучения ценностных ориентаций / Д. А. Леонтьев. — Москва : СМЫСЛ, 1992. — 17 с.
17. *Леонтьев Д. А.* К проблеме общения в работах А. А. Леонтьева / Д. А. Леонтьев, И. Б. Ханина // Культурно-историческая психология. — 2011. — № 7 (1). — С. 20—27.
18. *Мультиязычный ассоциативный словарь базовых ценностей : учебное пособие* / В. А. Пищальникова, З. Г. Адамова, А. И. Хлопова [и др.] ; под. ред. В. А. Пищальниковой. — Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024. — 255 с.
19. *Николаев Д. Е.* За пределами мотивации : человекоцентричность, свобода выбора и самодетерминация / Д. Е. Николаев // Вопросы психологии. — 2024. — Т. 70. — № 6. — С. 3—14.
20. *Пищальникова В. А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23. — № 3. — С. 749—761. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.
21. *Пищальникова В. А.* Этнопсихолингвистика почти 25 лет спустя, или научное предвидение Александры Залевской / В. А. Пищальникова // Вопросы психолингвистики. — 2024. — № 3 (61). — С. 70—84. — DOI: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-70-85.
22. *Плотников В. И.* Ценностный мир человека и его судьба / В. И. Плотников // Двадцать лекций по философии. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. — 408 с. — ISBN 5-7851-0405-9.
23. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 960 с.
24. *Саганенко Г. И.* Потенциал рефлексивных методов в выявлении релевантных ценностей / Г. И. Саганенко, Е. И. Степанова, А. Э. Гергер // Социология : методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). — 2016. — № 32. — С. 75—103.
25. *Стегний В. Н.* Социологический подход к определению категорий «социальные установки» и «ценностные ориентации личности» / В. Н. Стегний // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2017. — № 2. — С. 8—17.
26. *Степин В. С.* Картина социальной реальности в системе научного знания (Ч. 1. Методологические предпосылки, интегративные и эвристические функции) / В. С. Степин // Социология. — 2009. — № 3. — С. 8—18.

27. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. — Москва : Эйдос, 1996. — С. 7—22.

28. Уфимцева Н. В. Жизнь как ценность : эволюция содержания / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 3. — С. 15—19.

29. Шаховский В. И. Эмоции : Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. — 128 с.

30. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. — Москва : URSS, 2008. — 208 с.

31. Штопка П. Доверие — основа общества / П. Штопка. — Москва : Логос, 2012. — 440 с. — ISBN 978-5-98704-495-7.

32. Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление : методология, технология (курс лекций) / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2023. — 464 с.

Статья поступила в редакцию 26.01.2025,
одобрена после рецензирования 14.07.2025,
подготовлена к публикации 30.09.2025.

Material resources

Pekarsky, E. K. (2008). *Dictionary of the Yakut language*. St. Petersburg: Nauka. T. 1: 1282 p. ISBN 978-5-02-025258-5. (In Russ.).

TSYaYa — *Explanatory Dictionary of the Yakut language*. (2006). Novosibirsk: Nauka. 841, [2] p. ISBN 5-02-032390-X. (In Russ.).

References

Adamova, Z. G. (2006). *Verbal diagnostics of interethnic tension*. PhD Diss. Moscow. 212 p. (In Russ.).

Adamova, Z. G. (2021). Experimental psycholinguistic study of the value of faith as an indicator of spirituality. *Herald of the MGLU. Humanities*, 2 (844): 72—84. (In Russ.).

Ananyev, B. G. (2011). *Man as an object of knowledge*. St. Petersburg: Peter. 288 p. ISBN 5-272-00315-2. (In Russ.).

Andreeva, G. M. (2012). Presentations of identity in the context of interaction. *Psychological research*, 5 (26). Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 20.06.2025). (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture. 896 p. (In Russ.).

Aseev, V. G. (1976). *Motivation of behavior and personality formation*. Moscow: Mysl Publ. 158 p. (In Russ.).

Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: Medium. 323 p. (In Russ.).

Imedadze, I. V. *Situational development of motivation and attitude*. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892090.htm> (accessed 20.12.2024). (In Russ.).

Kagan, M. S. (1997). *Philosophical theory of value*. St. Petersburg: Petropolis. 204 p. (In Russ.).

Leontiev, A. A. (1974). Speech activity. In: *Fundamentals of the theory of speech activity*. Moscow: Nauka Publ. 21—28. (In Russ.).

Leontiev, A. N. (1975). *Activity. Conscience. Personality*. Moscow: Politizdat Publ. 304 p. (In Russ.).

- Leontiev, A. N. (1976). The psycholinguistic aspect of linguistic meaning. In: *Principles and methods of semantic research*. Moscow: Nauka Publ. 46—72. (In Russ.).
- Leontiev, A. N. (2003). The image of the world. *The world of psychology*, 4: 11—18. (In Russ.).
- Leontiev, D. A. (1992). *Methodology of studying value orientations*. Moscow: SMYSL Publ. 17 p. (In Russ.).
- Leontiev, D. A. (2011). On the problem of communication in the works of A. A. Leontiev. *Cultural and historical psychology*, 7 (1): 20—27. (In Russ.).
- Nikolaev, D. E. (2024). Beyond motivation: human-centricity, freedom of choice and self-determination. *Questions of psychology*, 70 (6): 3—14. (In Russ.).
- Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of associative data as a problem of methodology of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3): 749—761. DOI: 10.22363/2312 9182-2019-23-3-749-761. (In Russ.).
- Pishchalnikova, V. A. (2024). Ethnopsycholinguistics almost 25 years later, or the scientific foresight of Alexandra Zalevskaya. *Journal of Psycholinguistics*, 3 (61): 70—84. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-70-85. (In Russ.).
- Pishchaynikova, V. A. (ed.). (2019). *Associative Experiment: Theoretical and Applied Perspectives of Psycholinguistics*. Moscow: R. Valent. 200 p. ISBN 978-5-93439-575-0. (In Russ.).
- Pishchalnikova, V. A. (ed.). (2024). *Multilingual associative dictionary of basic values: a textbook*. Moscow: FSBEI IN MGLU. 255 p. (In Russ.).
- Plotnikov, V. I. (2002). The value world of man and his fate. In: *Twenty lectures on philosophy*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 408 p. ISBN 5-7851-0405-9. (In Russ.).
- Rubinstein, S. L. (2020). *Fundamentals of general psychology*. Moscow: AST Publishing House. 960 p. (In Russ.).
- Saganenko, G. I., Stepanova, E. I., Geger, A. E. (2016). The potential of reflexive methods in identifying relevant values. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology:4M)*, 32: 75—103. (In Russ.).
- Shakhovsky, V. I. (2008). *Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language*. Moscow: URSS. 208 p. (In Russ.).
- Shakhovsky, V. I. (2016). *Emotions: Pre-linguistics, linguistics, linguoculturology*. Moscow: LIBROCOM Book House. 128 p. (In Russ.).
- Shchedrovitsky, G. P. (2023). *Organizational management thinking: methodology, technology (course of lectures)*. Moscow: Artemy Lebedev Studio Publishing House. 464 p. (In Russ.).
- Shtompka, P. (2012). *Trust is the foundation of society*. Moscow: Logos. 440 p. ISBN 978-5-98704-495-7. (In Russ.).
- Stegniy, V. N. (2017). Sociological approach to defining the categories of “social attitudes” and “value orientations of the individual”. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and economic sciences*, 2: 8-17. (In Russ.).
- Stepin, V. S. (2009). The picture of social reality in the system of scientific knowledge (Ch. 1. Methodological prerequisites, integrative and heuristic functions). *Sociology*, 3: 8—18. (In Russ.).
- Tarasov, E. F. (1996). Intercultural communication — a new ontology of the analysis of linguistic consciousness. In: *Ethnocultural specificity of linguistic consciousness*. Moscow: Eidos. 7—22. (In Russ.).

Ufimtseva, N. V. (2016). Life as a value: the evolution of content. *Questions of psycholinguistics*, 3: 15—19. (In Russ.).

Vinokurova, U. A. (2017). Yakut values at the beginning of the 21st century. *The New Research of Tuva*, 3: 84-99. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.5>. (In Russ.).

*The article was submitted 26.01.2025;
approved after reviewing 14.07.2025;
accepted for publication 30.09.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Баженова Т. Е. Севернорусские изоглоссы на территории Среднего Поволжья / Т. Е. Баженова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 64—78. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-64-78.

Bazhenova, T. E. (2025). Northern Russian Isoglosses in Middle Volga Region. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 64-78. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-64-78. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Севернорусские изоглоссы на территории Среднего Поволжья

Баженова Татьяна Евгеньевна

orcid.org/0000-0002-4151-0686

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, культуры речи
и методики их преподавания
филологического факультета
bazhenova@pgsga.ru

Самарский государственный
социально-педагогический университет
(Самара, Россия)

Northern Russian Isoglosses in Middle Volga Region

Tatyana E. Bazhenova

orcid.org/0000-0002-4151-0686

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian,
Speech Culture and Teaching Methods,
Faculty of Philology
bazhenova@pgsga.ru

Samara State University
of Social Sciences and Education
(Samara, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается лексика Среднего Поволжья с точки зрения междиалектных соответствий. Привлекаются материалы региональных атласов и словарей, записи и наблюдения, сделанные в диалектологических экспедициях. Актуальность исследования видится в том, что на основании данных лингвогеографии можно диагностировать ряд специфических лексико-семантических характеристик вторичных говоров с северной основой на территории Среднего Поволжья. Данные фонетического уровня показывают связь средневожских говоров с северной основой не непосредственно с севернорусскими говорами, а с говорами владимирско-поволжского типа, известными своей переходностью. Приводятся факты параллелизма фонетических и лексических особенностей изучаемых и владимирско-поволжских говоров. Отмечается, что на лексическом уровне вторичных говоров во многих случаях наблюдается утрата и семантическая трансформация севернорусской лексики. Наряду с этим в отношении отдельных лексем констатируется наличие устойчивых ареалов с сохранением диалектной приуроченности за окающими говорами, сформировавшимися уже в новых условиях бытования. Сделан вывод о том, что, с одной стороны, в лексике говоров с севернорусской основой произошло ослабление генетических связей, с другой стороны, в них сложился целый ряд общих лексико-семантических особенностей в результате интеграции переселенческих говоров.

Ключевые слова:

диалект; севернорусские говоры; изоглосса; лексика; Среднее Поволжье.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the lexicon of the Middle Volga region through the lens of inter-dialectal correspondences. It draws upon materials from regional atlases and dictionaries, as well as recordings and observations made during dialectological expeditions. The relevance of this research lies in its ability to diagnose a range of specific lexical-semantic characteristics of secondary dialects with northern roots in the Middle Volga area based on linguistic geography data. Phonetic evidence indicates that the Middle Volga dialects are connected to northern roots not directly with Northern Russian dialects, but rather with Vladimir-Volga type dialects, known for their transitional nature. The paper presents evidence of parallelism in phonetic and lexical features between the studied dialects and those of the Vladimir-Volga group. It is noted that, at the lexical level, secondary dialects often exhibit loss and semantic transformation of Northern Russian vocabulary. Additionally, for certain lexemes, the presence of stable areas with preserved dialectal affiliations is observed among the dialects with okanye that have developed under new living conditions. The conclusion drawn is that, on one hand, there has been a weakening of genetic ties in the lexicon of dialects with Northern Russian roots; on the other hand, a number of common lexical-semantic features have emerged due to the integration of migrant dialects.

Key words:

dialect; Northern Russian dialects; isogloss; lexicon; Middle Volga.

УДК 811.161.1'282.2(470.42/.44)

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-64-78

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Севернорусские изоглоссы на территории Среднего Поволжья

© Баженова Т. Е., 2025

1. Введение = Introduction

Задача структурно-типологического исследования говоров периферийных территорий с целью установления, с одной стороны, закономерных взаимосвязей с традиционными говорами, с другой стороны, признаков своеобразия приобрела особую актуальность с выходом в свет диалектологических атласов русского языка и большого количества региональных словарей. В лингвогеографических источниках Среднее Поволжье рассматривается как регион со сложным лингвистическим ландшафтом, который составляют вторичные говоры различной типологии. До появления региональных поволжских атласов констатировалась невозможность установления здесь изоглосс: «Неодинаковая роль изоглосс двух намеченных типов выявляется лишь на территории более древнего расселения славян в Восточной Европе, на более восточных территориях (для русских говоров — восточнее среднего течения р. Волги) она сменяется общей неопределенностью и пестротой в территориальном распространении явлений, относящихся к любым сторонам языка» [Вопросы теории ..., 1962, с. 234]. После выхода в свет поволжских атласов [Баранникова, 2000; Зиброва и др., 2009; ЛАСГ, 2021] это мнение требует корректировки.

Имея опыт широкого охвата лексического материала во время экспедиционных обследований и картографирования, в своем исследовании мы опирались на новейшие достижения в области региональной диалектологии и лингвогеографии, среди которых главное место занимает «Лексический атлас русских народных говоров» (ЛАРНГ). Проблема типологической классификации региональных многочисленных лексических соответствий получила реальную перспективу решения благодаря выходу в свет томов «Растительный мир» и «Животный мир» ЛАРНГ.

Рассматривая говоры Среднего Поволжья, мы имеем в виду территорию среднего течения Волги, охваченную опубликованными диалектологическими атласами русского языка и региональными словарями, в которых содержатся данные о самарских, ульяновских, саратовских говорах.

Характеризуя лингвистический ландшафт Среднего Поволжья в целом, можно утверждать, что акающие говоры здесь численно преобладают и больше половины их составляют говоры среднерусские. Именно поэтому в диалектологических исследованиях севернорусским говорам с оканьем внимания уделялось меньше, чем говорам с аканьем.

Вопрос о типологии лексики говоров с севернорусской основой на материале отдельных говоров Среднего Поволжья рассматривался в научных публикациях Т. И. Мурзаевой [Мурзаева, 2021, с. 404—419], М. Д. Корольковой [Королькова, 2017, с. 76—95], Я. В. Мызниковой [Мызникова, 2017, с. 96—106; Мызникова, 2015, с. 59—71]; тематические обзоры лексики севернорусских по происхождению ульяновских говоров содержатся в статьях Е. Ф. Галушко [Галушко, 2016, с. 106—112 и др.]. В них прослеживается общая тенденция возможности установления лексических параллелей между «классическими» севернорусскими говорами и вторичными говорами с севернорусской основой в рамках отдельных тематических групп. Установление межтерриториальных соответствий на лексическом уровне позволяет углубить представление об общих закономерностях функционирования и развития диалектной лексики и о междиалектных лексических связях [Герд, 2002, с. 88].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Севернорусскими в поволжских атласах условно называют вторичные, то есть переселенческие, говоры, которые в генезисе имеют признаки сходства с владимирско-поволжским типом и по сравнению с классическими севернорусскими говорами отличаются некоторыми типопределяющими признаками (отсутствие последовательного полного оканья, заударного различия гласных, рефлексов этимологических гласных среднего подъема в ударном слоге, цоканья и др.). Так как по традиционной классификации, используемой в начале изучения говоров в Среднем Поволжье, владимирско-поволжские говоры относились к северновеликорусскому типу, в диалектологических штудиях закрепился взгляд на говоры с оканьем как на дочерние севернорусские говоры. Говоры с севернорусскими основами в Поволжье являются наиболее ранними по времени образования, поэтому между ними сложилось определенное типологическое единство, позволяющее рассматривать их в совокупности.

Всем севернорусским говорам Среднего Поволжья свойственно неполное оканье, сохраняющееся в тех условиях, которые позволяют ему устойчиво функционировать, несмотря на воздействие литературного языка. Материалы экспедиций 1970—2000 годов показывают, что в современных условиях бытования окающие говоры имеют в вокализме признаки

формирующегося акающего произношения, наряду с этим в отдельных говорах фиксируется незначительный процент полного оканья в предупредных слогах. На сегодняшний день оканье последовательно сохраняется лишь в речи архаического слоя говора.

Изоглосса оканья в правобережных районах окружает почти всю Ульяновскую область, охватывает Зеленодольский и Верхнеуслонский районы Республики Татарстан, вдается клином в глубь территории Саратовской области до 51°50' с. ш., но дальше на юг продолжения не имеет и уходит по заволжским районам на север, захватывая в основном прибрежную территорию, тянется по северным и северо-восточным районам Самарской области и вдоль границы с Татарстаном уходит дальше на восток [Баранникова, 2000, с. 33—34, карта № 3].

Из 60 населенных пунктов Ульяновской области, отраженных на картах «Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья», оканье отмечено в 55 (90 %) пунктах, то есть почти повсеместно. На территории Самарской области из числа всех обследованных населенных пунктов говоры с оканьем составляют около 42 % (69 сёл). Они располагаются в правобережных Сызранском, Шигонском, Ставропольском районах, в Заволжье — в Елховском, Кошкинском, Красноярском, Кинельском, Волжском, Приволжском, Челно-Вершинском, Шенталинском, Похвистневском районах. Основная часть севернорусских говоров на территории Саратовской области сгруппирована в правобережье Волги: в Хвалынском, Вольском, Балтайском, Саратовском, Базарно-Карабулакском, частично Петровском, Воскресенском, Татищевском, Новобураском районах; в заволжской части они бытуют в Духовницком и Балаковском районах — всего 64 нас.п.п. (приблизительно 24 % от числа всех зафиксированных говоров Саратовской области в поволжском атласе). На остальной территории они представлены островными и точечными ареалами.

Представление о говорах с севернорусской основой можно составить на основании данных поволжских атласов, мы же укажем здесь только те из типологических признаков, которые, образуя пучки изоглосс, создают очертания ареала севернорусских говоров в Среднем Поволжье.

Итак, несмотря на известную «пестроту», говоры с севернорусской основой расположены в основном в северной правобережной части региона — в Ульяновской области и в примыкающих к ней районах Самарской области, а также в приволжских районах северной части Саратовской области.

С учетом характеристик фонетических, морфологических и лексических изоглосс они образуют зону вибрации ареала владимирско-поволжских говоров в Поволжье.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Фонетические и морфологические изоглоссы говоров с владимирско-поволжской основой

Многим средневожским говорам с оканьем свойственно произношение начального *о* во втором и далее предударном слоге с усиленной лабиализацией — так называемое уканье (*утробáтывъл'и, утвоз'и́ль, уddaвáл'и*). Такое произношение фиксируется регулярно и устойчиво сохраняется, но чаще всего на фоне редукции начального гласного (*ѣбн'и́мáт, ѣddaѣ́т*). Изредка на месте *о* в абсолютном начале слова можно также наблюдать [о]: *оф'ицѣ́р, од'овáт', одновó*. Со всей очевидностью изоглосса уканья просматривается на картах «Атласа говоров Самарского края» [Зиброва и др. 2009, с. 52—53], к востоку от среднего течения Волги. Она проходит по Сызранскому, Шигонскому, Ставропольскому, Красноярскому, Кошкинскому, Волжскому, Кинельскому, Челно-Вершинскому, Сергиевскому, Похвистневскому районам Самарской области и уходит далее на восток.

На карте поволжского атласа явление отражено не полностью. Как показывают архивные материалы к X тому Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ], уканье зафиксировано в говорах Кузоватовского, Чердаклинского, Мелекесского, Старомайнского, Сенгилевского районов Ульяновской области. На сочетание оканья и уканья в говорах Ульяновской области указывали В. Ф. Барашков [Барашков, 1977, с. 13] и Е. С. Скобликова [Скобликова, 1965, с. 76], в говорах Саратовской области — Т. И. Мурзаева [Мурзаева, 2005, с. 192].

В ареале говоров с оканьем отмечены системы различия предударных гласных неверхнего подъема после мягких согласных (ёканье в широком смысле). С большей очевидностью различие гласных представлено в положении перед твердыми согласными: с'олó, т'омнó, водрó, р'екóй, бедóй, пр'амóй; менее очевидно перед мягкими согласными: (*фс'ел'ё, т'емн'ёт', в(вед)рэ, к(р'ек'ё, б'ед'н'ёй, пр'ам'ёй*). К востоку от среднего течения Волги изоглосса последовательного различия гласных после мягких согласных проходит по территории Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского и Новомалыклинского районов Ульяновской области, а также Сызранского, Шигонского, Ставропольского, Волжского, Красноярского, Кошкинского, Челно-Вершинского, Шенталинского, Кинель-Черкасского, Похвистневского районов Самарской области и уходит далее на восток. Южнее начинается зона вибрации ареала, в которой встречаются небольшие островки окающих говоров с ёканьем и еканьем, не выходящих за пределы линии, образуемой реками Чагра и Самара.

В некоторых из поволжских говоров с ёканьем на фоне обычного различия гласных зафиксированы случаи нерегулярного произношения

e вместо *ě* (*'o*) в тех словах, где в предударном слоге был этимологический *ĭ* (ять), то есть *сёло, сёла, сёлу, сёл*, но *лесок, леса, в лесу, лес*. Эти факты вариативного произношения предударных гласных среднего подъёма различной этимологии имеют лексическую закреплённость за словами особого акцентологического типа, прежде всего за существительными мужского и среднего рода с подвижным ударением, переходящим с основы на окончание во множественном числе (*лес, снег, хлеб, сено, дело, место*). Данная особенность впервые была выявлена Е. С. Скобликовой во время экспедиционных обследований говоров Кузоватовского района Ульяновской области [Скобликова, 1962, с. 113]. Аналогичные говоры зафиксированы в соседних приволжских и заволжских районах северо-западной части Самарской области в Сызранском, Ставропольском и Шигонском районах.

Ещё одна особенность говоров Среднего Поволжья — это генетическая связь севернорусских говоров и среднерусских акающих говоров и наличие у них ряда признаков генетической общности с материнскими владимирско-поволжскими говорами, которая обнаруживается в виде элементов параллелизма между системами ёканья и умеренного яканья [Баженова, 2001, с. 20—21]. Специфической особенностью самарских среднерусских акающих говоров является преобладание умеренного яканья, характеризующегося сохранением предударного **a* перед мягкими согласными (*n'am'órka*) и рефlekсами особого произношения этимологического *ĭ* (*и* или *e* перед твёрдыми согласными), то есть *с'алу́, с'алóм, с'алá*, но *б'иду́, б'идóй, б'идá*. Это проявление параллелизма между системами ёканья и умеренного яканья можно считать свидетельством единства генезиса многих вторичных среднерусских говоров с оканьем и аканьем. Данный тип умеренного яканья установлен нами в восточной части Среднего Поволжья на территории Самарской области в зоне вибрации ареала говоров с последовательным различием гласных после мягких согласных (18 сёл Безенчукского, Ставропольского, Шигонского районов) [Баженова, 2015, с. 32—33].

Сходные очертания на территории Среднего Поволжья имеют изоглоссы консонантных и морфологических явлений. Так, специфическими чертами говоров с севернорусской основой в нашем регионе являются твёрдое или полумягкое произношение *ч*, формы местоимений *онé, моé, твоé, своё, моéх, своёх* и под. и стяжённые формы глаголов настоящего времени (типа *знáт, работáт, умéт*) [Зиброва и др., 2009, с. 58, 97, 100; Баранникова, 2000, с. 46—47, 62—63]. На заволжских территориях в самарских говорах данные явления образуют пучок незамкнутых изоглосс.

3.2. Лексика севернорусских говоров на территории Среднего Поволжья

В отношении говоров с севернорусской основой сложилось мнение о слабой выраженности диалектной специфики их лексики [Мурзаева, 2021, с. 405; Мызникова, 2015, с. 70]. Если принимать во внимание разнокорневые двучленные лексические соответствия, которые, в силу их очевидности, принято рассматривать в первую очередь при общей характеристике отдельных говоров (см.: [Жуковская, 1957, с. 104]), то для говоров с севернорусской основой мы получаем такой набор типологических черт лексического уровня, который составляют в основном общеупотребительные лексемы. Так, среди севернорусских лексико-семантических особенностей, входящих в двучленные диалектные соответствия в традиционных говорах, в поволжских говорах отмечены следующие: *ухв́ат*, *кваши́ня*, *кваши́онка*, *сковоро́дник*, *ковиш*, *зы́бка*, *суя́жная*, *ля́ять*, *брэ́зговать*, *бо́льно* и *ши́бо* в значении ‘очень’.

Лексико-семантические признаки, которые, согласно структурно-типологической классификации диалектных различий [Пшеничникова, 1996, с. 61], являются определяющими для севернорусских говоров (например, *го́лбец* ‘ход в подполье’, названия ягод с суффиксами *-ёнк-* и *-янк-*: *брусёнка*, *брусянка*), в окаяющих говорах Среднего Поволжья либо не зафиксированы, либо отмечаются спорадически, хотя и с сохранением типологической приуроченности (например, севернорусские лексемы *разбо́лока́ться* ‘раздеваться’, *коку́шка* ‘кукушка’, *суслóн* ‘малая укладка снопов’, *бесё́дки* ‘вечерние собрания молодежи’ — своего рода реликты на нашей территории).

У отдельных севернорусских лексем на территории Среднего Поволжья произошло изменение семантической структуры. Например, лексема *молоти́ло*, служащая общим наименованием цепа в севернорусских говорах, отмечена в наших говорах точечными ареалами в значении ‘бьющая часть цепа’. Слово *гу́ба* ‘съедобный гриб’, которое имеет устойчивую локализацию в севернорусских говорах [ЛАРНГ-1, с. 599], в самарских говорах спорадически фиксируется как общее название съедобных и несъедобных грибов, как в среднеурусских владимирско-поволжских говорах, либо только в сочетаниях для обозначения отдельных видов, например: *дунькина гу́ба* ‘масленок’ (с. Высотино Хворостянского района), *коровья гу́ба* ‘свинушка’ (с. Муранка Шигонского района), либо в значении ‘кривое дерево’ (с. Чесноковка Кошкинского района). В последнем значении лексико-семантический дериват отмечен в СРНГ с указанием на говоры Казанского Поволжья [СРНГ, вып. 7, с. 102].

Говоры с севернорусской (владимирско-поволжской) основой на территории Среднего Поволжья характеризуются значительной усредненно-

стью лексического состава и утратой или ослаблением связи с материнскими говорами. Многие лексико-семантические признаки, в отношении которых установлена приуроченность к владимирско-поволжским говорам [Пшеничнова, с. 61—81], на территории Среднего Поволжья употребляются очень широко, в говорах с любой основой: *клев* ‘хлев’, *кóчет* ‘петух’, *крíнка* ‘сосуд с узким горлом для хранения молока’, *валёк* ‘орудие для выколачивания белья при стирке’, *гнёт* ‘жердь, скрепляющая сено на возу’, *теребить* лён и др. Севернорусское по происхождению слово *кули́га* употребляется в ульяновских, саратовских и самарских говорах, а также в оренбургских говорах как ландшафтный термин для обозначения участка земли, выделяющегося в каком-либо отношении или лишенного растительности. Как правило, *кули́га* — это микротопоним, наименование небольшой территории, имеющей границы в виде леса, густого кустарника, поля, межи. На территории Самарской области, по данным «Лексического атласа самарских говоров», лексико-семантические варианты слова *кули́га* плотного ареала не образуют и представлены более всего производными от ландшафтных терминов вариантами с общей семой ‘небольшой участок обрабатываемой земли’, используемыми в полеводстве. В современных говорах Среднего Поволжья слово *кули́га* функционирует как в окающих, так и в акающих говорах, причем в говорах южнорусских оно получает гораздо большее семантическое развитие, чем в говорах севернорусских. Однако география распространения слова *кули́га* говорит о том, что в значениях ‘полянка, небольшой участок поля, луга, занятый растениями одного вида’ и ‘место в лесу, на лугу или в поле, отличающееся от других в каком-либо отношении, например, хорошей травой, грибами, ягодами, грибное место, ягодное место’ слово используется в севернорусских и среднерусских акающих говорах, имеющих общую владимирско-поволжскую основу.

Разреженными ареалами, неустойчивыми изоглоссами характеризуются лексемы *западня́* ‘ход в подполье’, *студёно* / *студенó*, *сiверно* ‘холодно’, *мураши́* ‘муравьи’, *коромысел* ‘коромысло’ и др.

Лексические изоглоссы многочисленных диалектных соответствий могут характеризоваться диалектной приуроченностью лишь в отдельных звеньях, причем локально, на небольших территориях. Поэтому их сложно диагностировать, эмпирически можно получить случайный набор лексем. Чтобы получить устойчивый набор диалектных лексем, которые могли бы служить «эталоном типичности» для вторичных говоров с севернорусской основой, следует выявить лексические изоглоссы, включенные в один пучок с изоглоссами фонетических или морфологических явлений, характеризующихся четкой диалектной приуроченностью в рассматриваемых говорах.

Используя методику сопоставления изоглосс первого и второго типа в отношении отдельных лексем, определяющих севернорусский тип, можно констатировать наличие устойчивых ареалов с сохранением диалектной приуроченности за владимирско-поволжскими основами.

На карте «Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья» [Бараникова, 2000, с. 94—95] мы видим, что лексема *чка, очка́* ('льдина'), входящая в состав многочленного диалектного различия, зафиксирована в ареале поволжских говоров с севернорусской основой, то есть в прилегающих к Волге районах на территории всей Ульяновской области, а также на территории Самарской Луки, в центральной части Саратовской области. Ареал лексемы не имеет продолжения на юг, однако он продолжается на востоке, по левобережной территории Саратовской области, и уходит на территорию Оренбургской области. Согласно данным архива X тома ДАРЯ, лексема *чка* зафиксирована в Грачевском, Ташлинском, Переволоцком, Оренбургском и Соль-Илецком районах Оренбургской области.

На картах поволжского атласа слова *баять, калякать* 'разговаривать', *позьмо́* 'земельный надел, на котором расположены дом со всеми постройками, огородом и садом', *суя́гная* 'беременная (об овце)', *восе́йка* 'недавно' зафиксированы в окающих и акающих среднерусских говорах, имеющих признаки владимирско-поволжской основы на уровне предупредного вокализма. Плотность ареалов указанных лексем может служить свидетельством активных интеграционных процессов в генетически сходных частных диалектных системах. По данным лексического атласа Самарской области, изоглоссы лексем *у́повод* 'период работы без перерыва' [ЛАСГ, с. 47], *ну́то, ну́тце* 'ременная связующая часть цепа' [ЛАСГ, с. 33], *вопи́ть, вы́ть* 'причитать' [ЛАСГ, с. 72], *же́рздь* 'жердь, скрепляющая сено на возу' [ЛАСГ, с. 46], *напа́лок* 'ручка косы' [ЛАСГ, с. 36] также проходят в границах ареала севернорусского диалектного типа.

Ареалы типобразующих севернорусских лексем обычно бывают круговыми и разреженными. Разреженным ареалом характеризуется в говорах Среднего Поволжья лексема *ке́лья* 'вечернее собрание молодежи в помещении' — преимущественно в говорах с оканьем (приблизительно 75 % от общего количества фиксаций), реже — в среднерусских акающих говорах [Бараникова, 2000, с. 96—97].

В пределах отдельных лексико-семантических групп диалектной лексики также устанавливаются междиалектные связи с севернорусскими говорами территорий, откуда в Среднее Поволжье пришли наиболее ранние и массивные переселенческие потоки.

Так, среди наименований грибов, отмеченных изоглоссами в севернорусских говорах на картах ЛАРНГ, в самарских говорах с владимирско-по-

волжской основой зафиксированы лексемы *сосёнка* ‘маслёнок’ [ЛЯРНГ-1, с. 633—634], *берёзник*, *берёзник*, *боровик* ‘подберёзовик’ [ЛЯРНГ-1, с. 652—653], *пенёчник*, *осённый*, *луговичок* ‘опёнок’ [ЛЯРНГ-1, с. 642—643], *волжанин*, *волжанка* ‘волнушка’ [ЛЯРНГ-1, с. 616], *свиноройка* ‘свиношка’ [ЛЯРНГ-1, с. 666], *сыроега*, *синюха*, *краснушка* ‘сыроежка’ [ЛЯРНГ-1, с. 670—671].

Среди наименований муравьев широкой полосой с запада на восток по территории Ульяновской и Самарской областей проходит ареал лексемы *муравь* (*муравли* и *мурави*) ‘муравей’, который составляют преимущественно говоры с владимирско-поволжской основой (31 нас.пп. — 69 %).

В Тереньгульском районе Ульяновской и северной части Самарской областей (в Сызранском, Шигонском, Ставропольском, Красноярском, Челно-Вершинском, Кошкинском, Исакинском и др. районах) зафиксирован диалектный лексико-словообразовательный дериват *гадюга* ‘змея’, получивший распространение в севернорусском наречии (в основном в архангельских, ладого-тихвинских, костромских, вологодских, вятских говорах) и в среднерусских (владимирско-поволжская группа) [ЛЯРНГ-2, с. 593].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, главная характеристика, определяющая специфику лексики говоров с севернорусской основой на территории Среднего Поволжья, — вторичность по отношению к говорам территорий исконного русского заселения. На лингвистических картах Среднего Поволжья нельзя не отметить, с одной стороны, взаимопроникновение и взаимоналожение противопоставленных пучков изоглосс, свойственное всем территориям активного междиалектного взаимодействия, с другой стороны, с такой же регулярностью, как на исконно русских территориях, отдельные языковые особенности, прежде всего двучленные диалектные различия (оканье — аканье, твердое и мягкое *ч*, наличие и отсутствие стяжения в глагольных формах настоящего времени и др.), представлены изоглоссами с сохранением исконной диалектной приуроченности.

Характер соответствий на уровне лексики позволяет сделать вывод о том, что в переселенческих говорах также просматриваются признаки материнских, в частности владимирско-поволжских основ. Основной характеристикой лексики окающих говоров является не столько их прямое сходство с определенными говорами севернорусского наречия, сколько проявление генетического родства со среднерусскими говорами с владимирско-поволжской основой. Очевидность этих признаков проявляется

при условии системного рассмотрения на большом фактическом материале.

Учитывая переселенческий характер говоров изучаемой территории, в отношении лексем, определяющих диалектный тип, следует использовать методику сопоставления устойчивых фонетических и морфологических изоглосс, характеризующихся четкой диалектной приуроченностью, и лексических изоглосс.

Используя массивы лингвогеографических и лексикографических данных, можно констатировать наличие изоглосс целого ряда фонетических и морфологических особенностей, а также изоглосс отдельных лексем для говоров восточнее среднего течения Волги. Пока можно прибегнуть только к данным опубликованных «Лексического атласа самарских говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров» («Растительный мир» и «Животный мир»). Дальнейшее установление изоглосс диалектных лексем методом картографирования могло бы дать более полную картину лексико-семантических соответствий на территории Среднего Поволжья.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Баженова Т. Е.* Тематический словарь самарских говоров / Т. Е. Баженова. — Самара : СГСПУ, 2020. — 192 с. — ISBN 978-5-4487-0805-3.
2. *Баженова Т. Е.* Типология систем предупредного вокализма в среднерусских акающих говорах Самарской области : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. Е. Баженова. — Самара, 2001. — 16 с.
3. *Баранникова Л. И.* Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья / Л. И. Баранникова. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. — 104 с. — ISBN 5-292-02499-6.
4. ДАРЯ — *Материалы* к X тому Диалектологического атласа русского языка // Архив кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета.
5. *Зиброва Т. Ф.* Атлас говоров Самарского края / Т. Ф. Зиброва, М. Н. Барабина. — Самара : Самарский университет, 2009. — 116 с.
6. ЛАРНГ-1 — *Лексический атлас русских народных говоров.* Растительный мир. — Москва : Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — Т. 1. — 736 с.
7. ЛАРНГ-2 — *Лексический атлас русских народных говоров.* Животный мир. — Москва : Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. — Т. 2. — 768 с.
8. ЛАСГ — *Лексический атлас самарских говоров : карты и комментарии* / под ред. Т. Е. Баженовой. — Самара : Полиграфия, 2021. — 80 с.
9. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. — Москва-Ленинград, Санкт-Петербург : Наука, 1965—. — Выпуск 1—.

Литература

1. *Баженова Т. Е.* Самарские говоры в интерпретации атласов русского языка / Т. Е. Баженова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 28—37.
2. *Барашков В. Ф.* Русские говоры Ульяновской области / В. Ф. Барашков. — Ульяновск : Ульян. пед. ин-т, 1977. — 79 с.
3. *Вопросы теории лингвистической географии* / Р. И. Аванесов, С. Б. Бромлей, Л. Н. Булатова и др. ; Под ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова ; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. — Москва : Изд-во Акад. Наук СССР, 1962. — 254 с.
4. *Галушко Е. Ф.* Наименования изделий из теста в русских говорах Ульяновской области / Е. Ф. Галушко // Громовские чтения. Живое народное слово и костромской край. — Кострома : КГУ, 2016. — С. 106—112.
5. *Герд А. С.* Дialeктное членение и междialeктные связи говоров Обонежья / А. С. Герд // Аванесовский сборник : к 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. — Москва : Наука, 2002. — С. 88—84. — ISBN 5-02-006389-4.
6. *Жуковская Л. П.* Типы лексических различий в диалектах русского языка / Л. П. Жуковская // Вопросы языкознания. — 1957. — № 3. — С. 102—111.
7. *Зиброва Т. Ф.* О типологии самарских позднепереселенческих окающих говоров (по материалам регионального атласа) / Т. Ф. Зиброва // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2016. — С. 220—226.
8. *Мурзаева Т. И.* Дialeктная лексика в современных говорах Саратовской области с севернорусской основой / Т. И. Мурзаева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021. — С. 404—419.
9. *Мурзаева Т. И.* Из истории классификации говоров Саратовской области / Т. И. Мурзаева // Русская устная речь. — Саратов : Амирит, 2016. — Выпуск 2. — С. 180—186.
10. *Мурзаева Т. И.* Владимирско-поволжские говоры Саратовской области в их современном состоянии / Т. И. Мурзаева // Язык и общество в синхронии и диахронии. — Саратов : Научная книга, 2005. — С. 191—197.
11. *Королькова М. Д.* Наименования сруба и способов соединения бревен : сопоставительный анализ данных присурского Поволжья и севернорусских говоров / М. Д. Королькова // Севернорусские говоры. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — С. 76—95.
12. *Мызникова Я. В.* Левобережные говоры Ульяновской области как маргинальный ареал севернорусского континуума / Я. В. Мызникова // Севернорусские говоры. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2015. — Выпуск 14. — С. 59—71.
13. *Мызникова Я. В.* Севернорусский компонент в рыболовецкой лексике русских говоров Ульяновской области / Я. В. Мызникова // Севернорусские говоры. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — Выпуск 16. — С. 96—106.
14. *Пшеничникова Н. Н.* Типология русских говоров / Н. Н. Пшеничникова. — Москва : Наука, 1996. — 208 с.
15. *Скобликова Е. С.* К вопросу об особенностях безударного вокализма владимирско-поволжских говоров / Е. С. Скобликова // Вопросы русской диалектологии. — Куйбышев : [б. и.], 1965. — С. 72—88.
16. *Скобликова Е. С.* О судьбе этимологического *h* в первом предупредном слоге перед твёрдым согласным в говорах владимирско-поволжской группы / Е. С. Скобликова

ва // Материалы и исследования по русской диалектологии. — Москва : ИРЯ АН СССР, 1962. — Т. III. — С. 112—120.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025,
одобрена после рецензирования 12.09.2025,
подготовлена к публикации 04.10.2025.

Material resources

- Barannikova, L. I. (2000). *Atlas of dialects of the Middle and Lower Volga region*. Saratov: Sarat Publishing House. Univ. 104 p. ISBN 5-292-02499-6. (In Russ.).
- Bazhenova, T. E. (2001). *Typology of pre-percussive vocalism systems in the Central Russian dialects of the Samara region*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 16 p. (In Russ.).
- Bazhenova, T. E. (2020). *Thematic dictionary of Samara dialects*. Samara: SSPU. 192 p. ISBN 978-5-4487-0805-3. (In Russ.).
- DARYA — Materials for Volume X of the Dialectological Atlas of the Russian Language. In: *Archive of the Department of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Teaching them, Samara State Social and Pedagogical University*. (In Russ.).
- LARNG-1 — *Lexical atlas of Russian folk dialects. The plant world, 1*. (2017). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 736 p. (In Russ.).
- LARNG-2 — *Lexical atlas of Russian folk dialects. The animal world, 2*. (2022). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 768 p. (In Russ.).
- LASG — Bazhenova, T. E. (ed.). (2021). *Lexical atlas of Samara dialects: maps and comments*. Samara: Polygrafiya Publ. 80 p. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Kuznetsova, O. D. (eds.). (1965—). *Dictionary of Russian folk dialects, 1—*. Moscow-Leningrad, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.).
- Zibrova, T. F., Barabina, M. N. (2009). *Atlas of dialects of the Samara region*. Samara: Samara University. 116 p. (In Russ.).

References

- Avanesova, R. I. (ed.). (1962). *Questions of the theory of linguistic geography*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. Sciences of the USSR. 254 p. (In Russ.).
- Barashkov, V. F. (1977). *Russian dialects of the Ulyanovsk region*. Ulyanovsk: Ulyanovsk Pedagogical Institute. 79 p. (In Russ.).
- Bazhenova, T. E. (2017). Presentational Vocabulary of Samara Dialects. *Nauchnyy dialog, 1*: 9—21. (In Russ.).
- Galushko, E. F. (2016). Names of dough products in Russian dialects of the Ulyanovsk region. In: *Gromov readings. Zhivoe narodnoe slovo and Kostroma region*. Kostroma: KSU. 106—112. (In Russ.).
- Gerd, A. S. (2002). Dialect division and dialect connections of the Obonezhye dialects. In: *Avanesovsky collection: to the 100th anniversary of the birth of the member-cor.* Moscow: Nauka Publ. 88—84. ISBN 5-02-006389-4. (In Russ.).
- Korolkova, M. D. (2017). Names of log cabins and methods of connecting logs: a comparative analysis of data from the Amur Volga region and Northern Russian dialects. In: *Northern Russian dialects*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 76—95. (In Russ.).
- Murzaeva, T. I. (2005). Vladimir-Volga dialects of the Saratov region in their current state. In: *Language and society in synchrony and diachrony*. Saratov: Scientific Book. 191—197. (In Russ.).

- Murzaeva, T. I. (2016). From the history of the classification of dialects of the Saratov region. In: *Russian oral speech*, 2. Saratov: Amirit. 180—186. (In Russ.).
- Murzaeva, T. I. (2021). Dialect vocabulary in modern dialects of Saratov region regions with a Northern Russian base. In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2021*. St. Petersburg: OR RAS. 404—419. (In Russ.).
- Myznikova, Ya. V. (2015). The left-bank dialects of the Ulyanovsk region as a marginal area of the Northern Russian continuum. In: *Northern Russian dialects*, 14. St. Petersburg: OR RAS. 59—71. (In Russ.).
- Myznikova, Ya. V. (2017). The Northern Russian component in the fishing vocabulary of Russian dialects of the Ulyanovsk region. In: *Northern Russian dialects*, 16. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 96—106. (In Russ.).
- Pshenichnova, N. N. (1996). *Typology of Russian dialects*. Moscow: Nauka Publ. 208 p. (In Russ.).
- Skoblikova, E. S. (1962). On the fate of the etymological h in the first pre-stressed syllable before a hard consonant in the dialects of the Vladimir-Volga group. In: *Materials and research on Russian dialectology, III*. Moscow: IRYA Academy of Sciences of the USSR. 112—120. (In Russ.).
- Skoblikova, E. S. (1965). On the question of the peculiarities of unstressed vocalism of the Vladimir-Volga dialects. In: *Questions of Russian dialectology*. Kuibyshev: [b. i.]. 72—88. (In Russ.).
- Zhukovskaya, L. P. (1957). Types of lexical differences in dialects of the Russian language. *Questions of linguistics*, 3: 102—111. (In Russ.).
- Zibrova, T. F. (2016). On the typology of Samara late-settlement dialects (based on the materials of the regional atlas). In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2016*. St. Petersburg: OR RAS. 220—226. (In Russ.).

*The article was submitted 13.05.2025;
approved after reviewing 12.09.2025;
accepted for publication 04.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Горячева М. А. Карельский язык в сфере периодической печати : динамика функционирования как отражение изменений языковой идеологии и политики в XX—XXI веках / М. А. Горячева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 79—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-79-100.

Goryacheva, M. A. (2025). Karelian Language in Periodical Press: Dynamics of Functioning as a Reflection of Shifts in Language Ideology and Policy in 20th–21st Centuries. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 79–100. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-79-100. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Карельский язык в сфере периодической печати: динамика функционирования как отражение изменений языковой идеологии и политики в XX—XXI веках

Горячева Мария Александровна

orcid.org/0000-0002-3169-7811

кандидат филологических наук,

Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям
goryacheva@iling-ran.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Karelian Language in Periodical Press: Dynamics of Functioning as a Reflection of Shifts in Language Ideology and Policy in 20th–21st Centuries

Maria A. Goryacheva

orcid.org/0000-0002-3169-7811

PhD in Philology,

Research Center
for National Language Relation
goryacheva@iling-ran.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме влияния языковой идеологии на функциональную мощьность языка. Проведено исследование по изучению динамики функционирования карельского языка в сфере периодической печати в контексте изменений языковой идеологии в XX—XXI веках. Собран и проанализирован обширный пласт статистического материала из официальных источников (число изданий и годовые тиражи газет и журналов на карельском языке). В качестве материала привлекались также исторические факты, документы, тексты законов, цитаты политических деятелей и др. В результате исследования были выявлены факторы, тормозящие развитие карельского языка и его функционирование, в том числе в сфере периодической печати. Среди факторов названы неоднократно прерванная письменная традиция, серьезные диалектные различия, непоследовательность языковой идеологии применительно к проблеме создания единого карельского языка, частая смена политической парадигмы применительно к карельскому языку и его соотношению с финским языком в выбранный период, законодательные ограничения, не позволяющие получить статус государственного из-за латинской графической основы, и ряд других. Новизна исследования видится в использовании авторской разработки «индекса периодики» при анализе статистических данных.

Ключевые слова:

диахроническая социолингвистика; языковая идеология; языковая ситуация; коммуникативные сферы; периодическая печать; карельский язык; Республика Карелия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the impact of language ideology on the functional capacity of a minority language. We present a study investigating the dynamics of Karelian language use in the periodical press against the backdrop of evolving language ideologies throughout the 20th and 21st centuries. The research is based on an extensive analysis of statistical data from official sources, including the number of periodicals and their annual circulation figures in the Karelian language. The study also draws on historical evidence, legal documents, public statements by political figures, and other relevant texts. Our findings identify a complex of factors that have historically impeded the development and functional use of Karelian, particularly in the domain of periodical publishing. These factors include a repeatedly interrupted written tradition, significant dialectal fragmentation, inconsistent language ideology regarding the establishment of a unified standard for Karelian, frequent shifts in the political paradigm concerning the status of Karelian and its relationship with the Finnish language during the period under review, and legislative barriers — such as those related to the use of the Latin script — that precluded its attainment of official state language status. A novel aspect of this research is the application of an original metric, the “Periodical Press Index,” for the analysis of the statistical data.

Key words:

diachronic sociolinguistics; language ideology; language situation; communicative domains; periodical press; the Karelian language; Republic of Karelia.

УДК 811.351.42'272

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-79-100

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Карельский язык в сфере периодической печати: динамика функционирования как отражение изменений языковой идеологии и политики в XX—XXI веках

© Горячева М. А., 2025

1. Введение = Introduction

Статья посвящена изучению динамики функционирования карельского языка в сфере периодической печати в контексте изменений, происходящих в языковой идеологии. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, актуальностью самой темы — языковая идеология — в диахроническом аспекте и, с другой стороны, важностью обращения к материалу функционирования именно карельского языка.

Коммуникативная мощность языка складывается из репертуара коммуникативных сфер, в которых язык функционирует, а также из объема его представленности в каждой из этих сфер. Безусловно, функционирование языка в сфере СМИ (в частности, в периодической печати) имеет большое значение для поддержания его витальности. Сфера СМИ по своей важности для сохранения и развития языков сопоставима лишь со сферой образования и требует пристального внимания [Горячева, 2016].

По результатам социолингвистического исследования, проведенного в ряде регионов Российской Федерации Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Российской академии наук, был выделен ряд моделей развития языков (об этом на примере чеченского языка см.: [Биткеева и др., 2024]). Карельский язык относится к нестабильному типу развития, поэтому исследования, направленные на изучение факторов, влияющих на его коммуникативную мощность, представляются актуальными и необходимыми. Это объясняется, прежде всего, историей формирования литературного карельского языка, а также рядом лингвистических и экстралингвистических, в том числе юридических и геополитических причин. Помимо прерванной письменной традиции и сильного диалектного членения на функционирование карельского языка повлиял и такой фактор, как тип графической основы письменности, который сле-

дует рассматривать в контексте его юридического статуса. Были в истории республики и период «финнизации», и разработка варианта письменности на кириллической графической основе. Всё это в той или иной степени нашло отражение в сфере периодической печати.

Новизна проведенного в статье исследования заключается в сочетании методик измерения коммуникативной мощности языка в сфере периодики и принципов интерпретации данных сквозь призму изменения языковой идеологии (как системы представлений о языке, его разновидностях, роли языка в обществе и др.) и, соответственно, языковой политики (как являющейся следствием языковой идеологии деятельности государственных и общественных институтов). Подробный обзор различных пониманий термина *языковая идеология* приведен в статье Кэтрин А. Вуллард [Woolard, 1992]. Также новым вкладом в социолингвистическое изучение карельского языка является широта выбранного хронологического диапазона, что позволяет представить ситуацию в динамике, уточнить специфику функционирования языка в выбранной сфере и определить факторы, тормозящие повышение его коммуникативной мощности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Используемый при проведении исследования материал достаточно широк. Прежде всего, это статистические сведения: газетная и журнальная печатная продукция анализировалась на основе ряда выпусков статистических сборников «Печать СССР» и «Печать Российской Федерации», а также других ежегодных статистических сборников и бюллетеней. С 2010 года статистический сборник «Печать Российской Федерации» не выпускается в печатном виде: его таблицы были перенесены сначала на сайт Российской книжной палаты [Российская книжная палата], потом на сайт Российской государственной библиотеки [Статистика печати]. Для выявления специфики функционирования карельского языка в периодической печати подсчеты на основе этих данных сопоставляются с общей ситуацией в сфере периодической печати. При работе над статистикой привлекались также лингводемографические данные переписей населения, законы и подзаконные акты в различных сферах жизни страны (социальной, экономической, политической). При изучении специфики развития письменности на карельском языке привлекались основные издания, характеризующие этапы ее развития (например, букварь), а также информация об этом в справочной и научной литературе. Научные статьи лингвистов, социолингвистов и историков также стали источником как теоретических (например, модели развития языков), так и фактических (результаты опросов, статистические выкладки и др.) сведений.

Выбранные методы анализа статистических исследований включают в себя статистическое наблюдение, сводку и группировку данных, анализ абсолютных и относительных величин, анализ рядов динамики, что позволяет собирать, обрабатывать и анализировать данные для выявления закономерностей и прогнозирования их динамики. Также учитывается ряд экстралингвистических факторов: статистические и фактические данные анализируются в статье в контексте динамики идеологических установок в СССР и в РФ.

Ранее нами была проанализирована динамика функционирования русского языка и республиканских государственных языков Российской Федерации в сфере периодической печати 1970—2021 годов [Горячева, 2022]. Это позволило провести периодизацию и выявить основные тенденции развития государственных языков республик РФ в данной коммуникативной сфере, а также наметить возможную динамику ее развития. Карельский же язык по ряду причин требует особого подхода. Это объясняется прежде всего историей формирования литературного карельского языка, а также рядом лингвистических и экстралингвистических, в том числе юридических и геополитических причин. Апробация части исследования была проведена в виде выступления с докладом на конференции в 2024 году.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лингвистический фактор: роль специфики диалектного членения карельского языка в развитии письменного языка, в том числе в сфере периодики

Выделяются три основных наречия карельского языка с достаточно четко очерченными ареалами распространения:

— собственно-карельское: карелы, проживающие в средней и северной части Карелии, а также валдайские (новгородские), тверские и тихвинские карелы (его ареал близок к восточным диалектам финского языка, и именно этот фактор, а также приграничное с Финляндией территориальное расположение оказали существенное влияние на траекторию развития литературного карельского языка); иногда отдельно выделяют и тверское наречие;

— людиковское: вдоль западного побережья Онежского озера (южные соседи — вепсы, язык которых оказывал на него влияние);

— ливвиковское (или олонецкое): карелы, проживающие на остальной территории Олонецкого перешейка у восточного берега Ладоги.

Подробное грамматическое описание карельского языка можно найти в целом ряде русскоязычных и иностранных работ, например: [Зайков, 1999; Ковалёва и др., 2011; Novak et al., 2022 и др.]. Различия между наре-

чиями достаточно велики, в особенности это касается людиковского наречия [Ковалева, 2016]. Всё это значительно осложняло создание единой для карельского народа письменности, а также ее распространение.

Как будет показано ниже, на протяжении изучаемого периода многократно менялись точки зрения и решения относительно мер поддержки единого литературного карельского языка и его диалектов, выработать единое мнение не удавалось. В июне 2009 года в резолюции VI съезда карелов вопрос развития единого литературного карельского языка был обозначен как приоритетное направление деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, национальных общественных объединений карелов, термино-орфографической комиссии. При этом заявлялось: «Все мероприятия направлены на безусловное сохранение всех наречий и говоров карельского языка, но в то же время мы стремимся к их объединению и созданию литературного языка» [Богданова, 2009]. Единый язык рассматривался как средство для сплочения карел по всему миру, в частности проживающих в Казахстане. На сайте karelia.ru в комментариях под статьей «Карельский язык, письменность, литература» и другими статьями ведутся дискуссии пользователей на эту тему. Например, пользователь Г. И. Светлов высказывается довольно остро: «Если в качестве литературного будет выбран ливвиковский, то, извините, масса собственно карел просто перестанут быть карелами. Касательно себя и участников языкового клуба в СПб могу уверенно сказать, что после это мы переходим только на финский язык» [Богданова, 2009, комментарии]. Анализ инфополя, сформировавшегося вокруг этой темы, показал, что проблема соотношения и баланса развития литературного языка и диалектных вариантов является весьма острой, а споры о едином литературном языке не утихают до сих пор. Роль коммуникативных сфер СМИ в процессе развития и укрепления как единого литературного, так и диалектных вариантов письменного карельского языка чрезвычайно высока. Попутно следует отметить, что во время опроса 2024 года большинство участвующих в нем карел ответили, что оценивают будущее своего языка «с тревогой» и «с отчаянием» [Кириленко, 2024, с. 575].

3.2. Юридический фактор: специфика графической системы карельского языка; письменная традиция

Помимо прерванной письменной традиции и сильного диалектного членения, а также частой смены национально-языковой политики, на функционирование карельского языка повлиял и такой фактор, как тип графической основы письменности. Карельский язык не является республиканским государственным, в том числе по причине, носящей экстралингвистический характер. В этом случае на него не распространяется

требование федерального закона об использовании кириллицы в государственных языках народов России и не создается прецедент: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы». При этом «иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами» (Ст. 3 п. 6) [Закон о языках..., ред. от 2023]. В 2004 году был принят закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», где установлены сферы применения языка, в число которых включены СМИ [Закон РК «О государственной поддержке... 2004]. В статье М. В. Дьяконовой приводится подробный обзор целевых программ, направленных на сохранение и развитие карельского языка [Дьяконова, 2016].

Письменная традиция карельского языка является неоднократно прерванной, поэтому он считается новописьменным.

Основные этапы письменной традиции карельского языка следующие:

- 1) первый письменный текст — XII—XIII века;
- 2) первая азбука — XVI век;
- 3) отдельные записи — XVII — начало XVIII века;
- 4) первые печатные издания — с 1-й половины XIX века (Евангелие от Матфея на карельском наречии);
- 5) алфавит Д. В. Бубриха на основе кириллицы — 1937 год;
- 6) письменность на основе латиницы — 1989 год (на базе ливвиковского наречия).

В 2007 году был утверждён новый алфавит карельского языка, единый для всех наречий (латиница с добавлением дополнительных букв). При этом появляются вариации алфавита, ориентированные на отдельные наречия. В следующем подразделе будет наглядно показано на примере коммуникативной сферы периодики, как отрицательно влияла на развитие письменного карельского языка постоянная смена курса языковой идеологии и политики в отношении его.

3.3. Диахронический очерк развития карельской периодики в контексте языковой идеологии

3.3.1. Дореволюционный период

До революции был издан ряд книг и брошюр на карельском языке. С конца XIX века начали открываться школы для карельских детей и издаваться учебные пособия и словари (например, букварь «Родное карельское» 1887 года). Для этого использовалась кириллическая графическая основа в нескольких вариациях.

В издании «Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году» (в том числе периодической) ни карельский, ни финский языки не упоминаются [Статистика... в 1913 году, 1915]. Об этом же свидетельствует и сравнительная таблица «Книги СССР в 1938 году по языкам в сопоставлении с 1913 года» [Культурное строительство ..., 1940], где сравниваются 1913 и 1938 годы: на карельском языке печатной продукции в 1913 году «не было», на финском было одно книжное издание тиражом 10 тыс. экз.

3.3.2. Советский период

Из всех республик РФ именно Карелия, пожалуй, имеет за плечами наиболее богатый опыт смены административно-территориальных образований, что не только является отражением корректировок идеологических курсов относительно неё, но и объясняется ее приграничным положением. Для наглядности приведем названия административных образований с 1920 по 2025 годы списком в хронологическом порядке:

- 1) Карельская трудовая коммуна — с 8 июня 1920 по 25 июля 1923 года;
- 2) Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика — с 25 июля 1923 по 5 декабря 1936 года;
- 3) Карельский национальный округ в составе Калининской обл. — с 9 июля 1937 по 7 февраля 1939 года;
- 4) Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика — с 5 декабря 1936 по 31 марта 1940 и с 16 июля 1956 по 13 ноября 1991 года;
- 5) Карело-Финская Советская Социалистическая Республика — с 31 марта 1940 по 16 июля 1956 года;
- 6) Республика Карелия — с 13 ноября 1991 года.

Итак, Карельская трудовая коммуна существовала с 1920 по 1923 годы. Ее создание отвечало задачам идеологии того периода, которая держала курс на мировую революцию. При этом на фоне общей языковой политики «коренизации» ситуация с карельским языком имела свою специфику. Главный идеолог создания коммуны Эдвард Гюллинг был финном, и языковая политика была сориентирована на финский язык как язык для карел — так называемая «принудительная финнизация» во всех сферах, в том числе и в периодической печати. В 1920 году стала издаваться газета на финском языке — «Karjalan kommuuni» (Карьялан коммунни). С 1923 года она стала называться «Karjalan Sanomat» («Карьялан Саномат»). Н. В. Чикина отмечает, что эта газета имела общественно-политическую направленность [Чикина, 2020, с. 105].

С начала 1920 годов карельским языком активно занимался Дмитрий Владимирович Бубрих. Велись исследования языка тверских карелов, про-

живавших на территории современной Тверской области с XVI века. Попытке создания карельской письменности в 30-е годы XX века в Тверской области посвящена статья А. Н. Рунтовой [Рунтова, 2020].

В июле 1923 года коммуна была преобразована в Автономную Карельскую Социалистическую Советскую республику.

В постановлениях 1929 года было предложено ускорить введение финского языка в школах, пунктах ликбеза, предписано использовать его в деятельности партийных органов и т. д. Председатель ЦИК республики Александр Нуортева писал в рецензии на учебник карельского языка учителя Кузьмина из Новгородской области: «Если отдел считает, что для карел вне Карельской АССР всё же нужно составлять особую азбуку, то мне кажется, что придётся составлять особую азбуку для каждого отдельного района... нет смысла огорода городить, а нужно взять за основу литературный финский язык» [Цит. по: Карельский перешеек].

В начале 1930-х годов издавалось шесть районных газет на финском языке, три районные газеты выходили параллельно на русском и финском языках.

В этот период карельский язык в общесоюзных статистических сборниках представлен двумя языками: как «карельский тверской» и «финно-карельский». Приводятся данные по выпуску книжной продукции: на карельском тверском в 1933 году было издано 11 наименований тиражом 361 тыс. экз., в 1934 году — 5 наименований тиражом 109 тыс. экз.; на финно-карельском в 1933 году — 261 наименование, в 1934 — 262 наименования тиражами 5613 и 5062 тыс. экз. соответственно [Печать СССР в 1934 году ..., табл. III, с. 31].

В конце 1920-х — начале 1930-х годов в республике значительно оживилось литературное движение, работала Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП) с финским и русским отделениями. Журналы на русском и финском языках были важнейшей частью литературно-художественной жизни республики. Так, в 1928 году начал выходить журнал «Punakantele» («Красное кантеле») на финском языке, сначала как приложение к газете «Punainen Karjala» («Красная Карелия»). Сейчас это литературный журнал «Carelia» («Карелия»), который издается два раза в год на финском языке.

Согласно статистическим сведениям, на «карельском (тверском)» языке в 1928—1931 годах журналов не издавалось, а в 1932 году было издано 3 наименования общим годовым тиражом 52,9 тыс. печатных листов. На «финно-карельском» в 1928 году издавалось 5 наименований журналов, в 1929 году — 8, в 1931 году — 12, в 1932 году — 17 наименований всё увеличивающимися тиражами (в 1932 году — 1859,4 тыс. печатных листов) [Печать СССР в 1934 году ..., табл. III, с. 31].

По газетной продукции в качестве примера приведем статистические данные за 1932 год [Там же]. На «карело-тверском» языке издавалось 2 газеты числом номеров 197 в год, а на «финно-карельском» языке — 12 газет числом номеров 1059 в год; тиражи, к сожалению, не указаны.

1 марта 1930 года в Комиссии по делам национальностей Наркомпроса РСФСР состоялось совещание по вопросу о национальной письменности для карел тверского округа. На нём с докладом выступил Дмитрий Владимирович Бубрих, который подчеркнул необходимость создания собственной письменности для тверских карел без заимствования «карело-финского» языка. Разгорелась «война языков». Как писал Д. В. Бубрих, это была борьба двух идеологий за Карелию, её лесные богатства и полезные ископаемые. Ссылаясь на языковое родство финнов и карел, руководство республики проводило общую «с заграничной буржуазией» политику создания «Великой Финляндии» [Цит. по: Карельский перешеек]. В республике поднялись голоса против создания единого карельского языка. В феврале 1933 года Президиум ВЦИК признал нецелесообразность перехода Карельской АССР от финского языка к карельскому.

Итак, в начале 1930-х годов для тверских карел была создана письменность на основе латинизированного карельского алфавита (автор — Александра Алексеевна Милорадова), начали издаваться учебники и газеты.

24 февраля 1931 года вышел первый номер карельской газеты «Kolhozoin puoleh» («За колхозы»). Ее редактором был советский филолог Алексей Антонович Беляков, один из основоположников литературного карельского языка и карельской письменности. Помимо таких тем, как коллективизация, организация колхозного дела, в газете много места уделялось проблемам карелизации, печатались алфавиты и примеры карельских слов, а в дальнейшем издавалось и бесплатное приложение с обучающими материалами. Газета просуществовала до 1933 года [Подробнее: Рунтова, 2020].

В 1937 году был создан Карельский национальный округ, причем карел там было больше, чем в КАССР.

С 25 июля 1937 года выходила в свет газета «Karielan toži» (Карельская правда) на русском и карельском языках. Ее редактором был И. Лебедев. Также издавалась газета «За коммунизм».

Если посмотреть статистические данные за 1938 год, то в них отражены сведения по 6-ти газетам на карельском языке общим годовым тиражом 1768 тыс. экз., а также по 4-м газетам на финском языке общим годовым тиражом 1024 тыс. экз.

В 1938 году на карельском языке на основе кириллической графики выпускался художественный журнал «Карелия», к тому времени уже дважды

сменивший название («Красное кантеле» и «Фронт» после объединения с журналом «Soihtu» «Факел»). Его издание столкнулось с чисто техническими сложностями, прежде всего с нехваткой специалистов. В третьем номере журнала был опубликован русско-карельский словарь из 639 слов, то есть журнал выполнял и учебно-просветительскую функцию. Он существовал до 1940 года, после чего вновь поменял название и язык.

В 1938 году языковые активисты были обвинены в создании антисоветской националистической организации, они проходили по так называемому «карельскому делу» (подробнее см.: [Карельское дело, 1991]), и в феврале 1939 года Карельский национальный округ был ликвидирован. Это соответствовало проводимой в стране идеологической линии на централизацию и на повышение роли русского языка, в которую письменность на «буржуазной» латинице не вписывалась.

Примерно тогда же, в 1936 году, «красные финны» были обвинены в «буржуазном национализме» и «профинляндской ориентации». На смену Автономной Карельской Социалистической Советской Республике пришла Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика, и языковая политика поменяла курс. В 1937 финноязычная газета «Красная Карелия» была закрыта.

В 1937 году профессором Д. В. Бубрихом была разработана междialekтная норма единого карельского языка и карельская письменность на основе кириллицы, графически адаптированная для всех диалектов, подробнее см.: [Евсеева, 2020].

В 1940 году, когда Карельская АССР после мирного договора с Финляндией была преобразована в Карело-Финскую АССР и всё обучение в школах было переведено на финский язык, письменная традиция карельского языка оказалась прерванной. Так, вместо журнала на карельском языке вновь появился журнал на финском языке «Punalippu» («Красное знамя»), который сейчас носит название «Carelia». С 1941 по 1944 годы большая часть Карело-Финской ССР (Восточная Карелия) была оккупирована. Русское население называли «непривилегированным», его значительная часть была переселена в лагерь с тяжелейшими условиями жизни, финно-угорская же его часть была подвергнута мощной пропаганде. Газета «Vapaa Karelia» («Свободная Карелия»), издававшаяся на финском языке раз в неделю, стала органом Военного Управления Восточной Карелии. Ее первый номер вышел в августе 1941 года тиражом в 5 тыс. экземпляров, к концу года тираж достиг уже 10 тыс. экз., а с 1943 года — 11 700 экз. С 1942 года стала издаваться газета «Paatanen Viesti» («Паданские вести»), также на финском языке. Идеология этих газет состояла в принижении русских и пропаганде идеи «Великой Финляндии». На русском языке

в 1942 и 1943 годах издавалась для военнопленных газета «Северное слово», в которой публиковались приложения для гражданского населения. Ее материалы также носили пропагандистский и антисоветский характер [Веригин, 2017, с. 26—42].

Как видно из приведенного обзора, на создание и развитие письменного карельского языка сильное влияние оказывала смена политического курса в отношении приграничной Карелии и тверского анклава проживания карел.

В 1950—80-е годы в сфере периодической печати функционировал финский язык. Так, в 1950-х годах издавалось три газеты на финском языке (в 1954 году — даже четыре) общим годовым тиражом 6—7 тыс. экз. [Выпуск газетной продукции ...].

В конце 1980-х — начале 1990-х годов языковая идеология формировалась под влиянием распада СССР и процессов национального возрождения. В области языковой политики большое внимание уделялось сохранению и развитию языкового разнообразия, поддержке национальных культур и языков. В 1991 году был принят Закон о языках. В 1989 году был утвержден алфавит карельского языка, то есть начала возрождаться его письменная традиция. Карельская письменность была воссоздана на латинской графической основе в двух вариантах: для северного (карельского) и для ливвиковского диалектов. Оба они функционируют в настоящее время в основных коммуникативных сферах (на основе единого алфавита с некоторыми вариациями).

3.3.3. Современный период

Теперь взглянем на современное состояние периодики на карельском языке (табл. 1, табл. 2, рис. 1, рис. 2).

В статистических сборниках «Печать Российской Федерации» в таблице по газетной продукции строчка с карельским языком появляется в конце 1990-х годов. Так, в 1999 году в сборнике нашла отражение информация по трем наименованиям газет общим годовым тиражом 249 тыс. экземпляров. График достаточно нестабилен, но, несмотря на увеличение числа наименований, тиражи в целом сокращаются, впрочем, почти выйдя в 2023 году на показатели 1999 года: четыре наименования газет были изданы годовым тиражом 235,7 тыс. экземпляров. Хотя, если сравнивать с 1938 годом, когда шесть газет на карельском языке издавались общим годовым тиражом 1768 тыс. экз., то видно, что современные тиражи упали в семь раз.

Динамика показателей газетной продукции на карельском языке наглядно представлена на графиках (рис. 1).

В газетах в той или иной степени представлены всех три наречия карельского языка. Так, еженедельная газета «Oma maa» («Родная земля»)

Таблица 1

Динамика статистических показателей газетной продукции
на карельском языке за 25 лет

Год издания газетной продукции	Число изданий	Число номеров	Ср. разовый тираж, т. экз.	Общий годовой тираж, т. экз.
1999	3	114	5	249
2002	1	45		176
2003	2	58	2	41
2009	4	83	2,5	56,3
2012	3	77	2,3	54,1
2013	2	91	1,4	63,7
2014	4	52	2,8	29,8
2017	3	151	5,3	272
2021	4	174	4,6	218,3
2022	3	160	3,5	188,2
2023	4	252	4	235,7
2024	4	233	3,50	200,7

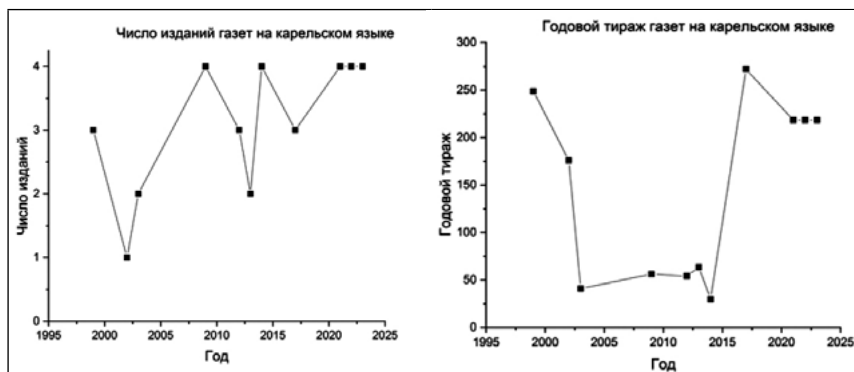

Рис. 1. Число изданий и годовой тираж газет
на карельском языке в 1995—2025 годах

с 1990 года издается на ливвиковском и собственно карельском диалектах. В этой газете создательница алфавита на ливвиковском наречии Л. Ф. Маркианова вела просветительскую рубрику. Также полосы на едином карельском языке или на одном из диалектов есть и в районных газетах. С 1990 по 2013 годы в Петрозаводске издавалась газета на «собственно карельском наречии» «Vienan Karjala» (Беломорская Карелия), с 2013 года объ-

единенная с газетой «Oma tuu». «Положительным в этом событии стало не только увеличение объема издания до 12 страниц, но и то, что, несмотря на диалектные различия, читатели в рамках одного издания смогут привыкнуть читать на них, осознавая их в качестве единого карельского языка» [Чикина, 2020, с. 107].

Обратимся к журнальной продукции (табл. 2, рис 2).

Только в 2010-х годах в таблицы по журналам статистических сборников «Печать Российской Федерации» вернулась строчка с карельским языком.

Таблица 2

Динамика статистических показателей журнальной продукции на карельском языке за 25 лет

Год издания журнальной продукции	Число изданий	Число номеров	Ср. разовый тираж, т. экз.	Общий годовой тираж, т. экз.
2012	1	10	0,7	6,6
2013	1	14	1	14,6
2014	1	12	1,3	15,3
2017	1	12	1,2	14,6
2021	2	16	1,5	14,1
2022	2	16	1,4	14,2
2023	2	16	1,4	14,2
2024	2	16	1,40	14.20

Динамика показателей журнальной продукции на карельском языке представлена на рис. 2.

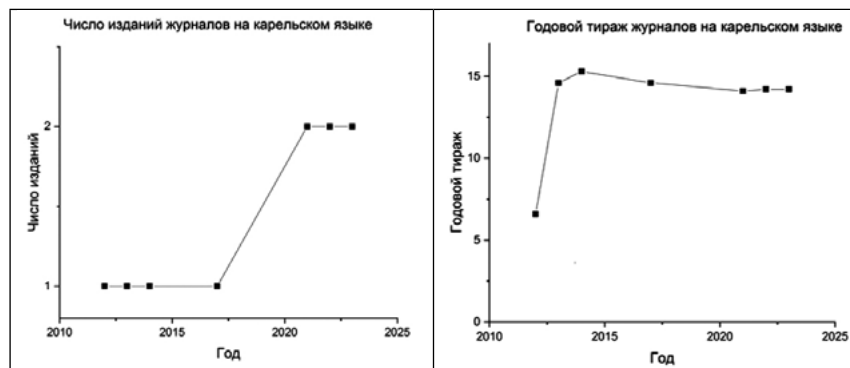

Рис. 2. Число изданий и годовой тираж журналов на карельском языке в 2010—2025 годы

Как видно из таблицы, в 2012 году издавался один журнал тиражом 6,6 тыс. экземпляров, потом к нему присоединился еще один журнал, удвоив, таким образом, показатели тиражей, которые к настоящему времени довольно стабильны.

Продолжает издаваться финноязычный журнал «Карелия», отдельные материалы в котором печатаются на карельском языке, а также детский иллюстрированный литературно-художественный журнал *Kirinä* (фин. — «Искорка»), у которого есть отдельные выпуски на карельском, финском и вепском языках. Также ежегодно выпускается литературно-художественный альманах «Taival» («Путь») на карельском языке.

Если обратиться к показателям, отражающим динамику функционирования всех используемых в сфере периодики языков (это ряд графиков в работе [Горячева, 2022]), то из их сравнения с динамикой по карельскому языку можно сделать следующие наблюдения. Во-первых, статистика по всем языкам показывает два серьезных спада всех показателей, связанных с изменением законодательства в области экономики, а именно — с повышением НДС в начале 2000-х годов и отменой в 2013 году государственной дотации на доставку подписных изданий. Первое обстоятельство на числе тиражей газет на карельском языке отразилось серьезно (в 2002 году тираж газет составлял 176 тыс. экз., в 2003 — 41 тыс. экз.), второе — также значительно (тиражи газет упали с 63,7 тыс. экз. в 2013 году до 29,8 тыс. экз. в 2014 году). Наблюдаемое в последние годы неуклонное снижение всех показателей в сфере периодики в целом почти не коснулось карельского языка, что указывает на наличие и важность роли государственной поддержки в этой сфере.

4. Заключение = Conclusions

Итак, на функционирование карельского языка, в том числе в сфере периодики, повлияли следующие факторы: диалектное членение и значительные различия между наречиями, прерванная письменная традиция, тип графической основы письменности, а также частая смена национально-языковой идеологии и, соответственно, политики.

Для интерпретации статистических показателей нами был введен так называемый «индекс экземпляров» [Горячева, 2022, с. 63]. Он показывает широту охвата печатной газетной продукцией ее целевой аудитории — говорящих на данном языке (табл. 3). Индекс рассчитывается по следующей формуле: число издаваемых за год экземпляров на данном языке (общий годовой тираж), разделенное на показатель «количество населения РФ, говорящее на данном языке» (демографическая мощность языка).

Для определения демографической мощности карельского языка обратимся к последней переписи населения (ВПН-2020).

Итак, всего в Российской Федерации назвали себя карелами (ячейка «Карелы (вологодские карелы, калевальцы, ливвики, людики, лююдилайне, поморы-карелы, тихвинские карелы)») 32 422 человек. Обобщим далее данные ряда таблиц переписи (Том 5. Табл. 1. Национальный состав населения; Том 5. Табл. 5. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей) (табл. 3).

Таблица 3

Индекс экземпляров газет и журналов на карельском языке в 2024 году
в контексте ряда статистических данных ВПН-2020

Показатель	Число	Процент
Численность населения РФ	147 182 123	
Из них указавших владение языком (любым)	135 125 671	
Из них указавших владение карельским языком	13 872	0,01
Численность карел	32 422	0,02
Из них указавших владение языком	32 395	99,92
Из них владеют карельским языком	11 280	35
Из них владеют русским языком	32 333	99,73
Газеты на карельском языке, общий годовой тираж, экз.	200700	
Газеты на карельском языке, индекс экземпляров	14,47	
Журналы на карельском языке, общий годовой тираж, экз.	14200	
Журналы на карельском языке, индекс экземпляров	1,02	
Суммарный годовой тираж всех газет на всех языках в РФ	3368371300	
Индекс экземпляров всех газет на всех языках на одного россиянина	22,89	

В статье [Горячева, 2022, с. 64] приводятся индексы экземпляров периодики на республиканских государственных языках. Следует отметить, что, несмотря на то что карельский язык так и не стал республиканским государственным, индекс периодики у него в настоящее время находится на уровне ряда республиканских государственных языков (приблизительно как у адыгейского, алтайского, мордовских языков). Но при этом следует иметь в виду, что если посмотреть на ситуацию в срезе двадцати пять лет, то можно увидеть объяснение этой внешне благополучной ситуации.

Итак, демографическая мощность карельского языка в РФ в 2002 году составляла 52 880 человек, или 0,04 % [ВПН-2002, т. 4, Табл. 4], годовой тираж газет — 176 тысяч экз., соответственно, индекс экземпляров составлял всего 3,3. Но следует учитывать, что сегодняшнее повышение индекса экземпляров объясняется падением почти в четыре раза демографической мощности карельского языка за этот период. Также важным сопутствующим фактором является развитие онлайн-сферы, которая в настоящее время является серьезным дополнением традиционных СМИ. Так, на карельский язык был переведен интерфейс ВКонтакте, силами ученых финского университета пишутся статьи на ливвиковском наречии в Википедии [Кириленко, 2021, с. 106].

Если сравнить тенденции динамики объема функционирования карельского языка в сфере периодики с общими тенденциями в этой сфере, то видно, что его представленность в ней в целом несколько стабильнее, чем суммарно по всем языкам. Так, суммарный индекс периодики на всех языках с 2021 по 2024 годы упал с 30 до 22,9, то есть на одного россиянина в среднем стало приходиться на 7 экземпляров газет в год меньше. Индекс же периодики на карельском языке с 2021 изменился незначительно: в 2021 году он составлял 15,7 для газет (то есть меньше на один пункт) и 1,02 для журналов. Однако поскольку число самих газет на карельском языке составляет всего четыре наименования, а журналов — два наименования, то закрытие даже одного периодического издания негативно отразится на общем охвате карелоязычных россиян периодической продукцией на карельском языке. Для самого карельского языка это будет означать понижение коммуникативной мощности и сужение функций языка в такой важной сфере, как периодическая печать.

Тревожная информация конца октября 2024 года о прекращении из-за финансовых трудностей выпуска газет на карельском языке [Издательство «Периодика» прекратит..., 2024] оказалась, к счастью, опровергнутой, а трудности с финансированием — чисто техническими [Печать газет ..., 2024]. Тем не менее необходимо и в дальнейшем продолжать наблюдение над динамикой функционирования языков народов Российской Федерации, в том числе и карельского языка, в коммуникативной сфере периодики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Богданова Е. Карельскому литературному языку быть! Интервью Е. В. Богдановой, заместителя министра по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями для сайта «Коренные народы Карелии» [Электронный ресурс] /

Е. Богданова. — Режим доступа : <https://knk.karelia.ru/2009/12/e-bogdanova-karel-skomu-literaturnomu-jaziku-bit.html> (дата обращения 01.07.2025).

2. ВПН-2020 — *Всероссийская* перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения 01.07.2025).

3. ВПН-2020 — *Всероссийская* перепись населения 2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://rosstat.gov.ru/folder/56580#> (дата обращения 01.07.2025).

4. Горячева М. А. Сфера СМИ / М. А. Горячева // Язык и общество. Энциклопедия. — Москва : Азбуковник, 2016. — 872 с. — ISBN 978-5-91172-129-9.

5. Закон Республики Карелия от 19 марта 2004 года N 759-ЗРК о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия (с изменениями на 8 ноября 2022 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/919316706> (дата обращения 01.07.2025).

6. Закон о языках народов Российской Федерации, ред. от 2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (дата обращения 01.07.2025).

7. Издательство «Периодика» прекратит выход печатных СМИ на карельском, вепсском и финском языках [Электронный ресурс] // OMAMEDIA. — 23.10.2024. Сайт. — Режим доступа : https://omamedia.ru/news/izdatelstvo_periodika_prekratit_vykhod_pechatnykh_smi_na_karelskom_vepsskom_i_finskom_yazykakh/ (дата обращения 01.07.2025).

8. Карельский перешеек. Сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://karelkurs.narod.ru/lib/karel2_12.html (дата обращения 01.07.2025).

9. Ковалева С. Карельский язык / С. Ковалева, Е. А. Кондрашкина // Язык и общество. Энциклопедия». — Москва : Азбуковник, 2016. — 872 с. — ISBN 978-5-91172-129-9.

10. Культурное строительство СССР в цифрах от VI к VII съезду советов (1930—1934 гг.). — Раздел V. Печать. — Москва : ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР — В/О СОЮЗОРГУЧЕТ, 1935. — 161 с.

11. Культурное строительство СССР. 1935 [Электронный ресурс]. — Москва : Статистика, 1936. — Режим доступа : https://istmat.org/files/uploads/22123/kultstroy_1935_rechat.pdf (дата обращения 1.07.2025).

12. Культурное строительство СССР. (Статистический сборник) [Электронный ресурс]. — Москва—Ленинград : Госпланиздат. — 1940. — Режим доступа : <https://istmat.org/node/22545> (дата обращения 1.07.2025).

13. Печать газет на национальных языках Карелии продолжается в штатном режиме [Электронный ресурс] // Республика. Общество. 25 октября 2024 г. — Режим доступа : <https://rk.karelia.ru/social/pechat-gazet-na-natsionalnyh-yazykah-karelii-prodolzhaetsya-v-shtatnom-rezhime/> (дата обращения 01.07.2025).

14. Печать Российской Федерации. Ряд статистических ежегодников 1999—2010 годов издания. — Москва : Российская книжная палата.

15. Печать СССР. 1917—1954. Статистические материалы. — Москва : Издательство всесоюзной книжной палаты, 1955. — 84 с.

16. Печать СССР в 1934 году. Табл. III «Распределение газетной продукции СССР за 1932 год по языкам (включая газеты-однодневки)». — Москва : Изд. ЦУНХУ Госплана СССР, 1934. — С. 31.

17. Прибалтийско-финские народы России / [Г. А. Аксянова, А. А. Зубов, Н. А. Долинова и др.] ; Отв. ред. : Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина [Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Ин-т яз., лит. и истории Кар. науч. центра]. — Москва : Наука, 2003. — 670[1] с.

18. *Российская книжная палата*. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (дата обращения 1.07.2025).

19. *Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 г.* — Петроград : Типография Министерства внутренних дел, 1915. — 114 с.

20. *Статистика печати*. Электронные таблицы. 2022 г. — РГБ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.rsl.ru/ru/rkp/gos-bbu/statistika-pechati-lispravochnaya-rabota> (дата обращения 01.06.2025).

Литература

1. *Афанасьева А. И.* Культурные преобразования в Советской Карелии, 1928—1940 / А. И. Афанасьева. — Петрозаводск : Карелия, 1989. — 277 с.

2. *Биткеева А. Н.* Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022—2023) / А. Н. Биткеева, М. А. Горячева, С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 31—55. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55.

3. *Веригин С. Г.* Карельский вопрос в национальной политике Финляндии в период Второй мировой войны / С. Г. Веригин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2017. — Т. 62. — Выпуск 1. — С. 26—42. — DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.103.

4. *Горячева М. А.* Динамика выпуска периодики на русском и республиканских государственных языках народов РФ (1970—2021) / М. А. Горячева // Социолингвистика. — 2022. — № 4 (12). — С. 45—70. — DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-45-70.

5. *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху / Ю. Д. Дешериев. — Москва : Наука, 1976. — 430 с.

6. *Дьяконова М. В.* Современный статус и перспективы ревитализации финно-угорских языков в Республике Карелия / М. В. Дьяконова // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2016. — Т. 10. — Выпуск 3. — С. 156—168.

7. *Евсеева Е. В.* Попытка создания единого карельского литературного языка в Карелии в 1937—1939 гг. (на основе документов национального архива республики Карелия) / Е. В. Евсеева // Альманах североамериканских и балтийских исследований. — 2020. — Выпуск 5. — С. 212—222. — DOI: 10.15393/j103.art.2020.1623.

8. *Зайков П. М.* Грамматика карельского языка (фонетика и морфология) / П. М. Зайков. — Петрозаводск : Периодика, 1999. — 120 с.

9. *Карельское «дело»* : Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации» / Авт. - сост. В. Виноградов ; Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и литератур. музеев. — Тверь : [б. и.], 1991. — 39 с.

10. *Керт Г. М.* Очерки по карельскому языку : исслед. и размышления / Г. М. Керт ; КарНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. 2-е изд. — Петрозаводск : Карелия, 2002. — 112 с.

11. *Кириленко С. В.* Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков) / С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 97—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-97-111.

12. *Кириленко С. В.* Карельский язык: языковое планирование и языковые установки / С. В. Кириленко // Вестник угроведения. — 2024. — Т. 14. — № 3 (58). — С. 567—577. — DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-567-577.

13. *Ковалёва С. В.* Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования) / С. В. Ковалева, А. П. Родионова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. — 138 с. — ISBN 978-5-9274-0498-8.

14. Романова А. А. Периодическая печать Карелии, как источник по истории Кемского предвоенного десятилетия [Электронный ресурс] / А. А. Романова // Краеведческие чтения. Материалы IX научной конференции (12—13 февраля 2015 г.). — Режим доступа : <https://library.karelia.ru/files/3495.pdf> (дата обращения 01.07.2025).

15. Рунтова А. Н. Попытка создания карельской письменности в 30-е годы XX века (Тверская область) / А. Н. Рунтова // Альманах североамериканских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. — 2020. — Issue 5. — С. 201—212.

16. Чикина Н. В. «Karjalan sanomat» и «Oma maa» — первые периодические издания финно- и карельскоязычной журналистики Карелии / Н. В. Чикина // Финноугроведение. — 2020. — № 1 (61). — С. 105—109.

17. Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней / науч. ред. О. П. Илюха. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. — 339 с. — ISBN 978-5-9274-0864-1.

18. Novak I. Karelian in Grammars : A study of phonetic and morphological variation / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen. — Petrozavodsk : KarRC RAS, 2022. — 453 p.

19. Woolard K. A. Language ideology : Issues and Approaches / K. A. Woolard // Pragmatics. — 1992. — Vol. 2. — № 3. — Pp. 235—249. — DOI: <https://doi.org/10.1075/prag.2.3.01woo>.

Статья поступила в редакцию 05.07.2025,
одобрена после рецензирования 12.09.2025,
подготовлена к публикации 04.10.2025.

Material resources

Bogdanova, E. Karelian literary language should be! Interview with E. V. Bogdanova, Deputy Minister for National Policy and Relations with Religious Associations for the website “Indigenous Peoples of Karelia”. Available at: <https://knk.karelia.ru/2009/12/e-bogdanova-karel-skomu-literaturnomu-jaziku-bit.html> (accessed 01.07.2025). (In Russ.).

Cultural construction of the USSR in figures from the VI to the VII Congress of Soviets (1930—1934). Section V. Print. (1935). Moscow: TSONGHU GOSPLAN of the USSR — In/About SOYUZORGUCHET. 161 p. (In Russ.).

Cultural construction of the USSR. (Statistical collection). (1940). Moscow—Leningrad: Gosplanizdat. Available at: <https://istmat.org/node/22545> (accessed 1.07.2025). (In Russ.).

Cultural construction of the USSR. 1935. (1936). Moscow: Statistics. Available at: https://istmat.org/files/uploads/22123/kultstroy_1935_peechat.pdf (accessed 1.07.2025). (In Russ.).

Goryacheva, M. A. (2016). Sphere of mass media. In: *Language and society. Encyclopedia*. Moscow: Azbukovnik. 872 p. ISBN 978-5-91172-129-9. (In Russ.).

Karelian Isthmus. Website. Available at: https://karelkurs.narod.ru/lib/karel2_12.html (accessed 01.07.2025). (In Russ.).

Kovaleva, S., Kondrashkina, E. A. (2016). Karelian language. In: *Language and society. Encyclopedia*. Moscow: Azbukovnik. 872 p. ISBN 978-5-91172-129. (In Russ.).

Periodika Publishing House will stop publishing print media in Karelian, Vepsian and Finnish languages. (2024). OMAMEDIA. Available at: https://omamedia.ru/news/izdatelstvo_periodika_prekratit_vykhod_peatnykh_smi_na_karelskom_vepsskom_i_finskoyazykakh/ (accessed 01.07.2025). (In Russ.).

- Print statistics. Spreadsheets. 2022* — Russian State Library of Economics. Available at: <https://www.rsl.ru/ru/rkp/gos-bbu/statistika-pechati-i-spravochnaya-rabota> (accessed 01.06.2025). (In Russ.).
- Russian Book Chamber. The official website.* Available at: <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (accessed 1.07.2025). (In Russ.).
- Statistics of printed works published in Russia in 1913.* (1915). Petrograd: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 114 p. (In Russ.).
- The Baltic-Finnish peoples of Russia.* (2003). Moscow: Nauka Publ. 670[1] p. (In Russ.).
- The Law of the Republic of Karelia dated March 19, 2004 N 759-SAM on state support of Karelian, Vepsian and Finnish languages in the Republic of Karelia (as amended on November 8, 2022).* Available at: <https://docs.cntd.ru/document/919316706> (accessed 01.07.2025). (In Russ.).
- The Law on the Languages of the Peoples of the Russian Federation, ed. from 2023.* Available at: <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (accessed 01.07.2025). (In Russ.).
- The printing of newspapers in the national languages of Karelia continues in the regular mode. (2024). *Republic. Society. October 25.* Available at: <https://rk.karelia.ru/social/pechat-gazet-na-natsionalnyh-yazykah-karelii-prodolzhaetsya-v-shtatnom-rezhime/> (accessed 01.07.2025). (In Russ.).
- The Seal of the Russian Federation. A number of statistical yearbooks published in 1999—2010.* Moscow: Russian Book Chamber. (In Russ.).
- The seal of the USSR in 1934. Table. III “Distribution of newspaper production of the USSR in 1932 by language (including one-day newspapers)”.* (1934). Moscow: Publishing House of the TSONGHU Gosplan of the USSR. 31 p. (In Russ.).
- The seal of the USSR. 1917—1954. Statistical materials.* (1955). Moscow: Publishing House of the All—Union Book Chamber. 84 p. (In Russ.).
- VPN—2020 — *All-Russian Population Census 2020.* Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580#> (accessed 01.07.2025). (In Russ.).
- VPN—2020 — *The All-Russian population Census of 2002.* Available at: <https://perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 01.07.2025). (In Russ.).

References

- Afanasyeva, A. I. (1989). *Cultural transformations in Soviet Karelia, 1928—1940.* Petrozavodsk: Karelia. 277 p. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N., Goryacheva, M. A., Kirilenko, S. V. (2024). Functional Distribution of Chechen Language in Chechen Republic: Findings from Field Research (2022—2023). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 29—55. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55>. (In Russ.).
- Chikina, N. V. (2020). “Karjalan Sanomat” and “Oma mua” — the first periodicals of Finnish and Karelian journalism in Karelia. *Finno-Ugrovedenie*, 1 (61): 105—109. (In Russ.).
- Desheriev, Yu. D. (1976). *Patterns of the development of literary languages of the peoples of the USSR in the Soviet era.* Moscow: Nauka Publ. 430 p. (In Russ.).
- Dyakonova, M. V. (2016). The current status and prospects of the revitalization of the Finno-Ugric languages in the Republic of Karelia. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 10 (3): 156—168. (In Russ.).
- Evseeva, E. V. (2020). An attempt to create a unified Karelian literary language in Karelia in 1937—1939. (based on documents from the National Archive of the Republic

- of Karelia). *Almanac of Northern European and Baltic Studies*, 5: 212—222. DOI: 10.15393/j103.art.2020.1623. (In Russ.).
- Goryacheva, M. A. (2022). Dynamics of the issue of periodicals in Russian and the republican state languages of the peoples of the Russian Federation (1970—2021). *Sociolinguistics*, 4 (12): 45—70. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-45-70. (In Russ.).
- Ilyukha, O. P. (ed.). (2019). *Ethnocultural and ethnopolitical processes in Karelia from the Middle Ages to the present day*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 339 p. ISBN 978-5-9274-0864-1. (In Russ.).
- Kert, G. M. (2002). *Essays on the Karelian language: Research. and reflections*. Petrozavodsk: Karelia. 112 p. (In Russ.).
- Kirilenko, S. V. (2021). Three-Component System of Language Planning: A Case Study Tuvan, Kalmyk and Karelian. *Nauchnyi dialog*, 4: 97—111. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-97-111>. (In Russ.).
- Kirilenko, S. V. (2024). Karelian language: language planning and language attitudes. *Bulletin of Ugrovology*, 14 / 3 (58): 567—577. DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-567-577. (In Russ.).
- Kovaleva, S. V., Rodionova, A. P. (2011). *Traditional and new in the vocabulary and grammar of the Karelian language (according to sociolinguistic research)*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 138 p. ISBN 978-5-9274-0498-8. (In Russ.).
- Novak, I., Penttonen, M., Ruuskanen, A. (2022). *Karelian in Grammars: A study of phonetic and morphological variation*. Petrozavodsk: KarRC RAS. 453 p.
- Romanova, A. A. The periodical press of Karelia as a source on the history of the Kemi of the pre-war decade. Local history readings. *Proceedings of the IX Scientific Conference (February 12—13, 2015)*. Available at: <https://library.karelia.ru/files/3495.pdf> (accessed 01.07.2025). (In Russ.).
- Runtova, A. N. (2020). An attempt to create Karelian writing in the 30s of the twentieth century (Tver region). *Almanac of Northern European and Baltic Studies / Nordic and Baltic Studies Review*, 5: 201—212. (In Russ.).
- The Karelian “case”: The case of the so-called “Karelian bourgeois-nationalist, terrorist, counterrevolutionary organization”*. (1991). Tver: [b. i.]. 39 p. (In Russ.).
- Verigin, S. G. (2017). The Karelian question in the national policy of Finland during the Second World War. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 62 (1): 26—42. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.103. (In Russ.).
- Woolard, K. A. (1992). Language ideology: Issues and Approaches. *Pragmatics*, 2 (3): 235—249. DOI: <https://doi.org/10.1075/prag.2.3.01woo>.
- Zaikov, P. M. (1999). *Grammar of the Karelian language (phonetics and morphology)*. Petrozavodsk: Periodika Publ. 120 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2025;
approved after reviewing 12.09.2025;
accepted for publication 04.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Манёрова К. В. Формульность немецкого контролируемого языка как трудность в практике перевода с помощью нейронных сетей / К. В. Манёрова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 101—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-101-120.

Manerova, K. V. (2025). Formulaicity of German Controlled Language as a Translation Challenge for Neural Machine Translation. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 101-120. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-101-120. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Формульность немецкого
контролируемого языка
как трудность в практике
перевода с помощью
нейронных сетей**

Манёрова Кристина Валерьевна

orcid.org/0000-0002-4979-8573

кандидат филологических наук, доцент

кафедры немецкой филологии

k.manerova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Formulaicity of German
Controlled Language
as a Translation Challenge
for Neural Machine
Translation**

Kristina V. Manerova

orcid.org/0000-0002-4979-8573

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of German Philology

k.manerova@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается формульность немецкого языка как мнимая и реальная трудность в практике перевода с помощью нейросетей на русский язык. Цель статьи заключается в представлении немецкого языка как контролируемого для формульных структур в нейропереводчике DeepL: исследованы критерии, рестрикции, оценка результата. В качестве материалов привлекаются 120 примеров немецких формульных конструкций двух классов: глагольно-номинальных словосочетаний и парных формул. Материалы для анализа извлечены из Цифрового словаря немецкого языка (DWDS). Представлена авторская разработка: дизайн двухэтапного эксперимента с целью анализа переводческих решений для немецких формул (случайная выборка). Методы, используемые в статье, носят характер наблюдения над правилами лексического уровня для немецкого языка как контролируемого. Анализ лексических рестрикций в немецком контролируемом естественном языке для формульных конструкций используется в комбинации с контекстуальным методом для оценки качества перевода. В новейшем нейропереводчике DeepL выявлена особая стратегия для перевода устойчивых формульных выражений разной структуры. Установлено, что нейронный подход к машинному переводу стремится воспроизводить когнитивные модели человеческого мышления, однако использование наработанных переводческих решений расценено в статье как преимущество. Автор статьи подчеркивает, что не ставит задачу давать оценку исследуемому продукту — нейросетевому переводчику, так как он является коммерческой разработкой немецкой корпорации и предназначен для текстов определенной стилистической специфики.

Ключевые слова:

немецкий язык; контролируемый язык; нейронный машинный перевод; искусственный интеллект; формульность в немецком языке.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper examines the formulaicity of the German, considering both its perceived and actual challenges for neural machine translation (NMT) into Russian. The study aims to conceptualize German as a controlled language for formulaic structures within the DeepL neural translator, investigating its criteria, restrictions, and output evaluation. The analysis is based on a corpus of 120 examples of German formulaic constructions, comprising two categories: verb-nominal phrases and binomial expressions. The data were sourced from the Digital Dictionary of the German Language (DWDS). We present a novel two-stage experimental design for analyzing translation choices applied to a random sample of these formulas. The methodological approach involves observing lexical-level rules for German as a controlled language. The analysis of lexical restrictions in German controlled natural language for formulaic constructions is combined with a contextual method for translation quality assessment. Our findings reveal a distinct strategy employed by the state-of-the-art DeepL translator for rendering stable formulaic expressions of varying structures. It is established that the neural approach to machine translation aims to replicate cognitive models of human thinking; however, the utilization of established translation solutions is identified here as an asset. The author emphasizes that this study does not seek to evaluate the commercial product DeepL itself, as it is a proprietary tool developed by a German corporation and tailored for texts with a specific stylistic profile.

Key words:

German language; controlled natural language; neural machine translation; artificial intelligence; formulaicity; formulaic sequences; DeepL.

УДК 811.112.2'255

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-101-120

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Формульность немецкого контролируемого языка как трудность в практике перевода с помощью нейронных сетей

© Манёрова К. В., 2025

1. Введение = Introduction

В XXI веке стремительно развиваются такие виды перевода, как автоматический и машинный, на смену программам «переводческой памяти» приходит искусственный интеллект, внедряемый в нейросети, что, с одной стороны, повышается скорость и качество перевода, с другой стороны, так же предполагает постредактирование текста, как и традиционные модели машинного перевода. Нейронный подход к машинному переводу, используемый переводческими системами, такими как DeepL, на основе нейронных сетей, является новым этапом в автоматическом переводе. Нейронная сеть как переводчик призвана распознавать и идентифицировать последовательности слов или фраз, основанные на знаках или словах, имитируя человеческое восприятие с выведением сложной информации из частной (например, как в концепции сложных систем [Бабич, 2021]).

Сложность естественных языков можно определить как причину разработки и внедрения контролируемых естественных языков в современные системы автоматизированной обработки данных. Считается, что машинный перевод — одна из самых интересных областей применения контролируемого языка, особенно с учетом сокращения расходов на постредактирование перевода. Контролируемый естественный язык (КЕЯ) в машинном переводе — язык ввода текста, язык, с которого переводят и на котором обычно составляют документацию. Контролируемый язык — язык предредактирования текста, его упрощения и приведения к стандартным требованиям в системах машинного перевода, так называемой «примитивизации» [Образцова, 2022].

Изучение и создание контролируемых естественных языков — абсолютно новое направление в прикладной лингвистике, и проблематика такого изучения становится все более актуальной ввиду развития систем

автоматической обработки информации и искусственного интеллекта (см. подробно в разделе 3). Контролируемый язык мы понимаем вслед за Зюзанной Гепферих как «подсистемы естественных языков, словарный запас и допустимые грамматические конструкции которых представляют собой подмножество словарного запаса или возможных грамматических конструкций неконтролируемого естественного языка, из которого они получены» [Göpferich, 2007, с. 366]. Этот подтип естественного языка накладывает ограничения на грамматику, стиль, семантику и лексику [Huijsen, 1998, с. 2], так как КЕЯ используется в системах машинного перевода для целей быстрого перевода производственной, деловой, технической, медицинской и прочей утилитарной документации.

Подход к немецкому языку как к КЕЯ определяет его как *kontrollierte Sprache* (контролируемый язык), с той оговоркой, что само понятие контроля применительно к языку является неудачным, а калька с английского термина *controlled language* имеет для немецкого языка скорее негативную коннотацию. Так, Петра Дрюер и Вольфганг Циглер дают определение, в котором они определяют КЕЯ как «подсистему естественного языка со следующими компонентами: набор правил с фиксированными правилами написания (особенно по составлению предложений) и предопределенный словарный запас, состоящий как из базовой лексики, так и из специализированной лексики в виде рабочего лексикона» [Drewer et al., 2014, с. 192] (перевод наш. — К. М.).

Второй аспект, требующий внимания, включает подходы к пониманию формульности немецкого языка в процессе его автоматической обработки и кодирования. Формульные модели в самом широком смысле (включая фраземы, коллокации, прагматемы) гипотетически засвидетельствованы для всех языков мира. Формульность языка, с одной стороны, является грамматическим явлением, с другой стороны, она относится к лексическим явлениям: в ней учитываются критерии слова, и она выходит за рамки той парадигмы лексики, которая может быть однозначно и точно передана в переводе. В рекомендациях по составлению предложений для ввода на немецком КЕЯ лингвисты подчеркивают разноразнообразную формульность немецкого языка как рестриктивную трудность.

В нашей статье мы называем *формульностью* структурно-конструирующее свойство многокомпонентных лексических единиц, которое обусловлено стабильностью, устойчивостью и воспроизводимостью их целевой структуры и, в меньшей степени, семантической деривацией. Так, глагольно-номинальные словосочетания (нем. *das Funktionsverbgefüge, die Streckform*) представляют собой устойчивое сочетание десемантизированного функционального глагола и группы существительного-девербатива

(обычно) с предлогом, используются в письменных текстах официально-делового стиля, в утилитарных текстах [IDS]. Пример формул представляют собой и немецкие сдвоенные или парные формулы (нем. *Zwillingsformeln*), такие как *Lug und Trug* (обман), *null und nichtig* (недействительно), *mit Glanz und Gloria* (с блеском, с треском (ирон.)).

Таким образом, с целью детального рассмотрения и объективной верификации результатов анализ лексических рестрикций в немецком КЕЯ применяется в комбинации с контекстуальным методом к оценке качества перевода формульных конструкций. Мы определяем данные направления изложения и описания материала в качестве задач исследования. В связи с вышеизложенным предположим, что для перевода устойчивых формульных выражений разной структуры переводческой нейросетью DeepL должна быть учтена особая стратегия, что имеет непосредственное отношение к немецкому языку как к КЕЯ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Разработка основ КЕЯ для машинного перевода началась с американского варианта английского языка в строительной компании Катерпиллар «Caterpillar Inc.» (США), что привело в дальнейшем к появлению достаточно большого количества видов контролируемых языков на основе английского. Так, были разработаны технический английский язык Катерпиллар «Caterpillar Technical English (CTE)» [Kamprath et al., 1998], технический английский язык для заказчиков «Multinational Customised English, MCE», используемый компанией Ксерокс для перевода в 36 странах [Kuhn, 2014], международный язык обслуживания и ремонта «International Language for Servicing and Maintenance (ILSAM)», язык сервисного обслуживания компании Кодак «Kodak International Service Language», технический английский язык шведской компании Эрикссон «Ericsson English» [Drewer et al., 2014, с. 211]. Так, сейчас насчитывается более ста версий контролируемого английского языка, которые нашли прикладное применение и развитие [Хабаров и др., 2019, с. 100].

Таким образом, контролируемый естественный язык в основном создавался для нужд использования в системах автоматического перевода технической документации предприятий и концернов. Под технической документацией понимаются не только типы текста экспертного уровня — описания продуктов, инструкции, приказы и распоряжения, но и утилитарные типы текста, рассчитанные на потребителя: справочники, методические пособия, каталоги, раздаточные рекламные материалы [Drewer et al., 2014, с. 19].

Актуальные принципы адаптации русского языка как контролируемого представлены В. И. Хабаровым и соавторами в исследовании КЕЯ для

работы с онтологиями: дано описание структуры, синтаксиса и грамматики языка, представление дескриптивной логики и правил в конструкциях языка: «Ограниченный естественный язык обычно используется для лаконичного и точного представления знания в конкретной профессиональной предметной области» [Хабаров и др., 2019, с. 100]. Авторы подчеркивают, что КЕЯ — язык ввода информации для восприятия машинами, и в связи с этим отмечают, что для машинного перевода естественный, даже ограниченный язык не подходит, так как «не обладает достаточной для однозначного машинного представления точностью выражения смысла» [Там же].

Критерии КЕЯ, включающие как структурные, так и семантические аспекты, достаточно точно определены в исследовании А. Ф. Тузовского и соавторов, например: четко определенный синтаксис, эпистемологическая адекватность, то есть способность выразить все понятия и отношения в данной предметной области; использование логики как основы для языка (логика первого порядка, дескриптивная логика, модальная логика) [Тузовский и др., 2005].

Четыре критерия для КЕЯ приводит Тобиас Кун: 1) КЕЯ основан на одном естественном языке (базовый язык); 2) самое важное отличие КЕЯ от его базового (но не обязательно единственное) заключается именно в ограничениях в отношении лексики, синтаксиса и / или семантики; 3) КЕЯ сохраняет большинство естественных свойств своего базового языка, так что носители базового языка могут интуитивно и правильно понимать тексты на КЕЯ, по крайней мере, в значительной степени; 4) это сконструированный язык, что означает, что он создан [Kuhn, 2014, с. 124], от себя к последнему добавим: не является языком, возникшим в ходе цивилизационного развития, хотя КЕЯ основан на естественном языке.

Малое количество вариантов немецкого языка как КЕЯ можно объяснить ежегодно уменьшающимся количеством предприятий в мировой экономике, которые им пользуются. Кроме этого, в качестве причины подобного ограничения приводят число говорящих на немецком языке как на родном или же на первом иностранном, каковое намного меньше числа носителей или говорящих на английском языке [Marzouk, 2022, с. 24]. С другой стороны, недостаточная разработанность вариантов объясняется причиной лингвистического характера. Анне Лерндорфер и Урсула Ройтер справедливо отмечают, что по сравнению с английским языком немецкий язык, с учетом синтаксической структуры предложения, большого количества флексий и словообразовательных морфем, можно назвать более сложным языком по морфосинтаксическим критериям [Lehrndorfer et al., 2008, с. 106].

В немецком индустриальном секторе первым вариантом контролируемого немецкого языка, разработанного для нужд конкретной компании,

считается КЕЯ компании «Сименс» — Siemens Documentation German (SDD (Немецкий язык документации «Сименс»)) [Göpferich, 2008, с. 375]. Основной целью разработки немецкого языка документации «Сименс» была не оптимизация понятности перевода путем создания простых текстов, как это происходило в случае с английскими КЕЯ, а повышение качества и скорости машинного перевода с помощью специально разработанного модуля автоматического перевода «Сименс TopТранс МП» (Siemens TopTrans MT) [Lehrndorfer et al., 1998]. Необходимость в постредактировании переведенного текста, как правило, отпадает. Несмотря на это, немецкий язык документации «Сименс» остался языком одной компании и не превратился в отраслевой стандарт [Göpferich, 2008, с. 375].

Шаймаа Марзук приводит правила для немецкого языка как промышленного межотраслевого стандарта немецкого, выведенные в 2013 году в рамках составления руководства «Общества по технической коммуникации», которое используется при написании технической и деловой документации. Рекомендации соотносятся с правилами немецкого языка как КЕЯ (tekomp 2013) [Marzouk, 2022, с. 27—29]. Рассмотрены семь уровней текстовой организации для формулировки рекомендаций для ввода информации: уровень текста, уровень предложения, уровень слова, орфография, пунктуация, редукция структур разного типа, адаптированная к переводу композиция текста (абзацное деление). Уровневые особенности немецкого языка как КЕЯ действительно требуют контроля при вводе информации. Так, на уровне грамматики трудностями считаются возможные конструкции, которые могут усложнить процедуру машинного перевода, негативно влияя на его точность, адекватность и стиль: длинные, сложные предложения, предложения со структурой развернутого периода, а среди других трудностей — сокращения и усечения разного типа, ненормированная пунктуация [Marzouk, 2022]. Рекомендуется использовать артикли, не включать в предложения длинные перечисления, как, например, в машинно-ориентированных управляемых языках (англ. MOCL). Анне Лерндорфер называет такой подход машинно-эффективным, при использовании и учете рекомендаций повышается эффективность обработки технической документации [Lehrndorfer, 1996, с. 13]. На лексическом уровне рекомендуется соблюдать такие правила, как написание через дефис сложных слов с числовыми компонентами, использование одной модели для сокращений, написание словами числительных от одного до двенадцати. В статье мы ограничимся проверкой следующей рестрикции лексического уровня: избегать глагольно-номинальных словосочетаний (нем. Funktionsverbgefüge). Последняя рестрикция относится непосредственно к формульно-сти немецкого языка как контролируемого.

Предлагается дизайн двухэтапного эксперимента с целью анализа переводческих решений. В качестве материала для перевода были отобраны немецкие устойчивые формульные словосочетания в следующих классах: 1) глагольно-номинальные словосочетания и 2) парные формулы. Классы формул отличаются структурой и степенью идиоматичности, а именно нулевой (1) и частичной (2), употреблением в утилитарных текстах (1) и в текстах иной жанровой направленности (2). В каждом из классов выбрано по три формулы разной частотности, на каждую из которых собрано двадцать немецких примеров, таким образом, созданный корпус включает сто двадцать немецких примеров. Немецкие примеры объемом от 7 до 60 токенов случайным образом выбраны через утилиту DWDS-Wortprofil («Профиль слова») в Цифровом словаре немецкого языка [DWDS.de], после чего примеры в неизменном виде переведены через нейропереводчик DeepL [DeepL.com] на русский язык без постредактирования. Эксперимент был осложнен тем, что все тексты были отобраны из публицистических источников.

В ходе исследования использованы лексикографический анализ выбранных примеров, контекстный анализ, корпусный анализ и верификация статистических данных.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формульность как структурно-конструирующее свойство многокомпонентных лексических единиц в немецком языке

Термин *формула* (нем. *Formel*) был заимствован в XVI веке в немецкий язык из латыни, точнее, из римского права для обозначения готовых шаблонных формулировок письменной фиксации содержания правового характера, встречающихся в определенных типах юридических текстов: протоколах, исках, жалобах, вердиктах [Stein, 2004, с. 262]. Формула также рассматривается как важное структурирующее явление в поэтической метрике в германских языках, например в фарерском [Пиотровский, 2020].

Формульность как структурный признак германских языков не следует полностью отождествлять с фразеологией, несмотря на то, что попытки свести эти понятия ближе встречаются в трудах фразеологов, где формульными структурами оправданно называются устойчивые словосочетания с низкой степенью идиоматичности: рутинные формулы, прагматемы, коллокации [Formulaic Language ..., 2020]. Фразеологические единицы, в свою очередь, представляют собой обширный класс лексики, включают различные типы, которые отличаются не только морфо-синтаксической структурой, но и степенью переосмысления, прагматической функциональностью, семантической разложимостью, подверженностью модификациям, неравностепенной

эквивалентностью и непереводаемостью на другие языки. Не останавливаясь подробно на перечислении всех типов фразеологических единиц, отметим, что развернутые классификации немецких фразеологизмов разных структурных типов приводят в своих работах такие авторы, как Юрг Хойзерманн [Häusermann, 1977], Харальд Бургер [Burger, 1982, с. 20—56], Д. О. Добровольский и Элизабет Пиирайнен [Dobrovolskij et al., 2022]. По мнению Штефана Штайна, фразеология тесно сближается с формульностью: в узком смысле фразеологические единицы следует соотносить с идиомами, в широком — с формульными структурами [Stein, 1994, с. 153]. Подчеркнем этот важный для нашего исследования тезис. Формульными Штайн называет те единицы, которые приобретают устойчивый характер благодаря воспроизводимости и частому употреблению, в результате которого они лексикализируются, входят в языковой узус и употребляются в речи говорящими как цельные многокомпонентные единицы [Stein, 1995, с. 57]. Кроме этого, Штайн отводит формульным единицам — прагматическим, рутинным, коммуникативным формулам — место в коммуникативных практиках, таких как приветствие, прощание, удивление, ругательство, согласие и др. [Stein, 2004, с. 270]. Графемные формулы религиозного дискурса *Alpha und Omega*, *A und O* проанализированы в статье К. В. Манёровой: изучены возникновение вариантности графемной формулы в немецком языке в направлении редукции ее компонентов и связанная с этим вариантность производимой нормы и значения [Манёрова, 2022].

Формульность понимается также как гипероним для разного типа устойчивых словосочетаний, для единиц ядра и периферии фразеологического поля, например, для таких единиц, как рутинные формулы с уникальными компонентами, *mein lieber Scholli!* (выражение удивления, негодования, где *Scholli* — имя собственное) или глагольно-номинальные словосочетания *Abstand nehmen / wahren / halten // mit Abstand* (соблюдать, сохранять дистанцию // на расстоянии, безусловно) [Stumpf, 2015, с. 20]. Большинство подобных словосочетаний слабо идиоматичны, образуют ряды формульных конструкций с вариацией глагола и вариативностью акционального действия (процессуальность, инхоативность, каузальность), имеют глагольные синонимы в качестве парафраз: *in Bewegung bleiben / bringen / geraten / kommen / sein / setzen* (двигаться, начать движение, прийти в движение, двигать, заводить, задействовать) — *bewegen, sich bewegen, betätigen; zur Kenntnis geben / kommen / nehmen* (уведомить, узнать) — *bekannt geben, merken, erkennen* [Burger, 1982, с. 37]. Подобные словосочетания формульного характера «не могут быть объяснены ни грамматическими закономерностями, ни лексическим характером конструкции» [Heine, 2017], они представляют собой конструктивное усложнение и, как

следствие, трудность для систем МП, в частности, в аспекте снижения неоднозначности переведенного текста. Например, в паре языков немецкий — английский, отдельные немецкие формульные конструкции подобного типа могут быть сопоставлены с аналогичными структурами в английском языке (так называемыми *light verb construction*) *zum Entschluss kommen* — *come to a decision* [Collins Dictionary]. Такая современная комбинация подходов позволяет исследовать формульные структуры в немецком языке всеобъемлюще и всесторонне.

Несмотря на это, именно формульность воспринимается как избыточная сложность и является препятствием для безошибочного автоматического перевода. Так, в требованиях к немецкому как к КЕЯ предлагается замена глагольно-номинального словосочетания на соответствующий глагольный синоним при вводе в систему МП с целью повышения точности перевода, например *Einstellungen vornehmen* на *einstellen*:

Im oberen Abschnitt können Sie Einstellungen für die angezeigten Module vornehmen. / Im oberen Abschnitt können Sie die angezeigten Module einstellen. [Marzouk, 2022, с. 274].

(В верхнем разделе пользователь может настроить указанные модули).

В статистическом исследовании систем автоматического перевода Марзук устанавливает большее количество ошибок при переводе немецких формул на английский язык по сравнению с переводом их синонимических глаголов, что подтверждено количественными исчислениями — соответственно 90 и 39 ошибок (57,6 %) [Marzouk 2022, с. 274]. Исследовательница сводит свои наблюдения к необходимости замены глагольно-номинальных словосочетаний синонимичными глаголами в КЕЯ. Отметим, что элиминация формульности в КЕЯ осложнена тем, что не все формульные конструкции имеют соответствующие моноксемные синонимы; такие, например, словосочетания, как *im Einsatz stehen* (функционировать, работать), *in Betrieb nehmen* (вводить в эксплуатацию, включать), *in Frage kommen* (приниматься в расчет), *zur Verfügung stellen* (предоставить). Наблюдения над этими структурами дают основание считать такую элиминацию трудностью в практике автоматического перевода.

Рассмотрим, как немецкий язык как КЕЯ в отношении формульных конструкций используется в современном нейросетевом переводчике DeepL.

3.2. Нейронная сеть DeepL как переводческий ресурс

Немецкая компания «DeepL» (от англ. *Deep Learning*), предоставляющая услуги нейросетевого перевода, создана в 2016 году, ее основатель Ярослав Кутыловски — обладатель ученой степени доктора наук по информатике. Работу над первой версией DeepL Переводчика команда начала

в немецкой переводческой компании «Linguee GmbH». В существующие нейронные сети вносятся многочисленные усовершенствования, что позволяет добиться высочайшего качества перевода. В нейросети «DeepL» поддерживается перевод с 33 распространенных мировых языков и на них. Русский язык как поддерживаемый (и контролируемый) язык был введен в 2018 году.

На сайте компании «DeepL» заявлено: «Цель DeepL — использовать нейронные сети для того, чтобы расширить человеческие возможности, устранить языковые барьеры и сблизить культуры» [DeepL.com] (перевод наш. — К. М.). Это эффективный, точный перевод. Система самостоятельно кодирует и декодирует переводческий текст через набор (вектор) чисел, определенных за каждым словом в нейросети. Векторы слов постепенно объединяются, чтобы получить перевод всего предложения через создание архитектуры основ с заданной, устойчивой длиной (подробно см. [Marzouk, 2022; Matusov, 2019]). По треугольнику Бернарда Воква, который отображает автоматический перевод с языка на язык как процесс с использованием интерлингвы, предложение в переводе кодируется семантически и синтаксически. Чем глубже анализ предложения на языке оригинала, тем легче осуществить переход через интрелингву на целевой язык при декодировании на язык перевода. Одно из кардинальных отличий нейропереводчиков от систем автоматического перевода заключается в том, что в новейших системах, таких, как DeepL, промежуточная фаза генерации процесса машинного перевода с помощью интерлингвы отсутствует, что призвано обеспечить скорость и точность перевода. Дополнительно нейропереводчик призван учитывать влияние контекста, что повышает качество перевода [Ширяева и др., 2024, с. 148].

3.3. Двухэтапный эксперимент перевода немецких формульных конструкций в нейронной сети DeepL

В этом разделе приведем результаты перевода формульных конструкций двух классов и дадим оценку его результативности.

3.3.1. Формульные глагольно-номинальные словосочетания с предлогом: *zur Sprache bringen* (затронуть вопрос, поднять вопрос), *Rücksicht nehmen auf (Akk)* (учитывать что-либо, принимать во внимание что-либо), *in Erwägung ziehen* (взвесить что-либо, обдумать что-либо, рассмотреть что-либо). Анализ перевода этих формульных конструкций показал, что немецкий как КЕЯ в нейропереводчике не требует элиминации формульности и выбора моноксемных синонимов для верной передачи содержания подобных конструкций на русский язык. Так, для глагольно-номинального словосочетания *zur Sprache bringen* семнадцать из двадцати примеров (результативность 85 %), в активном или же страдательном залого-

ге переведены эквивалентно как «поднять вопрос, рассказать, затронуть», например:

*Melissa erinnert sich an Stadtratssitzungen, in denen sie immer wieder **zur Sprache brachte**, dass man die Stromleitungen in die Erde verlegen müsse. Kerstin Kohlenberg: Paradies im Wiederaufbau. Die Zeit, 06.06.2019 [DWDS.de].*

*Мелисса помнит заседания городского совета, на которых она неоднократно **поднимала вопрос о** необходимости проложить линии электропередач под землей. Керстин Коленберг: Рай под реконструкцией. The Time, 06.06.2019 [DeepL].*

Неудачные стилистические ошибки встречаются в примерах с переводом «поднять жалобу», «выдвинуть оговорку», например:

*Drei Jahre später bedankt sich Flaubert ein weiteres Mal bei Baudelaire, nun für dessen Prosagedichte „Der Spleen von Paris“, und jetzt **bringt** er den Vorbehalt bei allem Lob **zur Sprache**: Baudelaire habe nun doch "einen allzu großen (?) Nachdruck (und zwar mehrmals) auf den Geist des Bösen gelegt. Stil als Ausweis künstlerischer Wahrheit. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 09.04.2021 [DWDS.de].*

*Три года спустя Флобер снова благодарит Бодлера, на этот раз за стихотворение в прозе «Парижский сплин», но теперь **он выдвигает оговорку ко всем похвалам**: Бодлер теперь сделал «слишком большой акцент (несколько раз) на духе зла». Стиль как доказательство художественной правды. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 09.04.2021 [DeepL].*

Все двадцать примеров глагольно-номинального словосочетания *Rücksicht nehmen auf (Akk)* переведены как «учитывать, учитывать, принимать во внимание», например:

*Doch werden die Grünen - ohne falsche Bedenken — gegenüber der SPD um so sperriger auftreten, je weniger sie auf deren Schwäche bei Wahlen und Umfragen **Rücksicht nehmen** müssen. Sperrige Grüne. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11.11.2004 [DWDS.de].*

*Но «зеленые» — без ложных опасений — будут казаться тем более громоздкими по отношению к СДПГ, чем меньше им придется **принимать во внимание** слабость последней на выборах и в опросах. Громоздкая зелень. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11 ноября 2004 года [DeepL].*

Двадцать примеров глагольно-номинального словосочетания *in Erwägung ziehen* в активном или же страдательном залоге переведены как «рассмотреть что-либо, подумать о чем-либо, задуматься о чем-либо», например:

*Die Idee mit dem Stade de Suisse als möglichem Austragungsort wird nicht **in Erwägung gezogen**. si Sportinformation: Die Schweizer im ersten Zwischenrang. Neue Zürcher Zeitung. 16.12.2006 [DWDS.de].*

Идея стадиона «Стад де Сюисс» в качестве возможного места проведения матча не **рассматривается**. *si Sportinformation: Швейцарцы на первом промежуточном месте. Нойе Цурхер Цайтунг, 16.12.2006 [DeepL].*

3.3.2. Класс парных формул (mit) Hängen und Würgen (кое-как, с грехом пополам, как попало, небрежно), *durch dick und dünn* (сквозь огонь и воду, в горе и радости, сквозь трудности и невзгоды), *klipp und klar* (коротко и ясно, недвусмысленно, четко) в шестидесяти случайно выбранных примерах представляет собой трудность для нейропереводчика. Так, двадцать переводов парной формулы (mit) *Hängen und Würgen* эффективны и точны только в 15 % случаев, в остальном формула четыре раза переведена как «подвешивание и удушение», с вариантами «висение и удушение» (один перевод), «повешение и удушение» (два перевода), «зависание и удушье» (один перевод), то есть переведена компонентно буквально, без учета идиоматического значения, один перевод «с помощью крючка и мошенничества» выявляет свободно созданные, не зафиксированные в словарях, неверные значения субстантивированных инфинитивов *Hängen* *«крючок», *Würgen* *«мошенничество», сомнителен перевод парной формулы как «замедление», а также в переводе двух других примеров контекста формула опущена, например:

*Wenn du merkst, dass du mal wieder in alte Muster verstrickt bist oder **mit Hängen und Würgen** etwas versuchst, was irgendwie nicht so richtig will, dann nimm es mit Humor. [Bewusstsein braucht Raum, 12.05.2014, aufgerufen am 14.09.2018] [DWDS.de].*

Если вы заметили, что снова увязли в старых шаблонах или пытаетесь сделать что-то, что как-то не очень получается, отнеситесь к этому с чувством юмора [Сознанию нужно пространство, 12/05/2014, accessed 14/09/2018] [DeepL].

Один перевод формулы (mit) *Hängen und Würgen* соответствует оригиналу, с учетом контекстной синонимии — «с большими заминками»:

*Nach zwei erfolglosen Anläufen in den Jahren 2004 und 2011 ist der Börsengang der weltweit viertgrößten Container-Reederei diesmal nämlich geglückt — wenngleich nur **mit Hängen und Würgen** [Der Standard, 06.11.2015] [DWDS.de].*

После двух неудачных попыток в 2004 и 2011 годах IPO четвертой по величине в мире компании по контейнерным перевозкам на этот раз прошло успешно — хотя и **с большими заминками** [Der Standard, 06.11.2015] [DeepL].

Перевод нейропереводчиком парной формулы *durch dick und dünn* «через трудности и невзгоды», «в горе и радости» эквивалентен в 25 % случаев, например:

*Brüderle zeigte sich überzeugt, daß Gerhardt eine Führungsgruppe zusammenstellen könne, deren Mitglieder miteinander arbeiten könnten und entschlossen seien, gemeinsam **durch dick und dünn** zu gehen. Die FDP macht sich Mut und erwartet viel von einem neuen Parteiführer Gerhardt. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.05.1995 [DWDS.de].*

*Брюдерле был убежден, что Герхардт сможет собрать группу лидеров, члены которой смогут работать вместе и будут полны решимости держаться вместе в **горе и радости**. СвДП берет себя в руки и многого ожидает от нового лидера партии Герхарда. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20 мая 1995 года [DeepL].*

В остальных примерах формула *durch dick und dünn* кодифицируется нейропереводчиком, как мы бы предположили, эксплицировано буквально: «через толстые и тонкие испытания», «через толстые и тонкие слои», «через область толстого и тонкого», где в переводе отражены первичные значения прилагательных *dick* «толстый» и *dünn* «тонкий», в результате экспликации добавлены «испытания», ошибочно «слои» и «область», — или передается алексически: «сквозь толщу и пучину», «в толчее и худе», «сквозь толщу и муку», что производит впечатление применения иного подхода к выбору варианта в принимающем языке, а именно — на основе поиска конструкции в русле воспроизведения антропогенных когнитивных моделей.

Немецкая парная формула *klipp und klar* «коротко и ясно», «недвусмысленно, четко», «однозначно» обычно встречается в составе коллокаций с глаголами говорения (*verba dicendi*), такими как *sagen* «сказать», *heißen* «заявить», *formulieren* «формулировать», *feststellen* «констатировать» и т. п., в переводах двадцати примеров контекстная семантика соблюдена в 85 % случаев, например:

*Und am extremsten dann übermorgen! Bleiben Sie also lieber zu Haus, und folgen Sie staunend dem Wetterslalom der FAZ. Mal schreibt die vom »Kataströphchen«, dann wieder heißt es **klipp und klar**: »Das Eis kriegt man jetzt nicht mehr weg.« Wetterbericht der Woche. Die Zeit, 18.02.2010 [DWDS.de].*

*И в самом крайнем случае — послезавтра! Так что лучше сидеть дома и с изумлением следить за погодным слаломом FAZ. То она пишет о «катастрофическом шторме», то **четко** заявляет: «Теперь ото льда не избавится». Погодный прогноз недели. Die Zeit, 18/02/2010 [DeepL].*

В трех других переводах формула опускалась.

4. Заключение = Conclusions

Статья впервые предлагает подробный обзор основных критериев немецкого языка как контролируемого естественного языка в машинном

перевод с помощью нейронных сетей в отношении его формульности. Эмпирическая часть представляет экспериментальный анализ переводческих решений в нейронном подходе к машинному переводу, используемом новейшим переводчиком DeepL, работающим на основе нейронных сетей. Формульность в статье представлена как структурно-конструирующее свойство многокомпонентных лексических единиц, которое обусловлено стабильностью, устойчивостью и воспроизводимостью их цельной структуры и, в меньшей степени, семантической деривацией. Лексические и грамматические ограничения на уровне организации текста, включающие формульность единиц в том числе, в немецком КЕЯ призваны упрощать синтаксическую структуру предложения, создавать стандартность предлагаемых переводческих решений.

Формульность немецкого языка представляет собой трудность в концепции немецкого КЕЯ, в частности, в призыве избегать в нем глагольно-номинальные словосочетания путем их замены на монологемные синонимы. Это справедливо, с одной стороны, но, с другой стороны, как показывают результаты проведенного в статье анализа, формульность одного класса единиц может быть трудностью для немецкого КЕЯ, при переводе единиц другого класса она успешно преодолевается. Представленный двухэтапный эксперимент включает анализ выполненного современным нейропереводчиком перевода двух классов формульных единиц, а именно: (1) глагольно-номинальных словосочетаний как устойчивых сочетаний десемантизированного функционального глагола и группы существительного-девербатива (обычно) с предлогом, и (2) парных формул как частично идиоматичных словосочетаний. Для перевода был составлен корпус из ста двадцати примеров (случайная выборка). Статистически учитывалась результативность эквивалентов перевода, не учитывались ошибки разного уровня, лексические структуры, опущения в переводе (табл. 1):

Таблица 1

Перевод классов формул в нейропереводчике

Класс 1	<i>zur Sprache bringen</i>	<i>Rücksicht nehmen auf (Akk)</i>	<i>in Erwägung ziehen</i>	Процентное соотношение
Результативность эквивалентности перевода	17 из 20	20 из 20	20 из 20	95 %
Класс 2	(mit) Hängen und Würgen	durch dick und dünn	klipp und klar	
Результативность эквивалентности перевода	3 из 20	4 из 20	16 из 20	38,3 %

Гипотетически, для перевода устойчивых формульных выражений разной структуры в новейшей переводческой нейросети должна быть учтена особая стратегия, которая выявлена: формульность немецкого языка передается в переводе на русский язык с разной результативностью в поиске эквивалентов. Общая результативность перевода первого класса — 95 %, второго класса — 38,3 %. Причины столь существенного различия успешности перевода формульных конструкций следует предполагать в том, что база данных первоисточника переводчика DeepL, функционирующего на основе нейронных сетей, содержит наработанный корпус переводческих решений для формульных конструкций класса 1 в утилитарных текстах, в текстах экспертного уровня официально-делового стиля и не обладает подобным массивом удовлетворительных переводных вариантов для формул класса 2. Такое заключение позволяет сделать вывод о том, что критерии немецкого языка как КЕЯ разрабатываются с привлечением искусственного интеллекта для перевода в промышленных и бизнес-целях и экстраполируются на перевод публицистических текстов. Очевидно, что в силу разных причин еще не создан продукт, который учитывал бы все формульные особенности немецкого языка как языка флективно-аналитического типа для переводческих целей.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Collins Dictionary* — Free online dictionary, thesaurus, and reference materials [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/come-to-a-decision> (accessed 4.04.2025).
2. DeepL — *DeepLTranslator* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.DeepL.com/ru/translator> (accessed 4.12.2024).
3. DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.DWDS.de> (accessed 4.12.2024).
4. IDS — *Institut für Deutsche Sprache. Grammatisches Informationssystem* [Electronic resource]. — Access mode : <https://grammis.ids-mannheim.de/terminologie/85> (accessed 12.12.2024).

Литература

1. Бабич М. Ю. Искусственный интеллект и создание сложных организационно-технических систем / М. Ю. Бабич // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Технические науки. — 2021. — № 4 (60). — С. 34—42. — DOI: 10.21685/2072-3059-2021-4-3.
2. Манёрова К. В. Вариантность произносительной нормы и значения в свете семантико-когнитивного анализа : немецкий фразеологизм *das A und O* / К. В. Манёрова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 74—98. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-74-98.

3. *Образцова В. М.* Использование контролируемого языка для повышения качества машинного перевода / В. М. Образцова // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых. — 2022. — № 21. — С. 140—146.
4. *Пиотровский Д. Д.* Формульная техника фарерских баллад / Д. Д. Пиотровский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — Т. 17 (2). — С. 271—289. — DOI: [org/10.21638/spbu09.2020.207](https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.207).
5. *Тузовский А. Ф.* Системы управления знаниями (методы и технологии) / А. Ф. Тузовский, С. В. Чириков, В. З. Ямпольский ; под общ. ред. В. З. Ямпольского. — Томск : Изд-во НТЛ, 2005. — 258 с. — ISBN 5-89503-241-9.
6. *Хабаров В. И.* Контролируемый естественный язык для работы с онтологиями / В. И. Хабаров, И. С. Степанов, А. А. Серенко // Научный вестник Новосибирского государственного технического университета. — 2019. — № 4 (77). — С. 99—120. — DOI: [10.17212/1814-1196-2019-4-99-120](https://doi.org/10.17212/1814-1196-2019-4-99-120).
7. *Ширяева А. А.* Перспективы использования машинного перевода на основе нейросетей при переводе текстов официально-делового стиля / А. А. Ширяева, Д. Ю. Леонова // Философия и наука в культурах Запада и Востока. Сборник статей по материалам VII Всероссийской научной конференции с международным участием. — Томск : [б. и.], 2024. — С. 146—150.
8. *Burger H.* Handbuch der Phraseologie / H. Burger. — Berlin, New York : de Gruyter, 1982. — Pp. 20—56.
9. *Drewer P.* Technische Dokumentation : Übersetzungsgerechte Texterstellung und Content-Management / P. Drewer, W. Ziegler. — Würzburg : Vogel, 2014. — 527 S.
10. *Dobrovol'skij D.* Figurative Language. Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives / D. Dobrovol'skij, E. Piirainen // 2nd edition, revised and updated. — Berlin, Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022. — 504 p.
11. *Göpferich S.* Standardisierung von Kommunikation / S. Göpferich. — Tübingen ; Basel : A. Francke Verlag, 2007. — S. 479—502.
12. *Göpferich S.* Textproduktion im Zeitalter der Globalisierung : Entwicklung einer Didaktik des Wissenstransfers. 3. Aufl / S. Göpferich // Studien zur Translation. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2008. — Bd. 15. — XII + 499 S.
13. *Häusermann J.* Phraseologie. Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf der Basis sowjetischer Forschungsergebnisse / J. Häusermann // 1. Aufl. Max Niemeyer Verlag. — Tübingen : Phraseologie, 1977. — 130 p.
14. *Heine A.* Zwischen Grammatik und Lexikon: Ein forschungsgeschichtlicher Blick auf Funktionsverbgefüge / A. Heine // In International Conference : Light Verb Constructions in Germanic Languages. — Brussels : Université Saint-Louis, 2017. — 452 p.
15. *Huijsen W.-O.* Controlled language : An introduction / W.-O. Huijsen // Proceedings of the second international workshop on controlled language application (CLAW 98). — Pittsburgh, PA : Language Technologies Institute, Carnegie Mellon University, 1998. — Pp. 1—15.
16. *Kamprath K.* Controlled Language for Multilingual Document Production : Experience with Caterpillar Technical English / K. Kamprath, E. Adolphson, T. Mitamura, E. Nyberg // Carnegie Mellon University. — 1998. — P. 12.
17. *Kuhn T.* A Survey and Classification of Controlled Natural Languages / T. Kuhn // Computational Linguistics. — 2014. — Vol. 40 (1). — Pp. 121—170.
18. *Lehrndorfer A.* Kontrolliertes Deutsch : Linguistische und sprachpsychologische Leitlinien für eine (maschinell) kontrollierte Sprache in der Technischen Dokumentation / A. Lehrndorfer. — Tübingen : Gunter Narr, 1996. — 246 S.

19. *Lehrndorfer A.* Controlled Siemens documentary German and TopTrans / A. Lehrndorfer, S. Schachtl // *Technical Communicators, TC-Forum* (3). — 1998. — Pp. 8—10.

20. *Lehrndorfer A.* Kontrollierte Sprache: standardisierte Sprache? / A. Lehrndorfer, U. Reuther. — Lübeck : Schmidt-Römhild (tekomp Hochschulschriften), 2008. — Bd. 16. — S. 9—121.

21. *Marzouk Sh.* Sprachkontrolle im Spiegel der Maschinellen Übersetzung : Untersuchung zur Wechselwirkung ausgewählter Regeln der Kontrollierten Sprache mit verschiedenen Ansätzen der Maschinellen Übersetzung (Translation and Multilingual Natural Language Processing 20) / Sh. Marzouk. — Berlin : Language Science Press, 2022. — 698 S.

22. *Matusov E.* The challenges of using neural machine translation for literature / E. Matusov // *Proceedings of the qualities of literary machine translation*. — Dublin : European Association for Machine Translation, 2019. — Pp. 10—19.

23. *Stein St.* Neuere Literatur zur Phraseologie und zu ritualisierter Sprache / St. Stein // *Deutsche Sprache* 22. — 1994. — Pp. 152—180.

24. *Stein St.* Formelhafte Sprache. Untersuchungen zu ihren pragmatischen und kognitiven Funktionen im gegenwärtigen Deutsch (Sprache in der Gesellschaft, 22) / St. Stein. — Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 1995. — 375 p.

25. *Stein St.* Formelhaftigkeit und Routinen in mündlicher Kommunikation [Electronic resource] / St. Stein. — 2004. — Access mode : <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/9783110622768-013/html?srsltid=AfmBOooG1KBpaDDILshoX-8rGiY4078JdjFTb-U9Nequ0gAkIMI0kpI5> doi.org/10.1515/9783110622768-013 (accessed 20.03.2025).

26. *Stumpf S.* Formelhafte (Ir-)Regularitäten. Korpuslinguistische Befunde und sprachtheoretische Überlegungen / S. Stumpf // *Reihe : Sprache — System und Tätigkeit*. — Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 2016. — Bd. 67. — 543 S.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025,
одобрена после рецензирования 14.09.2025,
подготовлена к публикации 04.10.2025.

Material resources

Collins Dictionary — *Free online dictionary, thesaurus, and reference materials*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/come-to-a-decision> (accessed 4.04.2025).

DeepL — *DeepLTranslator*. Available at: <https://www.DeepL.com/ru/translator> (accessed 4.12.2024).

DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.DWDS.de> (accessed 4.12.2024).

IDS — *Institut für Deutsche Sprache. Grammatisches Informationssystem*. Available at: <https://grammis.ids-mannheim.de/terminologie/85> (accessed 12.12.2024).

References

Babich, M. Y. (2021). Artificial intelligence and the creation of complex organizational and technical systems. *News of higher educational institutions. The Volga region. Technical sciences*, 4 (60): 34—42. DOI: 10.21685/2072-3059-2021-4-3. (In Russ.).

Burger, H. (1982). *Handbuch der Phraseologie*. Berlin, New York: de Gruyter. 20—56. (In Germ.).

- Dobrovol'skij, D., Piirainen, E. (2022). Figurative Language. Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives. In: *2nd edition, revised and updated*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH. 504 p.
- Drewer, P., Ziegler, W. (2014). *Technische Dokumentation: Übersetzungsgerechte Texterstellung und Content-Management*. Würzburg: Vogel. 527 S. (In Germ.).
- Göpferich, S. (2007). *Standardisierung von Kommunikation*. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag. 479—502. (In Germ.).
- Göpferich, S. (2008). Textproduktion im Zeitalter der Globalisierung: Entwicklung einer Didaktik des Wissenstransfers. 3. Aufl. In: *Studien zur Translation, 15*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. XII + 499 S. (In Germ.).
- Häusermann, J. (1977). Phraseologie. Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf der Basis sowjetischer Forschungsergebnisse. In: *1. Aufl. Max Niemeyer Verlag*. Tübingen: Phraseologie. 130 p. (In Germ.).
- Heine, A. (2017). Zwischen Grammatik und Lexikon: Ein forschungsgeschichtlicher Blick auf Funktionsverbgefüge. In: *In International Conference: Light Verb Constructions in Germanic Languages*. Brussels: Université Saint-Louis. 452 p. (In Germ.).
- Huijsen, W.-O. (1998). Controlled language: An introduction. In: *Proceedings of the second international workshop on controlled language application (CLAW 98)*. Pittsburg, PA: Language Technologies Institute, Carnegie Mellon University. 1—15.
- Kamprath, K., Adolphson, E., Mitamura, T., Nyberg, E. (1998). Controlled Language for Multilingual Document Production: Experience with Caterpillar Technical English. *Carnegie Mellon University*. P. 12.
- Khabarov, V. I., Stepanov, I. S., Serenko, A. A. (2019). Controlled natural language for working with ontologies. *Scientific Bulletin of Novosibirsk State Technical University, 4 (77)*: 99—120. DOI: 10.17212/1814-1196-2019-4-99-120. (In Russ.).
- Kuhn, T. (2014). A Survey and Classification of Controlled Natural Languages. *Computational Linguistics, 40 (1)*: 121—170.
- Lehrndorfer, A. (1996). *Kontrolliertes Deutsch: Linguistische und sprachpsychologische Leitlinien für eine (maschinell) kontrollierte Sprache in der Technischen Dokumentation*. Tübingen: Gunter Narr. 246 S. (In Germ.).
- Lehrndorfer, A., Reuther, U. (2008). *Kontrollierte Sprache: standardisierte Sprache?* Lübeck: Schmidt-Römhild (tekomp Hochschulschriften). 9—121. (In Germ.).
- Lehrndorfer, A., Schachtl, S. (1998). Controlled Siemens documentary German and TopTrans. *Technical Communicators, TC-Forum (3)*. 8—10.
- Manerova, K. V. (2022). Variation of Pronunciation Norm and Meaning in Light of Semantic-Cognitive Analysis: german Idiom das A und O. *Nauchnyi dialog, 11 (7)*: 74—98. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-74-98>. (In Russ.).
- Marzouk, Sh. (2022). *Sprachkontrolle im Spiegel der Maschinellen Übersetzung: Untersuchung zur Wechselwirkung ausgewählter Regeln der Kontrollierten Sprache mit verschiedenen Ansätzen der Maschinellen Übersetzung (Translation and Multilingual Natural Language Processing 20)*. Berlin: Language Science Press. 698 S. (In Germ.).
- Matusov, E. (2019). The challenges of using neural machine translation for literature. In: *Proceedings of the qualities of literary machine translation*. Dublin: European Association for Machine Translation. 10—19.
- Obraztsova, V. M. (2022). The use of controlled language to improve the quality of machine translation. *Problems of language and translation in the works of young scientists, 21*: 140—146. (In Russ.).

- Piotrovsky, D. D. (2020). The formula technique of Faroese ballads. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 17 (2): 271—289. DOI: org/10.21638/spbu09.2020.207. (In Russ.).
- Shiryayeva, A. A., Leonova, D. Y. (2024). Prospects of using machine translation based on neural networks in the translation of official business style texts. In: *Philosophy and science in the cultures of the West and East. Collection of articles based on the materials of the VII All-Russian Scientific Conference with international participation*. Tomsk: [b. i.]. 146—150. (In Russ.).
- Stein, St. (1994). Neuere Literatur zur Phraseologie und zu ritualisierter Sprache. *Deutsche Sprache* 22. 152—180. (In Germ.).
- Stein, St. (1995). *Formelhafte Sprache. Untersuchungen zu ihren pragmatischen und kognitiven Funktionen im gegenwärtigen Deutsch (Sprache in der Gesellschaft, 22)*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag. 375 p. (In Germ.).
- Stein, St. (2004). *Formelhaftigkeit und Routinen in mündlicher Kommunikation*. Available at: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/9783110622768-013/html?srsltid=AfmBOooG1KBpaDDILshoX-8rGiY4078JdjFTb-U9Nequ0gAkIM10kpI5doi.org/10.1515/9783110622768-013> (accessed 20.03.2025). (In Germ.).
- Stumpf, S. (2016). Formelhafte (Ir-)Regularitäten. Korpuslinguistische Befunde und sprachtheoretische Überlegungen. In: *Reihe: Sprache — System und Tätigkeit, 67*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag. 543 S. (In Germ.).
- Tuzovsky, A. F., Chirikov, S. V., Yampolsky, V. Z. (2005). *Knowledge management systems (methods and technologies)*. Tomsk: NTL Publishing House. 258 p. ISBN 5-89503-241-9. (In Russ.).

*The article was submitted 27.05.2025;
approved after reviewing 14.09.2025;
accepted for publication 04.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Маринова Е. В. Термины как результат разных форм заимствования (на материале языка цифрового общества) / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 121—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-121-140.

Marinova, E. V. (2025). Terms as a Result of Various Forms of Borrowing (Language of Digital Society). *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 121-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-121-140. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Термины как результат разных форм заимствования (на материале языка цифрового общества)

Маринова Елена Вячеславовна

orcid.org/0000-0003-3860-5606

доктор филологических наук,
профессор кафедры преподавания
русского языка как родного
и иностранного
marinova@list.ru

Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
частично за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00991,
<https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

Terms as a Result of Various Forms of Borrowing (Language of Digital Society)

Elena V. Marinova

orcid.org/0000-0003-3860-5606

Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Teaching Russian
as a Native and
Foreign Language
marinova@list.ru

Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported in part
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00991,
<https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению генезиса терминологии цифрового общества в русском языке. Около 60 % терминов данной терминосистемы являются результатом разных форм заимствования. Цель исследования — установить соотношение этих форм и особенности их проявления. В качестве материала привлекается свыше 1500 номинаций, извлечённых из научных текстов по проблеме цифровой культуры; текстов электронного медиабанка «Интегрум», Национального корпуса русского языка, сайта Минцифры РФ. Исследование выполнено в русле структурно-описательного метода. Установлено, что в исследуемой терминологии преобладают структурные кальки, что объясняется особенностями состава её номинаций (преобладают развёрнутые). Однословные термины преимущественно заимствуются, составные — калькируются. Важную роль в формировании терминосистемы играют вторичные заимствования: их вхождение в русский язык приводит к повторной интернационализации некоторых устоявшихся терминов. Отмечаются факты закрепления в русском языке терминов, восходящих к одному и тому же слову в английском языке, но закрепившихся в результате разных способов заимствования: кальки и вкрапления (*большие данные* — *Big Data*); кальки и полукальки (*голосовой помощник / ассистент*), прямого заимствования и кальки (*фиджитал* — *цифро-физический*). Наблюдается тенденция к проникновению в язык-реципиент англицизмов, имеющих в нём формально-семантические связи.

Ключевые слова:

заимствование терминов; терминология цифрового общества; калькирование; вторичное заимствование; графическое заимствование; конкуренция форм заимствования; интернационализация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the genesis of terminology within the digital society in the Russian. Approximately 60% of the terms in this terminological system are the result of various forms of borrowing. The aim of the study is to establish the relationship between these forms and the characteristics of their manifestation. The research is based on over 1500 nominations extracted from scholarly texts addressing issues related to digital culture, as well as from the electronic media bank “Integrum,” the National Corpus of the Russian Language, and the website of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation. The study employs a structural-descriptive method. It has been found that structural calques dominate in the examined terminology, which can be attributed to the nature of its nominations (with a predominance of expanded forms). Single-word terms are primarily borrowed, while compound terms are typically calqued. Secondary borrowings play a significant role in the formation of the terminological system; their incorporation into the Russian leads to a re-internationalization of certain established terms. The article notes instances where terms in Russian, derived from the same English word, have become established through different methods of borrowing: calques and insertions (*bolshiye dannye* — *Big Data*); calques and semi-calques (*golosovoy pomoshchnik* [voice assistant] / assistant); direct borrowing and calque (*phygital* — *tsifro-fisicheskiy*). There is a noticeable trend towards the penetration of Anglicisms into the recipient language, which exhibit formal-semantic connections therein.

Key words:

term borrowing; terminology of the digital society; calquing; secondary borrowing; graphic borrowing; competition of borrowing forms; internationalization.

УДК 811.161.1'37:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-121-140

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Термины как результат разных форм заимствования (на материале языка цифрового общества)

© Маринова Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

Объект нашего исследования — обозначения реалий и понятий цифрового общества как единая терминологическая система. Начало её формирования — 90-е годы XX века. За относительно короткий, по меркам языка, срок ряд терминов прошёл путь от номинации, использующейся только в техносфере (то есть от техницизма), до общеупотребительного слова (*интернет, онлайн, логин*) или / и слова общественно-политической лексики (*кибербезопасность, цифра* — о цифровых технологиях, *электронные следы*), что объясняется характером цифровых преобразований жизни. Как отмечают теоретики в области технических революций, коренные изменения в ходе таких революций затрагивают как техносферу, так и социум в целом [Федяев, 1998, с. 926]. С началом цифровизации — достижения последней, Третьей промышленной революции — можно рассматривать социум, развивающийся в направлении повсеместного внедрения цифровых технологий, как социотехнический феномен. Это накладывает отпечаток и на язык, обслуживающий модель цифрового общества, и прежде всего на состав номинативных средств, в семантике которых обязательной общей семой является «техническая» сема, несмотря на то что сами средства могут использоваться в разных сферах общества — образование, политика, здравоохранение, юриспруденция, финансовая сфера и т. д. вплоть до бытовой сферы.

Отдельные термины, относящиеся к этой новой предметной области, уже становились объектом специального лингвистического изучения: *цифровая экономика* [Волков, 2020a]; *искусственный интеллект* [Волков, 2020; Клементьева 2022]; *цифровая цивилизация* [Волков и др., 2020; Кутырёв, 2022]; *экосистема* [Алтухов и др., 2021]; *биткоин* [Вепрева и др., 2018]; *кьюар-код* [Глущенко, 2022]; *нейросеть* [Плотникова, 2023]; *цифровая личность* [Маринова, 2023]. Необходимо представить терминологию

ческую лексику этой сферы в целом; описать её особенности, в том числе генезис, чему посвящена данная работа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для наблюдений и анализа послужили: письменные тексты, извлечённые путём специальных поисковых запросов (например, на слова *цифровой*, *цифровизация* и т. д.) из электронного медиабанка «Интегрум» (сервис «Архив СМИ», 1996—2025); тексты официальных документов и новостные тексты, размещённые на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ; научный дискурс на тему цифровизации; Национальный корпус русского языка (НКРЯ), а также неологические словари и базы Института лингвистических исследований РАН. Общее количество исследуемых номинаций — около 1500¹. Более 400 из них, самых частотных, вошли в словарь «Терминология цифрового общества» [Маринова и др., 2025] как заголовочные слова; остальные номинации включены в словарь в зоны словарных статей, отражающие парадигматические связи заголовочного термина с другими номинациями.

Исследование выполнено в русле структурно-описательного метода. На начальном этапе работы было установлено, что около 60 % терминов исследуемой терминосистемы — иноязычного генезиса, однако форма, или способ, заимствования языковой единицы может быть различной: прямое материальное заимствование, вторичное, или повторное, заимствование, графическое заимствование, калькирование (семантическая калька, структурная калька, полукалька). Цель исследования — установить соотношение этих форм и особенности их проявления. Исходя из этого далее среди номинаций иноязычного происхождения выделялись подгруппы в соответствии с формой заимствования. Установление формы заимствования осуществлялось с опорой на словари (иноязычных слов, новых слов, словари английского языка); для подтверждения факта калькирования привлекались англоязычные тексты, имеющиеся в открытом доступе в сети Интернет. Приблизительно 3 % от общего массива собранных номинаций составляют терминологические сочетания, происхождение которых однозначно определить сложно. Например, номинации *цифровое будущее*, *цифровые решения*, *цифровой суверенитет*, с одной стороны, имеют соответствия в английском языке, откуда поступают все иноязычные элементы в терминосистему цифрового общества. Однако с уверенностью говорить о том, что они появились в русском языке благодаря калькированию, не приходится по двум причинам: во-первых, процессы номинации одного и того же в разных языках мо-

1 Эта часть исследования выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

гут проходить параллельно сходным образом; во-вторых, факты регулярного использования соответствующих английских выражений в ходе нашего исследования не установлены. Как отмечает Л. П. Крысин, «в этимологическом анализе некоторых слов нельзя исключать множественность интерпретаций» [Крысин, 1998, с. 118]. Принимая это положение во внимание, мы анализируем лишь те номинации, факт вхождения которых в русский язык из английского не вызывает сомнений.

На материале терминологии цифрового общества такое исследование проводится впервые. Одна из его задач — уточнить специфику процесса заимствования в терминологиях как специфических лексических системах. В развёрнутом очерке, посвящённом заимствованию терминов, С. В. Гринёв-Гриневиц исходит из того, что «процесс заимствования терминов довольно незначительно отличается от заимствования слов общелитературного языка», к тому же «большинство заимствованных слов и словосочетаний относится к терминам» [Гринёв-Гриневиц, 2008, с. 192]. Трудно не согласиться с последним наблюдением, однако исходный тезис — о незначительном отличии заимствования терминов и не-терминов — представляется спорным. Формы заимствования, действительно, универсальны для вхождения в язык-реципиент слов общеупотребительной и терминологической лексики. Но причины заимствования (по сути, их две: отсутствие исконного обозначения для заимствуемой реалии или понятия; тенденция к интернационализации терминологии), условия заимствования¹, а главное, дальнейшая адаптация заимствуемой единицы различны. По мнению Л. П. Крысина, различны и «подходы к анализу и оценке численности и качества иноязычных заимствований» в общенародном языке и терминологии [Крысин, 2014, с. 52]. В нашем исследовании мы придерживаемся этой точки зрения.

Роль заимствованных терминов в языке науки неоднократно освещалась в специальной литературе, начиная с основополагающей работы Д. С. Лотте «Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов», в которой заимствование рассматривается в связи с вопросами стандартизации [Лотте, 1982]. Следует отметить, что термины, появляющиеся в языке науки путём калькирования (перевода) слова чужого языка, Д. С. Лотте к числу заимствований не относит: кальки не имеют признаков иноязычного слова в своём внешнем облике, в отличие

1 См., например, об этом: «Такие виды речевой деятельности, как чтение, перевод и комментирование иностранной прессы, научной и публицистической литературы, участие в интернациональных конференциях, конгрессах, симпозиумах, общение в процессе разработки совместных межнациональных технических и научных проектов и т. п., создают благоприятную почву для заимствования иноязычной лексики и терминологии» [Крысин, 2014, с. 143].

от материального заимствования. Однако более последовательным представляется отнесение номинаций, появившихся в языке в результате калькирования чужого лексического материала, к заимствованиям, поскольку в создании таких номинаций исходным импульсом, первопричиной является именно чужой язык. Как пишет Н. С. Арапова, в случае калькирования «происходит заимствование (выделено нами. — Е. М.) словообразовательной или семантической структуры иноязычного слова» [Арапова, 2000, с. 3]. В нашей концепции форм заимствования, изложенной, в частности, в [Маринова, 2008], калькирование наряду с процессом вторичного заимствования (появления нового значения у прежде заимствованного слова под влиянием чужого языка) рассматривается как вид скрытого заимствования (в противоположность заимствованию материальному, при котором язык-реципиент перенимает, принимает и адаптирует звуковую оболочку чужого слова).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Прямые заимствования

Как правило, заимствованные термины представляют собой единственные обозначения объектов и понятий, что и является причиной их закрепления в языке. Таковы, например, англицизмы претерпевшей цифровую трансформацию финансовой сферы (*биткоин*, *блокчейн*, *майнинг*, *эквайринг* ‘услуга банка, позволяющая осуществлять безналичную оплату’¹): их вхождение в русский язык объясняется тем, что все новые цифровые финансовые инструменты и даже форма валюты, появившиеся в нашей стране, были нововведениями другого государства (США). Новыми денежными операциями, связанными с деятельностью человека в сети Интернет, стали различные формы добровольного пожертвования, позаимствованные из чужой культуры вместе с обозначениями: *донат* (*donate*) ‘добровольное пожертвование создателям цифрового контента’, *краудфандинг* (*crowd funding*) ‘поддержка какого-л. проекта путём добровольных пожертвований через интернет-платформы’.

По той же причине — первенство другой страны в нововведении / изобретении — пополнилась заимствованиями лексика техносферы: *бот*, *чат-бот*, *смартфон*, *динфейк* (*deepfake*) ‘технология создания правдоподобного изображения / голоса человека с помощью нейросети’ и др.

В настоящее время активно пополняется англицизмами лексика, обозначающая различные виды киберпреступности — *фишинг* (*phishing*) ‘незаконный доступ к конфиденциальным данным клиентов банков’, *смишинг*

1 Здесь и далее толкования значений приводятся по словарю «Терминология цифрового общества» [Маринова и др., 2025].

(*smishing*) ‘мошеннические действия посредством отправки вредоносных SMS-сообщений’ — и средства борьбы с ней — *антифрод* (*anti-fraud*) ‘система выявления и предотвращения мошеннических операций’, *багбаунти* (*bug bounty*) ‘тестирование и поиск уязвимых мест в электронной системе для повышения киберзащиты’. Этот ряд можно продолжить наименованиями, выражающими общую идею опасного или / и нежелательного контента в Сети: *мреш-стрим* (*trash stream*) ‘прямая трансляция эпатазирующих действий в Сети’, *доксинг* (*doxing*) ‘публикация в Сети личной информации о человеке с целью шантажа, травли, мошенничества’, *троллинг*, *спам* и др.

В связи с развитием производства различной портативной компьютерной техники (КПК, планшет, плеер, смартфон и т.д.) появилась необходимость в родовом понятии по отношению к техническим устройствам. В английском языке такое понятие закрепилось за словом *gadget*, которое пришло и в русский язык, освоилось и даже используется в создании новых номинаций: *гаджетозависимость*, *гаджет-поколение*, *гаджет-индустрия*, *гаджет-имплант* и др.

Многие заимствования обслуживают сферу пребывания пользователя в Сети, подключения к ней. В этом отношении выделяются семантически близкие номинации, отражающие важную для цифрового мира идеологию **кода**. Прежде всего это термины, включающие само слово *код* (англ. *code*)¹, и некоторые другие: *кьюар-код* (< *QR Code*, где *QR* из *Quick Response*, букв. «быстрое реагирование»); *ПИН-код* (< *PIN Code*, где *PIN* из *Personal Identification Number*); *логин* (< *login*).

Регулярно пополняется заимствованиями лексика, передающая идею взаимодействия: пользователей друг с другом — *краудсорсинг* (*crowdsourcing*) ‘добровольное участие широкого круга лиц в реализации каких-л. проектов, координируемое через интернет’; *массфоллоving* (*massfollowing*) ‘продвижение страницы в соцсетях среди пользователей с целью получения ответной подписки’ — или интернет-ресурса с пользователем — *куки* (*cookie*) ‘данные, отправляемые с веб-сайта и сохраняемые на компьютере пользователя с тем, чтобы веб-сайт мог фиксировать информацию о его поисковых запросах’.

Особо следует отметить параллельное вхождение в русский язык терминов, восходящих к одному и тому же прототипу, но адаптированных разными способами. Например, *личный кабинет* и *аккаунт* соотносятся между собой как калька и заимствование (ср. *personal account*). Обе номинации, практически не различаясь в значении, тем не менее активны в речи и

1 Ср. пришедшее на заре цифровизации слово *штрихкод* — полукалька английского *bar code*, где *bar* — «полоска». Прямое заимствование рубежа XX—XXI веков *бар-код* в русском языке не закрепилось.

составляют повседневный словарь современного человека. *Пользователь* (калька) и *юзер* (заимствование), восходящие к английскому *user*, не одно десятилетие сохраняются в языке, хотя *юзер* заметно уступает по частотности кальке. Калька *поточковый* ‘обеспечивающий передачу цифрового контента в режиме реального времени широкой аудитории пользователей’ (*n-ое вещание, n-ое видео*) и заимствование *стриминговый* (*с. сервис, с-ая платформа* — о платформе, подбирающей контент под пользовательские интересы и воспроизводящей его без необходимости загрузки) восходят к прилагательному *streaming*. Калька *цифро-физический* ‘относящийся к технологии, соединяющей онлайн- и офлайн-форматы межличностного взаимодействия’ создана на базе неологизма английского языка *phygital* (*phy<scical> + <di>gital*); параллельно в русских текстах используется и прямое заимствование *фиджитал*- (*фиджитал-спорт* — о соревнованиях, совмещающих элементы физического и киберспорта). Подобная пара терминоэлементов — *умный* (*у. дом, у-ая колонка*) и *смарт*- (*smart*) — *смарт-карта*.

К одному и тому же английскому слову *digital* восходят *цифровой* (калька) и *дигитальный, диджитал*- / *дигитал*- (заимствования). В текстах правительственных документов используется только калька *цифровой*. Среди прямых заимствований наиболее частотен вариант *диджитал*-, а его грамматический омоним — существительное *диджитал* ‘продвижение товаров и услуг с использованием цифровых технологий’ — обосновался в профессиональной речи специалистов по маркетингу и используется в публикациях, тематически связанных с этой сферой, например: *В целом диджитал пока дешевле привычной медийной рекламы, хотя с усложнением инструментов, с появлением все большего количества желающих использовать среду интернета для продвижения его стоимость тоже растет* (Digital Marketing // ВКонтакте (аккаунт: Мой бизнес. Архангельская область). 17.11.2017. https://vk.com/wall-32129399_1534) [AA]; *Эволюция цифровизации постепенно стирает границу между ИТ и диджитал* (blognetology. В чём отличие ИТ- и диджитал-профессий: цифровая трансформация и мнения экспертов // Нетология (образовательная платформа). 20.05.2020. <https://habr.com/ru/companies/netologyru/articles/502838/>) [AA]. В прессе можно встретить: *дигитализация бизнеса <СМИ, искусства, компании, телевидения, страхования> (в банковской сфере), продаж, рынка* и т. п., но в официальной речи заимствование, в отличие от кальки *цифровизация*, восходящей также к *digitalization*, не используется.

К одному и тому же английскому слову — *slacktivism* (*slack<er> ‘бездельник’ + <ac>tivism ‘активизм’*) — восходят номинации *слактивизм* / *слэктивизм* и неточная структурная калька *диванный активизм* ‘политиче-

ская или общественная активность пользователя, осуществляемая в соцсетях не требующими особых усилий способами (подписание онлайн-петиций, репост, изменение аватара)».

Ещё одна пара номинаций имеет один и тот же этимон: *голосовое сообщение* — *войс* (ср. *voice message*). Калька в этой паре является официальным названием популярной в мессенджерах опции (в разговорной речи используются также *голосовое*, *голосовуха*), однако в медийном дискурсе встречается и прямое заимствование: *Диджитал-этикет: нет войсам, спаму в чатах и звонкам без видео* (М. Терентьев. Диджитал-этикет: нет войсам, спаму в чатах и звонкам без видео // Mailfit (блог агентства Email-и CRM-маркетинга). 09.06.2021. <https://mailfit.com/blog/digital-etiquette>) [AA]; *Что такое digital-этикет, когда нормально записывать войсы и почему точки в конце сообщений могут раздражать* (М. Наумова. Сорри за войс: 15 глупых вопросов о digital-этикете // Enter: интернет-журнал. 25.09.2020. <https://entermedia.io/people/sorri-za-vojs-15-glupyh-voprosov-o-digital-etikete/>) [AA].

Следует подчеркнуть, что к прямым заимствованиям относятся не только однословные термины, но и некоторые терминологические элементы, участвующие в создании новых номинаций. Среди англоязычных прилагательных отметим следующие (наряду со словом *цифровой*, о котором говорилось выше): *иммерсивный* (< *immersive*) «обеспечивающий эффект погружения во что-л., в какую-л. среду» (напр.: *и-ые технологии*, *и-ые устройства*); *киберфизический* (< *cyberphysical*) «объединяющий электронные устройства и технологии с элементами физического мира для сбора, обработки и передачи данных, управления процессами в различных отраслях» (*к-ая система*, *к-ое оборудование*). Оба слова актуализируются и расширяют свою сочетаемость в этом же ряду *смешанный*, *гибридный*, *фиджитал*-, *бесшовный*) в контексте развития новейших технологий в направлении их органичного, «бесшовного» интегрирования в физический мир.

Широко представлены в терминологии цифрового общества терминологические элементы аналитического типа — препозитивные словообразовательные форманты, статус которых трактуется в науке неоднозначно (аффиксоиды, аналитические прилагательные, первые части сложных слов). Среди них — знаковые для языка цифровой эпохи элементы *офлайн*- и *онлайн*-, задающие важную онтологическую оппозицию современного мира «физический мир vs виртуальный мир», причём формант *офлайн*- не теряет своей актуальности и по-прежнему используется для обозначения реалий или явлений, которые в условиях всеобщей цифровизации и виртуализации существуют в физическом мире; см.: *Как цифра спасает офлайн-торговлю* (Ведомости. 23.12.2021) [НКРЯ]. По-видимому, *офлайн* удовлетворяет

«номинативную потребность в присвоении признаковой характеристики» когда-то единственной, не имеющей «онтологической альтернативы» реальности [Шкапенко и др., 2022, с. 3].

В XXI веке состав препозитивных словообразовательных формантов, имеющих отношение к цифровым технологиям, пополнился. Приведём примеры: *дата-* (*data* ‘данные’) — *д.-технологии*, *д.-центр*; *диджитал-* — *д.-маркетинг*, *д.-агентство*; *фиджитал-* — *ф.-технологии*, *ф.-обучение*; *робо-* (*robo-*) — *робо-вооружение*, *робо-самолёты*.

Следует подчеркнуть важную особенность процесса проникновения новых слов в русский язык, связанную с исключительным положением английского языка в роли языка-источника. Эта особенность проявляется в том, что тот или иной англицизм всё чаще, по сравнению с предшествующими столетиями, входит в принимающую его систему как элемент формально-семантической парадигмы, а не единичный знак. В этом отношении прямое заимствование уподобляется словообразованию: результатом деривационного процесса всегда оказывается единица, вписывающаяся в словообразовательную парадигму (пару, гнездо). Англицизм, поступающий в русский язык уже после того, как в нём освоилось ранее заимствованное слово с тем же корнем, воспринимается говорящими, так же как и дериват, как более или менее мотивированное; ср. *маркет-плейс* и ранее заимствованное *маркет*; *дипфейк* и *фейк*; *кобраузинг* ‘одновременное дистанционное взаимодействие пользователей в браузере через специальное программное обеспечение’ и *браузер*; *бот* и *робот*; *агрегатор* ‘программно-аппаратное средство, собирающее данные из множества источников’ и *агрегат* (лат. *aggregatus* «собранный») и др. Для терминологии такое качество нового заимствования особенно значимо, так как мотивированность терминов укрепляет их системные связи.

Среди иноязычных терминов исследуемой нами предметной области можно выделить случаи параллельного (одновременного) заимствования словообразовательной пары или микрогнезда, которое уже на русской почве может пополняться за счёт новых производных. Покажем это на нашем материале: *багханты* — *бахантинг* — *багхантер*; *смишинг* — *смишер*; *стриминг* — *стример* — *стрим* — *треш-стрим*; *фишинг* — *антифишинг*; *хактивизм* (*hacktivism*) ‘форма протеста в киберпространстве, нацеленная на правительственные организации, корпорации, известных и политических деятелей и выражающаяся в порче или блокировке веб-сайтов, краже конфиденциальной информации’ — *хактивист* (ср. *хакер*) и др. Такие микропарадигмы свидетельствуют, как правило, об актуальности явления, во всяком случае на момент заимствования слова, служащего его обозначением.

Если же заимствование приходит всё же «без пары», в случае актуализации реалии оно может стать базой для новых слов и выступить исходной единицей для новой парадигмы. Так, например, слово *дроппер / drop (dropper)* ‘подставное лицо, задействованное в нелегальных схемах по выводу средств с банковских карт’ за относительно короткий срок не только стало частотным в регулярных публикациях СМИ о различных схемах кибермошенничества, но и «инициировало» появление производных; см.: *Дропперские карты являются основным способом вывода похищенных денег* (Эксперт: лимит на карты может предупредить мошенничество. Авторadio (avtoradio.ru). 08.04.2025) [Интегрум]; *Управление бюджетом, финансовая безопасность, дропперство: более 500 человек приняли участие в мероприятиях по финансовой грамотности* (заголовок интернет-публикации) (BezFormata.com11.04.2025) [Интегрум].

3.2. Графические заимствования

В русскоязычном дискурсе о «цифре» некоторые заимствования могут употребляться в своей оригинальной графике, то есть как и н о я з ы ч н ы е в к р а п л е н и я . Прежде всего это наблюдение касается англицизма *digital* и заимствованных аббревиатур: *AI* (*Artificial Intelligence* ‘искусственный интеллект’); *IoT* (*Internet of Things* «Интернет вещей» — о технологии объединения в компьютерную сеть электронных устройств, способных функционировать без участия человека); *ID* (*identifier*) ‘уникальный признак субъекта доступа, используемый для объявления идентичности до потенциального подтверждения’; *IP* (*Internet Protocol*) ‘уникальный числовой идентификатор, используемый для определения местоположения устройств в Интернете или локальной сети и обмена информацией’; *SMM* (*Social Media Marketing*) ‘привлечение пользователей соцсетей для продвижения товара или услуги как профессия’; *Wi-Fi* (*Wireless Fidelity* «беспроводная точность») и др.

Некоторые заимствованные аббревиатуры встречаются и в написании кириллицей: *ИТ* (преобладает) и *ИТ*; *АИ* и *ИИ* (преобладает); *PIN-код* и *ПИН-код*; *QR-код* и *кьюар-/куар-код*. Вместе с кириллическим вариантом отдельные заимствования получают вторую жизнь в роли обычных существительных-апеллятивов, повторяя судьбу слова *тиар*. В таком качестве они могут склоняться: *В ходе осмотра экспозиции предприятий Пермского информационно-технологического кластера президенту рассказали, в частности, об идее публичного вайфая...* (Путин обсудит с Новаком проект подключения нефтяных скважин к интернету. Коммерсант. 08.09.2017) [НКРЯ]¹.

1 Написание слова не кодифицировано. Справочная служба портала «Грамота.ру» рекомендует слитное написание — *вайфай* [Грамота].

Только как вкрапления используются в русских письменных текстах аббревиатуры *IoT*, *IP*, *ID*, *AR* (*Augmented Reality* «дополненная реальность»), *VR* (*Virtual Reality* «виртуальная реальность»), *MR* (*Mixed Reality* «смешанная реальность»), *XR* (*Extended Reality* «расширенная реальность») и др.

Особенно распространено сохранение оригинального написания англицизмов в составе двухкомпонентных номинаций с первым неизменяемым компонентом атрибутивной семантики. При этом опорное существительное пишется по-русски. Множество таких гибридных наименований, преимущественно из сферы бизнеса и коммерции, строятся с помощью *digital* (*d.-специалист*, *d.-агрессия*). Продуктивны также некоторые вкрапления-аббревиатуры, прежде всего *IT* и *VR*: *IT-индустрия*, *IT-специалист*, *IT-отсрочка* и др.; *VR-очки*, *VR-навильон*, *VR-тренажёры* и др.

Эти и подобные графические гибриды — неотъемлемая часть терминологии цифрового общества, а в целом — языковое проявление глобализации. Однако ещё задолго до начала процесса глобализации теоретики в области терминоведения отмечали интернациональный характер любой терминологии как один из значимых признаков этого пласта лексики. В этом отношении формирующаяся терминология цифрового общества не исключение: многие заимствования (начиная со слова *Интернет*) представляют собой интернационализмы.

3.3. Вторичные заимствования

Непосредственно связано с процессом интернационализации терминологии и вторичное, или повторное, заимствование. Так же, как и калька, эта форма скрытого заимствования активизировалась на рубеже XX—XXI веков [Крысин, 2004], причём не только в русском языке, но и в других славянских языках. Заимствованные этими языками в предшествующие эпохи слова, часто — греко-латинского происхождения, с развитием компьютерных технологий стали употребляться и в других, новых значениях под влиянием англо-американского языка (языка страны-лидера новых технологий), в котором и происходили семантические изменения этой лексики: значение «старого» слова переосмысливалось, так как в процессе номинации объекта или понятия компьютерной сферы оно метафорически соотносилось с другим референтом. Многие термины компьютерной сферы, появившиеся в этот период, — результат перевода английских технических текстов. *Адрес*, *архив*, *библиотека (стилей)*, *буфер (обмена)*, *вирус*, *директория*, *документ*, *иконка*, *команда*, *конференция*, *корректор (правописания)*, *мастер (подсказок)*, *модератор*, *меню*, *навигатор*, *панель*, *папка*, *пароль*, *планшет*, *платформа*, *порт*, *портал*, *протокол*, *профиль*, *редактор (текстовый редактор)*, *формат*, *форум* и дру-

гие слова-интернационализмы под влиянием английского языка получают новое значение, которое изначально появилось именно в английском языке [Маринова, 2008, с. 388—392]. Вошедшие в своё время в международный словарный фонд, в цифровую эпоху эти слова с обновлённой в контексте новых технологий семантикой вновь становятся средством межъязыкового общения. Неслучайно их считают семантическими интернационализмами [Markowski, 2004, с. 38], а сам процесс их появления в языке-реципиенте — повторной интернационализацией [Buzássyová, 1991; Mravinacová, 2005], которая «стимулирует неосемантику» имеющейся в языке-реципиенте лексики [Mravinacová, 2005, с. 183].

3.4. Кальки

Итак, новые технологии, заменившие «аналоговые» и повлёкшие за собой как положительные, так и отрицательные последствия (киберпреступность), — одна из причин притока заимствований в русском языке XXI века. Однако, по меткому выражению В. Г. Демьянова, для полноты лингвистической информации важно разграничивать различные формы заимствования. В нашем материале преобладают кальки, что объясняется структурными особенностями номинаций, составляющих терминологию цифрового общества: большая их часть (свыше 60 % от общей массы терминов) — развёрнутые номинации. Так, термин *цифровое общество* — калька английской коллокации *Digital Society*. Менее распространена (но встречается) полукалька — *дигитальное общество*, прямого же заимствования не произошло, так как обычно составные номинации переводятся: в случае прямого заимствования устойчивое сочетание чужого языка используется преимущественно как вкрапление, в оригинальной графике — например, *Big Data*, но не *биг-дейта¹.

Таким образом, структурные кальки — самый значительный в количественном отношении результат заимствования чужого лексического материала в формирующейся терминологии на данном этапе её развития. Заметное место в ней занимают фразеологические кальки, именующие фундаментальные понятия в сфере цифровых технологий: *большие данные*, *искусственный интеллект*, *интернет вещей*, *машинное обучение* (< *machine learning*) ‘совокупность методов искусственного интеллекта, с помощью которых можно создавать самообучающиеся компьютерные системы, в частности нейросети’, а также прорывные технологии перспективного направления в цифровизации жизни (интеграция физического и виртуального мира): *виртуальная реальность*, *дополненная реальность*, *смешанная реальность*, *расширенная реальность*.

1 Со временем вкрапление может получить кириллическую форму: *хеппи-энд*, *от-кутюр*, *ол-инклюзив*, — но такие факты единичны.

Принципиальный характер в этом вопросе имеет и факт калькирования слова, ставшего ключевым в русскоязычном дискурсе после поистине революционных технологических изменений. Это прилагательное *цифровой* (< *digital* ‘переводящий сигнал в двоичный код с помощью электронных систем’) — техницизм, имеющий на момент вхождения в русский язык (конец XX века) «конкурента» в виде прямого заимствования *дигитальный* того же генезиса (*д-ая революция, д-ая эпоха, д. язык* и под.). Однако заимствование не выдержало конкуренции с калькой, и именно *цифровой* стало самым главным в концептуальном плане словом, задающим точку отсчёта в новой технологической эпохе. В современной речи *цифровой* выступает чуть ли не обязательным атрибутом, характеризующим даже бытийные, онтологические категории (*ц-ая эпоха, ц. мир, ц-ое пространство, ц-ая жизнь, ц-ая смерть, ц-ое будущее, ц-ое бессмертие, ц-ой человек*).

В качестве терминоэлемента составных наименований прилагательное высокочастотно (в наших материалах приблизительно 90 % развёрнутых номинаций содержит именно этот атрибут). Соответственно в случае очередной адаптации какого-либо оборота английского языка используется эта калька. Таким способом пополнились:

— лексика финансовой сферы: *цифровые активы* (ср. *digital assets*); *цифровая валюта* (ср. *digital currency*); *цифровая монета* (ср. *digital coin*); *цифровые деньги* (ср. *digital money*) и др.;

— политическая лексика: *цифровая трансформация* (ср. *digital transformation*); *цифровая политика* (ср. *digital policies*); *электронное правительство* ‘модель государственного управления и межведомственного взаимодействия, основанная на цифровых технологиях (электронный документооборот, информатизация, открытые данные для граждан, цифровизация госуслуг)’ — ср. *e-Government* и др.;

— лексика экономической сферы: *цифровая экономика* (ср. *digital economy*); *цифровые навыки* (ср. *digital skills*); *цифровые компании* (ср. *digital company*); *цифровая инфраструктура* (ср. *digital infrastructure*); *цифровой продукт* (ср. *digital product*); *цифровая экосистема* ‘совокупность взаимосвязанных информационно-технологических ресурсов, позволяющих получать доступ ко всем сервисам через единый аккаунт’ (ср. *digital ecosystem*) и др.;

— лексика сферы цифровой безопасности: *цифровая гигиена* ‘соблюдение правил безопасного поведения пользователя в интернет-пространстве’ (ср. *digital hygiene*); *цифровая грамотность* ‘знание правил сохранности персональных данных и других требований цифровой безопасности’ (ср. *digital literacy*); *цифровая идентичность* (ср. *digital identity*); *цифровая подпись* (ср. *digital signature*); *цифровое похищение* ‘использование в Сети

фотографии несовершеннолетнего без ведома его родителей и самого ребёнка' (неточная калька; ср. *digital kidnapping*) и др.;

— лексика социальной сферы: *цифровые аборигены* — о поколении людей, родившихся после цифровой революции и привыкших получать информацию через цифровые каналы (ср. *digital natives*; термин Марка Пренски); *цифровые кочевники* — о современном поколении молодых людей, не привязанных к определённому местожительству вследствие возможности работать и общаться удалённо (ср. *digital nomads*); *цифровой отшельник* — о том, кто принимает решение максимально осуществлять свою жизнедеятельность, коммуникацию посредством Сети, информационных технологий и отказывается тем самым от традиционных норм жизни (дом, прописка, ПМЖ, работа в учреждении и т. д.) — ср. *digital hermit*; и др.

Наряду с ключевым словом *цифровой* важную роль в процессе номинаций реалий цифрового общества играют и другие атрибутивные термины-элементы-кальки. Приведём примеры:

облачный (ср. cloud <computing> «облачные вычисления») 'относящийся к технологии хранения какой-л. пользовательской информации в интернете, на многочисленных распределённых в Сети серверах' (*о-ые технологии, о-ое хранилище, о-ое хранение, о-ые мощности, о. майнинг, о-ая электронная подпись, о-ая платформа*);

умный (ср. smart) (о технике, программах) 'способный выполнять действия и решать определённые повседневные задачи без участия человека' (*у. дом, у. браслет, у-ые часы, у-ая колонка, у-ые мусорные контейнеры и т.п.*);

поточковый (ср. streaming) — *п-ое вещание, п-ое воспроизведение, п-ое видео, п-ое аудио, п-ые мультимедиа, п. формат*.

Некоторое количество калек есть и среди **однословных терминов**; все кальки семантически:

доступ 'процедура обращения абонента или устройства к общесетевым ресурсам системы; методы и средства, посредством которых пользователи соединяются с интернетом' (ср. <digital> access);

облако 'онлайн-сервис, позволяющий хранить, загружать, скачивать, получать и передавать данные (документы, фото, видео, музыку и т.п.) через сеть Интернет с любого устройства' (ср. cloud);

приложение 'прикладная компьютерная программа, ориентированная на решение конкретных задач и рассчитанная на взаимодействие с пользователем' (ср. application);

Сеть (ср. Net) и др.

Однако с точки зрения формы иноязычного влияния среди однословных преобладают прямые заимствования (см. п. 3.1).

Завершая этот раздел, отметим не редкие в терминологии цифрового общества полукальки английских выражений и слов: **видеозвонок** (ср. *video call*); **видеоигра** (ср. *video game*); **киберпреступность** (ср. *cyber crime*); **криптовалюта** (ср. *cryptocurrency*); **криптозащита** (ср. *cryptoprotection*); **нейросеть** (ср. *neuronet*); **метаданные** (ср. *metadata*); **метавселенная** (ср. *metaverse*) ‘цифровое пространство для виртуальных объектов, их взаимодействия как друг с другом, так и с внешней реальной (офлайн) средой’; **таргетированная реклама** (ср. *targeted advertising*); **цифровой детокс** (ср. *digital detox*) ‘отказ пользователя, как правило временный, от использования гаджетов (смартфонов, ПК и под.) с целью оздоровления, погружения в реальную жизнь, восстановления связи с реальным миром, живыми людьми, природой’ и др.

4. Заключение = Conclusions

Лексика иноязычного генезиса занимает в терминологии цифрового общества главенствующую позицию — в силу экстралингвистических причин (лидерство в сфере цифровых технологий принадлежит другой стране). Однако здесь нет специфики, так как соотношение «своего — чужого» в пользу «чужого» характерно для многих других терминосистем (электроники, информатики, программирования и др.¹). В этом проявляется интернационализация научного словаря, что всегда было актуально для профессиональных языков, а в настоящее время это поддерживается мощной, практически не знающей границ средой сети Интернет.

Очевидно, специфику можно увидеть в соотношении различных форм заимствования (прямого заимствования и «скрытого» — калькирования). В русской терминологии цифрового общества, как показало исследование, преобладают кальки: этим способом передаются все составные номинации (а их больше, чем однословных терминов, в три раза) — преимущественно с использованием главной кальки эпохи *цифровой*, а также некоторые однословные термины. Способом прямого заимствования перенимаются из чужого языка только однословные термины, включая аббревиатуры. При этом наблюдается тенденция к активизации параллельного заимствования — вхождения единиц, имеющих формально-семантические связи в системе принимающего языка.

1 В терминологии электроники до 70 % заимствований [Русский язык, 1997, с. 155]). «В ряде терминологий, например, в театральной, музыкальной, биологической и медицинской интернационализмы составляют основную часть терминов. ... в медицине формы основных терминов совпадают на 73 % в пяти основных европейских языках, на 85 % в четырех языках, на 93 % в трех языках и на 97 % в двух языках» [Гринёв-Гриневич, 2008, с. 207].

Заметно также одновременное употребление в русских текстах разных форм заимствования: кальки и полукальки: *голосовой помощник* — *голосовой ассистент* < *voice assistant*, *цифровые /электронные следы* < *digital footprints*; кальки и прямого заимствования: *цифровой* — *дигитальный*; кальки и вкрапления: *большие данные* — *Big Data*; *трёхмерный* — *3D*-. В этом же ряду примеров множественности номинаций одного и того же объекта или понятия — конкуренция графических вариантов иноязычной единицы (*ИТ* — *ИТ*), разных переводов англоязычной номинации (*цифровой разрыв* — *цифровое неравенство* — *цифровой барьер* < *digital divide*) и др. Такие факты свидетельствуют о неустоявшемся характере терминологии, её новизне, об активности номинативного процесса в этой сфере в целом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив авторов*.
2. Грамота — *Грамота* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://gramota.ru/spravka/vopros/277494> (дата обращения: 23.05.2025).
3. *Интегрум* : архив СМИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://search.integrum.ru> (дата обращения 10.05.2025).
4. *Маринова Е. В.* Терминология цифрового общества : словарь / Е. В. Маринова, Е. А. Волочек, К. И. Шрафадина. — Москва : ЛЕНАНД, 2025. — 232 с.
5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.05.2025).

Литература

1. *Алтухов А. В.* К вопросу о пластичности термина *экосистема* / А. В. Алтухов, З. Н. Афинская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2021. — № 3. — С. 109—116.
2. *Арапова Н. С.* Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря / Н. С. Арапова. — Москва : Издательство Московского ун-та, 2000. — 320 с. — ISBN 5-211-04-26-0.
3. *Вепрева И. Т.* Биткоин / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Русский язык за рубежом. — 2018. — № 3. — С. 122—125.
4. *Волков В. В.* «Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) / В. В. Волков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 745—759. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759.
5. *Волков В. В.* «Цифровая экономика»: лингвистические и лингвоментальные аспекты / В. В. Волков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 7. — С. 135—139.
6. *Волков В. В.* «Цифровая цивилизация»: утопия, антиутопия или симулякр? / В. В. Волков, Н. В. Волкова // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. материалов VII Междунар. научно-практ. конф. Грозный — Махачкала: Чеченский гос. пед. ун-т; АЛЕФ, 2020. — С. 67—72.

7. Глуценко О. А. Репрезентация социального протеста в экспрессивной номинации (на примере названий сертификата о вакцинации от COVID-19 и QR-кода) / О. А. Глуценко // Казанская наука. — 2022. — № 1. — С. 34—36.

8. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-7695-4951-9.

9. Клементьева А. А. К вопросу о функционировании термина *искусственный интеллект* в современном научном и публицистическом дискурсе / А. А. Клементьева // Мир русского слова. — 2022. — № 4. — С. 14—23. — DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23.

10. Крысин Л. П. «Своё» и «чужое» в терминологических системах / Л. П. Крысин // Терминология и знание / отв. ред. С. Д. Шелов. — Москва : Вест-Консалтинг, 2014. — С. 52—55.

11. Крысин Л. П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре / Л. П. Крысин // Русский язык сегодня. Вып. 3 / отв. ред. Л. П. Крысин. — Москва : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. — С. 143—149.

12. Крысин Л. П. Словообразование или заимствование? / Л. П. Крысин // Лики языка / отв. ред. М. Я. Гловинская. — Москва : Наследие, 1998. — С. 196—202.

13. Кутырёв В. А. Человек технологий, цивилизация фальшизма / В. А. Кутырёв. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. — 288 с. — ISBN 978-5-00-165476-6.

14. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. — Москва : Наука, 1982. — 149 с.

15. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. — Москва : ЭЛПИС, 2008. — 495 с.

16. Маринова Е. В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 151—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169.

17. Плотникова А. М. *Нейросеть* как ключевое слово текущего момента / А. М. Плотникова // Филологический класс. — 2023. — Т. 28. — № 2. — С. 45—54.

18. Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — Москва : Дрофа, 1997. — 703 с.

19. Федяев Д. М. Технические революции / В. Е. Кемерова. // Современный философский словарь — Лондон — Минск : Панпринт, 1998. — С. 926—928. — ISBN 3-932173-35-X.

20. Шкапенко Т. М. Есть ли жизнь офлайн, или О проблемах номинации неvirtуальной действительности / Т. М. Шкапенко, Н. Б. Милаевская // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2022. — № 3. — С. 3—8. — DOI 10.20339/PhS.3-22.003.

21. Buzáßsyová K. Opakovaná internacionalizácia a problém identifikácie morfológických a lexikálnych jednotiek / K. Buzáßsyová // Jazykovedný časopis, 42. — 1991. — S. 89—104.

22. Markowski A. O pojęciu i typach internacjonalizmów semantycznych / A. Markowski // Poradnik językowy. — 2004. — № 2. — S. 38—50.

23. Mravinacová J. *Neosémantizmy* vzniklé pod vlivem cizího jazyka / J. Mravinacová // Neologizmy v dnešní češtině. — Praha : ÚJČ AV ČR. — 2005. — S. 180—186.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025,
одобрена после рецензирования 04.09.2025,
подготовлена к публикации 29.09.2025.

Material resources

AA — *Authors archive*. (In Russ.).

Gramota. Available at: <https://gramota.ru/spravka/vopros/277494> (accessed 23.05.2025). (In Russ.).

Integrum: media archive. Available at: <https://search.integrum.ru> (accessed 10.05.2025). (In Russ.).

Marinova, E. V., Volochek, E. A., Sharafadina, K. I. (2025). *Terminology of the digital society. Dictionary*. Moscow: LENAND. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 23.05.2025). (In Russ.).

References

Altukhov, A. V., Afinskaya, Z. N. (2021). On the plasticity of the term ecosystem. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3: 109—116. (In Russ.).

Arapova, N. S. (2000). *Calques in the Russian language of the post-Petrine period*. Dictionary experience. Moscow: Moscow State University Publishing House. ISBN 5-211-04-26-0. (In Russ.).

Buzássyová, K. (1991). Opakovaná internacionalizácia a problém identifikácie morfológických a lexikálnych jednotiek. *Jazykovedný časopis*, 42: 89—104. (In Slovak).

Fedyaev, D. M. (1998). Technical revolutions. In: Kemerov, V. E. (ed.). *Modern philosophical dictionary*. London – Minsk: Panprint: 926—928. ISBN 3-932173-35-X. (In Russ.).

Glushchenko, O. A. (2022). Representation of social protest in expressive nomination (case study of COVID-19 vaccination certificate and QR code names). *Kazanskaya nauka*, 1: 34—36. (In Russ.).

Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminology studies: textbook for university students*. Moscow: Akademiya Publ. ISBN 978-5-7695-4951-9. (In Russ.).

Klementyeva, A. A. (2022). On the functioning of the term artificial intelligence in modern scientific and journalistic discourse. *Mir russkogo slova*, 4: 14—23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23. (In Russ.).

Krysin, L. P. (1998). Word formation or borrowing? In: Glovinskaya, M. Ya. (ed.). *Liki yazyka*. Moscow: Nasledie: 196—202 (In Russ.).

Krysin, L. P. (2004). Secondary borrowing and its description in an explanatory dictionary. In: *Russkiy yazyk segodnya*, 3. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language RAS: 143—149 (In Russ.).

Krysin, L. P. (2014). “Own” and “foreign” in terminological systems. In: Shelov, S. D. (ed.), *Terminology and knowledge*. Moscow: Vest-Consulting: 52—55. (In Russ.).

Kutyryov, V. A. (2022). *The man of technologies, civilization of falsism*. St. Petersburg: Aletheia. ISBN 978-5-00-165476-6. (In Russ.).

Lotte, D. S. (1982). *Issues of borrowing and ordering foreign terms and term elements*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Marinova, E. V. (2008). *Foreign words in Russian speech of the late 20th — early 21st centuries: problems of mastering and functioning*. Moscow: ELPIS. (In Russ.).

Marinova, E. V. (2023). Evolution of Concept VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (a Sociolinguistic Study based on Russian Texts). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 151—169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169. (In Russ.).

Markowski, A. (2004). O pojęciu i typach internacionalizmów semantycznych. *Poradnik językowy*, 2: 38—50. (In Polish).

- Mravinacová, J. (2005). Neosémantizmy vzniklé pod vlivem cizího jazyka. In: *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha: ÚJČ AV ČR: 180—186. (In Czech).
- Plotnikova, A. M. (2023). Neural network as a keyword of the present moment. *Filologicheskii klass*, 28 (2): 45—54. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (ed.). (1997). *The Russian: Encyclopedia*. Moscow: Drofa. (In Russ.).
- Shkapenko, T. M., Milyavskaya, N. B. (2022). Is there life offline, or on problems of nomination of non-virtual reality. *Filologicheskiye nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 3: 3—8. DOI 10.20339/PhS.3-22.003. (In Russ.).
- Vepreva, I. T., Kupina, N. A. (2018). Bitcoin. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 3: 122—125. (In Russ.).
- Volkov, V. V. (2020). Artificial “intelligence” and the human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguomental aspects). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 11 (4): 745—759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759. (In Russ.).
- Volkov, V. V. (2020). “Digital economy”: linguistic and linguomental aspects. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 7: 135—139. (In Russ.).
- Volkov, V. V., Volkova, N. V. (2020). “Digital civilization”: utopia, dystopia, or simulacrum? In: *Humanitarian knowledge and spiritual safety: proceedings of the 7th international scientific-practical conference*. Grozny – Makhachkala: Chechen State Pedagogical University; ALEF: 67—72 (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2025;
approved after reviewing 04.09.2025;
accepted for publication 29.09.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Прокопьева А. Е. Словообразовательное гнездо с вершиной *чомуо* 'быть большим' в языке лесных юкагиров / А. Е. Прокопьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 141—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-141-160.

Prokopyeva, A. E. (2025). Word Family with a Common Base *чомуо* [*chomu*] 'to be big' in Language of Forest Yukaghirs. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 141-160. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-141-160. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Словообразовательное гнездо с вершиной *чомуо* 'быть большим' в языке лесных юкагиров

Прокопьева Александра Егоровна
orcid.org/0000-0002-1364-1224
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
aleksprok-e@yandex.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Word Family with a Common Base *чомуо* [*chomu*] 'to be big' in Language of Forest Yukaghirs

Alexandra E. Prokopyeva
orcid.org/0000-0002-1364-1224
PhD in Philology,
senior research scientist
aleksprok-e@yandex.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведен анализ словообразовательного гнезда с вершиной *чому* 'быть большим' в языке лесных юкагиров. Показано, что данное гнездо представляет собой совокупность слов с общим корневым элементом, связанных отношениями синхронной словообразовательной производности, состоит из большого числа производных, является развернутым и образует три степени производности, содержащие в общей сложности 33 члена. Установлено, что на парадигматическом уровне оно представлено 10 парадигмами, на синтагматическом — 23 словообразовательными цепями, где каждое последующее слово подчинено предыдущему. Выявлено, что в состав гнезда входят единицы различных частей речи, таких как существительное, глагол, качественный глагол, причастие, деепричастное наречие, наречие. На примере выбранного словообразовательного гнезда показано, что в языке лесных юкагиров словообразование существительных может происходить путем лексикализации словосочетаний. Актуальность составления лексикографических описаний языка лесных юкагиров определяется тем, что словообразовательные словари юкагирского языка отсутствуют на данный момент. Подчеркивается, что исследование состава и структуры словообразовательного гнезда откроет новые горизонты для дальнейшего изучения специфики юкагирского словообразования, позволит выявить, описать, уточнить значения аффиксов.

Ключевые слова:

юкагирский язык; язык лесных юкагиров; словообразовательное гнездо; семантика; словообразовательная цепь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the word family with a common base *chomu* [*chomu*] in the language of Forest Yukaghirs. It demonstrates that this word family comprises a collection of words sharing a common element, interconnected through synchronous derivational relationships. The nest consists of a substantial number of derivatives, is elaborately structured, and forms three levels of derivation, encompassing a total of 33 members. It is established that at the paradigmatic level, the nest is represented by 10 paradigms, while at the syntagmatic level, it features 23 derivational chains, where each subsequent word is subordinate to its predecessor. The analysis reveals that the word family includes units of various parts of speech, such as nouns, verbs, qualitative verbs, participles, gerundial adverbs, and adverbs. The example of the selected word family illustrates that in the language of Forest Yukaghirs, noun formation can occur through the lexicalization of phrases. The relevance of compiling lexicographic descriptions of the Forest Yukaghir language is underscored by the current absence of derivational dictionaries for the Yukaghir language. This study emphasizes that investigating the composition and structure of the word family will open new avenues for further exploration of the peculiarities of Yukaghir word formation and will facilitate the identification, description, and clarification of affix meanings.

Key words:

Yukaghir language; Forest Yukaghir language; word family; semantics; derivational chain.

Словообразовательное гнездо с вершиной *чамуо* 'быть большим' в языке лесных юкагиров

© Прокопьева А. Е., 2025

1. Введение = Introduction

Юкагирский язык относится к агглютинирующим, в которых словоизменение осуществляется путем присоединения аффиксов к основе слова. Аффиксальное словообразование является в нем одним из самых продуктивных способов обогащения словарного состава.

В юкагирском языкознании словообразование является одной из недостаточно разработанных областей. Особенности именного и глагольного словообразования в языке тундренных юкагиров рассматривал в своих трудах Г. Н. Курилов [Курилов, 1977; Курилов, 1994; Курилов, 2003]. При этом словообразование языка лесных юкагиров еще не становилось объектом специального исследования.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что рассматривается словообразовательное гнездо (СГ) с вершиной *чамуо* 'быть большим' с целью выявления основных способов образования включенных в него языковых единиц, определения, уточнения и выявления семантики того или иного словообразовательного аффикса.

Ввиду отсутствия словообразовательных словарей, сокращения численности последних носителей языка лесных юкагиров (свободно владеющих языком лесных юкагиров осталось всего 6 человек) и угрозы исчезновения юкагирского языка создание лексикографических описаний языка лесных юкагиров является весьма актуальным направлением в юкагироведении, способствуя восполнению некоторых лакун в юкагирском словообразовании.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблемы словообразования как одного из разделов лингвистики в настоящее время являются весьма актуальной темой в исследовании языков, в том числе и языков коренных малочисленных народов Севера. Так, опыт описания словообразовательной системы гнездовым способом представлен в работах исследователей эвенского языка [Нестерова и др., 2022; Садовникова, 2021].

Образование глагольных и именных единиц языка тундренных юкагиров с привлечением данных языка лесных юкагиров рассматривались Е. А. Крейновичем в работах «Юкагирский язык» [1958] и «Исследования и материалы по юкагирскому языку» [1982]. Некоторые вопросы глагольного словообразования описаны в работах В. И. Иохельсона [2006], Г. Н. Курилова [2003, 2006]. Словообразование модальных и эвиденциальных глаголов и наречий языка тундренных юкагиров с включением некоторых данных языка лесных юкагиров отражено в работах М. П. Лукиной [2014, 2020]. Специальные исследования, посвященные словообразованию в языке лесных юкагиров, отсутствуют. В виде научных статей разработаны словообразовательные проблемы отдельных лексем П. Е. Прокопьевой [Прокопьева, 2020], А. Е. Прокопьевой [Прокопьева, 2019].

Основным материалом исследования послужил «Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров)» [Прокопьева П. Е. и др., 2021].

Основные методы исследования — анализ лексикографических данных, приемы компонентного анализа, систематизации, разработки семантической типологии, обобщения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Структура словообразовательного гнезда с вершиной *чамуо* ‘быть большим’

Центральными единицами дериватологии являются словообразовательное гнездо (СГ) и его составляющие — вершина, словообразовательная цепь и словообразовательная парадигма. Под СГ понимается «совокупность всех однокоренных слов (дериватов), связанных отношениями непосредственной производности с исходной единицей» [Стариченок, 2008, с. 578].

Рассматриваемое СГ с вершиной *чамуо* ‘быть большим’ имеет трехступенчатую структуру и содержит 33 члена. На 1 ступени находятся 12 дериватов, на второй — 15, на третьей ступени — 6. Производные слова *чамуо* ‘быть большим’ размещаются в гнезде следующим образом (табл. 1).

На I ступени образованы 3 существительных, 1 субстантивированное причастие, выраженное именем существительным, 4 глагола (2 непереходных и 2 переходных), 2 наречия, 2 атрибутивные формы; На II ступени — 1 имя существительное, 2 наречия, 6 лексикализованных сочетаний, 5 глаголов (3 переходных, 2 непереходных, представленные видовыми и залоговыми формами); на III ступени — 3 существительных, 2 из которых представляют собой лексикализованные сочетания, 3 глагола (2 переходных и 1 непереходный, представленные видовой и залоговой формами).

Таблица 1

Структура СТ с вершиной *чомуо* 'быть большим'
Strukture of the word-formative cluster of the word *chomuо* «to be big»

<i>чомуо</i> = 'быть большим'	I	II	III
	<i>чомуо-ну-</i> <i>неперех.</i> 'бывать большим по размеру, по величине и бывать в большом количестве'		
	<i>чомуо-бото</i> <i>нареч.</i> 1) 'очень, сильно, слишком, чересчур'; 2) 'громко'		
	<i>чомуо-дьуон</i> <i>сущ.</i> 'тот, кто большой'		
	<i>чомуо-дьэ</i> <i>атриб.</i> 'большой; громкий, сильный'	<i>чомуодьэ</i> <i>эймэнь-</i> 'быть дорогим, дорогостоящим'; <i>чомуодьэ</i> <i>эмэй</i> 'старшая сестра матери'; <i>чомуодьэ</i> <i>эсьиэ</i> 'самый старший по возрасту мужчина в роду'; <i>чомуодьэд</i> <i>эсьиэ</i> 'самый старший по возрасту мужчина в роду'	
	<i>чомуо-л</i> 1. <i>сущ.</i> 'воля'; 2. <i>атриб.</i> 1) 'быть старшим'; 2) 'быть большим по количеству'	<i>чомуол-уо</i> <i>нареч. срав.</i> 'больше'; <i>чомуол</i> <i>эсьиэ</i> 'самый старший по возрасту мужчина в роду';	

Продолжение табл. 1

чому= ‘быть большим’	I	II	III
		чомуол-бэн суц. 1) ‘лось’; 2) ‘старший, взрос- лый’	чомуолбэн-диэ <i>суц. уменьш.-ласк.</i> ‘лосенок’ чомуолбэн ирдиэ ‘лосенок’; чомуолбэн уо ‘лосенок’
	чомуо-н нареч. ‘очень’ (в высокой степени)	чомуон чуул ‘лось’	
	чоммуо-жэ- перех. ‘увеличить’, ‘расширить’, ‘сделать более большим по размеру’	чоммуо-жэ-ш- ~ чоммуодь-эш- перех. ‘увеличить’; чоммуо-жаа-ну- перех. ‘увеличивать’	чоммуо-жэ-ш-ну- перех. ‘увеличивать’
	чоммуо-жи- перех. ‘расширить’, ‘сделать более большим по размеру’	чоммуо-жи-ну- не- перех. ‘увеличивать’; 1) ‘расширять’; 2) ‘делать более боль- шим по размеру’ чоммуо-жи-т деепр. <i>нареч.</i> ‘больше’ (обо- значает увеличение количества)	
	чомму- неперех. 1) ‘увеличиваться’; 2) ‘проводить где-н. детство’; 3) ‘развиваться’	чомму-наа- неперех. ‘начать расти’: 1) ‘увеличиваться в размерах’; 2) ‘повышаться (о цене)’; 3) ‘развиваться’	

Окончание табл. 1

<i>чомуо=</i> <i>‘быть</i> <i>большим’</i>	I	II	III
		<i>чомму-нну- неперех.</i> <i>‘расти’:</i> 1) <i>‘увеличиваться’;</i> 2) <i>‘проводить где-н.</i> <i>детство’;</i> 3) <i>‘развиваться’;</i> 4) <i>‘повышаться</i> <i>(о цене)’</i> <i>чомму-ш- перех.</i> <i>‘увеличивать (делать</i> <i>большим по размеру)’</i>	<i>чоммуну-буо- не-</i> <i>перех.</i> <i>‘быть высокомер-</i> <i>ным, горделивым’</i> <i>чоммуш-ну- перех.</i> <i>‘увеличивать (де-</i> <i>лать большим по</i> <i>размеру)’</i>
	<i>чом-нарнаа суц.</i> <i>‘ворон’</i>		
	<i>чомуо-д илэйз</i> <i>‘буран, сильный</i> <i>ветер’</i>		
	<i>чомуо-чизэ</i> <i>суц. ‘старший брат</i> <i>отца’ или ‘старший</i> <i>двоюродный, трою-</i> <i>родный и т. д. брат</i> <i>отца’</i>		

На парадигматическом уровне словообразовательное гнездо с вершиной *чомуо* ‘быть большим’ представлено 10 парадигмами.

3.2. Ступени производности СГ с вершиной *чомуо* ‘быть большим’

Непосредственно от вершины *чомуо* образовано 12 дериватов I ступени производности:

(1) *чомуону- неперех.* (*чомуо=* + аффикс обычности протекания действия =*ну=*) ‘бывать большим по размеру, по величине и бывать в большом количестве’:

Мит йалҕылгэ карасьпэ чомуонунни, шуонбиэнунни.

мит	йалҕылгэ	карь=пэ	чомуо=ну=ни
мы/ PRON _{poss}	озеро=LOC	карь=PL	быть
			большим=HAB=INTR:3PL

шуонбиэ=ну=ни

быть жирным=HAB=INTR:3PL

‘На нашем озере **большие**, жирные караси’ [ЮРС, с. 348].

Поорэмэ оожии чомуонуй.

поорэмэ оожии **чомуо=ну=й**
весной вода **быть большим=НАВ=INTR:3Sg**
‘Весной вода **большой бывает**’ [ЮРС, с. 348].

(2) **чомуоџото** нареч. (*чомуо*= + аффикс наречия =џото с оттенком усиления действия) 1) ‘очень, сильно, слишком, чересчур’; 2) ‘громко’:

*Мэт эсьиэ мони: «Кинтэк **чомуоџото** сьиилэньу?»*

мэт эсьиэ мон=и кинтэк **чомуоџото** сьиилэ=ньу=л
я/ RON_{poss} отец говорить=TR:3Sg кто **очень** сила=COM=Pr
‘Мой отец говорит: «Кто **очень** сильный?»’ [Прокопьева, 2018, с. 246].

*Тин ажуугэлэ **чомуоџото** тудэл ньиидэм.*

тин ажуу=гэлэ **чомуоџото** тудэл ньиидэ=м
PRON_{dem} слово=ACC громко он сказать=TR:3Sg
‘Эти слова **громко** сказал’ [Прокопьева, 2018, с. 260].

(3) **чомуодьуон** сущ. (*чомуо*= + аффикс субстантивированного причастия =дьуон (образованный от причастия на =дьэ), называющий лицо или предмет по его действию, характерному занятию и лицо или предмет, подвергшееся действию) ‘тот, кто большой’: 1) тот, кто крупный; 2) тот, кто старше по возрасту’:

*«...Мэт эндьэ, тэт, таатмиэ **чомуодьуон**, амсьиийэк».*

мэт эндьэ тэт таатмиэ **чомуо=дьуон** амсьиийэк
я живой ты такой **быть большим=Pr** погибать=INTR:2Sg
‘«...Я живой, а ты, такой **большой**, погибашь»’ [ЮРС, с. 347].

Чомуодьуоннэ кэлги.

чомуо=дьуон=пэ кэл=ни
быть большим=Pr=PL прийти=INTR:3PL
‘Взрослые пришли’ [ЮРС, с. 347].

(4) **чомуодьэ** атриб. (*чомуо*= + аффикс причастия =дьэ) ‘большой; громкий, сильный’:

Чомуодьэ хошилэк мэдуул.

чому0=дъэ	холии=лэк	мэдуу=л
быть большим=Pr	шум=NOM ₀	слышать=SUBJ/3Sg

‘Сильный шум послышался’[ЮРС, с. 347].

(5) **чомуол** 1. *сущ.* (чомуо= + аффикс существительного =л) 'воля'.
2. *атриб.* (чомуо= + аффикс причастия =л) 1) 'быть старшим'; 2) 'быть большим по количеству':

Түдэ йалбул миндэллэ, таат пайтэм, оожии нодо пиэрии түдэ **чомуолэ** альбүлбэл.

тудэ	йалбил	мин=дэллэ	таат	пай=тэ=м
он/PRON _{dem}	бубен	взять=CV	так	ударить=mom=TR:3Sg
оожи	нодо	пизэри	тудэ	чомуо=л=э
вода	птица	перья	он/PRON _{dem}	быть большим=NOUN =INSTR

альбу=льэл

высыпаться=EVID/3Sg

‘Взяла свой бубен, ударила [в бубен], перья на крыльях водяных птиц сами по себе [букв.: по своей **воле**] полиняли [букв. посыпались]’ [ФЮ1, с. 30].

Таасьилэ чомуол набаанэги кэбэйнүльэл.

таасылэ	чомуо=л	пабаа=пэ=ги	кэбэй=ну=льэл
потом	быть	старшая	уйти=HAB=EVID/3Sg
	старшим=Pr	сестра=PL=POSS	

‘Потом **старшая** сестра уходила’ [ЮРС, с. 347].

Мэт профильнэ **чомуал** оожигшгэ йиэрэнги, идьии илльэдьуоннэк аат-мэ.

мэт	профиль=пэ	чомуо=л	оожии=гэ	йиэрэ=ни
я/PRON _{dem}	профиль=PL	быть большим=Pr	вода=LOC	плыть=INTR:3PL
идьии	иллэ=дьуон=пэ=к		аа=тэ=мэ	
теперь	быть новым=Pr=PL=ACC _o		делать=FUT=OBJ/1Sg	

‘Мои профиля [уток] **большой** водой унесло, надо делать новые’ [ЮРС, с. 347].

(б) **чомуон** нареч. (чомуо= + аффикс наречия =н с оттенком усиления действия) 'очень' (в высокой степени):

Тин ньатньюйаа **чомуон** чомуой, мэт эл пайайтэйэ.

ТИН	ньатньюйаа	чомуон	чомуо=й
PRON _{dem}	налим	очень	быть большим=
			INTR:3Sg

МЭТ	ЭЛ	пайай=тэ=йэ
я	NEG	поднять=FUT=INTR:1Sg

‘Этот налим **очень** большой, я не смогу [его] поднять’ [ЮРС, с. 348].

(7) **чоммуожэ**= *перех.* (чомуо= +аффикс =жэ=, при помощи которого образуются переходные глаголы от основ непереходных со значением преднамеренного действия) ‘увеличить’, ‘расширить’, ‘сделать более большим по размеру’:

Мэт фотография **чоммуожэ**.

МЭТ	фотография	чоммуо=жэ
я	фотография	быть большим=INT/ TR:1Sg

‘Я фотографию **увеличила**’ [ЮРС, с. 346].

(8) **чоммуожии**- *перех.* (чоммуо- +аффикс =жи=, при помощи которого образуются переходные глаголы от основ непереходных со значением преднамеренного действия) ‘расширить’, ‘сделать более большим по размеру’:

Адин тоукэ нумэги **чоммуожиик**.

адин	тоукэ	нумэ=ги	чоммуо=жи=к
PRON _{dem}	собака	дом=POSS	быть большим=INT=IMP:2Sg

‘Этот собачий домик **увеличь**’ [ЮРС, с. 346].

(9) **чомму**= *неперех.* (чомуо= + аффикс =му= со значением действия, приводящего к физическим, пространственным и т. д. изменениям) ‘вырасти’: 1) увеличиваться; 2) проводить где-н. детство; 3) развиваться:

Мит уорпэ **чоммуни**.

МИТ	уо=р=пэ	чом=му=ни
МЫ/PRON _{dem}	ребенок=E=PL	быть большим=AF _{CH} =INTR:3PL

‘Наши дети **выросли**’ [ЮРС, с. 345].

(10) **чомпарнаа** *сущ.* (чом= + сущ. *парна* ‘ворона’) ‘ворон’:

Кужуугэ иркин чомпарнаак мэруйит эйрэл.

кужуу=гэ	иркин	чом=парнаа=к	мэр=уйи=т	эйрэ=л
небо=LOC	один	быть большим=	летать=ITER=CV	ходить=
		ворона=NOM _о		SUBJ/3Sg

‘В небе один **ворон** летает’ [Прокопьева, 2018, с. 248].

(11) **чомуод илэйэ** (*чомуо*= + *=д*= соединительный согласный + сущ. *илэйэ* ‘ветер’) ‘буран, сильный ветер’ [ЮРС, с. 347].

(12) **чомуочизэ** (*чомуо*= + сущ. *эчиэ* ‘отец’, сокращенное выражение от *чомуодьэд эчиэ*) сущ. ‘старший брат отца’ или ‘старший двоюродный, троюродный и т. д. брат отца’. Этот термин обозначает положение, которое в юкагирской семье занимает самый старший брат как охотник, опекун, кормилец [Иохельсон, 2005, с. 119].

Дериваты I ступени производности образуют 6 парадигм:

- 1) **чомуодьэ** *атриб.* ‘большой; громкий, сильный’;
- 2) **чомуол** 1. сущ. ‘воля’; 2. *атриб.* 1) ‘быть старшим’; 2) ‘быть большим по количеству’;
- 3) **чомуон** *нареч.* ‘очень’ (*в высокой степени*);
- 4) **чоммуожэ-** *перех.* ‘увеличить’, ‘расширить’, ‘сделать более большим по размеру’;
- 5) **чоммуожии-** *перех.* ‘расширить’, ‘сделать более большим по размеру’;
- 6) **чомму-** *неперех.* 1) увеличиваться; 2) проводить где-н. детство;

1) Слово **чомуодьэ** *атриб.* ‘большой; громкий, сильный’ имеет 4 производных, которые можно отнести к лексикализованным сочетаниям по модели «атрибутивная форма + существительное»:

1. **чомуодьэ эймэнь-** (*чомуо*= + аффикс атрибутивной формы =*дьэ* + *эймэньи* (*эймэ* ‘цена’ + аффикс комитатива =*нь*= ‘быть с ценой’) ‘быть дорогим, дорогостоящим’:

Тинг книга чомуодьэ эймэньи.

ТИНГ	книга	чомуо=дьэ	эймэ=ньи
PRON _{dem}	книга	быть большим=АТТ	цена=COM

‘Эта книга **стоит дорого**’ [ЮРС, с. 347].

2. **чомуодьэ эмэй** - (*чомуо*= + аффикс атрибутивной формы =*дьэ* + сущ. *эмэй* ‘мама’) ‘старшая сестра матери’ [ЮРС, с. 347].

3. **чомуодьэ эсьиэ** (*чомуо*= + аффикс атрибутивной формы =*дьэ* + сущ. *эсьиэ* ‘отец’) ‘самый старший по возрасту мужчина в роду’ [ЮРС, с. 347].

4. **чомуодьэд эсьиэ** (чомуо= + аффикс атрибутивной формы =дьэ + соединительный согласный д + суф. эсьиэ ‘отец’) ‘старший брат отца’ [Иохельсон, 2005, с. 346].

2) Слово **чомуол** *атриб.* ‘большой; громкий, сильный’ имеет 3 производных:

1. **чомуолуо** *нареч. срав.* (чомуо= + аффикс причастия =л= + аффикс =уо=) больше:

[Таа, ингэртэгэ!] Мэт **чомуолуо** ингэртэнгидэ, тэткэ чомодьэлнуотэйэ».

МЭТ	чомо=л=уо	ингэртэ=нгидэ
я	быть большим=Pr=ASP	выкопать=CV
тэт=кэ	чомо=дьэ=л=нуо=тэ=йэ	
ты=ЛОС	быть большим=Pr=Pr=быть=FUT=INTR:1Sg	

‘Другой сказал: «Ну, будем копать! Если я **больше** выкопаю, над тобой старшим буду»’ [ЮРС, с. 348].

2. **чомуол эсьиэ** (чомуо= + аффикс причастия =л= + суф. ‘отец’) ‘самый старший по возрасту мужчина в роду’:

*Миткэ адинг пулут — мит **чомуол эсьиэ**.*

МИТ=кэ	адинг	пулут	МИТ	чомуо=л	эсьиэ
мы=ЛОС	PRON _{dem}	старик	мы/PRON _{dem}	быть большим=Pr	отец

‘У нас этот старик — **самый старший**’ [ЮРС, с. 347].

3. **чомуолбэн** *суф.* (чомуо= + аффикс причастия =л= + аффикс субстантивированного причастия =бэн=) 1) лось; 2) старший, взрослый:

Чомуолбэннэ миткэт шэйрэльэлни.

чомуо=л=бэн=пэ	мит=кэт	шэйрэ=льэл=ни
быть большим=Pr=Pr=PL	мы=ABL	убежать=EVID=INTR:3PL

‘Лоси от нас убежали’ [ЮРС, с. 347].

Чомуолбэннэ кэбэйни, йукуолбэннэ пөньюони.

чомуо=л=бэн=пэ	кэбэй=ни	йукуо=л=бэн=пэ
быть большим=Pr=Pr=PL	уйти=INTR:3PL	быть маленьким=Pr=Pr=PL

пөньюо=ни
остаться=INTR:3PL

‘Старшие уехали, младшие остались’ [ЮРС, с. 347].

Е. А. Крейнович слова, образованные при помощи суффикса *=бэн=*, называл именами существительными: «...при помощи суффикса *бон* от основ различных разрядов глаголов образуется значительное количество имен существительных, обозначающих предмет по признаку действия или по признаку качества» [Крейнович, 1958, с. 34]. Исследователь отмечал, что суффикс *=бэн=* присоединяется как непосредственно к основам, так и при помощи причастного показателя *=л=*, который ему предшествует.

В языке лесных юкагиров причастия на *=бэн*, утрачивая свою глагольность и переходя в разряд существительных, подвергаются лексической субстантивации. При этом они называют лицо или предмет по его действию, характерному занятию и лицо или предмет, подвергшееся действию.

3) *чомуон* нареч. (*чомуо=* + аффикс наречия *=н* с оттенком усиления действия) ‘очень’ (в высокой степени) имеет 1 производное иносказательное слово *чомуон чуул*, что подразумевает «очень большое мясо» (*чомуон* + сущ. в значении ‘мясо’), — ‘лось’ [ЮРС, с. 348];

4) Слово *чоммуожэ=* *перех.* ‘увеличить’, ‘расширить’, ‘сделать более большим по размеру’ имеет 2 производных:

(1) *чоммуожэ=ш=* ~ *чоммодэ=ш=* *перех.* (*чоможэ=* + аффикс каузативного залога *=и=*) ‘увеличить’:

Мэт тит лэгул чомможэшут.

МЭТ	ТИТ	ЛЭГУЛ	чоммуожэ=ш=ут
я	вы/ <i>PRON_{dem}</i>	еда	увеличить=CAUS=TR:1Sg

‘Я ваши съестные припасы **увеличу**’ [ЮРС, с. 346].

(2) *чоммуожаа=ну=* *неперех.* (*чоммуожэ=* + аффикс обычности протекания действия *=ну=*) ‘увеличивать’:

Мит ньиэрпэ чоммуожаануй, маџин нугэнпэги чичэльэшинуй, уорпэпул мориэнуна.

МИТ	НЬИЭР=ПЭ	чоммуожаа=ну=й	МАџИ=Н
МЫ	одежда=PL	увеличить=HAB=TR:1PL	одежда=GEN
нугэн=пэ=ги	чичэльэ=ш=ну=й		уо=р=пэ=пул
рука=PL=POSS	удлиниться=CAUS=HAB=INTR:1PL		ребенок=E=PL=PL

мориэ=ну=на

носить=HAB=TR:3PL

‘Мы одежду **увеличили**, рукава удлинили, дети носят’ [ЮРС, с. 346].

5) Слово **чоммуожии**= *перех.* ‘расширить’, ‘сделать более большим по размеру’ имеет 2 производных:

(1) **чоммуожии=ну**= *продолж.* (чомможии= + аффикс обычности протекания действия =ну=) ‘увеличивать’: 1) ‘расширять’; 2) ‘сделать более большим по размеру’:

Эндьуонпэ титтэ нумэпэгэлэ аай чоммуожиинуна.

эндьуон=пэ	титтэ	нумэ=пэ=гэлэ	аай	чоммуожии=ну=на
животное=PL	они/ PRON _{dem}	дом=PL=ACC	тоже	увеличить=HAB= TR:3PL

‘Звери свои дома тоже **увеличивают**’ [ЮРС, с. 346].

(2) **чомможииит** *деепр. нареч.* (**чомможии**= + аффикс деепричастия одновременного действия =т) ‘больше’ (обозначает увеличение количества):

Мэт нингуо аа, тудэл атахлидьэ чомможииит аам.

мэт	нингуо	аа	тудэл	атахлидьэ
я	много	делать/TR:1Sg	он	дважды
чомможии=т	аа=м			
увеличить=CV	делать=TR:3Sg			

‘Я много сделал, он вдвое **больше** сделал’ [ЮРС с. 346].

6) Слово **чомму**= имеет 3 производных:

(1) **чоммунаа**= *неперех.* (чомму= + аффикс начинательного действия =наа=) ‘начать расти’: 1) ‘увеличиваться в размерах’; 2) ‘повышаться (о цене)’; 3) ‘развиваться’:

Мит уо чоммунаай, йукуодьудэк.

мит	уо	чомму=наа=й	йукуо=дьюо=дэк
мы/PRON _{dem}	ребенок	вырасти=INCH=	быть маленьким=Pr=ACC _o
		INTR:3Sg	

‘Наш ребенок **начал расти**, а то маленький был’ [ЮРС, с. 345].

Эймэпки чоммунаани.

эймэ=п=ки	чомму=наа=ни
цена=PL=POSS	вырасти=INCH=INTR:3PL

‘Их стоимость **стала повышаться**’ [ЮРС, с. 345].

(2) **чоммунну**= *неперех.* (*чомму*= + аффикс обычности протекания действия =*ну*=: ‘расти’. 1) ‘увеличиваться’; 2) ‘проводить где-н. детство’; 3) ‘развиваться’; 4) ‘повышаться (о цене)’:

Хольишлукэнэ, кисьиздин эрдьишл чоммунну.

хольиш=л=у=кэ=нэ кисьиз=дин эрдьиш=л **чомму=нну=й**
хвалить=VN=v=LOC=ASP учиться=SUP желать=VN **вырасти=**
НАВ=INTR:3Sg

‘Если хвалить, желание учиться **растет**’ [ЮРС, с. 346].

(3) **чомму=ш**= *перех.* (*чомму*= + аффикс каузативного залога =*ш*=) ‘увеличивать (делать большим по размеру)’:

Мэт мурэгэлэ омось чоммушум.

мэт мурэ=гэлэ омось **чомму=ш=ум**
я/PRON_{dem} обувь=ACC хорошо **вырасти=CAUS=TR:3PL**

‘Мою обувь хорошо увеличил-он’ [ЮРС, с. 346].

Дериваты II ступени производности образуют 4 парадигмы:

1) **чомуолбэн** *сущ.* ‘лось’, имеющее три производных:

(1) **чомуолбэндиэ** *сущ.* *уменьш.-ласк.* (*чомуолбэн* + уменьшительно-ласкательный суффикс =*диэ*) ‘лосенок’:

Тан чомуолбэндиэ тии-таа эйрэт, нэмдик ансьиит нуктэмлэ?

тан **чомуолбэн=диэ** тии-таа эйрэ=т нэмдик
PRON_{dem} **лось=DIM** здесь-там ходить=CV что
ансьиш=т нук=тэ=млэ
искать=CV найти=FUT=OBJ/3Sg

‘Тот **Лосенок**, здесь-там ходя, что, ища, найдет?’ [ЮРС, с. 348].

(2) **чомуолбэн ирдиэ** (*чомуолбэн* + *сущ.* *ирдиэ* ‘оленок (новорожденный)’) ‘лосенок’:

Чомуолбэн ирдиэ эмэй нойгэ ходуот йуодэй.

чомуолбэн ирдиэ эмэй ной=гэ ходуо=т йуодэ=й
лосенок мать нога=LOC лежать=CV смотреть=INTR:3Sg

‘**Лосенок** лежит у ного матери, глядит’ [ФЮ2, с. 54].

(3) **чомуолбэн уо** (*чомуолбэн* + *сущ.* *уо* ‘ребенок’) ‘лосенок’:

Чоѳосьал чомуолбэн уолэк эйрэл.

чоѳосьал чомуолбэн уо=лэк эйрэ=л
берег лось ребенок=NOM_о ходить=SUBJ/3Sg
'По берегу лосенок ходит' [ЮРС, с. 348].

2) от *чоммуожэши-* ~ *чоммуодьэши-* перех. 'увеличить' — образуется слово III ступени производности *чоммуожэшину=* (*чомможэши=* + аффикс общности протекания действия =ну=) 'увеличивать':

Таа ньиэрэ чомможэшинуга, тангидэ хонтиши.

таа ньиэрэ чомможэ=ш=ну=га тангидэ хон=т=иили
там одежда увеличить=CAUS= туда идти=FUT=INTR:1PL
HAB=TR:3PL

'Там одежду увеличивают, туда пойдем [ЮР, с. 346].

3) от слова *чоммунну-* при помощи аффикса =буо= образовано слово *чоммуну=буо=* 'быть высокомерным, горделивым':

Тудэл эл кэлут, чоммунубуй.

тудэл эл кэл=у=т чомму=ну=буо=й
он NEG прийти=E=INTR/FUT:3Sg вырасти=HAB=TND=INTR:3Sg
'Он не придет, высокомерный' [ЮРС, с. 346].

Посредством суффикса =буо= образуются непереходные глаголы, которые указывают на то, что лицо склонно совершать данное действие.

4) От слова *чоммуш-* посредством аффикса общности протекания действия =ну= образуется слово *чоммуш=ну=* 'увеличивать (делать большим по размеру)':

Читатаальиэ, читатаа, тудэ нумэдиэгэлэ чоммушнум.

читатаа=льиэ читатаа тудэ нумэ=диэ=гэлэ чоммуш=ну=м
евражка=DIM евражка он/PRON_{dem} дом=DIM=ACC увеличить=
HAB=TR:3Sg

'Евражечка, евражка [суслик], свой дом увеличивает' [ЮРС, с. 346].

3.2. Словообразовательные цепи СГ с вершиной *чомуо* 'быть большим'

Как известно, одним из компонентов СГ являются словообразовательные цепи, реализующие в гнезде синтагматические связи морфем. Слово-

образовательные цепи по количеству компонентов делятся на бинарные, или минимальные, состоящие из исходного слова и только одного производного, и полинарные, которые состоят из нескольких компонентов. В рассматриваемом СГ с вершиной **чомуо** ‘быть большим’ мы выделили 23 словообразовательные цепи, из них 6 — бинарные (*чомуо* = → *чомуону* =; *чомуо* = → *чомуобото*; *чомуо* = → *чомуодьуон*; *чомуо* = → *чомпарнаа*; *чомуо* = → *чомуод илэйэ*; *чомуо* = → *чомуочия*), 17 — полинарные, из которых 11 полинарных цепей содержат 3 компонента (*чомуо* = → *чомуодьэ* → *чомуодьэ эймэнь* =; *чомуо* = → *чомуодьэ* → *чомуодьэ эмэй*; *чомуо* = → *чомуодьэ* → *чомуодьэ эсьиэ*; *чомуо* = → *чомуодьэ* → *чомуодьэд эсьиэ*; *чомуо* = → *чомуол* → *чомуолуо*; *чомуо* = → *чомуол* → *чомуол эсьиэ*; *чомуо* = → *чомуон* → *чомуон чуул*; *чомуо* = → *чоммуожэ* = → *чоммуожаану* =; *чомуо* = → *чоммуожиш* = → *чоммуожишину* =; *чомуо* = → *чоммуожиш* = → *чоммуожиш* =; *чомуо* = → *чомму* = → *чоммунаа* =), 5 — содержат 4 компонента (*чомуо* = → *чомуол* → *чомуолбэн* → *чомуолбэндиэ*; *чомуо* = → *чомуол* → *чомуолбэн* → *чомуолбэн ирдиз*; *чомуо* = → *чомуол* → *чомуолбэн* → *чомуолбэн уо*; *чомуо* = → *чомму* = → *чоммунну* = → *чоммунубуо* =; *чомуо* = → *чомму* = → *чоммуш* = → *чоммушину* =), 1 — содержит 5 компонентов (*чомуо* = → *чоммуожэ* = → *чоммуожэш* = ~ *чоммуодьэш* = → *чоммуожэшину* =).

4. Заключение = Conclusions

Частеречная структура СГ с вершиной **чомуо** ‘быть большим’ весьма разнообразна и демонстрирует деривационный потенциал лексико-грамматических разрядов. Анализируемое СГ включает в себя слова различных частей речи: существительное, глагол, качественный глагол, наречие, деепричастие, а также устойчивые лексикализованные сочетания.

Таким образом, анализируемое СГ с вершиной **чомуо** ‘быть большим’ языка лесных юкагиров имеет многоступенчатую структуру и содержит 33 члена. Следует предположить, что не исключается вероятность расширения данного СГ за счет видовых и залоговых форм глагола, но в отсутствие на данный момент фактического языкового материала, подтверждающего их наличие, нет возможности их включения. Таким образом, анализ СГ с вершиной **чомуо** ‘быть большим’ показал, что изучение состава и структуры словообразовательного гнезда позволяет выявить словообразовательный потенциал того или иного слова, определить, уточнить и, в некоторых случаях, выявить значение того или иного аффикса, что имеет большое значение для изучения семантической структуры слов исчезающего юкагирского языка.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Принятые сокращения:

ABL — аблатив (отложительный падеж); ACC — винительный падеж; ACC_o — винительный определенный падеж; AF_{CH} — со значением действия, приводящего к физическим, пространственным и т. д. изменениям; ASP — аспектальный аффикс, значение которого предстоит выяснять; ATT — атрибутивная форма; CAUS (каузативный) — по-нудительный залог; COM — комитатив; CV — деепричастие; DAT — дательный падеж; DIM — уменьшительно-ласкательный аффикс; E — соединительный согласный; EVID — очевидное наклонение; FUT — будущее время; GEN — родительный падеж; HAB — вид обычности действия; INCH — инхотив (вид начинающего действия); INT — преднамеренное действие; INTR — непереходный глагол; LOC — местный падеж; mom — вид однократного действия; NOM_o — именительный определенный падеж; NOUN — существительное; NEG — отрицательная частица; OBJ — утвердительно-объектная форма спряжения; PASS — страдательный залог; PL — множественное число; Pr — причастие; PRON_{dem} — указательное местоимение; PRON_{poss} — притяжательное местоимение; POSS — притяжательный аффикс; Sg — единственное число; SUP — супин; v — соединительный гласный; SUBJ — утвердительно-субъектная форма спряжения; TND — склонность к совершению действия, выраженного производящей основой; TR — переходный глагол; VN — имя действия.

Источники и принятые сокращения

1. ЮРС — *Прокопьева П. Е.* Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров) / П. Е. Прокопьева, А. Е. Прокопьева. — Новосибирск : Наука, 2021. — 412 с. — ISBN 978-5-02-041455-6.
2. *Прокопьева П. Е.* Устная несказочная традиция юкагиров / П. Е. Прокопьева. — Новосибирск : Наука ; Издательство СО РАН, 2018. — 308 с. — ISBN 978-5-02-038795-9.
3. *Прокопьева П. Е.* Юкагирский (одульский) язык для дошкольников / П. Е. Прокопьева. — Якутск : Офсет, 2005. — 124 с.
4. ФЮ1 — *Фольклор юкагиров Верхней Колымы: хрестоматия* : в 2-х ч. / под ред. И. А. Николаевой. — Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 1989. — Ч. 1. — 161 с.
5. ФЮ2 — *Фольклор юкагиров Верхней Колымы: хрестоматия* : в 2-х ч. / под ред. И. А. Николаевой. — Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 1989. — Ч. 2. — 81 с.

Литература

1. *Иохельсон В. И.* Одульский (юкагирский) язык / В. И. Иохельсон // В помощь учителю юкагирского языка и культуры : учебное пособие / сост. В. И. Шадрин. — Якутск : Офсет, 2006. — С. 5—48.
2. *Иохельсон В. И.* Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / В. И. Иохельсон. — Новосибирск : Наука, 2005. — 680 с. — ISBN 5-02-032335-7.
3. *Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку / Е. А. Крейнович. — Ленинград : Наука, 1982. — 302 с.
4. *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык / Е. А. Крейнович. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 288 с.
5. *Курилов Г. Н.* Лексикология современного юкагирского языка : (Развитие лексики и роль якутского языка в заимствованиях) / Г. Н. Курилов. — Новосибирск : Наука, 2003. — 288 с. — ISBN 5-02-031854-X.
6. *Курилов Г. Н.* Образование именных слов в юкагирском языке / Г. Н. Курилов. — Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1994. — 104 с.

7. Курилов Г. Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке / Г. Н. Курилов. — Ленинград : Наука, 1977. — 120 с.
8. Курилов Г. Н. Современный юкагирский язык / Г. Н. Курилов. — Якутск : ООО РИЦ Офсет, 2006. — 280 с.
9. Лукина М. П. Наречие в юкагирском языке / М. П. Лукина. — Новосибирск : Наука, 2014. — 176 с. — ISBN 978-5-02-019245-4.
10. Лукина М. П. Особенности словообразования модальных и эвиденциальных глаголов в диалектах юкагирского языка / М. П. Лукина // Евразийский союз ученых. — 2020. — № 11—4 (80). — С. 66—69. — DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.80.1126.
11. Нестерова Е. В. Вопросы словообразования в эвенском языке / Е. В. Нестерова, С. Н. Саввинова, И. И. Садовникова // IV Роббековские чтения : сборник материалов международной научно-практической конференции (Якутск, 23—24 марта 2022 г.). — Якутск : Изд-во Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, 2022. — С. 84—90.
12. Прокопьева А. Е. Словообразовательное гнездо с вершиной *чиэ* ‘холод’ в языке лесных юкагиров / А. Е. Прокопьева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2019. — № 3 (25). — С. 63—71. — DOI: 10.23951/2307-6119-2019-3-25-63-71.
13. Прокопьева П. Е. Лексика юкагирского языка, связанная со словом Хойл ‘Бог’ : семантика и образование / П. Е. Прокопьева // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 3. — С. 192—203. — DOI: 10.17223/18137083/72/15.
14. Садовникова И. И. Словообразование прилагательного белый нёбати в эвенском языке / И. И. Садовникова // Мировые научные исследования и разработки в эпоху цифровизации : сборник статей XV Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 25 ноября 2021 г.). — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного университета (ИУБиП), 2021. — Том 1. — С. 618—620. — ISBN 978-5-6047200-8-0.
15. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. — 811 с. — ISBN 978-5-222-14468-8.

Статья поступила в редакцию 06.05.2025,
одобрена после рецензирования 23.08.2025,
подготовлена к публикации 29.09.2025.

Material resources

- FY1 — Nikolaeva, I. A. (ed.). (1989). *Folklore of the Yukaghirs of Upper Kolyma: a textbook: in 2 parts, 1*. Yakutsk: Publishing House of the Yakut State University. 161 p. (In Russ.).
- FY2 — Nikolaeva, I. A. (ed.). (1989). *Folklore of the Yukaghirs of Upper Kolyma: a textbook: in 2 parts, 2*. Yakutsk: Publishing House of the Yakut State University. 81 p. (In Russ.).
- Prokopyeva, P. E. (2005). *Yukagir (Odul) language for preschoolers*. Yakutsk: Offset Publ. 124 p. (In Russ.).
- Prokopyeva, P. E. (2018). *The oral untold tradition of the Yukaghirs*. Novosibirsk: Nauka; Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 308 p. ISBN 978-5-02-038795-9. (In Russ.).
- YURS — Prokopyeva, P. E., Prokopyeva, A. E. (2021). *Yukaghir-Russian dictionary (language of forest Yukaghirs)*. Novosibirsk: Nauka Publ. 412 p. ISBN 978-5-02-041455-6. (In Russ.).

References

- Iokhelson, V. I. (2005). *Yukaghirs and yukaghirized tunguses*. Novosibirsk: Nauka Publ. 680 p. ISBN 5-02-032335-7. (In Russ.).
- Iokhelson, V. I. (2006). Odulsky (Yukaghir) language. In: *To help a teacher of the Yukaghir language and culture: a textbook*. Yakutsk: Offset. 5—48. (In Russ.).
- Kreinovich, E. A. (1958). *The Yukaghir language*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 288 p. (In Russ.).
- Kreinovich, E. A. (1982). *Research and materials on the Yukaghir language*. Leningrad: Nauka Publ. 302 p. (In Russ.).
- Kurilov, G. N. (1977). *Compound nouns in the Yukaghir language*. Leningrad: Nauka Publ. 120 p. (In Russ.).
- Kurilov, G. N. (1994). *Formation of nominal words in the Yukaghir language*. Yakutsk: YANTGS SB RAS. 104 p. (In Russ.).
- Kurilov, G. N. (2003). *Lexicology of the modern Yukaghir language: (Development of vocabulary and the role of the Yakut language in borrowings)*. Novosibirsk: Nauka Publ. 288 p. ISBN 5-02-031854-X. (In Russ.).
- Kurilov, G. N. (2006). *Modern Yukaghir language*. Yakutsk: RIC Offset LLC. 280 p. (In Russ.).
- Lukina, M. P. (2014). *Adverb in the Yukaghir language*. Novosibirsk: Nauka Publ. 176 p. ISBN 978-5-02-019245-4. (In Russ.).
- Lukina, M. P. (2020). Features of word formation of modal and evidential verbs in dialects of the Yukaghir language. *Eurasian Union of Scientists*, 11—4 (80): 66—69. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.80.1126. (In Russ.).
- Nesterova, E. V., Savvinova, S. N., Sadovnikova, I. I. (2022). Questions of word formation in the Even language. In: *IV Robbekov readings: collection of materials of the international scientific and practical conference (Yakutsk, March 23—24, 2022)*. Yakutsk: Publishing House of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosova. 84—90. (In Russ.).
- Prokopyeva, A. E. (2019). The word-formation nest with the tip che “cold” in the language of the forest Yukaghirs. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 3 (25): 63—71. DOI: 10.23951/2307-6119-2019-3-25-63-71. (In Russ.).
- Prokopyeva, P. E. (2020). Vocabulary of the Yukaghir language related to the word Hoil ‘God’: semantics and education. *Siberian Philological Journal*, 3: 192—203. DOI: 10.17223/18137083/72/1. (In Russ.).
- Sadovnikova, I. I. (2021). The word formation of the adjective white nebati in the Even language. In: *World scientific research and development in the era of digitalization: collection of articles XV International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, November 25, 2021), 1*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern University (IUBiP). 618—620. ISBN 978-5-6047200-8-0. (In Russ.).
- Starichenok, V. D. (2008). *A large linguistic dictionary*. Rostov-on-Don: Phoenix. 811 p. ISBN 978-5-222-14468-8. (In Russ.).

*The article was submitted 06.05.2025;
approved after reviewing 23.08.2025;
accepted for publication 29.09.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Рябцева Е. С. Академик Байер о Руси и России : образный язык в научных и поэтических текстах / Е. С. Рябцева, С. О. Горяев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 161—180. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-161-180.

Ryabtseva, E. S., Goryaev, S. O. (2025). Academician Bayer on Rus' and Russia: Figurative Language in Scholarly and Poetic Texts. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 161-180. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-161-180. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Академик Байер о Руси и России: образный язык в научных и поэтических текстах

Рябцева Екатерина Сергеевна¹

orcid.org/0000-0002-7029-4919

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
для иностранных учащихся
ekaterinakogan@yandex.ru

Горяев Сергей Олегович^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1684-0384

кандидат филологических наук, доцент,
корреспондирующий автор
gorajev@yandex.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² Миссионерский институт
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-01692 «Народы
Восточной Европы и начальная история
Древней Руси в научном наследии
Готлиба Зигфрида Байера»,
<https://www.rscf.ru/project/23-28-01692/>

Academician Bayer on Rus' and Russia: Figurative Language in Scholarly and Poetic Texts

Ekaterina S. Ryabtseva¹

orcid.org/0000-0002-7029-4919

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian
for Foreign Students
ekaterinakogan@yandex.ru

Sergey O. Goryaev^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1684-0384

PhD in Philology, associate professor,
corresponding author
gorajev@yandex.ru

¹ Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² Missionary Institute
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 23-28-01692
“The Peoples of Eastern Europe and
the Early History of Ancient Rus in the scientific
heritage of Gottlieb Siegfried Bayer”,
<https://www.rscf.ru/project/23-28-01692/>

© Рябцева Е. С., Горяев С. О., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование идиостиля Академика Императорской академии наук Г. З. Байера (1694—1738), писавшего свои научные труды на латинском языке. Рассматриваются вопросы научного стиля XVIII века, отличавшегося от современного академического русского языка и позволявшего автору строить изящную, риторически эффективную и художественно выразительную фразу. Источниками выступили научная статья Г. З. Байера «*De Russorum prima expeditione Constantinopolitana*», а также его поэтическое произведение «*Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratora patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscae capesseret*». Язык произведений Г. З. Байера о России исследуется в двух аспектах: во-первых, показано, как элементы художественной речи проявляются в научном языке; во-вторых, рассматривается собственно художественное, поэтическое творчество академика на примере фрагмента оды, посвященной императору Петру II. Установлено, что метафоры в научном тексте образуют образные ряды и основываются на внутренней форме слова, в поэтическом же тексте они приобретают развернутый характер и поднимаются до уровня аллегории. Показано, что идиостиль Г. З. Байера характеризуется точным учетом исторического и текстуального окружения, которое проявляется в выборе слова с определенной внутренней формой.

Ключевые слова:

Готтлиб Зигфрид Байер; латинский язык; классическая латинская поэзия; метафора; ода; Императорская академия наук.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the individual style of Academician Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738) of the Imperial Academy of Sciences, who composed his scholarly works in Latin. The investigation focuses on the features of the 18th-century scientific style, which differed significantly from modern academic Russian and allowed authors to construct rhetorically effective, elegant, and artistically expressive prose. The primary sources for this analysis are Bayer's scholarly article “*De Russorum prima expeditione Constantinopolitana*” and his poetic work “*Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratora patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscae capesseret*”. Bayer's language in his writings on Russia is explored in two key aspects: first, the paper demonstrates how elements of literary speech manifest in his scientific language; second, it analyzes the academician's explicitly artistic, poetic output through an examination of a fragment from an ode dedicated to Emperor Peter II. The findings indicate that metaphors in Bayer's scholarly text form coherent figurative patterns and are grounded in the inner form of words, whereas in his poetic text, they become extended and elevate to the level of allegory. The study concludes that a defining characteristic of Bayer's individual style is his precise consideration of historical and textual context, which is reflected in his deliberate choice of words with a specific inner form.

Key words:

Gottlieb Siegfried Bayer; Latin language; Classical Latin poetry; metaphor; ode; Imperial Academy of Sciences.

УДК: 811.124'02+821.124+94(47).01/.02

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-161-180

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.6.1. Отечественная история

Академик Байер о Руси и России: образный язык в научных и поэтических текстах

© Рябцева Е. С., Горяев С. О., 2025

1. Введение = Introduction

Данная статья посвящена изучению идиостиля научных текстов Готлиба Зигфрида Байера. Этот ученый был одним из первых профессоров Петербургской академии наук — напомним, что в то время официального звания академика еще не существовало, поэтому член академии носил титул профессора. Основными сферами его научных интересов были античность и востоковедение. Получив классическое филологическое образование, он посвятил ряд работ изучению народов, упоминавшихся в античных источниках, а также овладел рядом восточных языков (включая китайский и санскрит). Однако занимаемая должность академика в именно русской академии наук провоцировала его углубление еще в одну область — область российской истории (общий обзор тематики работ Г. З. Байера можно найти в [Фролов, 2006, с. 70—74; Иодко, 2019]).

При этом считается, что русского языка академик Байер не знал. Мы воздержимся от столь категоричного утверждения. Академик Байер владел — кроме основных современных ему европейских языков — классическим латинским (он был его основным «рабочим» языком, на котором исследователь создавал свои научные и, как мы покажем ниже, художественные произведения); древнегреческим языком (причем, судя по письму, которое мы цитируем ниже, его греческий не ограничивался гимназическим классическим языком, но позволял свободно работать и с византийскими текстами); профессионально знал восточные языки. Характерно его замечание в письме Феофану Прокоповичу 1735 года, обратившемуся к нему по поводу некоего грека, притязавшего на древность и благородность своего рода: *Est in me pertenuis quidem copia Graeci sermonis, eaque, dum inter Sinas et Arabas et Persas ceterosque barbaros a multis annis versor, multo quam dudum tenuior* // Есть у меня некий скудный запасец знаний греческого языка, и тот, пока я вращаюсь много лет среди китайских, арабских, пер-

сидских и прочих варварских дел, давно уж более чем весьма мал [СПбФ АРАН, ф. 784, оп. 2, д. 5, л. 93]. Письмо показывает, что академик свободно знает несколько восточных языков, его же самоумаление перед церковным иерархом мы рассматриваем как форму вежливости и своеобразную черту эпистолярного стиля того времени. Можно с уверенностью предположить, что человек, столь открытый к изучению языков, в определенной степени освоил и русский, окружающий его в повседневной жизни. Однако справедливо замечание его современника и коллеги академика Г. Ф. Миллера: «Чтобы успешно работать в области русской истории, ему недоставало только знания русского языка, а его возраст и [большое количество] других обязанностей мешали ему выучиться по-русски» [Миллер, 2006, с. 513]. Таким образом, невладение в достаточной степени русским языком обусловило специфику направления работ академика Байера в «русской тематике»: сосредоточение на анализе греко-римских источников, в которых отразилась история славян, что позволило ему вести научную дискуссию, исходя из сильной для себя позиции знатока языков классических.

Научные труды — подобно многим другим своим современникам — Г. З. Байер писал на латинском языке (переводя при этом также и свое имя, и подписывая работы *Теофил Зигфрид Байер*). И в соответствии с традицией научной риторики своего времени стиль его научных трудов отличается «яркой экспрессивностью и индивидуальной окраской» (см.: [Боровский, 1991]), а также испытывает на себе влияние занятий поэзией, тоже являющееся нормой эпохи (достаточно вспомнить младшего современника и научного оппонента Г. З. Байера — М. В. Ломоносова, творчество которого явило собой образец сочетания научного гения и поэтического дара).

Восприятие свидетельств древних авторов носит у академика ярко выраженный критический характер, особенно «достается» от него византийским историкам. Так, в самом начале статьи «О первом походе русских на Константинополь» он образно пишет: «Russi scriptores cum famam tenerent, nacti duces Graecos parum illis temporibus idoneus, sic fluctuant, ut sublevandi nobis videantur / Русские историки, хватаясь за всякие слухи, невольно наталкиваются на мало подходящих для тех времен греческих провожатых, и так заблуждаются, что, очевидно, нуждаются в нашей помощи» [Bayer, 1738, с. 365] (здесь и далее перевод наш, кроме отмеченных отдельно случаев).

Признается, что Г. З. Байер являлся сторонником или — возможно — основателем так называемой норманской теории. Как отмечает М. А. Алпатов, «Байер оказался “правофланговым” в длинной шеренге норманистов, с него загорелся весь “сыр-бор”» [Алпатов, 1985, с. 16—17]. Из такого взгляда на русскую историю иногда делается идеологически обусловленный вывод: «политический смысл норманской теории заключался в том,

чтобы представить Древнюю Русь отсталой страной, неспособной к самостоятельному государственному творчеству» [Сахаров, 1974, с. 131]. Впрочем, негативное отношение к норманской теории и вообще к «немецкому засилью» в русской истории встречалось и задолго до двадцатого века. В частности, Н. П. Загоскин утверждал, что немецкая школа (к которой он относил Г. З. Байера, Г.-Ф. Миллера и А.-Л. Шлецера) «надолго затормозила самобытное национальное развитие отечественной истории» [Загоскин, 1899, с. 25]. Ерохина Т. В. замечает, что «представители консервативного крыла интеллектуального сообщества видели лишь негативный след немцев в исторической науке» [Ерохина, 2011, с. 130]. Однако вероятно, что в данном случае следует учитывать другую парадигму общественного и научного мышления: так, например, М. И. Вторушин предлагает обратить внимание, что во времена Г. З. Байера «дебаты о роли варягов в истории Руси проходили под несомненным идейным влиянием европейских просветителей» [Вторушин, 2023, с. 161], и рассматривать норманскую теорию «с позиции позитивного влияния теории общественного договора на общее развитие отечественной историографии и на восприятие специфики места России в системе народов Европы» [Там же].

Таким образом, следует предположить, что академик Байер не ставил своей задачей показать русских как отсталый народ, неспособный к самостоятельному образованию государственности. Более того, его поэтическая и научная деятельность направлены на возвеличивание достоинства российских государей. Не случайно, например, его статья «О варягах» была в русском переводе включена В. Н. Татищевым в «Историю Российскую» [Татищев, 1769]. Особенно показательна в этом плане другая статья Г. З. Байера «Origines Russicae / О происхождении русских». Эта оставшаяся без перевода статья оказалась незавершенной, затем после смерти автора была опубликована опубликованной, и до настоящего времени она испытывает «некое забвение» [Соколов, 2024, с. 169] среди ученых, что странно, поскольку именно в ней академик выражает намерение доказать, что «Augustam Russiae domum ultra Ruricum Skioldungis inferi et genealogiam probabilem produci usque ad Christum natum / августейший русский дом не только может быть отнесен, далее Рюрика, к Скьёльдунгам, но его генеалогию можно возвести ко времени Рождества Христова» [Bayet, 1741, с. 410—411].

Являясь прежде всего добросовестным ученым, причем ученым на службе государства, Г. З. Байер обращается к изучению истории России в самом объективном, а отнюдь не в дискредитирующем аспекте.

Отметим и другой аспект трудов академика Байера, который, по нашему мнению, также требует углубленного исследования. Сам Г. З. Байер

крайне интересен как языковая личность. В частности, для его текстов характерно глубокое погружение не только в историческую прозу, но и в «сопутствующую» изучаемой эпохе поэтическую традицию. Нам уже случилось обратить внимание на научные произведения Г. З. Байера в аспекте способов, средств и задач включения в научное рассуждения поэтической цитаты [Горяев и др., 2024]. В настоящей статье мы отходим от случаев прямого помещения поэтического текста в научный, вызванного логикой высказывания, а не необходимостью представить рассматриваемый материал, и обсуждаем особенности использования поэтических языковых приемов в самой ткани повествования, что допускается особенностями латинской научной речи.

Что же касается собственно поэтического творчества Г. З. Байера, оно, в параллель с его научными работами по истории России, было во многом вызвано обязанностями академика именно Императорской академии наук. Академик Байер, как и многие образованные люди европейской культуры XVIII—XIX веков, владел стихосложением; умение в то время писать стихи было частью образования. И для Байера поэзия не была призванием, но свое отточенное риторическое мастерство он обратил и в поэтическую форму. Его стихотворения, написанные по торжественным поводам и произнесенные им на академических собраниях, представляют собой своего рода «актовую речь» в стихах. В частности, укажем его оду, написанную по случаю коронации Петра II. Академик Миллер в своих мемуарах замечает: «В заключение торжественного собрания господин Байер прочел стихотворение по-латыни, в героическом размере воспевавшее новокоронованного императора. К этому стихотворению Байер приобщил оду размером Горация, будто бы спетую нимфами невских берегов» [Миллер 2006, с. 577]. Интересно также отметить замечание Миллера, о том, что при дальнейшем издании своих стихотворений «Байер добавил к ним еще лист немецких стихов, которые, впрочем, по красоте не шли ни в какое сравнение с латинскими» [Там же], что дополнительно подчеркивает приоритет именно латинского языка для языковой личности Г. З. Байера. Конечно же, написание стихотворений, в частности оды, которая воспевает первое лицо империи, можно считать некоторым проявлением подобоострастия, впрочем, положенного в данном случае как по должности, так и по обязанности торжественного выступления. Для европейского и русского XVIII века такая роль поэзии не является чем-то выходящим из общего ряда. Скорее, можно говорить о том, что ода Байера вписывается в традицию «придворной словесности» — термин предложен в монографии [Осват, 2020]; отметим также, что автор монографии подробно говорит о связи Академии наук в русском книгопечатании, в частности о «нраву-

чительном книгоиздании», «в котором не последнее место принадлежало компендиумам практической морали, формировавшим облик подданных в соответствии с потребностями послепетровской государственности» [Там же, с. 47]. Академик Байер тщательно заботился об издании своей оды, которое осуществил [Bayer, 1728, в дальнейшем цитируется по СПбФ АРАН, РVI, оп. 1, д. 683/о.15], хотя с некоторым чувством досады писал Ф. Прокоповичу: «Оду, которую я написал от имени Академии, полагаю, ты прочитал. Есть в ней нечто — или от сильнейшей спешки и домашних забот, ибо требовали внимания моего как дочери, все это время тяжело болеющие, так и жена на сносях (которая родила мне крепкого и здорового сыночка), или от допущенной типографами небрежности, — иначе расположенное, чем я хотел» [СПбФ АРАН, ф. 784, оп. 2, д. 8, л. 114—115 об.]. Конечно же, написание и издание этого произведения вызвано соображениями, вытекающими как из должностных обязанностей, так и из «политической» необходимости поддерживать статус Академии и себя в ней, участвовать в выражении официальной, как бы мы назвали сейчас, «идеологической позиции». Однако мы полагаем, что одним из мотивов написания текста было общее ощущение исторического процесса, в частности, воплощающегося в России: «Он думал, как и его современники, что государство может быть создано деятельностью одного человека, а значимые исторические изменения происходили вследствие смены исторических персонажей» [Свердлов, 2011, с. 398]. Уделяя внимание древней истории государства, Г. З. Байер отразил в оде этот же самый исторический процесс, который творился на его глазах.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Мы рассматриваем ниже два текста Г. З. Байера. Первый — прозаический текст «De Russorum prima expeditione Constantinopolitana» / «О первом походе русских на Константинополь» [Bayer, 1738], второй — поэтическое произведение «Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratora patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscvae capesseret» / «Петру II Августу императору всея России и самодержцу — отцу отечества, в день святейшей церемонии принятия знаков императорского достоинства» [Bayer, 1728].

Базу для анализа особенностей научного стиля Г. З. Байера составили прежде всего работы, посвященные исследованию научного стиля XVIII века. Как отмечают А. Д. Комышкова и А. П. Судакова, в то время язык науки формируется, «опираясь на европейские образцы латинских научных текстов, с одной стороны, и богатую книжную традицию русского литературного языка старшей поры, с другой» [Комышкова, 2018, с. 56]. Описывая

научный идиостиль М. В. Ломоносова, они отмечают «мягкость оценок» [Там же, с. 60], присущую этому автору, — однако Г. З. Байер отличается прямо противоположным свойством. И то, и другое вписывается в общую идею научного языка эпохи, для которой свойственно ярко выраженное присутствие автора в тексте [Там же, с. 57]. Н. Ю. Игнатова и С. В. Докучаев характеризуют научную ретиорику указанного периода следующим образом: «Научный текст в то время не столь отличался от художественных, поэтических или религиозных текстов, как в настоящее время, и это обеспечивало отдельным ученым свободу творчества» [Игнатова, 2020, с. 57].

Другую составляющую теоретического базиса составили работы, посвященные метафорике латинского языка [Мухин, 2022; Соломоновская, 2022], а также использованию метафор в различных текстах XVIII века [Анисимова, 2017; Морозова, 2023]. В частности, анализ речей Петра I и Екатерины II показывает, что риторика означенного периода стремится к тому, чтобы «каждое употребленное слово максимальным образом реализовало заложенные в нем семантические особенности для более полной передачи индивидуальных знаний и представлений о мире» [Анисимова, 2017, с. 13], а основным параметром метафоры является ее предельная антропоцентричность [Там же, с. 14].

Основным методом исследования является интерпретационный, в некоторых случаях мы прибегаем к анализу внутренней формы и поиску этимологического значения. При рассмотрении поэтического фрагмента мы прибегаем к методу комментированного чтения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Г. З. Байер активно использует игру с переносными значениями слов в латинском языке, а также с пересечениями этих значений для создания ярких и эмоционально-окрашенных образов. Следует оговорить, что экспрессивность и ироничность, присущая Г. З. Байеру, как правило, не затрагивает тех фрагментов, которые являются непосредственным научным исследованием вопроса. Приводя цитаты и пересказы первоисточников и анализируя их, Г. З. Байер не позволяет себе яркого проявления эмоций. Однако там, где дело доходит до полемики с современниками или предшественниками, мы встречаемся с оригинальным стилем этого исследователя, для которого характерны языковая игра, апелляция к контексту античной культуры и литературы, язвительность — и, безусловно, высочайшее владение латинским языком, которое и позволяет осуществлять все вышеперечисленное легко и изящно.

Выделим два основных способа использования образных средств в тексте статьи Г. З. Байера «*De Russorum prima expeditione Constantinopolitana*»

(1738): это использование цепочки метафорических образов и выбор слова, обусловленный обыгрыванием его внутренней формы.

3.1. Метафорические образы в научном тексте

В первом же предложении своей работы Байер, вводя читателя в историю вопроса, замечает: *Illustris res est, quam e monumentis tum Russicis tum Graecis exsequar, de Russorum Kioviensium prima expeditione Constantinopolitana, sed maximis eadem involuta difficultatibus* [Bayer, 1738, с. 365] // Вопрос о первом константинопольском походе киевских руссов, который я изложу по памятникам как русским, так и греческим, общеизвестен, но в то же время затемнен серьезнейшими трудностями.

Здесь обращает на себя противопоставление номинаций *illustris* — *involutus*, которые к тому же максимально отдалены автором друг от друга в пространстве высказывания. Если *illustris* связано с идеей света и дает образ изучаемого вопроса как *освещенного* и потому всем известного, то *involutus* этимологически связано с идеей вращения (в исходном глаголе *volvo*) и создает образ «обернутости» и «закутанности» в трудности, что является помехой для «света истины».

Далее, характеризуя степень доверия к работам историографов прошлого, Байер пишет: *Russi scriptores cum famam tenerent, nacti duces Graecos parum illis temporibus idoneos, sic fluctuant, ut sublevandi nobis videantur* [Там же] // Русские историки, хватаясь за всякие слухи, невольно наталкиваются на мало подходящих греческих провожатых по тем временам, и так заблуждаются, что, очевидно, нуждаются в нашей помощи.

Эта фраза содержит метафорические ряды, которые могут быть возвращены в двух направлениях. Первое из них задается фрагментом *cum famam tenerent, nacti duces*: глагол *tenere* имеет значение ‘держаться, удерживаться’, а для *dux* важно учесть его связь с глаголом *ducere* ‘водить, вести’ — при котором мы понимаем *dux* как проводника или поводыря, ведущего слепцов, держащихся за нечто (в данном случае — за слухи). Эта метафора имеет продолжение и во второй части предложения, где про греков говорится, что они *caecutierunt* ‘были словно слепцы’. Таким образом, создается образ слепцов, следующих за слепыми же поводырями, ср.: «Caeci sunt, duces saecorum» (Мф. 15:14).

Однако *dux* — еще и военный вождь, в том числе на море (см. [Реальный словарь...]). И этот образ поддерживается затем использованием глагола *fluctuant* ‘мечутся’, который связан с *fluctus* ‘течение, волнение; морской вал, волна; шаткость, непостоянство’. То есть создается образ метаний по морским волнам вследствие того, что вождь не обладает подходящими навыками. Этот образ перекликается с самой темой статьи — походом руссов на Константинополь, который совершался по морю. И

историки здесь в некоторой степени иронически противопоставлены их «объекту исследований».

Другой образ, рождаемый сочетанием переносных значений, встречается в предложении *Quantum ille Photio insultasset, ut erat acer, si ea in re aduersam tantae gloriationi eius famam tenuisset* [Bayer, 1738, с. 387] // Как сильно он, когда высказывался так остро, уязвил бы Фотия, если бы он со стольким хвастовством в этих делах придерживался опровергающих слухов, чего на самом деле нет.

Здесь последовательно разворачивается метафора сражения, эпического поединка. Эпитет *acer* ‘острый; туго натянутый; резкий’ в первую очередь характеризует оружие и лишь затем служит в языке для обозначения свойств высказывания. *Gloriatio* ‘похвальба’ происходит от обозначения одного из важнейших понятий античного мира — *gloria* ‘слава (в первую очередь, военная), подвиг’ (см.: [Звиричев, 2003]), являясь его этической антитезой. В частности, И. Н. Бузыкина отмечает: «Примеры *gloria* в римской истории — это, прежде всего, победы в войнах, такие, как триумф над Карфагеном» [Бузыкина, 2020, с. 66]. И, наконец, глагол *insultare* ‘скакать, прыгать; издеваться, глумиться, насмехаться’ вписывается в этот ряд, завершая картину глумления над телом поверженного врага — древний обычай, упоминаемый, в частности, у Гомера [Илиада, 22, с. 335—349].

Еще один комплексный метафорический образ представлен в предложении *Hae rationes nos spatio annorum satis angusto includunt, ex quo excedere non possumus* [Bayer, 1738, с. 368] // Эти подсчеты нас заключают в промежутке лет довольно тесном, за пределы которого мы не можем выйти. *Spatium* обладает, в первую очередь, пространственным значением и обозначает, собственно, ‘пространство, протяжение; расстояние; промежуток’. Этот смысл поддерживается глаголом *excedere* ‘выходить’, создавая образ пространственной ограниченности, из которой нет возможности выйти.

Кроме того, Байер, включает в свой текст образ, используемый и в русском языке, — *указывать пальцем*: *Ceterum etiam Nicetas quasi digito nobis demonstrat Guntherum et Theutgaudum episcopos* [Bayer, 1738, с. 385] // Кроме того, Никита также словно пальцем нам показывает на епископов Гунтера и Теотгауда, когда так утверждает.

Безусловно, мы легко понимаем этот образ. Однако не будем забывать, что Байер не нашел времени, чтобы выучить русский язык, и не будем приписывать ученому знакомство с русской фразеологией. Вероятнее, что в данном случае ему легче было апеллировать к судебной процедуре античного Рима, где этот жест служил легитимизацией представления свидетелей: «The person calling the witnesses has to introduce (stadeln, in faciem statuere) the witnesses to his opponent and in doing so he has to point with his

finger to each individual (digito demonstrare), otherwise the opponent can raise objections» [Conze, 2016, p. 360] // Лицо, вызывающее свидетелей, должно представить (stadeln, in faciem statuere) свидетелей своему оппоненту и при этом указать пальцем на каждого отдельного человека (digito demonstrare), в противном случае оппонент может выдвинуть возражения.

Таким образом, описанный жест не является порицающим указанием, как в русской лингвокультуре, а вписывает анализируемую ситуацию в более широкий, апеллирующий к Римской судебной традиции контекст и указывает на роли упомянутых епископов в этой ситуации.

3.2. Игра с внутренней формой слова

Продолжая критику предшествующих историографов, Байер анализирует датировку Константинопольской экспедиции руссов. Различные авторы связывают ее с разными годами, относящимися к правлению императора Михаила III.

Байер, рассматривая позицию Симеона Магистра, отмечает: *At cum Symeon Magister hisce rebus admiscet et Bardam Caesarem et Photium Patriarcham, qui postea fuerunt, aliud tempus et res et auctor postulant* [Bayer, 1738, с. 367] // И когда Симеон Магистр к этим делам примешивает и цезаря Варду, и патриарха Фотия, которые после того были, — и время, и дела, и автор требуют иного.

В этом предложении Байер для обозначения «действий» автора использует достаточно язвительный глагол *admiscere*. Для выражения идеи «добавления» можно было бы обратиться к достаточно нейтральному глаголу типа *addere*, однако связь выбранного слова с *miscere* ‘мешать, смешивать; переворачивать’ помогает сразу указать на ошибочный характер такого присоединения и экспрессивно охарактеризовать его как «примешивание», «припутывание», «приплетение».

Другой образ «запутанности» Байер использует, характеризуя позицию Никиты Пафлагона: *Nostrae opinioni aduersari videtur Nicetas Paphlago in vita Ignatii Patriarchae, cui scriptori, ut coaeuo plus tribuere cupiam, quam ceteris omnibus, nisi ipse sese impediret* [Bayer, 1738, с. 368] // Кажется, что нашему мнению противоречит Никита Пафлагон в «Жизни патриарха Игнатия», которому как современнику <событий> я более, чем всем прочим, желал бы отдать должное, если бы он сам не запутался.

Глагол *impedire* в своей внутренней форме связан с *pes* ‘нога’ и буквально может быть переведен как «обезножить». То есть здесь используется образ спутанных ног, невозможности идти — в прямом или переносном смысле.

Также в данном предложении обращает на себя внимание выбор глагола *tribuere*. Как отмечает «Краткая латинская синонимика», употребле-

ние этого глагола — по сравнению с синонимичными — отличается двумя идеями: *tribuere* означает 1. отдавать определенную часть; 2. отдавать согласно справедливости и благоразумию [Краткая латинская синонимика ..., 122]. Таким образом, используя именно этот глагол, Байер подчеркивает, что уважение, испытываемое им по отношению к Никите Пафлагону, не является чистой эмоцией, а основано на взвешенных разумных и объективных основаниях и что существуют и другие авторы, тоже заслуживающие почтения, и Никита Пафлагон не является единственным, кому отдается дань уважения.

Обращаясь к гипотезе о том, что русские упоминаются в письме патриарха Фотия об епископах, Байер стремится прояснить вопросы, как следует читать встречающееся в тексте сочетание — *τορῶσ* или же *το-Ρῶσ* — и стоит ли признавать это упоминанием русских. Рассматривая мнение епископа Монтакуция о том, что *Ρῶσ* следует относить, скорее, к болгарам, нежели к русским, Байер соглашается с ним, однако не отказывает себе в ехидном замечании: *Subiecit quidem aliquid etiam ex Ioanne Curopalata de Rossis, sed vt nihil vsquam toto in sermone eius cohaereat* [Bayer, 1738, с. 384] // Притом он даже привел кое-что из Иоанна Куропалаты о русских, но так, что во всем его высказывании не было нигде ничего связного.

Здесь обращают на себя внимание два слова, поставленные — по всей видимости, умышленно — рядом: *sermone* и *cohaereat*. *Sermo* ‘разговор; высказывание’ восходит к глаголу *serere* ‘сплести, соединять, связывать’, но *cohaerere* также обладает этой идеей — ‘быть связанным / связным’. Таким образом, помещая два этих слова рядом, Байер создает оксюморонный образ «бессвязной связности».

В этом же фрагменте Байер изящно подбирает глагол, основываясь на созвучии контекстного окружения: *De isto quidem non opus est vt dicam: hic cum in MS. Bodleiano esset scriptum τορῶσ, varie sese torsit* [Bayer, 1738, с. 384] // Об этом, впрочем, не дело чтобы я и говорил: при этом, когда в Бодлианском манускрипте было написано *τορῶσ*, это по-разному извращалось.

Здесь выбор глагола *torsit* (от *torquere* ‘поворачивать, заворачивать; искажать, извращать’) обусловлен, как видится, стоящим рядом *τορῶσ*. Более того, завершающая часть этого предложения в целом представляет собой ритмизованную структуру с элементами звуковых повторов [s], [t] и [r]: *esset scriptum τορῶσ, varie sese torsit*. Можно предположить, что такие ритмизованные высказывания используются Байером как риторический прием и возникают, вероятно, под воздействием его увлечения стихосложением. Позволим себе употребить в данном случае множественное число, поскольку, как минимум, еще одно завершение предложения в данной статье (протитированного выше) также обладает скрытой ритмичностью:

At cum Symeon Magister hisce rebus admiscet et Bardam Caesarem et Photium Patriarcham, qui postea fuerunt, aliud tempus et res et auctor postulant.

Интерес представляет и выбор слова в предложении *Postquam hos scopulos superaui, veritatem rei magis sequar, quam auctorum meorum verba* [Bayer, 1738, с. 374] // После того как я покорил эти горные вершины, я буду более следовать делу истины, чем словам моих авторов.

Для обозначения вершины в латинском языке имеется достаточное количество слов, например: *acumen*, *apex*, *sacumen*, *summitas* и, в конце концов, просто *mons*. Все эти слова являются латинскими по происхождению. Однако Байер предпочитает использовать слово *scopulus*, являющееся гречизмом. И это показательно, если принять во внимание, что предыдущий текст его был направлен на анализ работ греческих авторов. Выбор гречизма среди прочих вариантов вписывается в ближайший контекст и на языковом уровне подчеркивает отношение Байера именно к греческим источникам как «вершинам», которые, испытывая трудности, он все же одолевает.

3.3. Риторические приемы и реминисценции в поэтическом тексте

Даже в прозаической речи в работах Г. З. Байера «просвечивает» образность и метафоричность, что придает речи риторическую глубину и художественную выразительность. В его «Оде Петру II» образный язык достигает пышной витиеватости, и метафорическое прочтение текста становится основным, предпочтительным для интерпретации. Текст насыщен аллюзиями и скрытыми цитатами, однако прежде всего аллюзии включают произведение, которое строится на их применении, в общую поэтическую традицию, но не имеют задачей создать отсылку к конкретному произведению, к заложенным в него смыслам. К тому же в «придворной словесности» важна прежде всего блестящая, отточенная внешняя форма и, скорее, общий просветительский пафос, чем развитие идей или полемика с тем или иным конкретным автором.

Учитывая «сжатость» поэтического текста, его образную насыщенность по сравнению с прозаическим, ограничим наш обзор несколькими строками. Рассмотрим фрагмент из той части текста, которая посвящена «текущему положению дел» — состоянию России на момент восхождения на престол императора Петра II.

Quid vero imperii tanto de robore dicam?

Quid validas dicam classes, Mauortis alumnus

Duratas bellis acies, extentaque regna

Tractibus immensis? [Bayer, 1728, л. 11].

В приблизительном переводе фрагмент звучит так: «Что мне сказать о столь великой мощи империи? Что мне сказать о могучих отрядах, питомцах Марса, о закаленном в войнах войске и о царской власти, простира-

ющейся в неизмеримых пределах». Рассмотрим механизмы создания возвышенного пафоса в этом фрагменте более детально.

Фрагмент начинается с классической фигуры — риторического вопроса: *Quid vero imperii tanto de robore dicam?* Торжественный порядок слов проявляется в постановке предлога внутри словосочетания *tanto de robore* и вынесения несогласованного определения *imperii* перед ним (буквально было бы *империи столько о мощи*). Слово *robore* использовано в переносном значении: исходное значение *robur* — ‘дуб’ [Glare, 1968, p. 1658], далее слово развивает еще несколько подобных значений (‘часть дуба’, ‘древесина дуба’, ‘любое твердое дерево’), затем, путем метафорического переноса по признаку твердости, крепости, получает значение ‘сила’ по отношению к физической силе человека и, наконец ‘военная сила, мощь’, которое и актуализировано в оде.

В следующей строке — *Quid validas dicam classes, Mauortis alumnos* — словосочетание также подано в риторическом порядке слов, определение *validas* вынесено перед *classes* и помещено дистантно по отношению к нему, что образует гипербатон. Эта риторическая фигура традиционна и важна в классической поэзии — «для поэта использование подобных фигур оставалось и важным свидетельством его мастерства» [Смышляева, 2001, с. 54]. Слово *classes* употреблено автором оды в несколько архаичном смысле: его первое значение — собственно ‘класс’, и в классическом латинском языке оно гораздо чаще употребляется в значении ‘флот’, но Байер архаизирует текст, употребляя его в значении ‘войско, армия’ (словарь отмечает это значение пометой *арх.* [Дворецкий, 1996, с. 149]). Русские войска в соответствии с поэтической традицией метафорически названы *питомцами Марса*, что подчеркивает обращение автора к классической римской мифологии, ставшей образцом и своего рода общим местом в европейской литературной традиции. Употребление имени божества в форме *Mavortis* — родительного падежа от *Mavors* — также обусловлено выбором архаического варианта имени (см. словарное указание *арх.* в [Дворецкий, 1996, с. 475]); кстати, далее, Байер использует тот же образ, но уже ставит имя *Mars* в более поздней форме и говорит о шведах как о *Martia proles*. Интересно, что для латинского *alumnos* русский язык позволяет подобрать метафорически и этимологически точный синоним *питомец*, поскольку латинское слово восходит к корню, представленному в глаголе *alo* «кормить, вскармливать, питать» [Дворецкий, 1996, с. 49], при этом в самом слове подчеркивается мужественность, маскулинность, поскольку оно относится именно к сыновьям, воспитанникам мужского пола [Glare, 1968, p. 111]. *Mavortis alumni* является устойчивым поэтическим эпитетом, который, в частности, отмечает Иоанн Раввизий Текстор [Textor, 1524, p. 260].

Несомненно, этот эпитет, как, впрочем, и всю систему исторических образов, Г. З. Байер перенимал из существующей поэтической традиции, однако адаптировал ее к текущим обстоятельствам.

В следующей строке развивается образное описание военных отрядов, питомцев Марса, которые *duratas bellis acies*, — что вновь образует гипербатон. Отметим, что значение слова *acies* также является результатом развития в переносном метафорическом смысле: первое, прямое значение лексемы «острие, лезвие», далее — «боевой порядок», и только затем «войско, армия» [Дворецкий, 1996, с. 21]. При этом выражение *bellis durata* «войнами закаленные» также достаточно употребительно, например, оно приводится в иллюстративном материале латино-французского «Поэтического словаря» [Quicherat, 1836, p. 479].

Конечно же, Г. З. Байер не является самостоятельным поэтом, скорее он версифицирует, создает новые поэтические строки, обращаясь к гигантскому багажу знаний латинской литературы, опираясь на свою начитанность в классической поэзии. В этом плане показательным, что строка *Duratas bellis acies, extentaque regna* включает две такие же и в том же порядке следующие лексемы (выделены нами жирным шрифтом), которые находятся в «Фиваиде» Публия Папиния Стация, эпической поэме на мифический сюжет о фиванской войне. Поэму открывает строка: *Fraternas acies alternaque regna profanis* (рус. перевод «Братоубийственный бой, и власти черед, оскверненный...») [Стаций, 1991, с. 5]. И хотя смысл фразы у Г. З. Байера совершенно иной, но сама получившаяся перекличка показывает, что он, не подражая конкретному поэту, пополняет собственный поэтический задел («запасец», как мог бы он сказать по аналогии с обращением к Феофану Прокоповичу) из знания классической поэтической традиции и из широкой образованности филолога-классика, каким он являлся в начале своей научной карьеры.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, использование Г. З. Байером образных средств в научном дискурсе позволяет выразить оценку рассматриваемых источников, а также подчеркнуть смысловые нюансы анализируемых ситуаций или авторской позиции.

Метафоры в его тексте могут выстраиваться в образный ряд, создающий объемную картину, причем иногда эта картина может трактоваться несколько различным образом, что создает многомерность образа и нюансов оценки.

Для идиостиля Г. З. Байера характерен точный учет окружения — как исторического, так и текстуального, — обуславливающий выбор слова с определенной внутренней формой. Эта внутренняя форма слова либо

вступает в переключку с окружением слов в предложении, либо начинает проявлять культурно-исторический контекст. Некоторые используемые им метафорические значения слов и выражений требуют существенных знаний в области античной культуры, чтобы было возможно раскрыть все заложенные автором подтексты позиции и оценки (вероятно, таким комплексом знаний обладал среднестатистический образованный человек того времени — и потому прочтение этих подтекстов не составляло труда для читателя, современного Байеру).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — 4-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1996. — 846 с. — ISBN 5-200-02365-3.
2. *Краткая латинская синонимика*, изложенная по Дёдерлейну Яковом Ильенковым [Электронный ресурс]. — Санкт Петербург, 1845. — Режим доступа : https://books.google.ru/books?id=4_706GNsuWIC&pg=PA122&dq=tribuere&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwj3i7PatoGKAxUHSFUIHQarABwQ6AF6BAGEEAI#v=onepage&q=impedire&f=false (дата обращения 21.08.2025).
3. *Реальный словарь* классических древностей по Любкеру [Электронный ресурс]. — Санкт Петербург : Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. — Режим доступа : <https://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=427348920> (дата обращения 21.08.2025).
4. *Сахаров А. М.* Норманская теория / А. М. Сахаров // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. — Москва : Сов. энциклопедия, 1974. — Т. 18. — С. 131.
5. СПБФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук. Ф. 784. Оп. 2. Д. 5. Л. 93—94 об. ; Ф. 784. Оп. 2. Д. 8. Л. 114—115 об. ; РВИ. Оп. 1. Д. 683/О.15.
6. *Стаций*. Фиваида / пер. Ю. А. Шичалина, ред. М. Л. Гаспарова. — Москва : Наука, 1991. — 352 с.
7. *Bayer T. S.* De Russorum prima exptditione Constantinopolitana / T. S. Bayer // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. — 1738. — Tomus VI. — Pp. 365—391.
8. *Bayer G. S.* Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratora patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscuae capesseret, Academia Petropolitana / G. S. Bayer. — Petropoli : ex typographia Academiae, 1728. — 24 с.
9. *Glare P. G. W.* Oxford Latin Dictionary / P. G. W. Glare. — Oxford : Clarendon Press, 1968. — 2126 pp.
10. *Quicherat L.-M.* Tesauro poeticus linguae Latinae ou Dictionnaire prosodique et poétique de la langue Latine / L.-M. Quicherat. — Paris : [b. i.], 1836. — 1338 p.

Литература

1. *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.) / М. А. Алпатов. — Москва : Наука, 1985. — 271 с.
2. *Анисимова И. Н.* Метафора как ключевой элемент лингвокогнитивного уровня языковой личности политического деятеля XVIII века / И. Н. Анисимова, А. Ю. Никитина, О. А. Петрова // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции ; под ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Д. А. Мартыанова, Г. А. Николаева. — Казань : Издательство Казанского ун-та, 2017. — С. 13—16. — ISBN 978-5-00019-878-0.
3. *Боровский Я. М.* Латинский язык как международный язык науки (к истории во-проса) / Я. М. Боровский // Проблемы международного вспомогательного языка. — Москва : [б. и.], 1991. — С. 70—76.
4. *Бузыкина И. Н.* Римские добродетели в христианском контексте (по трактату св. Августина «О Граде Божием») / И. Н. Бузыкина // Концепт : философия, религия, куль-тура. — 2020. — № 4 (3). — С. 62—75. — DOI: 10.24833/2541-8831-2020-3-15-62-75.
5. *Вторушин М. И.* Варяжский вопрос в свете концепции общественного договора / М. И. Вторушин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2023. — Т. 68. — Выпуск 1. — С. 159—175. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.109>.
6. *Горяев С. О.* Готлиб Зигфрид Байер и классическая латинская поэзия в научной полемике о начальной истории древней Руси / С. О. Горяев, Е. С. Рябцева // Научный диалог. — 2024. — № 13 (7). — С. 28—48. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48>.
7. *Ерохина Т. В.* Немецкие историки-академики XVIII века в русской науке : оценки с позиций дореволюционной историографии / Т. В. Ерохина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 9 (224). — С. 129—136.
8. *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права / Н. П. Загоскин. — Казань : Типо-лит. Имп. унт-та, 1899. — Т. 1. — 512 с.
9. *Звиревич В. Т.* Римский образ жизни и его ценности в представлении Цицерона / В. Т. Звиревич // Исседон — ΙΣΣΕΔΩΝ : Альманах по древней истории и культуре. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2003. — Т. 2. — С. 111—123.
10. *Игнатова Н. Ю.* Научные практики и языки описания в России XVIII века (на примере любительских занятий В. Н. Татищева) / Н. Ю. Игнатова, С. В. Докучаев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. — Серия : Гуманитар-ные и социальные науки. — 2020. — № 4. — С. 56—65. — DOI: 10.37482/2227-6564-V034.
11. *Иодко О. В.* Петербургский след Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера (1694—1738) / О. В. Иодко // Немцы в Санкт-Петербурге : Биографический аспект. XVIII—XX вв. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2019. — Выпуск 12. — 524 с.
12. *Комышкова А. Д.* Субъективная модальность научного текста XVIII века : к во-просу о формировании специфики научного стиля русского языка / А. Д. Комышкова, А. П. Судакова // Экология языка и коммуникативная практика. — 2018. — № 2. — С. 55—61. — DOI: 10.17516/2311-3499-016.
13. *Миллер Г. Ф.* Избранные труды / Г. Ф. Миллер. — Москва : Янус-К ; Московские учебники и картолитографии, 2006. — 816 с. — ISBN 5-8037-0327-3.
14. *Морозова С. А.* Метафора и сравнение как средство аргументации (на мате-риале немецких сводов правил поведения XVIII века / С. А. Морозова // Russian

Linguistic Bulletin. — 2023. — № 2 (28). — С. 89—95. — DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.16_

15. Мухин С. В. Фразеологическая репрезентация образа «ловушки» в Веспасиановой псалтири / С. В. Мухин, С. В. Иноземцева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — Выпуск 2 (857). — С. 103—109. — DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_103

16. Соломоновская А. Л. Метафорическая концептуализация перевода и переводчика в пара- и метатекстах: «мертвые» и «живые» метафоры / А. Л. Соломоновская // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 126—139. — DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-126-139.

17. Основат К. А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века / К. А. Основат. — Москва: Новое Литературное Обозрение, 2020. — 477 с. — ISBN 9785444814055.

18. Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России / М. Б. Свердлов. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. — 916 с. — ISBN 9-785-98187-866-4.

19. Смышляева В. П. Линейная организация языка римской элегии (Ритмический, грамматический и синтаксический аспекты поэтического порядка слов): диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.14 / В. П. Смышляева. — Москва, 2001. — 364 с.

20. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен : в 5 т. / В. Н. Татищев. — Москва: Издательство Императорского Московского университета, 1769. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 393—424.

21. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки / Э. Д. Фролов. — Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2006. — 604 с. — ISBN 5-93762-051-8.

22. Conze E. The Principle of Contradiction. On the Theory of Dialectical Materialism [Electronic resource] / E. Conze; Translated by Holger R. Heine. — Lanham: Lexington Books, 2016. — Access mode: https://books.google.ru/books?id=XQT1DAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Conze,+E.+The+Principle+of+Contradiction&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Conze%2C%20E.%20The%20Principle%20of%20Contradiction&f=false (accessed 24.08.2025).

Статья поступила в редакцию 02.11.2024,
одобрена после рецензирования 03.12.2024,
подготовлена к публикации 09.10.2025.

Material resources

Bayer, G. S. (1728). *Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratorum patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscuae capesseret, Academia Petropolitana*. Petropoli: ex typographia Academiae. 24 p. (In Latin.).

Bayer, T. S. (1738). *De Russorum prima exptditiōne Constantinopolitana. Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, VI*: 365—391. (In Latin.).

Brief Latin synonymy, outlined by Dederlein Yakov Ilyenkov. (1845). St. Petersburg. Available at: https://books.google.ru/books?id=4_706GNsuWIC&pg=PA122&dq=tribuere&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwj3i7PatoGKAxUHSFUIHQarABwQ6AF6BAGEEAI#v=onepage&q=impedire&f=false (accessed 21.08.2025). (In Russ.).

- Dvoretzky, I. H. (1996). *Latin-Russian dictionary. 4th ed., stereotype*. Moscow: Russian Language. 846 p. ISBN 5-200-02365-3. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (ed.). (1991). *Stations. Fivaida*. Moscow: Nauka Publ. 352 p. (In Russ.).
- Glare, P. G. W. (1968). *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press. 2126 pp.
- Quicherat, L.-M. (1836). *Tesaurus poeticus linguae Latinae ou Dictionnaire prosodique et poétique de la langue Latine*. Paris: [b. i.]. 1338 p. (In Frenc.).
- Sakharov, A. M. (1974). Norman theory. In: *The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes, 18*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 131. (In Russ.).
- SPbF ARAN — *St. Petersburg branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Archive of the Russian Academy of Sciences*. (In Russ.).
- The real dictionary of classical antiquities by Lubker*. (1885). St. Petersburg: Publication of the Society of Classical Philology and Pedagogy. Available at: <https://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=427348920> (accessed 21.08.2025). (In Russ.).

References

- Alpatov, M. A. (1985). *Russian historical thought and Western Europe (XVIII — the first half of the XIX century)*. Moscow: Nauka Publ. 271 p. (In Russ.).
- Anisimova, I. N., Nikitina, A. Y., Petrova, O. A. (2017). Metaphor as a key element of the linguistic and cognitive level of the linguistic personality of a politician of the XVIII century. In: *I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics. Proceedings and materials of the International Conference*. Kazan: Kazan University Publishing House. 13—16. ISBN 978-5-00019-878-0. (In Russ.).
- Borovsky, Ya. M. (1991). Latin as the international language of science (on the history of the issue). In: *Problems of the international auxiliary language*. Moscow: [b. i.]. 70—76. (In Russ.).
- Buzykina, I. N. (2020). Roman virtues in the Christian context (based on St. Augustine's treatise "On the City of God"). *Concept: philosophy, religion, culture*, 4 (3): 62—75. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-3-15-62-75. (In Russ.).
- Conze, E. (2016). *The Principle of Contradiction. On the Theory of Dialectical Materialism*. Lanham: Lexington Books. Available at: https://books.google.ru/books?id=XQT1DAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Conze,+E.+The+Principle+of+Contradiction&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Conze%2C%20E.%20The%20Principle%20of%20Contradiction&f=false (accessed 24.08.2025).
- Erokhina, T. V. (2011). German academic historians of the XVIII century in Russian science: assessments from the standpoint of pre-revolutionary historiography. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 9 (224): 129—136. (In Russ.).
- Frolov, E. D. (2006). *Russian science of antiquity: historiographical essays*. Saint Petersburg: Academy of Humanities. 604 p. ISBN 5-93762-051-8. (In Russ.).
- Goryaev, S. O., Ryabtseva, E. S. (2024). Gottlieb Siegfried Bayer and Classical Latin Poetry in Scholarly Debate on Early History of Ancient Rus. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 28—48. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48>. (In Russ.).
- Ignatova, N. Y., Dokuchaev, S. V. (2020). Scientific practices and descriptive languages in Russia of the XVIII century (on the example of V. N. Tatishchev's amateur studies). *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 4: 56—65. DOI: 10.37482/2227-6564-V034. (In Russ.).
- Iodko, O. V. (2019). The Petersburg trace of Gottlieb (Theophilus) Siegfried Bayer (1694—1738). In: *Germans in St. Petersburg: A biographical aspect. XVIII—XX centuries, 12*. St. Petersburg: MAE RAS. 524 p. (In Russ.).

- Komyshkova, A. D., Sudakova, A. P. (2018). Subjective modality of the scientific text of the XVIII century: on the formation of the specifics of the scientific style of the Russian language. *Ecology of language and communicative practice*, 2: 55—61. DOI: 10.17516/2311-3499-016. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2006). *Selected works*. Moscow: Janus-K.; Moscow Textbooks and Cartolithography. 816 p. ISBN 5-8037-0327-3. (In Russ.).
- Morozova, S. A. (2023). Metaphor and comparison as a means of argumentation (based on the German codes of conduct of the XVIII century. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (28): 89—95. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.16>. (In Russ.).
- Mukhin, S. V., Inozemtseva, S. V. (2022). Phraseological representation of the “trap” image in the Vespasian psalter. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2 (857): 103—109. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_103. (In Russ.).
- Ospovat, K. A. (2020). *Court literature: the Institute of literature and the construction of absolutism in Russia in the middle of the XVIII century*. Moscow: New Literary Review. 477 p. ISBN 9785444814055. (In Russ.).
- Smyshlyaeva, V. P. (2001). *Linear organization of the language of Roman elegy (Rhythmic, grammatical and syntactic aspects of poetic word order)*. Doct. Diss. Moscow. 364 p. (In Russ.).
- Solomonovskaya, A. L. (2022). Metaphorical conceptualization of translation and translator in para- and metatexts: “dead” and “living” metaphors. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 20 (2): 126—139. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-126-139. (In Russ.).
- Sverdlov, M. B. (2011). *M. V. Lomonosov and the formation of historical science in Russia*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 916 p. ISBN 9-785-98187-866-4. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. (1769). *Russian history from the most ancient times: in 5 volumes*, 1 (2). Moscow: Publishing House of the Imperial Moscow University. 393—424. (In Russ.).
- Vtorushin, M. I. (2023). The Varangian question in the light of the concept of a social contract. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 68 (1): 159—175. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.109>. (In Russ.).
- Zagoskin, N. P. (1899). *The history of the law of the Russian people. Lectures and research on the history of Russian law*, 1. Kazan: Tipo-lit. Imp. unt-ta. 512 p. (In Russ.).
- Zvirevich, V. T. (2003). The Roman way of life and its values in the view of Cicero. In: *Isseodon — ΙΣΣΕΔΩΝ: An almanac on ancient history and culture*, 2. Yekaterinburg: Ural State University Publishing House. 111—123. (In Russ.).

*The article was submitted 02.11.2024;
approved after reviewing 03.12.2024;
accepted for publication 09.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шамне Н. Л. Колоративные маркеры современности в актуальных культурных конфликтах / Н. Л. Шамне, В. С. Майер // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 181—204. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-181-204.

Shamne, N. L., Mayer, V. S. (2025). Colorative Markers of Modernity in Contemporary Cultural Conflicts. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 181-204. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-181-204. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Колоративные маркеры современности в актуальных культурных конфликтах

Шамне Николай Леонидович
orcid.org/0000-0002-5745-8907
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики
nikolay.shamne@volsu.ru

Майер Валерия Станиславовна
orcid.org/0009-0003-7877-0208
кандидат филологических наук,
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики,
корреспондирующий автор
valeriyamayer@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

Colorative Markers of Modernity in Contemporary Cultural Conflicts

Nikolay L. Shamne
orcid.org/0000-0002-5745-8907
Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics
nikolay.shamne@volsu.ru

Valeriya S. Mayer
orcid.org/0009-0003-7877-0208
PhD in Philology,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics,
corresponding author
valeriyamayer@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование колоративов (цветовых номинаций) в функции маркеров современности и индикаторов актуальных культурных, социальных и политических конфликтов. Выясняется, как цветовая лексика участвует в формировании общественного дискурса, отражая ключевые тренды и противоречия XXI века. Проанализировано около 80 значимых колоративных единиц материала, вошедших в рейтинги «Слово года» за период с 2014 по 2024 годы. Источниками выступили официальные списки «Слова года» от Oxford English Dictionary, Merriam-Webster, Gesellschaft für deutsche Sprache, FundéuRAE и Instituto Cervantes. Материалы для анализа извлечены из публичных корпусов, новостных архивов, социальных медиа и аналитических обзоров, сопровождающих ежегодные лингвистические рейтинги. Проанализированы англо-, немецко- и испаноязычные контексты. Истолкованы номинации *Black Lives Matter*, *Greenwashing*, *White Supremacy* и *White Parties*. Поднимается вопрос о том, что колоративы все чаще используются для конструирования идеологических позиций и мобилизации аудитории. Показано, что динамика цветовой семантики напрямую коррелирует с социально-политическими сдвигами: например, рост употребления колоративов со значением ‘черный’ связан с глобальным антирасистским движением, ‘зеленый’ — с экологической повесткой и ее коммерциализацией. Новизна исследования видится в том, что впервые предпринята системная межъязыковая реконструкция эволюции колоративов как маркеров современности на основе авторитетных лингвистических рейтингов.

Ключевые слова:

колоратив; культурный конфликт; цветовые номинации; рейтинги Слово года; политическая лексика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates coloratives (color nominations) as markers of modernity and indicators of current cultural, social, and political conflicts. It explores how color vocabulary contributes to the formation of public discourse, reflecting key trends and contradictions of the 21st century. Approximately 80 significant colorative units from the “Word of the Year” rankings between 2014 and 2024 are analyzed. The sources include official “Word of the Year” lists from the Oxford English Dictionary, Merriam-Webster, Gesellschaft für deutsche Sprache, FundéuRAE, and Instituto Cervantes. The materials for analysis are drawn from public corpora, news archives, social media, and analytical reviews accompanying annual linguistic rankings. Contexts in English, German, and Spanish are examined. The nominations *Black Lives Matter*, *Greenwashing*, *White Supremacy*, and *White Parties* are interpreted. The study raises the issue of how coloratives are increasingly employed to construct ideological positions and mobilize audiences. It demonstrates that the dynamics of color semantics directly correlate with socio-political shifts: for instance, the rising use of coloratives denoting ‘black’ is linked to the global anti-racist movement, while ‘green’ is associated with the environmental agenda and its commercialization. The novelty of this research lies in its systematic cross-linguistic reconstruction of the evolution of coloratives as markers of modernity based on authoritative linguistic rankings.

Key words:

colorative; cultural conflict; color nominations; Word of the Year rankings; political vocabulary.

УДК 811.161.1'37::747.017.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-181-204

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Колоративные маркеры современности в актуальных культурных конфликтах

© Шамне Н. Л., Майер В. С., 2025

1. Введение = Introduction

Культурный конфликт в современном обществе представляет собой сложное и многогранное явление, возникающее в результате столкновения различных культурных норм, ценностей, практик и мировоззрений. В условиях глобализации, когда традиционные культурные границы становятся более размытыми, а взаимодействие между обществами усиливается, этот конфликт приобретает особую актуальность.

Актуальные культурные конфликты могут проявляться на различных уровнях — от межличностных противоречий до масштабных социальных и политических кризисов, затрагивающих целые сообщества и государства. Так, например, Е. Н. Богатырева отмечает, что современные культурные конфликты представляют собой динамичные процессы, связанные с вопросами идентичности, власти, ресурсов и распределения влияния [Богатырева, 2016, с. 131].

В современном мире культурные конфликты могут быть вызваны различными факторами, такими как миграция, технологическое развитие, изменения в экономической модели, экологические проблемы и рост межкультурных коммуникаций. Вместе с тем такие столкновения не всегда приводят к негативным последствиям, в некоторых случаях они служат отправной точкой для диалога, взаимопонимания и интеграции новых культурных элементов, что способствует развитию и обогащению общества.

В постиндустриальном обществе культурные конфликты представляют собой сложные и многоаспектные явления, в которых язык играет важную роль. Лингвисты, исследуя различные аспекты языкового поведения, вносят значительный вклад в изучение этих конфликтов. Их исследования охватывают такие аспекты, как формирование идентичности, воспроизведение стереотипов, применение манипулятивных стратегий и механизмы межкультурной коммуникации. Результаты этих исследований могут стать

основой для разработки эффективных, основанных на глубоком понимании культурных различий и их проявлений в языке методов медиации и предотвращения конфликтов.

Культурные конфликты тесно связаны с языковыми маркерами современности, которые отражают динамичные изменения в обществе, технологические достижения, ценностные ориентиры и социальные нормы. Языковые явления, которые становятся характерными чертами современности, представляют собой слова и выражения, отражающие ключевые события, процессы и реалии текущего исторического периода. Эти языковые элементы служат своеобразными индикаторами времени, позволяя понять, какие темы являются наиболее актуальными в общественной жизни. Они активно используются не только в повседневной речи, но и в средствах массовой информации, формируя основу общественного дискурса [Шамне и др., 2023, с. 288].

В последнее время в Интернете наблюдается рост интереса к рейтингам Word of the Year («Слово года», далее — WOTY), которые ежегодно составляются ведущими лингвистическими учреждениями и словарными издательствами в различных странах мира. Цель таких WOTY-рейтингов — выявить наиболее значимые слова, отражающие актуальные тенденции, вызовы и проблемы общества в определенный год.

Для составления рейтинга лингвисты проводят анализ частоты использования слов в различных источниках, таких как новости, социальные сети, научные публикации и разговорная речь. В результате анализа формируется так называемый «Словарь года» («Word of the Year», «Wort des Jahres», «Palabra del año»), который становится своеобразным отражением социально-политической обстановки в определенный период, демонстрируя ключевые направления, проблемы и опасения общества. Каждое слово, включенное в этот словарь, несет в своем значении высокую степень прагматичности, поскольку оно способно влиять на восприятие событий, формировать общественное мнение, стимулировать дискуссии и может вызывать экстралингвистический эффект.

Культурные конфликты тесно связаны с языковыми маркерами современности, которые служат индикаторами динамичных изменений в обществе, технологиях, ценностях и социальных нормах. Эти индикаторы, будь то языковые единицы, стилистические особенности или речевые практики, не только отражают текущие процессы в обществе, но и активно участвуют в их формировании [Майер, 2024, с. 223].

Язык является основным инструментом, с помощью которого культурные противоречия проявляются, усиливаются или разрешаются. С одной стороны, язык выступает в качестве средства выражения социальных на-

пращений, закрепляя культурные различия и столкновения мировоззрений. С другой стороны, он предоставляет возможности для диалога и межкультурной коммуникации.

Исследование лингвистических особенностей современного общества позволяет не только понять механизмы возникновения культурных конфликтов, но и определить пути их разрешения через более осознанное использование языка как связующего элемента между различными культурными практиками и глобальными концепциями.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Среди маркеров современности особое место занимают колоративы — слова, связанные с обозначением цвета. Под *колоративом* мы понимаем лексическую единицу, корень которой семантически или этимологически связан с цветонаименованием.

Колоративы, являясь неотъемлемой частью семантической структуры многих языковых единиц, обладают дополнительной коннотативной нагрузкой, что способствует усилению их значения в контексте культурных конфликтов и глобальных изменений.

Колоративы выступают в роли эстетического и семантического ресурса, способного расширять и углублять индивидуально-стилистические особенности творчества художника. Они не ограничиваются непосредственно денотативной функцией обозначения цветовых характеристик, а приобретают сложные образно-экспрессивные значения, становясь носителями имплицитного или эксплицитного психологического смысла. Е. А. Масолова отмечает, что в художественном тексте колоративы могут обогащаться окказиональной семантикой, то есть значением, которое формируется в конкретном контексте и может существенно отличаться от устоявшихся, архетипических интерпретаций данных цветообозначений в повседневной речи [Масолова, 2019, с. 195]. Такие языковые единицы превращаются из простых описательных элементов в полноценные семиотические маркеры, наделенные символическим потенциалом. Они становятся основой для построения метафор, сравнений, аллегорий и других тропов, что позволяет говорить об их поэтической модификации.

В сочетании с современными лингвистическими маркерами колоративы формируют многоаспектное пространство для интерпретации социальных явлений. А. Н. Коробова подчеркивает, что цвет приобретает особую символическую функцию, способствуя коммуникации и пониманию сложных аспектов современной действительности [Коробова, 2014, с. 823].

Цель нашего исследования заключается в выявлении и описании наиболее распространенных колоративов, используемых в контексте совре-

менных культурных конфликтов. В наши задачи входило также проведение анализа частоты употребления таких колоративов.

В последнее время лингвисты проявляют значительный интерес к изучению колоративов. Наряду с несколькими десятками диссертаций, посвященных цветообозначениям в контексте различных научных дисциплин, таких как философия, искусствоведение и культурология, подавляющее большинство исследований было проведено именно лингвистами. Теоретической основой исследования послужили труды ряда отечественных и зарубежных ученых: А. В. Зубарева, Е. В. Сапига, К. Хардина, Р. Куэрни [Сапига, 2015; Hardin, 2016; Kuehni, 2010]. Исследованию колоративной лексики на материале английского языка посвящены работы В. В. Катерминой, А. С. Комогорцевой, А. А. Зарайского [Катермина и др., 2021a; Зарайский, 2000], испанского — Е. А. Поповой, Н. М. Охрицкой, Ю. О. Рубан [Попова, 2018; Охрицкая, 2011; Рубан и др., 2020]. Особенности и лингвосимволикой немецких цветообозначений занимались Н. В. Зимина, Д. В. Шапочкин, Р. Д. Керимов [Зимина, 2019; Шапочкин, 2019; Керимов, 2013]. Исследованию функционирования лексем-колоративов в русском языке уделено внимание в работах Н. Е. Королевой, Н. В. Дубининой, А. В. Кузьминой [Дубинина, 2019; Кузьмина, 2011].

Колоративы становятся одним из значимых элементов в формировании языковых тенденций года. Они служат отражением социальных процессов, политической динамики и культурных изменений. Анализируя словники проектов «Слово года», мы можем расширить наше представление о том, как цвета воздействуют на публичный дискурс и отражают многогранность жизни в современном мире.

В рамках данного исследования нами был использован метод сплошной выборки из шорт-листов и победителей рейтингов «Слово года» (Word of the Year, Wort des Jahres, Palabra del Año), опубликованных ведущими лингвистическими институтами англо-, немецко- и испаноязычных стран за период с 2014 по 2024 год.

Материалом нашего исследования послужили колоративы из шорт-листов проектов WOTY в англо-, немецко-, и испаноязычных странах. Всего — около 80 слов.

Отметим, что один и тот же маркер современности можно обнаружить в WOTY-словниках, составленных на всех рассматриваемых языках. Например, лексическая единица *green energy* (АЯ — «зеленая энергия») также представлена в шорт-листах немецкоязычной акции (НЯ) «Wort des Jahres» — *grüne Energie* и испаноязычного проекта (ИЯ) «Palabra del año» — *energía verde*.

Для решения исследовательских задач применяются различные методы: сравнение и классификация, количественный анализ, метод сплошной выборки, а также дефиниционный, семантический и контекстуальный анализ.

В качестве материала исследования мы выбрали колоративы, основываясь на классической палитре цветов радуги (спектральных цветах), а также ахроматических цветовых обозначениях — «черный» и «белый», традиционно выделяемых в языке и культуре как особая группа. Представленные в WOTY-рейтингах желтые, оранжевые и фиолетовые колоративы встречались крайне редко, но для обеспечения полноты картины были включены в раздел «прочее».

В рамках проведенного анализа нами составлена таблица, в которой цвета расположены в порядке убывания их частотности в WOTY-рейтингах — от наиболее часто встречающихся к менее употребительным (табл. 1). Данный подход позволил систематизировать колоративы с учетом их семантической значимости и культурной релевантности в контексте актуальных социальных, политических и экономических дискурсов.

Таблица 1

Колоративы в рейтингах «Слово года» по тематическим блокам

Цвет	Количество колоративов	Тематический блок	Примеры
черный	19 (АЯ — 10 НЯ — 6 ИЯ — 3)	общественные движения и акции, политика, экономические меры	Black Lives Matter (АЯ, НЯ), Blackout Tuesday (АЯ), lista negra (ИЯ), schwarze Null (НЯ)
белый	16 (АЯ — 12 НЯ — 2 ИЯ — 2)	расовое и классовое неравенство, инклюзивность	White supremacy (АЯ), White Savior (АЯ), Whitewashing (АЯ, НЯ), white parties (АЯ), bata blanca (ИЯ),
зеленый	14 (АЯ — 9 НЯ — 3 ИЯ — 2)	экологическая ответственность, устойчивое развитие	Green New Deal (АЯ), Green Flag (АЯ), Greenflation (АЯ), Greenwashing (АЯ, НЯ), energia verde (АЯ, НЯ, ИЯ)
красный	9 (АЯ — 7 НЯ — 1 ИЯ — 1)	политика, вопросы идентичности	Red State (АЯ), Redlining (АЯ), Red Flag (АЯ, НЯ, ИЯ)
синий/голубой	8 (АЯ — 5 НЯ — 1 ИЯ — 1)	психологическое состояние, международные отношения, геополитика, вопросы идентичности	Blues (АЯ), Blue Wave (АЯ), Blue State (АЯ), Blue Stream (АЯ), Blue Monday (АЯ, НЯ), Blue Helmets (АЯ, НЯ)

Окончание табл. 1

Цвет	Количество колоративов	Тематический блок	Примеры
прочее	6	политика, вопросы идентичности, социальное неравенство, общественные движения	yellow vests, grey area, golden passport, amarillo brillante

Цветовая символика представляет собой многоаспектное и сложное явление, которое имеет глубокие культурные, исторические и социальные корни. Она формируется под воздействием множества факторов, таких как религиозные и мифологические представления, политические и экономические условия определенного исторического периода. Значение цветов не является универсальным, и одно и то же цветовое обозначение может иметь различное восприятие в разных языковых и культурных традициях. В рамках современных лингвистических исследований было выявлено, что цвета играют значительную роль в формировании общественного дискурса, выступая в качестве маркеров современности и индикаторов актуальных социальных изменений. Оттенки приобретают новые значения в зависимости от контекста, становясь символами сопротивления, доминирования, экологической сознательности или расовой принадлежности. Таким образом, цветовое кодирование становится важным элементом языковой картины мира, отражающим трансформацию ценностей и конфликтов в современном обществе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Рассмотрим подробнее культурные конфликты, возникающие в контексте определенных цветовых ассоциаций, и проанализируем их влияние на формирование идентичности представителей лингвокультуры, политические процессы и социальную динамику.

3.1. *Black / Schwarz / Negro*

В лингвокультуре европейских стран ахроматические колоративы со значением 'черный' традиционно имеют негативные коннотации, поскольку с древнейших времен все черное, темное и неведомое вызывало чувство страха и ужаса [Михалева, 2018, с. 86]. Среди колоративов, отмеченных как лингвистические маркеры современности, особое внимание заслуживает лексическая единица *schwarze Null* (черный ноль), которая приобрела значимость в экономическом дискурсе Германии. Федеральное агентство по гражданскому просвещению ФРГ определяет *schwarze Null* следующим образом: *Bezeichnung für einen ausgeglichenen öffentlichen Haushalt, bei dem*

die Ausgaben die Einnahmen nicht übersteigen [BPB] // Обозначение сбалансированного государственного бюджета, в котором расходы не превышают доходы (здесь и далее перевод наш. — *Н. Ш., В. М.*).

Данный колоратив представляет собой яркий пример того, как цветные символы могут быть переосмыслены для обозначения положительных достижений в социальных и экономических процессах. В 2014 году правительство Германии достигло уникального результата за последние 45 лет: баланс федерального бюджета был сведен к нулю, что означало отсутствие государственного долга на начало нового финансового года. В немецком экономическом дискурсе доходы традиционно ассоциируются с *schwarzen Zahlen* (черными числами), в то время как убытки или дефицит обозначаются как *rote Zahlen* (красные числа). Таким образом, Schwarze Null стала метафорой не только финансовой стабильности, но и успешной экономической политики государства.

В искусстве значение черного цвета — это значение контраста. Как отмечает Л. В. Кривошлыкова, именно в сочетании с белым черный цвет обретает свое психологическое воздействие в живописи [Кривошлыкова, 2014, с. 166]. Так, например, колоративы со значениями ‘белый’ и ‘черный’ в WOTY-номинантах 2022 года *lista negra* (черный список) и *lista blanca* (белый список), относящихся к санкционным спискам, выполняют оценочную и символическую функции, закрепляя культурные стереотипы о белом как положительном и черном как негативном. Такое противопоставление помогает эффективно кодировать и передавать информацию о принадлежности объектов к определенной категории, упрощая коммуникацию и понимание.

Наиболее значимым прецедентом, представленным через посредство колоратива со значением ‘черный’ среди с WOTY-номинантов в разных странах мира в период с 2016 по 2024 годы, является движение *Black Lives Matter* («Жизни черных имеют значение»); известна также его производная — инициатива *Blackout Tuesday* («Черный вторник»). Движение Black Lives Matter представляет собой сложное и гибкое социальное явление, которое трудно поддается формальному анализу [Hailu et al., 2019, p. 1115]. Оно не имеет централизованного руководства, четкой иерархической структуры и единого идеологического устава, что делает его одновременно гибким и сложным для изучения. Основной лозунг движения — хэштег *#BlackLivesMatter* — становится актуальным всякий раз, когда в обществе происходит событие, воспринимаемое как акт несправедливости по отношению к людям с темным цветом кожи. Зачастую это связано с полицейским насилием или расовой дискриминацией. Хэштег служит не только средством коммуникации, но и инструментом мобили-

зации, способным вызвать широкий общественный резонанс и обозначить точку напряжения в социальной структуре [Катермина и др., 2021б, с. 121].

Концепция Black Lives Matter и Blackout Tuesday представляет собой синтез культурного конфликта, обусловленного расовым неравенством, стремлением к социальной справедливости и формированием коллективного протеста в эпоху цифровых технологий. Эти явления направлены на борьбу с системным расизмом и привлечение внимания общества к проблемам дискриминации людей с темным цветом кожи. Исследуя язык ценностной составляющей BLM, А. К. Жемчужникова выделяет субконцепты *LIFE* (жизнь), *JUSTICE* (справедливость), *EQUALITY* (равенство) и *NONVIOLENCE* (ненасилие) «как наиболее частотные и формирующие ядро концепта BLM» [Жемчужникова, 2022, с. 41]. Черный цвет в обоих случаях приобретает специфическую коннотацию: в контексте Black Lives Matter он символизирует силу, достоинство и борьбу чернокожего сообщества; в случае Blackout Tuesday — траур, молчание и солидарность.

3.2. *White / Weiß / Blanco*

Цветовые прилагательные со значением ‘белый’ благодаря своей богатой семантической палитре и символическому значению активно используются в различных номинациях проекта «Слово года». Т. А. Слесарева проводит аналогию между белым цветом и *tabula rasa*, чистым листом, который символизирует разрешение проблем и начало новой жизни [Слесарева, 2015, с. 182].

Однако в контексте современных языковых тенденций слово с данным значением приобретает негативные коннотации, «позитивно дискриминируя» представителей европеоидной расы как «колонизаторов и узурпаторов». Это напрямую связано с концепциями *woke culture* и *wokeism*, которые также часто актуализируются в списках проектов «Слово года» [Горностаева, 2024, с. 394].

Дихотомия «black — white» в переносном смысле становится острым антагонизмом, основанным на расовых и социокультурных конфликтах, связанных с проблемами колониализма, привилегий белых и неравенства. Лексические единицы, такие как *white supremacy*, *white savior* и *whitewashing*, затрагивают различные аспекты этой сложной темы.

Неологизм *whitewashing*, образованный путем сложения корней *white* (белый) и *washing* (белить; приукрашивать), представляет собой явление, при котором из исторических событий, произведений искусства, политических процессов и других сфер жизни намеренно исключается или замалчивается вклад людей с белым цветом кожи.

Данный процесс может осуществляться путем переписывания исторических событий таким образом, чтобы главными героями становились

белые люди, или путем игнорирования культурного многообразия. Подобный подход лишь укрепляет расовые стереотипы и усугубляет неравенство в восприятии [Reitman, 2006, p. 271].

Идеология **White Supremacy** («белый супремасизм», превосходство белых), согласно которой люди европеоидной расы якобы являются доминирующими или превосходящими остальные расы, также нашла свое отражение в лингвистических WOTY-рейтингах. Данная лексическая единица часто используется для анализа систематических форм расизма, которые поддерживают неравенство между группами на уровне институтов, законов и общественного мнения. Критику данной идеологии можно встретить на различных форумах в сети Интернет. Например, пользователь известной социальной сети Reddit инициирует обширную дискуссию под названием: *We live with White Supremacy, even those whites (and others) that oppose racism [RED]* // Мы живем в обществе, где существует идея превосходства белых. Даже те белые, кто активно борется с расизмом, не всегда могут изменить ситуацию.

В списках WOTY-номинантов также представлена концепция **White Savior** (белый спаситель), которая представляет собой критику патерналистского подхода, когда представители привилегированных слоев общества считают себя спасателями для менее обеспеченных групп.

Данный подход часто приводит к игнорированию реальных потребностей представленных групп или даже к усилению их зависимости от «спасителей». Концепция «белого спасителя» акцентирует внимание на проблемах, связанных с колониальным мышлением, когда помощь оказывается без учета автономии и прав тех, кому она предназначена. Х. Влиет отмечает: *Proponents of the critique surrounding the “white savior” trope often point to Hollywood as a key force behind its endurance, accusing the film industry of perpetuating this narrative as a recurring and influential motif in mainstream cinema. In such narratives, a character of European descent is commonly cast as the central figure — the hero or rescuer — who rises to prominence by addressing the plight of individuals from marginalized racial or ethnic backgrounds. Despite the story ostensibly centering on the struggles of non-white characters, these figures are frequently portrayed in passive or subordinate roles, often framed as helpless victims awaiting external intervention.* // Критики часто обвиняют Голливуд в том, что он поддерживает образ «белого спасителя» в современном кинематографе. Они считают, что киноиндустрия использует этот сюжетный прием, который повторяется и влияет на массовое кино. В таких фильмах человек европейского происхождения обычно является главным героем или спасителем. Он получает известность, помогая людям из «маргинализированных» расовых или эт-

нических групп. Хотя сюжет часто фокусируется на борьбе цветных персонажей, эти герои часто оказываются в пассивных или подчинённых ролях. Они изображаются как беспомощные жертвы, ожидающие помощи извне.

Лексическая единица *white parties* («белые вечеринки») стала символом культурного конфликта в США в 2024 году в связи со скандалом вокруг вечеринок популярного американского репера и музыкального продюсера Пи Дидди (P. Diddy, или Шон Комбс), которые долгие годы проводились как модные мероприятия с дресс-кодом «все белое». Данные вечеринки ассоциируются с привилегированностью и инклюзивностью. В статье, опубликованной на сайте авторитетной немецкой телерадиокомпании WDR, «белые вечеринки» характеризуются следующим образом: *Mehrere Millionen US-Dollar sollen die Partys gekostet haben, bei denen neben der Prominenz der Musik- und Filmbranche auch Fotografen anwesend waren. Die „White Partys“ waren vor allem eines: dekadent. Die in Weiß gekleideten Gäste aßen Hummer und Kaviar, serviert auf Körpern halb nackter Models, Champagner wurde von leicht bekleideten Frauen in rauen Mengen ausgeschenkt oder herumgespritzt und aus den Boxen dröhnten Hip-Hop-Beats von einem Top-DJ* [WDR, 13.05.2025] // Согласно сообщению, вечеринки были организованы на несколько миллионов долларов. В числе гостей были не только известные представители мира музыки и кино, но и фотографы. Эти «белые вечеринки» были проникнуты духом декаданса. Гости, облаченные в белые одежды, наслаждались изысканными угощениями, такими как омары и икра, которые подавались на обнажённых телах моделей. Женщины, одетые в скромные наряды, разливали шампанское, а из динамиков звучали ритмы хип-хопа в исполнении талантливого диджея.

Однако после того, как Пи Дидди был обвинен и подвергнут уголовному преследованию, «белые вечеринки» стали объектом критики в связи с их предполагаемой культурной ограниченностью и элитарностью.

Цвет становится не просто элементом стиля, а мощным маркером современных социальных и расовых дискуссий, отражая глубокие противоречия, связанные с памятью о неравенстве и борьбой за представительность.

3.3. *Green / Grün / Verde*

Колоративы со значением «зеленый» принадлежат к наиболее многоаспектным цветовым терминам в современном языке и имеют как природные, так и социальные коннотации. Это делает их значимыми в контексте лингвистической и культурной семантики [Цзюй, 2022, с. 193].

Данный колоратив неоднократно включался в списки «Слово года» в различных странах, что свидетельствует о его значимости как индикатора современных социальных, политических и экологических тенденций. Так,

например, с культурным конфликтом вокруг экологической ответственности, устойчивого развития и подлинности экологических инициатив связаны следующие неологизмы: *greenwashing*, *greenflation*, *green deal* и др.

Неологизм ***greenwashing*** образован путем словосложения английских слов *green* (зеленый) и *washing* (белить; приукрашивать). Данный термин описывает практику, когда организации или государства пытаются создать видимость своей экологической ответственности, не предпринимая реальных шагов для защиты окружающей среды. Этот феномен подчеркивает несоответствие между заявленными ценностями и реальными действиями. Компании или правительства используют экологические лозунги для улучшения своей репутации, но не уделяют должного внимания реальным проблемам, которые действительно угрожают планете. В 2017 году международная организация Loesje, известная своими черно-белыми плакатами, направленными на развитие творческого и критического мышления у молодежи, выпустила плакат (рис. 1) с лозунгом: *Greenwashing. Wohin mit dem Abwasser* // Гринвошинг. Куда сливать сточные воды. Данный плакат критикует скрытые экологические цели и инициативы.

GREENWASHING

WOHIN
MIT DEM
ABWASSER

Loesje

www.loesje.org
loesje@loesje.org

Рис. 1. Loesje International

Отметим, что активно использовался и другой неологизм — ***greenscamming***. Он образован путем сложения двух слов: *green* — зеленый и *scamming* — мошенничество. Этот термин означает «псевдозеленый пиар» и «отмывание» денег на экологических проектах.

Колоративы активно участвуют в процессах словообразования, формируя новые единицы языка, например лексическая единица ***energía verde***

(зеленая энергия), означающая переход к использованию возобновляемых источников энергии, таких как солнечная, ветровая и гидроэнергетика. Рассматриваемый нами переход является ключевым этапом в борьбе с глобальным изменением климата. Необходимо отметить, что внедрение «зеленой энергии» часто сталкивается с сопротивлением со стороны традиционных отраслей, таких как угольная и нефтегазовая промышленность, что приводит к возникновению культурных и экономических конфликтов, которые активно обсуждаются различными экологическими организациями: *El precio de la energía verde no es más elevado que el del resto de tarifas [CCS]* // Забота о природе не означает, что в ресторанах должны повышаться цены в соответствии с тарифами.

3.4. Red / Rot / Rojo

Колоративы со значением красный относятся к числу наиболее эмоционально насыщенных и семантически емких цветовых терминов. Они имеют обширную историю применения в разнообразных контекстах, начиная от восприятия цвета в природе и заканчивая использованием в политических и социальных метафорических выражениях.

WOTY-номинанты *redlining*, *red flag* и *red state* служат словесными выразителями значимых культурных противоречий, которые проявляются на различных уровнях общественной жизни: социальном, политическом и символическом. Данные противоречия касаются проблем неравенства, власти, идентичности и взаимодействия между различными социальными группами.

Лексическая единица *red flag* (красный флаг) — это метафора, используемая для описания тревожных сигналов, которые могут быть связаны с психическим здоровьем, безопасностью или политикой. Однако данный термин может иметь разные значения в зависимости от культуры, идеологии или личного опыта человека. Зачастую в интернете возникают споры о том, что считать «опасным» или «угрозой». Например, на социальном сервисе обмена знаниями Quora пользователи часто интересуются: *What behavior is an immediate red flag for you?* [QR] // Какое поведение является для вас тревожным сигналом?

Red state в американской политике обозначает штаты, поддерживающие республиканские взгляды, которые традиционно противопоставляются демократическим штатам, для описания которых используется другой колоратив — *blue* (синие штаты).

В конце XX — начале XXI веков в политическом дискурсе Соединенных Штатов Америки сформировалось цветовое разделение на «красные» и «синие» штаты, которое с тех пор стало неотъемлемой частью американской политической риторики [Уразметова, 2014, с. 178]. Такое разделение

отражает не только политические предпочтения, но и более широкие культурные различия: подходы к образованию, здравоохранению, экологии, правам меньшинств и другим важным вопросам. Представленное деление не только упрощает понимание электоральных предпочтений, но и позволяет наглядно представить идеологические различия на карте, делая их более выразительными. В рейтингах «Слов года» лексическая единица *red state* часто упоминается как символ современности, отражающий нарастающую поляризацию общества и углубление культурного разрыва между различными социальными группами.

Цвет в политическом дискурсе становится не просто обозначением принадлежности к определенной политической силе, но и мощным инструментом формирования образа противостояния, в котором каждый оттенок приобретает эмоциональную окраску, связанную с определённой системой ценностей.

Использование цветовых метафор в политическом языке демонстрирует, как они могут воздействовать на восприятие реальности, закреплять стереотипы и даже способствовать обострению социальных конфликтов. «Красные» и «синие» штаты — не просто географически маркированные понятия, но и значимые лингвистические символы нашего времени, отражающие изменения в политической и культурной идентичности.

Лексическая единица **redlining** связана с расовым и классовым неравенством. Она подчеркивает разрыв между экономическими возможностями разных сообществ и усиливает поляризацию между богатыми и бедными районами. Это также порождает дискуссии о справедливости и ответственности государства за устранение последствий исторической дискриминации: *Emerging evidence shows the health consequences of historical redlining on present-day health indices including increased risk of diabetes, hypertension, and early mortality due to heart disease* [Egede et al, 2023, p. 1535] // Появляющиеся данные свидетельствуют о последствиях пересмотра исторических норм для современных показателей здоровья, включая повышенный риск развития диабета, гипертонии и ранней смертности от сердечно-сосудистых заболеваний.

3.5. Blue / Blau / Azul

Цветовой компонент «синий», хотя и не всегда эксплицитно выраженный, тем не менее нередко выступает в качестве скрытого маркера современности, участвуя в формировании терминологии, фразеологии и метафорических выражений, которые приобретают особую значимость в политическом, социальном и культурном контекстах. В различных странах синий цвет находит отражение в лексике, связанной с политической, экономической, технологической и общественной сферами [Дойникова, 2019, с. 202].

WOTY-номинанты в США в 2020—2022 годах **Blue Wave** (голубая волна) и **blue state** ассоциируются с либеральной идеологией и надеждой на перемены: *The Blue Wave could potentially reshape American politics* // «Голубая волна» потенциально может изменить американскую политику.

Blue Monday и **blues** символизируют меланхолию, усталость и апатию: *Blue Monday can be beaten with good coffee and motivation* [HG] // Унылый понедельник можно превзойти хорошим кофе и мотивацией.

Геоэкономический термин **Blue Stream**, вошедший в список в WOTY-рейтингов 2022—2023 годов, представляет собой значимый лингвистический маркер современности. Он отражает актуальные тенденции и противоречия, характерные для международных отношений, энергетической политики и геополитической ситуации.

«Blue Stream» в узком смысле называет газопровод, соединяющий Россию и Турцию, построенный в начале XXI века в рамках стратегического энергетического сотрудничества между этими странами [Калашников, 2013, с. 100]. Однако в более широком контексте термин приобретает метафорическое значение, связанное с вопросами энергетической зависимости и безопасности.

В лингвистическом аспекте цветовой компонент «blue» в контексте проекта «Blue Stream» приобретает значение, отличное от других цветов, таких как «black» и «red». «Blue» символизирует нейтральность, технологичность и безопасность, что делает его уникальным и отличает от других цветов. В сочетании с лексемой *stream* колоратив *blue* формирует семантическую конструкцию, которая передает идеи непрерывности, мощи и контроля. Таким образом, «Blue Stream» становится не просто названием инфраструктурного проекта, но и символом связи между языком и политической действительностью. Проект «Blue Stream» отражает ключевые проблемы современного мира, такие как энергетическая безопасность, международная ответственность и экологические последствия зависимости от ископаемого топлива.

3.6. Прочие колоративы: *yellow, golden*

Среди прочих колоративов, представленных в WOTY-словниках, особый интерес представляют **yellow vests** (желтые жилеты) и **golden passport** (золотой паспорт).

Лексическая единица **yellow vests** (желтые жилеты) обозначает массовое протестное движение, которое началось во Франции в конце 2018 года. Участники движения носили желтые жилеты со светоотражающими элементами, которые по закону обязаны носить водители, что сделало их узнаваемым символом борьбы против повышения цен на топливо, экономической несправедливости и знаком недоверия к власти [Нарочницкая, 2019,

с. 133]. Хотя неологизм *yellow vests* не был официально признан «Словом года» какой-либо крупной языковой организацией, он попал в шорт-листы и аналитические обзоры таких организаций, как Oxford Languages, Collins Dictionary, Le Robert (Франция) и Duden (Германия). Это объясняется тем, что *yellow vests* стал синонимом нового типа гражданского протеста, который быстро вышел за рамки одной страны и приобрел международное значение. Колоративы с компонентом ‘желтый’ часто соотносительны с выражением протеста, цвет приобрел новую функцию — идентификационную и политическую. *Yellow vests* также является ярким примером метонимии, когда один объект (одежда) становится символом другого (движения). Кроме того, это метафора защиты и общественного внимания, которая была перенесена в политическую сферу.

В начале XXI века выражение *golden passport* (золотой паспорт) стало особенно актуальным в контексте международной политики, экономики и законодательства. Хотя данная лексическая единица не всегда входила в списки «Слов года», ее использование значительно увеличилось, особенно после геополитических событий 2022—2023 годов. В данном контексте выражение *golden passport* можно рассматривать как маркер современности, который отражает ключевые тенденции в области гражданства, мобильности и глобальной политики. «Золотой паспорт» — это неофициальное название программы «Гражданство за инвестиции» (Citizenship by Investment, CBI). В рамках этой программы иностранцы могут получить гражданство или вид на жительство в другой стране в обмен на крупные финансовые вложения, такие как покупка недвижимости, вклад в экономику или благотворительность [Аристов, 2021, с. 43]. Программы *golden passport* действуют в следующих странах: Мальта, Кипр, Сент-Китс и Невис, Турция, Португалия и др. Термин стал международным, активно употребляется в английском, испанском и русском языках без перевода, что свидетельствует о его способности преодолевать языковые границы и обеспечивать коммуникацию на международном уровне.

4. Заключение = Conclusions

Актуализированная в колоративах взаимосвязь между цветовыми характеристиками и представлениями о культурных конфликтах отражает сложный и многогранный процесс формирования общественных смыслов, в котором визуальные символы, такие как цвета, становятся мощным инструментом коммуникации, идентификации и выражения ценностей. Цвета не просто описывают реальность — они структурируют восприятие, создают повествования, разделяют или объединяют социальные группы, а также способствуют возникновению и эскалации культурных конфлик-

тов. Их значение выходит за рамки чисто оптического восприятия, превращаясь в семиотический код, который может быть прочитан как маркер принадлежности к определенной идеологии, этнической группе, политическому движению или даже поколенческой идентичности.

Цвета играют важную роль в построении коллективного сознания: черный становится символом борьбы за права меньшинств (*Black Lives Matter*), белый — метафорой эксклюзивности и нормативности (*white parties*), зеленый — знаком экологического сознания и устойчивого развития (*green energy*), красный — сигналом тревоги или консерватизма (*red flag, red state*), а желтый — элементом протеста и гражданской мобилизации (*yellow vests*). Цвета, приобретая политическое, социальное и даже моральное измерение, становятся не только средством описания, но и инструментом воздействия на массовое сознание.

Анализ «слов года», содержащих колоративы, позволяет проследить, как цветовые символы трансформируются под влиянием актуальных событий, сохраняя при этом глубокие культурные корни. Например, термин *golden passport* стал показателем классового расслоения и доступности гражданства для богатых.

Кроме того, присутствие цветовых обозначений в лексике и фразеологии свидетельствует о том, что колоративы являются языковыми маркерами современности, которые помогают анализировать динамику социальных изменений, отслеживать эволюцию ценностей и выявлять точки напряжения в обществе. Они несут на себе прагматическую функцию, поскольку не просто называют явления, но и активно участвуют в их конструировании, интерпретации и распространении через медиа, рекламу, политические кампании и цифровые платформы.

Таким образом, цвета выступают не только как элементы визуального восприятия, но и как средство символического управления общественным мнением. Они становятся частью дискурса, в котором затрагиваются вопросы справедливости, идентичности, власти и памяти. Отслеживая их использование в языке, мы получаем возможность понять, как формируется и воспроизводится социальная реальность, какие идеологии находят свое отражение в цветовой символике и какие конфликты маскируются или усиливаются благодаря цветовым ассоциациям.

Изучение этих явлений имеет не только академическую ценность, но и практическое применение в области межкультурной коммуникации, политической лингвистики, маркетинга и анализа общественного мнения. В условиях глобализации и усиления межэтнического взаимодействия важно учитывать, как цвета могут быть восприняты по-разному в разных культурах, вызывая как солидарность, так и непонимание. Это делает исследо-

вание цветowych символов особенно актуальным в современном мире, где язык становится ключевым инструментом формирования общественного пространства и пространства конфликта.

Поэтому продолжение научного осмысления связи между цветом, языком и культурными конфликтами открывает возможности для более глубокого понимания механизмов социальной динамики и способствует развитию осознанного подхода к использованию цвета как средства выражения идентичности, протеста, надежды и перемен.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. BPB — *Bundeszentrale für politische Bildung* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.bpb.de/> (accessed 22.03.2025).
2. CCS — *Climate Consulting by Selectra* [Electronic resource]. — Access mode : <https://climate.selectra.com/> (accessed 02.04.2025).
3. HG — *Horizon Gyms* [Electronic resource]. — Access mode : <https://horizonlc.com/> (accessed 28.03.2025).
4. QR — *Quora* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.quora.com/> (accessed 24.03.2025).
5. RED — *Reddit* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.reddit.com> (accessed 13.03.2025).
6. WDR — *Westdeutscher Rundfunk* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www1.wdr.de/> (accessed 14.05.2025)

Литература

1. Аристов Е. В. К вопросу о концепциях гражданства / Е. В. Аристов, М. А. Ларионова // *Ex Jure*. — 2021. — № 1. — С. 37—45.
2. Богатырева Е. Н. Культурный конфликт в контексте социокультурного анализа / Е. Н. Богатырева // *Известия Саратовского университета. Нов. Сер. — Серия : Философия. Психология. Педагогика*. — 2016. — № 16 (2). — С. 130—134.
3. Горностаева А. А. Анализ девиантного узуса критики дискурсивных новаций культуры отмены и woke-культуры / А. А. Горностаева // *Известия Байкальского государственного университета*. — 2024. — № 34 (2). — С. 389—396. — DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(2).389-396.
4. Дойникова М. И. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения blau (синий) в немецком языке / М. И. Дойникова // *Грамота*. — 2019. — № 12 (10). — С. 201—205.
5. Дубинина Н. В. Реализация лингвокреативного потенциала колоративов в речевой деятельности / Н. В. Дубинина // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. — 2019. — № 2. — С. 81—87.

6. Жемчужникова А. К. Язык ценностной составляющей концепта Black Lives Matter / А. К. Жемчужникова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2022. — № 14 (1). — С. 38—45. — DOI: 10.17072/2073-6681-2022-1-38-45.
7. Зарайский А. А. Семантический аспект лексической сочетаемости в английском языке / А. А. Зарайский // Единицы языка и их функционирование. Межвуз. сб. науч. трудов. — 2000. — № 6. — С. 104—111.
8. Зими́на Н. В. Семантические особенности и лингвосимволика немецких цветообозначений weiß, schwarz, blau, grün, rot, gelb / Н. В. Зими́на // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 9 (142). — С. 184—190.
9. Калашников А. М. «Голубой поток» как важный фактор развития российско-турецких отношений / А. М. Калашников // Власть. — 2013. — № 2. — С. 100—102.
10. Катермина В. В. Колоративная лексика в художественном пространстве произведений Оскара Уайльда / В. В. Катермина, А. С. Комогорцева // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. — 2021a. — № 14. — С. 64—69.
11. Катермина В. В. Семантический анализ хештега #BLACKLIVESMATTER / В. В. Катермина, Е. А. Яченко // Филология и человек. — 2021b. — № 4. — С. 120—128. — DOI: 10.14258/(2021)4-10.
12. Керимов Р. Д. Лингвосимволика цвета в немецкоязычной политической культуре / Р. Д. Керимов // Политическая лингвистика. — 2013. — № 2. — С. 107—124.
13. Коробова А. Н. Цветовые доминанты в прозе Фэн Цзицая (к вопросу о цветообозначениях в современной китайской прозе) / А. Н. Коробова // Общество и государство в Китае. — 2014. — № 2. — С. 822—835.
14. Кривошлыкова Л. В. Фразеологические единицы сравнительного типа с компонентом «черный» как часть культурной картины мира англичан / Л. В. Кривошлыкова // I Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации : материалы докл. и сообщений Международной науч.-практ. конф. (Москва, 23—24 апреля 2014 г.). — Москва : РУДН, 2014. — С. 165—167.
15. Кузьмина А. В. Частотные колоративы в поэзии П. И. Карпова / А. В. Кузьмина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2011. — № 1 (13). — С. 248—251.
16. Майер В. С. Лингвистическое портретирование неологизма NEPO BABY как языкового маркера современности в актуальных культурных конфликтах / В. С. Майер // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : гуманитарные науки. — 2024. — № 112. — С. 223—226. — DOI: 10.37882/2223-6681-2982.2024.12.27.
17. Масолова Е. А. Ахроматические колоративы в поздней художественной прозе Л. Толстого : семантика и функции / Е. А. Масолова // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — № 4. — С. 193—214. — DOI: 10.15393/j9.art.2019.7082.
18. Михалева Е. С. Цвет как ключевой элемент, участвующий в создании образа страха в рассказах Амброза Бирса / Е. С. Михалева // Отечественная филология. — 2018. — № 1. — С. 84—93. — DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-84-93.
19. Нарочницкая Е. А. Франция : движение «Желтых жилетов» — год спустя / Е. А. Нарочницкая // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2019. — № 6. — С. 132—138.
20. Охрицкая Н. М. Универсальное и национальное в структуре многозначных прилагательных, обозначающих белый цвет в русском и испанском языках / Н. М. Охрицкая // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 37. — С. 96—98.

21. Попова Е. А. Колоративы испанского языка как источник трудностей в межкультурной коммуникации / Е. А. Попова // Языковое бытие человека и этноса. — 2018. — № 20. — С. 103—109.
22. Рубан Ю. О. Структурно-семантический и прагматический аспекты использования колоративов в английской и испанской детской литературе / Ю. О. Рубан, Е. С. Мучкина // Вопросы переводоведения, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы : сборник научных статей, Чебоксары, 29—30 апреля 2020 года. — Чебоксары : Чуваший государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2020. — С. 269—275.
23. Сапица Е. В. Цветовое обозначение в современной лингвистике : семантический и семиотический аспекты / Е. В. Сапица // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 8. — № 2/2. — С. 192—194.
24. Слесарева Т. П. Эпитеты-колоративы «черный» и «белый» в романе Бориса Васильева «В списках не значился» / Т. П. Слесарева // Ономастика в Смоленске и Витебске : проблемы и перспективы исследования. — 2015. — № 4. — С. 180—184.
25. Уразметова А. В. История США, зафиксированная в топонимических прозвищах штатов / А. В. Уразметова // Вестник Костромского государственного университета. — 2014. — № 20 (2). — С. 177—180.
26. Цзюй Ц. Смысловое значение идиом, в которых представлены колоративы со значением «зеленый» / Ц. Цзюй // Современное педагогическое образование. — 2022. — № 10. — С. 193—196.
27. Шамне Н. Л. Слова года как лингвистические маркеры культуры отмены (cancel culture) / Н. Л. Шамне, В. С. Майер // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 1 (98). — С. 288—290. — DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-288-290
28. Шапочкин Д. В. Цветовые обозначения в немецком политическом дискурсе / Д. В. Шапочкин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. — 2019. — № 4 (20). — С. 53—63. — DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-53-63.
29. Egede L. E. Consequences of Historic Redlining : Finding a Path Forward / L. E. Egede, R. J. Walker, J. A. Campbell // J Gen Intern Med. — 2023. — Vol. 38 (6). — Pp. 1534—1537. — DOI: 10.1007/s11606-023-08051-4
30. Hailu M. F. Student resistance movements in higher education : An analysis of the depiction of Black Lives Matter student protests in news media / M. F. Hailu, M. Sarubbi // International Journal of Qualitative Studies in Education. — 2019. — Vol. 32 (9). — Pp. 1108—1124. — DOI: 10.1080/09518398.2019.1645905.
31. Hardin C. L. Berlin and Kay Theory / C. L. Hardin // Encyclopedia of Color Science and Technology. — 2016. — Vol. 3. — Pp. 77—80. — DOI: 10.1007/978-1-4419-8071-7_62.
32. Kuehni R. What the World Color Survey tells about hue based color categories / R. Kuehni // Journal of Vision. — 2010. — Vol. 6 (13). — Pp. 18—20. — DOI: 10.1167/6.13.18.
33. Reitman M. Uncovering the white place : whitewashing at work / M. Reitman // Social & Cultural Geography. — 2006. — Vol. 7 (2). — Pp. 267—282. — DOI: 10.1080/14649360600600692.
34. Vliet H. White Saviors Get Gold Trophies : Colorblind Racism and Film Award Culture / H. Vliet // Film Matters. — 2021. — Vol. 12 (3). — Pp. 140—151. — DOI: 10.1386/fm_00182_1.

Статья поступила в редакцию 29.05.2025,
одобрена после рецензирования 09.09.2025,
подготовлена к публикации 03.10.2025.

Material resources

- BPB — *Bundeszentrale für politische Bildung*. Available at: <https://www.bpb.de/> (accessed 22.03.2025). (In Germ.).
- HG — *Horizon Gyms*. Available at: <https://horizonlc.com/> (accessed 28.03.2025).
- QR — *Quora*. Available at: <https://www.quora.com/> (accessed 24.03.2025).
- RED — *Reddit*. Available at: <https://www.reddit.com> (accessed 13.03.2025).
- WDR — *Westdeutscher Rundfunk*. Available at: <https://www1.wdr.de/> (accessed 14.05.2025). (In Germ.).
- CCS — *Climate Consulting by Selectra*. Available at: <https://climate.selectra.com/> (accessed 02.04.2025).

References

- Aristov, E. V., Larionova, M. A. (2021). On the issue of concepts of citizenship. *Ex Jure, 1*: 37—45. (In Russ.).
- Bogatyreva, E. N. (2016). Cultural conflict in the context of socio-cultural analysis. *Proceedings of the Saratov University. New Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 16* (2): 130—134. (In Russ.).
- Doynikova, M. I. (2019). Phraseological units with the blau (blue) color designation component in the German language. *Gramota, 12* (10): 201—205. (In Russ.).
- Dubinina, N. V. (2019). Realization of the linguocreative potential of coloratives in speech activity. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University, 2*: 81—87. (In Russ.).
- Egede, L. E., Walker, R. J., Campbell, J. A. (2023). Consequences of Historic Redlining: Finding a Path Forward. *J Gen Intern Med, 38* (6): 1534—1537. DOI: 10.1007/s11606-023-08051-4
- Gornostaeva, A. A. (2024). Analysis of the deviant usage of criticism of discursive innovations in the culture of cancellation and woke culture. *Proceedings of the Baikal State University, 34* (2): 389—396. DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(2).389-396. (In Russ.).
- Hailu, M. F., Sarubbi, M. (2019). Student resistance movements in higher education: An analysis of the depiction of Black Lives Matter student protests in news media. *International Journal of Qualitative Studies in Education, 32* (9): 1108—1124. DOI: 10.1080/09518398.2019.1645905.
- Hardin, C. L. (2016). Berlin and Kay Theory. *Encyclopedia of Color Science and Technology, 3*: 77—80. DOI: 10.1007/978-1-4419-8071-7_62.
- Ju Ts. (2022). The semantic meaning of idioms in which coloratives with the meaning “green” are represented. *Modern pedagogical education, 10*: 193—196. (In Russ.).
- Kalashnikov, A. M. (2013). “Blue Stream” as an important factor in the development of Russian-Turkish relations. *Power, 2*: 100—102. (In Russ.).
- Katerina, V. V., Komogortseva, A. S. (2021a). Colorative vocabulary in the artistic space of Oscar Wilde’s works. *Theoretical and applied aspects of the study of speech activity, 14*: 64—69. (In Russ.).
- Katerina, V. V., Yachenko, E. A. (2021b). Semantic analysis of the hashtag #BLACKLIVES-MATTER. *Philology and man, 4*: 120—128. DOI: 10.14258/(2021)4-10. (In Russ.).
- Kerimov, R. D. (2013). Linguistic symbols of color in German-speaking political culture. *Political linguistics, 2*: 107—124. (In Russ.).
- Korobova, A. N. (2014). Color dominants in Feng Jikai’s prose (on the question of color meanings in modern Chinese prose). *Society and the state in China, 2*: 822—835. (In Russ.).

- Krivoshlykova, L. V. (2014). Phraseological units of the comparative type with the component “black” as part of the cultural picture of the world of the British. In: *1 Firs readings. Modern problems of intercultural communication: materials of the reports and reports of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 23—24, 2014)*. Moscow: RUDN University. 165—167. (In Russ.).
- Kuehni, R. (2010). What the World Color Survey tells about hue based color categories. *Journal of Vision*, 6 (13): 18—20. DOI: 10.1167/6.13.18.
- Kuzmina, A. V. (2011). Frequency coloratives in P. I. Karpov’s poetry. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 1 (13): 248—251. (In Russ.).
- Masolova, E. A. (2019). Achromatic coloratives in L. Tolstoy’s Late Fiction: semantics and functions. *Problems of Historical Poetics*, 4: 193—214. DOI: 10.15393/j9.art.2019.7082. (In Russ.).
- Mayer, V. S. (2024). Linguistic portrayal of the neologism NEPO BABY as a linguistic marker of modernity in current cultural conflicts. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: humanities*, 112: 223—226. DOI: 10.37882/2223-6681-2982.2024.12.27. (In Russ.).
- Mikhaleva, E. S. (2018). Color as a key element involved in creating the image of fear in the stories of Ambrose Bierce. *Russian philology*, 1: 84—93. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-84-93. (In Russ.).
- Narochnitskaya, E. A. (2019). France: the movement of the “Yellow Vests” — a year later. Scientific and Analytical *Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*, 6: 132—138. (In Russ.).
- Okhritskaya, N. M. (2011). Universal and national in the structure of polysemous adjectives denoting white in Russian and Spanish. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 37: 96—98. (In Russ.).
- Popova, E. A. (2018). Coloratives of the Spanish language as a source of difficulties in intercultural communication. *Linguistic existence of a person and an ethnic group*, 20: 103—109. (In Russ.).
- Reitman, M. (2006). Uncovering the white place: whitewashing at work. *Social & Cultural Geography*, 7 (2): 267—282. DOI: 10.1080/14649360600600692.
- Ruban, Yu. O. (2020). Structural, semantic and pragmatic aspects of the use of coloratives in English and Spanish children’s literature. In: *Issues of translation studies, intercultural communication and foreign literature: collection of scientific articles, Cheboksary, April 29—30, 2020*. Cheboksary: I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 269—275. (In Russ.).
- Sapiga, E. V. (2015). Color designation in modern linguistics: semantic and semiotic aspects. *Historical and socio-educational thought*, 8 (2/2): 192—194. (In Russ.).
- Shamne, N. L., Mayer, V. S. (2023). Words of the year as linguistic markers of cancellation culture. *The world of science, culture, and education*, 1 (98): 288—290. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-288-290. (In Russ.).
- Shapochkin, D. V. (2019). Color definitions in German political discourse. *Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanities*, 4 (20): 53—63. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-53-63. (In Russ.).
- Slesareva, T. P. (2015). The epithets-coloratives “black” and “white” in Boris Vasiliev’s novel “Not listed”. *Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research*, 4: 180—184. (In Russ.).
- Urazmetova, A. V. (2014). The history of the USA, recorded in the toponymic nicknames of the states. *Bulletin of Kostroma State University*, 20 (2): 177—180. (In Russ.).

- Vliet, H. (2021). White Saviors Get Gold Trophies: Colorblind Racism and Film Award Culture. *Film Matters*, 12 (3): 140—151. DOI: 10.1386/fm_00182_1.
- Zaraisky, A. A. (2000). Semantic aspect of lexical compatibility in English. *Language units and their functioning. Interuniversity collection of scientific papers*, 6: 104—111. (In Russ.).
- Zhemchuzhnikova, A. K. (2022). The language of the value component of the concept of Black Lives Matter. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 14 (1): 38—45. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-1-38-45. (In Russ.).
- Zimina, N. V. (2019). Semantic features and linguistic symbols of German color designations weiß, schwarz, blau, grün, rot, gelb. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (142): 184—190. (In Russ.).

*The article was submitted 29.05.2025;
approved after reviewing 09.09.2025;
accepted for publication 03.10.2025.*

Информация для цитирования:

Шигуров В. В. Именительный и винительный падежи русских существительных в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 205—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-205-229.

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2025). Nominative and Accusative Cases of Russian Nouns in Contexts of Adverbialization Combined with Modality, Pronominalization, Particulation, and Interjection. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 205-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-205-229. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Именительный и винительный падежи русских существительных в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией

Шигуров Виктор Васильевич

orcid.org/0000-0002-4898-6484

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка,

корреспондирующий автор

shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

orcid.org/0000-0001-5342-8471

доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры культурологии и
библиотечно-информационных ресурсов

shigurova_tatyana@mail.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 24-28-00674,
<https://rscf.ru/project/24-28-00674/>

Nominative and Accusative Cases of Russian Nouns in Contexts of Adverbialization Combined with Modality, Pronominalization, Particulation, and Interjection

Victor V. Shigurov

orcid.org/0000-0002-4898-6484

Doctor of Philology, Professor, Head
of the Department of the Russian,

corresponding author

shigurov@mail.ru

Tatyana A. Shigurova

orcid.org/0000-0001-5342-8471

Doctor of Cultural Studies, Professor,
Department of Cultural Studies, and
Library and Information Resources

shigurova_tatyana@mail.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-00674,
<https://rscf.ru/project/24-28-00674/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью переходных зон в грамматическом строе языка. В центре внимания — виды пересечения адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ с другими типами транспозиции. Цель работы — рассмотреть признаки и предел транспозиции именительного и винительного падежей существительных в наречия в контекстах «чистой» адвербиализации и совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией. Использована методика структурно-семантического анализа, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа. Установлено, что формы именительного падежа существительных типа *правда* способны при интерпозитивном использовании подвергаться функциональной транспозиции в наречия и модальные слова со значением категорической достоверности. Показано также, что формы именительного и винительного падежей существительных могут совмещать адвербиальную транспозицию с транспозицией в местоимения в значении неопределенного множества (*капельку, крошечку, чуточку, малость*); в определительно-уточняющие частицы (*минимум, максимум*); в эмотивные междометия (*ужас, страх, жуть*). Делается вывод о том, что данные типы транспозиций проявляют себя чаще всего в семантической зоне исходных субстантивных лексем, то есть в сфере грамматики, и не связаны со словообразованием.

Ключевые слова:

грамматика; существительное; адвербиализация; прономинализация; партикуляция; интеръективация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is determined by the insufficient study of transition zones in the grammatical structure of the language. The focus is on the types of intersection of adverbial transposition of substantive word forms with other types of transposition. The purpose of the work is to consider the features and limit of transposition of nominative and accusative cases of nouns into adverbs in the contexts of "pure" adverbialization and combined with modality, pronominalization, particulation and interjection. The methods of structural and semantic analysis, linguistic experiment, elements of distributional, transformational and componential analysis are used. It is established that the forms of the nominative case of nouns such as *pravda* are capable of undergoing functional transposition into adverbs and modal words with the meaning of categorical reliability when used interpositively. It is also shown that the forms of the nominative and accusative cases of nouns can combine adverbial transposition with transposition into pronouns meaning an indefinite set (*kapelku, kroshechku, chutochku, malost'* [a little]); into defining-clarifying particles (*minimum, maximum*); into emotive interjections (*uzhas, strakh, zhut'* [How terrifying!]). It is concluded that these types of transpositions manifest themselves most often in the semantic zone of the original substantive lexemes, that is, in the sphere of grammar, and are not associated with word formation.

Key words:

grammar; noun; adverbialization; pronominalization; particulation; interjection.

УДК 811.161.1'367.624.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-205-229

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Именительный и винительный падежи русских существительных в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией

© Шигуров В. В., Шигурова Т. А., 2025

1. Введение = Introduction

Один из сложнейших вопросов теории транспозиции и синкретизма связан с осмыслением фактов пересечения нескольких транспозиционных процессов в структуре языковых единиц разной частеречной принадлежности. При таком пересечении возникают зоны синкретизма, характеризующиеся разной комбинаторикой и пропорцией признаков взаимодействующих частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модалных единиц. Случаи взаимодействия семантико-грамматических классов слов при транспозиции, совмещаемой в ряде случаев со словообразованием, отмечались российскими и зарубежными исследователями. Достаточно вспомнить в связи с этим хотя бы теорию Ш. Балли о функциональной и семантической транспозиции, в соответствии с которой считается, что первая относится только к сфере грамматики, а вторая охватывает и лексику (см.: [Балли, 1955, с. 131]). В то же время, по справедливому замечанию ряда исследователей, транспозиция языковых единиц способна перерастать на разных этапах из одного вида в другой (см., например: [Зернов, 1986, с. 10—11]). При транспозиции наблюдается асимметризация языковых знаков, нарушение единства их формы и содержания. Как отмечал С. Карцевский, означающее (звучание) стремится найти иные функции, а означаемое — иные средства выражения (см.: [Карцевский, 1965, с. 85—90]). Согласно В. Г. Гаку, взаимодействие частей речи приводит к тому, что исходные словоформы развивают новое содержание, расширяя номинативные возможности языковых единиц, их синтагматический потенциал, формируя синонимы, которые выражают новые оттенки мыслей и чувств (см.: [Гак, 1990, с. 519]).

Ступенчатая природа транспозиции обуславливает появление огромного количества синкретичных образований, в структуре которых в разной

пропорции представлены свойства взаимодействующих при транспозиции частей речи. «Факты языка, — пишет В. Г. Гак, — формируют некоторый континуум — цепь постепенных переходов. Крайние звенья цепи четко различаются между собой, но они связаны зоной постепенных переходов, где невозможно раз и навсегда провести разграничительные линии» [Гак, 1998, с. 16—17]. В живом функционировании языка преобладают факты, у которых нет полного набора свойств одной какой-либо части речи (см., например: [Бабайцева, 2000, с. 3—4]).

Ситуацию осложняет механизм пересечения нескольких транспозиционных процессов, в которые вовлекаются языковые единицы. В. В. Виноградов обратил внимание на то, что грамматические факты могут двигаться, соприкасаясь разными гранями сразу с несколькими классами слов и приводя тем самым к образованию гибридных структур, совмещающих дифференциальные признаки взаимодействующих (пересекающихся) частей речи (см.: [Виноградов 1986, с. 45—46]).

Трудно не согласиться с Е. С. Кубряковой, которая считает, что «структурация каждой отдельной части речи может быть названа прототипической, поскольку у нее есть ядро и периферия, фокус (фокусы) и развивающиеся по разным направлениям ответвления категории» [Кубрякова, 2004, с. 113]. В рамках каждой части речи можно выделить ядерные единицы, являющиеся их лучшими представителями — прототипами, и периферийные единицы. Прототипы концентрируют наиболее полный набор конституирующих признаков той или иной части речи. По мнению И. В. Высоцкой, это своего рода магниты, которые образуют поле и притягивают к себе периферийные явления (см.: [Высоцкая, 2006, с. 84]). «Полевая организация языковых категорий..., как справедливо отмечает Е. В. Петрухина, — проявляется... в сближении и пересечении классов языковых единиц» [Петрухина, 2009, с. 11].

Полевую структуру представляет, например, глагольная система, которую представляют четыре репрезентанта: ядерный репрезентант в виде предикативной формы глагола типа *рисую* и периферийные репрезентанты, возникшие в результате грамматической транспозиции глагольной лексемы: а) в наречие — полупредикативный репрезентант, деепричастие типа *рисую* (адвербиальная транспозиция); б) в существительное — субстантивный репрезентант, инфинитив типа *рисовать* (субстантивная транспозиция); в) в прилагательное — адъективный репрезентант, причастие типа *рисующий* (адъективная транспозиция). С учетом этих типов собственно грамматической транспозиции можно объяснить причину тяготения деепричастных, инфинитивных и причастных форм глаголов к трем частям речи — наречиям, существительным и прилагательным (см., например: [Буланин, 1983, с. 94—115; Шигуров, 1993]).

Разные типы взаимодействия частей речи с выделением доминирующего типа транспозиции и сопутствующих ему периферийных транспозиционных процессов были исследованы нами в ряде монографий (см., например: [Шигуров, 2009; Шигуров, 2015; Шигуров, 2016; Шигуров, 2025]).

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть зоны пересечения адвербиализации именительного и винительного падежей существительных с процессами модалации, прономинализации, партикуляции и интеръективации.

Актуальность исследования определяется недостаточной степенью изученности механизма взаимодействия нескольких типов транспозиции в структуре одной и той же языковой единицы, их отношения к сферам грамматики и лексики.

Новизна работы состоит в том, что в ней выявлены переходные зоны, эксплицирующие факты совмещения адвербиализации существительных в именительном и винительном падежах с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией.

2. Материал, методы = Material, Methods

Методологической базой послужили исследования отечественных и зарубежных ученых по проблеме межчастеречного взаимодействия, транспозиции (трансляции, конверсии, синтаксической и лексической деривации, переходности, трансформации) и синкретизма (см., например: [Курилович, 1962, с. 57—71; Мигирин, 1967; Теньер, 1988; Вихованець, 1988; Урысон, 1996, с. 25—38; 2024, с. 241—254; Зализняк, 2020, с. 5—11; Кравцов, 2016; Мельчук, 2023, с. 9—25; Marchand, 1967, с. 13—26; Eihinger, 1982; Stekauer, 1996]).

Цель работы — определение семантико-грамматических сдвигов в беспредложных формах именительного и винительного падежей в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, партикуляцией, прономинализацией и интеръективацией.

Объект исследования — существительные в формах именительного и винительного падежей, подвергающиеся нескольким типам транспозиции на уровне частей речи и межчастеречного разряда вводно-модалных слов и выражений.

Предмет рассмотрения — типы и признаки адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ в контекстах «чистой» и «совмещенной» адвербиализации.

Материал исследования — предложения с существительными в именительном и винительном падежах, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], и собственные примеры авторов статьи.

В решении научных задач применялись такие методы исследования, как структурно-семантический анализ, оппозиционный метод, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Проведенное исследование свидетельствует о том, что имена существительные в формах именительного и винительного падежей способны демонстрировать в типовых контекстах факты как «чистой» адвербиализации, так и совмещенной с другими типами межчлестеречной транспозиции. Очевидными представляются случаи совмещения адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ с их транспозицией во вводно-модальные единицы (модальция), местоимения (прономинализация), частицы (партикуляция) и междометия (интеръективация). Рассмотрим эти типы транспозиции.

3.1. Именительный падеж существительного в синкретичном контексте адвербиализации и модальции

Именительный падеж русских существительных может оказаться в определенных типах контекстов в зоне притяжения наречий и вводно-модальных слов, что не позволяет однозначно квалифицировать его категориальный статус. А. Х. Востоков обратил внимание на особую подгруппу наречий, которая характеризует подлинность действия и состояния, назвав их соответственно утвердительными (*подлинно, истинно, действительно* и т. п.) и предположительными наречиями (*никак* и т. п.) (см.: [Русская грамматика Александра Востокова ..., 1844, с. 184]). Под эту семантическую подгруппу можно подвести и отсубстантивное наречие *правда*, используемое для указания на подлинность передаваемой информации. Наречия со значением утверждения и предположения находим также в работе И. Давыдова (см.: [Давыдов, 1852, с. 201]).

В. В. Виноградов считал, что словоформы типа *действительно, безусловно* следует квалифицировать как промежуточные, гибридные образования, поскольку в них совмещены свойства наречий и модальных слов (см.: [Виноградов, 1986, с. 602]).

Хорошо известно, что имена существительные в разных формах падежей с предлогами и без предлогов (*правда, в принципе*), краткие прилагательные среднего рода (*действительно, естественно*) могут употребляться в позиции между подлежащим и сказуемым в качестве особого модального обстоятельства, сближаясь тем самым с наречиями. В этой позиции они подвергаются функциональной адвербиализации. Показательны в этом плане, например, типы необособленного употребления в роли модального обстоятельства и / или обстоятельства меры и степени адвер-

биализованных адъективных словоформ *естественно, безусловно, действительно*, приводимые Д. Э. Розенталем (см.: [Розенталь, 2006, с. 131]:

- (1) *Он безусловно прав* (наречие в функции обстоятельства меры и степени);
- (2) *Он, безусловно, прав* (наречие или краткое прилагательное в вводно-модальной функции со значением категорической достоверности).

Для сравнения приведем предложение с кратким прилагательным *безусловно* в позиции именного предиката:

- (3) *Нарушение правила дорожного движения было очевидно и безусловно.*

Приведенные выше примеры демонстрируют, с одной стороны, транспозиционный процесс чистой адвербиализации словоформы *безусловно* (отадъективное наречие в роли модального обстоятельства (1)), а с другой — зону пересечения процессов адвербиализации и модалации (при вводно-модальном употреблении отадъективного наречия, сопровождаемом обособлением вводного компонента, то есть интонационно-смысловым выделением его в речи и пунктуационным оформлением на письме (2)).

Нечто схожее можно наблюдать при использовании беспредложной субстантивной словоформы *правда*; ср. ее разный категориальный статус:

- ядерное (протипическое) существительное в функции подлежащего:
- (4) *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* (≈ ‘то, что есть в действительности’);

- синкрета, синтезирующая в контексте совмещенной адвербиализации и модалации свойства существительного, наречия и вводно-модального слова:

- (5) *Он правда ни в чем не виноват* (≈ ‘действительно, на самом деле’);
- синкрета, синтезирующая при препозитивном употреблении в контексте совмещенной модалации и партикуляции свойства вводно-модального слова и модальной (утвердительной) частицы:

- (6) *Правда, его там не было в это время* (≈ ‘да, верно’).

Следует иметь в виду, что интерпозитивное употребление субстантивной словоформы *правда* в позиции обстоятельства между подлежащим и сказуемым (см. пример (5)) трактуется неоднозначно. Одни исследователи считают, что в таких случаях мы имеем дело с модальной, утвердительной частицей (см., например: [БТСРЯ, 2000, с. 952]; другие полагают, что это гибрид, синтезирующий при необособленном употреблении в функции обстоятельства свойства модальных слов и наречий (см., например: [Баудер, 1982, с. 134—135]); третьи считают, что функция обстоятельства, примыкание как способ присловной связи со знаменательными словами и др. дают основание усматривать в словоформе *правда* статус наречия (см., например: [Ким и др., 2004, с. 565]).

Проведенное исследование позволяет заключить, что словоформа *правда* в анализируемом типе контекста, действительно, находится на пересечении двух транспозиционных процессов — адвербиализации и модалияции. Однако важно подчеркнуть, что оба этих процесса имеют собственную грамматическую природу: они протекают исключительно в недрах семантической зоны исходной субстантивной лексемы *правда* и потому не могут быть связаны со словообразованием, то есть с производством новой единицы языка. Синкрета *правда* в силу сказанного представляет особый адвербиально-модалный тип употребления.

Включенность рассматриваемой словоформы в транспозиционные процессы адвербиализации и модалияции проявляется, с одной стороны, в ослаблении и утрате основных категориальных признаков существительного, а с другой — в формировании признаков наречий и модалных единиц. Например:

(7) *Он правда талантливый художник.*

При употреблении в позиции необособленного модалного обстоятельства (пример 7) словоформа *правда* лишена таких прототипических свойств существительного, как семантика предметности; категории рода, числа и падежа; падежно-числовая парадигма; членимость на основу и флексию; наличие адъективных и присубстантивных распространителей, отнесенность к лексико-грамматическим разрядам исходного существительного (нарицательное, неодушевленное, абстрактное). Вместе с тем при адвербиализации словоформы *правда* не нарушается семантического тождества исходной лексемы: она сохраняет смысл ‘то, что соответствует действительности’, демонстрируя собственно грамматический (функциональный) характер транспозиции в наречие. Наряду с этим у данной словоформы сформировались адвербиальные свойства, такие как категориальная семантика признака признака; неизменяемость (флексия *-а* в синкрете *правда* преобразовалась в суффикс *-а*); функция (модалного) обстоятельства; способность связываться с главным словом словосочетания способом примыкания. Надо сказать, что адвербиализация данного существительного, как, впрочем, и его модалияция, имеет сугубо контекстуальный, речевой характер: она наблюдается лишь в строго определенной (неособобленной!) позиции — между подлежащим и сказуемым.

Адвербиальное значение ‘действительно, на самом деле’ у словоформы *правда* в функции необособленного модалного обстоятельства выделяется в «Большом академическом словаре русского языка» [БАСРЯ, т. 19, с. 420]:

(8) *Она видела Лику, она правда выходит замуж. Стала такая славная* (М. Чехова. Письма. 1902) [НКРЯ];

(9) Ты **правда** любишь меня, — тихонько шепнула Леля на ухо Драпичу (Н. Никит. Северн. Аврора) [НКРЯ].

В указанном словаре отмечается также, что в синтаксической роли обособленного члена предложения *правда* используется в значении категорической достоверности, свойственном вводному слову; ср.:

(10) Синева напозла, но дождя, **правда**, не было (Шукшин. Дядя Ермолай) [НКРЯ].

Как и типичные вводно-модальные слова, синкретичное образование *правда* в контексте адвербиализации и модалации имеет субъективно-модальное значение, которое обозначает уверенность субъекта модуса в реальности сообщаемой информации. Оно характеризуется также признаком неизменяемости, что обусловлено отсутствием категорий и парадигм существительного. Однако в отличие от ядерных модальных слов типа *правда*, конечно синкретичная структура *правда* не обладает такими характеристиками, как вводная функция; обособление, то есть интонационно-смысловое выделение в речи и употребление с запятыми на письме; «интродукция» как способ вхождения вводно-модальной единицы в структуру высказывания; неспособность быть членом предложения (см., например: [Шигуров, 2025]).

Словоформа *правда* в синкретичном контексте адвербиализации и модалации употребляется в качестве модального обстоятельства в основном при глаголах в финитной форме, в том числе при отрицании действия (*любить, нравиться, исчезнуть* и др.); при качественных прилагательных и отадективных наречиях (*замечательный, талантливый, умнейший, особенный, хороший, виноват, здоров, сильно* и т. п.); при предложно-падежных формах существительных (*из артистов* и др.); ср.:

(11) Мне разные записки писали, но такого никогда не было... Ты **правда** любишь меня? Я молчал (Р. Ибрагимбеков. Забытый август // «Юность», 1972) [НКРЯ];

(12) А Густав и **правда** исчез: уволился из университета, переехал в только что построенный замысловатый дом-башню в кюснахте на самом берегу цюрихского озера (О. Новикова. Мужской роман, 1999) [НКРЯ];

(13) Молодец... Я **правда** хороший юрист! И у меня IQ 162 (Е. Колина. Дневник измены, 2011) [НКРЯ];

(14) Я читала про «Цирк дю Солей» — это и **правда** нечто особенное (Форум: Поход в цирк, 2010) [НКРЯ];

(15) Орленев видел, что этот офицер **правда не виноват** в том, что ему было поручено сделать обыск, и держался и говорил вполне в том тоне, в каком должно было (М. Волконский. Записки прадеда, 1914) [НКРЯ];

(16) Я переспрашивал: «Нет, ты **правда** здоров?» Я объяснял озабоченное волнение тем, что вчера во сне увидел его, моего бывшего приятеля

ля, — увидел отчетливо и узнаваемо (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени, 1996—1997) [НКРЯ];

(17) *Ключий друг: во время праздников ни слова ей не написал... ну согласишься, если она тебе правда так сильно нравится, то можно было ей уделять хоть чуточку больше внимания...* (agd-ardin, Ключий друг. Переписка в ICQ, 16.01.2008) [НКРЯ];

(18) *По всей видимости, большинство людей — не все, но большинство, которые там сейчас работают, считают нас чужими. Мы и правда не из разведки! Мы — самостоятельные люди* [Б. Немцов, Е. Трегубова. «Мы и правда не из разведки!!» // «Коммерсантъ-Власть», 2002] [НКРЯ].

Для сравнения укажем, что в функции необособленных обстоятельств образа действия (19) и обособленных вводно-модальных слов (20) могут употребляться и адвербиализованные формы творительного падежа существительных *часом* и *случаем* в значении ‘случайно’; ср.:

(19) *Заковыристо. Вам не поп часом имя снарядил? Чего-о-о?!* (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза, 2015) [НКРЯ]; *Я встал у ворот, в указанное место, втянул голову, опустил взор, чтобы часом никто из толпы меня не узнал или по телевизору не засветиться во всем позоре, ибо там и телевизионщики были* (А. Белозеров. Люди до востребования // «Волга», 2012) [НКРЯ]; *Ты случаем не забыл, что одиннадцатого твоему шефу сорок один стукнет?* (В. Вещунов. Перекат // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ];

(20) *«Какое у вас образование?» — спросил я. «Часом, не кадровый офицер?» — «Да нет», — сказал он* (А. Бушков. Дверь в чужую осень, 2015) [НКРЯ]; *«Часом, в Эстонию не намылилась?» — «Прекрати, — буркнула Лиза, — у меня все так, что лучше и не говорить»* (Д. Симонова. Шанкр, 2002) [НКРЯ]; *«А это у вас откуда? Не украли, случаем?» — «Да что вы, дядя!»* (Ф. Ошевнев. Записки букиниста (2016) // «Ковчег», 2015) [НКРЯ].

Что касается словоформы *факт*, которая обычно употребляется в одном ряду с близким по значению словом *правда*, то, в отличие от синкреты *правда*, она не может употребляться в функции необособленного модального обстоятельства и не встречается поэтому в синкретичном контексте адвербиализации и модалагии. Существительное *факт* не подвержено адвербиализации, хотя в роли вводно-модального слова — утвердительной частицы оно используется.

Ср. контексты употребления существительного *факт* (21) и вводно-модального слова-частицы *факт* (22):

(21) *Отмечен любопытный факт: испытуемые не осознавали реакции своего мозга на столь естественное воздействие, какое мы наблюдаем в природе* (Мозг реагирует на грозу // «Знание — сила», 2003) [НКРЯ];

(22) *Его логические умозаключения могли привести к неожиданным жизненным выводам... Расслабляешься, **факт**. Витя философствовал...* (М. Марина. Витька-колдун // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ] ($\approx$ ‘да, верно’).

Отметим также случаи транспозиции словоформы *правда* в союз с противительно-уступительным значением:

(23) *Он любил **правду**, **правда** не всегда* ($\approx$ ‘хотя’, ‘но’).

3.2. Именительный и винительный падежи существительных в контексте адвербиализация и прономинализации

Речь идет о субстантивных формах винительного падежа *капельку*, *крошечку*, *чутьочку* и субстантивных формах именительного / винительного падежа *малость*. Как показывают наблюдения, эти существительные без предлогов подвержены двум типам транспозиции: адвербиализации и прономинализации.

Необходимо иметь в виду, что процесс прономинализации может быть как в чистом виде, так и в сочетании с процессом адвербиализации. Различить их можно уже синтагматически: транспозиция только в местоименно-числительное наблюдается при употреблении *чутьочку*, *крошечку* и *капельку* с существительными (23), а совмещенная (двойная) транспозиция — в наречия и местоимения — при употреблении с признаковыми словами, преимущественно с глаголами, прилагательными, наречиями, в том числе в безлично-предикативной функции (24).

(24) (а) *Знаете, что нужно добавлять в маринад для мяса? **Чутьочку киви**! Так в детстве учила меня мама* (А. Мардань. Тайна на троих // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ]; *Евдокии и сейчас, хотя прошли годы, было неприятно такое благодущие очередной пассива Михаила. Ей хотелось добавить **чутьочку дёгтя**. Помнится, в молодости он ни одной юбки не пропускал!* (А. Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014) [НКРЯ];

(б) *Вот выдался свободный вечер, надо ухватить **крошечку** крепкого **сна*** (И. Гольдберг. День разгорается, 1935) [НКРЯ]; *Ей бы стоило дать себе **крошечку воли**, и полились бы у нее сладкие, нескончаемые слезы* (И. Тургенев. Накануне, 1859) [НКРЯ]; *Хоть бы **крошечку внимания**!* (Архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник, 1896) [НКРЯ];

(в) *Приговаривая так, работяга, усаженный на лучшее место за кухонным столом, солидно прихлебывал чай, осторожно кушал бутерброд с икрой, иногда роняя **капельку жирных зерен** на поношенный гипс* (О. Славникова. Прыжок в длину, 2014—2016) [НКРЯ]; *...«Открытия» её героини привнесут **капельку тепла** в суровые коридоры Мировой Субординации* (Т. Рябинская. Яблочный хвостик // «Ковчег», 2015) [НКРЯ]; *Она, казалось, отчаянно бросала вызов нерадивым хозяевам, добавив **капельку грусти** и нам* (В. Бирюлин. Семена жизни // «Ковчег», 2014) [НКРЯ];

(25) (а) *Элли не плачет, голос ее ровный, только рот **чуточку** кривится, красивые глаза смотрят в угол, а брови застыли напряженно приподнятой линией* (А. Цветкова. Если у вас нет собаки // «Сибирские огни», 2012) [НКРЯ]; *Мы их уложим ко сну теплыми, так ясно запомнившими этот день ворохами, тронутыми вишней слегка темноватой улыбкой, **чуточку** лишь виновной и грустной, но все-таки — детской, исчезающе детской* (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011) [НКРЯ]; *Можно предположить, что семья Гагариных пережила оккупацию **чуточку** легче, чем остальные их односельчане* (Л. Данилкин. Юрий Гагарин, 2011) [НКРЯ];

(б) *Мне нужно было хоть **крошечку** хватить свежего воздуха* (С. Сартаков. Не отдавай королеву, 1960) [НКРЯ]; *Тане, может быть, было **крошечку** стыдно, но ела она с аппетитом* (И. Новиков. Гарахвена, 1917—1919) [НКРЯ]; *Сила Терентьев Пузанов, при этих словах, тоскливо замотал головой, так что если б атаманы-молодцы были **крошечку** побойчее, то они, конечно, разнесли бы съезжую избу по бревнышку* (М. Салтыков-Щедрин. История одного города, 1869—1870) [НКРЯ]; *Я очень люблю тебя, но Станкевича люблю **крошечку** больше* (Н. Крашенинников. Целомудрие, 1925) [НКРЯ];

(в) *То же самое, что и все мои шуточки — это не мое, это просто способ заполнить несколько впустую потраченных минут чем-то хоть **капельку** интересным* (А. Григорович. Пыльная буря // «Волга», 2012) [НКРЯ]; *Еще **капельку** она отвлечется от учебы, а потом уже будет сидеть над задачей до вечера* (Д. Сабитова. Цирк в шкатулке, 2007) [НКРЯ]; *Ну, дай хоть **капельку** вправо — и спокойно бы разошлись* (Х. Ганиев. Никто не хотел убивать (2002) // «Автопилот», 15.11.2002) [НКРЯ].

Для существительного *чуточку* характерен сугубо функциональный тип транспозиции в количественное наречие и / или в неопределенно-количественное местоимение, протекающей в пределах семантической зоны исходной лексики. Ср., например, типовые контексты субстантивного (25) и адвербиально-прономинального употребления словоформы *чуточку* (26):

(26) *Сам когда-то часто раздражался, ел мясо, пил водку. Проявите **чуточку** ... понимания, жалости. Наконец, элементарного сострадания* (М. Елизаров. Pasternak, 2003) [НКРЯ];

(27) *Иди, чего ты ждешь еще? Ты не назвал своего имени. Почему я произнес именно эти слова? Может быть, потому, что начал **чуточку** понимать кавказцев? Беслан. Я запомню твоё имя. И пошел* (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт, 1998) [НКРЯ].

Адвербиализация форм винительного падежа существительных *капельку* и *крошечку*, напротив, имеет функционально-семантический ха-

ракет, так как приводит к нарушению тождества исходных лексем, демонстрируя образование наречий, которые являются не только грамматическими, но и лексическими омонимами по отношению к исходным субстантивным словоформам. Ср. контексты употребления функционально-семантических омонимов — *капельку, крошечку* (существительные) (27) и *капельку, крошечку* (отсубстантивные наречия меры и степени) (28):

(28) *И там должен стоять недопитый стакан под этим низким солнцем, и бабочка должна сесть на край стакана, и хоботком вытянуть **капельку** вина* (Г. Гупало, А. Данилова. Юрий Норштейн: Опять забыли человека (2016.09) // «Правмир», 2016) [НКРЯ]; *Я показал Алешке пальцами уши над головой, и он расплылся в улыбке: понял — это от зайца. Мы схватили калач. Он мерзлый, что камень. По очереди пытались откусить от него хоть **крошечку*** (В. Астафьев. Последний поклон, 1968—1991) [НКРЯ];

(29) *Спасибо. Я тут постою **капельку**. Все в порядке?* (О. Сульчинская. От мира до кругозора // «Октябрь», 2003) [НКРЯ]; *...Дождь в ночь уймется и к утру хоть **крошечку** подмерзнет...* (В. Смирнов. Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность, 1895) [НКРЯ].

В целом же можно говорить о трех типах употребления словоформ типа *капельку*; ср.:

— собственно субстантивный тип употребления:

(30) *«Как это ты не знал, Борис?» — нарочито сердясь, сказала Анна Леопольдовна и быстро смахнула платком с его подбородка **капельку слюны*** (В. Мухарьямов. Брагины // «Волга», 2009) [НКРЯ];

— местоименно-числительный тип употребления:

(31) *Вызовите охрану... Почтенная публика, **капельку терпения!*** (Д. Колодан, Карина Шаинян. Затмение, 2007) [НКРЯ];

— адвербиально-прономинальный тип употребления:

(32) *Поэтому мы не без горечи смирились с тройкой, в глубине души **капельку надеялись** на четверку и даже не мечтали о пятерке* (В. Санин. Мы — псковские! 2001) [НКРЯ].

При транспозиции существительных *чутьочку, капельку, крошечку* в наречия и местоимения в их структуре происходят изменения двух типов. Во-первых, они связаны с утратой признаков существительных, а во-вторых — с появлением признаков наречий и местоимений.

Совмещенная прономинализация и адвербиализация данных существительных проявляется в утрате таких субстантивных характеристик, как значение предмета (предметности); категории и формы рода, числа и падежа; парадигма, система флексий; первичная синтаксическая функция существительного (дополнение), разрядовые значения (нарицательность, неодушевленность, конкретность / абстрактность), наличие адъективных

и присубстантивных зависимых слов. Адвербиальная и прономинальная транспозиция форм винительного падежа *капельку*, *крошечку*, кроме того, сопровождается утратой лексических значений исходных субстантивных лексем: *Попугай заметил на столе крошечку хлеба* (существительное) —> *А теперь крошечку внимания!* (синкрета в контексте прономинализации) / *Крошечку подождите!* (синкрета в контексте адвербиализации и прономинализации).

В результате адвербиализации *капельку*, *крошечку*, *чутьочку* приобретают такие дифференциальные признаки наречий, как семантика вторичного признака предмета (неопределенно-количественного признака признака), неизменяемость, адвербиальная функция обстоятельства меры и степени, примыкание как способ присловной подчинительной связи с главным словом; разрядовое значение определительно-количественного наречия (*капельку надеялись* ≈ *немного надеялись*). Морфема -у на конце адвербиализованных словоформ изменила свой категориальный статус: из флексии она трансформировалась в суффикс, расширив состав основы слова.

При прономинализации *капельку*, *крошечку*, *чутьочку* приобрели свойства неопределенных местоимений (типа *несколько*), а именно: местоименно-указательную функцию, связанную с выражением неопределенно-малого количества чего-либо, не достигающего некоей нормы; сочетаемость с существительными типа *терпения*, *везения*, *надежды* (подробнее о словах с семантикой неопределенного множества см., например: [Шигуров, 2015, с. 50—69]).

Функционально с образованиями *чутьочку*, *капельку*, *крошечку* сближается и субстантивная словоформа *малость*, также способная употребляться в контекстах адвербиализации и прономинализации. Подобно словоформам *чутьочку*, *капельку*, *крошечку*, форме именительного / винительного падежей существительного *малость* присущи три типа употребления:

— собственно субстантивный тип употребления:

(33) *Никто ничего не может знать про эту смешную малость, про засохшие цветы, найденные в старинной книге или на груди покойника* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей, 1964) [НКРЯ] (≈ ‘мелочь, пустяк’);

— местоименно-числительный тип употребления:

(34) *Ты думаешь, она оставила мне малость денег?* (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени, 1996—1997) [НКРЯ] (≈ ‘незначительное количество, немного’);

— адвербиально-прономинальный тип употребления:

(35) *Там он выступал, доклады писал по-немецки, и их приходилось малость подправлять* (Д. Гранин. Зубр, 1987) [НКРЯ] (≈ ‘чуть-чуть, немного’);

Как и в случаях адвербиального и адвербиально-прономинального использования словоформ типа *капельку (терпения, потерпеть)*, процессы прономинализации и адвербиализации словоформы *малость* сопровождаются определенными сдвигами на уровне общеграмматической семантики данного образования, его морфологических категорий и парадигм, лексико-грамматических разрядов, морфемной организации, присловных подчинительных связей, типичных синтаксических функций. Процессы адвербиализации и прономинализации у словоформы *малость* имеют собственно грамматический характер: они осуществляются в пределах семантической зоны исходной лексемы (*малость*). В этом отношении *малость* схоже со словоформой *чутьочку*, адвербиальная и прономинальная транспозиция которой не связана с образованием новой языковой единицы. Правильнее говорить в таких случаях об особых употреблениях словоформ в адвербиальной и местоименно-числительной функциях, а не о совмещении грамматических процессов (адвербиализации и прономинализации) со словообразованием; ср. также функциональные типы адвербиализации деепричастий и существительных, адъективации причастий, не нарушающие смыслового тождества слова: *говорить шепелявя, картавя; идти спотыкаясь, сидеть сгорбившись; зимой кататься с горки; разговаривать шепотом; разорванный блокнот, испачканный пиджак, высохшая трава*.

Эти изменения собственно грамматического характера представляют собой двойной процесс: с одной стороны, словоформа *малость* ослабляет и утрачивает субстантивные признаки, а с другой — приобретает признаки наречия и местоимения-числительного (см. об этом выше на примере словоформ *чутьочку, капельку, крошечку*).

Будучи адвербиальным интенсификатором, *малость* в значении ‘чуть-чуть, немного’ управляет формой родительного падежа имени существительного с партитивной семантикой (см. также: [Плунгян и др., 2021, с. 332—333]). Адвербиальный характер словоформы *малость* в функции обстоятельства меры и степени фиксируется во всех словарях русского языка (см., например: [Ефремова, 2004, с. 275; Словарь наречий ..., 2005, с. 256]).

3.3. Именительный и винительный падежи существительного в контексте адвербиализации и партикуляции

К сфере пересечения процессов адвербиализации и партикуляции можно отнести случаи использования субстантивных словоформ *максимум* и *минимум* для передачи значений ‘самое большее, максимально’ или ‘самое меньшее, минимально’. Возникшие в результате этих транспозиционных преобразований структуры встречаются чаще всего в синтагмах с количественно-именными словосочетаниями (*три месяца, пять лет* и т. п.) (36)

и существительными в темпоральном значении (*день, неделя, год* и т. п.) (37). Например:

(36) *Три, максимум четыре года на прохождение пути от поэзии вообще, пусть и талантливой, до своей, личной — эта стремительность развития тоже впечатляла, тоже мерой, обходившей, опережавшей привычные, на сей раз временной* (А. Найман. Славный конец бесславных поколений, 1994) [НКРЯ]; *Солнечных дней наберется максимум десять в году, а все остальное время либо идет дождь, либо стоит туман* (А. Золотарёв. Осло, 2004) [НКРЯ]; *Штаб забит гвардейцами, заявляющими в один голос, что бои продлятся недолго, максимум день-два* (Тбилиси. Война на одной площади // «Комсомольская правда», 1991) [НКРЯ];

(37) *Будучи лейтенантом, я в месяц минимум две недели проводил в полях, на учениях и выездах* (Нет перспективы, нет смысла в службе (2004) // «Солдат удачи», 03.11.2004) [НКРЯ]; *Крупнейшая чешская телекомпания «Нова-ТВ» демонстрирует минимум 40 процентов программ и фильмов местного производства* (А. Садчиков. Малой кровью. Народная партия намерена ограничить насилие на телеэкранах // «Известия», 2003.02.04) [НКРЯ]; *Надежде нужна еще минимум неделя, чтобы обезопасить их с Зайкой будущее* (П. Акимов. Плата за страх, 2000) [НКРЯ].

В контекстах (типа 36—37) эксплицируется предельная (минимальная / максимальная) граница чего-либо во времени, в количестве предметов и т. п. Семантически синкреты *минимум* и *максимум* сближаются с адъективными словами в форме превосходной степени и отглагольными наречиями: *нужен максимум месяц* ≈ ‘самое большее, максимально месяц’. Подвергающиеся грамматической адвербиализации существительные *максимум, минимум* функционально сближаются также с подгруппой смысловых, определительно-уточняющих частиц *почти (целый день), ровно (год), около (года)*, представляющих точную или приблизительную количественную оценку чего-либо. Это позволяет утверждать, что в контекстах вроде (*потребуется*) *максимум год* процесс транспозиции существительных в подразряд определительно-количественных наречий совмещается (пересекается) с процессом транспозиции в определительно-уточняющие частицы.

Ср. контексты употребления ядерных существительных *минимум, максимум* (38) и возникших в результате их адвербиализации и партикуляции гибридных структур (39):

(38) (а) *Одни видят в праве только этический минимум, другие считают неотъемлемым элементом его принуждение, т. е. насилие* (Б. Кистяковский. В защиту права, 1909) [НКРЯ]; *Мужской пол старается затратить минимум усилий на получение доступа к представительницам женского пола...* (М. Бутовская. Антропология пола, 2022) [НКРЯ];

(б) Но **максимум**, что могли разрешить женщине в царской России — это место учительницы арифметики в начальных классах гимназии (Борьба за счастье «профессора Сони» // «Знание — сила», 2020) [НКРЯ]; Недальновидный Трампуша прилагает **максимум** усилий для сплочения России и Китая... (А. Салупкий. Немой набат // «Москва», 2019) [НКРЯ];

(39) (а) Для Всероссийских соревнований, когда две или более площадки для соревнований размещены вместе, необходимая зона безопасности между ними должна быть шириной **минимум** 3 м. (Министерство спорта Российской Федерации. «Правила вида спорта «дзюдо» (утв. приказом Минспорта России от 06.02.2020 N 80) (ред. от 04.10.2021)) [НКРЯ]; Большинство посчитали, что это очень простая и очевидная задача и **минимум** половина второй группы должна определить мелодию (Н. Непряхин. Анатомия заблуждений, 2017—2020) [НКРЯ];

(б) Учитывая, что современная наука знает **максимум** четыре фундаментальных вида сил, члены Нобелевского комитета должны уже вызывать такси, не дочитывая статью до конца (Г. Тарасевич. О науке без звериной серьёзности, 2018) [НКРЯ]; Таможеников так и оставили на прежнем месте в прежнем положении — все равно **максимум** через четверть часа нагрянет с дюжину ребят Плытника, которых предупредили, где будут лежать трофеи (А. Бушков. Ближе, бандерлоги! 2016) [НКРЯ]; Стоит это не так уж дорого, рублей сто, **максимум** полтора-ста (Ю. Трифонов. Обмен, 1969) [НКРЯ]; Еще совсем недавно для больных раком почки прогноз был совсем неутешительным, они проживали всего несколько месяцев, **максимум** год (Г. Костина. Государство против рака // «Эксперт», 2015) [НКРЯ]; Обычно время одного погружения 40—45 секунд, **максимум** до одной минуты (И. Вольский. Пропать им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? 1994) [НКРЯ].

Основным транспозиционным процессом, в который вовлечены субстантивные словоформы **минимум** и **максимум** в функции обстоятельства меры и степени, является адвербиализация. Она приводит к утрате категориальных свойств существительного — значения предметности и средств его экспликации в виде категорий рода, числа и падежа, изменяемости, системы флексий, первичных функций подлежащего и дополнения с синтагматической поддержкой в форме адъективных и субстантивных распространителей. При этом в их структуре обнаруживаются адвербиальные признаки, такие как семантика признака признака, неизменяемость, функция обстоятельства, примыкание как способ связи с главными словами в рамках присловных подчинительных связей. Наблюдаем и изменения на уровне лексико-грамматических разрядов: на смену семантико-грамма-

тическим характеристикам существительного (нарицательность, неодушевленность, абстрактность / конкретность) приходят показатели определительно-количественного наречия. Одновременно *минимум* и *максимум* оказываются функционально приближены к определительно-уточняющим частицам типа *ровно, точно, почти* (в рамках процесса партикуляции). Кроме того, в позиции несогласованного определения эти образования обнаруживают сходство с прилагательными-аналитами; ср.: *задача минимум; программа максимум*.

3.4. Именительный и винительный падежи существительного в контексте адвербиализации и интеръективации

Для совмещения транспозиционных процессов адвербиализации и интеръективации существительных необходимы определенные предпосылки и синтаксические условия. К ним, на наш взгляд, следует отнести употребление субстантивных словоформ, обозначающих чувства (*ужас, страх, жуть, страсть*), события нежелательного, неприятного характера (*смерть*), в постпозиции относительно слов с качественной семантикой, прежде всего глаголов, прилагательных и наречий. Абсолютное употребление образований типа *ужас* используется для выражения сильных чувств и высокой степени качества (в широком смысле слова); ср.: *Ворота ужас высокие* (≈ ‘необыкновенно’) — > *Ворота высокие...* **Ужас!** Если в первом случае имеет место только транспозиция субстантивной словоформы *ужас* в количественное наречие, то во втором — также ее функциональное сближение с эмотивными междометиями. Эмоциональная окраска адвербиализованной субстантивной формы благоприятствует ее интеръективации.

Однако степень смыслового отхода от субстантивной лексемы может быть разной — большей, если выражаемая эмоция не соответствует лексическому значению исходного существительного (*Это мне так понравилось — ужас!*; выражение высокой степени интенсивности действия (‘очень’) и чувства восхищения) или меньшей, когда обозначаемое исходной лексемой чувство и выражаемая при интеръективации словоформы эмоция соответствуют друг другу (*Все испугались — ужас!*; выражение высокой степени интенсивности действия и чувства страха, ужаса). Разграничение этих случаев может проводиться с учетом двух типов межчастеречной транспозиции — функционально-семантической и функциональной (собственно грамматической) (см. также: [Шигуров, 2009, с. 77]).

Ясно, что как при адвербиализации, так и при интеръективации субстантивные словоформы утрачивают частеречные признаки класса существительных (семантика предметности; категории и парадигмы; первич-

ные функции подлежащего и дополнения; распространители адъективного и присубстантивного типа; система окончания и др.), приобретаая свойства количественных наречий (семантика признака признака, неизменяемость, первичная функция обстоятельства (меры и степени) и др.) и эмотивных междометий (выражение чувств страха, ужаса, удивления, восхищения и т. п.; неизменяемость; обособление). Пересечение процессов адвербиализации и интеръективации не позволяет говорить о полной степени «омеждомечивания» словоформ типа *ужас*, *страх*, *смерть*, так как они не приобретают, например, свойства быть нечленимым словом-предложением (сохраняется функция обстоятельства меры и степени, поддерживаемая синонимической связью с адвербиальными лексемами типа *очень*, *необыкновенно*). Нельзя говорить и об утрате данными словоформами в наречно-междометном употреблении номинативной функции. Лексическое значение исходного существительного при функциональной интеръективации у словоформ вроде *страх* сохраняется.

Приведем типы употребления образования *ужас*, демонстрирующие его разный категориальный статус:

— собственно субстантивное употребление формы именительного падежа:

(40) *Внушаемый провокацией страх, почти сакральный ужас без катарсиса, имеет более глубокие корни* (Подстрекатели истории // «Культура», 2002.04.08) [НКРЯ];

— наречное употребление словоформы (в рамках транспозиции в наречие меры и степени):

(41) *При этом есть ей хотелось ужас как...* (А. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016) [НКРЯ];

— междометное употребление словоформы (при ее транспозиции в эмотивное междометие, выражающее чувство ужаса, страха):

(42) *Кажется, в лучшем случае — две недели. Ужас! Неужели целых четырнадцать дней, четырнадцать ночей этой пытки?* (И. Грекова. Перелом, 1987) [НКРЯ];

— наречно-междометное употребление словоформы (в рамках адвербиализации и интеръективации):

(43) *Выбросился из окна, несчастный. Ужас! Вот такая судьба* (Е. Литинская. Откровение Оксаны // «Ковчег», 2013) [НКРЯ].

Наречно-междометный тип употребления словоформ типа *ужас* со значением меры и степени проявления признака (*ужас* ≈ *очень*, *необыкновенно*) возможен при его употреблении как за пределами предложения, так и в самом предложении, но в обособленной позиции (преимущественно в конце предложения); ср.:

(44) *Не люблю фалангов этих, ужас! Вчера одну на пороге видела: белая, страшная...* (И. Грекова. На испытаниях, 1967) [НКРЯ]; *И то мякушка, ты правду сказал! И ленивый какой — ужас! Плохо не клади бумаги, где стоит «вице-директор» — сейчас подпишет* (И. Гончаров. Май месяц в Петербурге, 1891) [НКРЯ]; *Ужас, несладко ей ехать придется. Надо отсыпаться, а как-то не спится* (Отчёт о велосипедном походе, 2001) [НКРЯ];

Для сравнения приведем три грамматических омонима *страх*, отмеченные в «Словаре грамматических омонимов русского языка» О. М. Ким и И. Е. Островкиной [Ким и др., 2004, с. 711]:

— Имя существительное:

(45) *Всеми овладел **страх**;*

— Количественное наречие:

(46) *Он **страх** не любил это занятие;*

— эмотивное междометие:

(47) *Что там было. **Страх!***

Отдельно, на наш взгляд, надо рассматривать еще наречно-междометный тип употребления словоформы *страх*:

(48) *Любопытный он был, **страх!***

В контекстах, демонстрирующих адverbиально-междометное использование *страх*, выражается эмоционально-экспрессивная оценка высокой степени интенсивности какого-либо качества, действия (*страх* ≈ *очень*, *необыкновенно*).

Аналогичную ситуацию представляет словоформа *страсть*; см. ее транспозицию в наречие меры и степени и эмоциональное междометие:

(49) *Спать хотелось — **страсть!***

Отметим также субстантивный (50), адverbиальный (51), адverbиально-междометный (52), междометно-императивный (53) типы употребления словоформы *смерть* из Национального корпуса русского языка:

(50) ***Смерть** ненадолго сближает тех, кто остался в живых* (А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [НКРЯ];

(51) *Хотя в феврале День Пехоты выпал на среду, с самого утра снег сверкал по-воскресному и **смерть** неохота была загорать в казарме* (В. Корнилов. Демобилизация, 1969—1971) [НКРЯ] (транспозиция в количественное наречие);

(52) *Змея укусила руку; как взорвало меня — **смерть*** (А. Грин. Сердце пустыни, 1923) [НКРЯ] (транспозиция в количественное наречие и эмотивное междометие).

(53) *Вот ваш царь. Взрыв криков: «Смерть ему, **смерть!** Распни его, распни!»* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, 1978) [НКРЯ] (транспозиция в императивное междометие).

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования установлено, что процесс адвербиальной транспозиции существительных в именительном и винительном падежах осуществляется в современном русском языке как в чистом виде, так и при пересечении с другими типами транспозиции. В связи с этим можно выделять, с одной стороны, «чистый» тип адвербиализации субстантивных словоформ в случаях вроде *Ему **смерть** неохота было ехать* (транспозиция в наречие меры и степени); *Я этого **век** не забуду* (транспозиция в аспектуально-темпоральное наречие длительности), а с другой — несколько «совмещенных» типов адвербиальной транспозиции существительных, которые проявляются в следующих комбинациях:

А. Адвербиализация + модалация (функциональное сближение с модальными словами в значении категорической достоверности) (*Он **правда** талантливый художник*);

Б. Адвербиализация + партикуляция (функциональное сближение со смысловыми, определительно-уточняющими частицами) (*Для выполнения работы нужно **минимум** два дня*);

В. Адвербиализация + прономинализация (функциональное сближение с местоимениями в значении неопределенного множества) (*Надо **капельку** подождать*);

Г. Адвербиализация + интеръективация (функциональное сближение с эмоциональными междометиями) (*Хулиганил он — **страх!** Страшно было — **ужас!***).

Указанные типы частеречной транспозиции форм именительного и винительного падежей существительных сопровождаются семантико-грамматическими сдвигами в структуре языковых единиц, которые сопряжены с утратой основных признаков исходных существительных и приобретением признаков наречий, модальных слов, местоимений, частиц и междометий.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БАСРЯ — *Большой академический словарь русского языка* / Рос. академия наук. Институт лингвистических исследований / Гл. ред. А. С. Герд. — Москва : Санкт-Петербург : Наука, 2011. — Т. 19. — 706 с. — ISBN 978-5-02-037529-1.
2. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
3. *Ким О. М.* Словарь грамматических омонимов русского языка / О. М. Ким, И. Е. Островкина. — Москва : Астрель ; АСТ ; Ермак, 2004. — 842 с. — ISBN 5-17-024938-1.

4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 03.06.2025).

5. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т. Ф. Ефремова. 2-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2004. — 814 с. — ISBN 5-17-025255-2.

6. *Словарь* наречий и служебных слов русского языка ; [сост. В. В. Бурцева ; ред. Н. М. Семенова]. — Москва : Русский язык-Медиа, 2005. — 750 с. — ISBN 5-9576-0183-7.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. — Москва : Дрофа, 2000. — 640 с. — ISBN 5-7107-2806-3.

2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.

3. *Баудер А. Я.* Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке / А. Я. Баудер. — Таллин : Валгус, 1982. — 184 с.

4. *Буланин Л. Л.* Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории / Л. Л. Буланин // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. — С. 94—115.

5. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1986. — 640 с.

6. *Высоцкая И. В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка / И. В. Высоцкая. — Москва : МПГУ, 2006. — 304 с.

7. *Гак В. Г.* Асимметрия в языке / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 519.

8. *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 768 с.

9. *Давыдов И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка / И. Давыдов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1852. — 507 с.

10. *Зализняк А. А.* Русское *разве* : от предлога к вопросительной частице / А. А. Зализняк // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 4. — С. 5—11. — DOI: 10.31857/S241377150010943-0.

11. *Зернов Б. Е.* Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект) / Б. Е. Зернов. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 126 с.

12. *Карцевский С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — 1965. — Ч. 2. — С. 85—93.

13. *Кравцов С. М.* Конверсия в словообразовании : узус и окказиональность / С. М. Кравцов. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016. — 170 с. — ISBN 978-5-9275-1796-1.

14. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

15. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. — С. 57—71.

16. *Мельчук И.* Две русские лексемы : ВОЗЬМИ [и Y -ни] и ВЗЯТЬ [и Y -нуть] / И. Мельчук // Русский язык в научном освещении. — 2023. — № 2. — С. 9—25.

17. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. — Бельцы : [б. и.], 1967. — 199 с.
18. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) / Е. В. Петрухина. — Москва : МАКС Пресс, 2009. — 208 с.
19. Плунгян В. А. Русское *чуть* : загадки грамматикализации / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, М. И. Орехова // Vilnius University open series, 2021. — С. 331—339.
20. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь ; под ред. И. Б. Голуб. 11-е изд. — Москва : Айрис-Пресс, 2006. — 368 с.
21. *Русская грамматика* Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная / А. Х. Востоков. Изд-е 6-е испр. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1844. — 355 с.
22. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
23. Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — № 4. — С. 25—38.
24. Урысон Е. В. К описанию языковой периферии ... : семантика и грамматика единицы не доходя до / Е. В. Урысон // Русский язык в научном освещении. — 2024. — № 2. — С. 241—254.
25. Шигуров В. В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия / В. В. Шигуров ; Науч. ред. Л. Л. Буланин. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. — 385 с. — ISBN 5-7103-0190-6.
26. Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка) / В. В. Шигуров. — Москва : Academia, 2009. — 464 с. — ISBN 978-5-87444-342-9.
27. Шигуров В. В. Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи : теория транспозиционной грамматики русского языка : 2-е изд., испр. и доп. (Серия : Научная мысль) / В. В. Шигуров. — Москва : Изд-во «НИЦ ИНФРА-М», 2015. — 160 с. — ISBN 5160109684.
28. Шигуров В. В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи : Теория транспозиционной грамматики русского языка / В. В. Шигуров. — Москва : Наука, 2016. — 702 с. — ISBN 978-5-02-039233-5.
29. Шигуров В. В. Теория транспозиционной грамматики русского языка : модальность как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи / В. В. Шигуров. — Москва : Инфра-М, 2025. — 1063 с. — ISBN 978-5-16-020847-3.
30. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-грамматичному аспекті / І. Р. Вихованець. — Київ : Наукова думка, 1988. — 256 с.
31. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistique. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — Pp. 13—26.
32. Eihinger L. M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation : die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / L. M. Eihinger. — Tübingen : Niemeyer, 1982. — 241 p.
33. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 23.09.2025,
подготовлена к публикации 04.10.2025.

Material resources

- BASRYa — Gerd, A. S. (ed.). (2011). *A large academic dictionary of the Russian language*, 19. Moscow: Saint Petersburg: Nauka. 706 p. ISBN 978-5-02-037529-1. (In Russ.).
- BTSRYa — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Dictionary of adverbs and official words of the Russian language*. (2005). Moscow: Russian Language-Media. 750 p. ISBN 5-9576-0183-7. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2004). *Explanatory dictionary of the official parts of speech of the Russian language*. Moscow: Astrel: AST. 814 p. ISBN 5-17-025255-2. (In Russ.).
- Kim, O. M., Ostrovkina, I. E. (2004). *Dictionary of grammatical homonyms of the Russian language*. Moscow: Astrel; AST; Ermak. 842 p. ISBN 5-17-024938-1. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 03.06.2025). (In Russ.).

References

- A. H. Vostokov *Russian grammar, more fully described according to the outline of his own abbreviated grammar*. (1844). St. Petersburg: [b. i.]. 355 p. (In Russ.).
- Babaytseva, V. V. (2000). *Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language*. Moscow: Bustard. 640 p. ISBN 5-7107-2806-3. (In Russ.).
- Bally, Sh. (1955). *General linguistics and French language issues*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 416 p. (In Russ.).
- Bauder, A. Ya. (1982). *Parts of speech — structural and semantic classes of words in modern Russian*. Tallinn: Valgus Publ. 184 p. (In Russ.).
- Bulanin, L. L. (1983). The structure of the Russian verb as a part of speech and its grammatical categories. In: *Controversial issues of Russian linguistics. Theory and practice*. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University. 94—115. (In Russ.).
- Davydov, I. (1852). *The experience of the general comparative grammar of the Russian language*. St. Petersburg: [b. i.]. 507 p. (In Russ.).
- Eihinger, L. M. (1982). *Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch*. Tübingen: Niemeyer. 241 p. (In Germ.).
- Gak, V. G. (1990). Asymmetry in language. In: *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 519. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1998). *Linguistic transformations*. Moscow: Languages of Russian Culture. 768 p. (In Russ.).
- Kartsevsky, S. O. (1965). On the asymmetric dualism of the linguistic sign. *History of linguistics of the XIX—XX centuries in essays and extracts*, 2: 85—93. (In Russ.).
- Kravtsov, S. M. (2016). *Conversion in word formation: usage and contingency*. Rostov-on-Don: SFU Publishing House. 170 p. ISBN 978-5-9275-1796-1. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 560 p. (In Russ.).
- Kurilovich, E. (1962). Lexical derivation and syntactic derivation. In: *Essays on linguistics*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 57—71. (In Russ.).
- Marchand, H. (1967). Expansion, transposition and derivation. *La Linguistique*, 3 (1): 13—26.
- Melchuk, I. (2023). Russian Russian lexemes: TAKE [and Y -neither] and TAKE [and Y -whine]. *Russian language in scientific coverage*, 2: 9—25. (In Russ.).

- Migirin, V. N. (1967). *Essays on the theory of transition processes in the Russian language*. Balti: [b. i.]. 199 p. (In Russ.).
- Petrukhina, E. V. (2009). *Russian verb: categories of type and tense (in the context of modern linguistic research)*. Moscow: MAKSS Press. 208 p. (In Russ.).
- Plungyan, V. A., Rakhina, E. V., Orekhova, M. I. (2021). Russian word: riddles of grammaticalization. *Vilnius University open series*. 331—339. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E. (2006). *Handbook of spelling and literary editing*. Moscow: Iris-Press. 368 p. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (1993). *Typology of the use of attributive forms of the Russian verb in conditions of negation of action*. Saransk: Publishing House of Mordovia. University. 385 p. ISBN 5-7103-0190-6. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2009). *Interjection as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech (Materials for the transpositional grammar of the Russian language)*. Moscow: Academia. 464 p. ISBN 978-5-87444-342-9. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2015). *Pronominalization as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: theory of transpositional grammar of the Russian language: 2nd ed., ispr. and add. (Series: Scientific thought)*. Moscow: SIC INFRA-M Publishing House. 160 p. ISBN 5160109684. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2016). *Predication as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: Theory of transpositional grammar of the Russian language*. Moscow: Nauka Publ. 702 p. ISBN 978-5-02-039233-5. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2025). *Theory of transpositional grammar of the Russian language: modalization as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech*. Moscow: Infra-M. 1063 p. ISBN 978-5-16-020847-3. (In Russ.).
- Stekauer, P. (1996). *A theory of conversion in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 155 p.
- Tenier, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax*. Moscow: Progress Publ. 656 p. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (1996). Syntactic derivation and the “naïve” picture of the world. *Questions of Linguistics*, 4: 25—38. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2024). Towards the description of the linguistic periphery ...: semantics and grammar of the unit without reaching it. *Russian language in scientific coverage*, 2: 241—254. (In Russ.).
- Vikhovanets, I. R. (1988). *Partial movement in the semantic and grammatical aspect*. Kyiv: Naukova Dumka Publ. 256 p. (In Ukr.).
- Vinogradov, V. V. (1986). *Russian language: Grammatical teaching of the word*. Moscow: Higher School. 640 p. (In Russ.).
- Vysotskaya, I. V. (2006). *Syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language*. Moscow: Moscow State University of Economics. 304 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2020). Russian is it: from the preposition to the interrogative particle. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. A series of literature and language*, 79 (4): 5—11. DOI: 10.31857/S241377150010943-0. (In Russ.).
- Zernov, B. E. (1986). *The interaction of parts of speech in English (static-dynamic aspect)*. Leningrad: Publishing House of the Leningr University. 126 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 23.09.2025;
accepted for publication 04.10.2025.*

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Василиса Александровна Бейненсон, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Ксения Александровна Болдина, канд. полит. наук (Нижний Новгород)
Марина Рашитовна Бабикова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Наталия Олеговна Автаева, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Ольга Владимировна Кружкова, канд. психол. наук (Екатеринбург)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Автаева Н. О. Генеративные нейросети в региональных массмедиа : навыки использования и этические установки нижегородских журналистов и студентов / Н. О. Автаева, В. А. Бейнenson, К. А. Болдина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 231—254. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-231-254.

Avtaeva, N. O., Beinenson, V. A., Boldina, K. A. (2025). Generative Neural Networks in Regional Mass Media: Usage Proficiency and Ethical Attitudes of Journalists and Students in Nizhny Novgorod. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 231-254. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-231-254. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Генеративные нейросети в региональных массмедиа: навыки использования и этические установки нижегородских журналистов и студентов

Автаева Наталия Олеговна

orcid.org/0000-0003-1090-5375

доктор филологических наук, доцент,
кафедра журналистики,
корреспондирующий автор
zhurnalistnngu@mail.ru

Бейнenson Василиса Александровна

orcid.org/0000-0002-7128-0340

кандидат филологических наук
кафедра журналистики
beynenson@flf.unn.ru

Болдина Ксения Александровна

orcid.org/0000-0003-4841-1581

кандидат политических наук, доцент,
кафедра журналистики
olesova@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Generative Neural Networks in Regional Mass Media: Usage Proficiency and Ethical Attitudes of Journalists and Students in Nizhny Novgorod

Nataliya O. Avtaeva

orcid.org/0000-0003-1090-5375

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Journalism,
corresponding author
zhurnalistnngu@mail.ru

Vasilisa A. Beinenson

orcid.org/0000-0002-7128-0340

PhD in Philology,
Department of Journalism
beynenson@flf.unn.ru

Kseniya A. Boldina

orcid.org/0000-0003-4841-1581

PhD in Political, Associate Professor,
Department of Journalism
olesova@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Автаева Н. О., Бейнenson В. А., Болдина К. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен обзор работ по этике использования искусственного интеллекта, редакционных стандартов СМИ, исследований применения нейросетей в журналистике. Цель исследования — выявление этических установок и практического опыта применения нейросетей студентами медианарправлений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и сопоставление их установок и опыта с требованиями медиаиндустрии Нижегородского региона. Представлен анализ результатов интернет-опроса студентов университета медианарправлений (N=255), а также журналистов 20 редакций Нижнего Новгорода (N=81) о практике и этических установках использования нейросетей. Сообщается, что большинство журналистов отмечают факт применения нейросетей в работе редакций. Отмечается, что инициатива освоения технологий исходит от самих сотрудников, которые используют их параллельно с остальными рабочими процессами. Установлено, что освоение нейросетей студентами сейчас происходит в период обучения в вузе, уровень навыков растет к старшим курсам. Подчеркивается, что, по мнению журналистов, для выпускника важнее не технические ИИ-навыки, а навыки редакторской оценки и фактчекинга генеративного контента, ключевыми пока остаются иные профессиональные требования, не связанные с ИИ. Не выявлено разрыва в этических представлениях студентов и практиков, причем часто именно студенты демонстрируют большую «этическую осторожность».

Ключевые слова:

генеративные нейросети; искусственный интеллект; региональная журналистика; этика; нейросети в СМИ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study provides a review of scholarly literature on the ethics of artificial intelligence (AI) usage, editorial standards in mass media, and research on the application of neural networks in journalism. The primary objective is to identify the ethical attitudes and practical experience with neural networks among media studies students at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod and to juxtapose these findings with the demands of the media industry in the Nizhny Novgorod region. The article presents an analysis of an online survey conducted among university media students (N=255) and journalists from 20 media outlets in Nizhny Novgorod (N=81), focusing on their practices and ethical stances regarding the use of neural networks. The findings indicate that a majority of journalists acknowledge the use of neural networks in their newsrooms. It is noted that the initiative to adopt these technologies typically comes from the employees themselves, who integrate them into their workflows alongside other tasks. The study establishes that students are primarily acquiring skills in using neural networks during their university studies, with proficiency levels increasing in their senior years. A key finding emphasizes that, according to journalists, for graduates, technical AI skills are less critical than the ability to editorially assess and fact-check AI-generated content; core professional competencies unrelated to AI remain paramount. No significant gap was identified in the ethical perceptions of students and media practitioners; notably, students often demonstrate greater “ethical caution.”

Key words:

generative neural networks; artificial intelligence; regional journalism; media ethics; AI in media.

УДК 070:004

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-231-254

Научная специальность ВАК

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Генеративные нейросети в региональных массмедиа: навыки использования и этические установки нижегородских журналистов и студентов

© Автаева Н. О., Бейненсон В. А., Болдина К. А., 2025

1. Введение = Introduction

В условиях стремительного развития цифровых технологий и все более широкого внедрения искусственного интеллекта в сферу массовой коммуникации меняются не только способы создания и распространения медиаконтента, но и профессиональные стандарты, которым должны соответствовать будущие журналисты. Генеративные нейросети становятся неотъемлемой частью редакционной практики, позволяя ускорить производство новостей, персонализировать подачу информации и автоматизировать обработку данных. Однако их использование требует не только технической подготовки, но и этической осознанности, поскольку затрагивает ключевые принципы журналистики — достоверность, объективность и ответственность.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным внедрением генеративных нейросетей в профессиональную практику средств массовой информации и необходимостью переосмысления системы подготовки будущих журналистов в условиях цифровой трансформации медиасферы. Внедрение искусственного интеллекта в процессы создания и распространения контента уже сейчас влияет на структуру редакционной работы, требуя от специалистов не только технической грамотности, но и этической осознанности при использовании ИИ-инструментов [Diakoroulos, 2019]. При этом возникает вопрос: готовы ли студенты-журналисты к применению этих технологий в соответствии с профессиональными стандартами и редакционными нормами?

В современных условиях роль журналиста как ответственного субъекта информационного процесса становится особенно значимой. Несмотря на возможность автоматизации таких задач, как написание новостных сводок или анализ больших массивов данных, сохраняется потребность в человеческом участии для обеспечения достоверности, объективности и авторской позиции в освещении событий [Kim, 2019]. Это подчеркивает важность формирования у студентов не только навыков работы с ИИ,

но и критического подхода к его результатам, что должно найти отражение в образовательных программах высших учебных заведений.

Особую остроту проблема приобретает в региональной журналистике, где ограниченные ресурсы и меньшая степень цифровой зрелости СМИ усиливают риски некомпетентного или неэтичного использования генеративных технологий. Как показывают исследования, в том числе данные по использованию ИИ в образовательной среде [Согомонов, 2024; Сысоев, 2024], молодые специалисты зачастую сталкиваются с неопределенностью в вопросах авторства, проверки фактов и прозрачности взаимодействия с алгоритмическими системами. Эти проблемы требуют разработки четких методических рекомендаций и нормативных рамок, адаптированных под специфику региональной медиапрактики.

Цель исследования — выявление этических установок и практического опыта применения нейросетей студентами медианправлений ННГУ и сопоставление их установок и опыта с актуальными требованиями медиаиндустрии региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализ научной литературы показывает, что исследования применения ИИ в медиа находятся на начальной стадии развития, что логично ввиду недавнего появления доступа к ИИ у широкой аудитории. Современные реалии демонстрируют активное внедрение ИИ-технологий в редакционную деятельность при отсутствии единых подходов к их регулированию. Исследования последних двух лет фиксируют, что нейросети уже активно используются для написания журналистских статей, верстки газет, монтажа видео, в том числе в рамках повышения эффективности журналистской деятельности [Акуличева и др., 2023].

Наиболее широко в научной литературе сегодня представлен зарубежный опыт. Он свидетельствует о том, что основные направления применения генеративных технологий в медиапрактике включают автоматизацию рутинных задач и повышение операционной эффективности [Noain-Sánchez et al., 2020]. Уже в 2019 году исследователи отмечают [Kim, 2019], что искусственный интеллект активно используется в различных аспектах новостного производства — от поиска тем и создания текстов до персонализации рекомендаций для читателей. В частности, такие организации, как «Ассошиэйтед Пресс» (Associated Press, AP) и «Блумберг» (Bloomberg), внедрили ИИ для автоматизации написания финансовых отчетов, что позволило журналистам сосредоточиться на более сложных материалах.

По данным исследования, проведенного Лондонской школой экономики и политических наук [Beckett, 2019], использование искусственного

интеллекта в современных новостных организациях выходит за рамки автоматизации и охватывает такие сферы, как сбор информации, производство контента и его распространение. В числе успешных кейсов — система Bloomberg Cyborg, позволяющая автоматически генерировать финансовые отчеты и заголовки к ним на основе анализа данных. Автор подчеркивает, что внедрение ИИ в практику требует стратегического подхода, включающего обучение сотрудников, междисциплинарное взаимодействие и соблюдение этических стандартов.

Другие исследователи [Diakopoulos, 2019] отмечают, что автоматизация позволяет журналистским организациям не только эффективнее обрабатывать большие объемы данных, но и выявлять закономерности и оперативно реагировать на события. Например, ИИ-инструменты применяются для генерации прогнозов погоды и спортивных новостей, а также для персонализированного представления контента разным сегментам аудитории.

Изучение применения генеративных нейросетей в российской медиа-практике характеризуется определенной хаотичностью и отсутствием системного подхода. В то же время есть ряд исследований, в которых можно найти отражение реалий и «болей» отечественной отрасли. Так, А. Р. Акуличева и С. А. Алиева констатируют, что большинство российских журналистов также воспринимают нейросети как инструмент, способный взять на себя выполнение рутинных задач — таких как написание заметок о погоде или происшествиях [Акуличева и др., 2023]. Авторы подчеркивают, что использование ИИ уже сегодня является не теоретической перспективой, а практической реальностью в российских редакциях.

Важно уточнить, что процессы распространения и освоения нейросетевых технологий в очень сжатые сроки внедрились в практику не только крупных федеральных изданий, но и в повседневные редакционные процессы региональных СМИ, которые рассматривают новые технологии часто не только как обновление профессионального инструментария, но и как способ экономии весьма ограниченных человеческих ресурсов [Большакова, 2025; Жеребенко, 2025; Иванова и др., 2024; Нигматуллина и др., 2025; Тюрина, 2025; Чертовских и др., 2019]. Однако научные исследования не успевают системно осмыслить стремительный процесс трансформации медиaprостранства регионов и представлены преимущественно в формате тезисов конференций.

При этом для многих очевидно, что ИИ таит в себе не только приятные перспективы, но и реальные угрозы для отрасли: стихийное внедрение технологий без должного редакторского контроля может привести к снижению качества новостного продукта, потере доверия со стороны аудитории и распространению недостоверной информации [Болдина, 2024].

Н. Л. Слободянюк и Е. Н. Костикин обращают внимание на проблему содержательной достоверности: автоматически созданный текст может содержать ошибки или манипулятивные формулировки, что требует строгого контроля со стороны журналиста как ответственного лица [Слободянюк и др., 2023]. Как отмечает Н. М. Лазутова, искусственный интеллект может кардинально преобразовать исходную информацию, формируя представление о реальности, которое не соответствует действительности [Лазутова, 2024]. Особенно остро стоит вопрос фактчекинга материалов, поскольку аудитория редко способна самостоятельно определить, является ли изображение или текст результатом работы алгоритма. Это ставит под угрозу основной принцип журналистики — поиск и передачу достоверной информации. В условиях стремительного развития ИИ-технологий сохранение прозрачности и ответственности за публикуемый материал становится не просто профессиональной задачей, но важнейшим условием доверия к СМИ. Таким образом, роль журналиста как фильтра, аналитика и интерпретатора информации остается незаменимой даже при высоком уровне автоматизации [Болдина, 2024].

В числе существенных проблем авторы также указывают отсутствие четких механизмов регулирования использования ИИ в СМИ в российском правовом поле [Акуличева и др., 2023].

Методология исследования включает анализ регламентирующей документации редакций относительно использования ИИ, анализ результатов интернет-опроса студентов ННГУ направлений «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью» (N=255), а также интернет-опроса журналистов 20 редакций Нижнего Новгорода о практике использования нейросетей и этических установках в этом вопросе (N=81, среди которых примерно по 24,5 % сотрудников сетевых изданий и печатных СМИ, 19 % — служб информационных программ ТВ, 9,5 % — радиостанций, по 7,5 % сотрудников информационных агентств и редакций тематических программ ТВ, 6,5 % представителей корпоративных изданий).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этическая регламентация использования генеративного ИИ в редакционной практике

В области общей этики искусственного интеллекта сформирован корпус нормативных документов, регулирующих применение ИИ-технологий в различных сферах деятельности. Среди ключевых российских документов следует выделить «Белую книгу этики в сфере искусственного интеллекта» (2024) и «Кодекс этики в сфере ИИ» (2023), которые закладывают общие принципы этического использования ИИ-систем. Анализ данных

документов показывает, что они уделяют специальное внимание вопросам распространения сгенерированного контента.

На международном уровне медийная специфика использования ИИ получила отражение в руководящих документах Совета Европы и Всемирного экономического форума. Руководство по ответственному внедрению систем искусственного интеллекта в журналистике (CDMSI, 2023) специально посвящено медийной практике и подчеркивает, что традиционные журналистские ценности, такие как справедливость, автономия, точность, разнообразие, отсутствие предвзятости, правдивость и объективность, остаются актуальными в контексте журналистских ИИ-систем, но могут потребовать иной формулировки или переосмысления в свете новых возможностей и рисков.

Таким образом, в отличие от многих других сфер применения ИИ, медийная деятельность получила специальное внимание в основополагающих этических документах, что свидетельствует о признании социальной значимости журналистской профессии и необходимости особого регулирования использования ИИ-технологий в данной области.

Анализ зарубежной медийной практики показывает, что крупные международные медиаорганизации активно разрабатывают и публикуют внутренние кодексы поведения, регламентирующие использование генеративного искусственного интеллекта в редакционной работе. Эти документы отражают стремление сохранить профессиональную этику журналистики при внедрении новых технологий и обеспечить прозрачность взаимодействия с аудиторией.

Так, «Нью Йорк Таймс» (The New York Times) формулирует три ключевых принципа использования ИИ:

- 1) ИИ рассматривается как инструмент, служащий миссии издания — помочь журналистам в раскрытии правды и улучшении доступности информации;
- 2) любое применение ИИ должно быть дополнено человеческим контролем: окончательная ответственность за содержание лежит на журналистах и редакторах;
- 3) использование технологии должно быть прозрачным и этичным: читатели должны понимать, как создавался материал, особенно если он был существенно обработан с помощью генеративного ИИ.

Похожую позицию занимает американский журнал «Уайрд» (Wired), который также подчеркивает необходимость контроля со стороны человека, соблюдения этических норм и открытости перед аудиторией. В своих правилах издание указывает, что ИИ может использоваться для ускорения рабочих процессов, но не заменяет критического мышления журналиста.

Швейцарское издание «Хейди Ньюс» (Heidi.news) вышло с официальным заявлением о своей политике по отношению к генеративным ИИ, где четко разделены допустимые и недопустимые формы применения технологии. Так, искусственный интеллект может использоваться как вспомогательный инструмент на этапе сбора данных или редактирования текста, но никогда — как источник информации. Все изображения, созданные с помощью ИИ, публикуются исключительно в иллюстративных целях с обязательным указанием их происхождения и модели, которая была использована для генерации. При этом издание подчеркивает, что ни один материал не будет опубликован без предварительной проверки человеком.

Американское информационное агентство «Ассошиэйтед Пресс» (Associated Press, AP) разработало четкие внутренние стандарты использования генеративного искусственного интеллекта, основанные на традиционных журналистских ценностях: точности, объективности и ответственности. В своих рекомендациях AP подчеркивает, что центральная роль журналиста — собирать, анализировать и структурировать факты в новостные тексты, видео, фотографии и аудио — не изменится благодаря ИИ. Генеративные нейросети рассматриваются как вспомогательный инструмент, но не замена профессиональной экспертизы. Так, сотрудники могут использовать ChatGPT с осторожностью для экспериментов, но не для создания публикуемых материалов. Вся информация, полученная с помощью ИИ, рассматривается как недоказанный исходный материал, требующий строгой проверки в соответствии с правилами цитирования и фактчекинга. Особенно жесткие ограничения касаются медиаконтента: запрещено использовать ИИ-инструменты для изменения или создания изображений и видео, поскольку это может исказить реальность. Если же генеративное изображение используется в публикации как объект анализа, оно должно быть четко маркировано. Кроме того, сотрудников предупреждают о рисках распространения дезинформации через ИИ-генерируемый контент и призывают проявлять особую осторожность при работе с внешними источниками.

Голландское информационное агентство ANP также разработало подробное руководство по применению ИИ, которое было согласовано с главными редакторами и редакционным советом. Основные положения документа следующие:

- ИИ применяется только как вспомогательное средство;
- окончательный контроль всегда остается за человеком;
- запрещено использовать ИИ-генерируемый контент в качестве источника информации без его проверки;
- необходимо учитывать риски, связанные с «галлюцинациями» и предвзятостью алгоритмов.

Эти примеры свидетельствуют о том, что ведущие мировые медиа не только признают важность этической регламентации использования генеративного ИИ, но и активно внедряют ее в свою редакционную практику. Они демонстрируют модель ответственного подхода к внедрению ИИ, основанного на сохранении традиционных журналистских ценностей: достоверности, объективности, авторской ответственности и прозрачности.

В отличие от международной практики, в российских СМИ ситуация с регулированием использования генеративного ИИ значительно слабее. На сегодняшний день в российских редакциях практически отсутствуют или не размещены публично внутренние стандарты, касающиеся работы с ИИ-технологиями. Хотя в международном медиапространстве уже сформированы четкие подходы к этическому регулированию использования ИИ в журналистике, в российском контексте эта сфера не представлена реальными документами и четкими формулировками.

Отсутствие редакционных политик, направленных на работу с генеративными нейросетями, делает особенно актуальным исследование соответствия этических установок и навыков будущих журналистов требованиям современной редакционной практики, особенно в условиях дефицита нормативно-правовой базы и неопределенности профессиональной среды.

3.2. Опыт использования технологий ИИ региональными российскими редакциями

Проведенный опрос журналистов 20 редакций Нижнего Новгорода о практике использования нейросетей и этических установках в этом вопросе (N=81) показал: большинство респондентов (73 %) отмечают, что в их редакции с большей или меньшей регулярностью применяются генеративные нейросети (среди них 11 % ответов «большинство сотрудников применяют» и 62 % — «некоторые сотрудники применяют»). Вариант «нет, насколько знаю» набрал около 19 %, а «не знаю» — около 8 % (рис. 1).

Рис. 1. Используют ли нейросети для работы ваши коллеги в редакции?

При этом примерно по 32 % набрали ответы журналистов: они сами используют нейросети несколько раз в неделю или реже 1 раза в неделю, ежедневно используют нейросети около 15 % респондентов, а совсем не используют только около 20 % ответивших (рис. 2).

Рис. 2. Как часто лично Вы используете нейросети в работе?

Задачи, которые журналисты поручают генеративными нейросетями в редакционной практике, довольно разнообразны. Наиболее востребована функция расшифровки аудио — ее используют большинство респондентов (53,4 %). Неожиданно популярным вариантом оказалась генерация изображений — ее практикуют 38,2 % респондентов. Задача генерации заголовков, лидов и подводок при помощи ИИ получила более 27 % ответов. Также востребованными с точки зрения применения нейросетей оказались такие задачи, как «рерайт пресс-релизов, новостей организаций, текстов информагентств» (21 %), «поиск информации» (21 %), «черновая текстовая работа (структура, идеи «обсуждение» с нейросетью)», (20 %), «проверка грамотности» (20 %). «Краткий пересказ объемных текстов» и «написание текста материала по заданной теме и параметрам» с помощью нейросетей в своей работе применяют по 15 % ответивших журналистов. Для генерации видео нейросети используют 8,6 % респондентов (рис. 3).

Среди сервисов, которые применяют журналисты в редакциях, популярны как зарубежные, так и российские разработки (респонденты могли выбрать более 1 варианта): универсальный ChatGPT применяют 41 % опрошенных, ему не сильно уступает российский сервис генерации текстов YandexGPT (37 %), китайский DeepSeek используют 21 %, а GigaChat от «Сбера» — 18,5 %. Из сервисов для генерации изображений наибольшей популярностью пользуются российские нейросети «Кандинский» (27 %) и «Шедеврум» (20 %), зарубежный MidJourney применяют 16 % респондентов. Спектр применяемых в нижегородских редакциях сервисов

Рис. 3. Для каких задач вы используете нейросети в профессиональной деятельности?

оказался довольно широким, журналисты называли также Gemini (6 %), Perplexity (3,7 %), Dall-E (3,7 %), Qwen (2,4 %), Runway (2,4 %). Целый ряд сервисов был отмечен в ответах по одному разу: Retext, Stable Diffusion, any2text, Hailuo, Suno, Reve, Grok, Speech2Text, «Леонардо». Это может говорить о том, что журналисты активно экспериментируют с самыми разными сервисами в поисках наиболее удобного и полезного для работы. Никакие нейросетевые сервисы не применяют только 15 % респондентов.

Несмотря на то, что нейросети, как следует из опроса, уже широко используются в практике для целого ряда редакционных задач, а нижегородские журналисты часто используют сразу несколько подобных инструментов, внедрение нейросетей в работу редакций остается чаще всего «низовой» инициативой, исходящей от рядовых сотрудников. Руководство СМИ чаще всего пока не регулирует эту сферу. Почти половина (46 %) респондентов отмечает, что к применению нейросетей руководители их редакций относятся нейтрально, правил применения нейросетей в их СМИ нет, но и применение не запрещено. Еще у четверти опрошенных (25 %) руководство позитивно относится к применению нейросетей в работе издания и есть устная договоренность внутри редакции о применении данных инструментов. При этом 10 % опрошенных отмечают настороженное отношение руководителей к нейросетям, их разрешено применять только для отдельных задач. Лишь один респондент отметил, что в их издании есть внутренний документ о правилах использования нейросетей. При этом довольно значительна доля выбравших ответ «не знаю» (18 %) о позиции руководства и наличии правил, что подтверждает отсутствие четкой политики руководителей СМИ в отношении нейросетей (рис. 4).

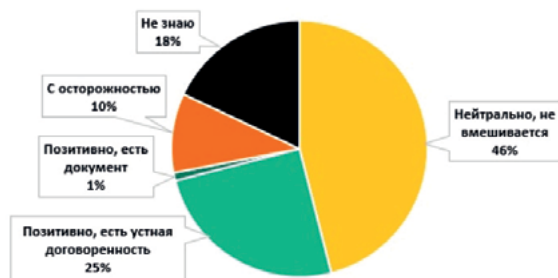

Рис. 4. Как руководство относится к применению нейросетей в вашей редакции?

Видна корреляция с тем, что 63 % респондентов осваивают нейросети самостоятельно без обучения со стороны редакции. Хотя 8,6 % отвечают, что редакция проводит внутренние тренинги, у 2,5 % тренинги планируются, а для 5 % респондентов редакция оплачивает внешние курсы по нейросетям. При этом 18,5 % журналистов не видят необходимости в подобном обучении.

Характерная для региональной журналистики универсальность сотрудников проявляется и в работе с нейросетями. Почти 83 % респондентов отметили, что в их редакции нет специальных сотрудников для работы с нейросетями. Журналисты их используют по необходимости параллельно с остальными рабочими задачами. Лишь по одному респонденту отметили два более «продвинутых» варианта: когда в издании есть редакторы, в чей функционал входит ежедневная работа с нейросетями, и когда в штате работает технический специалист, который помогает журналистам в работе с нейросетями. Данная картина вполне ожидаема в контексте размеров региональных редакций: большая часть (55,6 %) респондентов работают в редакциях размером менее 10 сотрудников, четверть редакций (24,7 %) состоят из 10—25 сотрудников, и только по 10 % респондентов работают в нижегородских редакциях со штатом 25—50 сотрудников или более 50 сотрудников.

При этом на фоне довольно активного освоения сотрудниками нижегородских редакций нейросетей их ожидания относительно навыков работы с ними у практикантов и выпускников вузов можно назвать довольно осторожными. Если раньше при освоении региональными редакциями новых форматов (например, короткое видео, карточки и др.) или новых площадок социальных медиа довольно часто эксперименты в этих новых направлениях поручались представителям «цифрового поколения», то относительно использования нейросетей ситуация иная.

В вопросе (со множественным выбором) о необходимых выпускнику для работы в редакции ИИ-навыках более половины журналистов (53 %) отмечают, что такие навыки не столь важны по сравнению с другими профессиональными требованиями. При этом 17 % ответивших вообще не считают навыки работы с нейросетями обязательными при трудоустройстве в редакцию и готовы научить владению используемыми в редакции сервисами прямо на рабочем месте (рис. 5).

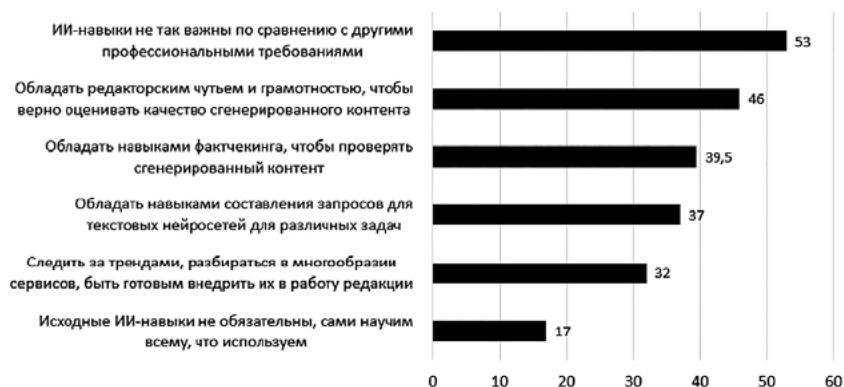

Рис. 5. Какими ИИ-навыками важно обладать выпускнику медианарправлений?

Примечательно, что многие респонденты делают акцент не на навыках генерации контента, а на умении оценивать и проверять такой контент: 46 % отмечают необходимость обладать редакторским чутьем и грамотностью, чтобы верно определять качество сгенерированного контента, а 39,5 % делают акцент на навыках фактчекинга. При этом необходимость для выпускника уметь составлять запросы (промпты) для нейросетей отмечает 37 % респондентов, а необходимость следить за трендами, разбираться в многообразии сервисов, быть готовым внедрить их в работу редакции — 32 %, что довольно существенно.

3.3. Навыки использования нейросетей студентами медианарправлений в регионах

Показательными являются данные опроса студентов ННГУ направлений «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью» (N=255) об их опыте использования ИИ в профессиональной деятельности. Студенты обозначили, что во время практик, стажировок или подработок редакции не спешат поручать им задачи, связанные с применением нейросетей, особенно на младших курсах. Более половины студентов первого курса

(54 %) и около 40 % второкурсников не применяли в редакциях нейросети, на более старших курсах этот показатель сокращается до 28 %. Точно так же доля тех, кто активно использовал нейросети на стажировках, растет с 15 % на 1 курсе до почти 40 % на старших курсах (табл. 1).

Таблица 1

Опрос студентов. Приходилось ли Вам использовать генеративные нейросети в профессиональной деятельности (на работе, практике, стажировке)?, в %

	1 курс	2 курс	Старшие курсы
Не приходилось	54	40	28
Редко, но бывало	32	30	33
Применяю более или менее регулярно	14	30	39

При этом инициатива использования нейросетей в подавляющем большинстве случаев исходила от самих студентов. Доли тех, кому редакторы предлагали использовать нейросети, невелики на всех курсах: 4 % на первом курсе, 2 % на втором, 9 % на старших (табл. 2). Примечательно, что студенты часто опасаются спрашивать у руководителей разрешения на применение нейросетей. С одобрения руководителя использовали нейросети только 12 % первокурсников, 20 % второкурсников и 28 % старшекурсников. Доли студентов, кто использовал нейросети при выполнении редакционных заданий тайком, заметно выше: 24 % на первом курсе, 30 % на втором и 35 % на старших.

Таблица 2

Опрос студентов. Чьей инициативой было использование нейросетей во время практик и стажировок, в %

	1 курс	2 курс	Старшие курсы
Руководитель предложил использовать	4	2	9
Сам решил использовать, руководитель одобрил	12	20	28
Сам решил использовать, руководителя не предупреждал	24	30	35
Не использовал	60	48	28

В этом контексте показательны ответы студентов на вопрос: использует ли СМИ, где вы стажировались, нейросети? Здесь велика доля ответов «не знаю»: так ответили 72 % студентов 1 курса, 68 % второкурсников и 46 % старшекурсников, что можно объяснить отсутствием обсуждения

этой темы во время студенческих практик и сосредоточенностью на других вопросах. Это подтверждается рассмотренным ранее ответом более половины журналистов о том, что для новичков ИИ-навыки не столь важны по сравнению с другими профессиональными требованиями (рис. 5).

Данная ситуация находит подтверждение и в ответе на заданный журналистам вопрос (со множественным выбором) о минусах в применении нейросетей в редакции. Самым популярным мнением (69 %) оказался как раз риск использования нейросетей неопытными сотрудниками, что может вести к потере качества контента в плане содержательности, стилистики, логики или достоверности. В «тройку» популярных опасений также вошли варианты «потеря уникальности авторского стиля» (36 %) и «генерация нейросетью однобокого, предвзятого контента» (49 %). Меньше риска журналисты видят в «превращении творческого сотрудника в “обслуживающий персонал” генеративных сервисов» (36 %), «увеличении нагрузки и ответственности редактора из-за необходимости контроля сгенерированного контента» (26 %) и «необходимости обучаться новым формам работы в режиме цейтнота и загруженности» (16 %). Отсутствие минусов или их несущественность отмечают только 11 % респондентов-журналистов.

В целом студенты довольно скромно оценивают свои нейросетевые навыки: на 1 курсе более половины студентов (51 %) называют свой опыт минимальным, и, хотя на втором и старших курсах эта доля сокращается до 31 %, «продвинутыми» в применении нейросетей считают себя только по 3 % студентов 1 и 2 курсов, а к старшим курсам эта доля растет до 8,3 %.

Заметно, что современные студенты обретали опыт использования нейросетей именно в годы учебы в вузе. Если чуть более половины (52 %) студентов 1 курса (выпускники 2024 года) отмечают, что в школьные годы вообще не использовали нейросети, то среди второкурсников (выпускники 2023 года) таких существенно больше — 86 %. Кроме того, в открытом ответе 13 % тех же второкурсников подчеркивают, что во время учебы в школе ни ученики, ни учителя даже ничего не слышали про нейросети, что для реалий 2023 года довольно неожиданно (ChatGPT появился в ноябре 2022 года). То есть ситуация за год изменилась существенно. Высоковероятно, что следующий набор первокурсников будет иметь иной опыт в освоении нейросетей, что необходимо будет выяснить в дальнейших исследованиях.

Таким образом, большинство студентов при поступлении в вуз столкнулись с вызовом знакомства с нейросетями. При этом их процесс освоения технологий нельзя назвать простым и быстрым. Если на 1 курсе 80 % студентов обычно недовольны результатами своей работы с нейросетями и только 15 % результат чаще устраивает, к старшим курсам это соотношение меняется соответственно на 62 % «недовольных» и 35 % «довольных».

Кроме того, с возрастом заметно растет доля тех, кто пользуется нейросетями регулярно: от 24 % на 1 курсе до 55 % на старших.

При этом студенты прежде всего приобретают навыки генерации текстов: 83 % первокурсников, 91 % второкурсников и 94 % старшекурсников отмечают у себя такой опыт. Нейросетям, создающим визуальный контент, в частности изображения, студентами уделяется неожиданно мало внимания: на 1 курсе только 46 % экспериментировали с «рисующими» нейросетями, на 2 курсе — 52 %, и только к старшим курсам эта доля возрастает до 68 %, что тоже довольно немного.

Студенты на данном этапе испытывают определенные сложности с генерацией изображений для медиапроектов, что подтверждается в ходе учебного процесса. В рамках дисциплины «Мультимедиа технологии в СМИ» на 3 курсе студентам предлагалось задание сгенерировать нейросетевое изображение для публикации (на их выбор) в СМИ при помощи любого «рисующего» сервиса, там, где это было бы уместно. В 2024—2025 годах студенты подготовили 129 таких работ, однако только 53 % из них были зачтены с первого раза. Основной проблемой стало как раз понимание уместности генерации изображения к конкретному материалу. Характерной ошибкой было создание иллюстраций к новостям о конкретных событиях, людях или узнаваемых местах, где на сгенерированных картинках не было нужных персон или объектов, что недопустимо в событийном материале. Были сложности и с пониманием качества самой генерации, где пригодными признавались изображения с явно лишними объектами или с искажением пропорций.

При этом востребованность навыков генерации изображений в редакциях есть. Как уже отмечалось выше, более 38 % журналистов-респондентов применяют на практике подобные нейросети (рис. 3). При этом среди журналистов только 23,5 % ответили, что их СМИ принципиально не применяют генеративные изображения как не соответствующие концепции издания. В то же время у более 42 % респондентов в редакциях сгенерированные иллюстрации применяются, но редко. Однако 7,5 % журналистов все же отмечают регулярное использование подобных изображений и наличие в редакции специального сотрудника под такие задачи. Примечательно, что 5 % респондентов в качестве причины отказа редакции от нейросетевых иллюстраций называют трудоемкость процесса, а почти 4 % признаются, что просто нет для этого сотрудника с соответствующими навыками. Таким образом, с учетом высокой скорости развития технологии, роста качества генераций и количества «рисующих» сервисов можно предполагать, что данное направление работы может в ближайшие годы стать «точкой роста» для молодых сотрудников.

Примечательно, что осознание нехватки у себя навыков использования «рисующих» нейросетей происходит только к старшим курсам, где 45 % отмечают такую проблему. На 1 и 2 курсах эта доля составляет только 30 % (табл. 3). При этом недостаток опыта оценки сгенерированного изображения на всех курсах отмечают лишь 12—13 % студентов, что, как заметно из проанализированных выше учебных заданий по генерации иллюстраций, не отражает реальную картину.

Что касается самооценки студентами нехватки навыков работы с «пишущими» сервисами, эта проблема наиболее остро ощущается студентами 2 курса (58 %), уже имеющими негативный опыт генераций как творческих, так и учебных заданий. На 1 курсе эта доля составляет 30 % (одинакова с уровнем недостатка навыков «нейрорисования»), а к старшим курсам достигает 39 % (в сравнении с 45 % нехватки навыков генерации рисунков). Можно предположить, что на 1 курсе студенты еще не могут в должной мере сориентироваться в необходимых им направлениях развития у себя нейронавыков, а к старшим курсам в использовании текстовых сервисов респонденты обретают уже достаточно как позитивного, так и негативного опыта для более или менее адекватного самооценивания. Это подтверждается заметным ростом с возрастом доли студентов, отмечающих у себя нехватку навыков оценивания качества сгенерированного текста с 15 % на первом курсе до 28—29 % на втором и старших курсах. Этот параметр является важным в контексте требований редакций к выпускникам, когда 46 % журналистов в рассмотренном выше опросе отмечали ключевую роль навыков оценки сгенерированного текста у выпускников (рис. 5).

Таблица 3

Опрос студентов. Каких навыков мне сейчас не хватает для успешного трудоустройства (стажировки) в медиа?, в %

	1 курс	2 курс	Старшие курсы
Не хватает технической информации – где и какими сервисами можно пользоваться, какие есть возможности	49	54	53
Не хватает опыта и умения в составлении промптов для «пишущих» нейросетей	30	58	39
Не хватает опыта и умения в составлении промптов для «рисующих» нейросетей	30	30	45
Не могу оценить качество сгенерированного текста	15	28	29
Не могу оценить сгенерированное изображение – годится для публикации или нет	12	12	13
Не умею создавать видео, а необходимость есть	22	28	39
Всего хватает	15	16	14
Не знаю	2	7	5

Однако наибольшую обеспокоенность студентов на всех курсах вызывает не недостаток конкретных навыков, а нехватка технической информации о возможностях тех или иных нейросетей, что вполне объяснимо в контексте стремительного развития существующих технологий и ежедневно возникающих новых сервисов, что вынуждает практиков уделять много внимания постоянному мониторингу технологических достижений и обучению их применению. Примечательно, что перспективным направлением развития для себя студенты видят обучение генерации видео, где конкуренция в регионе пока не так высока. Доля «запросов» на эти навыки растет от 22 % на 1 курсе до 39 % на старших.

Таблица 4

Опрос студентов. Считаете ли Вы, что будете более конкурентоспособными при трудоустройстве, если получите опыт и навык в работе с нейросетями?, в %

	1 курс	2 курс	Старшие курсы
Да, это принципиально важный навык	27	30	33
Да, это желательно, но не играет решающей роли при трудоустройстве в медиа	46	54	59
Нет, пока намного важнее иные профессиональные качества	25	16	7
Другое	2	-	1

Показательно, что студенты считают нейросетевые навыки конкурентным преимуществом в индустрии, хотя пока и не ключевым (табл. 4). Наиболее популярным стал ответ, что ИИ-навыки являются лишь желательными, но не играют решающей роли при трудоустройстве в медиа. С возрастом растет и доля тех, кто считает именно нейросетевые навыки ключевыми на рынке труда: от 27 % на 1 курсе до 33 % на старших. Доля тех, кто считает главными другие профессиональные качества, заметно падает с возрастом: от 25 % на первом курсе до 7 % на старших.

Обнадеживающим, на наш взгляд, результатом исследования является приблизительное сходство с небольшими вариациями этических установок студентов с установками журналистов-практиков. Например, однозначно этически допустимым вариантом и студенты, и практики считают поиск информации, а вот задача написать авторский текст с помощью нейросетей и опубликовать его без редактирования была отмечена как этически недопустимая всеми группами респондентов (рис. 6).

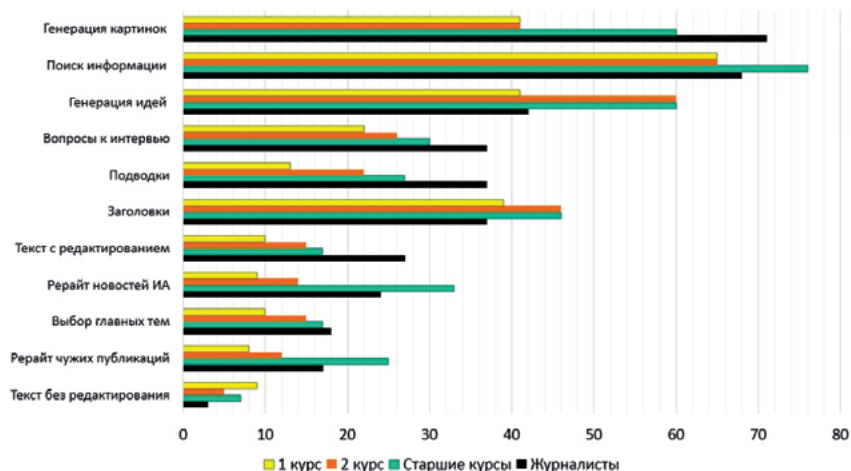

Рис. 6. Какие формы работы с нейросетями в СМИ
Вы считаете этически приемлемыми?

Довольно близки позиции студентов и журналистов относительно этической генерации заголовков, хотя тут мнения разделились внутри каждой подгруппы (от 37 % у журналистов до 46 % у студентов 2 и старших курсов). Также более скептически настроены журналисты в отношении генерации идей публикаций (42 %) на фоне позитивного восприятия этой возможности студентами второго и старших курсов (60 %). Однако в других вариантах студенты, особенно младших курсов, демонстрируют большую этическую осторожность, чем практики. Например, составление вопросов для интервью, написание подводок, написание авторского текста с последующим редактированием, а также выбор главных тем дня журналисты чаще относят к этически допустимым вариантам применения нейросетей, чем студенты. В отношении допустимости генерации рисунков мнения журналистов (71 % считают этичным) вместе со старшекурсниками (60 %) разошлись с пониманием студентов 1 и 2 курса, среди которых только по 41 % посчитали эту форму работы этически допустимой, что можно связать с недостатком опыта.

4. Заключение = Conclusions

Результаты практического исследования демонстрируют неожиданно высокий уровень проникновения технологий генеративных нейросетей в практику нижегородских СМИ: почти 73 % журналистов отмечают более или менее регулярное их использование в редакциях. Спектр задач для ИИ

довольно широк: от расшифровки аудио и генерации изображений до проверки грамотности и генерации видео.

При этом использование нейросетей в большинстве случаев является инициативой рядовых сотрудников, которые осваивают сервисы самостоятельно. Руководство изданий чаще всего не регулирует этот процесс, хотя в четверти случаев есть устная внутриредакционная договоренность о правилах применения ИИ, пока не воплотившаяся в кодексах СМИ. Обучение журналистов использованию нейросетей по инициативе редакций на данном этапе — редкость, а выделение отдельных сотрудников для работы с ИИ для преимущественно небольших региональных редакций пока является роскошью.

В контексте довольно высокого интереса редакций к ИИ-инструментам довольно неожиданно выглядит их осторожность при делегировании этих функций практикантам и стажерам. Риски снижения качества контента, сгенерированного неопытными сотрудниками, является наиболее частым опасением среди журналистов. При этом студенты часто сами проявляют инициативу экспериментировать с нейросетями при выполнении редакционных заданий.

Примечательно, что современное поколение студентов осваивает нейросетевые технологии преимущественно в годы обучения в вузе, хотя уже примерно половина выпускников 2024 года отмечают, что начали применять нейросети еще в школе. Студенты уделяют намного больше внимания освоению «пишущих» нейросетей, чем «рисующих», несмотря на то что спрос в нижегородских редакциях на генерируемые изображения есть. Студенты в большей степени обеспокоены нехваткой в своем арсенале знаний о технических возможностях генеративных сервисов и умения составлять промпты, чем оценкой качества и пригодности сгенерированного контента, хотя в редакциях преобладает запрос именно на последний тип навыков у новичков. При этом студенты считают, что нейросетевые навыки являются конкурентным преимуществом при трудоустройстве, но не играют решающей роли.

По итогам исследования не выявлено драматического разрыва в этических представлениях студентов и практиков, кроме колебаний по отдельным видам задач. Причем именно студенты чаще демонстрируют большую «этическую осторожность», чем практики.

Таким образом, анализ теоретических подходов и результаты проведенного исследования демонстрируют, что внедрение генеративных нейросетей в практику региональных СМИ становится необратимым процессом, затрагивающим все аспекты редакционной работы. При этом профессиональная подготовка будущих журналистов пока не полностью соответствует реальным потребностям медиаиндустрии, особенно в части

формирования навыков критической оценки и проверки контента, созданного с помощью искусственного интеллекта. Несмотря на то, что студенты осознают важность овладения ИИ-инструментами и рассматривают их как конкурентное преимущество при трудоустройстве, уровень их практической подготовки остается неоднородным и требует целенаправленного развития в рамках образовательного процесса. Особенно остро стоит необходимость устойчивой этической позиции, поскольку применение нейросетей напрямую затрагивает ключевые принципы журналистики — достоверность, объективность и ответственность. Отсутствие четко регламентированных редакционных политик и недостаточная нормативно-правовая база усиливают неопределенность как среди практикующих журналистов, так и среди обучающихся. Вместе с тем выявленное сходство этических установок студентов и журналистов позволяет говорить о наличии основы для дальнейшего формирования единого профессионального поля, где использование технологий будет сопровождаться не только технической грамотностью, но и глубокой ответственностью за информационный продукт.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Кодекс этики в сфере ИИ* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения 10.08.2025).
2. *Beckett Ch.* New powers, new responsibilities. A global survey of journalism and artificial intelligence [Electronic resource] / Ch. Beckett. — Access mode : <https://www.lse.ac.uk/media-and-communications/polis/JournalismAI/The-report> (accessed 13.08.2025).
3. *Guidelines on the responsible implementation of artificial intelligence systems in journalism* [Electronic resource]. — Access mode : <https://rm.coe.int/cdmsi-2023-014-guidelines-on-the-responsible-implementation-of-artific/1680adb4c6> (accessed 13.08.2025).
4. *Kim H.* AI in Journalism : Creating an Ethical Framework : Thesis Project. Syracuse University. Syracuse [Electronic resource] / H. Kim. — Access mode : https://surface.syr.edu/honors_capstone/1083 (accessed 13.08.2025).
5. *Principles for the Future of Responsible Media in the Era of AI* [Electronic resource]. — Access mode : https://ai.gov.ru/knowledgebase/etika-i-bezopasnost-ii/2024_principy_otvetstvennyh_smi_v_epohu_iskusstvennogo_intellekta_principles_for_the_future_of_responsible_media_in_the_era_of_ai_mef/ (accessed 13.08.2025).

Литература

1. *Акуличева А. Р.* Нейросеть и журналистика : этический вопрос использования умных технологий в СМИ / А. Р. Акуличева, С. А. Алиева // Молодой ученый. — 2023. — № 51 (498). — С. 115—117.

2. *Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта* / Под ред. А. В. Незнамова. — Москва : Nova Creative Group, 2024. — 200 с. — ISBN 978-5-6052008-8-8.
3. *Болдина К. А.* Риски автоматизации новостной журналистики на основе ИИ / К. А. Болдина // *Успехи гуманитарных наук*. — 2024. — № 3. — С. 7—14. — DOI: 10.58224/2618-7175-2024-3-7-14.
4. *Большакова В. А.* Возможности нейросети Kandinsky для генерации изображений (на примере тематических изображений в информационном агентстве Primamedia) / В. А. Большакова // *Коммуникация в современном мире*. — Воронеж : ВГУ, 2025. — Ч. 2. — С. 80—82.
5. *Жеребенко А. В.* Нейросети в медиапроизводстве : опыт региональных медиа / А. В. Жеребенко // *Журналистика в 2024 году : творчество, профессия, индустрия*. — Москва : Фак-т журн. МГУ, 2025. — С. 401—402. — ISBN 978-5-7776-0206-0.
6. *Иванова А. Е.* Применение технологий искусственного интеллекта в журналистике / А. Е. Иванова, А. В. Муха // *Державинский форум*. — 2024. — Т. 8. — № 4 (32). — С. 493—499.
7. *Лазутова Н. М.* Этические аспекты использования нейросетей в массмедиа / Н. М. Лазутова // *Журналистика в 2023 году : творчество, профессия, индустрия*. — Москва : Фак-т МГУ, 2024. — С. 512—513. — ISBN 978-5-7776-0189-6.
8. *Нигматуллина К. Р.* Системные вызовы для региональных редакций при внедрении нейросетей в медиапроизводство / К. Р. Нигматуллина, Р. М. Касымов, К. С. Зикий // *Медиа в современном мире. 64-е Петербургские чтения*. — Санкт-Петербург : Медиапир, 2025. — Т. 1. — С. 235—237. — ISBN 978-5-00110-528-2.
9. *Синякова Е. А.* ИИ в работе местных редакций: перспективы и ограничения / Е. А. Синякова // *Журналистика в 2024 году : творчество, профессия, индустрия*. — Москва : Фак. журн. МГУ, 2025. — С. 414—415. — ISBN 978-5-7776-0206-0.
10. *Слободянюк Н. Л.* Этические и правовые аспекты использования нейросетей в журналистике / Н. Л. Слободянюк, Е. Н. Костикин // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. — 2023. — Т. 23. — № 10. — С. 156—161. — DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-10-156-161.
11. *Согомонов А. Ю.* Искусственный интеллект в университетском образовании как этико-прикладная проблема / А. Ю. Согомонов // *Вестник прикладной этики*. — 2024. — № 2 (64). — С. 82—97.
12. *Сысоев П. В.* Этика и ИИ-плагиат в академической среде : понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом / П. В. Сысоев // *Высшее образование в России*. — 2024. — Т. 33. — № 2. — С. 31—53. — DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53.
13. *Тюрина Е. В.* Применение искусственного интеллекта в воронежских СМИ / Е. В. Тюрина // *Коммуникация в современном мире* / Под ред. В. В. Тулупова. — Воронеж : ВГУ, 2025. — Ч. 2. — С. 111—113.
14. *Чертовских О. О.* Искусственный интеллект на службе современной журналистики : история, факты и перспективы развития / О. О. Чертовских, М. Г. Чертовских // *Вопросы теории и практики журналистики*. — 2019. — Т. 8. — № 3. — С. 555—568. — DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).555-568.
15. *Diakopoulos N.* Automating the news : How algorithms are rewriting the media / N. Diakopoulos. — Cambridge, MA and London : Harvard University Press, 2019. — 336 p. — ISBN 978-0-67497-698-6.

16. Noain-Sánchez A. Addressing the Impact of Artificial Intelligence on Journalism : the perception of experts, journalists and academics / A. Noain-Sánchez // *Communication & Society*. — 2022. — № 35 (3). — Pp. 105—121. — DOI: 10.15581/003.35.3.105-121.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025,
одобрена после рецензирования 08.10.2025,
подготовлена к публикации 19.10.2025.

Material resources

- Beckett, Ch. *New powers, new responsibilities. A global survey of journalism and artificial intelligence*. Available at: <https://www.lse.ac.uk/media-and-communications/polis/JournalismAI/The-report> (accessed 13.08.2025).
- Code of Ethics in the field of AI*. Available at: <https://ethics.a-ai.ru/> (accessed 10.08.2025). (In Russ.).
- Guidelines on the responsible implementation of artificial intelligence systems in journalism*. Available at: <https://rm.coe.int/cdmsi-2023-014-guidelines-on-the-responsible-implementation-of-artific/1680adb4c6> (accessed 13.08.2025).
- Kim, H. *AI in Journalism: Creating an Ethical Framework: Thesis Project*. Syracuse University. Syracuse. Available at: https://surface.syr.edu/honors_capstone/1083 (accessed 13.08.2025).
- Principles for the Future of Responsible Media in the Era of AI*. Available at: https://ai.gov.ru/knowledgebase/etika-i-bezopasnost-ii/2024_principy_otvetstvennyh_smi_v_epohu_iskusstvennogo_intellekta_principles_for_the_future_of_responsible_media_in_the_era_of_ai_mef/ (accessed 13.08.2025).

References

- Akulicheva, A. R., Alieva, S. A. (2023). Neural network and journalism: the ethical issue of using smart technologies in the media. *Young Scientist*, 51 (498): 115—117. (In Russ.).
- Boldina, K. A. (2024). Risks of automation of news journalism based on AI. *Successes of the Humanities*, 3: 7—14. DOI: 10.58224/2618-7175-2024-3-7-14. (In Russ.).
- Bolshakova, V. A. (2025). Possibilities of the Kandinsky neural network for image generation (using the example of thematic images in the Primamedia news agency). In: *Communication in the modern world*, 2. Voronezh: VSU. 80—82. (In Russ.).
- Chertovskikh, O. O., Chertovskikh, M. G. (2019). Artificial intelligence in the service of modern journalism: history, facts and prospects for development. *Questions of theory and practice of journalism*, 8 (3): 555—568. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).555-568. (In Russ.).
- Diakopoulos, N. (2019). *Automating the news: How algorithms are rewriting the media*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press. 336 p. ISBN 978-0-67497-698-6.
- Ivanova, A. E., Mukha, A. V. (2024). Application of artificial intelligence technologies in journalism. *Derzhavinsky Forum*, 8 / 4 (32): 493—499. (In Russ.).
- Lazutova, N. M. (2024). Ethical aspects of the use of neural networks in mass media. In: *Journalism in 2023: creativity, profession, industry*. Moscow: MSU Faculty. 512—513. ISBN 978-5-7776-0189-6. (In Russ.).
- Neznamov, A. V. (ed.). (2024). *White Book of ethics in the field of artificial intelligence*. Moscow: Nova Creative Group. 200 p. ISBN 978-5-6052008-8-8. (In Russ.).

- Nigmatullina, K. R., Kasymov, R. M., Zikiy, K. S. (2025). System challenges for regional editorial offices in the implementation of neural networks in media production. In: *Media in the modern world. 64th St. Petersburg Readings, 1*. Saint Petersburg: Mediapair. 235—237. ISBN 978-5-00110-528-2. (In Russ.).
- Noain-Sánchez, A. (2022). Addressing the Impact of Artificial Intelligence on Journalism: the perception of experts, journalists and academics. *Communication & Society*, 35 (3): 105—121. DOI: 10.15581/003.35.3.105-121.
- Sinyakova, E. A. (2025). AI in the work of local editorial offices: prospects and limitations. In: *Journalism in 2024: creativity, profession, industry*. Moscow: Fac. MSU Journal. 414—415. ISBN 978-5-7776-0206-0. (In Russ.).
- Slobodyanyuk, N. L., Kostikin, E. N. (2023). Ethical and legal aspects of the use of neural networks in journalism. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 23 (10): 156—161. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-10-156-161. (In Russ.).
- Sogomonov, A. Y. (2024). Artificial intelligence in university education as an ethical and applied problem. *Bulletin of Applied Ethics*, 2 (64): 82—97. (In Russ.).
- Sysoev, P. V. (2024). Ethics and AI plagiarism in the academic environment: student's understanding of the issues of compliance with author's ethics and the problem of plagiarism in the process of interaction with generative artificial intelligence. *Higher education in Russia*, 33 (2): 31—53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53. (In Russ.).
- Tyurina, E. V. (2025). Application of artificial intelligence in Voronezh mass media. In: *Communication in the modern world, 2*. Voronezh: VSU. 111—113. (In Russ.).
- Zherebnenko, A. V. (2025). Neural networks in media production: the experience of regional media. In: *Journalism in 2024: creativity, profession, industry*. Moscow: Factbook of Moscow State University. 401—402. ISBN 978-5-7776-0206-0. (In Russ.).

*The article was submitted 25.08.2025;
approved after reviewing 08.10.2025;
accepted for publication 19.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бабилова М. Р. Двухфакторная модель детерминации восприятия граффити жителями мегаполиса / М. Р. Бабилова, О. В. Кружкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 255—276. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-255-276.

Babikova, M. R., Kruzhkova, O. V. (2025). A Two-Factor Model for Perception of Graffiti by Metropolis Dwellers. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 255-276. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-255-276. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Двухфакторная модель детерминации восприятия граффити жителями мегаполиса

Бабилова Марина Рашитовна

orcid.org/0000-0003-0814-5936

кандидат филологических наук,
кафедра межкультурной коммуникации,
риторики, русского языка
как иностранного
mrbabikova@uspu.ru

Кружкова Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0002-2569-8789

кандидат психологических наук, доцент,
лаборатория перспективных
социосредовых исследований
galial1@yandex.ru

Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 25-18-00900,
<https://rscf.ru/project/25-18-00900/>

A Two-Factor Model for Perception of Graffiti by Metropolis Dwellers

Marina R. Babikova

orcid.org/0000-0003-0814-5936

PhD in Philology, Department
of Intercultural Communication, Rhetoric,
Russian as a Foreign Language
mrbabikova@uspu.ru

Olga V. Kruzhkova

orcid.org/0000-0002-2569-8789

PhD in Psychology, Associate Professor,
Laboratory of Advanced
Socio-Environmental Research
galial1@yandex.ru

Ural State
Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-18-00900,
<https://rscf.ru/project/25-18-00900/>

© Бабилова М. Р., Кружкова О. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования — описание специфики оценки текстов граффити в восприятии жителями мегаполиса. Обработка данных проводилась с применением метода семантического дифференциала, частотного анализа, описательной статистики, сравнительного анализа, многомерного шкалирования и иерархического кластерного анализа. Выявлено два фактора, значимых для оценки степени привлекательности вандально нанесенных креолизированных текстов: показатель позитивного / негативного отношения к изображениям и их текстовому содержанию; глобальность или локальность темы, которой посвящены граффити. Установлено, что граффити, содержащие позитивные сообщения и выполненные в ярком, привлекательном стиле, вызывают более положительные эмоции, а граффити, посвященные политическим или негативным социальным явлениям, чаще получают отрицательную оценку. Определено четыре семантические группы граффити: протестно-негативистские граффити, характеризующиеся низким индексом привлекательности; молодежно-субкультурные граффити, чей индекс привлекательности зависит от соответствия мотивов автора и адресата; социально-эмпатийные (воспитательные) граффити, имеющие высокий индекс привлекательности благодаря позитивному содержанию и визуальному оформлению; либерально-философские граффити, полюс оценки и осмысления которых зависит от политических и философских убеждений респондентов, а также от окружающей обстановки (места размещения).

Ключевые слова:

поликодовый текст; вандализм; граффити; графические повреждения; городская среда.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study aims to describe the specific patterns of how urban residents evaluate graffiti texts. Data processing was carried out using the semantic differential technique, frequency analysis, descriptive statistics, comparative analysis, multimodal scaling, and hierarchical cluster analysis. The analysis revealed two principal factors significant for assessing the appeal of vandalistically applied creolized texts: the dimension of positive / negative attitude toward the images and their verbal content; and the scope of the topic, ranging from global to local concerns, addressed by the graffiti. It was established that graffiti conveying positive messages and executed in a vivid, aesthetically appealing style elicit more favorable emotional responses. In contrast, graffiti dedicated to political or negative social phenomena are more likely to receive negative evaluations. Four semantic clusters of graffiti were identified: (1) protest-negativist graffiti, characterized by a low appeal index; (2) youth-subcultural graffiti, whose appeal index depends on the alignment between the author's and the recipient's motives; (3) socio-empathetic (didactic) graffiti, which possess a high appeal index due to their positive content and visual design; and (4) liberal-philosophical graffiti, where the polarity of evaluation and interpretation depends on the respondents' political and philosophical beliefs, as well as on the environmental context (placement location).

Key words:

multimodal text; vandalism; graffiti; graphic defacement; urban environment.

УДК 811.161.1'42:75

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-255-276

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Двухфакторная модель детерминации восприятия граффити жителями мегаполиса

© Бабикова М. Р., Кружкова О. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вопрос смыслового развертывания текста является актуальным в современной лингвистике, что обусловлено разработкой коммуникативно-когнитивного подхода к изучению текстов. Данный подход основывается на интерпретационной деятельности адресата, которая «имеет коммуникативно-когнитивный характер, так как предполагает включение текста как объекта вторичной коммуникативной деятельности в сложные и по-разному протекающие в сознании каждого индивида процессы его осмысления и понимания» [Болотнова, 2021, с. 38—39]. Осознание общего смысла, представленного в виде вторичного текста, «является реакцией на первичный текст и имеющуюся в нем систему знаков и знаковых последовательностей, отражающих интенции автора и его ориентацию на диалог с адресатом» [Болотнова, 2021, с. 39]. Восприятие текста, его осознание осуществляется через речемыслительные процессы, включающие в том числе когнитивные операции, относящиеся к базовым концептуальным конфигурациям знаний: анализ, сравнение, синтез с опорой на ассоциативную деятельность [Мякшева, 2023, с. 114]; а также когнитивные механизмы, способствующие формированию специфических знаний об отдельных предметных сущностях: компрессия, дефокусирование, фокусировка [Бабикова, 2024]. Кроме того, важную роль в восприятии и осмыслении различных текстов играет имеющийся у индивида опыт: «...мозг ищет шаблоны и образцы в информации, и, если он находит что-то знакомое или сходное с тем, что он уже знает, он может быстро принять решение о том, как интерпретировать и организовать информацию» [Фролова, 2024, с. 441].

Текст в известной степени способен оказывать значительное влияние на человека, его настроение, жизненную позицию, воспитание. Таким образом, изучение специфики восприятия текста и факторов, детерминирующих его оценку, является важной научной задачей. Интерес исследователей и научная актуальность связаны с изучением специфики осмысления

таких текстов, как граффити, которые можно охарактеризовать как особый речевой жанр [Бабикова и др., 2024].

Так, например, в отечественных исследованиях граффити рассматриваются в качестве конструкторов, оказывающих влияние на трансформацию исторической памяти [Коробицына, 2025], и представляют интерес при изучении формирования информационно-смыслового поля современной молодежи [Злоказов и др., 2025].

В зарубежном научном дискурсе внимание уделяется особенностям презентации граффити в СМИ, влияющей на его восприятие и отношение к нему со стороны массовой аудитории [Yanyun Liu, 2024]. Представлены работы, посвященные граффити как неофициальному и популярному виду искусства, служащему для выражения протеста, а также для выражения политического, социального и культурного содержания [Neda Shafighi et al., 2021]. В исследовании Анука Райда внимание уделяется деструктивной природе граффити, их связи с уличными беспорядками [Ride Anouk 2025].

Граффити рассматриваются нами в качестве текстов, имеющих поликодовый характер. В научном дискурсе существует множество номинаций феномена взаимодействия двух и более семиотических систем. Мы используем термин *креолизованный текст* (далее — КТ) — «текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова, 2013, с. 22].

Осмысление поликодовых текстов требует от читателя активного взаимодействия с артефактом и способности дешифровать разные слои информации. Специфика этого процесса заключается в необходимости интерпретировать не только вербальный текст, но и элементы других знаковых систем, которые могут влиять на его значение. Как любой другой смысл находит отражение в сознании адресата, так и смысл граффити, попадая в поле адресата, благодаря системе знаков «играет роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Демьянков и др., 1996, с. 53]. В научном дискурсе представлены работы, посвященные изучению специфики осмысления семиотически осложненных текстов разных дискурсов: рекламных [Донская, 2019], креолизованных текстов учебного характера [Фролова, 2024], текстов туристического и гостиничного сервиса [Hengyun Li et al., 2022] и пр.

Область исследования, представленная в данной работе, имеет определенные точки соприкосновения с уже существующими работами, например, с исследованием У. С. Швиндт о восприятии стрит-арта жителями ме-

гаполиса. Однако, в отличие от этих исследований, мы акцентируем внимание на анализе осмысления текстов граффити, что определяет научную новизну нашей работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретическая рамка исследования. Представленное исследование опирается на теорию смыслового развёртывания текста с точки зрения когнитивно-коммуникативного подхода [Болотнова, 2009; Карпилович, 2018]; работы, посвященные специфике графических повреждений городской среды как «несанкционированно созданных в пространстве города воздействующих на наблюдателя стимулов» [Кружкова, 2025, с. 167]. В настоящем исследовании учтен опыт изучения восприятия стрит-арта городским населением, представленный У. С. Швиндт [Швиндт, 2021], а также научные труды, в рамках которых предлагается применение психолингвистических методов исследования [Гридина и др., 2025; Новиков и др., 2011].

Методы. Для достижения поставленной цели применялись различные методы. Метод семантического дифференциала (далее — СД) позволил определить субъективные семантические поля, которые выстраиваются в сознании адресатов при осмыслении предъявляемых стимулов (фотографии с графическими повреждениями городской среды).

С помощью СД представлено количественное и качественное индексирование смыслов, транслируемых граффити. Индексирование проводилось с помощью двухполюсных шкал, на каждой из которых имелась градация с парой антонимичных прилагательных. Прилагательные обозначали наличие / отсутствие либо разную степень выраженности заданного семантического параметра в транслируемых графических повреждениях.

Испытуемым были предложены прилагательные, распределенные по трем факторам: 1. Фактор оценки: хороший — плохой, веселый — грустный, светлый — темный, полный — пустой. 2. Фактор силы: сильный — слабый, длинный — короткий, большой — малый, сложный — простой. 3. Фактор ориентированной активности: активный — пассивный, актуальный — устаревший, близкий — далекий, яркий — тусклый. Использовалась семишаговая шкала количественной оценки.

На основе обобщенных данных по шкалам СД для каждого изображения был применен метод многомерного шкалирования, который позволил измерить и количественно оценить воспринимаемую респондентами информацию, транслируемую графическими повреждениями, путем построения пространства группировки изображений.

Учитывая фактор субъективности в осмыслении различных материалов, метод шкалирования позволил измерить индивидуальные абстрактные ощущения.

Цель исследования заключается в описании специфики оценки текстов граффити в восприятии жителями мегаполиса, в выделении модели факторов, детерминирующих репрезентацию графических повреждений городской среды.

Материалы. Материалом исследования послужили 20 фотографий граффити, зафиксированных в крупных городах РФ: Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. Следует отметить, что в центре внимания исследования находятся только те граффити, содержание которых легко воспринимается и понимается адресатом. Тексты анализируемых граффити представлены в таблице 1.

Выборка. Выборка состояла из 22 респондентов — мужчин и женщин в разных возрастных диапазонах: от 20 до 50 лет. Социальный статус не учитывался.

Методы математико-статистической обработки данных. Обработка результатов осуществлялась на базе статистического пакета JASP 0.18.1.0 и IBM SPSS Statistics 19. Были применены частотный анализ и описательные статистики, сравнительный анализ (критерий Манна-Уитни), многомерное шкалирование с вычислением матрицы различий (модель Евклидовых расстояний) на основе среднего балла по семантическому дифференциалу (шкала отношений). Применение метода многомерного шкалирования позволяет выявить латентную структуру изучаемого объекта, определить факторы, значимые для его оценки респондентами [Терехина, 1983]. Также применялся иерархический кластерный анализ для выделения гомогенных групп текстов граффити.

Ограничения экспериментального исследования. Проведенный эксперимент носил поисковый характер и был реализован на относительно ограниченной выборке. Полученные результаты в дальнейшем целесообразно уточнить при привлечении более масштабной выборки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Для оценки гомогенности выборки и поставленных респондентами оценок первоначально была проведена процедура исследования различий по фактору пола (критерий Манна-Уитни). В результате проведения процедур сравнения статистически значимых различий в оценках граффити у мужчин и женщин обнаружено не было. Поэтому в дальнейшем исследовании данные анализировались по общей выборке.

По результатам оценки семантического дифференциала были получены следующие данные (табл. 1).

Таблица 1
Усредненные по респондентам данные семантического дифференциала при оценке граффити

Текстовая составляющая граффити	Среднее арифметическое по шкале (положительный полюс — первая характеристика, отрицательный полюс — вторая характеристика)											
	Хороший — плохой	Веселый — грустный	Светлый — темный	Покойный — пыльный	Сильный — слабый	Длинный — короткий	Большой — малый	Сложный — простой	Активный — пассивный	Актуальный — устаревший	Близкий — далекий	Яркий — тусклый
V1 «Дома у себя нарисуй»	0,2	0,1	0,4	-0,2	-0,9	-0,9	0,3	-1,6	-0,3	-0,4	-0,9	0,2
V2 «Нос пылесос»	-1,5	-1,4	-0,9	-0,2	-0,4	-0,8	-1,1	-1,1	-0,1	-0,5	-0,8	-0,3
V3 «Не души! Кринжуй счастливо!»	0,1	0,5	0,2	0,1	-0,2	-1,5	-1,6	-1,6	0,3	0,4	0,3	-0,6
V4 «Запотевший ВИД»	-1,1	-1,2	-1,9	-0,8	-1,4	-1,8	-1,9	-0,5	-0,9	-1,2	-0,8	-1,8
V5 «КПРФ / PARTISAN / Заставим чиновников народ уважать»	-0,5	-1,9	-1,8	-0,3	-0,6	-1,8	-1,4	-1,5	0,4	-0,5	-0,9	-1,6
V6 «Я русский и мне повезло»	-0,1	-0,2	0,4	-0,1	-0,3	-1,4	-1,4	-1,4	0,3	0,2	-0,4	1,1
V7 «Я был на самом дне! Ниже не бывает»	-1,3	-1,9	-1,8	-1,5	-1,3	-1,8	-1,4	-1,6	-1,4	-0,5	-1,1	-2,0
V8 «Друг, главное сам себе не ври»	1,9	1,1	1,5	1,3	1,3	-0,8	0,1	0,3	1,2	1,6	1,0	2,1
V9 «Иногда мы ловим огонь под проливным дождем...»	-0,3	-0,7	0,1	1,2	0,0	2,3	2,0	1,4	0,1	-0,5	-0,9	0,4
V10 «Забудь все глупые слова, которые делают больно...»	0,0	-1,6	-1,0	0,9	-0,1	1,3	0,9	0,7	-0,4	-0,2	-0,5	-1,1
V11 «Солдатами не рождаются. Солдатами умирают»	-0,5	-2,1	-1,9	0,4	1,1	-1,4	-0,9	-0,9	0,5	1,4	0,4	-0,8

Окончание табл. 1

Текстовая составляющая графити	Среднее арифметическое по шкале (положительный полюс — первая характеристика, отрицательный полюс — вторая характеристика)											
	Хороший — плохой	Веселый — грустный	Светлый — темный	Подлый — пу-стой	Сильный — слабый	Длинный — короткий	Большой — малый	Сложный — простой	Активный — пассивный	Актуальный — устаревший	Близкий — далекий	Яркий — тусклый
V12 «Победа <далее фамилия либерального политика>»	-0,5	-1,3	-0,6	0,3	0,3	-0,1	1,1	0,8	-0,1	-0,6	-0,9	-0,1
V13 «<Фамилия политика> топ»	-0,1	-0,1	-0,1	-1,0	-0,1	-2,1	-2,1	-1,9	-0,3	0,2	-0,4	-0,7
V14 «Мне так страшно, господи»	0,6	-0,7	0,7	1,1	0,6	0,1	1,2	0,7	0,6	0,9	0,4	1,7
V15 «Мы всегда на море»	1,1	0,6	1,4	0,6	-0,1	-1,0	-0,5	-1,5	0,2	0,7	0,3	0,6
V16 «Ну и скучно JE TEAM»	0,1	-0,1	0,3	-0,3	-0,4	-1,5	-1,6	-0,5	-1,1	-0,2	-0,8	-0,1
V17 «Медвежьи нежности...»	0,7	0,7	0,7	1,1	0,5	1,0	1,4	0,8	0,4	0,6	-0,1	1,5
V18 Пацифистский лозунг	-0,7	-2,0	-1,8	-0,5	-0,3	-1,9	-1,3	-1,1	-0,4	0,6	-0,6	-1,2
V19 «Мама, я все верну! Вова»	-0,7	-2,0	-1,6	0,6	0,3	0,1	1,0	0,6	0,2	0,4	-0,1	-1,3
V20 «Пшш, парень! Не псе»	0,4	1,0	-0,2	0,1	-0,3	-0,8	-0,7	-0,8	0,6	0,0	-0,8	-0,4
Медиана	-0,1	-0,7	-0,1	0,1	-0,2	-0,9	-0,8	-0,9	0,2	0,1	-0,5	-0,3

Так, большинство граффити (исходя из значений медианы) оцениваются респондентами как плохие, грустные, темные, наполненные, слабые, короткие, малые, простые, активные, актуальные, далекие и тусклые.

В результате выполнения процедуры многомерного шкалирования была получена пространственная модель распределения креолизованных текстов. Модель обладает высокой достоверностью (показатель стресса равен 0,14) и объясняет 94,05 % общей дисперсии данных.

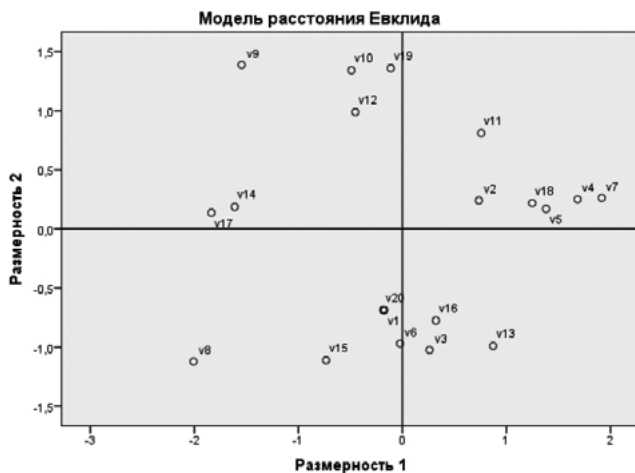

Рис. 1. Двумерная пространственная модель конфигурации изучаемых граффити

На основе анализа содержания граффити и их показателей по семантическому дифференциалу можно выделить два фактора, значимых для оценки степени привлекательности вандально нанесенных креолизованных тестов. Во-первых, это показатель позитивного / негативного отношения к изображениям и их текстовому содержанию (размерность 1 слева направо). Во-вторых, глобальность или локальность темы, которой посвящены граффити (размерность 2, где наверху размещены изображения, посвященные глобальным темам — философские размышления о жизни, ее смысле, политических и социальных процессах в обществе, внизу — посвященные локальным темам — шутки, советы, выражение возмущения конкретными действиями окружающих и пр.). Таким образом, с учетом описанных осей в двумерном пространстве можно выделить 4 группы граффити с различными характеристиками.

Группа 1. Позитивная оценка и глобальные темы. К данной группе относятся граффити, содержание которых сосредоточе-

но вокруг тем, направленных на активизацию внутренних переживаний адресатов: относительно смысла жизни, вдохновляющих событий, любовных переживаний или позитивных социальных процессов. Темы не всегда в сущности своей позитивны, но оцениваются они так, потому что не вызывают у адресатов негативной реакции, а формируют ощущение сопричастности, скрытого диалога между людьми, чьи мысли и переживания могут совпадать, у адресата появляется возможность разделить с автором граффити переживания, в том числе лирические. В каком-то смысле это мощный и часто вдохновляющий способ передачи важных сообщений в общественном пространстве. Нередко такие граффити затрагивают общечеловеческие вопросы, подчеркивают имеющийся потенциал для позитивных изменений и прогресса в мире. Они могут вдохновлять на инновации и коллективные действия для создания более справедливого, устойчивого и процветающего будущего для всех, а могут иметь значение (глобальное) для конкретного адресата, затрагивать его личные переживания, вызывая тем самым позитивный отклик. При этом важно отметить, что позитивное отношение может формировать не только смысл, но и визуальное оформление граффити. Примеры представлены далее (рис. 2, 3).

Так, на рис. 2 представлено графическое преобразование деревянной стены старого здания. Фигуры двух собак представлены в ярких красках: голубой и розовой. На головах у них праздничные колпаки желтого цвета. Каждое животное изображено стоящим на высоком пьедестале, стилизованном под античные колонны. Между собаками растянута разноцветная гирлянда с надписью: «Мне так страшно, господи». Буквы на гирлянде

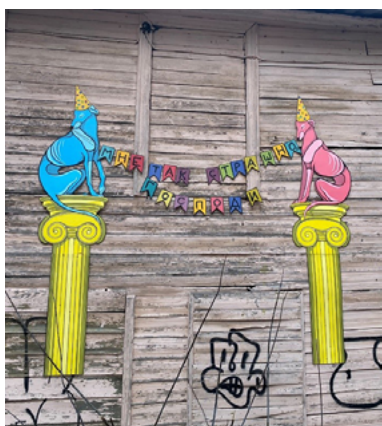

Рис. 2. Граффити V14

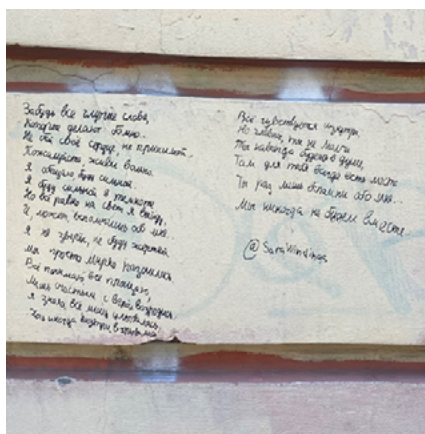

Рис. 3. Граффити V10

разных цветов, что добавляет игривости и, в контексте написанного, придает эффект черного юмора. В совокупности данное граффити представляет собой смесь праздничного и тревожного. Яркие цвета и праздничные колпаки контрастируют с надписью. Античные колонны создают ощущение монументальности, но ветхое состояние вносит элемент иронии и абсурда. Граффити побуждает к экзистенциальным размышлениям о страхе, тревоге и, возможно, об иронии жизни. Позитивное оценивание обусловлено наличием ярких элементов и ироничным способом передачи глубоких философских тем.

На рис. 3 представлен текст, нанесенный на стену здания с облупившейся краской. Примечательно, что ранее там также размещались граффити, что говорит о «завандавленности» данной части дома. Перед адресатом стихотворный формат, однако при ознакомлении с ним обнаруживается отсутствие рифмы и смысловой связи отдельных частей, что производит впечатление личного высказывания, возможно, потока сознания (*Забудь все глупые слова, Которые делают болью... Не бей свое сердце, не принимай... Пожалуйста, живи вольно. Я обещаю, буду сильной. Я буду сильной в темноте. Но все равно на свет я выйду, И, может, вспомнишь обо мне... Я не зверек, не буду жертвой. Мы просто мирно разошлись. Все понимаю, все прощаю, Лишь счастьем с верой возродись. Я знала все, лишь улыбалась, Хоть иногда внутри взрывалось... Все чувствуется изнутри, Но главное, ты не молчи. Ты навсегда будешь в душе, Там для тебя всегда есть место. Ты раз лишь вспомни обо мне... Мы никогда не будем вместе...*). Рукописный текст и простота исполнения создают интимную и искреннюю атмосферу. Наличие надписи “@SaraWindings” позволяет предположить, что это работа конкретного автора, выражающего свои мысли и чувства через граффити. Облупившаяся краска и старые граффити на фоне подчеркивают контраст между личным высказыванием и окружающей средой. Позитивное оценивание таких граффити обусловлено возможностью синхронизации внутренних переживаний автора и адресата.

Группа 2. Негативная оценка и глобальные темы. К данной группе отнесены граффити, также транслирующие размышления на глобальные темы, но в отличие от предыдущей группы это темы, касающиеся политических событий, негативных социальных явлений, что и объясняет наличие отрицательной оценки. Как правило, такие граффити отсылают адресатов к прецедентным именам различных политических деятелей, к изображениям, транслирующим отношение к эпизодам мировой политики, или к социальным явлениям, оставляющим негативные последствия.

Так, на рис. 4 фотоизображение стикера, размещенного на конструкции дома. Суть данного графического преобразования — выражение про-

теста, изображение прицела привносит агрессию, граффити обостряет тему политических разногласий между людьми и партиями (в данной статье содержание стикера рассматривается исключительно в качестве исследовательского материала).

Судя по результатам проведенного исследования значительная (большая) часть граффити политического контекста оценивается респондентами негативно.

Рис. 4. Граффити V5

Рис. 5. Граффити V4

Рис. 5 состоит из прецедентных компонентов, комбинация которых способна формировать новые смыслы. Прежде всего, граффити нанесено на загрунтованную бетонную стену, неоднократно (судя по внешнему виду) подвергавшуюся вандальным действиям. Центральный образ отсылает нас, в том числе за счет лексемы ВИД, к советскому и российскому телевизионному бренду, занимающемуся разработкой и реализацией различных телевизионных проектов (по некоторым источникам — это керамическая голова древнекитайского даосского философа Го Сяна).

Данный образ помещен в шлем с прозрачным забралом, а прецедентная лексема «ВИД» дополнена метафорой непрозрачности. Сочетание прецедентного образа, шлема и дополняющей надписи может иметь негативную социально-политическую интерпретацию — непрозрачность власти или сообщений СМИ о различных политических и социальных событиях.

Негативная оценка может быть обусловлена рядом других фактов. Так, например, для кого-то символ телекомпании — это лицо первого президента России Бориса Ельцина. Для детей перестроечного времени этот образ был пугающим и мрачным, а впечатления от него остаются и по сей день

[История одного дизайна ..., 2022]. Кроме того, негативное отношение во многом обусловлено потенциалом различных ассоциаций и интерпретаций адресатов.

Группа 3. Негативная оценка и локальные темы. Кданной группе принадлежат граффити, связанные с выражением мнения о конкретных проблемах, местах или людях, не относящихся к глобальным сферам. Наиболее распространенные тематические блоки таких граффити — недовольство коммунальными службами, межличностные конфликты, вызывающее поведение, выражение авторского настроения, значимых для автора смыслов, переживаний и реакций на происходящие события. Иногда такие граффити являются индикаторами социальных проблем и напряженности в обществе. Они могут служить сигналом для властей и общественных организаций о необходимости принятия мер по улучшению ситуации. Некоторые из них представляют собой бессмысленные тексты, нанесенные ради получения обратной связи (от общества; своей субкультурной группы) или ради развлечения. Надписи выполняются небрежно, портят внешний вид, создают ощущение неблагополучия, поэтому их появление в городской среде вызывает неодобрение. Примеры таких граффити представлены на рис. 6, 7.

Рис. 6 передает изображение стикера, приклеенного к водосточной трубе. Адресату предлагается смысловая загадка. Фраза «ну и скучно JE TEAM», с одной стороны, построена на языковой игре и может создавать впечатление ироничного комментария о чем-то обыденном и скучном, с другой стороны, представляет собой своеобразный диалог с более эрудированным читателем, способным принять участие не только в форми-

Рис. 6. Граффити V16

Рис. 7. Граффити V3

ровании смысла, но и корректировке (пусть в одностороннем порядке) орфографии (корректное написание фразы «Я тебя люблю» выглядит как «Je t'aime»). Изображение оказалось в негативной части поля прежде всего потому, что при первом столкновении не несет никакой смысловой нагрузки. Для дешифровки сообщения требуется какое-то время, а в некоторых случаях смысл остается нерасшифрованным.

Рис. 7 представляет собой граффити, нанесенное на стену, ранее подвергавшуюся вандальным преобразованиям и имеющую обветшалый вид. Перед адресатом надпись в три строки: *Не душни! Кринжуй Счастливо!* Несмотря на сленговый характер высказывания, призывающего к позитивному отношению к жизни, граффити располагается в зоне негативного восприятия, что связано с обветшалостью городской среды, в которой размещена надпись.

Группа 4. Позитивная оценка и локальные темы. Содержание граффити, относящихся к данной группе, также характеризуется специфичностью, актуальностью для конкретного адресата или общества. Эти граффити, как правило, короткие, односложные, могут размещаться на завандаленных пространствах, но оценка таких преобразований сосредоточилась в позитивном поле. Их восприятие обусловлено, во-первых, контекстом, так как речь идет всегда о чем-либо приятном, нормативном, о том, что не оспоримо в оппозиции «плохо — хорошо». Во-вторых, такие граффити чаще содержат значимые визуальные элементы, существенно дополняющие смысл текстового блока граффити: мультипликационных героев, визуализацию текстового фрагмента, изображение чего-то приятного и пр.

Рис. 8. Граффити V15

Рис. 9. Граффити V8

Содержание рис. 8 отсылает адресата к позитивным эмоциям, несмотря на окружающее пространство. Граффити выглядит простым и минималистичным, но создает интересный контраст с обветшалой стеной. Фраза «*Мы всегда на море*» и изображение волн могут быть интерпретированы как метафора свободы, мечты или же как ностальгия по лету и отдыху. Облупившаяся стена придает изображению определенную аутентичность и рассказывает свою историю, контрастируя с оптимистичным посылом текста. В целом, граффити создает ощущение умиротворения и надежды, несмотря на окружающую разруху.

В центре изображения, представленного на рис. 9, расположен мультиплицированный персонаж — улыбающийся цветок. О позитивном настрое персонажа свидетельствует улыбка, а также цветовое оформление — яркие тона. Визуальный ряд дополнен вербальным компонентом, помещенным в речевой пузырь: «*Друг, главное сам себе не ври*». Стикер-граффити имеет позитивный и дружелюбный вид благодаря улыбающемуся персонажу и ярким цветам. Надпись добавляет изображению смысл, призывая к честности с самим собой. Персонаж и речевой пузырь создают эффект диалога с прохожим, вовлекая его во взаимодействие. Стиль рисунка напоминает иллюстрации из детских книг или комиксов.

Проведенное исследование позволило выявить специфику интерпретации граффити и семантику отношений к ним, что позволяет комплексно оценить осмысление граффити жителями мегаполиса. Большая часть респондентов характеризует граффити с негативной точки зрения. Так, субъективными семантическими реакциями (по медиане семантического дифференциала) выступают такие определения: *плохие, грустные, темные, наполненные, слабые, короткие, малые, простые, активные, актуальные, далекие и тусклые*.

Многомерное шкалирование показателей семантического дифференциала дает возможность определить тенденции позитивного и негативного осмысления граффити с учетом их смыслового наполнения. Так, политические граффити в основном находятся в пространстве негативных или нейтральных оценок. Негативными оценками маркируются граффити, расположенные на завандаленных пространствах, или «пустые» с содержательной точки зрения. Выраженные позитивные оценки получают граффити с ярким визуальным наполнением, использованием контрастных чистых цветов, зачастую дополненные рисунками в стиле детской мультипликации. Такая особенность осмысления граффити подтверждается социологическими исследованиями, проведенными в 2021 году: «Население скорее не заинтересовано в политической проблематике местного стрит-арта. Явная политизированность и злободневность “отпугивают” жителей

и кажутся слишком агрессивными. Вместо этого большую ценность представляют произведения, направленные на гуманистическое и эстетическое взаимодействие с городской средой, освещение “вечных” вопросов, содержащие юмор и вызывающие улыбку» [Швиндт, 2021, с. 112].

Между тем жесткое разделение оценок на исключительно положительные или сугубо отрицательные не представляется возможным, поскольку оно обусловлено рядом факторов, среди которых настроение респондента в момент исследования, его политические предпочтения, моральные качества, социальное положение и прочее.

С целью определения более плавного тематического очертания проведена кластеризация наиболее совпадающих тематических групп и тех групп, которые максимально противоположны. Результаты кластеризации представлены в дендрограмме (рис. 10).

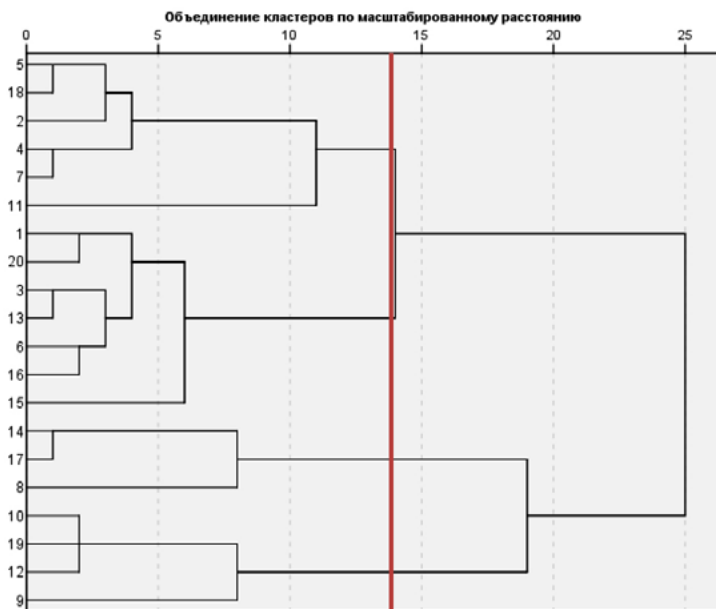

Рис. 10. Дендрограмма объединения изучаемых граффити в кластеры *

* Примечание: номера по вертикальной шкале совпадают с номерами граффити в таблице 1. Исследователями выбрана модель с 4 кластерами.

Объединение кластеров по масштабированному расстоянию позволяет выделить четыре семантические группы граффити, каждая из которых может транслировать как локальные, так и глобальные темы.

Группа 1 — протестно-негативистские граффити. В содержании таких текстов выражается несогласие с существующим порядком вещей, критикуются власть, социальные нормы, политические события или другие аспекты жизни общества. Эти граффити часто содержат негативные оценки, резкие высказывания и провокационные образы. Как правило, они представлены в виде текстовых надписей (лозунги, призывы, оскорбления), визуальных компонентов (карикатуры, символы, плакаты, коллажи, трафареты, стикеры и другие техники уличного искусства). При осмыслении такие граффити имеют низкий индекс привлекательности.

Группа 2 — молодежно-субкультурные граффити. Граффити данной смысловой группы — прежде всего, акт самовыражения, обозначение «своей» территории, коммуникация единомышленников. Такие тексты создаются представителями различных молодежных субкультур, отражают их ценности, идеалы, мировоззрение и стиль жизни. Наиболее типичными формами графических повреждений этой семантической группы являются бомбинг и трафареты. Изображения и надписи часто наполнены символами, понятными только представителям субкультуры. Отношение респондентов к молодежно-субкультурным граффити неоднозначно. Какие-то материалы получили положительную оценку и, соответственно, высокий индекс привлекательности, другие были оценены негативно. Во многом оценка зависит от наличия созвучных мотивов у автора повреждения и адресата.

Группа 3 — социально-эмпатийные (воспитательные) граффити. Целями таких граффити могут являться активизация положительных эмоций, побуждение к размышлениям, вдохновение на добрые поступки и укрепление чувства общности. Они призваны влиять на общество, развивая эмпатию, сострадание и социальную ответственность. Граффити данной группы, как правило, осмысляются с высоким индексом привлекательности из-за ярких цветов, оптимистичных текстов и образов, лаконичных запоминающихся слоганов, транслирующих позитивную, вдохновляющую, поддерживающую, ободряющую, дружелюбную тональность.

Группа 4 — либерально-философские граффити. Граффити, с помощью которых некоторые авторы выражают идеи либерализма и различные философские концепции, связанные с индивидуальной свободой, правами человека, рациональным мышлением, критическим подходом к власти и социальной справедливостью. Эти граффити часто призваны спровоцировать дискуссии, ставить под сомнение устоявшиеся нормы и побуждать к размышлениям о смысле жизни и устройстве общества. Часто такие повреждения выглядят как цитаты известных философов и либеральных мыслителей, лозунги, афоризмы, вопросы, провокационные утверждения,

символы, изображения. Осмысление либерально-философских граффити может быть разным в зависимости от политических убеждений и философских взглядов людей. Для одних — это специфический формат дискуссии и распространение важных идей, для других — проявление политической пропаганды. Кроме того, значительную роль в осмыслении играет место размещения таких надписей: если пространство вокруг выглядит неблагоприятно, граффити будет иметь низкий индекс привлекательности.

4. Заключение = Conclusions

В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

1. В рамках эксперимента с применением методов семантического дифференциала и многомерного шкалирования были выявлены основные факторы, влияющие на осмысление и оценку граффити жителями мегаполиса: позитивное / негативное отношение к содержанию и визуальному оформлению граффити; глобальность / локальность темы креолизованного текста граффити.

2. На основании выявленных факторов выделено четыре группы граффити, каждая из которых обладает специфическими характеристиками и вызывает у респондентов различные эмоциональные реакции, влияющие на их осмысление. В рамках двухфакторной модели в континууме позитивных — негативных оценок, с одной стороны, глобальных и локальных тем, с другой стороны, формируется четыре группы граффити.

3. Результаты исследования подтверждают, что большинство граффити осмысливаются негативно (как плохие, грустные, темные, слабые, короткие, малые, простые, далекие и тусклые и т.д.), однако визуальное оформление и тематика оказывают значительное влияние на формирование отношения к ним. Граффити, содержащие позитивные сообщения и выполненные в ярком, привлекательном стиле, вызывают более положительные эмоции и оцениваются выше. В то же время содержание граффити, посвященного политическим или негативным социальным явлениям, чаще всего получает отрицательную оценку.

4. Посредством кластеризации наиболее совпадающих тематических групп и тех групп, которые максимально противоположны, определено четыре семантические группы граффити, каждая из которых может транслировать как локальные, так и глобальные темы: протестно-негативистские граффити, характеризующиеся низким индексом привлекательности; молодежно-субкультурные граффити, чей индекс привлекательности зависит от соответствия мотивов автора и адресата; социально-эмпатийные (воспитательные) граффити, имеющие высокий индекс привлекательности благодаря позитивному содержанию и визуальному оформлению; либе-

рально-философские граффити, полюс оценки и осмысления которых зависит от политических и философских убеждений респондентов, а также от окружающей обстановки (места размещения).

Представленное исследование вносит вклад в изучение феномена смыслового развертывания текста, а также расширяет спектр исследований, посвященных изучению специфики осмысления креолизованных текстов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. История одного дизайна. Логотип телекомпании «ВИД». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://skillbox.ru/media/design/istoriya-odnogo-dizayna-logotip-telekompanii-vid/> (дата обращения: 02.07.2025).

Литература

1. *Бабикова М. Р.* Жанровая специфика вандажных графических повреждений городского пространства / М. Р. Бабикова, О. В. Кружкова // *Жанры речи*. — 2024. — Т. 19, № 4 (44). — С. 327—337. — DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-327-337.
2. *Бабикова М. Р.* Когнитивные механизмы граффити: компрессия, дефокусирование, фокусировка / М. Р. Бабикова // *Научный диалог*. — 2024. — Т. 13, № 8. — С. 171—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187.
3. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста / Н. С. Болотнова // *Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin)*. — 2021. — № 6 (218). — С. 38—48.
4. *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 194 с.
5. *Гридина Т. А.* Ассоциативный потенциал префиксоида: квази-, псевдо-, лже- в современном медиадискурсе / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // *Политическая лингвистика*. — 2025. — № 2 (110). — С. 32—39.
6. *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // *Краткий словарь когнитивных терминов*. — М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 53—55.
7. *Донская М. М.* Проблемы декодирования креолизованных текстов на материале иноязычной телевизионной рекламы в рамках решения проблемы успешного преодоления межкультурного барьера / М. М. Донская // *Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений* : XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях, Москва, 14—16 ноября 2019 года / Под общей редакцией И. М. Ильинского. Том Часть 1. — Москва : Московский гуманитарный университет, 2019. — С. 249—253.
8. *Злоказов К. В.* Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин / К. В. Злоказов, Ю. М. Караяни, А. Г. Карая-

ни, А. В. Шахматов // Психология и право. — 2021. — Т. 11, № 3. — С. 77—93. — DOI: 10.17759/psylaw.2021110306.

9. *Карпилович Т. П.* Когнитивно-коммуникативный подход к распознаванию содержательно-концептуальной информации медиатекста / Т. П. Карпилович // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. — 2018. — № 28. — С. 165—170.

10. *Коробицына Л. В.* Вандализм и трансформация исторической памяти. Теория и практика / Л. В. Коробицына, О. В. Кружкова // Диалог со временем. — 2025. — № 91. — С. 237—250. — DOI: 10.21267/AQUILO.2025.91.91.016

11. *Кружкова О. В.* Запоминаемость и когнитивные ошибки узнавания граффити в городской среде: результаты полевого эксперимента / О. В. Кружкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 163—180. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-163-180.

12. *Кружкова О. В.* Особенности восприятия учащимися городских граффити с выраженным воспитательным потенциалом / О. В. Кружкова, М. Р. Бабилова, С. Д. Робин // Образование и наука. — 2024. — Т. 26. — № 6. — С. 68—94. — DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-68-94.

13. *Мякишева О. В.* Путь к осмыслению текста как осмысление жизни / О. В. Мякишева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2023. — № 3 (227). — С. 112—119. — DOI: 10.23951/1609-624X-2023-3-112-119.

14. *Новиков А. Л.* Метод семантики дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях / А. Л. Новиков, И. А. Новикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2011. — № 3. — С. 63—71.

15. *Терехина А. Ю.* Многомерное шкалирование в психологии / А. Ю. Терехина // Психологический журнал. — 1983. — Т. 4. — № 1. — С. 76—88.

16. *Фролова Е. В.* Восприятие как условие формирования картины мира / Е. В. Фролова // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции, Евпатория, 11—12 апреля 2024 года. — Симферополь : Ариал, 2024. — С. 439—444.

17. *Швиндт У. С.* Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) / У. С. Швиндт // Koinon. — 2021. — Т. 2. — № 1. — С. 100—115. — DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005.

18. *Яньюнь Л.* Граффити как актуальный вид воздействующего текста: медийный опыт Китая / Л. Яньюнь // Динамика медиасистем. — 2024. — Т. 4, № 2. — С. 93—100. — DOI: 10.47475/2949-3390-2024-4-2-93-100.

19. *Li H.* Is a picture worth a thousand words? Understanding the role of review photo sentiment and text-photo sentiment disparity using deep learning algorithms / H. Li, H. Ji, H. Liu, D. Cai, H. Gao // Tourism Management. — 2022. — № 92. (2)— Article number: 104559. — DOI: 10.1016/j.tourman.2022.104559.

20. *Ride A.* Reading the Riot: Understanding Urban Graffiti and Riot Violence / A. Ride // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. — 2025. — DOI: 10.1037/pac0000816.

21. *Shafighi N.* A Study of Types of Hypertext in Iran's Graffiti / N. Shafighi // Negareh Quarterly. — 2021. — № 56. — Pp. 26—28. — DOI: 10.22070/NEGAREH.2020.3111.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025,
одобрена после рецензирования 04.09.2025,
подготовлена к публикации 22.09.2025.

Material resources

The story of one design. Logo of the TV company «VID». Available at: <https://skillbox.ru/media/design/istoriya-odnogo-dizayna-logotip-telekompanii-vid/> (accessed: 02.07.2025). (In Russ.).

References

- Babikova, M. R. (2024). Cognitive mechanisms of graffiti: compression, defocusing, focusing. *Scientific Dialogue*, 13 (8): 171—187. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187. (In Russ.).
- Babikova, M. R., Kruzhkova, O. V. (2024) Genre specificity of vandal graphic damage to urban space. *Speech genres*, 19 (4/44): 327—337. DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-327-337. (In Russ.).
- Bolotnova, N. S. (2021). Communicative stylistics: linguacognitive mechanisms of semantic interpretation of a poetic text. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University (TSPU Bulletin)*, 6 (218): 38—48. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z., Kubryakova, E. S., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). Cognitive linguistics. *Brief dictionary of cognitive terms*. Moscow: Philological Faculty, Moscow State University named after M. V. Lomonosov: 53—55. (In Russ.).
- Donskaya, M. M. (2019). Problems of decoding creolized texts based on foreign-language television advertising in the context of solving the problem of successfully overcoming the intercultural barrier. In I. M. Ilyinsky. *Higher education for the 21st century: the role of humanitarian education in the context of technological and socio-cultural changes: XV International Scientific Conference. Reports and Materials*. Moscow: Moscow University for the Humanities, 1: 249—253. (In Russ.).
- Frolova, E. V. (2024). Perception as a condition for the formation of a picture of the world. *In Implementation of a competence-based approach in the system of professional education of a teacher: XI All-Russian scientific and practical conference, Yevpatoria, April 11—12*. Simferopol: Arial: 439—444. (In Russ.).
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2025). Associative potential of the prefixoid: quasi-, pseudo-, false- in modern media discourse. *Political Linguistics*, 2 (110): 32—39. (In Russ.).
- Karpilovich, T. P. (2018). Cognitive-communicative approach to recognizing the substantive-conceptual information of a media text. *Scientific Notes of the UO VSU named after P. M. Masherov*, 28: 165—170. (In Russ.).
- Korobitsyna, L. V., Kruzhkova, O. V. (2025). Vandalism and transformation of historical memory: theory and practice. *Dialogue with Time*, 91: 237—250. DOI: 10.21267/AQUILO.2025.91.91.016. (In Russ.).
- Kruzhkova, O. V. (2025). Memorability and cognitive errors in recognizing graffiti in an urban environment: results of a field experiment. *Scientific dialogue*, 14 (2): 163—180. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-163-180.
- Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R., Robin, S. D. (2024). Features of student's perception of urban graffiti with pronounced educational potential. *Education and Science*, 26 (6): 68—94. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-68-94. (In Russ.).
- Li, H., Ji, H., Liu, H., Cai, D., Gao, H. (2022). Is a picture worth a thousand words? Understanding the role of review photo sentiment and text-photo sentiment disparity using deep learning algorithms. *Tourism Management*, 92: Article 104559. DOI: 10.1016/j.tourman.2022.104559.

- Myaksheva, O. V. (2023). The path to understanding the text as understanding life. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 3 (227): 112—119. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-3-112-119. (In Russ.).
- Novikov, A. L., Novikova, I. A. (2011). Method of semantic differential: theoretical foundations and practical application in linguistic and psychological research. *Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 3: 63—71. (In Russ.).
- Ride, A. (2025). Reading the riot: understanding urban graffiti and riot violence. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. DOI: 10.1037/pac0000816.
- Shafighi, N. (2021). A study of types of hypotext in Iran's graffiti. *Negareh Quarterly*, 56: 26—28. DOI: 10.22070/NEGAREH.2020.3111.
- Shvindt, U. S. (2021). Aesthetic and problematic orientation of street art in the perception of the urban population (on the example of Yekaterinburg). *Koinon*, 2 (1): 100—115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005. (In Russ.).
- Terekhova, A. Yu. (1983). Multidimensional scaling in psychology. *Psychological Journal*, 4 (1): 76—88. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2013). *Political creolized text: keys to reading*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University: 194 p. (In Russ.).
- Yanyun, L. (2024). Graffiti as a current type of influential text: China's media experience. *Dynamics of Media Systems*, 4 (2): 93—100. DOI: 10.47475/2949-3390-2024-4-2-93-100. (In Russ.).
- Zlokazov, K. V., Karayani, Yu. M., Karayani, A. G., Shakhmatov, A. V. (2021). Urban vandalism in the perception of young people: an empirical study of the attribution of its causes. *Psychology and Law*, 11 (3): 77—93. DOI: 10.17759/psylaw.2021110306. (In Russ.).

*The article was submitted 25.06.2025;
approved after reviewing 04.09.2025;
accepted for publication 22.09.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Аркадий Николаевич Макаров, д-р филол. наук (Киров)
Евгения Сергеевна Жиронкина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Елена Александровна Сафрон, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Ирина Александровна Киселева, д-р филол. наук (Москва)
Ирина Аркадьевна Тютюнник, канд. филол. наук (Киров)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Лин Цзе, аспирант (Москва)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Жиронкина Е. С. Рецептивная стратегия романа М. Эмиса «Зона интересов» / Е. С. Жиронкина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 278—295. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-278-295.

Zhironkina, E. S. (2025). Receptive Strategy of Martin Amis's Novel "The Zone of Interest". *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 278-295. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-278-295. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рецептивная стратегия романа М. Эмиса «Зона интересов»

Жиронкина Евгения Сергеевна
orchid.org/0000-0002-2346-9368
кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник
научно-исследовательского института
русской культуры
pastorjoseph@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Receptive Strategy of Martin Amis's Novel "The Zone of Interest"

Evgeniya S. Zhironkina
orchid.org/0000-0002-2346-9368
PhD in Philology,
junior research scientist,
Scientific Research Institute
of Russian Culture
pastorjoseph@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению рецептивного потенциала романа М. Эмиса «Зона интересов» и выявлению стратегий воздействия на читателя. Актуальность исследования обусловлена смещением в современной художественной прозе фокуса на фигуру военного преступника и интересом современной науки к коммуникативным стратегиям, активизирующим читательское сознание. Цель работы — описать рецептивную стратегию произведения и выявить механизмы вовлечения читателя в конструирование смысла произведения. В качестве материала используется роман «Зона интересов», повествование которого ведётся от лица трёх участников концлагерной системы: коменданта, рядового служащего и члена зондеркоманды. Применяется методология повествовательной прагматики и нарративный анализ. Представлены результаты комплексного анализа композиционной, субъектной и объектной организации текста. Показано, что циклическая структура, полифонический нарратив и изображение нравственной и языковой деформации героев-нарраторов формируют стратегию, провоцирующую читателя выстраивать собственную интерпретацию событий. Автор приходит к выводу о том, что рецептивная стратегия романа выступает инструментом сложного этико-эстетического воздействия. Подчеркивается, что закодированная в произведении эмоциональная отстранённость нарраторов способствует переосмыслению понятий вины, жертвенности и ответственности.

Ключевые слова:

рецептивная стратегия; повествовательная прагматика; герой-нарратор; романы о Холоксте; М. Эмис; *Зона интересов*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the receptive potential of Martin Amis's novel "The Zone of Interest" and identifies the narrative strategies it employs to engage the reader. The study's relevance stems from a discernible shift in contemporary fiction toward focusing on the figure of the war criminal, coupled with ongoing scholarly interest in communicative strategies that activate the reader's consciousness. The primary aim of this research is to delineate the work's receptive strategy and to uncover the mechanisms through which the reader is drawn into the co-construction of the text's meaning. The analysis focuses on "The Zone of Interest", a novel related from the perspectives of three participants in the concentration camp system: the commandant, an ordinary officer, and a member of the Sonderkommando. Employing the methodologies of narrative pragmatics and narrative analysis, the study presents the findings of a comprehensive examination of the text's compositional, subject, and object organization. It is demonstrated that the novel's cyclical structure, polyphonic narrative, and depiction of the narrators' moral and linguistic deformation collectively form a strategy that provokes the reader to construct their own interpretation of the events. The author concludes that the novel's receptive strategy serves as a vehicle for a complex ethical and aesthetic impact. It is emphasized that the emotional detachment encoded in the narrators' accounts fosters a profound re-evaluation of the concepts of guilt, victimhood, and responsibility.

Key words:

receptive strategy; narrative pragmatics; narrator-character; Holocaust novels; Martin Amis; *The Zone of Interest*.

Рецептивная стратегия романа М. Эмиса «Зона интересов»

© Жиронкина Е. С., 2025

1. Введение = Introduction

Новейшая проза, посвященная тематике Холокоста, характеризуется изменением объектного фокуса: повествование все чаще оказывается сосредоточенным вокруг фигуры военного преступника или человека-в-системе. Попытки осмыслить деструктивное прошлое XX века с позиции не только жертвы, но и агрессора связано с феноменом постпамяти, которую М. Хирш определяет как структуру «меж- и транспоколенческого возвращения травматического знания и воплощенного опыта» [Хирш, 2021, с. 23]. Следствием данной тенденции становится свидетельствование потомков, предпринимающих попытки выстроить собственное, опосредованное временной дистанцией понимание травматического прошлого предков. Именно поэтому авторы новейшей прозы о Холокосте поднимают в своих произведениях вопросы вины, ответственности, самоопределения преступника.

В таких романах, как «Лесной царь» (1970) М. Турнье, «Благовоительницы» (2006) Дж. Литтелла, «НННН» (2010) Л. Бине, «Зона интересов» (2014) М. Эмиса предпринимаются попытки не только осмыслить мотивацию и путь становления нацистских офицеров и рядовых исполнителей, работающих на СС, но и пригласить читателя к со-участию в данном осмыслении в качестве активного субъекта. Как следствие, писатели «второго» и «третьего» послевоенных поколений ищут новые способы разговора с читателем о травматических событиях войны.

Вопрос о рецептивных компетенциях читателя становится одним из центральных в исследовании художественных репрезентаций геноцида [Aarons et al., 2017; Thorsten, 2021]. Анализируя произведения конца XX — начала XXI веков, авторы научных работ описывают коммуникативные задачи прозы о Холокосте. К примеру, исследователи замечают, что реципиенту вменяется противостояние идеям дегуманизации и «анимализации евреев» [Duffy, 2024, с. 244], осознание того, что «жизнь в концлагере оз-

начала полный разрыв с системами ценностей, которых они (жертвы геноцида. — Е. Ж.) обычно придерживались» [Siertsema, 2022, с. 92] (здесь и далее перевод наш. — Е. Ж.). Изучение данных коммуникативных задач и способов их достижения в художественном тексте — одна из основных проблем современной филологической науки.

Степень разработанности вышеобозначенной проблемы невысока, несмотря на активный исследовательский интерес к вопросам коммуникативного потенциала литературы. Так, в отечественном литературоведении рассматриваются стратегии вовлечения читателя в конструирование смысла произведения [Богданова и др., 2014], особенности воздействия на адресата «Я»-нарратива [Шуников, 2007]. В нашей работе [Жиронкина, 2024] предложен инструмент анализа механизмов воздействия художественного текста на читателя — рецептивная стратегия.

Рецептивный потенциал романа М. Эмиса «Зона интересов» на данный момент исследован недостаточно. Ученые-литературоведы определили основные принципы творчества Эмиса, такие как «нарастающую энтропию, приводящую к катастрофе» [Марданов, 2014]. Исследования нарратива [Seraf, 2015] и проблематики романа, такой как осмысление «серой зоны коллаборационизма» [Badrideen, 2018, с. 311], позволили описать художественную специфику романа. Так, С. Камю замечает одну из ключевых особенностей повествования: она состоит в том, что «ужас лагерей не поддаётся нарративизации, а процесс уничтожения остаётся на заднем плане» [Camus, 2024]. Однако комплексный анализ «Зоны интересов» с точки зрения рецептивной стратегии предпринимается впервые. Он позволит изучить поэтику романа, а именно его субъектную, объектную и композиционную организацию.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучению коммуникативного и рецептивного потенциала художественных текстов посвящён прагматический подход в литературоведении. Зародившийся в западной науке под влиянием лингвопрагматики, он провозгласил ориентацию на реципиента, фокус на изменение читательского сознания средствами литературы [Mey, 2011; Locher et al., 2021]. Российские учёные развивали идеи, связанные с рецептивными компетенциями читателя. Так, В. И. Тюпа выдвигает понятие «этос наррации» — «ценностно-смысловую позицию, которую субъект, воспринимающий историю, вынужден занять, оставаясь участником данного коммуникативного события рассказывания» [Тюпа, 2015, с. 16]. А. В. Корчинский отмечает, что нарратив произведения выступает как поле коммуникативного действия, ориентированного на активного субъекта [Корчинский, 2019]. Для

выявления читательских ожиданий и их трансформации исследователи анализируют произведения с точки зрения рецептивной стратегии — системы «внутритекстовых требований, нацеленных не просто на воздействие на читательское сознание, но на испытание традиционных «параметров» миропонимания читателя с целью формирования нового взгляда на предмет повествования» [Жиронкина, 2024, с. 48]. Именно рецептивная стратегия как совокупность приёмов, которые активизируют как творческие, так и мировоззренческие компетенции читателя, и будет центральным инструментом нашего исследования. Она позволяет выявить способы приобщения читателя к практике смыслотворчества и обозначить коммуникативные задачи новейших произведений о Холокосте.

В качестве материала исследования выступает роман М. Эмиса «Зона интересов» (2014), события которого сосредоточены вокруг деятельности нацистских чиновников, причастных к истреблению еврейского народа. Автор предлагает три точки зрения на происходящее в концлагере, каждая из которых принадлежит служащему лагерной системы. Данная субъектная организация примечательна не только самим фактом передачи слова палачу, но выстраиванием системы голосов, организующей так называемый «нормализующий» насилие дискурс и требующей от читателя противостоять ему.

Цель настоящей работы — описать рецептивную стратегию романа Эмиса и объяснить, каким образом она создаёт условия для этического и эмоционального вовлечения читателя. Анализ текста с точки зрения его рецептивной стратегии позволяет выявить авторские интенции, которые направляют сознание читателя, предлагают ему нетипичный опыт и подталкивают к мировоззренческим изменениям. Для исследования произведения используются нарративный анализ и методология повествовательной прагматики: именно в рамках данного подхода наиболее применим рассматриваемый инструментарий.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

События романа «Зона интересов» посвящены концлагерной жизни надзирателей и заключённых и излагаются с точки зрения служащего Ангелюса Томсена, коменданта Пауля Долля и члена зондеркоманды Шмюлека Захариаса. В фокусе каждого из нарраторов находятся преимущественно одинаковые события, объекты и персонажи. Истории нарраторов перекликаются, взаимно дополняя и опровергая друг друга, создавая условия для читательского самоопределения.

Для полного описания рецептивного потенциала романа мы рассмотрим три уровня его организации: композиционный, субъектный и объектный.

3.1. Композиция романа как компонент рецептивной стратегии

Роман «Зона интересов» состоит из семи частей, шесть из которых построены в форме чередующихся монологов трёх рассказчиков. В данной трёхчастной структуре первым говорит Томсен, его сменяет Долль. Замыкает каждую часть (кроме последней) рассказ еврея Шмуля.

Названия глав построены по одной модели: каждое наименование содержит имя рассказчика и ключевую тему его повествования. Так, в первой части произведения читателю представляют устройство концлагеря и роли каждого из героев-нарраторов. Первая глава имеет наименование «Томсен: Первый взгляд». Нарратор Ангелиус Томсен повествует о том, как он впервые увидел жену коменданта Ханну Долль, фрагментарно останавливается на устройстве лагеря, описывает служащих: Ильзу Грезе, Пауля Долля, своего друга Бориса, влюблённого в заключённую Эстер. Это обеспечивает поверхностное знакомство читателя с лагерной системой и её участниками. Во второй главе «Долль: Селекция» речь идёт об организации доставки заключённых в концлагерь и отправлении партии узников на смерть. Об этом рассказывает комендант и организатор — Пауль Долль. Глава «Шмуйль: Зондер» погружает читателя в обыденность Шмуля (Шмулека) Захариаса, вынужденного работать в зондеркоманде и отправляющего на смерть заключённых.

По аналогичному алгоритму построены остальные части и главы. Повторы повествовательных циклов создают ритм, в котором каждая новая тройка глав углубляет для читателя знания о происходящем в концлагере и показывает события под другим углом. Формула названий «Имя рассказчика + тема» также подчёркивает персонализацию дискурса. Читатель знает заранее, чья оптика будет представлена в тексте, а также ответ на какой вопрос он получит. К примеру, название главы «Шмуйль: День молчаливых мальчиков» подсказывает читателю, что герой-нарратор расскажет о событии, которое не даёт ему покоя всё время пребывания в лагере.

Последняя часть романа — «Послевкусие» — отступает от описанного алгоритма. Она также имеет трёхчастную структуру и содержит ключ к пониманию историй заключённых концлагеря, но каждая глава написана от лица Томсена. Они имеют следующие названия: «Эстер: Ушедшая в воспоминания», «Герда: Конец национал-социализма» и «Ханна: Зона интересов». Завершение романа историями женщин, каждая из которых была представительницей привилегированной или угнетаемой стороны, но пострадавшая от деятельности национал-социализма, подчеркивает разрушительность гитлеровской идеологии для всех, кто оказывается охваченным ею.

Циклическая композиция организует рецептивную стратегию романа, делая чтение непрерывным актом моральной работы. Вследствие сменя-

ющих друг друга рассказов читатель принужден постоянно осмыслять и переосмыслять события. В основе рецептивной стратегии романа стоит задача сделать читателя не просто свидетелем, но внутренним участником морального конфликта. С этой же целью автор выстраивает специфический нарратив романа, о нём — далее.

3.2. Субъектная организация как способ рецептивного воздействия

Характерной чертой романа является его полифоничность. Повествовательную структуру «Зоны интересов» организуют голоса трёх рассказчиков.

— Ангелюса Томсена, молодого служащего концлагеря Кат-Зет, влюблённого в жену коменданта.

— Пауля Долля, коменданта, организатора концлагерных работ, «селекции» и уничтожения узников.

— Шмулека Захариаса, еврея и члена зондеркоманды, пытающегося сохранить свои воспоминания о происходящем в лагере.

В фокусе каждого нарратора оказываются похожие события, персонажи и явления, но в силу разницы положений, характеров и взглядов рассказчиков их точки зрения различны, так же как и речевая организация каждого повествования.

Так, Ангелюс Томсен — сын состоятельных родителей и племянник Мартина Бормана. Немногочисленное количество обязанностей оставляет ему простор для социальной жизни, потому его повествование часто состоит из диалогов с Борисом, Ханной, другими героями, а также из отвлечённых размышлений. Во время волнующих событий его стиль речи отличается художественной выразительностью. Например, во время встречи с Ханной Долль он слышит отголоски оркестра, заглушающего крики узников: «Последнее слово еще слетало с кончика ее языка, когда мы услышали нечто, нечто принесенное ветром... Беспомощный, дрожащий аккорд, фуговое созвучие человеческого ужаса и смятения» [Эмис, 2016, с. 27]. Он уделяет значительное внимание внешности: своей и других персонажей, обращая внимание читателя на значимые детали. Так, описывая жену коменданта, он подчёркивает дуализм её облика: «Ханна Долль отвечала национальному идеалу молодой женщины — спокойной, деревенского обличия, созданной для деторождения и тяжелой работы <...> Сейчас ... я обнаружил в ней черты более южные, ... да и глаза у нее были непатриотичными...» [Там же, с. 21].

В ходе событий романа Томсен меняется, а вместе с ним — его речь. В повествовании героя-нарратора активно внедряется ирония. Так, рассказывая о выступлении Долля в годовщину Пивного путча, он совмещает собственное отношение к произошедшему и отрывки речи коменданта.

Томсен сообщает: «В тот день около девятнадцати сотен отборных пусто-мель и бездельников, психопатов и бандитов, озлобленных ополченцев <...> собрались внутри пивного зала» [Там же, с. 209]. Сразу после он передаёт монолог Долля: «— Они вышли на улицу, — продолжал витийствовать Долль, — серьёзные и весёлые, люди железной воли, но с лёгкостью на сердце...» [Там же, с. 209]. Контраст между их восприятием создаёт комический эффект, подталкивая читателя к обесцениванию как Долля, так и его авторитетов.

Погружённый в лагерную систему, он не испытывает сочувствия к заключенным, но критикует идеологию, когда возникает риск краха Германии. Речь Томсена становится более резкой от главы к главе: он начинает выражать свое восприятие решений и философии национал-социализма. Так, он высмеивает популярную у партийной верхушки теорию космического льда, а сотрудников Анненербе описывает следующим образом: «Физиономии у этих патентованных арийцев были ублюдочные, да и сами они казались выдуманными ублюдочным разумом — пучеглазые, с торчащими из обвислых ртов зубами» [Там же, с. 342].

Циничные монологи Томсена, раскрывающие функционирование лагерной системы изнутри, разоблачают национал-социализм. Сарказм и самоирония выступают средством защиты от вины и способом выразить разочарование в системе, в которую он был вовлечен. Только после обвинений в предательстве и опыта пребывания в лагере в качестве заключенного, а также участия в работе по выплате репараций из речи Томсена пропадает ирония. В последней части романа он рассказывает о судьбе сотрудников Кат-Зет и женщин, жизнь которых была связана с лагерем.

Следовательно, речь Томсена претерпевает постоянную деформацию: экспрессивную, цинико-ироническую, — преобразуясь в финале в сдержанный монолог. Речь нарратора размывает границы между нормой и преступлением, что передаёт право оценки событий читателю.

Совершенно иное речевое поведение демонстрирует герой-нарратор Пауль Долль. О своей работе он говорит сухим языком фактов и цифр. Как отмечает А. А. Марданов, в образе Долля «Эмис критикует несостоятельность рациональных парадигм мышления, доведённых до степени абсурда и приведших к катастрофическим событиям...» [Марданов, 2016, с. 79].

Речь коменданта насыщена эвфемизмами и бюрократическими клише («обработка», «материал», «загрузка»). Он точен в числах и подсчётах, даже в незначительных вещах: «Я проглотил 2 таблетки аспирина (650 мг; 20.43), а на ночь несомненно придется принять “фанодорм”» [Эмис, 2016, с. 34]. Долль подчёркнуто структурирует свою речь: «Кроме того, я вызвал а) старшую надзирательницу Грезе и ее взвод (Грезе восхитительно тверда

в обращении с норовистыми бабами) и б) наш нынешний “оркестр”» [Там же, с. 36]. Такая речевая особенность подчёркивает, что личностная деформация вследствие преступлений против человечества охватывает всё естество палача: от поступков и образа мышления до способов коммуникации.

Долль обращается к читателю, пытаясь нормализовать насилие. К примеру, говоря о процессе отбора заключённых для работ, он заключает: «Вот посмотрите. Этот 30-летний самец широк в груди, верно, но колченог. Эта дюжая девка, несомненно, пышет здоровьем, но она же беременна» [Там же, с. 38]. Нормализация преступления также достигается обесцениванием реакции жертв: «Для меня это зрелище не менее привычно, чем весенний дождь или осенняя листва, всего-навсего натуральные дневные отходы КЦЛ 1, перевозимые в КЦЛ 2. Но, разумеется, наши парижане визгливо завопили в голос» [Там же, с. 42].

Язык Долля не только сух, но и вульгаризован: он использует бранную лексику, описывает физиологические процессы — свои и своей жены. Так, он подчёркивает, что оркестр, который он позвал на селекцию: «не обычное дерьмо с банджо, аккордеонами и дудками, но септет 1-классных скрипачей из Инсбрука» [Там же, с. 36]. Надзиратель лишен чувства юмора, но доволен своими каламбурами. Так, говоря про Томсена, он коверкает известное выражение: «А некоторые — некоторые рождаются с серебряной... Да, вот это смешно. Я намеревался использовать расхожую фразу, однако моя голова родила намного лучшую» [Там же, с. 104].

Использование сухого и псевдотехнического языка, подмена прямых наименований эвфемизмами, а также погружение читателя в организационные процессы геноцида призваны производить на читателя эффект нормализации происходящего. Нарратив Долля создаёт моральную дистанцию между реальным преступлением и тем, как оно описывается, внушая читателю отчуждение. Однако присутствие других голосов подталкивает рецепиента противостоять данной дистанции: разоблачить, как язык может маскировать зло и нормализовать катастрофу, и интуитивно восстановить правду.

Повествование третьего рассказчика, Шмуля, занимает гораздо меньше объёма, чем предыдущих двух. Во многом это связано с тем, что, как становится известно из финального монолога героя-нарратора, он записывает свои воспоминания и прячет обрывки бумаги для будущих поколений. Член зондеркоманды, а поэтому тоже военный преступник, Шмюль акцентирует внимание не столько на ужасах выживания, сколько на своих внутренних ощущениях и необходимости сохранить память о произошедшем.

Свой монолог Шмюль начинает со сказки про короля и волшебное зеркало: «Это зеркало не показывало человеку его отражение. Оно показыва-

ло душу — показывало, кто он на самом деле. Чародей не мог взглянуть в него и не отвернуться. И король не мог. <...> Я нахожу, что концлагерь и есть такое зеркало. Такое же, но с одной разницей. От него не отвернешься» [Там же, с. 52]. Речь заключённого пронизана отчаянием и уверенностью в том, что мир соглашается с происходящим: «“Герой”, тот, конечно, совершил бы “побег” и обо всем “поведал миру”. Но у меня такое ощущение, что мир и сам все знает...» [Там же, с. 54]. Однако он твёрд в своём желании говорить о преступлениях.

Шмуль демонстрирует желание донести правду, а также нежелание других зондеркоммандо принимать её. Так, он рассказывает о сохранившихся свидетельствах казненного заключённого: «Чешский еврей из Брно, Йозеф ... записал свои показания, упрятал их в детскую галошку» [Там же, с. 110]. Откопав ее, узники сталкиваются с необходимостью читать записи не о вине немцев, о собственной: «А мальчик лет семи или восьми, — продолжал читать я, — встал и сказал так: “Почему вы, евреи, отводите таких милый детей в газовую камеру — только для того, чтобы жить?”» [Там же, с. 110]. Шмуль передаёт реакцию коллег: «— Хватит. Он врёт. — Лучше молчание, чем это. Хватит» [Там же, с. 111]. Однако сам герой-нарратор отказывается от молчания и повествует о своём участии в истреблении людей. В его монологах признания соседствуют с рассуждениями об этимологии слов («мученик»), фантастическими историями (сказка о короле) и свидетельствами об унижении узников и еврейской культуры: «Щебнем, использованным рабами для строительства ранзитного маршрута IV ... были дробленые остатки взорванных синагог» [Там же, с. 183]. Он изобличает уловки нацистов. Например, рассказывает про депортацию стариков и детей из лодзинского гетто: забрав людей, организаторы отвлекают внимание оставшихся, завозя голодающим картофель. Повествование еврея при этом фрагментарное, отрывистое и назидательное.

Речь Шмулека подвергается травматической деформации. Она представляет собой поток сознания, характеризуется фрагментарностью и ассоциативностью. Повторы, недоговорённости, сбивчивость, нарушение логики, телесные ощущения и флэшбеки — то, что организует его рассказ. Повествование становится свидетельством боли и распада личности. Читатель вовлекается в травматический опыт и принуждается следить за тем, как язык и возможность свидетельствовать в свою пользу становятся единственным способом выживания.

3.3. Объектная организация как фактор формирования рецептивной стратегии

Как было упомянуто выше, события романа происходят в концлагере, называемом *Зоной интересов*, и сосредоточены вокруг нескольких геро-

ев. В первую очередь, ими выступают сами нарраторы: Томсен, Долль и Шмуйль. Их личности раскрываются не только посредством самопрезентации, но и с позиции других героев.

Так, Томсен в свойственной ему манере описывает собственные внешность, характер, привычки, поведение. В частности, он подчёркивает свою физическую привлекательность: «Фламандский нос, надменная складка рта, соразмерный задиристый подбородок, прямые углы движущихся как на шарнирах челюстей, которые кажутся приклепанными под маленькими округлыми ушами. Плечи широкие и прямые, грудь как бетонная плита, тонкая талия...» [Там же, с. 18]. Томсен упоминает о своих многочисленных любовных похождениях, а также о том, что он «был романтиком, но изжил это свойство» [Там же, с. 26]. В свою очередь, Долль подчёркивает женоподобность героя и подозревает его в гомосексуализме: «Мне удалось собрать кое-какую дополнительную информацию о нашем сладеньком герре Томсене (несмотря на его репутацию, я все же думаю, что он “один из этих”» [Там же, с. 104].

Томсен подвергается влиянию других людей, солидаризируется с героями. В частности, он поддерживает взгляды и настроения своего друга Бориса, выполняет просьбы Ханны Долль, вовлекаясь в расследование истории её бывшего любовника Дитера Крюгера. Его настроения меняются созвучно социальной обстановке в Германии: расслабленный и довольный жизнью вначале, он критикует решения властей после поражения в Сталинграде. Но основные личностные изменения он претерпевает после заключения в лагере. После войны он трудится на благо жертв: «Моя внеурочная работа ... была связана с «возмещением ущерба», или со схемами репараций. <...> То было правосудие жертв» [Там же, с. 393]. Он также оставляет любовные похождения, останавливая свой выбор на Ханнне, которую разыскивает на протяжении нескольких лет.

Обратимся к следующему герою. Рассказывая о себе, Долль подчеркивает любовь к цифрам, порядку, свою мужественность и ответственность. Он считает свое управление в лагере совершенным, а привычку высокопарно выражаться — вдохновляющей: «Прошу простить, но я не понимаю значения слова “невозможно”, Прюфер. Его нет в лексиконе СС. Нам надлежит стоять выше объективных условий» [Там же, с. 89]. Томсен же отзывается о коменданте нелестно, называя его «старым пропойцей» и «пустым местом» [Там же, с. 126]. Своё мнение о Долле составляет и Шмуйль: «На мой взгляд, он по-прежнему совершенно безумен» [Там же, с. 269].

Несмотря на кажущуюся одномерность образа Долля, герой изредка демонстрирует проблески самосознания: «Здесь, в Кат-Зет, в крематориях: они мертвы. Но ведь и мы мертвы, мы — те, кто повинуются» [Там же,

с. 299]. Вспоминая об отношениях своей супруги с Крюгером, он вставал на ее сторону: «И каждый мог сказать, что дружище Крюгер ведет себя со своей девочкой-подопечной как свинья» [Там же, с. 243]. Примечательно, что Долль проявляет слабость в отношениях с супругой: он подчиняется ее воле и не отдаст ее под суд за нелестные слова в адрес властей Германии.

Хотя развитие героя не эксплицировано в повествовании, подобные упоминания наталкивают читателя на мысль о том, что Долль — продукт той системы, в которой существует. Неслучайно его речь становится подчеркнуто бюрократической, неестественной для человека, а об идеологах национал-социализма он говорит «лозунгами». Это также акцентирует идею о внушаемости героя и деформации его личности.

В свою очередь, проблематика образа Шмуля связана с родом его деятельности. Член зондеркоманды, вынужденный работать на палачей и отправлять на смерть своих сограждан, он теряет себя. История еврея, оказавшегося политическим заключенным и нежелательным элементом, излагается кратко в диалоге с Доллем: «— Нежелательным? Мелкий занудный школьный учитель вроде тебя? <...> — Я украл дрова, господин. Чтобы купить немного репы» [Там же, с. 171]. Томсен считает Шмуля заурядным лагерным служащим, спасающим себя: «Их стимулами будут полный желудок и ночной покой» [Там же, с. 126]. Похожее представление о еврее составляет Долль: «А что же о Шмуле, о зондерах? <...> Знаете, я никогда не переставал дивиться бездне нравственного убожества, в которую всегда готовы упасть некоторые человеческие существа... Зондеры, они исполняют свою страшную работу с наитупейшим равнодушием» [Там же, с. 97]. Тем не менее он выделяет Шмуля, говоря о том, что у него «рот убийцы»: «Твои губы. Они всегда напряжены и поджаты. <...> Ты намерен убить кого-то, не так ли, зондер? Хочешь убить меня?» [Там же, с. 172]. Примечательная деталь — глаза Шмуля, о которых упоминает Долль: «У него, почитай, и глаз-то нет, они умерли, упокоились, потухли» [Там же, с. 172].

Центральной историей еврея, которая привела к смерти его души, становится «День молчаливых мальчиков». Во время масштабного геноцида к зондеркоманде заставили присоединиться сотню подростков, которые, закончив убирать тела, были убиты сами. Шмюль сообщает: «Ты это мог слышать. Однако мальчики, всеми правдами и неправдами старавшиеся оказаться следующей жертвой, не издавали ни звука» [Там же, с. 272]. Эта история значима для заключенного по той причине, что среди молчаливых мальчиков были оба его сына: они попали в концлагерь из-за ошибки Шмуля, который ожидал найти хорошую работу в Германии и взял сыновей с собой.

Шмюль собственноручно убивает попавшего в концлагерь друга его сына, Витольда. Успокаивая подростка, он лишает его жизни быстро, убе-

регая от отравления Циклоном Б: «Прошло примерно двадцать секунд, и его не стало. Зато стало меньше того, с чем мне придется проститься» [Там же, с. 324]. Попытки успокоить соотечественников путём обмана перед казнью, обеспечение быстрой смерти ничего не подозревающему подростку становятся для Шмуля способом искупить вину перед своим народом.

Шмульт становится жертвой не только режима, но и коменданта. Долль шантажирует героя, обещая лишить жизни его супругу и самого Шмуля. Он требует от пленного убить Ханну, но вместо удара ножом Шмульт открывает женщине правду, из-за чего принимает смерть от Долля. Следовательно, претерпевая травматическую деформацию, Шмульт остаётся стойким и сохраняет жизнь невиновной немки, жертвуя своей. Это опровергает тезис о беспринципности членов зондеркоманды, желании спастись любой ценой.

Таким образом, характерологическую функцию выполняют не только описываемые детали внешности и характера персонажей, но и то, каким образом они отзываются о других. Так, видя в Шмуле убийцу и пытаясь склонить его к преступлению, Долль боится возмездия от угнетаемого им народа. Стремясь убедить себя и читателя в гомосексуализме Томсена, он опасается того, что у последнего может быть роман с Ханной. Проницательность Томсена дает сбой в отношении Шмуля: немецкий служащий слабо представляет себе мотивы угнетаемой стороны. Тем не менее свое повествование в последней части романа Томсен начинает с доклада о судьбе зондера: «Жизнь Шмудека Захариаса оборвалась в шесть сорок пять 30 апреля 1943 года — через час после моего ареста» [Там же, с. 365]. Упоминая о еврее, он признает значимость его существования и вписывает его в историю жертв. Кроме того, после пребывания в лагере он начинает обращать внимание не только на внешность, но и на внутренние качества женщин, а также работает юристом по вопросам репараций. Шмульт же, потерявший собственную личность, становится свидетелем: голосом всех заключенных, которые, к слову, лишены в романе Эмиса субъектности.

Помимо трех героев-нарраторов, объектами романа являются другие лица, в частности, женщины: Ильза Грезе, служанка Гумилия, вдова Алиса Зайссер, Ханна Долль, Герда Борман, Эстер Кубис. Остановимся на нескольких из них.

Один из примеров женщины в системе — Герда Борман, родившая 8 детей и объясняющая свой подход к материнству нуждами Германии. В лице Герды Томсен показывает невежественную и наивную женщину, которая стала жертвой идеологии: она умирает от рака матки, лишается жизни и ее младший ребенок. На смертном одре Герда остается верной своим предрассудкам. Обсуждая с Томсеном кражу его картин, она заяв-

ляет: «— Ну, сам понимаешь, стоит евреям унюхать что-нибудь вроде... Почему ты улыбаешься?». Затем героиня игнорирует слова племянника о том, что в краже виновны арийцы.

Стоит заметить, что женские персонажи становятся воплощением неповиновения выстроенному миру: от Норберты Уль, которая сомневается в оправданности антиеврейских мер, до Ханны Долль, откровенно хамящей своему мужу и провоцирующей его психическую нестабильность.

Ханна открыто в присутствии мужа желает поражения Германии, оскорбляет Гитлера и самого Долля: «Интересно, как этот жалкий мелкий ... покончит с собой? Полагаю, он уже разжился какой-нибудь гнусной пилюлей — припрятал на черный день. Тебе тоже одну дали?» [Там же, с. 355]. Она радуется тому, что Германия терпит поражение в войне: «Ты будешь мертвым, а я свободной» [Там же, с. 267]. Все это она делает с целью свести Долля с ума, чем и делится с Томсеном. Подозревающему в неверности жену Доллю Ханна открыто говорит о том, зачем она видится с его подчиненным, и вспоминает о своих отношениях с коммунистом Крюгером, убитым не без участия Долля.

Томсен признаёт силу Ханны: «Вы, вы всегда были жертвой вашего мужа, но никогда не были *жертвой*» [Там же, с. 400]. Он разыскивает ее спустя годы и стремится присутствовать в ее жизни. Однако Ханна, борясь со своей травмой, отказывает Доллю: она желает вычеркнуть из жизни все, что было связано с концлагерем.

Ещё одной фигурой сопротивления становится заключённая еврейка Эстер. Одним из актов ее неповиновения становится написание письма, которое ей надиктовывает Борис. Последний сообщает: «Вся та чушь о хорошей еде, чистоте и ваннах. Она не написала о них ни слова. <...> Она написала, что мы — свора лживых убийц! Да еще и уточнила. Орава вороватых крыс, ведьм и козлов» [Там же, с. 84]. Однако главным проявлением воли заключённой становится представление, которое она устраивает на сцене во время лагерной постановки «Коппелии»: «Эстер ковыляет по сцене: истинное чудо несоординированных движений ... похоже, каждая её конечность ненавидит все остальные. <...> Скрипки настаивают на чём-то, уговаривают её, однако она, замерев ненадолго, продолжает куражиться» [Там же, с. 230].

В последней части Томсен сообщает, что судьба Эстер ему неизвестна. Раскрывая финальный эпизод о пребывании Эстер в Блоке концлагеря, Томсен рассказывает о ее мечтательности и о шутиливой борьбе с помощницей Грезе Хедвиг. Тем самым он сохраняет надежду читателя на спасение заключенной, несмотря на то что в финале главы ее уводят надзирательницы, а само содержание монолога Томсена по большей части посвящено умершим: Шмулю, Борису, Доллю, Борману, Грезе и другим.

Итак, объектная организация романа предлагает целую галерею разных героев и особенности их моральной деформации. Автор изображает меняющихся персонажей, часть которых остается несломленной или адаптируется к жизни после концлагеря. Рецептивная стратегия состоит в приглашении читателя к рассуждению об условиях развития личностной деформации, а также о возможностях человека противостоять ей.

4. Заключение = Conclusions

Художественные решения романа «Зона интересов» создают условия для вступления читателя в сложную этическую игру. Повествование приглашает реципиента погрузиться в сознание антагонистов, одновременно сохраняя критическое дистанцирование. Чтобы добиться подобного эффекта, автор романа выстраивает рецептивную стратегию, в основе которой находится специфическая композиционная, субъектная и объектная организации.

Композиция романа подготавливает читателя к определенной точке зрения, делая восприятие более предсказуемым. Разделение нарративных инстанций вызывает острое этическое напряжение. Субъектная организация, через множественные голоса и речевое разнообразие, создает морально неоднозначную картину. Немногочисленные воспоминания жертвы при этом теряются в бюрократическом и ироническом дискурсе преступников. Эмоциональная пустота текста оказывается более мощным агрессором, чем монолог жертвы или нациста.

Объектная организация, в свою очередь, подчеркивает потерю субъектности жертв и вызывает у читателя этическое беспокойство. Жертвами выступают не только евреи: автор романа показывает, как легко размываются границы между угнетателем и угнетаемым (через введение в повествование члена зондеркоманды и Ханны Долль, изводящей коменданта концлагеря). Объектная структура делает акцент на дегуманизирующем аспекте нацизма и заставляет читателя реконструировать судьбы молчащих, а также задаваться вопросом о том, кого можно считать жертвой, а кого — преступником. Как следствие, рецептивная стратегия, выстроенная на разных уровнях организации текста, подталкивает читателя к размышлениям о личностной деформации и дегуманизации, а также о противостоянии им.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Эмис М. Зона интересов : Мартин Эмис / М. Эмис. — Москва : Фантом Пресс, 2016. — 416 с. — ISBN 978-5-86471-724-0.

Литература

1. *Богданова О. В.* Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX—XXI вв. : случай Л. Улицкой / О. В. Богданова, Н. В. Ковтун // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2014. — № 1. — С. 14—25.
2. *Жиронкина Е. С.* Рецептивная стратегия как элемент поэтики (на материале романа Дж. Литтелла «Благовоительницы») : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.3 / Е. С. Жиронкина. — Казань, 2024. — 181 с.
3. *Корчинский А. В.* О прагматике нарратива. Поэтика и прагматика нарративных практик / А. В. Корчинский ; под общ. ред. В. И. Тюпы. — Екатеринбург : ИНТМЕДИА, 2019. — С. 7—13. — ISBN 978-5-6040560-4-2.
4. *Марданов А. А.* Разрушительный потенциал нарастающей энтропии в творчестве Мартина Эмиса / А. А. Марданов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. — 2014. — № 10. — С. 22—26.
5. *Марданов А. А.* Изображение несостоятельности рациональных идеологических построений в романах М. Эмиса «Стрела времени» и «Зона интересов» / А. А. Марданов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. — 2016. — № 10. — С. 78—83.
6. *Тюпа В. И.* Этос нарративной интриги / В. И. Тюпа // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2015. — № 2. — С. 9—19.
7. *Хирш М.* Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хирш. — Москва : Новое издательство, 2021. — 428 с. — ISBN 978-5 98379-251-7.
8. *Шуников В. Л.* Коммуникативные стратегии «я»-нарратива (на материале произведений современной русской литературы) / В. Л. Шуников // Новый филологический вестник. — 2007. — № 1. — С. 34—42.
9. *Aarons V.* Third-Generation Holocaust Representation : Trauma, History, and Memory / V. Aarons, A. L. Berger. — Evanston, IL : Northwestern University Press, 2017. — 263 p. — ISBN 978-0810134096.
10. *Badrideen A.* The Banality of Good And Evil in The Zone of Interest / A. Badrideen // English : Journal of the English Association. — 2017. — Vol. 66. — Issue 255. — Pp. 311—327. — DOI: 10.1093/english/efx042/.
11. *Camus S.* “But will I write disgustingly?” The Shock of Transmission in Martin Amis’s The Zone of Interest / S. Camus // Études britanniques contemporaines. Revue de la Société d’études anglaises contemporaines. — 2024. — № 66. — Pp. 123—139. — DOI: 10.4000/11r4o.
12. *Duffy H.* The crisis of humanism, the Holocaust and “The Jewish Dog” as a de/re-humanising figure in French literature / H. Duffy // The Routledge Companion to Literatures and Crisis. — New York ; London : Routledge, 2024. — Pp. 244—255.
13. *Locher M. A.* The Pragmatics of Fiction : Literature, Stage and Screen Discourse / M. A. Locher, A. H. Jucker. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021. — 290 p. — ISBN 978-1474447942.
14. *Mey J.* Pragmatic and Literature / J. Mey // Foundations of Pragmatics. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. — Pp. 511—536.
15. *Seraf L.* Narrative perspective in two contemporary perpetrator novels : Jonathan Littell’s The Kindly Ones (2010) and Martin Amis’ The Zone of Interest / L. Seraf. — Spain : Universitat Autònoma de Barcelona, 2015. — 75 p.
16. *Siertsema V.* The Tension between Fact and Fiction in Holocaust Literature / V. Siertsema // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. — 2022. — № 8. — Pp. 83—99.

17. Thorsten W. Holocaust Narratives Trauma, Memory and Identity Across Generations / W. Thorsten. — New York ; London : Routledge, 2020. — 218 p. — ISBN 9780367540883.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 09.10.2025,
подготовлена к публикации 19.10.2025.

Material resources

Amis, M. (2016). *The zone of interest: Martin Amis*. Moscow: Phantom Press. 416 p. ISBN 978-5-86471-724-0. (In Russ.).

References

- Aarons, V., Berger, A. L. (2017). *Third-Generation Holocaust Representation: Trauma, History, and Memory*. Evanston, IL: Northwestern University Press. 263 p. ISBN 978-0810134096.
- Badrideen, A. (2017). The Banality of Good And Evil in The Zone of Interest. *English: Journal of the English Association*, 66 (255): 311—327. DOI: 10.1093/english/efx042/.
- Bogdanova, O. V., Kovtun, N. V. (2014). Communication strategies in the “middle literature” of the turn of the XX—XXI centuries: the case of L. Ulitskaya. *Bulletin of Saint Petersburg-St. Petersburg University. Language and literature*, 1: 14—25. (In Russ.).
- Camus, S. (2024). “But will I write disgustingly?” The Shock of Transmission in Martin Amis’s *The Zone of Interest*. *Études britanniques contemporaines. Revue de la Société d’études anglaises contemporaines*, 66: 123—139. DOI: 10.4000/11r4o.
- Duffy, H. (2024). The crisis of humanism, the Holocaust and “The Jewish Dog” as a de/re-humanising figure in French literature. In: *The Routledge Companion to Literatures and Crisis*. New York; London: Routledge. 244—255.
- Hirsch, M. (2021). *Generation of post-memory. Writing and visual culture after the Holocaust*. Moscow: New Publishing House. 428 p. ISBN 978-5 98379-251-7. (In Russ.).
- Korchinsky, A. V. (2019). *On the pragmatics of narrative. Poetics and pragmatics of narrative practices*. Yekaterinburg: INTMEDIA. 7—13. ISBN 978-5-6040560-4-2. (In Russ.).
- Locher, M. A., Jucker, A. H. (2021). *The Pragmatics of Fiction: Literature, Stage and Screen Discourse*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 290 p. ISBN 978-1474447942.
- Mardanov, A. A. (2014). The destructive potential of increasing entropy in the work of Martin Amis. *Bulletin of the Polotsk State University. Series A. Humanities*, 10: 22—26. (In Russ.).
- Mardanov, A. A. (2016). The image of the inconsistency of rational ideological constructions in the novels of M. Amis “Arrow of Time” and “Zone of interests”. *Bulletin of the Polotsk State University. Series A*, 10: 78—83. (In Russ.).
- Mey, J. (2011). Pragmatic and Literature. In: *Foundations of Pragmatics*. Berlin: Mouton de Gruyter. 511—536.
- Seraf, L. (2015). *Narrative perspective in two contemporary perpetrator novels: Jonathan Littell’s The Kindly Ones (2010) and Martin Amis’ The Zone of Interest*. Spain: Universitat Autònoma de Barcelona. 75 p.
- Shunikov, V. L. (2007). Communicative strategies of the “I” narrative (based on the works of modern Russian literature). *New Philological Bulletin*, 1: 34—42. (In Russ.).

- Siertsema, V. (2022). The Tension between Fact and Fiction in Holocaust Literature. *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society*, 8: 83—99.
- Thorsten, W. (2020). *Holocaust Narratives Trauma, Memory and Identity Across Generations*. New York; London: Routledge. 218 p. ISBN 9780367540883.
- Tyupa, V. I. (2015). The ethos of narrative intrigue. *Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 2: 9—19. (In Russ.).
- Zhironkina, E. S. (2024). *Receptive strategy as an element of poetics (based on the novel by J. Littell's "The Kindly Ones")*. PhD Diss. Kazan. 181 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 09.10.2025;
accepted for publication 19.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Киселева И. А. Аутентичная интонация стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840) как ключ к пониманию авторского замысла / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 296—316. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-296-316.

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2025). Authentic Intonation of Lermontov's Poem "Journalist, Reader, and Writer" (1840) as a Key to Understanding Author's Intent. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 296-316. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-296-316. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Аутентичная интонация стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840) как ключ к пониманию авторского замысла

Киселева Ирина Александровна

orcid.org/0000-0001-3790-6183

доктор филологических наук,
профессор, кафедра
русской и зарубежной литературы,
корреспондирующий автор
79099227849@yandex.ru

Поташова Ксения Алексеевна

orcid.org/0000-0001-3790-6183

кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской и
зарубежной литературы
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 24-28-00207,
<https://rscf.ru/project/24-28-00207/>

Authentic Intonation of Lermontov's Poem "Journalist, Reader, and Writer" (1840) as a Key to Understanding Author's Intent

Irina A. Kiseleva

orcid.org/0000-0001-3790-6183

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature,
corresponding author
79099227849@yandex.ru

Ksenia A. Potashova

orcid.org/0000-0001-3790-6183

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 24-28-00207,
<https://rscf.ru/project/24-28-00207/>

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено изучение многочисленных пунктуационных мен, допущенных при публикации стихотворения «Журналист, читатель и писатель», начиная с первого издания и заканчивая современными научными собраниями сочинений. Рассматриваются вопросы нарушения редакторами авторской пунктуационной графики. Источниками выступили беловой автограф Лермонтова, два прижизненных издания стихотворения в журнале «Отечественные записки» и сборнике «Стихотворения Лермонтова» за 1840 год, издание сочинений Лермонтова под редакцией А. А. Краевского, П. А. Ефремова, Д. И. Абрамовича, а также научные издания XX—XXI веков. Представлены результаты сопоставительного анализа беловика, первой и последующих публикаций стихотворения. Уделяется внимание выявлению обработок и искажений авторской пунктуации, устранение которых важно для публикации стихотворения в дальнейшем. Отмечается, что в существующих изданиях нарушен интонационный рисунок стихотворения. Подчеркивается необходимость реконструкции дефинитивного текста в соответствии с авторской волей. Авторы утверждают, что при издании стихотворения «Журналист, Читатель и Писатель» следует опираться на автограф, который отражает авторскую волю. Установлено, что при расстановке пунктуации нужно руководствоваться не только формальными признаками, но и анализом каждого контекста, понимая расставленные Лермонтовым знаки препинания как интонационно-смысловую систему.

Ключевые слова:

Лермонтов; стихотворение *Журналист, читатель и писатель*; дефинитивный текст; конъектура; автограф; авторская пунктуация; интонационный рисунок.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the numerous punctuation variations introduced in the publication history of Mikhail Lermontov's poem "The Journalist, the Reader, and the Writer," from its first edition to contemporary scholarly collections. The paper addresses the issue of editorial interventions that have disrupted the author's original punctuation system. The primary sources for this analysis include Lermontov's final manuscript (clean copy), two lifetime publications of the poem (in the journal *Otechestvennye Zapiski* [Notes of the Fatherland] and the 1840 collection *Stikhotvoreniia Lermontova* [Poems by Lermontov]), as well as editions of Lermontov's works edited by A. A. Kraevsky, P. A. Efremov, and D. I. Abramovich, alongside scholarly editions from the 20th and 21st centuries. We present the results of a comparative analysis of the manuscript against the first and subsequent printed editions. Particular attention is paid to identifying editorial alterations and distortions of the author's punctuation, the elimination of which is crucial for any future publication of the poem. It is argued that existing editions have compromised the poem's intonational structure. The study emphasizes the necessity of reconstructing a definitive text that aligns with the author's intent. The authors contend that the final manuscript, which most accurately reflects the author's will, should serve as the principal source for publishing "The Journalist, the Reader, and the Writer." Our findings suggest that the placement of punctuation should be guided not only by formal rules but also by a contextual analysis of each case, treating Lermontov's punctuation marks as an integrated intonational and semantic system.

Key words:

Mikhail Lermontov; poem *The Journalist, the Reader, and the Writer*; definitive text; textual emendation; authorial manuscript; authorial punctuation; intonational pattern.

Аутентичная интонация стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840) как ключ к пониманию авторского замысла

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2025

1. Введение = Introduction

Стихотворение «Журналист, читатель и писатель», которое Б. М. Эйхенбаум определил как «очень важное произведение Лермонтова», но смысл которого «остается темным» [Эйхенбаум, 1941, с. 3], по-прежнему вызывает исследовательский интерес, что объясняется несколькими причинами: и художественным диалогом Лермонтова с европейской и русской поэзией, выразившимся в обращении к сложившейся литературной традиции разговора о предназначении поэта, и специфической нравственно-философской проблематикой, акцентирующей непонятость и одиночество творческой личности, раскрытием людской глухоты через форму разговора. Обращение к автографу стихотворения и его публикациям намечает и текстологическую проблему, связанную с печатью текста в редакторской правке сразу с первого его издания. Издательские решения, связанные с редакторской обработкой, искажением авторской пунктуации, обуславливают необходимость обращения к автографу и внимательного уточнения пунктуационных нюансов, передача которых важна при публикации стихотворения в дальнейшем. Актуальность исследования связана с уточнением закономерностей художественного мышления Лермонтова и постановкой вопроса необходимости снятия редакторских правок, искажающих интонационный рисунок стихотворения, что непосредственно влияет на понимание ценностных акцентов произведения. Реконструкция творческой истории и смысловой наполненности стихотворения «Журналист, читатель и писатель» путем анализа автографа Лермонтова, обнаружение тенденции искажения авторской орфографии и пунктуации, прояснение текстологических принципов публикаций лермонтовских стихотворений обеспечивают новизну настоящего исследования.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования стал автограф стихотворения «Журналист, читатель и писатель», сделанный на отдельных листах, вложенных в тетрадь, и содержащий единичную правку [Лермонтов, 1840а]; две прижизненные публикации стихотворения — в журнале «Отечественные записки» [Лермонтов, 1840б] и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» [Лермонтов, 1840в]; публикации в дореволюционных собраниях под редакцией А. А. Краевского [Лермонтов, 1842—1844], П. А. Ефремова [Лермонтов, 1880], Д. И. Абрамовича [Лермонтов, 1910—1913], в советских академических изданиях Б. М. Эйхенбаума [Лермонтов, 1935—1937], Н. Ф. Бельчикова [Лермонтов, 1954—1957], В. А. Мануйлова [Лермонтов, 1979—1981], а также современное издание под редакцией И. С. Чистовой [Лермонтов, 2014]. При реконструкции смысловой наполненности стихотворения посредством понимания зафиксированной в рукописи аутентичной интонации востребованными оказываются источниковедческий метод и метод текстологической критики, а также логико-смысловой и сравнительный анализ произведения.

Первые оценки «Журналиста, читателя и писателя» последовали сразу же после выхода сборника «Стихотворения М. Лермонтова». В откликах на произведения из сборника намечен пласт проблем, связанных с пониманием стихотворения «Журналист, читатель и писатель»: во-первых, пушкинская традиция, акцентированная С. П. Шевыревым («Форма разговора писателя с журналистом и читателем снята с известного подобного произведения Пушкина» [Шевырев, 2013, с. 154]) и В. Г. Белинским («...напоминает и идеею, и формою, и художественным достоинством “Разговор книгопродавца с поэтом” Пушкина» [Белинский, 1953—1959, т. IV, с. 530]); во-вторых, авторская позиция в произведении и отождествление самого Лермонтова с одним из говорящих, в частности с Писателем, что отмечалось С. О. Бурачком («...эстетики журнальные решительно сбили с толку поэтов своими газовыми теориями» [Бурачок, 2013, с. 117]) и Белинским («Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блестит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною» [Белинский, 1953—1959, т. IV, с. 530]); в-третьих, стилевое своеобразие стихотворения, его «разговорный язык», «резкость суждений», на что также обратил внимание Белинский [Белинский, 1953—1959, т. IV, с. 530]. Эти три аспекта развиты в суждениях о стихотворении в литературоведческих трудах, при этом все суждения носят скорее фрагментарный характер и включены в исследования, посвященные более крупным проблемам. Рассматривая пушкинское влияние на творчество Лермонтова, С. В. Шувалов отмечает «одну тему, общую идею о свобо-

де творчества, некоторые сходные выражения» [Шувалов, 1914, с. 296]; Д. Д. Благой говорит не только о прямой связи «Журналиста, читателя и писателя» «с определенной вещью Пушкина», но и о достигнутой в нем «пушкинской атмосфере вообще» [Благой, 1941, с. 117]; Б. В. Нейман более точен в своих наблюдениях, им отмечена не только схожесть, но и несомненное развитие Лермонтовым «Разговора книгопродавца с поэтом»: «Лермонтов порою сознательно продолжает стихотворения Пушкина, причем этими продолжениями как бы возражает ему. Самый процесс творчества различен у обоих поэтов» [Нейман, 1941, с. 457].

Отдельные наблюдения литературоведов посвящены образу Писателя, включению «Журналиста, читателя и писателя» в круг произведений, претворяющих тему предназначения поэзии. Однако в нравственно-психологическом аспекте решение этой темы единично, как, например, Г. Л. Абрамович справедливо отмечает в стихотворении острое звучание «трагедийной темы», связанной с одиночеством и «отрицанием господствовавших в тогдашнем мире человеческих отношений» [Абрамович, 1964, с. 43], тогда как многие исследователи социологизируют образ Писателя, усматривают в нем «поэта-обличителя» [Гинзбург, 1940, с. 79], а в самом стихотворении улавливают «напряженное гражданское звучание», развитое в дальнейшем Н. А. Некрасовым [Федоров, 1967, с. 128]. Аналогичные упрощенные оценки получает и «обличающий подобных служителей музыки» [Усок, 1964, с. 215] Журналист, за которым «узнаваем образ Н. А. Полевого», излишне резко охарактеризованный Н. И. Мордовченко как критик, «писавший за деньги и сблизившийся с деятелями продажной журналистики» [Мордовченко, 1941, с. 75].

В ряду резких суждений следует выделить исследователей, говорящих о сложности и многогранности лермонтовского шедевра, ставшего не только развитием пушкинской традиции и выражением гражданской идеи, но, как отмечает В. М. Фишер, «поэзией мысли, мысли страстной, переходящей в эмоцию, и потому поэтичной» [Фишер, 1914, с. 224]. Беглые, но вместе с тем ценные суждения высказаны и Д. Е. Максимовым, частично продолжившим В. М. Фишера в оценке «взволнованных рассуждений и темпераментной логики» лирических монологов стихотворения [Максимов, 1964, с. 34], их «“языка простого”», в котором сам Лермонтов видел одно из качеств подлинной поэзии» [Максимов, 1964, с. 105], а также уловившим трагический творческий кризис, связанный с невозможностью «современным поэтом в современных условиях подняться до идеала» и «измельчанием» самого поэта, который, «разобщен с народом и с теми, кого Лермонтов называет толпой, — смешанным, разноликим окружением поэта» [Максимов, 1964, с. 93]. В нравственно-философском аспекте рассмотрел стихотворение

и Б. М. Эйхенбаум, связавший его с «проблемой человеческого поведения, проблемой гордости и убеждений, проблемой “веры гордой в людей и жизнь иную”» и предположивший, что Лермонтов «выступает под псевдонимом “читателя” именно потому, что не считает и не хочет считать себя профессиональным литератором», в чем проявилась присущая его поэзии «ирония трагического характера» [Эйхенбаум, 1941, с. 45].

Разысканий текстологического характера в отношении «Журналиста, читателя и писателя» не проводилось. При публикации стихотворения в собраниях сочинений поэта фиксировалось наличие белого автографа, сообщалось о времени первой публикации, по списку В. А. Соллогуба приводилась датировка. О более основательной текстологической работе над стихотворением свидетельствует его публикация в полном собрании сочинений под редакцией Б. М. Эйхенбаума [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 70—75]. В этом издании публикация в наибольшей степени приближена к автографу Лермонтова. Остальные публикации стихотворения демонстрируют значительные искажения авторской пунктуации, вызванные стремлением адаптировать расстановку знаков препинания под представления издателей, что нередко меняет расстановку смысловых акцентов.

Обобщая приведенные наблюдения исследователей над стихотворением «Журналист, читатель и писатель», стоит заметить, что открытым остается вопрос публикации стихотворения с соблюдением авторской пунктуации, необходимы проведение всестороннего анализа автографа Лермонтова, текстологическая критика сложившейся традиции публикации стихотворения и аргументирование возможных исправлений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Реконструкция аутентичных речевых стратегий Журналиста как путь понимания его ценностной позиции

Традиционно в монологе Журналиста отмечают «тривиально-прагматическую форму» [Вацуро, 1981, с. 170], что, вероятно, было вызвано наложением на него штампа восприятия «торгового направления» и образа Книгопродавца из стихотворения А. С. Пушкина «Разговор Книгопродавца с поэтом» (1824). Однолинейность восприятия Журналиста во многом могла быть обусловлена и тем, что его речевые стратегии при издании стихотворения оказывались отчасти искажены за счет вольной, относительно авторской, расстановки пунктуационных знаков издателями, над которыми также могло тяготеть субъективное восприятие образа.

Стихотворение открывается обращенной к Писателю речью Журналиста. Его монолог задает основную обсуждаемую коллизию и представляет собой характерный для Лермонтова «бытийственный парадокс» [Киселева

и др., 2020, с. 128], который оформляется уже в первом предложении: «Я очень рад что вы больны.» [Лермонтов, 1840а, л. 11]. Во всех изданиях этот первый стих содержит две пунктуационные мены: запятую перед союзом «что» при ее отсутствии в рукописи и двоеточие на месте точки. Отсутствие запятой у Лермонтова способствует порывистости речи, что соответствует и движению Журналиста, который «входит» (что указано в преамбуле), тогда как остальные участники уже находятся в комнате и статичны («сидить вь больших креслах», «стоять спиной къ камину» [Лермонтов, 1840а, л. 11]). Если постановку запятой при издании стихотворения в данном случае можно объяснить естественной конъектурой, то отказ от точки изменяет авторскую логику. Точка в конце стиха являет собой некую данность, констатацию, тезис. Издатели, ставя здесь двоеточие, вероятно, полагают, что 2, 3, 4 стихи поясняют этот тезис. Но в таком случае аргументирующие положения должны отделяться друг от друга запятыми, Лермонтов же эти положения — о разрушающей душу поэта повседневной суетности («вь заботахъ жизни, вь шуме света» [Лермонтов, 1840а, л. 11]), неблагоприятном воздействии пустоты света на творчество («когда ему вь пылу забавъ // обдумать зрѣлое творенье» [Там же, л. 11]), природе посланных недугов («какая благодать» [Там же, л. 11]), обретении вдохновения («раздастся сладостная пѣснь» [Там же, л. 11]) — выстраивает как самостоятельные предложения с концевыми знаками после 4, 9, 13, 15, 17, 19 стихов. Намеренное расчленение связанного текста (парцелляция) размывает границы предложений, создавая иллюзию живого разговора. Частичное следование издателей в передаче этой коммуникативной ситуации несколько нарушает логику и эмоциональный фон строфы, в которой каждое суждение оказывается новым аргументом, доказывающим божественную природу вдохновения, обретаемого через страдания и недуги, что и заявлено в 1 и 4 стихах.

Декламируемая в первом стихе радость от страдания Другого («я очень рад что вы больны») лишь на первый взгляд кажется проявлением циничности и бездушия. Журналист у Лермонтова, в отличие от пушкинского Книгопродавца («Итак, решите; жду я слова: // Назначьте сами цену ей» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 324]), не учит Писателя приспосабливаться к движению времени, он лишь ждет от него «зрел<ого> творень<я>» [Лермонтов, 1840а, л. 11]. У Пушкина монолог Книгопродавца исполнен иронии, маркерами которой выступают и специфические эмоционально-экспрессивные слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами («Стишки для вас одна забава»; «Стишки любимца муз и граций»; «Листочки ваши обратим» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 324]), и утрированный прощодический рисунок («Уж разгласить успела слава // Везде приятнейшую

весь: // Поэма, говорят, готова, // Плод новый умственных затей. // Итак, решите; жду я слова: // Назначьте сами цену ей» [Там же, с. 324]), создающие речевой портрет Книгопродавца. У Лермонтова Журналист никак не демонстрирует своего превосходства над Писателем. Первый стих в его монологе следует рассматривать как квант информации, все последующие стихи — это его последовательное доказательство. Отсюда и иная в сравнении с пушкинским Книгопродавцем интонация: стихи со 2 по 13 строятся на перечислительной модели «рассказа по порядку» [Янко, 2008, с. 6] с интонированием возможных обстоятельств, выпадающих на долю поэта и разрушающих его (*заботы жизни, шум света, общие мнения*), а затем иного рода испытаний, оказывающихся импульсом для вдохновенного творчества (*изгнание, заточенье, болезнь*). Упорядоченное логическое перечисление при публикации нарушается внесением дополнительного многоточия к искомому вопросительному знаку в 9 стихе: у Лермонтова это риторический вопрос, предполагающий эмоциональный отклик у слушающих («Когда ему въ пылу забавь // Обдумать зрѣлое творенье?» [Лермонтов, 1840а, л. 11]), тогда как во всех изданиях, за исключением издания под редакцией Абрамовича [Лермонтов, 1910—1913], многоточие обусловливает долгую паузу, излишнюю при перечислении и ослабляющую выразительную силу интонационного рисунка.

В 13 стихе монолога, напротив, лермонтовское конечное стечение восклицательного знака с многоточием («Иль даже долгую болезнь!..» [Лермонтов, 1840а, л. 11]), обозначающее повышение интонации и долгую паузу, все издатели заменяют на понижающее интонацию двоеточие. Восклицательный знак в этой конструкции и противительный союз «зато», открывающий 10 стих и выступающий в позиции маркера компенсации, привносят позитивную оценку Журналистом этих испытаний, их желательность для творчества, и в этом нет иронической оценки. Важно и то, что дополнительное многоточие, называемое во времена Лермонтова знаком «пресекательным» [Востоков, 1831, с. 159], останавливает ряд перечисляемых терзаний на *болезни*, тем самым именно это слово и предикат из первого стиха («вы *больны*») выступают в монологе акцентоносителями, их дублирование не случайно и выражает основную мысль: жизнь поэта в отсутствие вдохновения — терзание души, и его жизнь в минуты посещения благодати — творчество. В данном контексте многоточие задает необходимую по окончании перечисления более длительную паузу, предваряющую констатацию последующего благотворного влияния недуга: «Тотчасъ въ его уединеньи // Раздастся сладостная пѣснь» [Лермонтов, 1840а, л. 11]. Редакторское двоеточие в этом случае усложняет конструкцию, привнося в нее не только акцент на причинно-следственные отношения, но и нару-

шение закона грамматического управления и логики рассуждения Журналиста.

Издатели существенно упрощают и интонационный рисунок 17—19 стихов, в которых Журналист переходит от собственных декламаций к форме обращения. Искажению вновь подвергается знак многоточия, выполняющий у Лермонтова не только свою прямую структурную функцию конечного знака, но и являющийся маркером экспрессивности. В автографе 17 стих заканчивается смысловым многоточием, точнее авторским шеститочием («Въ свою нарядную печаль.....» [Лермонтов, 1840а, л. 11]), которое в соответствии с рукописью воспроизводится только в издании Б. М. Эйхенбаума [Лермонтов, 1935—1937]. Индивидуальным свойством лермонтовского многоточия является его подобие с ферматой — музыкальным знаком, предполагающим смысловую задержку звучания, создание «звучащей паузы» [Музыкальная энциклопедия ..., т. 5, стлб. 788], эффекта оглушительной тишины. Лермонтовское шеститочие здесь обозначает течение мысли Журналиста, он закончил мысль и замолчал, но словно продолжает уже мысленно перечислительный ряд, оттого пауза глубокая и протяжная, подкрепляемая далее поставленным в препозицию к 18 стиху многоточием из двух точек («..Ну, чтó вы пишете? — нельзя-ль» [Лермонтов, 1840а, л. 11]). Хотя этот знак также способствует задержке дыхания, но эта пауза уже имеет иную целевую установку, пауза возвращает Журналиста в настоящее, в ситуации разговора она передает разворачивающийся мыслительный процесс, необходимость формулирования вопроса перед последующей его постановкой. В самом вопросе также наблюдается графическая нестабильность при воспроизведении текста: все издатели, кроме Б. М. Эйхенбаума [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 71], отказываются от многоточия перед междометием «ну», при этом сохраняя запятую после него и знак ударения над местоимением «что». В таком случае было бы логично, следуя авторскому замыслу, соблюдать поставленный в автографе знак ударения над местоимением «что», от чего отказываются в издании Абрамовича [Лермонтов, 1910—1913, т. II, с. 291] и в последних научных изданиях [Лермонтов, 1971—1981, т. I, с. 431], [Лермонтов, 2014, т. I, с. 317].

Построенный с соблюдением риторических законов ведения спора, второй монолог Журналиста открывается его согласием по поводу суждений Читателя в том, что критика находится еще в зачаточном состоянии («Въ чернилахъ ваших, господа, // И желчи ѣдкой даже нѣту, // А просто грязная вода» [Лермонтов, 1840а, л. 11-об]). Однако согласие («И съ этимъ надо согласиться.» [Там же]) лишь частичное. Логическое ударение здесь падает на указательное местоимение «это», и по смыслу эта конструкция продолжает предыдущую небольшую реплику Журналиста: «Я точно то

же говорю; // Какъ вы открыто негодуя, // На музу русскую смотрю я» [Там же]. Вторую и основную часть этого монолога составляет сообщение иного рода информации, не соответствующей согласию, оттягивающему последующую цепочку возражений: «Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ // Я былъ бы вовсе не браниться» [Там же]. Включение в дальнейшую речь фразеологических сращений «вѣрьте мнѣ», «войдите въ наше положенье», «повѣрьте мнѣ» и их интонационное выделение необходимо для приведения доказательных аргументов собственной, отличной от Читателя, позиции. В связи с этим замена издателями точки, заканчивающей первый стих монолога в автографе, на запятую упрощает искомую конструкцию и сокращает необходимую паузу перед чередой аргументов. Примечательна и симметрия построения первого и второго монологов Журналиста, подтверждающая наделение каждого героя своим речевым портретом. При соблюдении авторской пунктуации оба монолога Журналиста начинаются краткой порывистой фразой с последующей развернутой речью. В издательских вариантах, отказывающихся от этой интонационной симметрии, речь Журналиста приобретает дополнительную размеренность, не характерную для него в аутентичном тексте.

Монолог Журналиста в аутентичном лермонтовском тексте построен на повторе аргументирующих интонационных конструкций перечисления и оказывается своего рода путеводителем для потенциального читателя в понимании социальных проблем и творческих истин. В случае учета авторской пунктуации развитие мысли Журналиста подчиняется закону достаточного основания, предполагающему обоснование суждения, истинность которого не кажется непосредственно очевидной; и реконструкция авторской пунктуации позволяет выявить ценностную наполненность его речевых стратегий.

3.2. Значение аутентичных авторских эмфаз в тексте стихотворения Лермонтова

В речевых портретах героев эмоциональными моментами выступают меткие выражения, принадлежащие Лермонтову или же укоренившиеся в литературной традиции, но приобретшие в монологах дополнительные смысловые оттенки. Эмфазы — фразы, которые в данном случае являются смысловыми точками всего произведения, выделены поэтом пунктуационно и нуждаются в дополнительной эмоциональной интенсификации голосом. В этом отношении наиболее показательны монологи Журналиста как инициатора коммуникации и Читателя как активного ее участника.

Эмоциональная эмфаза наблюдается в вопросе Журналиста, адресованном Писателю («..Ну, что́ вы пишете? — нельзя-ль // Узнать?» [Лермонтов, 1840а, л. 11-об]), который рассматривали как парафраз из пушкин-

ского «Разговора книгопродавца с поэтом» («О чем вздохнули так глубоко? Нельзя ль узнать?») [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 324]), на этом основании сближая «суждения Журналиста с психологией Книгопродавца» [Вацуро, 1981, с. 170]. Однако Лермонтов переосмысляет реплики Книгопродавца, Журналист ему не равен, он более глубок и философичен. Если Книгопродавец иронизирует над вздыхающим романтическим поэтом, то Журналист задает вопрос содержательный, ему прагматично интересно, «что» пишет писатель, думает он и о своей ответственности за содержание журнала, что отражается в афористической фразе «Повѣрьте мнѣ: судьбою нѣсть // Даны намъ тяжкіе вериги» [Лермонтов, 1840а, л. 11-об], отсылающей к пушкинскому описанию круга чтения Евгения Онегина, которое заканчивается выводом о непонимании героем жизни романтных персонажей: «В том совести, в том смысла нет; // На всех различные вериги». Но если Пушкин иронизирует над Евгением, чтение которого «без толку», то в связи с Журналистом эта аллюзия приобретает реалистическое звучание, с тяжелыми цепями ассоциируется сама журнально-издательская деятельность, организующая взаимодействие между Писателем и Читателем: «Скажите, каково прочесть // Весь этотъ вздоръ, все эти книги... // И всё зачѣмъ? — чтобъ вамъ сказать, // Что ихъ не надобно читать!..» [Там же]. Хотя, безусловно, само предназначение творчества Писателя «донести “глас Божий” людям» [Киселева, 2020, с. 116] Журналистом нивелируется. От результата творчества Писателя напрямую зависит возможность осуществления Журналистом издательской деятельности, жизнь его периодического издания, ратованию за которое посвящен его второй монолог, звучащий уже более прагматично и выражающий несоответствие между возвышенным и реальным: «Приличье, вкусъ — все такъ условно, // А деньги все ведь платятъ ровно!» [Лермонтов, 1840а, л. 11-об]. Логика мысли Журналиста показывает его трезво мыслящим человеком, а не предприимчивым торговцем, что подтверждается желанием самого Лермонтова, который, как пишет Н. Л. Бродский, «увѣренно выходилъ на литературную дорогу, понимая свое назначеніе какъ писателя-журналиста» [Бродский, 1914, с. 108], открыть собственный журнал.

Эмфаза в стихотворении проявляется и в усложнении просодического рисунка, как, например, в череде вопросительных и восклицательных конструкций, искаженных при печати. В автографе 50 стиха Лермонтов ставит вопросительный знак, замененный во всех изданиях, кроме подготовленного Б. М. Эйхенбаумом, на восклицательный: «Но вѣрьте мнѣ; душевно радъ // Я былъ бы вовсе не браниться — // Да какъ же быть?.. Меня бранять?» [Лермонтов, 1840а, л. 11-об]. Знак вопроса во втором обращении («Меня бранять?») ситуативно способствует речевому воз-

действию, к которому стремится Журналист, речь которого интенсивна и экспрессивна в сравнении с другими участниками дискуссии. И это стремление героя к убеждению («Но вѣрьте мнѣ») передается Лермонтовым посредством интонационных контрастов, вопросов-обращений («Да как же быть?... меня бранять?», «скажите?», «и все зачемъ»? [Там же]), усиленных нарочитым паузированием, призывным восклицанием в конце строфы: «Войдите въ наше положенье!». В. Э. Вацуро комментирует эту фразу как включенное в стихотворение предложение Пушкина, «связанное с литературно-полемиической позицией поэта» [Вацуро, 1981, с. 170]. П. А. Плетнев вспоминает это присловие в письме к Я. К. Гроту в контексте издательской политики журнала «Современник»: «Но войди в мое положение (как любил в таких случаях говаривать покойный Пушкин)» [Грот, 1896, Т. II, с. 464]. Эмфатическое подчеркивание наделяет эту фразу дополнительными смысловыми акцентами. Таким образом, рациональные аргументы (необходимость реализации назначения современного журнала — удовлетворять запросы всего читательского круга) усиливаются аргументами эмоциональными, апеллирующими к сопереживанию («меня бранять?», «войдите въ наше положенье», «поверьте мне» [Лермонтов, 1840а, л. 11-об]). Журналист побуждает участников диалога понять абсолютную релевантность его издательской политики доступными ему в ситуации живого общения средствами.

Редакторами снимался восклицательный знак и в парированиях Читателя, обращенных к Журналисту в связи с состоянием современных периодических изданий, в частности, негативной оценке подвергается используемая низшего качества бумага: «Во-первых: сѣрая бумага! // Она, быть может, и чиста; // Да какъ-то страшно безъ перчатокъ!...» [Там же]. Вероятно, что здесь содержится и намек на то, что на страницах журналов печатаются и произведения, не удовлетворяющие запросам читателя высшего сословия, над которыми в данном контексте Лермонтов тонко иронизирует, оставляя эти слова без внимания. Дважды поставленные Лермонтовым восклицательные знаки, обусловленные самой ситуацией парирования, направленного на ослабление аргументов Журналиста, графически выражают сильную эмоцию, повышенный тон, невозможный для передачи посредством повествовательной интонации, привнесенной в монолог через исправления восклицательного знака запятой [Лермонтов, 1840б, с. 309; Лермонтов, 1840в; Лермонтов, 1842—1844, с. 127; Лермонтов, 1880, с. 103; Лермонтов, 1910—1913, с. 292]. В более новых собраниях и в последнем научном издании ставят точку с запятой, также поддерживая ровность интонации [Лермонтов, 1954—1957, т. I, с. 146; Лермонтов, 1979—1981, т. I, с. 432; Лермонтов, 2014, т. I, с. 317]. Пунктуационное сра-

щение восклицательного знака с многоточием тоже не сохраняется, в революционных изданиях меняется на многоточие, тогда как начиная с издания 1954—1957 годов меняется на точку с запятой, снимающую и интонацию возражения, и тональность размышления. Восклицания сохраняет лишь Эйхенбаум, точно почувствовав суть авторской интонации в речевом портрете Читателя, чьи суждения прямо не связаны ни с умозаключениями Журналиста о природе творчества, ни с размышлениями Писателя об отсутствии предмета для поэтического творчества, он представляет позицию критика литературы («Стихи — такая пустота: // Слова безъ смысла, чувства нѣту, // Натянуть каждый обороть» [Лермонтов, 1840а, л. 11-об]) и журналистики («Нужна отвага, // Чтобъ открыть; — хоть вашъ журналъ» [Там же]). Писатель вслед за Журналистом, думающим о том, что печатать, размышляет о том, что же читать, и приводит на этот счет эмоциональную аргументацию.

Монологи героев в стихотворении отличаются экспрессивностью и эмотивностью, в связи с чем эмфазы занимают значимое место в интонационном рисунке стихотворения как на смысловом уровне с целью усиления коммуникативных намерений говорящего, так и на уровне соответствующей смыслу просодии, отсюда важными оказываются расставленные самим Лермонтовым знаки ударения, многоточия и тире.

3.3. Речевая ситуация как контур авторского смысла

«Журналист, Читатель и Писатель» не является в собственном смысле слова лирикой, в нем акцентировано участие нескольких действующих лиц, находящихся в ситуации речевого действия, что сближает стихотворение с драмой. И. С. Юхнова справедливо подчеркивает, что это «стихотворение строится как драматическая сцена» [Юхнова, 2019, с. 47], перед нами своего рода сценический эпизод, разыгранный в очерченном пространстве кабинета, отличающийся ярко выраженным разговорным началом и общественно-социальной коллизией. Генетически оно восходит к «Прологу в театре», 1797 (драма И. В. Гете «Фауст»), а также имеет традицию в отечественной поэзии («Пиит и друг его» А. П. Сумарокова, 1770—1774, «Разговор книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина, 1824; «Журналист и злой дух» С. П. Шевырева, 1827; «Поэт и дух жизни» А. А. Башилова, 1836 и др.), но по форме Лермонтову созвучен именно Гете в его ситуации триалога (в триалоге Гете разговаривают директор, поэт и комик, русские авторы — предшественники Лермонтова — ограничиваются двумя собеседниками).

У Пушкина Поэт слышит Книгопродавца, реагирует на его реплики и в конце концов соглашается с ним, переходя в финале стихотворения к форме прозы: «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условим-

ся» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 324]. У Лермонтова диалогическая разговорность менее выражена (хотя сами монологи предельно разговорны по интонации, в большей степени, чем у Гете и Пушкина), что усиливается к концу стихотворения и придает особую остроту звучания последнего монолога Писателя о назначении поэзии. И этот монолог противоположен по отношению к пушкинскому заключению Поэта, ибо лермонтовский Писатель никаких согласий не выражает, и гетевскому Директору, который перечисляет все, что может быть вынесено на сцену, при этом не принесет очищения ни зрителю, ни самому творцу. У Лермонтова заключительный монолог приобретает максимально личностное звучание. В поисках ответа на свой же вопрос — «О чемъ писать?» [Лермонтов, 1840а, л. 12] — Писатель обнажает свой процесс творчества, говоря о силе и физической болезненности вдохновения («Бываютъ тягостные ночи»; «Безъ сна, горять и плачутъ очи», «Дрожа, холодная рука»; «Болезненный, безумный крикъ» [Там же]), рождающего поэтические откровения «сокрытыхъ дель и тайныхъ думъ», которые не следует показывать «неприготовленному взору» [Там же], и в этом нежелании транслировать собственные страсти поэт чувствует «ответственность за свой ошибочный выбор» [Гулин, 2023, с. 16], или же пророческие речи, которые будут не поняты и осуждены светом. И этот трагический разрыв между желанием «вдохновенного труда» и непонятостью «толпой неблагодарной» [Лермонтов, 1840а, л. 12] обуславливает душевную драму творческой личности, которая раскрывается как в заключительном монологе, так и во всей ситуации триалога, в котором звучат контрапунктирующие голоса Журналиста, Читателя и Писателя. Однако само внешнее условие триалога, происходящего в едином пространстве, подразумевает авторское стремление к синтезу. И Журналист, и Читатель являются гостями в кабинете Писателя, который «закрыт, отгорожен от мира» [Юхнова, 2019, с. 47]. И хотя в интерьерной прамбуле («Комната писателя; опущенные шторы») Лермонтов манифестирует «идею одиночества и выделенности» [Москвин, 2024, с. 36] Писателя из общего мира, Журналист и Читатель в нее допущены. Закрытость комнаты характеризует состояние души Писателя, сконцентрированной в самой себе. Более всего сил для организации беседы прилагает Журналист. Каждый его ответный монолог начинается с реплики согласия: «Я точно тоже говорю», «И съ этимъ надо согласиться», «Все это такъ», — тогда как первое проявление Писателя в триалоге ограничивается скупым ответом, репликой: «Да ничего...» [Лермонтов, 1840а, л. 11—11об.], два же последующих его высказывания облечены в форму монолога и живут своей жизнью, оба начинаются с одного и того же риторического вопроса: «О чемъ писать?», который Писатель задает прежде всего себе.

Речь Писателя лишена восклицаний, но не лишена порывистости, многосложные конструкции он может говорить на едином дыхании. При издательских решениях это впечатление текста зачастую разрушалось. Так, например, в первой реплике второго монолога вместо лермонтовского тире («О чемъ писать? — Бываетъ время» [Там же, л. 12]) с первого же издания ставится многоточие (тире сохраняется лишь в издании под редакцией Б. М. Эйхенбаума [Лермонтов, 1935—1937, т. I, с. 292]); тем самым создается излишнее паузирование, теряется ощущение спонтанности речи Писателя, его увлеченности. Расставленные издателями многоточия (появление которых можно объяснить желанием соблюдения правил синтаксиса книжного языка при указании на незаконченность высказывания, тогда как в живой разговорной речи с ее спонтанностью такая длинная интонационная пауза между эмфазами может и не является нормой) смирят присущую писателю страстность, тогда как его слова, передающие процесс творчества вдохновения, говорят о живой деятельной душе: «На мысли, душащие силой, // Какъ жемчугъ ннжутся слова» [Лермонтов, 1840а, л. 12]. Трижды повторяя риторический вопрос «о чем писать», придающий всему монологу «характер категоричности и силу воздействия на адресата» [Канафьева, 2024, с. 15], Писатель, не дожидаясь реплик Журналиста или Читателя, в качестве предмета творчества называет очищенный «мечтою благородной» мир, память «прежней красоты», любовь, обман, что «смело» преда<ет> позору» [Лермонтов, 1840а, л. 12]. Ему есть о чем писать, и его творчество удовлетворило бы и Читателя, который признает, что Тот «одарен Всевышним Богом», и Журналиста, ждущего «сладостн<ую> песнь», но не удовлетворяет самого Писателя, полагающего, что «ребяческіе чувства, // Воздушный, безотчетный бредъ» [Там же, л. 12] не могут выразиться в подлинном произведении искусства.

Монолог Читателя, вступающего в разговор последним, связан с предыдущими собеседниками только общей литературной темой, тогда как сами звучащие идеи намечают новый поворот разговора, в который он вступает самостоятельно, не в ответ собеседникам, что озаменовано в его первой фразе («И я скажу» [Там же, л. 11об.]), отделенной от последующего рассуждения знаковым сращением точки и тире. В изданиях сохраняется только второй знак — тире, хотя сращение двух знаков принципиально для интонационного рисунка, так как подразумевает более продолжительную паузу, тире в этом случае подкрепляет концевую точку и графически выражает тот временной промежуток, который необходим говорящему, чтобы собраться с мыслями. Пунктуационные сращения со знаком тире («! — » и «? — »), придающие звучащему монологу речевую чеканность, наиболее значимы в речевом портрете Читателя. Тире в монологе Чите-

ля разрубает речевой поток, интонируя каждый небольшой отрезок речи уверенного в своей правоте говорящего, что с соблюдением авторской пунктуации выглядит следующим образом: «Притомъ — сказать ли по секрету? — И въ римахъ часто недочетъ»; «Возьмешь ли прозу? — переводъ»; «А если вамъ и попадутся // Разказы на родимый ладъ — »; «А если и случалось имъ, // Такъ мы ихъ слышать не хотимъ! — » [Там же]. Читатель совмещает в себе эстетство и скептицизм («Во-первых: серая бумага! // Она, быть может, и чиста; // Да как-то страшно без перчаток!...»; «Зато какое наслаждение, // Как отдыхает ум и грудь, // Коль попадется как-нибудь // Живое, свежее творенье» [Там же]). Соблюдение всех авторских тире принципиально значимо для представления его образа с присущими ему противоречиями (как противоречива в своих желаниях читающая публика, ждущая удовлетворения своих эстетических и духовных запросов), тире в его монологах акцентирует смыслообразующий для стихотворения разлад желаемого и действительного («читаешь — сотни опечаток!»; «стихи — такая пустота» [Там же]), который испытывают все герои. Но если Писатель эгоистично страдает, а Читатель эстетствует и критикует, то Журналист своей деятельностью пытается примирить разлад мечты и действительности и выступает более сложным образом, чем Директор Гете и Книгопродавец у Пушкина, являющиеся прежде всего носителями идеи возможной доходности творчества.

Замкнутость Писателя, отказывающего от вдохновения и создания произведений из-за духовной неготовности публики (здесь предстает и образ «толпы неблагодарной» [Там же, л. 12], и, казалось бы, противоречащий ей образ ребенка, имеющего «сердце слабое» и подвергаемого искушению), некоторый снобизм интеллектуального Читателя компенсируются позицией Журналиста, понимающего культурную ситуацию своего времени и готового нести бремя ответственности за просвещение и духовное развитие общества. Именно голос Журналиста, организующего диалог, и становится выражением идейной позиции автора, и в этом новаторство Лермонтова, тогда как Писатель, отвечая Я поэта в его внутреннем бытовании, экзистенции, требует для полноты своей реализации вмешательства рационального начала по отношению к внешним условиям. Полное понимание этой переоценки Лермонтовым функций участников дискуссии, их сущности и назначения возможно лишь при внимании к авторскому интонационному рисунку, являющемуся контуром авторского смысла.

4. Заключение = Conclusions

Спецификой стихотворения Лермонтова «Журналист, Писатель и Читатель» является создание ситуации разговора с целью раскрытия про-

блемы соотношения творчества и культурных запросов читателей, понимания назначения поэзии не только как самовыражения и удовлетворения эстетической потребности определенного слоя общества, но ее смысла как деятельности, приносящей социальную и духовную пользу. Голосовыми фигурами, составляющими аутентичный интонационный рисунок стихотворения, оказывается не только привычная восклицательная и вопросительная графика, но и стечение пунктуационных знаков, придающее тексту особую экспрессивность и оценочность. Пунктуация в автографе явно демонстрирует, что речь Журналиста энергично побудительна, оттого ее определяет доминирование восклицательных и вопросительных знаков; монологи Читателя, чья позиция по многим вопросам противоположна Журналисту, в автографе изобилует противопоставляющим знаком «тире»; ведущим знаком препинания Писателя является запятая, связанная с рефлексией своего творчества. Эмоциональная аргументация каждым героем своей идейно-эстетической позиции, переданная не только посредством лексики, но и интонации, придает новые оттенки образу Журналиста, лишь отдаленно напоминающему предприимчивого гетевского театрального Директора или рассудительного пушкинского Книгопродавца, и самому Писателю, декларирующему свои взгляды на социальные и этические проблемы творчества. Сопоставление автографа стихотворения «Журналист, Читатель и Писатель» со всеми изданиями демонстрирует отсутствие единства в соблюдении принципов расстановки знаков препинания и, как правило, отказ от воспроизведения небуквенного графического знака ударения, к которому нередко обращается Лермонтов не только для выделения ударного звука, но и для графического акцентирования смысла. Следует отметить присущие имеющимся изданиям многочисленные пунктуационные изменения, обусловленные структурно-грамматическим принципом расстановки знаков препинания, тогда как Лермонтов скорее придерживается интонационного принципа, а сами знаки препинания имеют у него «идеографическую природу» [Щерба, 2004, с. 242]. В связи с этим при расстановке пунктуации в востребованном новом академическом издании Лермонтова необходимо руководствоваться не только формальными признаками, но и анализом каждого контекста, понимая расставленные Лермонтовым знаки препинания как интонационно-смысловую систему.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. — Москва : Изд-во АН СССР, 1953—1959.
2. *Бурачок С. О.* Стихотворения Лермонтова. Письмо к автору / С. О. Бурачок // М. Ю. Лермонтов : pro et contra, антология. — Санкт-Петербург : РХГА, 2013. — Т. I. — С. 112—136.
3. *Грот Я. К.* Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым : в 3 т. / Я. К. Грот. — Санкт-Петербург : Тип. Министерства пут. сообщ., 1896. — Т. II. — 968 с.
4. Лермонтов, 1840а — *Лермонтов М. Ю.* «Журналист, Читатель и Писатель» : стихотворение : Беловик : 1840 / М. Ю. Лермонтов // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 11—12 об.
5. Лермонтов, 1840б — *Лермонтов М. Ю.* «Журналист, Читатель и Писатель» / М. Ю. Лермонтов // Отечественные записки. — 1840. — Т. IX. — № 4. — Отд. III. — С. 307—310.
6. Лермонтов, 1840в — *Лермонтов М. Ю.* «Журналист, Читатель и Писатель» / Стихотворения Лермонтова / М. Ю. Лермонтов. — Санкт-Петербург : В тип. Ильи Глазунова и Ко, 1840. — 168 с.
7. Лермонтов, 1842—1844 — *Лермонтов М. Ю.* Стихотворения М. Лермонтова : в 4 ч. / М. Ю. Лермонтов. — Санкт-Петербург : В типографии Ильи Глазунова и Комп., 1842—1844.
8. Лермонтов, 1880 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения : в 2-х т. / М. Ю. Лермонтов. — Санкт-Петербург : Глазунов, 1880. — 276 с.
9. Лермонтов, 1910—1913 — *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений : в 5 т. / М. Ю. Лермонтов. — Санкт-Петербург : Изд. Разряда изящ. словесности Импер. акад. наук, 1910—1913.
10. Лермонтов, 1935—1937 — *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений : в 5 т. / М. Ю. Лермонтов. — Москва ; Ленинград : Academia, 1935—1937.
11. Лермонтов, 1979—1981 — *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1979—1981.
12. *Музыкальная энциклопедия* : в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. — Москва : Сов. энциклопедия, 1973. — 189 с.
13. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937 : в 16 т. / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937—1959.
14. *Шевырев С. П.* Стихотворения Лермонтова / С. П. Шевырев // М. Ю. Лермонтов : pro et contra, антология. — Санкт-Петербург : РХГА, 2013. — Т. I. — С. 148—162.

Литература

1. *Абрамович Г. Л.* Трагедийная тема в творчестве Лермонтова / Г. Л. Абрамович // Творчество М. Ю. Лермонтова : 150 лет со дня рождения, 1814—1964. — Москва : Наука, 1964. — С. 42—75.
2. *Благой Д. Д.* Лермонтов и Пушкин : (Проблема историко-литературной преемственности) / Д. Д. Благой // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы : Сборник первый. — Москва : ОГИЗ ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. — С. 356—421.
3. *Бродский Н. Л.* Поэтическая исповедь русского интеллигента 30—40-х годов / Н. Л. Бродский // Венюк М. Ю. Лермонтову : Юбилейный сборник. — Москва : Изд. т-ва "В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых", 1914. — С. 56—110.
4. *Вацуро В. Э.* Журналист, читатель и писатель / В. Э. Вацуро // Лермонтовская энциклопедия. — Москва : Сов. Энцикл., 1981. — С. 170—172.

5. *Востоков А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная / А. Х. Востоков. — Санкт-Петербург : Тип. И. Глазунова, 1831. — 408 с.
6. *Гинзбург Л. Я.* Творческий путь Лермонтова / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград : Худож. лит., 1940. — 223 с.
7. *Гулин А. В.* Небесный ангел Михаила Лермонтова (Духовный опыт как творческая категория) / А. В. Гулин // Два века русской классики. — 2023. — Т. 5. — № 1. — С. 6—35. — DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35.
8. *Канафьева А. В.* А душу можно ль рассказать? Вопросительные формы в языке М. Ю. Лермонтова / А. В. Канафьева // Отечественная филология. — 2024. — № 5. — С. 8—16. — DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-8-16.
9. *Киселева И. А.* "Пророк" (1826) А. С. Пушкина и "Пророк" (1841) М. Ю. Лермонтова : сравнительная семантика мотивного комплекса / И. А. Киселева // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 111—129. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762.
10. *Киселева И. А.* Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 128—144. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162.
11. *Максимов Д. Е.* Поэзия Лермонтова / Д. Е. Максименко. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 266 с.
12. *Мордовченко Н. И.* Лермонтов и русская критика 40-х годов / Н. И. Мордовченко // М. Ю. Лермонтов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — Книга I. — С. 758.
13. *Москвин Г. В.* Эволюция прозы М. Ю. Лермонтова / Г. В. Москвин. — Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2024. — 368 с.
14. *Нейман Б. В.* Русские литературные влияния в творчестве Лермонтова / Б. В. Нейман // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова : Исследования и материалы : Сборник первый. — Москва : ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. — С. 422—465.
15. *Федоров А. В.* Лермонтов и литература его времени / А. В. Федоров. — Ленинград : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1967. — 363 с.
16. *Фишер В. М.* Поэтика Лермонтова / В. М. Фишер // Венок М. Ю. Лермонтову : Юбилейный сборник. — Москва : Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. — С. 196—236.
17. *Шувалов С. В.* Влияния на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии / С. В. Шувалов // Венок М. Ю. Лермонтову : Юбилейный сборник. — Москва : Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. — С. 290—342.
18. *Щерба Л. В.* Языковая и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Москва : УРСС, 2004. — 427 с. — ISBN 5-354-00816-6.
19. *Эйхенбаум Б. М.* Литературная позиция Лермонтова / Б. М. Эйхенбаум. — Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — Книга I. — С. 3—82.
20. *Юхнова И. С.* М. Ю. Лермонтов и А. П. Сумароков : возможные сближения / И. С. Юхнова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. — 2019. — № 1. — С. 43—57.
22. *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 312 с. — ISBN 978-5-9551-0267-2.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2025,
одобрена после рецензирования 26.09.2025,
подготовлена к публикации 19.10.2025.*

Material resources

- Belinsky, V. G. (1953—1959). *Complete works: in 13 volumes*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Burachok, S. O. (2013). Poems by Lermontov. Letter to the author. In: *M. Y. Lermontov: pro et contra, anthology, 1*. Saint Petersburg: Russian Academy of Fine Arts. 112—136. (In Russ.).
- Grot, Ya. K. (1896). *Grot's correspondence with P. A. Pletnev: in 3 volumes, 2*. St. Petersburg: Type. Ministries of put. Communication. 968 p. (In Russ.).
- Keldysh, Yu. V. (ed.). (1973). *Musical encyclopedia: in 6 volumes*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 189 p. (In Russ.).
- Lermontov, 1840a — Lermontov, M. Yu. “The journalist, the Reader and the Writer”: poem: Belovik: 1840. *Manuscript department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. F. 524. Op. 1. № 15. l. 11—12 vol.* (In Russ.).
- Lermontov, 1840b — Lermontov, M. Yu. (1840). “Journalist, Reader and Writer”. *Otechestvennye zapiski, IX / 4 (III)*: 307—310. (In Russ.).
- Lermontov, 1840v — Lermontov, M. Yu. (1840). “*Journalist, Reader and Writer*”. St. Petersburg: In type. Ilya Glazunov and K.O. 168 p. (In Russ.).
- Lermontov, 1842—1844 — Lermontov, M. Y. (1842—1844). *The poems of M. Lermontov: in 4 hours*. St. Petersburg: In the printing house of Ilya Glazunov and Company. (In Russ.).
- Lermontov, 1880 — Lermontov, M. Y. (1880). *Works: in 2 volumes*. St. Petersburg: Glazunov. 276 p. (In Russ.).
- Lermontov, 1910—1913 — Lermontov, M. Y. (1910—1913). *Complete works: in 5 volumes*. St. Petersburg: Publishing House of the Category of fine Arts. literature of the Academy of Sciences. (In Russ.).
- Lermontov, 1935—1937 — Lermontov, M. Y. (1935—1937). *Complete works: in 5 volumes*. Moscow; Leningrad: Academia. (In Russ.).
- Lermontov, 1979—1981 — Lermontov, M. Y. (1979—1981). *Collected works: in 4 volumes*. Leningrad: Nauka Publ. Leningr. department. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1937—1959). *The Complete Works, 1837—1937: in 16 volumes*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Shevyrev, S. P. (2013). Poems of Lermontov. In: *M. Y. Lermontov: pro et contra, anthology, 1*. St. Petersburg: RHGA. 148—162. (In Russ.).

References

- Abramovich, G. L. (1964). The tragic theme in Lermontov's work. In: *M. Y. Lermontov's work: 150 years since his birth, 1814—1964*. Moscow: Nauka. 42—75. (In Russ.).
- Blagoy, D. D. (1941). Lermontov and Pushkin: (The problem of historical and literary continuity). In: *The life and work of M. Y. Lermontov: Research and materials: The first collection*. Moscow: OGIz; State Publishing House of Art. lit. 356—421. (In Russ.).
- Brodsky, N. L. (1914). Poetic confession of a Russian intellectual of the 30—40s. In: *A wreath to M. Y. Lermontov: Anniversary collection*. Moscow: Publishing House of t-va “V. V. Dumnov, heirs of the br. Salaev”. 56—110. (In Russ.).
- Eikhenbaum, B. M. (1941). *Lermontov's literary position, 1*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 3—82. (In Russ.).

- Fedorov, A. V. (1967). *Lermontov and the literature of his time*. Leningrad: Art. lit. Leningrad Publishing House. 363 p. (In Russ.).
- Fischer, V. M. (1914). Lermontov's Poetics. In: *A wreath to M. Y. Lermontov: Jubilee collection*. Moscow: Publishing House of t-va "V. V. Dumnov, heirs of the br. Salaev". 196—236. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1940). *Lermontov's creative path*. Leningrad: Art. Lit. 223 p. (In Russ.).
- Gulin, A. V. (2023). Mikhail Lermontov's Heavenly Angel (Spiritual experience as a creative category). *Two centuries of Russian classics*, 5 (1): 6—35. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35. (In Russ.).
- Kanafyeva, A. V. (2024). Is it possible to tell the soul? Interrogative forms in the language of M. Y. Lermontov. *Russian philology*, 5: 8—16. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-8-16. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2020). "The Prophet" (1826) by A. S. Pushkin and "The Prophet" (1841) by M. Y. Lermontov: comparative semantics of the motif complex. *Problems of historical poetics*, 18 (1): 111—129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2020). Dynamic poetics of M. Y. Lermontov's poem "The Cliff". *Problems of historical poetics*, 18 (2): 128—144. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162. (In Russ.).
- Maksimov, D. E. (1964). *Poetry of Lermontov*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ. 266 p. (In Russ.).
- Mordovchenko, N. I. (1941). *Lermontov and Russian criticism of the 40s., I*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. P. 758. (In Russ.).
- Moskvin, G. V. (2024). *The evolution of M. Y. Lermontov's prose*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 368 p. (In Russ.).
- Neiman, B. V. (1941). Russian literary influences in Lermontov's work. In: *The life and work of M. Y. Lermontov: Research and materials: The first Collection*. Moscow: OGIZ; State Publishing House of Art. lit. 422—465. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (2004). *Language and speech activity*. Moscow: URSS. 427 p. ISBN 5-354-00816-6. (In Russ.).
- Shuvalov, S. V. (1914). The influence of Russian and European poetry on Lermontov's work. In: *A wreath to M. Y. Lermontov: Jubilee collection*. Moscow: Publishing House of t-va "V. V. Dumnov, heirs of the br. Salaev". 290—342. (In Russ.).
- Vatsuro, V. E. (1981). Journalist, reader and writer. In: *Lermontov Encyclopedia*. Moscow: Sov. Encikl. 170—172. (In Russ.).
- Vostokov, A. H. (1831). *The Russian grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his own Abbreviated grammar, more fully outlined*. St. Petersburg: I. Glazunov Publishing House. 408 p. (In Russ.).
- Yanko, T. E. (2008). *Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 312 p. ISBN 978-5-9551-0267-2. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. (2019). M. Yu. Lermontov and A. P. Sumarokov: possible approaches. *Palimpsest. Literary Journal*, 1: 43—57. (In Russ.).

*The article was submitted 24.06.2025;
approved after reviewing 26.09.2025;
accepted for publication 19.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лин Цзе. Рецензия рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в китайском литературоведении / Лин Цзе // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 317—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-317-343.

Ling Jie. (2025). Reception of Mikhail Sholokhov's "The Fate of a Man" in Chinese Literary Criticism. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 317-343. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-317-343. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рецензия рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в китайском литературоведении

Лин Цзе

orcid.org/0009-0007-8222-7522

аспирант, кафедра русской
зарубежной литературы,

корреспондирующий автор

1042235156@pfur.ru

Российский университет дружбы
народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена при
поддержке

Китайского стипендиального совета
(China Scholarship Council) в рамках
программы «Стипендия Правительства
КНР и РФ», 202307220021

Reception of Mikhail Sholokhov's "The Fate of a Man" in Chinese Literary Criticism

Ling Jie

orcid.org/0009-0007-8222-7522

Postgraduate student, Department
of Russian Foreign Literature,

corresponding author

1042235156@pfur.ru

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared
with the support of the Chinese
Scholarship

Council (China Scholarship Council)
within the framework of the Government
"Scholarship program China
and Russia", 202307220021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается влияние рассказа М. Шолохова «Судьба человека» на китайскую военную прозу. Исследование выявляет три этапа в восприятии произведения китайским литературоведением: идеологическое освоение, период сниженного интереса и углубленный анализ. Подчёркивается, что «Судьба человека» оказала значительное влияние на формирование нового образа «маленького человека» в китайской военной прозе, способствуя переосмыслению темы страдания и отходу от героического пафоса в сторону более реалистичного и психологически достоверного изображения войны и её последствий. На основе сравнительно-типологического анализа устанавливаются генетические и типологические связи, демонстрирующие как универсальность темы человеческой стойкости, так и её специфическую культурную интерпретацию. Доказано, что произведения Ши Чжуншаня «Последний солдат», Лю Чжэня «Гимн герою» и Чжан Цзэши «Моя корейская война» демонстрируют генетическое родство с шолоховской поэтикой в аспектах антигероизации персонажей, кольцевой композиции и эстетики военной травмы. Доказана выраженная политическая цикличность процесса переводов и изучения: взрывной рост наблюдался в периоды дипломатического «медового месяца» (вторая половина 1950-х, середина 1980-х, начало 2000-х), сменяясь замедлением при охлаждении отношений. Сделан вывод о том, что такая специфика рецепции наглядно иллюстрирует симбиоз литературной коммуникации и геополитики в рамках сравнительного литературоведения.

Ключевые слова:

рецепция русской литературы; китайская военная проза; Михаил Шолохов; *Судьба человека*; военная травма в литературе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the influence of Mikhail Sholokhov's short story "The Fate of a Man" on the development of Chinese military fiction. The study identifies three distinct phases in the story's reception within Chinese literary scholarship: an initial period of ideological appropriation, a subsequent phase of diminished interest, and a more recent stage of nuanced critical analysis. The author argues that Sholokhov's work profoundly influenced the formation of a new "little man" archetype in Chinese war prose, fostering a re-evaluation of the theme of suffering and a departure from heroic pathos toward a more realistic and psychologically nuanced portrayal of warfare and its aftermath. Through a comparative typological analysis, the article establishes both genetic and typological connections, highlighting the universality of the theme of human resilience as well as its culturally specific interpretations. The analysis demonstrates that the works "The Last Soldier" by Shi Zhongshan, "Hymn to a Hero" by Liu Zhen, and "My Korean War" by Zhang Zeshi exhibit a genetic kinship with Sholokhov's poetics, particularly in their anti-heroic characterization, use of circular narrative structure, and the aesthetics of war trauma. Furthermore, the study reveals a distinct political cyclicality in the patterns of translation and scholarly engagement, characterized by surges of interest during periods of diplomatic rapprochement — such as the late 1950s, mid-1980s, and early 2000s — followed by declines during times of bilateral tension. The author concludes that this specific pattern of reception vividly illustrates the symbiotic relationship between literary communication and geopolitics within the framework of comparative literature.

Key words:

Reception of Russian literature; Chinese military fiction; Mikhail Sholokhov; *Fate of a Man*; war trauma in literature.

УДК 821.161.1Шолохов.07+821.581

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-317-343

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

Рецепция рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в китайском литературоведении

© Лин Цзе, 2025

1. Введение = Introduction

В современном литературоведении проблема межкультурного диалога приобретает особую актуальность, что обусловлено как процессами глобализации, так и необходимостью осмысления исторического опыта взаимодействия различных национальных литератур. Одним из значимых аспектов этого диалога является рецепция зарубежных произведений, которая неразрывно связана с социокультурным и политическим контекстом принимающей стороны. Настоящее исследование посвящено изучению эволюции восприятия рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека» в Китае на протяжении значительного исторического периода (1950-е — начало XXI века), отмеченного радикальными изменениями в советско-китайских политических отношениях. Научная проблема, стоящая перед исследователем, заключается в изучении влияния динамики отношений (например, перехода от сотрудничества к конфронтации и последующего восстановления) на рецепцию, интерпретацию и литературоведческий анализ литературного произведения в китайском литературоведении. Фокус исследования направлен на раскрытие взаимосвязи между политической конъюнктурой и эволюцией литературной критики, включая трансформацию подходов к оценке идейного содержания, художественных особенностей и культурной значимости «Судьбы человека».

Несмотря на то, что отдельные аспекты рецепции рассказа в Китае уже освещались в работах китайских литературоведов (например, Лю Сянвэнь, Сунь Мэйлин и др.; в частности, рассматривались вопросы периодизации (расцвет, спад, восстановление интереса) и идеологическая направленность оценок в разные периоды), комплексное изучение этой проблемы все еще содержит значительные пробелы.

Во-первых, недостаточно изучена роль конкретных политических событий, прежде всего советско-китайского раскола 1960-х годов, в транс-

формации литературной критики и, как следствие, в восприятии рассказа. Отсутствуют комплексные исследования, объединяющие анализ текста, архивных документов, включая материалы китайской цензуры и партийной печати и сравнительные аспекты с современной ему китайской прозой. В частности, мало внимания уделено анализу изменений в переводах (например, Цао Ина) и сопоставлению их с оригиналом, чтобы выявить, каким образом произведение было адаптировано к китайской культурной идентичности и идеологической конъюнктуре.

Во-вторых, проблема находится на стыке литературоведения, истории международных отношений и культурологии, что расширяет ее научную значимость и обеспечивает междисциплинарный потенциал.

В-третьих, актуальность исследования усиливается в свете новых вызовов в российско-китайских культурных связях, где опыт прошлого может служить уроком для избежания идеологических перегибов и выстраивания более устойчивого и взаимовыгодного диалога.

По сравнению с предыдущими работами автора, посвященными общему обзору переводов советской литературы в Китае, анализу рецепции Шолохова только в первоначальный период и изучению литературных особенностей «Судьбы человека» вне контекста её культурной адаптации в Китае, данное исследование отличается существенной новизной.

Во-первых, впервые применяется синтез текстуального анализа, историко-политического контекста — с привлечением ранее не изученных архивных материалов о публикациях и цензурной политике в отношении советской литературы — и сравнительного подхода, предполагающего проведение параллелей с китайской военной прозой 1950-х годов, например, с творчеством Лю Чжэня, Ши Чжуншаня и Чжан Цзэши. Во-вторых, вносится концептуальный вклад в изучение темы за счет систематизации данных, выделения трёх этапов рецепции с акцентом на их политической обусловленности — в частности, критики «ревизионизма» Шолохова в 1960-е годы как отражения антисоветской риторики Мао — и анализа роли перевода Цао Ина в формировании канонического восприятия повести, например, через смягчение «неудобных» эпизодов для соответствия китайской идеологии.

Таким образом, в отличие от прежних работ, настоящее исследование впервые охватывает все три этапа рецепции, учитывает не только литературоведческие, но и политические источники, включая архивы, речи лидеров Коммунистической партии Китая (КПК), и проводит сравнительные параллели с китайской военной прозой, выявляя взаимовлияние культур.

Данное исследование вносит вклад в понимание влияния политической ситуации на восприятие иностранной литературы. Его результаты мо-

гут оказаться полезными при анализе текущих культурных обменов между Россией и Китаем, а также при изучении идеологизированной критики в историческом контексте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных рецепции рассказа «Судьба человека» М. Шолохова в Китае (они включают более ста работ, таких как труд Сунь Мэйлин «О творчестве Шолохова»), большинство из них сосредоточено на общих вопросах восприятия, идеологических интерпретациях и сравнительном анализе творчества писателя. Вопрос о конкретных механизмах и формах влияния рассказа «Судьба человека» на творчество китайских писателей, обращавшихся к военной тематике, остается практически неизученным. В частности, недостаточно исследовано, как шолоховские идеи и образы трансформировались в контексте китайской революционной эстетики. Это проявляется в таких произведениях, как «Гимн герою», где наблюдается трансформация шолоховского гуманизма в рамках революционной эстетики, «Последний солдат» с его смещением акцента на психологические последствия войны, а также «Моя корейская война», где предлагается деидеологизированный взгляд на войну и фатализм.

Данное исследование, опирающееся на сравнительно-типологический метод, в частности на принципы сопоставительного анализа А. Н. Веселовского и В. М. Жирмунского, позволит выявить как общие черты, унаследованные китайскими авторами от Шолохова, так и уникальные особенности, обусловленные спецификой китайской истории и культуры. Это внесет вклад в понимание процессов межкультурного взаимодействия в литературе. Исследование базируется на произведениях Лю Чжэня, Ши Чжуншаня, Чжан Цзэши и других китайских писателей второй половины XX — начала XXI века, а также на критической и литературоведческой литературе, посвященной анализу этих произведений и творчества М. А. Шолохова, включая работы Си Пэйцю, Ван Гоуха и Ли Цзябао.

Для достижения цели применяется комплексный методологический подход, сочетающий элементы историко-литературного, сравнительно-типологического и генетического анализа. Это позволит проследить динамику восприятия творчества Шолохова в Китае и выявить конкретные факты заимствования и трансформации его мотивов, образов и приемов китайскими писателями. В отличие от предшествующих исследований, сосредоточенных на общих вопросах влияния, данная работа ставит задачей выявить конкретные примеры заимствования и трансформации шолоховских идей и образов в китайской военной прозе. Такой подход углубит по-

нимание механизмов межкультурного диалога и вклада русской литературы в развитие китайской культуры.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1 Перевод рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека»

1950-е годы, период активного политического, экономического и культурного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом, часто называемый «медовым месяцем» [Кун Ханьби, 2004, с. 150.], ознаменовались широким распространением советской литературы в Китае. Шолохов как один из наиболее идеологически выдержанных и признанных советских писателей, воспевающий героизм советского народа и верность коммунистическим идеалам, был представлен китайскому читателю почти сразу по появлении его книг.

1 января 1957 года советская газета «Правда» опубликовала, приурочив к новогодним праздникам, новый рассказ Шолохова — «Судьба человека». Китайский журнал «Освободительная армия литературы и искусства» (解放军文艺报) принял решение о публикации произведения.

Однако, узнав, что переводчик Цао Ин уже начал работу над переводом и планирует опубликовать его в журнале «Переводы» (译文报), журнал «Освободительная армия литературы и искусства» организовал оперативную группу, которая в спешке перевела произведение и опубликовала китайский перевод «Судьбы человека» 16 марта 1957 года под редакцией учёного Го Баоцюаня (戈保全). Вскоре после этого, 1 апреля, журнал «Переводы» опубликовал перевод Цао Ина.

В сентябре того же года издательство «Новая литература и искусство» (新文艺出版社) выпустило отдельным изданием перевод «Судьбы человека», выполненный Цао Ином. Этот перевод, отличавшийся точностью и бережным отношением к авторскому стилю, вскоре завоевал признание читателей и критиков.

В 1960-е годы, с ухудшением советско-китайских отношений, распространение советской литературы в Китае было ограничено. Тем не менее «Судьба человека» Шолохова, благодаря своим высоким художественным достоинствам и гуманистическому послы, продолжала циркулировать в определённых кругах. В этот период новых переводов было немного, однако ранние переводы (например, перевод Цао Ина) продолжали распространяться в узких кругах или среди определённых читательских групп.

В 1980-е годы, с началом политики реформ и открытости в Китае, перевод и публикация зарубежной литературы вновь активизировались. Советская литература вновь привлекла внимание, и «Судьба человека» была

переведена и опубликована заново. В 1980-х годах перевод Цао Ина был переиздан и стал одним из самых авторитетных китайских переводов. В то же время другие переводчики представили новые версии. Стремясь адаптировать произведение к изменившимся вкусам и культурным запросам, они использовали более современный язык и стилистические приемы. В октябре 1981 года газета «Иностранная литература» (外国小说报) опубликовала перевод Сюй Чанханя (徐昌汉); в октябре 1985 года пекинское издательство «Синьхуа» (北京新华出版社) выпустило перевод Малуншаня (马龙闪) и др.; в 1996 году сычуаньское издательство «Литература и искусство» (四川文艺出版社) опубликовало перевод Фэн Цзя (冯加) и др. (табл.).

В XXI веке, с увеличением разнообразия в переводе и публикации зарубежной литературы в Китае, перевод Цао Ина по-прежнему остаётся основным вариантом, что свидетельствует о его высоком качестве и устойчивой популярности среди китайских читателей.

Таблица

Издания и публикации «Судьбы человека» в Китае

Год	Переводчик	Издательство	Книга, сборник, журнал или газета, в котором был опубликован рассказ «Судьба человека»
1957	Го Баоцюань (戈保全)	Неизвестно	«Освободительная армия литературы и искусства» (解放军文艺)
1957	Цао Ин (草婴)	Неизвестно	«Переводы» (译文)
1957	Цао Ин (草婴)	«Новая литература и искусство» (新文艺出版社)	Неизвестно
1981	Цао Ин (草婴)	«Народное издательство Аньхой» (安徽人民出版社)	«Советское искусство и литература» (苏联文艺)
1981	Цао Ин (草婴)	«Народное издательство Аньхой» (安徽人民出版社)	«Избранные рассказы современного мира» (现代世界短篇小说选)
1981	Сюй Чанхань (徐昌汉)	«Народное издательство искусства и литературы» (人民文艺出版社)	«Иностранная литература» (外国小说报)
1984	Цао Ин (草婴)	«Китайское издательство кино» (中国电影出版社)	«Сборник сценариев зарубежных фильмов» (外国电影剧本丛刊)
1985	Ма Луншань (马龙闪)	«Пекинское издательство Синьхуа» (北京新华出版社)	«Рассказы Шолохова» (肖洛霍夫短篇小说)
1986	Цао Ин (草婴)	«Пекинское издательство» (北京出版社)	«Сборник советских рассказов» (北京出版社)

Окончание табл.

Год	Переводчик	Издательство	Книга, сборник, журнал или газета, в котором был опубликован рассказ «Судьба человека»
1986	Ма Цзяхань (马加汉)	«Сычуаньское издательство литературы и искусства» (四川文艺出版社)	Неизвестно
2000	Цао Ин (草婴)	«Народное литературное издательство» (人民文学出版社)	«Собрание сочинений Шолохова» (肖洛霍夫文集)
2001	Цао Ин (草婴)	«Народное издательство» (人民文学出版社)	«Избранные повести и рассказы Шолохова» (肖洛霍夫中短篇文集)
2005	Цао Ин (草婴)	«Народное издательство и издательство «Восток» (人民出版社与东方出版社)	«Судьба человека» (一个人的遭遇)

Как видно из представленной выше таблицы, история переводов «Судьбы человека» в Китае ярко отражает исторические изменения в советско-китайском литературном обмене. Например, период расцвета переводов в 1950-е годы совпадает с периодом тесного сотрудничества между СССР и КНР, а возобновление интереса к Шолохову после 1979 года символизирует начало новой эпохи в отношениях между двумя странами. От первых переводов в 1950-е годы до повторного распространения и возрождения интереса к рассказу после внедрения политики реформ и открытости и затем вплоть до XXI века, характеризующегося многообразием переводов и исследований текста, это произведение неизменно привлекает китайских читателей своими глубокими темами и трогательными отношениями, связывающими героев.

Среди многочисленных китайских переводов «Судьбы человека» версия Цао Ина (草婴) по праву считается классической [Чжао Минъи, 2008, с. 15]. Она отличается не только простотой, плавностью языка и точностью передачи оригинала, но и глубоким пониманием шолоховского стиля и русского менталитета. Цао Ин сумел передать дух эпохи, трагизм судьбы Андрея Соколова и его непоколебимую веру в жизнь, сделав образ главного героя особенно близким и понятным китайским читателям.

Цао Ин, автор перевода, получившего широкое признание как наиболее точный и во многом определивший восприятие повести в Китае, в отличие от более поздних адаптаций стремился максимально сохранить оригинальный стиль Шолохова: лаконичность, эмоциональность и народ-

ность. Для этого использовался ряд идиоматических выражений, передающих тот же дух и колорит. При этом переводчик акцентировал внимание на теме моральной стойкости и преданности долгу, что отражает особенности китайского культурного восприятия.

3.2. Критика и исследования рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в Китае

Вскоре после публикации китайского перевода рассказа «Судьба человека» (16 марта 1957 года в журнале «Освободительная армия») в китайской прессе появились первые рецензии, что свидетельствовало о росте интереса к новому произведению Шолохова и его особой актуальности для китайского читателя, переживавшего период социальных преобразований и искавшего новые образцы для подражания.

Статья Чжан Лиюня «Читая новое произведение Шолохова — “Судьба человека”», опубликованная 20 марта в газете «Гуанмин жибао», отмечала реалистичность созданного Шолоховым образа обычного русского человека: «Выдающийся писатель Михаил Шолохов создал исключительно реалистичный образ обычного русского человека. Андрей Соколов — типичный представитель современной России, и его судьба — это судьба советского человека» [Фан Шуминь, 1957, с. 18—25]. Реалистичность изображения и типичность героя стали ключевыми моментами, привлечшими внимание китайских критиков, которые, в силу идеологического контекста, стремились видеть в Соколове воплощение идеального советского человека, преданного коммунистическим идеалам и способного на любые жертвы ради Родины.

Чжан Лиюнь (张立芸), будучи литературоведом, видела в Соколове пример для подражания, воплощение идеального советского человека [Чжан Цзюнь О, 1990, с. 8—11]. В своей работе Ду Лицзюнь (杜黎芸), также специалист в области литературоведения, сосредоточился на анализе художественных особенностей произведения, подчеркнув, что Шолохов «благодаря глубоким наблюдениям и обобщениям смог продемонстрировать политическую страсть и жизненную правду, искусно соединив личную судьбу героя с судьбой эпохи» [Ду Лицзюнь, 1957, с. 16—18]. В отличие от Чжан Лиюня, Ду Лицзюнь акцентирует внимание на художественном мастерстве Шолохова, рассматривая, как автору удалось создать глубокий и правдивый образ эпохи через изображение личной трагедии. Он подчеркивает важность не только содержания, но и формы произведения, отмечая гармоничное сочетание реалистичности и эмоционального воздействия, достигаемое благодаря использованию простых и понятных образов, искреннему тону повествования и умению автора передать чувства и переживания своего героя.

Сопоставление этих отзывов демонстрирует, что китайские литературные критики и ученые в первую очередь оценивали «Судьбу человека» с точки зрения идеологии и эстетики, обращая внимание как на правдивость изображения, так и на тесную связь личной судьбы героя с историческим контекстом.

В 1970-е годы политический разрыв между Китаем и Советским Союзом привел к резкому ослаблению и свертыванию культурных связей между двумя странами. С началом «культурной революции» в Китае советская литература, включая творчество Шолохова, стала объектом тотального отрицания. Судьба Шолохова в этот период служит ярким примером того, как политические факторы влияют на восприятие и оценку творчества писателя. Средства массовой информации, отражая официальную идеологию, развернули кампанию по дискредитации Шолохова, стремясь исказить и демонизировать его образ. Например, в газете «Жэньминь жибао» (人民日报) была опубликована статья, где Нобелевская премия, присужденная Шолохову, была названа «наградой для западных писателей и восточных предателей» [Цай Хуэй, 1966, с. 7], а самого писателя обвиняли в оппортунизме и предательстве. По мнению авторов статьи, Нобелевский комитет намеренно выбирал тех русских писателей, которые враждебно относились к коммунизму и Октябрьской революции.

Под влиянием «Культурной революции» на Шолохова был навешен ярлык «основоположника советской ревизионистской литературы» [Лю Сянвэнь, 2014, с. 88]. Его имя практически исчезло из публикаций того периода.

Чжоу Цзинло, видный идеолог эпохи «культурной революции», рассуждая о рассказе «Судьба человека», обвинял Шолохова в искажении подлинного характера народной войны, которая велась под верховным командованием Сталина, указывая на недостаточное внимание к массовому героизму советских солдат и чрезмерный акцент на личных страданиях и трагедии, что, по мнению критика, принижало роль партии и вождя в победе над фашизмом. Тем самым Шолохов, по мнению критика, подыгрывал «хрущевской группе предателей» [Цай Хуэй, 1966, с. 7], пытавшихся дискредитировать сталинское наследие и подорвать основы социализма.

Н. С. Хрущев, чье имя в Китае стало синонимом ревизионизма из-за его критики культа личности Сталина и отказа от жесткой линии в международной политике, высоко оценивал таких писателей, как Шолохов, считая, что их творчество «свидетельствует об их преданности великой правде советской жизни» [Вэнь Ян, 1975, с. 6—12]. Такая оценка, в условиях господства маоистской идеологии, служила дополнительным аргументом в пользу дискредитации Шолохова, чье творчество рассматривалось как

проявление ревизионистских тенденций и отступление от принципов социалистического реализма.

В этой абсурдной ситуации политическая оценка художественного произведения полностью вытеснила внимание к его эстетической ценности, а идеологические ярлыки составили основу оценки творчества писателя. Этот эпизод демонстрирует, как политическая конъюнктура и идеологическая борьба влияли на восприятие литературы в Китае в период «культурной революции», предопределяя негативное отношение к творчеству Шолохова.

В контексте китайской идеологии это было воспринято как доказательство враждебности Шолохова по отношению к революции. «Судьба человека» была объявлена «черным знаменем современного ревизионизма» [Ци Сюэдун и др., 1966, с. 16—20], а Шолохова обвиняли в пропаганде пацифизма, отрицании революционных войн, прославлении предателей и трусов. Критике подвергалась и нарративная стратегия произведения. В частности, авторов возмущало изображение Шолоховым мирной и счастливой жизни Соколова, а также его милой и нежной семейной жизни, что, по их мнению, приводило к игнорированию необходимости революционной войны. Этот прием был квалифицирован как направленный против революции, поскольку героизировал «частную жизнь» в ущерб общественным интересам.

Следовательно, критика Шолохова в период «Культурной революции» была обусловлена не только ухудшением советско-китайских отношений, но и идеологическими противоречиями между двумя странами в области литературы и искусства. Это было не случайностью, а закономерным следствием смены политического курса и пересмотра ценностей, что привело к отторжению всего, что ассоциировалось с Советским Союзом, включая его культуру и литературу.

После завершения «Культурной революции» в КНР начался процесс политической реабилитации и восстановления правовых норм, что способствовало развитию независимых научных исследований. В результате с 1990-х годов в китайской литературоведческой критике наблюдается активизация изучения творчества М. А. Шолохова.

В указанный период было опубликовано около шестидесяти научных статей, в которых основное внимание уделялось разностороннему анализу рассказа «Судьба человека».

Тематика и идейное содержание рассказ «Судьба человека» получили разнообразные интерпретации от литературных критиков. Некоторые исследователи утверждают, что основное внимание в произведении акцентируется на осмыслении последствий войны, а не на её изображении, что

проявляется в авторском сочувствии к жертвам Великой Отечественной войны и преобладании печали над пафосом [Сунь Мэйлин, 1982, с. 261]. Другие, напротив, указывают на доминирование пессимистических настроений и отчаяния в тексте [Чжоу Чэнъянь, 1998, с. 156—163]. Тем не менее существует мнение, что трагизм повествования не влечет за собой абсолютный пессимизм благодаря присутствию героических мотивов [Хэ Маочжэн, 1989, с. 84—90]. В результате анализа концепции «пропаганды пацифизма» [Цай Хуэй, 1966, с. 7] возникает вывод о том, что Шолохов не отвергает войну в абсолютном смысле. Следовательно, проблемное поле повести не сводится к антивоенной критике, а обретает философскую глубину, где судьба рядового человека, Андрея Соколова, трансформируется в универсальный символ человеческого существования в экстремальных условиях военного времени.

Одна группа исследователей утверждает, что произведение пронизано авторским оптимизмом, в то время как другая настаивает на доминировании пессимистических мотивов. Эти разногласия объясняются различным восприятием начала и финала повести. Например, описание теплой весенней природы на Дону в начале рассказа может быть интерпретировано как создание оптимистического фона для последующей трагедии. В противовес этому, некоторые исследователи считают, что мрачное и меланхоличное настроение пронизывает повествование с самого начала.

Аналогичные споры касаются и окончания произведения: одни видят в нем оптимизм, когда Соколов, преодолевая невзгоды, находит новую надежду, в то время как другие акцентируют разрушительное воздействие ужасов войны на человеческую психику.

Сюй Инь, рассматривая эти трактовки с эстетической точки зрения, подчеркивает, что обе позиции имеют общий недостаток: разделение эстетического эффекта трагедии на трагическое и возвышенное, что приводит к односторонним выводам о пессимистической или оптимистической направленности произведения. Она утверждает, что великое трагическое произведение, с эстетической точки зрения, должно отражать как страдания, так и сопротивление героя перед лицом трагических обстоятельств [Сюй Инь, 1995, с. 83—86].

Китайские исследователи Шолохова также уделяют внимание художественным особенностям «Судьбы человека». В литературоведческой критике отмечается новаторское осмысление военной тематики как наиболее значительное художественное достижение повести наряду с созданием «образа простого человека социалистической эпохи» [Ли Цзябао, 1994, с. 16—25], представляющего собой своеобразный гимн человеческому величию.

Повесть отличается четкой композиционной структурой, включающей пролог, основное повествование и эпилог, что соответствует принципу «рассказа в рассказе» [Чжан Цзюньоу, 1990, с. 57—62]. При этом пролог и эпилог занимают сравнительно небольшую часть текста (около одной пятой), а основное содержание составляет монолог Соколова. Отмечается сочетание авторского повествования, лирических отступлений и драматического монолога, а также «гармоническая и ритмическая целостность» [Дай Пинцзи и др., 1982, с. 7—12], основанная на «симметрии и уравниваемости» [Мо Цзяли, 1993, с. 18—21].

Китайский литературовед Мэн Фаньхун, анализируя композицию, подчеркивает символичность названия, имен, пейзажа и переплетение явных и скрытых линий, трансформирующих авторское видение в косвенном изображении войны, создании образа героя, сочетающего обыденность и величие, а также в оптимистической интерпретации трагической темы [Мэн Фаньхун, 2012, с. 61—64]. Среди других особенностей выделяют разнообразие языковых средств, точность деталей, выразительность портретов, пейзажей, гуманизм и трагикомическое сочетание.

Однако китайские исследователи отмечают и недостатки, такие как элементы натурализма и сентиментальности в изображении войны, недостаточная проработка темы народной поддержки [Хэ Маочжэн, 1979, с. 32—35], а также идеологическая тенденциозность и нивелирование роли государства и партии [Бай Чжаоцин, 1985, с. 4—10]. Подчеркивается смещение акцента на трагедию Соколова при слабом освещении подвига народа, а также недостаточное развитие авторского идеала и эстетической выразительности, выдвигается тезис о недостоверности отдельных эпизодов и непоследовательности автора в создании образа героя [Чжоу Чэньян, 1998, с. 15—21].

Сопоставительные исследования рассказа «Судьба человека» с произведениями китайских авторов стали важным направлением в литературоведении. Текст оказал значительное влияние не только на советскую, но и на мировую военную литературу, а также на развитие военной прозы в Китае нового времени.

Ван Гохуа, известный исследователь творчества Шолохова, проводя параллели между «Судьбой человека» и романом Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», концентрируется на общих чертах, знаменующих отход от традиционных канонов военной литературы, а именно отказ от героического изображения войны, прославления подвигов и идеализации солдат, что ознаменовало появление новых эстетических идеалов [Ван Гохуа, 1987, с. 12—18]. Отмечаются такие черты, как изображение трагического опыта простых людей, психологических последствий трав-

мы и реалистичное описание жестокости войны. Оба произведения сосредоточены на внутреннем мире человека, авторы отказываются от пафоса и батальных сцен.

Различия в художественном методе двух выдающихся писателей, Шолохова и Ремарка, наглядно отражают их расхождение в понимании трагизма войны. Шолохов, в отличие от Ремарка, использует сдержанный психологизм, в котором немногочисленные реплики и поступки его персонажа, Андрея Соколова, выступают словно верхушка айсберга, скрывая за собой неизмеримую глубину душевной боли. Такой подход предоставляет читателю возможность самостоятельно домыслить и прочувствовать все переживания героя.

В качестве примера можно привести эпизод, когда Соколов отказывается пить за победу немецкого оружия: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?» Э. М. Ремарк использует более экспрессивные и натуралистичные приемы, безжалостно обнажая перед читателем весь ужас войны и невыносимые страдания умирающего Кеммериха. Его герои, в отличие от шолоховского Соколова, часто предстают пассивными жертвами обстоятельств, практически неспособными активно бороться за свое счастье и в конечном итоге утрачивающими веру в будущее.

В качестве примера можно привести отчаянный вопль одного из героев, наблюдающего за умирающим товарищем: «Раздевшись, Франц Кеммерих становился маленьким и тоненьким, как ребенок. И вот он лежит передо мной, — как же так? Надо бы провести мимо этой койки всех, кто живет на белом свете, и сказать: это Франц Кеммерих, ему девятнадцать с половиной лет, он не хочет умирать. Не дайте ему умереть!» В этом крике отчаяния, по мнению критика, отражается бессилие человека перед лицом войны, его полная зависимость от безжалостной судьбы.

Таким образом, принципиально разный подход к изображению человека на войне позволяет и Шолохову, и Ремарку создать два противоположных, но одинаково сильных образа, которые отражают различные аспекты влияния войны на личность и разные способы преодоления полученной травмы.

3.3. Влияние рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека» на китайскую военную прозу

Творческая позиция Михаила Шолохова, заключающаяся в осмыслении истории через призму судеб простых людей, оказала мощное влияние на китайскую литературную среду. Это влияние, проявившееся в генетической и типологической связи, особенно заметно в китайской военной прозе нового периода, включая как военную прозу и романы-рефлексии, так и реалистическую прозу 1990-х годов. В данной работе, опираясь на сравнительно-ли-

тературоведческие теории А. Н. Веселовского и В. М. Жирмунского, будет проведен анализ сходств и различий между «Судьбой человека» Шолохова и их китайскими аналогами, такими как «Гимн герою» Лю Чжэня, «Последний солдат» Ши Чжуншаня и «Моя корейская война» Чжан Цзэши, чтобы выявить конкретные особенности этого влияния и вклад в будущие исследования. Анализ творчества Шолохова и его рецепции в Китае не только закладывает прочный фундамент для будущих международных литературоведческих исследований, но и вносит ценный вклад в развитие российско-китайского сравнительного литературоведения.

Роман Лю Чжэня «Гимн герою» от первого лица повествует о взрослении девушки-солдата Цинлянь и её боевого товарища Чжан Юйкэ, начиная с участия в «детской команде» и заканчивая Освободительной войной между Коммунистической партией Китая и Гоминьданом. В огне войны между ними зарождается любовь, и в итоге Чжан Юйкэ своей жертвой создает величественный гимн жизни революционера, возвышая юношескую любовь до трогательной поэмы о любви к родине.

Роман Ши Чжуншаня «Последний солдат» рассказывает историю Китайско-японской войны с точки зрения простого солдата, описывая верность, храбрость и непоколебимость солдат, а также глубокое воздействие войны на жизнь простых людей.

«Моя корейская война» Чжан Цзэши — это мемуары, основанные на личном опыте автора, описывающие жестокость войны, героизм солдат и жизнь в лагере для военнопленных, а также глубокие воспоминания и размышления о Корейской войне.

Теория «исторической поэтики» А. Н. Веселовского, акцентирующая внимание на происхождении, развитии и распространении литературных тем, сюжетов и образов [Веселовский, 1989, с. 100], позволяет выявить в китайской военной прозе («Гимн герою», «Последний солдат» и «Моя корейская война») рецепцию художественной модели шолоховской повести «Судьба человека». Эти генетические связи проявляются в заимствовании и трансформации образов, нарративных стратегий, антивоенной тематики и трагического тона, адаптированных к китайскому культурному и историческому контексту.

Влияние «Судьбы человека» М. Шолохова на произведение «Гимн герою», если основываться на учении Веселовского о «бродячих сюжетах» [Веселовский, 1872] и «мотивах» [Там же] как элементах литературной традиции, заметно в нескольких аспектах.

Образ Андрея Соколова, с его сочетанием стойкости и человечности, послужил отправной точкой для создания многогранных образов в «Гимне герою». Однако, в отличие от шолоховского акцента на личной трагедии,

внутренний мир героев в «Гимне герою» подчинен идее служения революции и народу.

Эта трансформация проявляется в том, что потеря семьи, будучи для Соколова личной трагедией, становится для Цинлянь стимулом к еще более активной борьбе за идеалы коммунизма. Это соответствует принципам китайской революционной эстетики, где личное подчинено общественному, а страдания во имя революции возвышают человека.

Так, после потери Чжан Юйкэ, Цинлянь продолжила его дело — коммунистическую борьбу, поднимая боевой дух солдат в агитбригаде. Она сдерживает обещание, данное любимому: дождавшись окончания Освободительной войны и объединения родины, едет в Пекин, чтобы сфотографироваться на фоне площади Тяньаньмэнь.

В отличие от Соколова, одинокого в своей борьбе с несправедливостью, Чжан Юйкэ чувствует себя частью коллектива, объединенного общей целью. Именно эта идея коллективизма и служения революции, унаследованная Лю Чжэнем от Шолохова, в частности, от его концепции роли народа в истории, но трансформированная в соответствии с китайскими коммунистическими идеалами, определяет особенности изображения героя в «Гимне герою», где личные переживания отходят на второй план.

Шолохов использовал ретроспекцию для глубокого изображения индивидуальной травмы и переживаний «маленького человека» на войне [Николукина, 2001, с. 464]. Детализация описаний, переживаний и исповедальная тональность позволяют читателю не просто узнать о событиях из жизни Соколова, но и пережить их, ощутить боль, потерю и отчаяние. В «Гимне герою» эта структура переосмысливается: личные воспоминания служат не раскрытию индивидуальной трагедии, а укреплению связи личного опыта с общей целью революции. Например, рассказ о подвиге комбата Чжан Юйкэ призван вдохновить на подвиги во имя революции, показать, что его жизнь отдана во имя высокой цели.

В отличие от Шолохова, авторы «Гимна герою» — в силу идеологических установок и задач революционной пропаганды — отказались от психологической глубины, сосредоточившись на создании героического образа советского воина, готового на любые жертвы ради коммунизма. Воспоминания стали инструментом идеологической цельности, а не психологической глубины. Шолоховский гуманизм фокусируется на цене войны для личности, на сломанной судьбе человека. В «Гимне герою» антивоенный пафос преобразуется в философское осмысление истории, где индивидуальная жертва — часть общего героизма и вклада в победу революции. Скорбь и сострадание отступают перед идеей «бессмертия революционного духа» [Лю Сянвэнь, 2014, с. 242] и верой в продолжение борьбы.

Хотя влияние «Судьбы человека» и ощутимо в использовании ретроспекции и антивоенного пафоса, направленность этого влияния претерпевает существенные изменения. Если Шолохов использует эти элементы, чтобы подчеркнуть трагизм индивидуальной человеческой судьбы, сложенной войной, то в «Гимне герою» они подчиняются задаче создания героического эпоса, прославляющего революцию и жертвенность во имя её идеалов, что отражает стремление китайской литературы того времени к созданию позитивного образа героя, готового отдать жизнь за светлое будущее. Эта трансформация, однако, не умаляет значения шолоховского наследия, а лишь свидетельствует о его способности адаптироваться к различным культурным и идеологическим контекстам, доказывая универсальность и непреходящую ценность его гуманистических идеалов.

Сравнительное исследование «Судьбы человека» и «Последнего солдата» раскрывает не только типологическое сходство в обращении к теме войны и судьбе «маленького человека» [Там же], но и глубокие различия, обусловленные спецификой социокультурного контекста и авторского видения. По нашему мнению, это позволяет проследить важные этапы эволюции военной прозы XX века — от психологизма и акцента на индивидуальной трагедии к социологизму и исследованию влияния исторических событий на судьбу целого поколения.

Основываясь на теории Веселовского, можно утверждать, что между двумя произведениями существует заметная генетическая связь. В тематическом плане «Последний солдат» наследует от «Судьбы человека» внимание к судьбе «маленького человека» и дегероизацию изображения войны. Однако наблюдается и трансформация: происходит смещение внимания с непосредственных физических страданий, характерных для Шолохова, на долгосрочное влияние послевоенной травмы и от поиска индивидуального спасения к изображению беспомощности и растерянности личности перед лицом трагической эпохи. Полагаем, что это отражает эволюцию восприятия войны и ее последствий в китайской культуре. В нарративном режиме оба произведения выбирают в качестве центра повествования судьбу главного героя, используя трагический колорит для передачи боли и безысходности войны. Однако в произведении «Последний солдат» Чжан Цзэши стремится к более широкому социальному контексту и социальной критике, нежели к индивидуализированному эмоциональному выражению, что свидетельствует о сдвиге от психологизма к социологизму в литературе и о стремлении понять войну как социальное явление.

Оба произведения представляют образы обычных солдат. Соколов, несмотря на все испытания, сохраняет веру в жизнь и человечность, что отражает силу духа русского народа. Ван Цингуй, напротив, олицетворя-

ет пассивность и отчуждение, что, возможно, является отражением разочарования в идеалах прошлого и трагического раздробления китайского общества в XX веке.

С типологической точки зрения, в концепции В. М. Жирмунского, оба произведения принадлежат к жанру реалистической военной прозы, отвергая героический нарратив, представляя рефлексии о войне и показывая испытания человеческой природы. Кроме того, они демонстрируют типологическую черту «личная судьба и история» [Жирмунский, 1979, с. 150], тесно связывая индивидуальные переживания с масштабным историческим фоном.

Однако одновременно произведения иллюстрируют специфику межкультурного заимствования и локализации. «Последний солдат», усваивая литературные идеи «Судьбы человека», интегрирует китайский исторический контекст, в частности, тему «потерянного поколения» [Рабинович, 2019, с. 91], пережившего японскую оккупацию и гражданскую войну. Эта тема, в отличие от шолоховской веры в силу советского человека, пронизывает «Последнего солдата» чувством растерянности и утраты.

Кроме того, в произведение интегрированы культурные традиции, что придает ему уникальный стиль. Это проявляется, например, в использовании традиционных китайских мотивов, в частности, мотива верности долгу и неспособности вернуться домой, чтобы исполнить сыновний долг. Этот мотив, как показывает эпизод гибели роты и бесцельного скитания Ван Цингуя («Все бойцы роты погибли, в живых остался только командир роты Ван Цингуй, который, несмотря ни на что, продолжал выполнять свой долг и стремился найти свою часть»), воплощает конфуцианскую ценность «пожертвовать жизнью ради долга» [Там же].

Однако в контексте «Последнего солдата» эта ценность лишается героического пафоса и приобретает трагическое звучание, подчеркивая бессмысленность жертвы перед лицом разрухи и всеобщего страдания. Если Соколов находит утешение в новой семье, то Ван Цингуй остается один на один со своей травмой, что можно интерпретировать не только как проявление даосистской философии принятия неизбежности судьбы, но и как свидетельство глубокого духовного кризиса и утраты надежды, лишаящей его возможности обрести новую идентичность и оставляющей в состоянии отчуждения и безысходности.

Это особенно заметно в финале романа, где Ван Цингуй и его сошедшая с ума жена Сяо Лань безучастно сидят у могил четырнадцати боевых товарищей и своего сына, выпалывая свежую траву и без конца повторяя имя сына (Сяо Пан), что резко контрастирует с открытым финалом «Судьбы человека», вселяющим надежду, и подчеркивает трагический

разрыв с прошлым и глубокую травму, пережитую китайским обществом в XX веке.

В итоге, сопоставление этих произведений позволяет увидеть, как универсальные темы войны и человеческой стойкости преломляются сквозь призму различных культурных и исторических контекстов, формируя уникальное художественное своеобразие и раскрывая новые грани человеческого опыта.

Таким образом, «Судьба человека» послужила важным ориентиром для автора произведения «Последний солдат», который, унаследовав идеи предшественника о важности судьбы «маленького человека» на войне, углубил психологизм в изображении последствий травмы, сфокусировавшись на её экзистенциальных последствиях в повседневной жизни человека после возвращения к миру, что стало важным шагом в развитии китайской военной прозы и отражает особенности китайского исторического опыта, демонстрируя генетические и типологические связи в литературе, а также уникальность и творческий потенциал произведений в различных культурных контекстах.

В приложении литературных теорий А. Н. Веселовского и В. М. Жирмунского к произведениям Михаила Шолохова «Судьба человека» и Чжан Цзэши «Моя корейская война» выявляются значительные сходства и параллели в тематике, структуре повествования и образах персонажей, а также пути культурно-специфической адаптации инокультурного художественного объекта.

Тематически, под влиянием «Судьбы человека», Чжан Цзэши также фокусируется на глубоком влиянии войны на судьбы отдельных людей. Однако, в отличие от Шолохова, показывающего трагедию через призму короткого, но насыщенного событиями периода, Чжан Цзэши исследует долговременные последствия войны, растянувшиеся на всю жизнь, что отражает уникальную перспективу «потерянного поколения» [Рабинович, 2019] китайской литературы.

Как и Шолохов, Чжан Цзэши показывает, как война разрушает жизнь и достоинство «маленького человека» [Там же]. При этом если Соколов после всех испытаний находит в себе силы жить дальше и дарить тепло приемному сыну, то Чжан Цзэши, несмотря на возвращение на родину, ощущает себя отчужденным и неприкаянным.

Этот мотив «возвращения домой без дома» [Сян Цзин, 2018, с. 25—30], специфический для китайской культуры, свидетельствует о глубокой психологической травме, полученной в плену, и демонстрирует трансформацию шолоховского образа «стойкого человека» под влиянием китайской истории и философии.

Оба текста поднимают тему рефлексии, так как переосмысление трагического опыта войны, поиск виновных и пострадавших, а также попытки понять смысл произошедшего являются универсальной потребностью человечества, стремящегося осмыслить и преодолеть ужасы насилия.

В нарративной структуре, как отмечал Жирмунский, важную роль играют перспектива и организация повествования. «Судьба человека» сочетает нарратив от третьего лица с воспоминаниями Соколова от первого лица, что создает эффект объективного взгляда на трагедию и одновременно позволяет читателю глубоко проникнуть во внутренний мир героя, ощутить его боль и страдания. В «Моей корейской войне» используется линейное повествование от первого лица, что создает эффект непосредственности и личной вовлеченности, но при этом ограничивает возможность для более широкого исторического и социального анализа. Несмотря на различия в технике, оба произведения смещают фокус с героических клише традиционной военной литературы на судьбы обычных людей, однако если Шолохов акцентирует психологическое состояние Соколова и его внутреннюю борьбу, то Чжан Цзэши стремится к максимальной достоверности, детально описывая быт, лишения и жестокость плена, что позволяет читателю прочувствовать ужасы войны через призму личного опыта, а не через призму глубоких психологических переживаний. Это отражает разные подходы к изображению человека на войне: у Шолохова — трагедия личности, у Чжан Цзэши — трагедия поколения.

В образах персонажей Соколов и Чжан Цзэши воплощают тип «стойкого патриота» [Неёлов, 2001, с. 207—213], однако характер этой стойкости проявляется по-разному. Соколов демонстрирует непоколебимую гордость и верность Родине, открыто бросая вызов немецкому коменданту в плену (*Я было из его рук и стакан взял и закуску, но как только услышал эти слова, — меня будто огнем обожгло! Думаю про себя...*). Эта преданность также проявляется в его неоднократных попытках бежать из концлагеря и в его акте личной мести, когда после успешного побега он везет немецкого офицера в советский тыл [Шолохов, 2022, с. 10]. Чжан Цзэши проявляет стойкость в сохранении верности своим товарищам и в стремлении вернуться на родину после плена, что, однако, не исключает сомнений и разочарований.

Судьбы обоих героев отражают социальные ценности и исторический контекст их эпох. Соколов, несмотря на пережитые ужасы, остается верен советским идеалам и даже в плену не поступает своими принципами. Чжан Цзэши, в свою очередь, воплощает традиционные китайские ценности долга, чести и верности, дополненные новым пониманием патриотизма, основанным на любви к Родине и готовности к самопожертвованию, но при этом не чужд рефлексии и самоанализа.

Оба героя сталкиваются с послевоенной стигматизацией. Послевоенная судьба Соколова омрачена гибелью близких и одиночеством, однако он находит новый смысл в заботе о сироте Ване, что символизирует надежду на будущее. Чжан Цзэши, напротив, сталкивается с политическими обвинениями и социальной изоляцией, переживая годы унижений и борьбы за реабилитацию [Чжан Цзэши, 2000, с. 100].

В этом отношении их судьбы демонстрируют универсальную для человека способность к адаптации и выживанию, несмотря на травмы войны и несправедливость общества, что отражает фундаментальное стремление к жизни, свободе и счастью, которое преодолевает культурные и исторические границы, подтверждая идею Веселовского о литературной универсальности и способности мотивов передаваться от одной культуры к другой.

Влияние «Судьбы человека» на китайскую военную прозу, как демонстрируют произведения Лю Чжэня («Гимн герою»), Ши Чжуншана («Последний солдат») и, особенно, Чжан Цзэши («Моя корейская война»), показывает механизмы «генетической» передачи идей, описанные Веселовским.

В то время как «Гимн героя и «Последний солдат» адаптируют шолоховский гуманизм, подчиняя изображение страдания задаче прославления революционных идеалов, «Моя корейская война» представляет более деидеологизированный взгляд на войну и её последствия. Чжан Цзэши, в отличие от Шолохова, описывает свой опыт плена прежде всего с позиций подавления личности сомнениями, разочарованиями и потерей веры в будущее, не стремясь показать сохранение верности идеалам.

Именно фокус на личной правде и отказ от идеализации сделали «Мою корейскую войну» прорывом в китайской военной прозе, долгое время находившейся под влиянием героического дискурса и идеологических установок. Подобная честность и открытость стали важным шагом к более глубокому и осмысленному пониманию войны и её последствий.

Автобиографизм повествования, с одной стороны, усиливает эмоциональную достоверность, а с другой — позволяет дистанцироваться от официального героического дискурса и представить более личный, психологически глубокий взгляд на войну, что можно интерпретировать как влияние даосской философии, которая, однако, не приносит Чжан Цзэши умиротворения и гармонии. Отвергая путь единения с природой и отказа от мирских страстей, он приходит к осознанию фатальной неизбежности страданий и человеческой беспомощности перед лицом судьбы, что проявляется, например, в эпизоде, где, столкнувшись с угрозой насильственного возвращения в лагерь, он, как и другие пленные, выражает готовность сражаться насмерть, не веря в возможность изменить свою участь: *Большие двери распахнулись. Несколько американских солдат уже подняли прикла-*

ды своих винтовок. Я немедленно крикнул лейтенанту: «Если вы посмеете силой затащить нас внутрь, мы будем сражаться насмерть, это вы уже знаете, и вся ответственность будет на вас!» [Чжан Цзэши, 2000, с. 38].

Таким образом, шолоховское наследие в Китае служит примером межкультурного диалога, где универсальные темы войны, судьбы и человечности обретают новое звучание благодаря синтезу с национальным опытом. Как подчеркивали А. Н. Веселовский и В. М. Жирмунский, литературные влияния не сводятся к простому заимствованию, а порождают гибридные формы, обогащающие как принимающую, так и исходную культуру.

4. Заключение = Conclusions

В Китае повесть «Судьба человека» была воспринята как предвестник «оттепели» в советской литературе второй половины 1950-х годов, знаменующей собой стремление к переосмыслению социальных проблем и критику бюрократизма [Сунь Мэйлин, 1982, с. 150.]. Произведение с его глубоким гуманистическим пафосом, вызвало широкий резонанс среди китайских читателей, увидевших в нем отражение трагической судьбы целого поколения и осуждение страданий, причиненных войной. Повесть не только приобрела глубокое типическое значение, но и стала символом памяти о тех, кто внес вклад в победу над фашизмом.

Данная статья систематизирует траекторию распространения и исследования «Судьбы человека» в Китае, выявляя глубинные взаимосвязи между историей её рецепции и динамикой советско-российско-китайских отношений. Исследование демонстрирует выраженную политическую цикличность процесса переводов и изучения: взрывной рост наблюдался в периоды дипломатического «медового месяца» (вторая половина 1950-х, середина 1980-х, начало 2000-х), сменяясь замиранiem при охлаждении отношений. Такая специфика рецепции наглядно иллюстрирует симбиоз литературной коммуникации и геополитики в рамках сравнительного литературоведения.

На уровне литературного влияния, опираясь на теорию исторической поэтики А. Н. Веселовского и концепцию генетических связей В. М. Жирмунского, статья выявляет глубинные интертекстуальные параллели между «Судьбой человека» и китайской военной прозой. Произведения Ши Чжуншаня «Последний солдат», Лю Чжэня «Гимн герою» и Чжан Цзэши «Моя корейская война» демонстрируют генетическое родство с шолоховской поэтикой в аспектах антигероизации персонажей, кольцевой композиции и эстетики военной травмы.

Исследование подтверждает, что «Судьба человека», будучи классикой гуманистической военной прозы XX века, не только стала важным ориен-

тиром модернизации китайской военной литературы, но и сама история ее рецепции превратилась в уникальную призму для анализа культурной дипломатии и взаимовлияния литератур Китая и России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва : Высшая школа, 1989. — 307 с.
2. *Веселовский А. Н.* Славянские легенды о Соломоне и Китоврасе и Западные легенды о Морольфе и Мерлине / А. Н. Веселовский. — Москва : Типография В. Демакова, 1872. — 350 с.
3. *Николюкина А. Н.* Маленький человек / А. Н. Николюкина // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, Интелвак, 2001. — 1596 с. — ISBN 5-93264-026-X.
4. *Неелов М. М.* Великие и почитаемые предки русского народа символ любви и преданности родине / М. М. Неелов // Омский научный вестник. — 2001. — С. 206—214.
5. *Шмеман А.* Беседы на Радио Свобода / А. Шмеман. — Москва : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. — 2009. — Т. 2. — 541 с. — ISBN 978-5-7429-0407-6.
6. *Ван Гоуха.* Новые горизонты в области военной литературы — сравнительный анализ Судьбы человека и На Западе без перемен / Ван Гоуха // Исследование зарубежной литературы. — 1987. — № 2. — С. 12—18 (王国华.军事文学领域的新拓展—〈一个人的遭遇〉和〈西线无战事〉之比较.//外国文学研究—1987.—№ 2.—12—18页).
7. *Бай Чжаоцин.* Краткое исследование повести Шолохова Судьба человека / Бай Чжаоцин // Сунляосюэкань. — 1985. — № 4. — С. 4—10 (白照芹.简论肖洛霍夫的〈一个人的遭遇〉.//松辽学刊.—1985.—№ 4.—С.4—10页).
8. *Вэнь Ян.* Критика Тихого Дона / Вэнь Ян // Венский Цзиньцзяньский педагогический университет. — 1975. — С. 6—10. (文扬.静静的顿河评论 // 晋江师范学院学报.—1975.—1975.—С.6—10页).
9. *Дай Пинци.* О триумфах и неудачах повести Судьба человека / Дай Пинци, Чжан Чжидун // Вестник Шаньсийского университета. — 1982. — С. 7—12. (戴屏吉,张志忠.论〈一个人的遭遇〉的成败得失.//山西大学学报—1982.—С. 7—12页).
10. *Ду Лицзюнь.* Об особенностях создания Судьбы человека / Ду Лицзюнь // Изучение литературы и искусства. — 1957. — № 5. — С. 16—18 (杜黎均.论〈一个人的遭遇〉的创作特色.//文艺学习.—1957.—№ 5.—С.16—18页).
11. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1979. — 493 с.
12. *Калениченко О. Н.* Мифологема строительной жертвы в русской литературе XIX — XX вв. / О. Н. Калениченко // НАУКА — ИСКУССТВО — КУЛЬТУРА. — 2012. — С. 149—161.
13. *Кун Ханьбин.* Советско-китайские отношения и их влияние на социальное развитие Китая / Кун Ханьбин. — Пекин : Китайское международное издательство радиовещания, 2004. — С. 405 (孔寒冰.中苏关系及其对中国社会发展的影响—北京:中国国际广播出版社.—2004年,405页) .

14. *Ли Цзябао*. Философские вопросы о судьбе современного человечества — три исследования искусства повести Судьба человека / Ли Цзябао // Вестник Цзинчжоуского педагогического университета. — 1994. — № 3. — С. 16—25 (李嘉宝.现代人类命运的哲理叩问—〈一个人的遭遇〉艺术三论//荆州师范学院学报.—1994.—№ 3.—С.16—25页.).
15. *Лю Сянвэнь*. Шолохов в Китае / Лю Сянвэнь. — Пекин : Китайское издательство социальных наук, 2014. — 88 с (刘祥文.肖洛霍夫在中国//—北京.中国社会科学出版社.—2014.—285页).
16. *Лю Чжэнь*. Повесть Гимн героя / Лю Чжэнь. — Шицзячжуан : Народное издательство провинции Хэбэй, 1981. — 236 с (刘真.英雄赞歌 // 石家庄.河北人民出版社.—1981.—236页). ТОЧНО ТАК? МОЖЕТ, ЛЮ ЧЖЭНЬ?
17. *Мо Цзяли*. Русская симфония судьбы. размышления о Судьбе человека / Мо Цзяли // Гуандунские общественные науки. — 1993. — № 2. — С. 18—21 (莫嘉丽.俄罗斯命运交响曲—谈〈人的命〉) //广东社会科学.—1993.—№2.—18—21页.).
18. *Мэн Фаньхун*. Преобразование и формирование художественного видения в Судьбе человека / Мэн Фаньхун // Вестник Яньбяньского университета. — 2012. — № 1. — С. 61—64 (孟繁红.〈一个人的遭遇〉艺术创作视角的转换与生成//延边大学学报(社会科学版).—2012.—№1.—61—64页.).
19. *Рабинович В. С.* Черты литературы потерянного поколения в творчестве невоевавших писателей / В. С. Рабинович // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — Т. 25. — № 2 (186). — С. 90—101.
20. *Си Пэйцю*. Сравнение романа гимния героя и Судьбы человека / Си Пэйцю // Вестник Цицикарского педагогического института. — 1986. — № 2. — С. 23—27 (奚佩秋.〈英雄的乐章〉与军事文学研究—兼比较〈英雄的乐章〉与〈一个人的遭遇〉//齐齐哈尔师范学院学报.—1986.—№ 2.—23—27页).
21. *Сунь Мэйлин*. О творчестве Шолохова / Сунь Мэйлин // Сборник статей по истории советской литературы. — Пекин : Издательство Иностранного языка и обучение, 1982. — 261 с. (孙美玲.论肖洛霍夫的创作.苏联文学史论文集//外语教学与研究出版社—1982.—261页).
22. *Сюй Инь*. Судьба человека. ещё одна вершина в творчестве Шолохова / Сюй Инь // Журнал Нанкинского педагогического университета. — 1995. — № 2. — С. 83—86 (许茵.〈人的命〉.肖洛霍夫创作中又一丰碑//南京师范大学学报—1995.—№ 2.—83—86页).
23. *Сян Цзин*. Бездомные как литературный прием / Сян Цзин // Современный критик. — 2018. — С. 25—30 (项静.论无家可归作为一种文学手法.//当代文坛.—2018.—25—30页).
24. *Фан Шуминь*. Восхваление русского характера — читая Шолохова Судьба человека / Фан Шуминь // Китайская молодежная газета. — 1957. — С. 18—25 (房树民.俄罗斯性格的赞美—读肖洛霍夫〈一个人的遭遇〉.//中国青年报—1957.—18—25页).
25. *Хэ Маочжэн*. Два наброска к повести Судьба человека / Хэ Маочжэн // Исследования иностранных проблем. — 1989. — № 4. — С. 84—90 (何茂正.〈一个人的遭遇〉漫笔二题//外国问题研究—1989.—№ 4.—84—90页).
26. *Хэ Маочжэн*. Критика повести Шолохова Судьба человека / Хэ Маочжэн // Учёба и исследования. — 1979. — № 5. — С. 32—35 (何茂正.评肖洛霍夫〈一个人的遭遇〉.//学习与探索—1979.—№ 5.—32—35页).
27. *Цай Хуэй*. Истинное лицо предателя Шолохова / Цай Хуэй // Газета Народа. — 1966. — С. 6—8 (蔡辉.肖洛霍夫的叛徒真面目//人民日报.—1998.—№ 4.—156—163页).

28. *Ци Сюэдун*. Судьба человека — чёрное знамя современной ревизионистской литературы / Ци Сюэдун, Чжэн Цибин // Жэньминь жибао. — 1966. — С. 16—20 (齐学东、郑机兵. <一个人的命>——现代修正主义文学的黑旗.//人民日报.— 1966. — 16—20页).

29. *Чжан Цзэши*. Моя корейская война / Чжан Цзэши. — Пекин : Издательство Шиши, 2000. — С. 100 (张泽石.我的朝鲜战争.//时事出版社— 2000.—238页).

30. *Чжан Цзюньюу*. Рассуждения о войне. оценка новаторства повести Судьба человека в советской военной литературе / Чжан Цзюньюу // Журнал зарубежной литературы. — 1990. — № 3. — С. 57—62 (张俊鸥.战争沉思录.评<一个人的命>在苏联军事题材文学中的开拓新意.//外国文学研究.—1990. —№ 3. —57—62页).

31. *Чжао Минъи*. «Переводческие идеи и жизненный путь переводчика русской литературы Цао Ина»: диссертация ... магистра филологических наук / Чжао Минъи. — Шанхай, 2008. — 46 с. (赵明仪. 论俄罗斯文学翻译家草婴的翻译思想与翻译人生. — 上海: 华东师范大学, 2008. 46页) .

32. *Чжао Цзяньпин*. Критика Судьбы человека Шолохова / Чжао Цзяньпин // Вестник Сунляо. — 1987. — № 3. — С. 18—22 (赵剑平.评肖洛霍夫的〈一个人的遭遇〉.//松辽学刊.—1987.—№3.—18—22页).

33. *Чжоу Чэньянь*. Об художественной красоте Судьбы человека / Чжоу Чэньянь // Вестник Сычуаньского института иностранных языков. — 1998. — № 4. — С. 156—163 (周成堰.论〈人的命运〉的艺术美.//四川外语学院学报.— 1998.—№ 4.—156—163页).

34. *Ши Чжуншань*. Последний солдат / Ши Чжуншань. — Пекин : Издательство Синьхуа, 2010. — 444 с (石钟山.最后一个士兵.北京//新华出版社. —2010. —444页).

35. *Шолохов М.* Рассказ Судьба человека / М. Шолохов. — Москва : Детская литература, 2022. — 66 с. — ISBN 978-5-08-006903-1.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025,
одобрена после рецензирования 02.09.2025,
подготовлена к публикации 18.10.2025.

References

- Bai Zhaoqin. (1985). A brief study of Sholokhov's novel the Fate of Man. *Songlixuan*, 4: 4—10. (In Chin.).
- Cai Hui. (1966). The true face of the traitor Sholokhov. *Newspaper of the People*. 6—8. (In Chin.).
- Dai Pingji, Zhang Zhidong. (1982). On the triumphs and failures of the story the Fate of man. *Bulletin of Shanxi University*. 7—12. (In Chin.).
- Du Lijun. (1957). About the peculiarities of creating Human Destiny. *The study of literature and art*, 5: 16—18. (In Chin.).
- Fan Shumin. (1957). Praising the Russian Character — reading Sholokhov's the Fate of Man. *Chinese Youth Newspaper*: 18—25. (In Chin.).
- He Mahajan. (1979). Criticism of Sholokhov's novel the Fate of Man. *Studies and Research*, 5: 32—35. (In Chin.).
- He Maozheng. (1989). Two sketches for the novel the Fate of Man. *Studies of foreign problems*, 4: 84—90. (In Chin.).
- Kalenichenko, O. N. (2012). The mythologeme of the construction victim in Russian literature of the 19th — 20th centuries. *SCIENCE — ART — CULTURE*. 149—161. (In Russ.).

- Kun Hanbin. (2004). *Soviet-Chinese relations and their impact on the social development of China*. Beijing: China international radio broadcasting publishing house. 405 p. (In Chin.).
- Li Jiabao. (1994). Philosophical questions about the Fate of modern humanity — three studies of the art of the novel the Fate of Man. *Bulletin of the Jinzhou Pedagogical University*, 3: 16—25. (In Chin.).
- Liu Xiangwen. (2014). *Sholokhov in China*. Beijing: Chinese Publishing House of Social Sciences. 88 p. (In Chin.).
- Liu Zhen. (1981). *The novel the Hero's Hymn*. Shanghai to Beijing: People's publishing house of Hebei province. 236 p. (In Chin.).
- Meng Fanhong. (2012). Transformation and formation of artistic vision in human Destiny. *Bulletin of Yanbian University*, 1: 61—64. (In Chin.).
- Mo Jiali. (1993). The Russian Symphony of Fate. Reflections on the Fate of man. *Guangdong Social Sciences*, 2: 18—21. (In Chin.).
- Neelov, M. M. (2001). The great and revered ancestors of the Russian people are a symbol of love and devotion to the motherland. *Omsk Scientific Bulletin*. 206—214. (In Russ.).
- Nikolyukina, A. N. (2001). The little man. In: *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Intelvak. 1596 p. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Qi Xuedong, Zheng Jibing. (1966). The Fate of man is the black banner of modern Revisionist literature. *People's Daily*. 16—20. (In Chin.).
- Rabinovich, V. S. (2019). Features of literature of the lost generation in the works of non-war writers. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 1, Problems of education, Science and Culture*, 25 / 2 (186): 90—101. (In Russ.).
- Schmeman, A. (2009). *Conversations on Radio Liberty*, 2. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities. 541 p. ISBN 978-5-7429-0407-6. (In Russ.).
- Shi Zhongshan. (2010). *The Last Soldier*. Beijing: Xinhua Publishing House. 444 p. (In Chin.).
- Sholokhov, M. (2022). *The story of the Fate of man*. Moscow: Children's Literature. 66 p. ISBN 978-5-08-006903-1. (In Russ.).
- Sun Meilin. (1982). About Sholokhov's work. In: *Collection of articles on the history of Soviet literature*. Beijing: Publishing house of Foreign language and learning. 261 p. (In Chin.).
- Veselovsky, A. N. (1872). *Slavic legends about Solomon and Kitovras and Western legends about Morolf and Merlin*. Moscow: V. Demakov Printing House. 350 p. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1989). *Historical poetics*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 307 p. (In Russ.).
- Wang Guohua. (1987). New horizons in the field of military literature — a comparative analysis of the Fate of man and the West without change. *A study of foreign literature*, 2: 12—18. (In Chin.).
- Wen Yang. (1975). Criticism of the Quiet Don. *Vincennes Jinjiang Pedagogical University*. 6—10. (In Chin.).
- Xi Peiqiu. (1986). Comparison of the novel hymn of the hero and the Fate of man. *Bulletin of the Tsitsikar Pedagogical Institute*, 2: 23—27. (In Chin.).
- Xiang Jing. (2018). Homeless people as a literary device. *Modern Critic*. 25—30. (In Chin.).
- Xu Yin. (1995). The fate of man. another peak in Sholokhov's work. *Journal of Nanjing Pedagogical University*, 2: 83—86. (In Chin.).

- Zhang Junou. (1990). Reflections on the war. evaluation of the innovation of the story the Fate of Man in Soviet military literature. *Journal of Foreign Literature*, 3: 57—62. (In Chin.).
- Zhang Zeshi. (2000). *My Korean War*. Beijing: Shishi Publishing House. P. 100. (In Chin.).
- Zhao Jianping. (1987). Criticism of the Fate of Sholokhov's man. *Bulletin of Songliao*, 3: 18—22. (In Chin.).
- Zhao Mingyi. (2008). "Translation ideas and the life path of the translator of Russian literature Cao Ying". PhD Diss. Shanghai. 46 p. (In Chin.).
- Zhirmunsky, V. M. (1979). *Comparative literary studies. East and West*. Leningrad: Nauka Publ. Leningrad Branch. 493 p. (In Russ.).
- Zhou Chengyan. (1998). About the art and beauty of human Destiny. *Journal of Sichuan Institute of foreign languages*, 4: 156—163. (In Chin.).

*The article was submitted 02.05.2025;
approved after reviewing 02.09.2025;
accepted for publication 18.10.2025.*

Информация для цитирования:

Макаров А. Н. Дискуссия Шиллера и Бюргера о природе искусства для народа / А. Н. Макаров, И. А. Тютюнник // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 344—363. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-344-363.

Makarov A. V., Tyutyunnik, I. A. (2025). Schiller versus Bürger: An Eighteenth-Century Debate on Nature of Popular Art. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 344-363. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-344-363. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Дискуссия Шиллера и Бюргера о природе искусства для народа

Макаров Аркадий Николаевич

orcid.org/0000-0002-0471-6669

доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков неязыковых направлений,

корреспондирующий автор

anmakarov1949@mail.ru

Тютюнник Ирина Аркадьевна

orcid.org/0000-0002-3076-1283

кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков неязыковых направлений

irina.t77@mail.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

Schiller versus Bürger: An Eighteenth-Century Debate on Nature of Popular Art

Arkady N. Makarov

orcid.org/0000-0002-0471-6669

Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Languages
of Non-linguistic areas,

corresponding author

anmakarov1949@mail.ru

Irina A. Tyutyunnik

orcid.org/0000-0002-3076-1283

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
of Non-linguistic areas

irina.t77@mail.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу ключевой эстетической дискуссии в немецкой литературе конца XVIII века между Фридрихом Шиллером (1759—1805) и Готфридом Августом Бюргером (1747—1794) о природе «народного» искусства. Проанализированы тексты полемики: рецензия Шиллера «О стихотворениях Бюргера» и ответ Бюргера «Предварительная антикритика». Цель исследования — описать литературно-эстетические представления Шиллера (идеализирующее, классицистическое искусство) и Бюргера (демократическое, реалистическое искусство). Выявлено, что Бюргер утверждал реалистический принцип «народности», основанный на изучении фольклора и правдивом отражении действительности, при котором поэт должен быть «в гуще» народа, а Шиллер отстаивал идеалистический подход, требующий от поэта создания возвышенного идеала и «снихождения» к народу для его облагораживания. Доказано, что концепция Бюргера утверждала жизненную достоверность произведения, а позиция Шиллера вела к элитарности и схематизму. Автор приходит к выводу о том, что спор был неизбежен и отразил фундаментальное расхождение между классицистической и предромантической парадигмами. Сделан вывод о том, что Шиллер отрицает позицию Бюргера и внедряет в теорию искусства представления нового классицизма. Новизна исследования видится в детальном сопоставительном анализе аргументов обеих сторон, раскрывающем онтологические основы их эстетических расхождений.

Ключевые слова:

Немецкое Просвещение; *Буря и натиск*; Фридрих Шиллер; Готфрид Бюргер; искусство для народа; рецензия Шиллера на стихотворения Бюргера; немецкий классицизм; романтизм в Германии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines a pivotal aesthetic debate in late eighteenth-century German literature between Friedrich Schiller (1759–1805) and Gottfried August Bürger (1747–1794) concerning the nature of “popular” art (Volkskunst). The analysis focuses on the core texts of this polemic: Schiller’s critical review, “On Bürger’s Poems,” and Bürger’s retaliatory piece, “Preliminary Anti-Critique.” The study aims to delineate the contrasting literary-aesthetic paradigms of Schiller, who advocated an idealizing, classicist art, and Bürger, who championed a democratic, realist art. The investigation establishes that Bürger argued for a realist principle of “popularity” (Volkstümlichkeit), grounded in the study of folklore and the truthful representation of reality, positing that the poet must be immersed “among the people.” In contrast, Schiller defended an idealist approach, which required the poet to create a sublime ideal and to “descend” to the people in order to ennoble them. It is demonstrated that Bürger’s concept affirmed the work’s fidelity to life, whereas Schiller’s position led to elitism and schematicism. The author concludes that this controversy was inevitable, as it reflected a fundamental divergence between the classicist and pre-Romantic paradigms. The study further argues that Schiller’s rebuttal of Bürger’s stance served to embed the tenets of a new classicism into artistic theory. The novelty of this research lies in its detailed comparative analysis of the arguments put forth by both sides, which reveals the ontological foundations of their aesthetic disagreement.

Key words:

German Enlightenment; Sturm und Drang; Friedrich Schiller; Gottfried August Bürger; Popular Art; Schiller’s review of Bürger’s poems; German Classicism; Romanticism in Germany.

УДК 821.112.2Bürger.06+821.112.2Schiller.06

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-344-363

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Дискуссия Шиллера и Бюргера о природе искусства для народа

© Макаров А. Н., Тютюнник И. А., 2025

1. Введение = Introduction

В Германии эпохи Просвещения впервые за многие века Европе были представлены сочинения, которые постепенно становились явлениями собственно немецкой литературы. От И. К. Готтшеда (1700—1766) и Ф. К. Нойбер (1697—1760) с их театральной реформой немецкая литература через Г. Э. Лессинга (1729—1781) и К. М. Виланда (1730—1813) подошла к творчеству Гете и Шиллера. Все эти ступени вели к трансформации литературно-эстетических представлений, к переходу к новому классицизму, получившему в Германии название «Веймарская классика».

Обращение немецких писателей к классицизму во французском варианте XVII столетия и пересмотр некоторых его положений закономерны. Классицизм того времени наилучшим образом воплощал идею государственности, способствовал становлению чувства национального самосознания. В XVIII веке буржуазия непосредственно участвовала в социальных изменениях, в формировании прогрессивных идеалов. Она уже не могла безоговорочно принимать идеи, направленные на укрепление феодально-монархического государства, и вносила свои коррективы в концепцию мира и человека.

Это происходило прежде всего во Франции с ее историей и единым монархическим устройством. Иное дело в Германии, которой как таковой практически не существовало, а было нечто достаточно аморфное, состоящее из 360 государств. До единого государства всех немцев пройдет еще много десятков лет. Теоретики и практики литературы в Германии сознавали, что единая, национальная литература на немецкой почве возникнет только тогда, когда будет заложена практическая основа, хотя бы в тенденции, единого немецкого государства, однако это намерение длительное время оставалось желанием, а население было еще саксонцами или баварцами, но никак не немцами. Правда, наиболее яркие деятели немецкого искусства уже проводили идеи общности, в том числе в философии и литературе, в чем им помогал классицизм.

Немецкие теоретики и практики века Просвещения почти сразу начали вести борьбу против однобокости и узости в трактовке многих литературно-эстетических проблем. Именно полемика с классицизмом Готтшеда и швейцарцами пробудила дремлющие силы немецкой литературы, вызвала в ней волну и «чувства», и «разума», заставила художников более глубоко задуматься над проблемами теории и практики искусства: «Эстетическое состояние, по Шиллеру, есть среднее состояние между чувственностью и разумом, которое открывает разум в самой чувственности ... Эта разумность чувственности, или чувственная разумность, есть прекрасная видимость, открывающаяся через побуждение к игре в самом искусстве» [Гусев, 2019, с. 103].

Уже на раннем этапе развития немецкого Просвещения проявилось его стремление связать воедино культ разума и культ чувства: «В разных странах Европы появились значительные поэтические произведения и крупные поэты, чьё творчество следует рассматривать в связи с историей развития предромантизма. Среди них — Д. Макферсон (как создатель «Песен Оссиана»), Т. Чаттертон, У. Блейк (как автор «Песен Неведения и Познания» и удивительных по оригинальности поэм) — три вершины английского предромантизма. Франция дала Ж. Казота, А. Шенье, Германия — творчество И. В. Гёте и Ф. Шиллера периода «Бури и натиска», баллады Г. Бюргера» [Федотова, 2010, с. 41]. Характерно также и то, что предромантические тенденции здесь возникают не как оппозиция Просвещению, а в недрах самого Просвещения как попытка преодолеть изнутри его противоречия и связать его основные положения с действительностью. Такое положение немецкой литературы в это время было вызвано конкретными причинами. Слабость буржуазии проявлялась в слабости и недоверии к основным, принципиальным положениям ее идеологии. Не случайно рационализм не получил такого широко развития, как в Англии и Франции, и не пользовался таким влиянием, как в этих странах.

Наличие в концепциях предромантиков интереса к творчеству народа, Шекспира, к Библии, к непостижимости мира и человека, то есть проявлению агностицизма в литературе, преломленного в понятии «оригинальный гений», самым решительным образом накладывает свой отпечаток на все их представления о литературе и человеке в ней. С одной стороны, они стремятся к новому пониманию литературы и фольклора как основополагающего источника любого художественного творчества. С другой же стороны, даже самые сильные литераторы Германии эпохи Просвещения так и не смогли в полном объеме применить свою концепцию нового искусства (которое Бюргер называл «народным»).

При всех их стараниях им не дано было проникнуть в дух чужой нации, правда, особо они и не пытались этого делать, поскольку перед ними

стояла задача переосмысления *всего* наследия национальной предшествовавшей литературы. Нельзя забывать, как негативно относились к современной им немецкой беллетристике самые яркие творческие личности и теоретики того времени: Готтшед, Виланд, Клопшток, Г. Э. Лессинг и, не в последнюю очередь, прусский король Фридрих II, который высказывал практически те же мысли, что и великие немецкие литераторы, и которого за это в науке традиционно принято порицать.

Романтики основывались на достижениях своих предшественников. Они мыслили иначе, хотя и кажется, что схожим образом. Недаром Ф. Шиллер, который при всем своем веймарском классицизме был им гораздо ближе, столь резко выступил против своего учителя и предшественника Бюргера. Романтизм — это другая эпоха развития немецкой литературы, похожая на предромантическую, но проповедовавшая иные подходы, иное понимание литературного процесса и творческой личности и предпринимавшая иные практические литературные шаги, о чем традиционно забывается, благо есть великий романтизм, с которым все можно сравнивать и на который можно списать многое из непонятного.

Понимание Шекспира как величайшего драматурга, равного по мощи таланта древним трагикам, существовало для немецких предромантиков прежде всего в теории и в восторгах. Не случайно возникло понятие «шекспиризация» [Захаров, 2023, с. 13], однако же не случайно и то, что лишь одно произведение того времени можно понимать как нечто близкое шекспировским драмам по духу и форме, — «Гетца фон Берлихингена» И. В. Гете (1773), — и не случайно также, что никто из его современников не написал ничего похожего, используя национальный материал. И, наконец, не случайно, что и Гете, и Шиллер достаточно быстро прошли через штюмерство и стали возрождать классику, которую они понимали не в духе французской традиции XVII века (классицизм), но пытались воссоздать (скорее, возродить) древнегреческую и римскую традиции великой, то есть классической (не классицистической!) литературы прошлого. Отсюда идет и постепенный, но все более быстрый отказ от принципов французского классицизма.

И не случайно классицизм, предромантизм и романтизм достаточно длительный промежуток времени будут существовать параллельно, не сливаясь воедино, но сохраняя свои собственные черты, приемы и подходы (классико-романтическая эпоха!). Предромантизм, кстати сказать, продолжает существовать и сегодня, в «постмодернистское» время, ибо он создал, развил и закрепил целый ряд признаков, которые оказались чрезвычайно жизнеспособными в XIX—XXI веках.

Идеи об интуиции художника существовали во взглядах Й. Г. Гаманна (1730—1788), который воздействовал на многих известных в свое время

современников (таких, например, как Кант, Гете, Бюргер). Его влияние отразилось прежде всего во внимании к чувственному восприятию мира.

Эти идеи, а также пристальное внимание к античному искусству поддерживал И. И. Винкельманн (1711—1768). Немного позднее огромное влияние на литературу Германии середины века будет оказывать Ф. Г. Клопшток (1724—1803). Его заслуга — обогащение немецкого литературного языка новыми средствами и существенное развитие немецкого сентиментализма. Наиболее известной и влиятельной была его религиозная поэма «Мессия», где Клопшток попытался преодолеть однобокость рационализма и подчеркнуть значение человеческого чувства. В этом же ключе следует воспринимать и его поэзию.

Особое значение имеет и творчество К. М. Виланда (1733—1813), которое было оригинальным, но и противоречивым. В нем проявлялись рационализм и рококо, утопизм. Назидательный и философский роман сочетался с существенными элементами сатиры (например, роман «Дон Сильвио фон Розальва», 1764). Все вместе предоставило писателю значительное место в немецкой литературе и сделало его авторитетным теоретиком и практиком искусства [Wieland, 1825].

Литература последней трети XVIII века, особенно беллетристика 70—80-х годов, существенно отличалась от сочинений писателей раннего немецкого Просвещения. В 70-е годы сформировалось новое литературно-эстетическое явление — «Буря и натиск» (Sturm und Drang), еще позднее появляются новые поэтические школы, например, гейдельбергский и иенский романтизм.

Несмотря на значительную общность во взглядах и эстетических концепциях, представители литературы этого времени были весьма различны, а само движение было противоречивым.

Существовавший многие десятилетия в XVII и XVIII веках классицизм постепенно сдает свои позиции, обретая под пером зрелого Шиллера определенные черты элитарности (литература для образованных). К концу эпохи Просвещения происходит становление понятия «народное искусство» (Бюргер) не только в виде новых жанровых форм, но и в виде теоретического осмысления данного феномена, что вылилось в дискуссию между этими двумя выдающимися немецкими авторами: «В своем подходе к популяризации античной классики (Гомера, Вергилия и др.) через перевод Шиллер оставался последователем Готфрида Августа Бюргера (1747—1794) и одновременно соперничал с ним ... В рецензиях на произведения Бюргера Шиллер опирался на собственные представления о необходимости эстетического воспитания, в то время как Бюргер стремился связать принципы «Бури и натиска» и классицизма с новым направлением

(романтизмом), что поставило его у истоков жанра романа» [Конкина, 2022, с. 174].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В литературоведении давно утвердилось мнение, что «Буря и натиск» — это наиболее яркое воплощение немецкого сентиментализма, хотя эстетические концепции штюрмеров не ограничиваются принципами сентиментализма, но идут значительно дальше, что позволяет говорить о предромантическом характере многих произведений писателей «Бури и натиска» (Бюргер, ранний Шиллер) [Луков, 2006; Бернштейн и др., 2010]. «Юношеская драматургия Шиллера также связана с литературным течением “Бури и натиска”, порожденным тем общественным подъемом, который переживала Германия в 70—80-е годы XVIII века» [Бернштейн и др., 2010, с. 107].

Перенос акцента с культа разума на культ чувства не меняет общей идейно-эстетической установки, но меняется философская основа: вместо изначально разумного человека появляется изначально добрый (чувствующий) человек. Поэтому тесное переплетение сентименталистских (Бюргер) и классицистических черт (Шиллер) не разрушало общую просветительскую направленность немецкой литературы XVIII века [Михайлов, 2010].

Иное дело предромантизм — принципиально новое явление в зарубежной литературе XVIII века потому, что оно противопоставлено Просвещению [Луков, 2006]. В то же время нередко возможно переплетение сентименталистских и предромантических тенденций в одном произведении. Причем такое смешение нельзя считать присущим только немецкой литературе, но именно в Германии в силу специфических условий развития этой страны наиболее отчетливо проявилось тесное взаимодействие сентименталистских и предромантических черт. В это время трудно найти проявление сентиментализма или предромантизма в чистом виде (исключение составляют, пожалуй, «Страдания юного Вертера» И. В. Гете и многочисленные, хотя и не слишком художественно значимые «готические романы», например, «Рыцари Льва» и «Малыш Петер» К. Г. Шписса).

Существующие в литературной науке термины «тривиальная литература» и «предромантизм» до сих пор употребляются как относящиеся к различным литературным явлениям, что в значительной степени верно. Если мы говорим о «тривиальной литературе», то, согласно традиции, имеем в виду произведения, не отличавшиеся новизной идей, написанные достаточно простым языком, содержавшие конъюнктурный материал, ожидаемое развитие действия, счастливый конец, характеризующиеся поверхностностью, легковесностью, отсутствием глубины мысли, то есть всем тем, что создается для удовлетворения вкусов далеко не самых об-

разованных и подготовленных читателей и должно оправдывать их ожидания.

Среди немецких тривиальных писателей прошлого можно назвать имена К. А. Вульпиуса (1762—1827) и Е. Марлитт (1825—1887), которые в их время были едва ли не самыми известными, популярными и читаемыми среди своих современников. Знают этих авторов и переиздают их произведения и в настоящее время.

При рассуждениях о тривиальной и предромантической литературе естественно возникает проблема «популярности» искусства [Herlinghaus, 2002]. Понятие «популярный» также многогранно и крайне спорно. Хорошо это или плохо — быть популярным? Великий немецкий лирик Г. А. Бюргер (1747—1794) полагал, что, став популярным, поэт становится истинным поэтом, ибо в нем проявляется «народность» (исконность), — термин, который в истории литературы вслед за Ф. Шиллером (1759—1805) опять же воспринимается как нечто, противоположное подлинно великой литературе. Правда, постепенно «популярность» (популярное) перестала восприниматься в качестве исключительно негативной характеристики искусства.

Разговоры о народе как таковом в XVIII веке имели в значительной степени абстрактный характер. «Народ» понимался как лучшая часть населения (в противовес аристократической высшей прослойке, но и как бы рядом с ней), то есть «народ» фигурировал как лучшая, наиболее тонко чувствующая часть всех сословий Европы того времени. Для недостаточно умных, необразованных и невоспитанных людей использовался термин «плебс», куда могли попадать и представители общественных верхов тоже, хотя об этом прямо не говорилось [Penke, 2024].

Популярная литература была в известном смысле литературой демократичной и обрела достаточно широкую читательскую аудиторию, что почти неизбежно влекло за собой пренебрежительное отношение к ней со стороны определенной части писателей, литераторов так называемой «высокой» изящной словесности (например, со стороны Ф. Шиллера). Такие авторы заявляли о воспитании народа через литературу, что в целом было скорее декларацией намерений, нежели реальностью литературного процесса и общественной жизни конца века.

Отметим, что и сам Шиллер не отказывался от учета интересов и вкусов менее образованных слоев народа: «The concept of *Herzensbildung* was proposed as a form of approaching the perceived shortcomings of the Enlightenment, which Schiller believed failed to address the human need for a balanced development of all its faculties in an all-rounded formation» [Alves et al., 2023, p. 22] // Концепция «воспитания души» была предложена как способ

преодоления очевидных недостатков Просвещения, которое, по мнению Шиллера, не смогло удовлетворить потребность человека в гармоничном развитии всех его способностей во всестороннем образовании.

Следует вспомнить переработку Ф. Шиллером «пьес для чтения» в «пьесы для театра». Он как бы создавал два варианта театрального произведения: один для постановки, то есть для «народа», а другой — на потом, на будущее, на идею, для «вечности».

Если присмотреться к содержанию романов и пьес авторов последней трети XVIII века, то среди главных их персонажей почти не обнаружим людей из самых низких общественных слоев. Даже в пьесе Я. М. Р. Ленца «Домашний учитель» (1774) или в гетевском «Вертере» (1774; переработка 1787) в качестве страдающих «героев века» выведены представители достаточно обеспеченных бюргерских слоев, и их претензии на нечто большее служат выражением невозможности воспользоваться своими талантами в рамках современного им сословного общества.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Концепция литературы в эстетике Ф. Шиллера

В немецкой литературе второй половины XVIII — начала XIX веков существовали разнообразные литературные явления: «веймарская классика» (Гете и Шиллер), сентиментализм (ранний Гете и его «Вертер», Жан Поль, живописец Мюллер), предромантизм (Бюргер, Шписс) и романтизм (Шлегели, Новалис, Тик). Подчас разнородные черты сочетались в творчестве одного писателя (как, например, у Гете, Бюргера, раннего Шиллера), но и в одном произведении (например, в «Фаусте» Гете). В связи с этим особое значение приобретают вопросы об эстетических позициях, о том, какие задачи ставили писатели в своем творчестве.

Можно с достаточным основанием утверждать наличие практически у всех значительных немецких авторов в той или иной степени собственных концепций искусства. Они были нередко различны, но в целом их можно свести к двум большим группам: те, где в центре находится «разум» (просветительский рационализм), или же «чувство», куда традиционно относят сентиментализм. На самом деле ситуация с литературно-эстетическими концепциями в это время гораздо более сложная, чем принято традиционно считать.

Обращение Шиллера к классицизму после периода «Бури и натиска» было вызвано разочарованием в абстрактном бунтарстве «бурных гениев». Показательно, что неприемлемыми для Гете и Шиллера оказались именно предромантические черты штюрмерства: отрицание действительности, противопоставление деятельности героя, активности его позиции как чув-

ству, так и разуму (следует учитывать, что активность предромантических героев не была связана с конкретным преобразованием мира, а носила абстрактный характер, была для предромантиков самоценной).

Скептическому и разрушительному предромантизму Шиллер в «веймарский» период его творчества противопоставляет искусство, ориентирующееся на строгие, гармоничные и идеальные формы античности. Дискуссия между Шиллером и Бюргером о народном искусстве (искусстве для народа) представляет собой борьбу между реалистическим и идеалистическим направлениями в литературе [Ланштейн, 1984].

Реалист, по мнению Шиллера, создает свои произведения, исходя из суммы опыта: «На возвращении сходных случаев строит он свое понимание и будет поэтому правильно судить обо всем, что в порядке вещей» [Шиллер, 1950, с. 488]. Лучшая черта реалиста — здравый человеческий рассудок [Шиллер, 1950, с. 488]. Идеалист уходит в сферы, которые не сможет раскрыть никакой опыт, «... он сумеет *охватить* своим знанием очень много и именно потому, быть может, *охватить* мало и часто потеряет в глубине то, что выиграет в обширности» [Шиллер, 1950, с. 490].

Начиная свою рецензию «О стихотворениях Бюргера» (Über Bürgers Gedichte, 1791) разговором о причинах падения значимости и качества немецкой поэзии, Шиллер видит перед собой благородную цель — наставить ее на путь, который позволит поэзии восстановить бывшее влияние и значительность, чтобы вернуть человека в мир чувства, что позволит разуму «вновь найти дорогу при помощи поэзии и в ее омолаживающем свете спастись от оцепенения преждевременной старости» [Шиллер, 1950, с. 634]. Но для того, чтобы поэзия могла выполнить эту сложную задачу, она должна вобрать в себя все достижения разума [Там же].

Шиллер обращает внимание и на личность самого творца художественного произведения. Предъявляемые к нему требования немецкий поэт формулирует однозначно: лишь тот достоин своего звания, кто оказывает облагораживающее влияние на современников. Но этого можно достичь лишь путем всестороннего развития собственной индивидуальности поэта [Шиллер, 1950, с. 636].

3.2. Творчество Бюргера в понимании Шиллера

Исходя из идеи развития творческой личности, Шиллер обращается к творчеству Бюргера и сразу ставит под сомнение основной тезис литературно-эстетических взглядов старшего современника — требование популярности (народности) искусства.

Шиллер отмечает наличие в современном ему обществе пропасти между «избранным меньшинством нации и массой», ликвидировать которую возможно лишь путем просвещения и нравственного облагоражива-

ния массы [Шиллер, 1950, с. 636]. Огромное значение, отмечает он, имеет также различие в культуре. Отсюда исходит большая трудность для народного поэта, заключающаяся в том, что ему приходится выбирать между возможностью приспособиться «к уровню понимания толпы» [Шиллер, 1950, с. 636] — это наиболее легкий путь — и тяжелым трудом, связанным со стремлением заполнить пропасть между горсткой образованных людей и толпой.

Немецкий классик не представляет, каким образом поэт должен «заполнить эту пропасть». Исполнение такого намерения, по Шиллеру, возможно лишь в случае ликвидации огромного различия в образовании между высшими слоями общества и плохо образованной частью народа. Шиллер обвиняет Бюргера в желании быть вместе с народом, смешиваясь с ним, тогда как истинный поэт должен снисходить к народу, не сливаясь с ним, но поднимая его до себя [Шиллер, 1950, с. 638]. Немецкий классик указывает на то, что многие произведения Бюргера непонятны простому человеку, например, «Ночное празднество Венеры» доступно лишь образованным людям, знающим латинский оригинал Катулла, хотя шванк «Госпожа Шнипс» ближе к народному произведению типа бенкельзанга, который менее интересен образованному слою. Исходя из данного положения, Шиллер практически говорит об особом искусстве для каждого слоя населения страны.

По Шиллеру, поэт является подлинно народным, когда «каждая его песня удовлетворяет все народные классы» [Шиллер, 1950, с. 639]. Возможно ли такое положение, чтобы «каждая песня» удовлетворяла «все народные классы»? Точнее, как может *каждая* песня удовлетворить *все* народные классы? Тем более в период, когда часть «народных классов» читала прежде всего по-французски и игнорировала родной язык.

Полемика Шиллера и Бюргера обнажила противоречие между классицистической и предромантической эстетикой. Если Бюргер исходит из принципа популярности (народности) творчества, требует внимательного изучения фольклора и отражения в произведениях искусства народных представлений об окружающем человека мире и самом человеке, то Шиллер защищает искусство, в котором создается возвышенный гармоничный идеал, опирающийся на классические образцы мировой культуры, к достижениям которого должны стремиться люди.

Вопрос о немецком национальном искусстве активно дискутировался в середине XVIII века, что проявлялось в противостоянии отжившего (подражание) и прогрессивного (созидание) [Кант, т. 5. 1966, с. 10], но оно еще не привело к устоявшимся взглядам на литературу. Под «народом» следовало понимать как крестьянские массы или бедняков-горожан, так и вла-

стителей мира вместе со всеми промежуточными и переходными слоями «народа» того времени.

Эстетическая позиция Шиллера — это позиция специфического классициста («веймарская классика») с элементами элитарности, в то время как Бюргер в своем ответе рецензенту утверждает предромантические принципы, опираясь на фольклор и предвосхищая в этом эстетику «гейдельбергского романтизма» [Ziolkowski, 2009].

3.3. Бюргер и его понимание литературы. Ответ Шиллеру

В своем ответе Шиллеру «Предварительная антикритика и заявление» (Vorläufige Antikritik und Anzeige, 1791) Бюргер признается, что надеялся все же, что некоторые из его сочинений заслуживают похвалы рецензента [Бюргер, 1950, с. 708—713]. Вместо этого драматург указывает Бюргеру на то, что его искусство не отвечает главному требованию Шиллера — идеализации и облагораживания. По мнению Бюргера, изображение человека будет удачным, если поэт не придумывает его, а действительно вынашивает в своей душе. Шиллер же, полагает Бюргер, требует показывать «абстракции чувств» [Там же, с. 711].

Высший идеал для Шиллера существует вне поэта, который, со своей стороны, должен развить в себе этот идеал и стремиться к нему. Отсюда и требование, что все, что может дать нам поэт, заключается в его индивидуальности. По Бюргеру, поэт, если рецензент таковым является (рецензия Шиллера появилась анонимно), не мог бы требовать идеализации чувства: «Никогда творящему художнику не измыслить таких несуществующих призраков, как идеализированные чувства» [Там же, с. 712].

Поэты исходят из противоположных позиций. Бюргер приходит к обобщениям, опираясь на действительность, тогда как Шиллер создает идеал (общее) «в душе», воплощая его затем в художественном произведении в персонажах. Такая идеализация более характерна для классицизма. Ср.: «Свою программу Шиллер сформулировал в “Художниках”, где определил, в частности, важную роль лирики в процессе “эстетического воспитания”. “Народный поэт”, по его мнению, должен быть воспитателем своего народа на путях человеческого становления. И баллады должны играть важную роль в образовании и эстетическом воспитании народа. Как полагает Й. Роберт, наряду с переводами из Вергилия баллады Шиллера стали первыми экспериментами в “романтизации” классики» [Конкина, 2022, с. 174—175].

В произведениях Шиллера отсутствует смешение трагического и комического в одном произведении [Little, 1974]. Бюргер же верен традиции Шекспира, в трагедиях которого он видит постоянное присутствие «природы». Он старается показать чувство так, чтобы оно не довлело в произведении, но было обрисовано с достаточной полнотой и доказательностью.

Оно должно представляться так же, как это возможно в конкретной ситуации с конкретным человеком. Герой и его чувство у Шиллера скорее декларированы, чем обоснованы поступками и развитием действия, которое полностью подчинено установке автора.

Бюргер в значительной степени следует взглядам Гердера на искусство, который писал о старых немецких и английских народных песнях. Гердер полагал, что искусство прежних поэтов шло в направлении жизни, а не умозрительных конструкций, являющихся воплощением искусственных домыслов, вопреки развитию поэзии под влиянием жизненной реальности. Поэтому и самые известные французские авторы (например, Мольер, Расин, Корнель) не должны пониматься как люди, возрождавшие древнегреческую трагедию или комедию, то есть они были классицистами, а не классиками.

3.4. Различия между взглядами Бюргера и Шиллера на природу искусства

Писатели ставили перед собой различные задачи, и сфера, в которой они работали, требовала от них различных решений, ср. [Шиллер, 1950, с. 50]. В этом принципиальное отличие во взглядах Шиллера и Бюргера и невозможность их взаимопонимания. Шиллер стал драматическим автором, тогда как Бюргер остался прежде всего лирическим поэтом с глубоким внутренним миром переживаний, чувств, даже аффектов. Немецкий классик применял критерии, которые более возможны для анализа драматического произведения, нежели поэтического. Ссылки на Лессинга не только не помогают Шиллеру обосновать свои требования по отношению к Бюргеру, но скорее затуманивают их смысл и осложняют понимание между обоими писателями, ибо Лессинг прежде всего теоретик, драматический автор и баснописец, а не лирический поэт. Он, отметим попутно, как и другие литераторы Германии, не уделил большого внимания этой дискуссии, она была для него одной из многих, типичных для века Просвещения.

Дискуссия ведется на разных уровнях. Шиллер обращается к теории, к категориям эстетики, которая дает ему большую возможность для обобщения, но в то же самое время, как всякая теория, не обращает внимания на многие частные вопросы практического создания стихотворного лирического произведения. Лирика имеет собственные законы, драма развивается по иному, хотя Бюргер почувствовал не столько более высокий уровень теоретических возможностей Шиллера, в чем сам признается (Bürger G. A. Über mich und meine Werke. Materialien zu einem künftigen Gebäude) [Bürger, o.J., Bd. 3, S. 179], сколько ряд моментов познавательного характера, которые игнорирует рассудочный Шиллер. Его теория — это умозрительная конструкция, в которой нет естественного начала. Она, скорее,

искусственно смоделированное образование, далекое от возможности существования в реальном мире и не корнящееся в нем.

Шиллер, считая идеи первоосновой, высшим, универсальным и абсолютно верным началом, игнорировал чувственность как одну из форм познания объективной реальности. Уход в мир идеала отрывал Шиллера от земной жизни, хотя ему, как великому художнику, удавалось дать в своих творениях объективные, в известной мере, обобщения.

Чувственное познание мира, на котором базируется все творческое наследие немецкого поэта-демократа Бюргера, вело его от чувства к идеалу, то есть идеальное для Бюргера создается из чувственно-познаваемых феноменов.

3.5. «Народность» литературы в понимании Бюргера

Понятие «народность» формировалось на протяжении многих десятилетий [Weinmann, 2011; Penke 2024]. Для немецкой литературы рассматриваемого периода это понятие связано прежде всего с феноменом «Бури и натиска», ставшим первым немецким литературным явлением, получившим европейскую известность [Paulus, 2013]. С другой стороны, именно в это время немецкие писатели однозначно высказались, вслед за английскими литераторами, о чертах и свойствах культурной жизни, которые с той поры станут неотъемлемой частью литературно-эстетических систем самого разного толка: об историзме, о подлинной значимости народного искусства для развития искусства в целом, о непосредственной связи литературы и породившего ее народа, о том, что в конкретное время и у конкретного народа появляется литература, которая характерна именно для данного народа, данного времени и данного места.

По сути дела, в литературу вводились новые представления о художественной деятельности и художественной действительности, которые ранее оставались вне внимания и интересов даже крупных мастеров слова.

Одним из важнейших положений этих новых представлений становилось понятие «историзма», правда, пока что прямо и однозначно не постулируемое. И в этом смысле понятие «народность» искусства превращалось в свойство всей европейской и мировой литературы в целом. Впервые в сферу интереса теоретиков вводилось и само понятие «народности», объективно повлекшее за собой необходимость анализа понятия «народ».

В немецком языке есть два слова, которые мы переводим на русский язык как «народность» — *Volkstümlichkeit* и *Popularität*. Понятие «*Volkstümlichkeit*» подразумевает «нечто, присущее народу, созданное в духе народа, подобное народу», тогда как «*Popularität*» имеет несколько иной смысл и отсылает к таким смыслам, как «любимое, излюбленное, приемлемое, известное».

Эти номинации можно употреблять как в определенной мере синонимичные, но воспринимать их как синонимы вряд ли стоит. Не случайно их появление в литературной эстетике последней трети XVIII века изначально породило определенный диссонанс в их восприятии. Известно, что одним из самых важных и практически первых произведений на эту тему был сборник Гердера и Гете «О немецком характере и искусстве» (1773), где появились размышления в новом духе о Шекспире, о народном творчестве и истории. В статье «Ко дню Шекспира» (1771) Гете высказывает примечательную мысль о принципе историзма в литературном творчестве, который он видит в произведениях великого английского драматурга. Шекспир старается показать особенности характера персонажей, объяснить их поступки, объединяя субъективный, личностный мотив поступка с объективным ходом вещей.

Тем самым Гердер и Гете выступили с обоснованием принципа национального своеобразия искусства. Понятие «народ» для Гердера, как и для его последователя Бюргера, не универсально и не охватывает собой все без исключения слои населения. Принижение поэзии, приспособление ее к дурным вкусам и низменным интересам, по их мнению, не только способны испортить поэзию, но и могут привести ее к гибели. Еще в переписке об Оссиане Гердер высказал мысль о том, что настоящее искусство, в котором читатель ощущает «природу», сохранилось лишь у «диких» народов, то есть таких, которые не подверглись нигилизирующему влиянию цивилизации. Такая поэзия сильна своей «природной» основой, показом подлинных чувств и страстей, то есть настоящей, реальной, не украшенной жизнью человека.

Согласно взглядам Бюргера, характер персонажа обязан развиваться по законам, которые учитывают детерминированность действий героя внешними событиями. Искусственное выделение добродетели из жизни может придать ей ужасный облик. Геркулес Гете говорит по этому поводу: «Она — чудовищна, как всякое порождение фантазии, не способное ужиться с естественным ходом вещей» [Гете, 1977, с. 113].

По мысли Гете, нельзя возводить в идеал то, что невозможно определить. Идеал настолько далек от жизни, что при попытках выделить его из естественного хода событий произойдет искажение действительности. Следовательно, «народность» и «популярность» поэтического творения, объявленные Бюргером высшей печатью совершенства, не означали снижения уровня поэзии в угоду или вкусу, или простоте.

Самое главное для поэта, по мнению Бюргера, заключается в создании произведения для народа (ср. его работу «Из книги Даниэля Вундерлиха»). Если поэзия не отвечает требованиям народности (по более поздней

терминологии — популярности), то она не имеет права на существование [Bürger, o.J., Bd. 3], ибо поэзия предназначена как для знатоков, так и для людей без образования. Как мы видим, Бюргер отказался от разделения поэзии на два направления. Шиллер ратовал за восстановление подобного деления. Бюргер в целом сохранял приверженность своим старым взглядам, проверенным на опыте, но признал за образованным знатоком большее право влияния на литературное произведение.

Эти мысли Бюргера основываются на творчестве его современника Гердера, практически создавшего фольклористику. Возвышая народное искусство, рассматривая под этим углом зрения творчество Шекспира (ср. его работы «Шекспир», 1771), размышляя о народных произведениях (см. «Извлечение из переписки об Оссиане и о песнях древних народов», 1771; «О народных песнях», 1773), Гердер ценит их весьма высоко и в этом смысле он выступает на одной стороне с Бюргером [Gaskill, 2003].

Литературно-эстетические взгляды Бюргера группируются вокруг теории народности искусства, куда поэт включает правдивость и естественность. Приближение к народу возможно не только через использование просторечных слов и выражений, но и через посредство того, что художник должен постоянно быть в гуще жизни, изучая ее во всех возможных проявлениях.

Народность для Бюргера есть и обращение к национальному прошлому и настоящему. Поэт обязан, по его мысли, переосмыслить прошлое с позиций сегодняшних условий, показывая это прошлое так, как оно должно было развиваться, если учитывать историческую обстановку того времени.

Требования Бюргера влекли за собой углубленный и пристальный интерес к движениям души человека. При этом поэт стремится показать сложность внутреннего мира героя, взаимообусловленность его поступков и характера.

Целью и источником искусства немецкий поэт до конца своей жизни считал народное искусство, которое дает настоящему мастеру образцы для подражания и переработки. Исходя из этих принципов, Бюргер считал важным для переводчика передать дух оригинала, избегая буквализмов.

Народное искусство, для Бюргера, это такое искусство, в котором находят свое отражение душа народа, его верования, привычки и суеверия [Gaskill 2003]. Это не только искусство для народа, создаваемое в определенной мере с учетом уровня возможности понимания им жизненных процессов и процессов в обществе, но и искусство (это вторая сторона понятия народности искусства), которое и дает художнику материал для творчества, и возвращает полученное в переработанном виде, то есть в данном случае он сближается с Шиллером.

4. Заключение = Conclusions

Канонизация устаревших форм литературного творчества, ограничение творческой самостоятельности автора рассматривается писателями как попытка ограничить сферу искусства. Бюргер полагает, что появление различных персонажей, противоречащих логике произведения, может означать, что автор имел собственные причины, которые побудили его обратиться именно к такому, а не иному способу организации материала, потому что подлинный художник, гений, не высказывает своим произведением всего, а заставляет зрителя-читателя додумывать, фантазировать.

Можно сделать вывод, что Бюргер утверждает активность восприятия читателем художественного произведения, тогда как Шиллер ограничивает сферу использования возможностей художника прежде всего рассудочными элементами, доказывает правомочность существования в искусстве схемы, которую он создает умозрительно и пытается обосновать нужность ее существования в художественном произведении. Не случайно произведения зрелого Шиллера (после штюмерского периода) схематичны и не отличаются жизненностью его персонажей (Мария Стюарт, маркиз Поза и др.).

Следовательно, в основе взглядов Бюргера и Шиллера — две принципиально различные теоретико-эстетические системы, которые предполагают отказ одного из писателей от своих литературно-эстетических представлений в случае перехода на другие и отказ от собственного понимания искусства, что было для Шиллера и Бюргера невозможно. Следует сделать вывод также и о том, что спор между ними не привел к сколько-нибудь существенным движениям или изменениям в немецкой литературе, хотя был многим известен и остался элементом немецкой литературной жизни.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бюргер Г. А.* Предварительная антикритика и заявление / Г. А. Бюргер // Шиллер И. Х. Ф. Собрание сочинений : в 8-ми томах. — Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1937—1950. — Том VI. — С. 708—713.
2. *Гёте И. В.* Боги, герои и Виланд / И. В. Гёте. — в книге : Гёте И.В. Собрание сочинений : в 10-и томах / И. В. Гёте. — Москва : Художественная литература, 1975—1980. — Т.4 : Драммы в прозе. — 1977. — 497 с.
3. *Кант И.* Критика способности суждения. 1790 / И. Кант // Сочинения : в 6-и т. — Москва : Мысль, 1966. — Т. 5. — 368 с.

4. Шиллер И. Х. Ф. Собрание сочинений : в 8-ми томах / И. Х. Ф. Шиллер. — Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1937—1950. — Том VI. — 764 с.
5. Bürger G. A. Bürgers sämtliche Werke in vier Bänden : in einem Buch / G. A. Bürger. — Leipzig : Max Hesse Verlag, o. J, 1823. — Bd. 1—4. — LXVIII, 221, 215, 223, 247 S.
6. Wieland C. M. Über den Hang der Menschen an Magie und Geistererscheinungen zu glauben / C. M. Wieland. — Leipzig : Bey Georg Joachim Göschen, 1825. — Bd. 32. — S. 125—142.

Литература

1. Бернштейн И. А. Фридрих Шиллер / И. А. Бернштейн, Е. Е. Миропольская // Иностранные языки в школе. — 2010. — № 8. — С. 106—115.
2. Гусев Д. О. Фридрих Шиллер о природе искусства и красоты / Д. О. Гусев // Научные труды. — 2019. — № 51. — С. 93—105.
3. Захаров Н. В. Поэтика шекспиризации в немецкой драматургии XVIII—XIX вв. / Н. В. Захаров // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2023. — № 2. — С. 12—22. — DOI: 10.17805/trudy.2023.2.2.
4. Конкина А. М. Йорг Роберт о классицистическом романтизме и эстетике глубины у Шиллера («Кубок») / А. М. Конкина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение. — 2022 — № 4. — С. 173—179. — DOI: 10.31249/lit/2022.04.12.
5. Ланштейн П. Жизнь Шиллера / П. Ланштейн. — Москва : Радуга, 1984. — 404 с.
6. Луков В. А. Предромантизм / В. А. Луков. — Москва : Наука, 2006. — 683 с. — ISBN 5-02-034354-4.
7. Михайлов А. В. Шиллер / А. В. Михайлов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Мысль, 2010. — 2816 с. — ISBN 978-2-244-01115-9.
8. Федотова Л. В. Романтизм : социокультурные основания диалога с народной культурой / Л. В. Федотова // ПОИСК : Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. — 2010. — № 5 (29). — С. 38—47.
9. Alves A. «The way to the head must be opened through the heart» / A. Alves, T. Neuhaus // Enlightenment and Herzensbildung in Schiller. *Studia Theodisca*. — 2023. — Vol. 30. — Pp. 5—27. — DOI: <https://doi.org/10.54103/1593-2478/21670>.
10. Gaskill H. Ossian, Herder, and the Idea of Folk Song / H. Gaskill // *Literature of the Sturm und Drang*. — Rochester, N.Y : Boydell & Brewer, Camden House, 2003. — S. 95—116.
11. Herlinghaus H. Art. Populär / H. Herlinghaus // *Ästhetische Grundbegriffe*. — Stuttgart : Klett-Cotta, 2002. — Bd. 4. — S. 832—884.
12. Little W. A. Gottfried August Bürger / W. A. Little. — New York : Twayne, 1974. — 234 S.
13. Paulus J. Johann Gottfried August Bürger : Von der Popularität der Poesie. Zur Poetik des Volkslieds im Sturm und Drang / J. Paulus // *Sturm und Drang. Epoche — Autoren — Werke*. — Darmstadt. — 2013. — S. 122—138.
14. Penke N. Formationen des Populären. Semantik und Poetik des "Volkes" um 1800 / N. Penke. — Heidelberg : Felix Meiner Verlag, 2024. — 507 S.
15. Weinmann F. Das Populäre bei Gottfried August Bürger / F. Weinmann // *Das Populäre. Untersuchungen zu Interaktionen und Differenzierungsstrategien in Literatur, Kultur und Sprache*. — Göttingen : Dieterich, 2011. — S. 65—78.

16. Ziolkowski T. Heidelberger Romantik : Mythos und Symbol / T. Ziolkowski. — Heidelberg : Winter, 2009. — VIII, 2414 S.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025,
одобрена после рецензирования 15.09.2025,
подготовлена к публикации 17.10.2025.

Material resources

- Bürger, G. A. (1823). *Bürgers sämtliche Werke in vier Bänden: in einem Buch, 1—4*. Leipzig: Max Hesse Verlag, o. J. LXVIII, 221, 215, 223, 247 S. (In Germ.).
- Burger, G. A. (1937—1950). Preliminary anti-criticism and statement. In: *Schiller I. H. F. Collected works: in 8 volumes, VI*. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. 708—713. (In Russ.).
- Goethe, I. V. (1977). Gods, heroes and Wieland. In: *In the book: Goethe I. V. Collected works: in 10 volumes, 4*. Moscow: Fiction. 497 p. (In Russ.).
- Kant, I. (1966). Criticism of the faculty of judgment. 1790. In: *Works: in 6 volumes, 5*. Moscow: Mysl. 368 p. (In Russ.).
- Shiller, I. H. F. (1937—1950). *Collected works: in 8 volumes, VI*. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. 764 p. (In Russ.).
- Wieland, C. M. (1825). *Über den Hang der Menschen an Magie und Geistererscheinungen zu glauben*, 32. Leipzig: Bey Georg Joachim Göschen. 125—142. (In Germ.).

References

- Alves, A., Neuhaus, T. (2023). «The way to the head must be opened through the heart». Enlightenment and Herzensbildung in Schiller. *Studia Theodisca*, 30: 5—27. DOI: <https://doi.org/10.54103/1593-2478/21670>.
- Bernstein, I. A., Miropolskaya, E. E. (2010). Friedrich Schiller. *Foreign languages at school*, 8: 106—115. (In Russ.).
- Fedotova, L. V. (2010). Romanticism: sociocultural foundations of dialogue with folk culture. *SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture*, 5 (29): 38—47. (In Russ.).
- Gaskill, H. (2003). Ossian, Herder, and the Idea of Folk Song. In: *Literature of the Sturm und Drang*. Rochester, N.Y: Boydell & Brewer, Camden House. 95—116.
- Gusev, D. O. (2019). Friedrich Schiller on the nature of art and beauty. *Scientific works*, 51: 93—105. (In Russ.).
- Herlinghaus, H. (2002). Art. Populär. In: *Ästhetische Grundbegriffe*, 4. Stuttgart: Klett-Cotta. 832—884. (In Germ.).
- Konkina, A. M. (2022). Jorg Robert on classical romanticism and aesthetics of depth in Schiller (“The Cup”). *Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 7, Literary Criticism*, 4: 173—179. DOI: 10.31249/lit/2022.04.12. (In Russ.).
- Lanstein, P. (1984). *The Life of Schiller*. Moscow: Raduga Publ. 404 p. (In Russ.).
- Little, W. A. (1974). *Gottfried August Bürger*. New York: Twayne. 234 S. (In Germ.).
- Lukov, V. A. (2006). *Pre-romanticism*. Moscow: Nauka Publ. 683 p. ISBN 5-02-034354-4. (In Russ.).
- Mikhailov, A. V. (2010). Shiller. In: *New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes*. Moscow: Mysl. 2816 p. ISBN 978-2-244-01115-9. (In Russ.).
- Paulus, J. (2013). Johann Gottfried August Bürger: Von der Popularität der Poesie. Zur Poetik des Volkslieds im Sturm und Drang. *Sturm und Drang. Epoche — Autoren — Werke. — Darmstadt*. 122—138. (In Germ.).

- Penke, N. (2024). *Formationen des Populären. Semantik und Poetik des "Volkes" um 1800*. Heidelberg: Felix Meiner Verlag. 507 S. (In Germ.).
- Weinmann, F. (2011). Das Populäre bei Gottfried August Bürger. In: *Das Populäre. Untersuchungen zu Interaktionen und Differenzierungsstrategien in Literatur, Kultur und Sprache*. Göttingen: Dieterich. 65—78. (In Germ.).
- Zakharov, N. V. (2023). Poetics of Shakespeareanization in German drama of the XVIII—XIX centuries. *Scientific Works of the Moscow University for the Humanities*, 2: 12—22. DOI: 10.17805/trudy.2023.2.2. (In Russ.).
- Ziolkowski, T. (2009). *Heidelberger Romantik: Mythos und Symbol*. Heidelberg: Winter. VIII, 2414 S. (In Germ.).

*The article was submitted 06.03.2025;
approved after reviewing 15.09.2025;
accepted for publication 17.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сафрон Е. А. Северный миф в творчестве финских прозаиков второй половины XIX века (на примере сказок С. Топелиуса) / Е. А. Сафрон // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 364—379. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-364-379.

Safron, E. A. (2025). Northern Myth in Works of Finnish Prose Writers of Second Half of 19th Century (Fairy Tales of Zacharias Topelius). *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 364-379. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-364-379. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Северный миф в творчестве финских прозаиков второй половины XIX века (на примере сказок С. Топелиуса)

Сафрон Елена Александровна
orcid.org/0000-0002-7752-3403
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры германской
филологии и скандинавистики
00inane@mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Northern Myth in Works of Finnish Prose Writers of Second Half of 19th Century (Fairy Tales of Zacharias Topelius)

Elena A. Safron
orcid.org/0000-0002-7752-3403
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department of Germanic
Philology and Scandinavian Studies
00inane@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос проблематики авторского мифа, создаваемого Сакариусом Топелиусом в своих сказках. Материалом исследования послужили сказки из сборника «Чтение для детей». Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью мифологических компонентов, связанных с представлениями о Севере как об уникальном мире в творчестве этого финского прозаика и поэта. Научная новизна работы состоит в том, что впервые показано, как в сказках С. Топелиуса строится авторский Северный миф, в основе которого лежат мифологема мирового древа, образы морского бога Ахто и его супруги Велламо, образ мифологического кузнеца, образ шамана. Доказано, что среди мифологических компонентов в сказках особую роль играет редуцированный эсхатологический миф, связанный с сюжетом о противостоянии колдунов, желающих поймать солнце. Также определяется комплекс мотивов, образующий основу поэтики Северного мифа С. Топелиуса: мотив жертвы, мотив чудесного дара, мотив зимы. Установлено, что С. Топелиус создает уникальный авторский Северный миф, состоящий из комплекса языческих мировоззрений финнов и саамов, пропущенных через христианское мировоззрение писателя. Подчеркивается, что особую роль в этом мифе играют гуманистические установки, призванные воспитать юное поколение, живущее в мире и гармонии со всеми северными народами.

Ключевые слова:

Сакариас Топелиус; Лапландия; финский; Северный миф; гуманизм; христианство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the problematics of the authorial myth created by Zacharias Topelius in his fairy tales. The primary source material is drawn from his collection, *“Reading for Children”*. The study’s relevance is underscored by the insufficient scholarly attention given to the mythological components in the works of this Finnish writer and poet, particularly those related to conceptualizations of the North as a unique world. The novelty of this research lies in its demonstration of how Topelius constructs an authorial Northern myth, grounded in such archetypes as the World Tree, the figures of the sea god Ahti and his consort Vellamo, the mythological smith, and the shaman. It is argued that among these mythological components, a reduced eschatological myth — linked to the plot of sorcerers vying to capture the sun — plays a particularly significant role. The article further identifies a complex of motifs that form the foundation of the poetics of Topelius’s Northern myth: the motif of sacrifice, the motif of the miraculous gift, and the motif of winter. The analysis establishes that Topelius fashions a unique authorial Northern myth, synthesizing a complex of Finnish and Sámi pagan beliefs filtered through the writer’s own Christian worldview. It is emphasized that humanistic ideals, intended to educate the younger generation to live in peace and harmony with all Northern peoples, play a special role in this myth.

Key words:

Zacharias Topelius; Lapland; Finnish Literature; Northern Myth; Mythopoeisis; Humanism; Christianity; Cultural Identity.

УДК 821.511.11Топелиус.07+81-343.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-364-379

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Северный миф в творчестве финских прозаиков второй половины XIX века (на примере сказок С. Топелиуса)

© Сафрон Е. А., 2025

1. Введение = Introduction

Север как сакральное мифологическое пространство — знаковое понятие не только для финнов, но и для русских, шведов, норвежцев и многих других малых народов, проживающих на данной территории. Так, Н. М. Теребихин в монографии «Метафизика Севера» писал, что этот край вызывает «живое чувство и переживание личной причастности к тем неведомым, незримым и непостижимым планам сверхфизической, сверхприродной реальности, которая составляет загадку и тайну Севера, его притягательный и призывный “вызов” и “зов”» [Теребихин, 2004, с. 4].

Цель настоящей статьи — проследить принципы формирования Северного мифа как особого авторского нарратива в волшебных сказках выдающегося финского шведоязычного поэта и писателя, исследователя саамского и карело-финского фольклора, автора концепции флага Финляндии [Savolainen] Сакариаса (Захариаса) Топелиуса (1818—1898). Обозначенная цель требует решения следующих задач:

- выявить мифологемы, заимствованные писателем из автохтонной традиции (финской, саамской);
- проследить, какой тип мифа доминирует в творчестве С. Топелиуса;
- проанализировать образный ряд Северного мифа в интерпретации писателя;
- вычленить компоненты Северного мифа, являющиеся плодом индивидуально-авторского воображения С. Топелиуса.

Сказки этого самобытного представителя скандинавского романтизма (Первая часть сборника сказок «Sagor» вышла в 1847 году) почти сразу после первой публикации вошли в обязательную программу обучения в шведской и финской начальной школе [Lagerlöf, 1919, s. 392], в круг же русского детского чтения эти тексты попали в 1880 году и на настоящий момент остаются важным компонентом воспитания юного поколения, так

как транслируют вечные ценности здорового общества: заботу о ближнем, стойкость, честность и т. п. Кроме того, сказки С. Топелиуса обладают особым национальным колоритом, базирующимся на сочетании различных компонентов финской и саамской фольклорно-мифологической традиции, что позволяет нам говорить о том, что в них создается особый индивидуально-авторский Северный миф.

Автор настоящей работы полагает, что раскрытие компонентов Северного мифа, формируемого писателем, представляющим соседнюю с Россией страну, поможет глубже осмыслить собственную отечественную мифологическую традицию, связанную с особенностями восприятия арктического и субарктического регионов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В Финляндии существуют сообщества, которые бережно сохраняют творческое наследие С. Топелиуса (Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura) [Suomalaisen], Шведское литературное общество в Финляндии (Svenska Litteratursällskapet i Finland) [Svenska]. Североевропейское литературоведение подробно изучило его деятельность как издателя, фольклориста (М. Энгман [Engman, 2011], Й. Вреде [Wrede, 1999, s. 253—264¹, Я. Яаккола [Jaakkola, 2011]), кроме того, ряд работ посвящен анализу поэтики его сказок (К. Лаурент [Laurent, 1947], Й. Орлов [Orlov, 2003], М. Лехтонен [Lehtonen, 2002], У. Виде [Widhe, 2021]. Отметим, что, оценивая его творческое наследие, исследователи традиционно определяют С. Топелиуса в разряд ключевых финских гуманистов [Zacharias Topelius. 375 humanister].

В поле отечественной науки также существуют труды, посвященные творчеству этого писателя. Так, Е. Сойни, И. С. Маташина, Г. Ю. Сумароков [Сойни и др., 2022] рассматривают образ Лапландии в произведениях С. Топелиуса, однако делают это в сопоставительном ключе: наряду с текстами этого автора в поле внимания исследователей попадают и сочинения Ф. М. Франсена, Э. Лейно, К. Вала, У. Кайласа, Й. Синисало. И. А. Сергиенко изучает русские переводы сказок С. Топелиуса, выполненные в конце XIX — начале XX веков, в кругу переводных текстов других представителей скандинавской детской литературы: С. Лагерлёф, П.-К. Асбёрнсена, Г. Х. Андерсена [Сергиенко, 2016]. М. В. Казакова и С. А. Хмылева [Казакова и др., 2021] выявляют христианские мотивы поэзии С. Топелиуса. Однако заметим, что не существует ни одного исследования, которое полностью сфокусировало бы свое внимание на специфике сказочной поэтики этого писателя.

Для анализа привлекались сказки из издания С. Топелиуса «Läsning för barn» («Чтение для детей») на шведском языке [Topelius, 2021] (писатель

был этническим шведом). В фокусе внимания оказались следующие тексты: «Сампо-Лопарёнок» («Sampo Lappelill», 1860) (здесь и далее перевод наш. — Е. С.), «Звездоглазка» («Stjernöga», 1873), «Зимняя сказка о Зацепинебо и Подопритучу» («Vintersagan om Skyhög och Molnskägg», 1859), «Как железная дорога получила семимильные сапоги» («Huru järnvägen fick sjumilsstöflar», 1891), «Подарок морского хозяина» («Havskonungens gåfva», 1869), «Солнечный луч в ноябре» («Solstrålen i november», 1868).

В качестве вспомогательного материала исследования выступил переводной сборник сказок С. Топелиуса (один из семи вариантов переводов, выполненных на русском языке), изданный в Петрозаводске в 1979 году и иллюстрированный работами народного художника Карелии, заслуженного художника РФ Тамары Григорьевны Юфы. Иллюстрации, созданные Т. Г. Юфой, прекрасно дополнили сборник и сделали настоящее издание обязательным элементом детской библиотеки каждой карельской семьи.

В ходе работы над статьей применялся мифопоэтический метод, позволивший вычлениить фольклорно-мифологические составляющие сказок (компоненты эсхатологического, календарного мифа, мифологему мирового древа, модификацию образа шамана и т. п.). С помощью культурно-исторического метода рассматривалась специфика взаимоотношений финнов и лопарей (в частности, вера финнов в колдовские способности саамов), метод мотивного анализа позволил выделить ряд мотивов, образующих идейный центр Северного мифа С. Топелиуса (мотив жертвы, мотив чудесного дара, мотив крещения).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Ключевым теоретическим понятием настоящего исследования является «Северный миф» — символический авторский нарратив, представляющий собой синтез дорационального коллективного мышления северных народов и христианских идеологических установок, особым образом переработанных с помощью индивидуального художественного метода С. Топелиуса.

3.1. Космогоническая составляющая Северного мифа

Следуя за традиционными языческими мировоззрениями, общими для всех народов мира, С. Топелиус помещает в центр Северного мифа мировое древо. Мифологема мирового древа находит свое воплощение в образах двух гигантских сосен, хранящих покой северного финского леса в «Зимней сказке о Зацепинебо и Подопритучу» (В русском переводе произведение именуется «Зимняя сказка»). Следуя логике мифологической космогонии, место, где растут сосны, представляется центром вселенной. Образы детей, приходящих разговаривать с соснами, органично встраи-

ются в Северный миф, а сам сюжет сказки определяется мотивом чудесного дара: сначала в награду за спасение животных брат и сестра получают умение понимать их язык, а затем, попадая в центр зимней вселенной, договаривают отца рубить деревья, за что получают еще один сверхъестественный дар: всем, кто их встречал, начинало казаться, что ярко светит солнце и внезапно наступает весна. Примечательно, что С. Топелиус вводит в сказку воспитательный компонент: дети ведут себя скромно и на предложение сосен исполнить любое их желание заявляют, что они ни в чем не нуждаются.

Обратим внимание и на говорящие имена брата и сестры — Сильвестр и Сильвия: «*И откуда они взяли такие странные имена. Наверно, из леса, ведь “сильва” означает “лес”*» (*Dev var besynnerligt hvarifrån de fått sådana namn; kanhända från skogen, ty sylva betyder skog*) [Topelius, 2021]. Налицо антропоморфизация: в образах брата и сестры сосны находят свое продолжение, и, отдавая часть своей силы детям, сосны как хранительницы незыблемости лесного финского мира просецируют свою власть на последующие поколения людей. Перед нами вариант легендарной сказки этиологического содержания (сказки, объясняющей происхождение какого-либо явления): неслучайно в финале рассказчику «*каждый раз, когда он видит счастливых детей*», кажется, «*что это Сильвестр и Сильвия <...> которые получили дар от Подопринебо и Заценумичу*» (*Men hvar gång jag ser två glada och gode barn <...> då tänker jag att det måste vara Sylvestr och Sylvia, och att de fått sina glada ögon af Skyhög och Molnskägg*) [Topelius, 2021], то есть весна приходит именно тогда, когда появляются юные герои.

Сюжет о Сильвестре и Сильвии можно трактовать и с позиции близнечного мифа: божественные брат и сестра преодолевают хаос зимнего холода и восстанавливают гармонию, возвращая миру весеннее тепло.

Следуя общей тенденции, закрепившейся в финской литературе с начала XIX века [Сойни и др., 2022, с. 385], С. Топелиус создает мифологизированный образ Лапландии — территории арктического заполярья. Так, Финляндия антропоморфизируется, а Лапландия буквально помещается ей на макушку, то есть воспринимается как сакральный центр мира: «*Лапландия напоминает белый ночной колпак, надетый на голову Финляндии*» (*Lappmarken finnes afritad som en stor, hvit nattmössa på Finlands höga hufvud*) [Topelius, 2021]. Иначе говоря, эта локация представляется крайней северной точкой, квинтэссенцией идеи самого Северного мифа. Здесь, как совершенно справедливо замечают Е. Г. Сойни, И. С. Маташина и Г. Ю. Сумароков, и время живет по законам мифологического цикла: «*Удивительная это страна. Полгода там длится лето, и солнце никогда не заходит, и полгода там длится темная зима, когда даже днем на небе сверкают звезды*»

(*Deras land är ett förunderligt land. Halfva året är det nästan beständigt ljust, så att solen aldrig går ned midti sommaren, och halfva året är det nästan beständigt mörkt, så att stjernorna skia hela dagen om vintern*) [Topelius, 2021]. Такое восприятие годового круга детерминировано образом жизни лопарей — охотников и пастухов оленей [Symonds, 2015, s. 74].

Коренные обитатели Лапландии — саамы (лопары) — также обретают особый сверхъестественный статус. Например, в сказке «Звездоглазка» мы видим девочку, которая по всем признакам является чрезвычайно одаренной шаманкой: она обладает особым взглядом (ее глаза похожи на звезды, родным кажется, что они светятся в темноте); она неуязвима перед дикими животными (волки не трогают ее, когда она выпадает из саней, а пускаются в погоню за ее родителями); Мурра, соседка удочерившей ее семьи, при взгляде на ребенка сразу вспоминает известное по всей Скандинавии поверье о колдовских способностях саамов; при ее появлении все окружающие становятся добрее (собаки перестают рычать, дети прекращают ссоры). Как отмечают К. Хербетс, Х. Куртен и У. Виде, глаза Звездоглазки, как и звезды на небе, похожи на глаза бога [Herbets et al., 2021].

Наконец, Звездоглазка прямо говорит о своем даре «видеть» чужие мысли и знать, что делает ее семья, даже когда находится в другой комнате. С. Топелиус вводит в текст и любопытные поверья, связанные с магией и показывающие враждебность финнов по отношению к саамам как носителям чужой (а потому пугающей) культуры [Widhe, 2021]: соседка рекомендует посаженной в темный подвал Звездоглазке завязать «*глаза семью шерстяными платками и прикрыть вход в погреб семью половиками, и тогда она ничего не увидит*» (*band sju ylledukar för de små stjernögonen och lade sju mattor på golvet ofvanför källarluckan*) [Topelius, 2021]. Отметим, что манипуляции, осуществляемые мачехой по подсказкам соседки, похожи на шаманскую инициацию [Элиаде, 2000, с. 14]: лишаясь света и зрения, находясь в изоляции, девочка получает возможность погрузиться в глубины своего подсознания и путем страдания открыть для себя новые возможности собственного дара. Примечательно, что здесь языческое мировоззрение органично сливается с христианскими представлениями автора. К. Хербетс, Х. Куртэн и О. Видэ настаивают на том, что покорность невинной Звездоглазки, «жертвы чужой злой воли и страха перед неизвестным» («*offer för folks illvilja och rädsla för det främmande*»), позволяет поставить ее в один ряд с Христом [Herbets et al., 2021]. С этим утверждением нельзя не согласиться: ключевым мотивом, помогающим раскрыть ее образ, является мотив жертвы. Девочка лежит одна, брошенная среди снегов под рождественскими звездами, обращается к Богу, и тот, внимая невинной молитве, забирает ее на небо. Исследователи также видят в ней

черты творца: исполняя песню в темном подвале с завязанными глазами, девочка не только поет о свободе, но и как бы заново пересоздает мироздание [Herbets et al., 2021].

С образом Звездоглазки, как и в случае с Сильвестром и Сильвией, связан мотив чудесного дара. Важно подчеркнуть, что в отличие от персонажей «Зимней сказки о Подопринебо и Зацепитучу», сверхъестественные умения достаются Звездоглазке при рождении (в этом отношении С. Топелиус идет вслед за традиционными лопарскими представлениями о наследовании шаманского дара [Элиаде, 2000, с. 15]): еще будучи младенцем, она отпугивает волков, которые, как намекает нам писатель, вместо нее съедят ее родителей, тем самым невольно ставших жертвой, принесенной ради будущей шаманки.

Заметим, что непонимание природы дара ребенка приводит к тому, что и мачеха, и ее соседка воспринимают девочку как инородный элемент, угрожающий жизни всей деревни. Более того, соседка прямо предлагает отправить девочку на верную смерть: «*Нужно выкопать в погребке глубокую яму, положить туда девочку и засыпать песком*» (... att gräfvä sju alnar djup grop under källargolfvet och lägga trollungen i gropen och fulla gropen med sand) [Topelius, 2021]. Когда приемная мать отказывается, соседка увозит девочку обратно в горы и оставляет со словами: «*Если ее нашли в сугробе, то пусть она в сугробе и остаётся*» (Efter hon är kommen från snödrivan, så må hon ju shickas tillbaka till snödrivan) [Topelius, 2021]. Вернувшись, отец не находит Звездоглазку и требует, чтобы Мурра показала то место, где она ее оставила, однако оленья шкура, в которую был завернут ребенок, оказывается пустой. По пути назад Мурру съедают волки. Примечательно, что в вольном переводе А. И. Любарской финал сказки счастливый и лишен религиозной составляющей: приемный отец возвращается тогда, когда ребенка заперли в подвале, освобождает ее, и семья воссоединяется [Топелиус, 1979, с. 76].

3.2. Мотив зимы в сказках С. Топелиуса

Для Северного мифа ключевым временем года, своеобразной точкой отсчета развертывания чудесного мира является зима. Так, в «Зимней сказке о Зацепинебо и Подопритучу» именно в это время года крестьянские дети знакомятся с чудесными соснами, хранительницами леса, наделяющими детей сверхъестественными способностями.

В сознании персонажей сказки «Солнечный луч в ноябре» зима символизирует мир упорядоченного: это не только время сна / смерти природы, но и время заслуженного покоя. Жители Севера обладают высоким уровнем адаптивности: их закалила сама северная природа, поэтому появление солнечного луча поздней осенью они воспринимают как угрозу привычно-

му, размеренному существованию: *«Почему я должна печалиться, — ответила берега. Ведь я знаю, что, когда придет весна, я опять зазеленею»* (Hvad skulle jag sörja? Jag vet ju, att jag skall grönska långt herrligare igen, när det engång blir vår) [Topelius, 2021].

Более того, ощущение приближающейся зимы описывается как радостное чувство, испытываемое персонажами. Филин, получивший с приходом холодов возможность стать единственной певчей птицей в лесу (остальные улетели на юг на зимовку), возмущен появлением солнечного луча: *«Что же это такое! <...> Я выхожу из себя, не попадаю в ноты, и я не вижу, что написано в нотах, так как солнце светит мне прямо в глаза»* (Hvad är det? Jag kommer af mig, jag sjunger falskt, jag kan ju ej läsa en enda not, när solen skiner mig rätt i ögonen) [Topelius, 2021]. Аналогичная ситуация с муравьями, долгое время нанизывавшими ледяные жемчужины на стебельки трав: выходя из-за туч, Солнечный Луч превращает жемчужины в воду и сводит на нет всю проведенную ими работу: *«...это нигде не годится, будет только слякоть и грязь»* (det går visst aldrig an, det blir bara slarf och slaskvatten) [Topelius, 2021]. Даже катающиеся на коньках дети просят луч не растапливать лед и не лишать их удовольствия.

В сказках С. Топелиуса особую роль играет тема Рождества. Неслучайно С. Лагерлёф замечает, что для издателей шведского детского ежегодного «Рождественского календаря» в список приоритетных задач входило получение очередного сочинения этого автора [Lagerlöf, 1919, s. 393]. Вслед за северной фольклорно-мифологической традицией (к примеру, П. Фьелльстрём ссылается на многочисленные поверья, связанные с убежденностью финнов в существовании оживших мертвецов, летающих по небу в течение 12 дней после Рождества [Fjellström, 1987, s. 34]) С. Топелиус говорит об особом рубежном времени новогодней ночи, когда демонические силы пытаются выступить против Бога. В сказке «Звездоглазка» inferнальное, злое начало, которое пытается попасть в человеческие жилища в рождественскую ночь, воплощено не в сверхъестественном существе, а в Мурре — финке, отправляющей маленькую Звездоглазку на верную смерть только из страха перед ее сверхъестественными способностями.

3.3. Хронотоп Северного мифа С. Топелиуса

Как отмечает Е. Г. Сойни, в финском фольклоре Лапландия является сакральной локацией, местом обитания эпических героев и сверхъестественных персонажей [Сойни и др., 2022, с. 386]. Так, Э. Леннрот был убежден, что в Лапландии располагалась таинственная страна Похьела [Карху, 1994, с. 99], здесь же, согласно карельскому рунопевцу Архиппе Перттунену, жил гигантский бык, чье тело располагалось на территории от реки Торнео до реки Кеми [Сойни и др., 2022, с. 386]. Местом поедин-

ка эпического масштаба становится Лапландия и в сказке С. Топелиуса «Сампо-Лопаренок». Юный герой вступает в словесный поединок с горным королем — великаном, обитающим на вершине горы. Горный король функционально схож со славянским лешим [Петрухин, 2005, с. 83]: юный герой видит, что в рождественскую ночь к нему на поклон собрались все животные, обитающие на территории Лапландии.

Сюжет поединка между мальчиком и великаном соответствует сюжету календарного мифа. Это метафора смены времен года: Сампо-Лопаренок — провозвестник наступления весны, сообщающий горному королю о появлении первых солнечных лучей. Он открыто выступает против демонического повелителя зимы, самонадеянно утверждающего, что солнце никогда больше не взойдет, поэтому его власти не будет конца.

По мысли С. Топелиуса, горный великан как персонификация язычества оказывается бессилён перед представителем христианской церкви: «Горный король не имеет власти над тем, кто крещен» (*Tu fjälkingen har ej någon makt öfver de kristna*) [Topelius, 2021]. Отметим, что в этом отношении писатель использует традиционные для фольклора Северной Европы мотивы и образы: языческие божества под влиянием монотеистической религии Христа начинают восприниматься исключительно как злые сущности, пособники дьявола. Показателен в этом отношении пример из катехизиса Свебеллиуса от 1689 года, где автор сетует на то, что шведы продолжают поклоняться солнцу и луне, а также обращаются за помощью к дьявольским силам: троллям, русалкам, томте и т. п. [Hagberg, 1995].

Удача сопутствует смелому юному герою, который добровольно предает себя в руки приходского священника: как только мальчик проходит обряд, отказываясь от своих языческих мировоззрений, горный король уже не имеет на него прав, поэтому единственное, что он может, это наслать на приход страшную снежную бурю, однако и она оказывается бессильной перед утренним «солнцем Божьей благодати, воссиявшей над Сампо-лопаренком» (*guds nådes sol skiner nu öfver Sampo Lappelill*) [Topelius, 2021].

Мальчик попадает в дом священника, будучи унесенным золоторогом оленем, который остается жить в семье лопарей, открывших для себя благодать новой для них религии. Кроме того, в будущем, уже взрослым, Сампо кормит оленя из «серебряных яслей, зерном чистого золота» (... *matade sin ren med guldhafre ur silfverkrubba*) [Topelius, 2021]. Это также говорит о том, что и протагонист, и его волшебный помощник попадают в поле мифологической образности, где языческое и христианское сливаются в неразрывном счастливом единстве.

Продолжая мысль У. Виде о том, что маленький Сампо является первым в скандинавской литературе протагонистом — представителем саам-

ского народа (происходящие события мы оцениваем именно его глазами [Widhe, 2021]), отметим, что тот факт, что он находит укрытие от горного короля у финского священника, подчеркивает желание С. Топелиуса с помощью своей сказки примирить эти народы. Юный читатель / слушатель, знакомясь с текстом сказки, не только погружается в увлекательный мир Северного мифа, но и учится дружбе и взаимопониманию.

Водное пространство авторского мифа, создаваемого С. Топелиусом, строится вокруг образа морского бога Ахто (Ахти) и его мифической супруги Велламо в сказке «Подарок морского хозяина». С образом Ахто связан мотив богатства: финны верили, что он является хранителем подводных сокровищ и хозяином многочисленных стад, а море считается его амбаром [Петрухин, 2005, с. 88].

В рунах «Калевалы» сын Ахто и Велламо выступает в роли мифологического помощника: участвует с Вйнемейненом в сельскохозяйственной деятельности, приносит со дна моря огонь. Помогают божества воды и героям сказки «Подарок морского хозяина»: старая жена рыбака исполняет песню, в которой просит Ахто подарить ей корову в обмен на «золото солнца, диск луны» (*Solens guld och månens skiva*) [Topelius, 2021]. Сюжет сказки близок с сюжетом «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина: чем больше получает старуха от морского бога, тем требовательнее становится, а в финале она хочет расширить свой остров, поэтому велит бросать камни в море. Камни попадают в самого морского царя, и тот в наказание лишает ее всех чудесных даров. Фантастика в сказке полностью развенчивается: старый рыбак заявляет, что неожиданное богатство и встреча с Ахто и Велламо старухе просто приснились.

3.4. Эсхатологическая составляющая Северного мифа

Эсхатологические элементы Северного мифа можно вывить в сказке «Как железная дорога получила семимильные сапоги», повествующей о двух колдунах, решивших на спор поймать солнце, чтобы в этом состязании продемонстрировать друг другу свое превосходство. По свидетельству В. Я. Петрухина, в мифологии Финляндии сюжеты о противостоянии владеющих магией героев принадлежат к числу самых распространенных [Петрухин, 2005, с. 97]. Миф травестируется: огромные колдовские способности сочетаются у персонажей с невероятной, вызывающей у читателя улыбку глупостью. Кузнец Паво подсовывает Бирребуру в мешке вместо солнца поросенка, а тот безоговорочно верит, что светило было поймано специально для него. Сам образ солнца рисуется С. Топелиусом с соблюдением законов мифологической фантастики: оно является раскаленным шаром небольшого размера, о который можно обжечься: «... это было похоже на добела раскаленное железо. Ой! Бурребир обжег себе пальцы, опалил

бороду, нос и глаза» (Det var som när smeden rör vid ett hvitglötgadt järn. I och au! Burrebirr svedde fingrarna, svedde skägget, svedde näsans och ögonen) [Topelius, 2021]. Победителем в битве между Бурребиром и Бирребуrom становится ее невольный участник — кузнец, а не сами колдуны. Несмотря на то, что кузнец в сказке — простой смертный и явный современник самого писателя (герой обслуживает новую железную дорогу), С. Топелиус наделяет своего персонажа чертами мифологического героя-добытчика: Паво использует волшебную подошву колдуна для укрепления колес паровоза. Представляется уместным вспомнить здесь описание выдающегося финского кузнеца из эстонского эпоса «Калевипоэг»: «Жил кузнец в отчизне финнов, / Мастер славного оружия / И ковац мечей могучих» [Калевипоэг, 1979, с. 60]. Таким образом, перед нами предстает исключительный персонаж, который не только является искусным мастером своего дела, но и способен проявлять смелость, находчивость, предотвращая тем самым гибель светила и всего живого на земле.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ сказок С. Топелиуса позволяет говорить о том, что создаваемый писателем Северный миф опирается на архаические языческие коллективные представления финнов и саамов, обожествляющих природу. С. Топелиус использует компоненты эсхатологического («Как железная дорога получила семимильные сапоги»), календарного («Сампо-Лопаренок»), близнечного мифа («Зимняя сказка о Зацепинебо и Подопри-тучу»). Выясняется, что сакральным географическим центром Северного мифа является Лапландия, чьи жители воспринимаются финнами достаточно враждебно, но именно они достигают гармонии с окружающей их природой. В свою очередь, самой важной временной точкой хронотопа Северного мифа является рождественская ночь: с одной стороны, это время божественной благодати, с другой — inferнальное время, период разгула нечистой силы.

Герои Северного мифа оказываются стойкими людьми, безропотно переносящими суровое испытание зимним холодом, бесстрашно смотрящими в лицо врагам. В основе этого мифа лежат индивидуальные христианские установки самого автора, а потому тексты наделены гуманистическим содержанием (горный великан как олицетворение злого начала побеждается священником — носителем христианской веры, Звездглазка обращается к Богу в тяжелых обстоятельствах, за что возносится на небо). Ориентация на юную аудиторию задает присутствие в текстах ярко выраженного воспитательного компонента, поэтому с позиции жанровой принадлежности эти сказки сближаются с притчами, благодаря которым

читатель учится состраданию, самопожертвованию, веротерпимости, готовится жить в мире с представителями других народов и культур.

Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение творческого наследия С. Топелиуса и могут быть интересны ученым, фокусирующим внимание на литературе Северной Европы XIX века, а также исследователям детской литературы. В работе намечаются и дальнейшие перспективы анализа: знакомство со сборником сказок С. Топелиуса, изданным в Петрозаводске в 1979 году, то есть во время, когда Карелия входила в состав Советского Союза, обнаруживает интересные идеологические трансформации, осуществленные переводчиком А. И. Любарской с целью нивелировки христианской ориентированности сказок С. Топелиуса в пользу культивирования атеистического мировоззрения. Автору статьи представляется интересным далее изучить характер семантических изменений, внесенных переводчицей в текст оригинала при передаче его на русский язык, и определить более подробно историко-культурный контекст, обусловивший необходимость такой трансформации текста.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Калевипоэг* : эстонский народный эпос / Собрал и переработал Ф. Р. Крейцвальд. Перевод с эст. В. Державин и А. Кочетков ; иллюстрации К. Рауда. — Таллин : Ээсти раамат, 1979. — 250 с.
2. *Топелиус С.* Сказки / С. Топелиус. — Петрозаводск : Карелия, 1979. — 144 с.
3. *Savolainen P.* Suomen lipun historia [Electronic resource] / P. Savolainen. — Access mode : <https://web.archive.org/web/20130403071727/http://www.uta.fi/yky/arkisto/suomi80/art4.htm> (accessed 3.06.2025).
4. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.finlit.fi/> (accessed 3.06.2025).
5. *Svenska Litteratursällskapet i Finland* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sls.fi/sv/> (accessed 3.06.2025).
6. *Zacharias Topelius.* 375 humanister. Helsingfors Universtitets humanistiska fakultet. [Electronic resource. — Access mode : <https://375humanistia.helsinki.fi/sv/humanisterna/zacharias-topelius> (accessed 09.05.2025).

Литература

1. *Казакова М. В.* Мотивы христианской этики в поэзии С. Топелиуса / М. В. Казакова, С. А. Хмылева // *Studia Humanitatis Borealis* / Северные гуманитарные исследования. — 2021. — № 2. — С. 43—49. — DOI: 10.15393/j12.art.2021.3726.
2. *Карху Э. Г.* Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении: история литературы Карелии : монография / Э. Г. Карху. — Санкт-Петербург : На-ука, 1994. — Т. 1. — 239 с.
3. *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров / В. Я. Петрухин. — Москва : Астрель ; Москва : АСТ : Транзиткнига, 2005. — 464 с. — ISBN 5-271-06472-7.

4. *Сергиенко И. А.* Скандинавская литературная сказка в России в конце XIX — начале XX вв. / И. А. Сергиенко // Детские чтения. — 2016. — № 1 (9). — С. 6—10.
5. *Сойни Е. Г.* Образ Лапландии в литературе Финляндии / Е. Г. Сойни, Г. Ю. Сумароков, Е. С. Маташина // Книжность и словесность. Связь времен : сборник статей к юбилею профессора Александра Валерьевича Пигина. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2022. — С. 385—401.
6. *Теребихин Н. М.* Метафизика Севера / Н. М. Теребихин. — Архангельск : Поморский университет, 2004. — 272 с. — ISBN 5-88086-393-X.
7. *Элиаде М.* Шаманизм : архаические техники экстаза / М. Элиаде. — Киев : София, 2000. — 480 с. — ISBN 978-5-82913942-1.
8. *Engman M.* Zacharias Topelius. Finland framställt i teckningar / M. Engman // Svenska litteratursällskapet i Finland, Helsingfors Bokförlaget Atlantis, Stockholm. — 2011. — Ss. 7—30.
9. *Fjellström P.* Cultural- and Traditional-ecological Perspectives in Saami Religion / P. Fjellström // Saami Religion / Symposium on Saami Religion held at Åbo, Finland, on the 16th — 18th of August 1984 / Ed. by T. Ahlbäck. — Uppsala : Almqvist & Wiksell Tryckeri, 1987. — Pp. 34—45.
10. *Hagberg R.* Forna tiders sägenskatt från Omberg och dess omgivningar [Electronic resource] / R. Hagberg. — 1995. — Access mode : [http://hembygdsbok.odeshog.se/web/odeskult/internet.nsf/0/9B69AED0980BBE96C125_6FDD002FE987/\\$file/0.pdf](http://hembygdsbok.odeshog.se/web/odeskult/internet.nsf/0/9B69AED0980BBE96C125_6FDD002FE987/$file/0.pdf) (accessed 24.05.2025).
11. *Herbets C.* Kommentarer till Stiernöga [Electronic resource] / C. Herbets, H. Kurten, O. Widhe. — 2021. — Access mode : [https://topelius.sls.fi/sv/collection/221/text/21572?view=s=\(type:readingtext\),\(type:comments\),\(type:facsimiles,nr:176\)](https://topelius.sls.fi/sv/collection/221/text/21572?view=s=(type:readingtext),(type:comments),(type:facsimiles,nr:176)) (accessed 25.05.2025).
12. *Jaakkola P.* Topeliaaninen usko. Kirjailija Sakari Topelius uskontokasvattajana. Helsingin yliopisto [Electronic resource] / P. Jaakkola. — Helsinki. — 2011. — Access mode : <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/24499> (accessed 25.05.2025).
13. *Laurent K.* Topelius saturunoilijana / K. Laurent. — Wsoy : [b. i.], 1947. — 352 s.
14. *Lagerlöf S.* Zachris Topelius, minnesteckning / S. Lagerlöf // Svenska Akademiens Handlingar I från År 1886. — 1919. — Ss. 385—444.
15. *Orlov J.* Tre gossar i snön och tiden [Electronic resource] / J. Orlov. — 2003. — Access mode : <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:410999/FULLTEXT01.pdf> (accessed 5.05.2025).
16. *Suomen kirjallisuushistoria.* — Helsinki : SKS, 1999. — 391 s.
17. *Symonds J.* Time, Seasonality, and Trade : Swedish / Finnish-Sami Interactions in Early Modern Lapland / J. Symonds // Historical Archaeology. — 2015. — Vol. 49. — № 3. — Pp. 74—89.
18. *Topelius Z.* Läsning för barn. Zacharias Topelius Skrifter X:1 [Electronic resource] / Z. Topelius. — Helsingfors, 2021. — Access mode : <https://topelius.sls.fi/sv/collection/221/title> (accessed 25.05.2025).
19. *Widhe O.* Topelius var först med att ge ett samiskt barn huvudrollen [Electronic resource] / O. Widhe. — Göteborgs Universitet. — 20 september 2021. — Access mode : <https://www.gu.se/nyheter/topelius-var-forst-med-att-ge-ett-samiskt-barn-huvudrollen> (accessed 09.05.2025).

Статья поступила в редакцию 03.06.2025,
одобрена после рецензирования 16.09.2025,
подготовлена к публикации 20.10.2025.

Material resources

- Kreutzwald, F. R. (ed.). (1979). *Kalevipoeg: An Estonian Folk Epic*. Tallinn: Eesti raamat. 250 p. (In Russ.).
- Savolainen, P. *Suomen lipun historia*. Available at: <https://web.archive.org/web/20130403071727/http://www.uta.fi/yky/arkisto/suomi80/art4.htm> (accessed 3.06.2025). (In Fin.).
- Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*. Available at: <https://www.finlit.fi/> (accessed 3.06.2025). (In Fin.).
- Svenska Litteratursällskapet i Finland*. Available at: <https://www.sls.fi/sv/> (accessed 3.06.2025). (In Fin.).
- Topelius, S. (1979). *Fairy Tales*. Petrozavodsk: Karelia. 144 p. (In Russ.).
- Zacharias Topelius. 375 humanister. *Helsingfors Universitets humanistiska fakultet*. Available at: <https://375humanistia.helsinki.fi/sv/humanisterna/zacharias-topelius> (accessed 09.05.2025). (In Fin.).

References

- Eliade, M. (2000). *Shamanism: archaic techniques of ecstasy*. Kiev: Sofia. 480 p. ISBN 978-5-82913942-1. (In Russ.).
- Engman, M. (2011). Zacharias Topelius. Finland framställt i teckningar. *Svenska litteratursällskapet i Finland, Helsingfors Bokförlaget Atlantis, Stockholm*. 7—30. (In Fin.).
- Fjellström, P. (1987). Cultural- and Traditional-ecological Perspectives in Saami Religion. In: *Saami Religion / Symposium on Saami Religion held at Åbo, Finland, on the 16th — 18th of August 1984*. Uppsala: Almqvist & Wiksell Tryckeri. 34—45. (In Fin.).
- Hagberg, R. (1995). *Forna tiders sägenskatt från Omberg och dess omgivning*. Available at: [http://hembygdsbok.odeshog.se/web/odeskult/internet.nsf/0/9B69AED0980BBE96C1256FDD002FE987/\\$file/0.pdf](http://hembygdsbok.odeshog.se/web/odeskult/internet.nsf/0/9B69AED0980BBE96C1256FDD002FE987/$file/0.pdf) (accessed 24.05.2025). (In Fin.).
- Herbets, C., Kurten, H., Widhe, O. (2021). *Kommentarer till Stiernöga*. Available at: [https://topelius.sls.fi/sv/collection/221/text/21572?views=\(type:readingtext\),\(type:comments\),\(type:facsimiles,nr:176\)](https://topelius.sls.fi/sv/collection/221/text/21572?views=(type:readingtext),(type:comments),(type:facsimiles,nr:176)) (accessed 25.05.2025). (In Fin.).
- Jaakkola, P. (2011). *Topeliaaninen usko. Kirjailija Sakari Topelius uskontokasvattajana. Helsingin yliopisto. Helsinki*. Available at: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/24499> (accessed 25.05.2025). (In Fin.).
- Karkhu, E. G. (1994). *Karelian and Ingermanland folklore in historical coverage: the history of Karelian literature: a monograph, 1*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 239 p. (In Russ.).
- Kazakova, M. V., Khmyleva, S. A. (2021). Motives of Christian ethics in the poetry of S. Topelius. *Studia Humanitatis Borealis / Northern Humanitarian Studies*, 2: 43—49. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3726. (In Russ.).
- Lagerlöf, S. (1919). Zachris Topelius, minnesteckning. *Svenska Akademiens Handlingar Ifrån År 1886*. 385—444. (In Fin.).
- Laurent, K. (1947). *Topelius saturunolijana*. Wsoy: [b. i.]. 352 s. (In Fin.).
- Orlov, J. (2003). *Tre gossar i snön och tiden*. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:410999/FULLTEXT01.pdf> (accessed 5.05.2025). (In Fin.).
- Petrukhin, V. Ya. (2005). *Myths of the Finno-Ugrians*. Moscow: Astrel; Moscow: AST: Translitkniga. 464 p. ISBN 5-271-06472-7. (In Russ.).

- Sergienko, I. A. (2016). Scandinavian literary fairy tale in Russia in the late 19th — early 20th centuries. *Children's readings, 1* (9): 6—10. (In Russ.).
- Soini, E. G., Sumarokov, G. Yu., Matashina, E. S. (2022). The image of Lapland in Finnish literature. In: *Bookishness and literature. The Link of times: a collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Alexander Valeryevich Pigin*. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. 385—401. (In Russ.).
- Suomen kirjallisuushistoria*. (1999). Helsinki: SKS. 391 s. (In Fin.).
- Symonds, J. (2015). Time, Seasonality, and Trade: Swedish / Finnish-Sami Interactions in Early Modern Lapland. *Historical Archaeology, 49* (3): 74—89. (In Fin.).
- Terebikhin, N. M. (2004). *Metaphysics of the North*. Arkhangelsk: Pomor University. 272 p. ISBN 5-88086-393-X. (In Russ.).
- Topelius, Z. (2021). *Läsning för barn. Zacharias Topelius Skrifter X:1. Helsingfors*. Available at: <https://topelius.sls.fi/sv/collection/221/title> (accessed 25.05.2025). (In Fin.).
- Widhe, O. (2021). Topelius var först med att ge ett samiskt barn huvudrollen. *Göteborgs Universitet. 20 september*. Available at: <https://www.gu.se/nyheter/topelius-var-forst-med-att-ge-ett-samiskt-barn-huvudrollen> (accessed 09.05.2025). (In Fin.).

*The article was submitted 03.06.2025;
approved after reviewing 16.09.2025;
accepted for publication 20.10.2025.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Андрей Владимирович Баранов, д-р истор. наук (Краснодар)
Валерий Владимирович Касьянов, д-р истор. наук (Краснодар)
Владимир Александрович Ипполитов, канд. истор. наук (Тамбов)
Георгий Алексеевич Засеев, младший научный сотрудник (Владикавказ)
Георгий Сергеевич Махрачев, канд. истор. наук (Тамбов)
Гульнара Ниловна Валиахметова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Дмитрий Анатольевич Салфетников, канд. истор. наук (Краснодар)
Дмитрий Аркадьевич Малышев, канд. истор. наук (Севастополь)
Дмитрий Валентинович Васильев, д-р истор. наук (Москва)
Леонид Вячеславович Цуканов, канд. полит. наук (Москва)
Максим Анатольевич Облицов, канд. истор. наук (Тамбов)
Павел Владимирович Ильин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Роман Александрович Близняков, канд. истор. наук (Севастополь)
Сергей Дмитриевич Васильев, младший научный сотрудник (Москва)
Сергей Николаевич Подлесных, канд. юрид. наук (Воронеж)
Яна Васильевна Махрачева, научный сотрудник (Тамбов)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Баранов А. В. Исторические тенденции развития планирования г. Краснодара в 1921—1941 годах / А. В. Баранов, В. В. Касьянов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 381—396. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-381-396.

Baranov, A. V., Kasyanov, V. V. (2025). Historical Trends in Development of Urban Planning in Krasnodar in 1921—1941. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 381-396. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-381-396. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Исторические тенденции развития планирования г. Краснодара в 1921—1941 годах

Баранов Андрей Владимирович

orcid.org/0000-0001-7109-3062

доктор исторических наук,
доктор политических наук,
профессор кафедры политологии и
политического управления,
корреспондирующий автор
baranovandrew@mail.ru

Касьянов Валерий Владимирович

orcid.org/0000-0002-9844-1802

доктор исторических наук,
доктор социологических наук,
профессор, заведующий
кафедрой истории России
culture@kubsu.ru

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>

Historical Trends in Development of Urban Planning in Krasnodar in 1921—1941

Andrey V. Baranov

orcid.org/0000-0001-7109-3062

Doctor of History,
Doctor of Political Sciences,
Professor, Department
of Political Science
and Political Management,
corresponding author
baranovandrew@mail.ru

Valery V. Kasyanov

orcid.org/0000-0002-9844-1802

Doctor of History, Doctor of Sociology,
Professor, Head of the Department
of Russian History
culture@kubsu.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and by Russian Science Foundation, project number №. 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>

© Баранов А. В., Касьянов В. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются тенденции развития планирования г. Краснодара в 1921—1941 годах. Источниковую основу составляют резолюции органов городского управления, материалы переписей населения и экономической статистики, записки архитекторов, проекты планирования города, карты Краснодара. Применяются структурно-функциональный и историко-сравнительный методы, концепции локальной истории и городской истории. Авторы аргументируют необходимость системного исследования истории г. Краснодара посредством анализа взаимодействий природной среды, экономических и социальных структур, культурного ландшафта, роли города в политическом строении общества. Выявлены причины перенаселённости Краснодара в условиях НЭПа и индустриализации. Раскрыты экономически обоснованные проекты территориального планирования города, предлагавшиеся в 1920—1930-х годах, но не реализованные вследствие нехватки ресурсов. Доказано, что предложения П. В. Миронова, А. А. Юнгера и Н. И. Калитаева имели квалифицированное экономическое и инженерно-архитектурное обоснование, учитывали долгосрочные перспективы развития Краснодара. Сделан вывод, что перепланировка г. Краснодара в 1930-х годах проводилась на основе приоритета нужд промышленности, со слабым учётом последствий для социальной сферы и культурного ландшафта. Актуальность исследования обусловлена тем, что проекты кубанских архитекторов 1920—1930-х годов полезны для современных градостроительных решений.

Ключевые слова:

Краснодар; городское планирование; перепланировка города; проекты городской архитектуры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the trends in the development of planning in Krasnodar in 1921—1941. The empirical base contains resolutions from city government bodies, population censuses and economic statistics, reports from architects, city planning projects, maps of Krasnodar. Structural-functional and historical-comparative methods, concepts of local history and urban history are applied. The authors argue for the need for a system study of the history of Krasnodar in the analysis of the interactions of the natural environment, economic and social structures, cultural landscape, city's role in the political structure of society. The reasons for the overpopulation of Krasnodar in the context of the NEP and industrialization are clarified. Economically justified projects of territorial planning of the city, proposed in the 1920—1930s, but not implemented due to lack of resources, are highlighted. The authors proved that the proposals of P. V. Mironov, A. A. Junger and N. I. Kalitaev had a qualified economic and engineering-architectural justification, taking into account the long-term development prospects of Krasnodar. The authors conclude that the replanning of the Krasnodar's city structure in the 1930s carried out on the basis of prioritizing the needs of industry, with little consideration of consequences for social sphere and cultural landscape. The relevance of the study is due to the fact that projects of Kuban architects in the 1920—1930s are useful for contemporary urban planning solutions.

Key words:

Krasnodar; urban planning; city replanning; urban architecture projects.

Исторические тенденции развития планирования г. Краснодара в 1921—1941 гг

© Баранов А. В., Касьянов В. В., 2025

1. Введение = Introduction

История городов является актуальным междисциплинарным направлением гуманитарных наук, которое развивается от описания местных экономических и демографических изменений к системному познанию закономерностей развития городских сообществ. Знания об истории городов важны и в прикладном ракурсе, они позволяют выбрать наилучший вариант планирования и сохранить преемственность культурного ландшафта. Исторические тенденции развития планирования Краснодара в 1921—1941 годах — малоизученная тема, которая становится всё более актуальной ввиду стремительного роста города. Принципы территориального и отраслевого планирования, построения транспортной сети и культурного ландшафта Краснодара были выбраны и утверждены именно в годы индустриализации, образуя до сих пор «коридор возможностей» развития города. Современный Краснодар — один из крупных городов России с населением более 1,2 млн чел. (к началу 2025 года), численность его населения выросла с 1926 года в 8 раз [Список населённых мест ..., 1927, с. X; Численность постоянного населения ..., 2025]. Поэтому полезно обратиться к поискам градостроительных решений, которые велись в 1920—30-х годах краеведами, архитекторами и инженерами.

Степень научной разработанности темы недостаточна. Начало исследований в 1920-х годах положили статистики А. А. Пономарёв [Пономарёв, 1924] и В. И. Смирнский [Смирнский, 1924]. Они комментировали материалы переписей и текущего учёта населения. В годы «оттепели» опубликована брошюра обзорного характера [Куценко и др., 1956]. Теоретическое значение для оценки особенностей урбанизации на примере Краснодара имеет монография А. С. Сенявского [Сенявский, 2003]. Чаще всего издавались популярные работы без библиографического аппарата; это краеведческие очерки [Екатеринодар — Краснодар ..., 1993] и энциклопедии [Екатеринодар — Краснодар ..., 2009]. Их составители уделяли внимание прежде всего дореволюционному периоду истории города, бегло упоминая

развитие в советский период. Анализ тенденций роста Краснодара в условиях урбанизации 1920-х — начала 30-х годов провели Н. В. Макаровская [Макаровская, 2007] и Э. Н. Нежигай [Нежигай, 2014]. Строительство промышленных предприятий, объектов транспорта и энергетики исследовали Ю. Б. Рагер [Рагер, 1995] и Д. А. Салфетников [Салфетников, 2023]. Новым направлением становится история городского планирования. Начало её исследований положили В. В. Бондарь [Бондарь, 2007], О. Н. Маркова [Маркова, 2019], О. Н. Сокольская и М. В. Чикаева [Сокольская и др., 2022]. Вопросы городского планирования Краснодара 1920—30-х годов представлены в их трудах кратко.

Зарубежная историография городского планирования Краснодара не создана, но представляют интерес обобщающие работы Ч. Беккера, С. Дж. Мендельсона и К. Бендерской о советской урбанизации [Becker et al., 2012], Г. Кесслера о демографии и жилищном кризисе в городах СССР [Kessler, 2005, p. 18—34].

Новизна работы состоит в системном исследовании тенденций городского планирования Краснодара на хронологическом интервале 1921—1941 годов, в вовлечении в научный оборот проектов градостроительства, предложенных П. В. Мироновым, А. А. Юнгером и Н. И. Калитаевым. Полезно преодолеть «экономизм» историографии, уделив внимание экологическим, социально-демографическим и социокультурным факторам городского планирования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — определить исторические тенденции развития планирования г. Краснодара в 1921—1941 годах.

Источниковая основа исследования включает в себя отчеты органов городского управления, материалы переписей населения и текущей экономической статистики, аналитические записки архитекторов, проекты планирования и застройки города, карты и схемы г. Краснодара. Это преимущественно неопубликованные документы Государственного архива Краснодарского края (далее — ГАКК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК) и Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Фонд Р-1594 ГАКК (Кубанская окружная плановая комиссия) позволяет осветить ход строительства Краснодарской электростанции (КРЭС), системы водоснабжения, телефонной сети, кожевенного завода и мясокомбината. В фондах ГАКК Ф. Р-1547 (Материалы по истории г. Краснодара. Коллекция документальных материалов, собранных П. В. Мироновым), Ф. Р-1610 (Коллекция документов кубанских краеведов) и Ф. Р-1765 (Документы

А. В. Титова) отложились сведения о росте промышленных предприятий, численности и социальном составе горожан, проекты градостроительных реформ и оценки планировочной структуры города. Фонды 8 ЦДНИКК (Кубанский окружной комитет ВКП(б)) и 2816 (Майкопский окружной комитет ВКП(б)), фонд 7 ЦДНИРО (Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б)) содержат стенограммы партийных конференций с отчётами парткомов о мерах индустриализации и состоянии рынка труда. Среди опубликованных статистических материалов наиболее информативны сборники о численности населения [Северный Кавказ ..., 1925; Список населённых мест Кубанского округа ..., 1927]. Карты г. Краснодара [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 21, л. 2, 81 а; д. 28, л. 36, 98; д. 29, т. 1, л. 180] позволяют судить о природном и антропогенном рельефе местности, осях и ареалах планирования территории города, ключевых объектах застройки, направлениях пространственного роста Краснодара в реальности и в проектах архитекторов. Представляет интерес брошюра секретаря Кубанского окружного комитета ВКП(б) Н. И. Барышева, упоминавшего кризис в промышленности Краснодара накануне индустриализации [Барышев, 1927, с. 9—23].

В статье реализованы структурно-функциональный и историко-сравнительный методы. Авторы отстаивают необходимость комплексного исследования истории Краснодара в системе взаимодействий природной среды, экономических и социальных структур, социокультурного ландшафта. Краснодар рассматривается как представительный случай для ряда средних городов 1920—30-х годов, выполнявших роль экономического и административного центра для сельской округи. Авторы статьи применяют концепции локальной истории в трактовке А. Роджерса [Rogers, 1977], С. И. Маловичко и Т. А. Булыгиной [Маловичко и др., 2003], городской истории на основе работ М. Вебера [Вебер, 2018], Н. П. Анциферова [Анциферов, 1925], П. Холла [Hall, 2002]. Выбор методологии исследования позволяет выявить систему взаимовлияний экологических, экономических, социально-демографических и социокультурных факторов развития Краснодара в 1921—1941 годах, обусловивших выбор структуры планировки города.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Условия выбора структуры планировки г. Краснодара в 1921—1941 годах

Екатеринодар (с 1920 года — Краснодар) находится на почти плоской болотистой местности, образованной наносными отложениями реки Кубань и её бывших притоков — Карасунских озёр. Приподняты на террасах только северные и северо-восточные районы. Город был заложен в 1793 году в Карасунском куте — на узком участке между изгибом р. Ку-

бань и Карасунскими озёрами (рис. 1). Первоначально Екатеринодар был войсковым административным центром, а главной причиной его существования являлась удобная переправа через р. Кубань.

Бурное развитие города началось вследствие превращения Кубанской области в житницу страны после окончания Кавказской войны (1864), через город прошла железная дорога, созданная для экспорта продовольственных товаров. В Екатеринодаре активно строились предприятия пищевой и строительной промышленности, создан станкостроительный завод «Кубаноль» для нужд нефтедобычи. По докладной записке инженера Н. И. Калитаева (1922), в Екатеринодаре в 1913 году было 155 промышленных предприятий, в том числе 76,4 % стоимости товарооборота давала переработка продуктов сельского хозяйства (37,7 % стоимости — маслобойни, 29,5 % — мукомольные заведения, 4,4 % — пивоварение, 4,2 % — производство кирпича и черепицы). Тяжёлая промышленность (станкостроение и чугунолитейное дело) давала 14,6 % товарооборота [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 29, т. 1, л. 1 об.]. Расчёты В. И. Смирнского показали, что в 1920 году на промышленное предприятие приходилось 8,6 работника. Только 26,2 % предприятий использовали механические двигатели [Смирнский, 1924, с. 18—21].

Основная часть работников занята на кустарных и ремесленных предприятиях (по данным П. В. Миронова, в 1926 году таких было 7333 чел., а в фабрично-заводской промышленности — 5720) [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 21, л. 1]. Это вызывало хаотическую застройку малоимущими новосёлами окраин (Дубинки на востоке города, Покровки и Кожевенных заводов — на севере, Ивановки — в низменной пойме р. Кубани, как видно по плану города 1902 года, составленному Н. С. Иваненковым (рис. 1)). Совершались вырубki лесов и осушение болот, что ухудшало экологическую обстановку.

Расширение Екатеринодара до установления советской власти тормозилось, поскольку новые земли приходилось выкупать либо брать в аренду у соседних казачьих станиц. Город не имел благоустроенной набережной, нуждался в создании проспектов и новых мостов через р. Кубань. По расчётам П. В. Миронова, представленным в докладе 1-му краеведческому съезду области (1922), Краснодар занимал площадь 1493 га (втрое больше изначальной), но по санитарным нормам требовалась площадь 3 тыс. га из расчёта 50 чел. на га [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 36, л. 25—31]. Проблемы обострились к середине 1920-х годов, промышленность г. Краснодара находилась в кризисе, и безработица выросла до 12 %. Простаивал станкостроительный завод «Кубаноль», с перебоями работали маслобойни [Барышев, 1927, с. 7—15; ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 228, л. 51; ЦДНИКК, ф. 8,

оп. 1, д. 347, л. 51; ф. 2816, оп. 1, д. 460, л. 18]. Но город по-прежнему рос за счёт миграции.

Рис. 1. План г. Екатеринодара 1902 года

За 1897—1926 годы население Краснодара с пригородами выросло в 2,4 раза — с 65,6 до 158,5 тыс. чел. за счёт притока переселенцев и повышенной рождаемости [Население ..., 1906, с. 541; Список населённых мест ..., 1927, с. X]. Между переписями 1926 и 1939 годов население Краснодара возросло с 158,5 до 203,9 тыс. чел. [ТАКК, ф. Р-1765, оп. 2, д. 439, л. 34]. Темпы роста населения г. Краснодара были значительно выше, чем по Европейской части СССР и Северо-Кавказскому краю. П. В. Миронов рассчитал, что 2/3 прироста населения в 1897—1923 годах шло за счёт миграции, а 1/3 — за счёт естественного прироста. Средний размер семьи горожан составлял 3,15 чел., но социальное неравенство ярко проявлялось в территориальном аспекте. В Первом городском районе (историческом центре, показанном на рисунке розовым цветом) средний размер семьи был 2,71 чел. и находились наиболее благоустроенные и озеленённые кварталы

(рис. 2). Напротив, в Третьем районе (на рис. 2 — лазоревым цветом) размер семьи составлял 3,2 чел., имели водопровод лишь 15% улиц и замощены — не более 25 % (рис. 2). В Пятом и Шестом районах (новых окраинах, показанных на рис. 2 розовым цветом) состав семьи был, соответственно, 3,69 и 4,1 чел., а водопровод и канализация почти отсутствовали [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 28, л. 76—92] (рис. 2).

Краснодар в 1920—30-х годах был на втором месте в СССР по низкой обеспеченности жилищной площадью [Бондарь, 2007, с. 31]. Остро встали проблемы размещения экологически вредных металлургических, пищевых и кожевенных предприятий, единой схемы транспортного движения, специализации застройки на жилые, промышленные и административные районы. Шла стихийная застройка окраин одноэтажными домами без бытовых удобств и озеленения, что критиковал А. А. Юнгер, заведующий проектной частью Кубано-Черноморского областного комитета государственных сооружений в 1924 году [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 29, т. 1, л. 238—243].

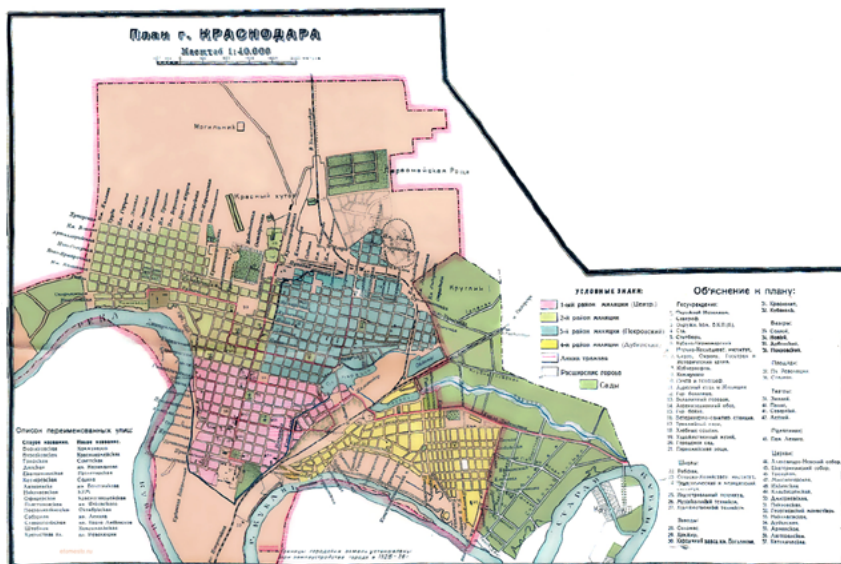

Рис. 2. План г. Краснодара 1926 года

3.2. Проекты городского планирования Краснодара, выдвигавшиеся в условиях НЭПа

Проблемы экологического кризиса и перенаселённости активно обсуждались органами управления и научной общественностью. Осенью

1920 года архитектор А. А. Юнгер получил предписание комитета государственных сооружений облисполкома спроектировать посёлок рядом с Краснодаром. Инженер Кречинский спроектировал расширение района Дубинка. Но отсутствие финансирования оставило проекты на бумаге [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 28, л. 108 об.—110]. По инициативе земельного отдела облисполкома 4 августа 1921 года была создана комиссия для расширения территории города. Отдел коммунального хозяйства облисполкома предложил прирезать 8418 дес., но облисполком оставил территорию города в границах 1917 года [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 36, л. 41—42 об.].

Обсуждение планов развития г. Краснодара началось по инициативе инженеров, архитекторов, краеведов. Краснодар был одним из немногих городов, где общественность проявила устойчивый интерес к планированию и старалась повлиять на властные решения. В феврале 1922 года отдел коммунального хозяйства облисполкома создал научно-техническую комиссию во главе с П. В. Мироновым — заместителем заведующего отделом, краеведом. В состав комиссии вошли архитектор и инженер, профессор политехнического института А. А. Юнгер, инженер Б. Н. Зимин, врач Д. В. Нагорский и др. Комиссия обсуждала доклады, записки и брошюры о росте территории города, планировании развития железнодорожного узла, речного порта и промышленности [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 21, л. 19—21; д. 29, т. 1, л. 79, 185—186].

В январе 1924 года А. А. Юнгер вынес на обсуждение «Предварительный эскиз расширения и перепланировки г. Краснодара», в котором исходил из нормы плотности населения в селитебной части города 50 чел. на га [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 29, т. 1, л. 93 а—124]. Документ показывает глубокое знание Юнгером градостроительной литературы. Автор эскиза указывал нормы плотности застройки для видов городских районов, предлагая запретить хаотическую частную застройку окраин. А. А. Юнгер обсуждал преимущества и недостатки прямоугольной, радиальной и зональной планировки города, отстаивая предпочтительность в условиях Краснодара зональной перепланировки. Им были проведены расчёты ширины и глубины типовых кварталов. Он прогнозировал смещение центра города на север, наметил основные магистральные улицы и площади, предложил места размещения зеленых зон и объединённого «научного городка» вузов. Планировалось «сплошное зелёное кольцо» вокруг центра города вдоль Карасунских озёр.

Проект А. А. Юнгера вызвал оживлённую дискуссию. Инженер А. П. Иваницкий критиковал низкую плотность застройки, разбросанное и не оптимальное размещение новых жилых районов. Органы управления Кубанского округа не имели средств для радикального перепланирования города. А. А. Юнгер был вынужден покинуть Краснодар.

Представляет интерес записка профессора Г. А. Заславского «Об устройстве речного порта на реке Кубани у города Краснодара» (1924). [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 29, т. 1, л. 53—72]. В ней дана характеристика отраслевой структуры промышленных и ремесленных предприятий Краснодара, их обеспеченности рабочей силой и энерговооружённости, территориального тяготения рыночных связей. Автор аргументировал строительство речного порта в увязке с мукомольными предприятиями и элеватором в юго-восточной части Краснодара, создание обводного канала, чтобы уменьшить последствия наводнений.

3.3. Планы городского планирования в условиях индустриализации

Замыслы системного планирования развития Краснодара стали востребованными в годы индустриализации. Планы первой и второй пятилеток предусматривали рост города как центра станкостроительной, пищевой, текстильной промышленности.

Именно проект А. А. Юнгера стал основой генерального плана развития Краснодара, разработанного Северо-Кавказским краевым управлением коммунального хозяйства под руководством П. В. Миронова в 1929—1931 годах [ГАКК, ф. Р-1765, оп. 2, д. 439, л. 1—13]. Палладий Васильевич Миронов (1874—1952) был делопроизводителем, затем — товарищем главы Екатеринодарской городской управы, с 1920 года — заместителем начальника отдела коммунального хозяйства Краснодарского городского исполкома Советов. Он возглавлял научно-техническую комиссию отдела коммунального хозяйства. В «Указаниях к осуществлению проекта планировки гор. Краснодара» (1931) П. В. Миронов охарактеризовал планы и карты города, обосновал проект расширения Краснодара, его водоснабжения, развития транспортной сети во взаимосвязи с экономическими запросами региона. Им разработан детальный проект генерального плана развития города с выделением районов и расчётом площади кварталов, с учётом плотности населения и удалённости жилья от вредных производств. Предлагалось размещать новые промышленные предприятия вдали от жилья и с учётом розы ветров — на западе города, в малообжитых местностях. Нижнюю террасу Кубани, часто заливаемую водами реки, предлагалось не застраивать, а превратить в парково-спортивную зону. Автор отстаивал научно обоснованный, системный подход к реконструкции, критикуя отказ городского Совета в 1932 году от долгосрочного планирования. П. В. Миронов, а позже — А. В. Титов предвидели последствия недальновидного подхода: транспортную перегруженность узких улиц, недостаточность площади парков и скверов, игнорирование природно-географических условий [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 28, л. 59—75 об.; д. 21, л. 22—29].

В 1932 году пределы Краснодара были расширены за счёт станиц Пашковская и Елизаветинская, села Калинино до 4803 га. Удельный вес фабричных рабочих в населении города вырос за 1926—1932 годы с 27,2 до 29,0 %, а торговцев — снизился с 12,8 до 7,4 % [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 21, л. 5—8; д. 28, л. 3]. Построены либо расширены завод сельскохозяйственной техники им. Калинина, весовой завод «Краснолит», консервные и мукомольные производства, завод «Саломас», табачная фабрика и др.

Протокол № 11 заседания Краснодарской городской плановой комиссии от 23 сентября 1932 года даёт представление о приоритетах размещения новых предприятий: комбикормового, кирпичных, маслоэкстракционного и ремонтно-механического заводов, электростанции (КРЭС), макаронной и кондитерских фабрик. Активизировалось жилищное строительство, примером чего стал пятиэтажный дом из 100 квартир. Город получил систему артезианских колодцев водоснабжения и канализацию, электрическое освещение пришло в окраинные районы [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 28, л. 47—48]. Но архитектурно-строительное управление Наркомхоза Краснодара 3 года не получало финансирования, и выбор мест предприятий на севере и востоке города совершался без участия специалистов (защита жилья от дыма, газов и водных стоков не была предусмотрена). Пустующие западные районы не были застроены [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 36, л. 104 а]. В докладной записке Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову секретарь Ростовского обкома ВКП(б) Е. Г. Евдокимов, секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) И. А. Кравцов и председатель крайисполкома В. А. Симончик 18 сентября 1937 года отмечали «запущенные участки» хозяйственного строительства: энергетику, телефонную связь, водоснабжение, дороги (заощено 30 % улиц), жилищное строительство. В итоге выделения средств к началу 1940 года площадь мощёных улиц Краснодара выросла на 15 %, были освещены 56,3 % улиц. План третьей пятилетки предусматривал рост валовой продукции промышленности города вдвое [ГАКК, ф. Р-1610, оп. 10, д. 44, л. 25]. За 1913—1940 годы объём валовой продукции промышленности города вырос в 13 раз, а число предприятий — в 8,5 раз [ГАКК, ф. Р-1765, оп. 2, д. 525, л. 2].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, тенденции развития планирования г. Краснодара в 1921—1928 и 1929—1941 годах противоположны. В период НЭПа городское планирование проводилось на основе самоорганизации сообщества архитекторов, инженеров и краеведов, а с 1929 года проекты выдвигались под контролем органов государственной власти. В условиях НЭПа город-

ской бюджет не позволял реализовывать масштабные проекты, сохранялась структура промышленности с преобладанием пищевой отрасли, слабое строительство жилья велось в основном за счёт индивидуальных средств. Индустриализация сменила приоритеты городского планирования в пользу развития тяжёлой промышленности и энергетической инфраструктуры. Причины перенаселённости Краснодара в годы НЭПа преемственны дореволюционным: размещение города на тесных террасах р. Кубань, нежелание окрестных станиц уступить городу земли сельскохозяйственного назначения, преимущественное развитие ремесленных и кустарных предприятий, миграционная привлекательность города на пересечении транспортных осей. Архитекторы и инженеры Краснодара предлагали в 1920-х — начале 1930-х годов экономически обоснованные проекты планирования города. Проекты П. В. Миронова, А. А. Юнгера и Н. И. Калитаева имели квалифицированное экономическое и инженерно-архитектурное обоснование, учитывали долгосрочные перспективы развития Краснодара. Их наиболее совершенным вариантом стал проект генерального плана развития Краснодара 1931 года, не реализованный краевым и городским исполкомами Советов из-за отсутствия финансирования. Реальная перепланировка города в 1930-х годах проводилась на основе приоритета нужд промышленности, со слабым учётом последствий для социальной сферы и культурного ландшафта, что вызвало неоптимальное размещение промышленных предприятий, транспортную перегруженность, экстенсивное расширение территории Краснодара в ущерб модернизации жилищно-коммунального хозяйства. Проекты краснодарских архитекторов 1920—1930-х годов сохраняют актуальность для современных градостроительных решений.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Барышев Н. И.* По волнующим внутрипартийным вопросам / Н. И. Барышев. — Краснодар : Красное знамя, 1927. — 64 с.

2. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. Р-1547 (Материалы по истории г. Краснодара. Коллекция документальных материалов, собранных П. В. Мироновым). Оп. 1. Д. 21. Л. 1—8, 19—29, 81 а; Д. 28. Л. 3, 36—48, 59—92, 108 об.—110; Д. 29, т. 1. Л. 1 об., 53—79, 93 а—124, 185—186, 238—243; Д. 36. Л. 25—31, 41—42 об., 104 а; Ф. Р-1594 (Кубанская окружная плановая комиссия). Оп. 1. Д. 20, 46; Ф. Р-1610 (Коллекция документов кубанских краеведов). Оп. 10. Д. 44. Л. 25; Ф. Р-1765 (Документы А. В. Титова). Оп. 2. Д. 439. Л. 1—13, 34; Д. 525. Л. 2.

3. *Екатеринодар* — Краснодар : два века города в датах, событиях, воспоминаниях : материалы к летописи / А. М. Авраменко и др. — Краснодар : Книжное издательство, 1993. — 800 с.

4. *Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г.* / под ред. Л. В. Македонова. — Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1906. — 587, XII с.

5. *План г. Екатеринодара 1902 года* [Электронный ресурс] : Старые карты России и зарубежья. — Режим доступа: https://retromap.ru/1419021_45.039021,38.980522 (дата обращения: 23.05.2025).

6. *План г. Краснодара 1926 года* [Электронный ресурс] : Старые карты России и зарубежья. — Режим доступа: https://retromap.ru/1419266_45.038960,38.980522 (дата обращения: 23.05.2025).

7. *Северный Кавказ после районирования*. — Ростов-на-Дону : Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет, 1925. — 423 с.

8. *Список населённых мест Кубанского округа*. — Краснодар: Кубанский окрисполком, 1927. — XIII, 156 с.

9. ЦДНИКК — Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8 (Кубанский окружной комитет ВКП(б)). Оп. 1. Д. 347. Л. 51; Ф. 2816 (Майкопский окружной комитет ВКП(б)). Оп. 1. Д. 460. Л. 18.

10. ЦДНИРО — Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7 (Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б)). Оп. 1. Д. 228. Л. 51.

11. *Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2025 года* [Электронный ресурс] : Росстат. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1hisl_MO_01-01-2025.xlsx (дата обращения: 21.05.2025).

Литература

1. *Анциферов Н. П.* Пути изучения города как социального организма : опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. — Ленинград : Книгоиздательство «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. — 149 с.

2. *Бондарь В. В.* Краснодар: судьба старого центра / В. В. Бондарь. — Краснодар : Игорь Платонов, 2007. — 80 с.

3. *Вебер М.* Город / М. Вебер ; 2-е изд. — Москва : Strelka Press, 2018. — 250 с.

4. *Екатеринодар* — Краснодар 1793—2009 : историческая энциклопедия / авт.-сост. Б. А. Трёхбратов, В. А. Жадан. — Краснодар : Кубань-Книга, 2009. — 688 с.

5. *Куценко Я. И.* Краснодар: исторический очерк / Я. И. Куценко, Л. А. Солодухин, Г. Т. Чучмай. — Краснодар : Краснодарское книжное изд-во, 1956. — 110 с.

6. *Макаровская Н. В.* История города Екатеринодара — Краснодара в первой трети XX века / Н. В. Макаровская. — Краснодар : Л. Григорьева; Содружество, 2007. — 167 с.

7. *Маловичко С. И.* Современная историческая наука и изучение локальной истории / С. И. Маловичко, Т. А. Булыгина // Новая локальная история. Вып. 1 : Новая локальная история : методы, источники, столичная и провинциальная историография. — Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003. — С. 6—22.

8. *Маркова О. Н.* Опыт типологического анализа исторической застройки города Краснодара / О. Н. Маркова // Наследие веков. — 2019. — № 1 (17). — С. 112—126.

9. *Нежигай Э. Н.* Особенности урбанизационных процессов на Кубани в 20-е годы XX века / Э. Н. Нежигай // Экономика. Право. Печать. — 2014. — № 1 (61). — С. 65—81.

10. Пономарёв А. А. Территория и население Юго-Востока / А. А. Пономарёв. — Ростов-на-Дону : Советский Юг, 1924. — 24 с.
11. Рагер Ю. Б. Проблемы развития промышленности Кубани и Черноморья в годы НЭПа (1921—1929 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Юрий Борисович Рагер. — Краснодар, 1995. — 22 с.
12. Салфетников Д. А. Промышленность Кубани и Ставрополя в период индустриализации: динамика и итоги развития / Д. А. Салфетников. — Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2023. — 236 с.
13. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе / А. С. Сенявский. — Москва : Наука, 2003. 285 с.
14. Смирнский В. И. Население и хозяйство Кубанского округа к началу 1924—1925 года / В. И. Смирнский. — Краснодар : Кубано-Черноморское областбюро, 1924. — 46, VI с.
15. Сокольская О. Н. Исторические предпосылки к формированию планировочной структуры города Краснодара / О. Н. Сокольская, М. В. Чикаева // Гуманитарный трактат. — 2022. — № 126. — С. 4—7.
16. Becker Ch. Russian Urbanization in the Soviet and Post-Soviet Eras / Ch. Becker, S. J. Mendelsohn, K. Benderskaya. — London : International Institute for Environment and Development, 2012. — 134 p.
17. Hall P. Cities of Tomorrow: an Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century / P. Hall. — 3rd ed. — Malden : Blachwell Publishing, 2002. — XVI, 553 p.
18. Kessler G. Urban Households in the Inter-War Soviet Union: Demographic Shock and Recovery, 1914—39 / G. Kessler // Urban Households in Russia and the Soviet Union, 1900—2000. — Amsterdam : Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 2005. — P. 18—34.
19. Rogers A. Approaches to Local History / A. Rogers. — London : Longman, 1977. — 265 p.

Статья поступила в редакцию 20.07.2025,
одобрена после рецензирования 04.08.2025,
подготовлена к публикации 21.09.2025.

Material resources

- Baryshev, N. I. (1927). *On troubling internal party issues*. Krasnodar: Krasnoe Znamya Publ. 64 p. (In Russ.).
- A. M. Avramenko et al. (1993). *Ekaterinodar — Krasnodar: Two centuries of the city in dates, events, memories: Materials for the Chronicle*. Krasnodar: Book Publishing House. 800 p. (In Russ.).
- GAKK — *The State Archive of the Krasnodar Territory*.
- List of populated places in the Kuban region* (1927). Krasnodar: Kubanskiy okrispolkom, 1927. XIII. 156 p. (In Russ.).
- Plan of the city of Ekaterinodar, 1902*: Old maps of Russia and abroad. — Access mode: https://retromap.ru/1419021_45.039021,38.980522 (accessed 05.23.2025).
- Plan of the city of Krasnodar, 1926*: Old maps of Russia and abroad. — Access mode: https://retromap.ru/1419266_45.038960,38.980522 (accessed 05.23.2025).
- The North Caucasus after zoning* (1925). Rostov-on-Don: North Caucasian Regional Executive Committee. 423 p. (In Russ.).

The number of permanent populations of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2025 [Electronic resource]: Rosstat. Access mode: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1hisl_MO_01-01-2025.xlsx (accessed 21.05.2025). (In Russ.).

Makedonov, L. V. (ed.). (1906). *The population of the Kuban region according to the data of the second copies of the 1897 census sheets*. Ekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Government. 587, XII p. (In Russ.).

TsDNIKK — *Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory. F. 8 (Kuban district Committee of the VKP(b)); F. 2816 (Maykop district Committee of the VKP(b))*. (In Russ.).

TsDNIRO — *Documentation Center of the modern history of the Rostov region. F. 7 (North Caucasian Regional Committee of the VKP(b))*. (In Russ.).

References

Antsiferov, N. P. (1925). *Ways of studying the city as a social organism: the experience of an integrated approach*. Leningrad: Publishing house “Sower” by E. V. Vysotsky. 149 p. (In Russ.).

Becker, Ch., Mendelson, S. J., Benderskaya, K. (2012). *Russian urbanization in the Soviet and post-Soviet eras*. London: International Institute of Environment and Development. 134 p.

Bondar', V. V. (2007). *Krasnodar: the fate of the old center*. Krasnodar: Igor Platonov Publ. 80 p. (In Russ.).

Hall, P. (2002). *Cities of tomorrow: an intellectual history of urban planning and design in the 20th century*. 3rd ed. Malden: Blachwell Publishing. XVI, 553 p.

Kessler, G. (2005). Urban households in the Interwar Soviet Union: demographic shock and recovery, 1914—39. In: *Urban households in Russia and the Soviet Union, 1900—2000*. Amsterdam: International Institute for Social Research: 18—34.

Kutsenko, Ya. I., Solodukhin, L. A., Chuchmay, G. T. *Krasnodar: a historical essay*. Krasnodar: Krasnodar Book Publishing House, 1956. 110 p. (In Russ.).

Makarovskaya, N. V. (2007). *The history of the city of Ekaterinodar — Krasnodar in the first third of the twentieth century*. Krasnodar: L. Grigorieva; Sodrzhestvo Publ., 2007. 167 p. (In Russ.).

Malovichko, S. I., Bulygina, T. A. (2003). Contemporary historical science and the study of local history. In: *New Local History: T. 1: New local history: methods, sources, metropolitan and provincial historiography*. Stavropol: Stavropol State University. 6—22. (In Russ.).

Markova, O. N. (2019). The experience of typological analysis of the historical construction of the city of Krasnodar. *Heritage of centuries*, 1 (17): 112—126. (In Russ.).

Nezhigay, E. N. (2014). Features of urbanization processes in the Kuban in the 20s of the twentieth century. *Economy. Right. Wait*, 1 (61): 65—81. (In Russ.).

Ponomarev, A. A. (1924). *Territory and population of the South-East*. Rostov-on-Don: Soviet South Publ. 24 p. (In Russ.).

Rager, Yu. B. (1995). *Problems of industrial development in Kuban and the Black Sea region during the NEP years (1921—1929)*: author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 22 p. (In Russ.).

Rogers, A. (1977). *Approaches to local history*. London: Longman. 265 p.

Salfetnikov, D. A. (2023). *Industry of Kuban and Stavropol in the period of industrialization: dynamics and results of development*. Krasnodar: Kuban State Agrarian University. 236 p. (In Russ.).

- Senyavsky, A. S. (2003). *Urbanization of Russia in the twentieth century: a role in the historical process*. Moscow: Nauka Publ. 285 p. (In Russ.).
- Smirnsky, V. I. (1924). *Population and economy of the Kuban district by the beginning of 1924—1925*. Krasnodar: Kuban-Black Sea Regional Statistical Bureau. 46, VI p. (In Russ.).
- Sokolskaya, O. N., Chikaeva, M. V. (2022). Historical prerequisites for the formation of the planning structure of the city of Krasnodar. *Humanitarian treatise*, 126: 4—7. (In Russ.).
- Tryokhbratov, B. A., Zhadan, V. A. (1993). *Ekaterinodar — Krasnodar 1793—2009: historical encyclopedia*. Krasnodar: Kuban-Kniga. 688 p. (In Russ.).
- Weber, M. (2018). *City*. (2nd ed.). Moscow: Strelka Press. 250 p. (In Russ.).

*The article was submitted 20.07.2025;
approved after reviewing 04.08.2025;
accepted for publication 21.09.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Близняков Р. А. Морские перевозки российских паломников в Палестину в конце XIX века / Р. А. Близняков, Д. А. Малышев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 397—420. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-397-420.

Bliznyakov, R. A., Malyshev, D. A. (2025). Maritime Transportation of Russian Pilgrims to Palestine in Late 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 397-420. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-397-420. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Морские перевозки российских паломников в Палестину в конце XIX века

Близняков Роман Александрович

orcid.org/0000-0002-9863-0267

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий научно-исследовательской
лабораторией «Сакральные ландшафты

Византийского порубежья»,

корреспондирующий автор

bliznyakov80@mail.ru

Малышев Дмитрий Аркадьевич

orcid.org/0000-0002-1910-1165

кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории

«Сакральные ландшафты

Византийского порубежья»,

darkmalyshev@mail.ru

Севастопольский
государственный университет
(Севастополь, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
государственного задания
Российской академии наук,
проект № FEFM-2024-0016

Maritime Transportation of Russian Pilgrims to Palestine in Late 19th Century

Roman A. Bliznyakov

orcid.org/0000-0002-9863-0267

PhD in History, Associate Professor,
Head of the Scientific

Research Laboratory “Sacred

Landscapes of the Byzantine Frontier”,

corresponding author

bliznyakov80@mail.ru

Dmitry A. Malyshev

orcid.org/0000-0002-1910-1165

PhD in History, Associate Professor,
Leading researcher,

Scientific Research Laboratory

“Sacred Landscapes

of the Byzantine Frontier”

darkmalyshev@mail.ru

Sevastopol State University
(Sevastopol, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried
out with the financial support
from the state assignment
of the Russian Academy of Sciences,
project № FEFM-2024-0016

© Близняков Р. А., Малышев Д. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются тенденции складывания морских паломнических направлений в Палестину в конце XIX века. Проанализированы маршруты морского следования русских паломников из Российской Империи в Восточное Средиземноморье. Статья посвящена изучению пассажиропотоков из Севастополя и причерноморских портов накануне создания Таврического Отдела Императорского православного палестинского общества в апреле 1900 года. Источниками выступили архивные документы (отчеты), периодические издания рассматриваемого времени, мемуарная литература и записки паломников. Охарактеризованы основные линии пассажироперевозок. Установлено, что Севастопольско-Константинопольская линия перевозок была единственным морским путём из Крымского полуострова. Авторы утверждают, что морские линии перевозок имели свою специфику и отличие от стихийного паломничества, существовавшего до образования Императорского православного палестинского общества, обеспечивавшего русское присутствие в Палестине. Доказано, что паломничество через морские порты носило первостепенный характер. Утверждается, что протекционистская политика, проявлявшаяся в снижении стоимости путешествий, в организации взаимодействия с консульскими службами, в предоставлении логистических услуг для самых малоимущих поклонников, создавала условия для массового русского паломничества к православным святыням Палестины.

Ключевые слова:

Морской путь; Палестина; Императорское Православное Палестинское Общество; паломническая деятельность; Причерноморские Порты; Севастополь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the emerging trends in maritime pilgrimage routes to Palestine during the late 19th century. It analyzes the shipping routes utilized by Russian pilgrims traveling from the Russian Empire to the Eastern Mediterranean. The article focuses on passenger flows from Sevastopol and Black Sea ports in the lead-up to the establishment of the Taurida Department of the Imperial Orthodox Palestine Society in April 1900. The sources include archival documents (reports), periodicals from the time, memoir literature, and travelers' accounts. The primary passenger transportation lines are characterized, revealing that the Sevastopol-Constantinople route was the sole maritime passage from the Crimean Peninsula. The authors argue that these maritime routes had specific characteristics that distinguished them from the spontaneous pilgrimage practices that existed prior to the formation of the Imperial Orthodox Palestine Society, which facilitated Russian presence in Palestine. It is demonstrated that pilgrimage through maritime ports was of paramount importance. Furthermore, it is asserted that protectionist policies — manifested in reduced travel costs, organized interactions with consular services, and logistical support for the most impoverished pilgrims — created conditions conducive to mass Russian pilgrimages to Orthodox holy sites in Palestine.

Key words:

Maritime route; Palestine; Imperial Orthodox Palestine Society; pilgrimage activities; Black Sea ports; Sevastopol.

Морские перевозки российских паломников в Палестину в конце XIX века

© Близняков Р. А., Малышев Д. А., 2025

1. Введение = Introduction

Феномен русской Палестины и русского паломничества — явление относительно изученное и уже имеющее свою устоявшуюся традицию изложения в историографии, базовый корпус литературы, позволяющий любому интересующемуся проблематикой сделать надлежащие выводы, равно как и своих мэтров [Житенёв, 2010; Житенёв, 2017; Житенёв, 2021; Лисовой, 2006]. Однако детализация этого явления с учетом экономической компоненты позволит взглянуть на событие под новым углом зрения. К неизученным или малоизученным аспектам можно отнести исследование морских маршрутов и пассажироперевозок, осуществляемых Русским обществом пароходства и торговли (РОПиТ) при прямой заинтересованности Императорского православного палестинского общества (ИППО) [За что Русское общество ..., 1910; Русское общество ..., 1895]. Актуальность исследования обусловлена целым спектром проблем, в том числе и современными реалиями, например, сложной геополитической ситуацией на Ближнем Востоке, требующей использования внутренних емкостей религиозного туризма, а значит, обращения к феномену паломничества, от изучения концепта [Алефиренко, 2010] до анализа деятельности Паломнических служб современной Русской Православной Церкви [Брандт, 2003] как внутри Российской Федерации, так и за её пределами. Исследование вопроса в диахронном разрезе может быть востребовано паломническими службами РПЦ и туристическими организациями [Корпусов, 2015]. Немаловажно и изучение весьма успешного опыта проникновения русских и русскости на Ближний Восток в срезе явления «мягкой силы» [Пересыпкин, 2016]. Опыт перевозок людей различных социальных слоёв и предоставление широких услуг пассажироперевозок людям с дифференциацией имущественного ценза может быть полезен любой коммерческой службе независимо от целей массового перемещения пассажиропотока.

Морские паломнические перевозки по линии ИППО — отдельный предмет изучения. Целью исследования является описание основных мор-

ских маршрутов пассажиропотока в рассматриваемый период. Для достижения нужных результатов авторы поставили перед собой задачи в рамках культурологического подхода к смысловой реконструкции повседневного быта русского паломника во время средиземноморского турне с имагологическими вкраплениями по линии «свой — чужой» в рамках оценочных суждений инославных христиан-католиков при взгляде на русских паломников [Отзыв ..., 1891]. Новизна исследования видится в детальном изучении морских пассажироперевозок по линии ИППО от изучения маршрутов до выявления мер протекционистского характера, способствовавших организации русского паломничества на общеимперском уровне.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковая база исследования определила в качестве научного принципа плюрализм методов при отсутствии монизма, что весьма показательно при частых обращениях к мемуарной литературе. Анализ русского паломничества, основанный на системном подходе [Каган, 1991], в значительной степени опирается на идеографические методы, что подтверждается частым использованием описательных сюжетов из дневников и записок путешественников. Учитывая специфику материала, авторы опирались на теоретические изыскания дореволюционной методологической школы [Лаппо-Данилевский, 2013, с. 98—126].

Источниковая база исследования включает артефакты, разные по типологическому ряду. Например, такие материалы, как дневники, воспоминания и путевые записки путешественников, объединенные авторами в одну важную группу — мемуаристика и эпистолярный жанр. Безусловно, эти документы проливают свет на историю повседневности конца XIX века, позволяют грамотно провести смысловую реконструкцию быта и эмоционального фона паломнических путешествий, далеко не всегда комфортного, а подчас погранично-экзистенциального: опасного для земного пути странника. Они позволяют взглянуть на прошлое глазами очевидца. В итоге ставится задача сформировать среднестатистический портрет русского паломника. Работая с данной группой источников, нужно осознавать сверхсубъективность данных документов. Но это вопрос весьма риторический и дискуссионный, ибо, на наш взгляд, субъективность в историческом исследовании кратна источнику, помноженному на культурную матрицу и принцип партийности исследователей [Александр (Анисимов), прот., 2015; Арсений (Стадницкий), епископ, 2014; Воронов, 1895, № 33; Воронов, 1895, № 46; Елисеев, 1885; Калинин, 2009; Коровицкий, 1891; Паломник..., 1898].

Ко второй группе источников отнесём аналитические труды современников изучаемых нами событий. В этих источниках присутствуют оценоч-

ные суждения, лишённые ретроспективной дистанции, первоначальный анализ событий и первичные обобщения, окрашенные субъективной оценкой мира накануне глобального конфликта, что закономерно, учитывая, что авторы были непосредственными свидетелями происходящего [Греков, 1891; Дмитриевский, 1903; Дорошевич, 2014; Русские паломники ..., 1885; Ювачев-Миролюбов, 2014].

К третьей (в порядке очерёдности), но не менее значимой по важности группе отнесём отчётно-статистические труды, характеризующие разные аспекты деятельности общества, в том числе паломническую деятельность [Отчет ..., 1885а; Отчет ..., 1885б; Отчет ..., 1886; Отчет ..., 1888]. Материалы, лишённые эмоциональной окраски и излишней детализации, позволяют исследователю избежать узкого описания и не увлечься субъективными переживаниями паломников, сохраняя научный фокус на паломничестве как явлении [Дорофеев, 2010; Дорофеев, 2022].

Широкий спектр вопросов, связанных с духовным и политическим присутствием России на Святой Земле, включая историю паломнической деятельности международной общественной организации Императорское Православное Палестинское Общество, освещался многими отечественными исследователями. Приведённые из них — лишь необходимая для нас выборка [Балахонова и др., 2018; Балдин, 2014; Бирюкова, 2017; Грушевой, 2013; Грушевой, 2018; Житенёв, 2017; Житенёв, 2021; Лисовой, 2006; Пересыпкина, 2016; Половникова и др., 2024; Смирнова и др., 2021; Манойлова, 2016]. Вместе с тем аспект деятельности Общества в сфере организации морских перевозок паломников по-прежнему требует комплексного изучения новых источников с учётом скрупулёзного анализа внутренних и внешних факторов при опоре на предыдущий опыт обобщения имеющихся в распоряжении трудов. Новизна настоящего исследования заключается в детальном описании основных маршрутов морских перевозок паломников под эгидой ИППО в указанный период, учитывая экономическую ситуацию эпохи, внутренние перипетии и характер отношений между Российской и Османской империями.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основные логистические маршруты. География пассажироперевозок

3.1.1. Александрийская прямая и Александрийская круговая линии. В рассматриваемый период паломник мог добраться до Палестины из Одессы раз в две недели круговым или еженедельно прямым Александрийским рейсами. Маршрут первого описал законоучитель 2-й мужской и Фундуклеевской женской гимназии г. Киева священник А. Коровицкий,

совершивший паломничество летом 1889 года на пароходе «Лазарев». Вектор его следования: Одесса — Босфор — Константинополь — Дарданеллы — Смирна — Хиос — Родос — Мерсина — Помпейополь — Триполи — Бейрут — Тир и Сидон — Яффа [Коровицкий, 1891, с. 4—5].

Часть упомянутых им географических названий просто оставалась в стороне. Первая остановка кругового Александрийского рейса совершалась в Константинополе, где паломники размещались на два дня в одном из трех Афонских подворий: Ильинском, Пантелеимоновском или Андреевском. Стоимость проживания и питания в них варьировалась от 0,5 до 1,5 руб. Находясь в Царьграде (так традиционно русские крестьяне называли Константинополь), паломник платил 3 руб. за оформление тескере (аналог паспорта) для путешествия по территории Османской империи — в пользу консульства и на госпиталь. Через два дня после отплытия из Константинополя паломник на пароходе кругового Александрийского рейса прибывал в Смирну, где имел достаточно времени для отдыха от морского томления и закупки провизии. От Смирны до самой Яффы паломники не высаживались и в Яффу прибывали через 14 дней морского путешествия [Русские паломники ..., 1885, с. 15].

Преимущество Александрийского прямого рейса заключалось не только в еженедельности, но и в скорости. После Константинополя, где пароход стоял до полутора суток, он останавливался только у Дарданелл, затем направлялся прямо на Сиру или Смирну (через рейс), там простаивал несколько часов для загрузки-выгрузки, а затем следовал напрямик в Александрию, к которой причаливал уже через двое с половиной суток. Весь такой путь занимал одну неделю. В Александрии паломника уже ожидал пароход круговой линии, который в тот же день отплывал чрез Порт-Саид в Яффу, куда паломник добирался на третий день после пересадки. Так паломники, пробирающиеся к Святой земле прямым рейсом, если не задерживались в Александрии, достигали своей заветной цели через 10—11 суток, а пользующиеся круговым рейсом — через 14 [Елисеев, 1885, с. 94—95].

В Яффу можно было попасть и с пересадкой в Константинополе на пароход Александрийской круговой линии, воспользовавшись пароходом Севастопольско-Константинопольской линии «Оле́гъ» [За что Русское общество ..., 1910, с. 15, 18]. Таким рейсом в мае-июне 1893 года до Константинополя добрался священник Таврической епархии Павел Воронов [Воронов, 1895, № 33, с. 820; Воронов, 1895, № 46, с. 1165].

Этим же следованием жители Таврической и соседних с ней губерний возвращались домой в Севастополь. Иногда случалось, что паломники из Таврической губернии выбирали и альтернативный маршрут. Например, учитель с. Емельяновки Феодосийского уезда Николай Кали-

нин в 1896 году со станции Сейтлер (ныне — Нижегородский, Республика Крым) на поезде направился в Симферополь, где в канцелярии губернатора получил заграничный паспорт, а уже затем следовал в Севастополь, оттуда на пароходе через Евпаторию добрался до Одессы. Через три дня в 4 часа пополудни отправился в путь на пароходе Александрийской круговой линии «Россия» [Калинин, 2009, с. 11] (рис. 1).

3.1.2. Севастопольско-Константинопольская и Анатолийская линии. До Яффы можно было добраться еженедельно на пароходе Севастопольско-Константинопольской линии или раз в две недели на пароходах Анатолийской линии. Пароход Севастопольско-Константинопольской линии отправлялся из Севастополя по воскресеньям в 9.00, прибывал в Константинополь уже на следующий день, в понедельник после полудня. Обратный рейс отходил в среду в 10.00 и прибывал тоже на следующий день — в четверг после полудня [Русское общество ..., 1895, с. 15]. В мае-июне 1893 года таким рейсом воспользовался священник Таврической епархии Павел Воронов [Воронов, 1895, № 33, с. 820; Воронов, 1895, № 46, с. 1165]. Продав в Константинополе 4 дня до пятницы, отправляющийся в Иерусалим паломник имел возможность пересесть на пароход Александрийской круговой линии, который шел до Яффы одиннадцать дней, заходя в разные пристани для выгрузки и погрузки клади, и, как правило, два раза давал возможность паломникам выйти на берег — в Смирне и Бейруте [Мефодий (Холмский), 1893, с. 7]. Таким образом, весь путь от Севастополя до Яффы мог занять около 16 суток. Впрочем, более вероятной была ситуация, когда паломник, направлявшийся из Севастополя, уже во вторник в 16.00, то есть на следующий день после своего прибытия в Константинополь, садился на пароход Александрийской прямой линии и через пять суток прибывал в Александрию, откуда, пересев на пароход Круговой Александрийской линии, направлялся в Яффу. Такой путь при отсутствии задержек и происшествий на маршруте занимал всего 10 суток.

Пароход Анатолийской линии отправлялся из Батума один раз в две недели по понедельникам в 19.00 и следовал в Одессу через Требизонд, Керасунд, Орду, Самсун, Синоп, Инеболи, Константинополь, к берегам которого причаливал в субботу около полудня, то есть через пять дней после отправления из Батуми. Чтобы проследовать дальше, паломник должен был дожждаться наступления вторника и пересесть на пароход Александрийской прямой линии, через пять суток прибывал в Александрию, откуда направлялся в Яффу после пересадки на пароход Круговой Александрийской линии. Всего такой путь занимал около 16 суток.

3.1.3. Грузовая линия. В описании путешествия в Иерусалим крестьянина К. И. Конева из с. Михайловского Ставропольской губернии, со-

вершенного им осенью 1887 года, отмечено, что путь из Таганрога, вероятнее всего через Севастополь, на пароходе «Кальмиусь» занимал 4 дня. В Константинополе паломники на три дня останавливались в Ильинском подворье, затем на пароходе Александрийской круговой линии по Мраморному морю к Эгейскому морю через пролив Дарданеллы направлялись в г. Смирну, потом к островам Хиос и Родос, минуя берега Мир-Ликийских и остров Кипр, приплывали в г. Мерсину, проездом посещали Латакию, Триполи и Бейрут, откуда уже направлялись в Яффу [Паломник ..., 1898, с. 3—4]. В целом путь из Таганрога до Яффы занимал от 15 до 16 дней.

Морское путешествие прибывших из Российской империи паломников заканчивалось у Яффы. Там же оно начиналось для отбывающих обратно. Яффский рейд был «одним из самых беспокойных и опасных на Малоазийском побережье» [Елисеев, 1885, с. 96].

Нередко случалось, что пароход не мог ссадить своих пассажиров, поэтому привозил их в Александрию или Порт Саид, где пересаживал на обратный пароход. За высадку с парохода на лодку, которая доставляла всех к берегу, пассажирам чаще всего приходилось платить по 30 копеек с человека, реже — 20 и даже 15 копеек. Благодаря стараниям Яффского вице-консула В. Н. Тимофеева была упорядочена высадка паломников с пароходов на берег Яффы и обратно с берега на пароход, которая изначально обходилась каждому паломнику по 25 копеек [Седьмой отчет ..., 1891, с. 30—31], а с 1893 года — по 50 копеек в одну сторону. Процедуру высадки с парохода описывает 26-летний учитель с. Емельяновки Феодосийского уезда Николай Калинин, посетивший Святую землю в 1896 году: «Мы в 7 часов утра благополучно прибыли в Яффу. Я ждал наплыва арабов и большой опасности, которой подвергались паломники при высадке на берег. Вдали действительно видны камни, выдающиеся из воды... “Боже мой, спаси и помоги!” — мелькнуло в уме. Едва только пароход остановился, как толпа арабов хлынула на палубу, но, к удивлению, нас несколько не беспокоили, предлагали свои услуги не паломникам. Ждем, приезжает проводник (кавас) в черногорской форме. Поздоровавшись с нами, он советовал не торопиться, обождать. Когда волнение несколько успокоилось, арабы по приказанию каваса взяли наши вещи и уложили их в лодку, внизу на дне, затем нам предложили на той же лодке садиться... По лестнице (трапу) сошли мы на лодку, причем её ветром покачивало. Арабы помогали спускаться: более слабых они почти на руках сносили с лестницы в лодку, Слава Богу, что тихая погода! Что-то бывает осенью в бурное ветряное время? Свойство моря у Яффы таково, что волны горами движутся, — то поднимают лодку, то опускают» [Калинин, 2009, с. 24]. Высадившись на берег, русские паломники некоторое время отдыхали в Яффе, а затем

2—3 дня шли пешком в Иерусалим или безостановочно прямо с парохода направлялись туда по железной дороге, построенной в 1892 году [Малиновский, 1902, с. 13]. В последнем случае минимальное время в пути составляло 3 часа 45 минут, максимальное — 6 и более часов.

Таким образом, основными паломническими воротами из Российской империи был порт Одесса. Севастополь, Таганрог и выходящий за географические рамки рассмотрения порт Батума носили вспомогательный характер. Таганрог имел ещё одно неудобство — замерзающий на Азовском море зимой порт. Александрийская прямая и Александрийская круговая линии были основными путями следования русских паломников, которым перед поездкой предстояло пройти юридические процедуры.

3.2. Юридические процедуры паломнических перевозок

Воспоминания свидетелей и документы ИППО помогают лучше понять, что предшествовало путешествию русских паломников на пароходах РОПиТ в конце XIX века, прежде всего юридические тонкости. Прежде чем сесть на пароход и отправиться в морской путь, паломник должен был получить по месту жительства свидетельство от губернатора об отсутствии обстоятельств, препятствующих его выезду за границу. Затем это свидетельство с приложением квитанции казначейства об уплате пошлины за получение нового документа обменивалось у градоначальника, как правило, портового города на заграничный паспорт, который необходимо было завизировать в Турецком консульстве. В Одессе все хлопоты по оформлению загранпаспорта и получению визы обычно брали на себя монахи одного из трех местных Афонских подворий. В отдельных трудных ситуациях к участию в оформлении документов привлекали уполномоченного ИППО в Одессе, например при форс-мажорах, когда, преодолев несколько тысяч верст пешком из Сибири, приходили богомолки, причём не только без паспорта, но и без какой-либо бумаги, удостоверяющей их личность, или вообще без денег даже на пароходный билет [Арсений (Стадницкий), 2014, с. 36].

В портах Таганрога, Новороссийска, Батуми и Севастополя этим занимались отдельные служащие подворий, если они имелись, или местные уполномоченные ИППО. Только при наличии завизированного загранпаспорта паломнику выдавался билет на пароход заграничных линий. Иногда процедура давала сбой. Например, в 1885 году до Общества дошли сведения о невыдаче заграничных паспортов в Севастополе, в связи с чем паломники обязаны были для соблюдения формальностей ехать через Одессу. Ситуация исправилась лишь после обращения за помощью в Министерство внутренних дел [Отчет ..., 1885а, с. 60].

Можно смело утверждать, что паломническая составляющая организационной деятельности ИППО носила характер общественно-государствен-

ной линии в вопросах стимулирования паломничества как явления. Организация, в состав которой входили члены императорской фамилии, выдающиеся государственные, общественные и политические деятели, представители культуры, выполняла определённый заказ на формирование паломничества как общегосударственного явления и элемента массовой культуры поздней Российской империи. Возникает резонный вопрос, которой может и должен стать предметом рассмотрения другого исследования — в контексте осмысления международных отношений рубежа веков: что представляет собой русское паломничество — религиозный, культурный или великодержавный феномен? Отойдём от подобного уровня измерения проблемы и остановимся на протекционистской политике государства в отношении ИППО, осуществлявшейся посредством деятельности ИППО, в том числе в формате сотрудничества с РОПиТ. ИППО стремилось не только придать массовость перемещениям паломников, но и улучшить быт пассажиров, особенно с низким уровнем материального достатка.

3.3. Взаимодействие РОПиТ и ИППО: быт и характер перевозок

Русское Общество Пароходства и Торговли (далее — РОПиТ) — известная российская судоходная компания, созданная в 1856 году для пассажироперевозок в черноморском и средиземноморском бассейнах. В предреволюционный период РОПиТ стало крупнейшей пароходной компанией Империи. Важной статьёй доходов организации было перемещение паломников из России на Святую Землю при взаимодействии с ИППО. Для удовлетворения потребностей паломников предлагались услуги по перевозкам в зависимости от финансового статуса пассажиров. Компания имела существенную государственную поддержку. Основным средством передвижения являлись пароходы. В большинстве случаев они были давно устаревшими. Причина заключалась в том, что «наиболее старые пароходы пускались в обращение по так называемым обязательным линиям, по которым РОПиТ получало от правительства помилую плату (субсидию) и не встречало конкуренции со стороны других русских пароходных предприятий [За что Русское общество ..., 1910, с. 20]. Так, за Александрийской круговой линией, которой в основном и пользовались паломники, были закреплены пароходы «Росія» (1872 год), «Корниловъ» (1869 год), «Цесаревичъ» (1869 год) и «Лазаревъ» (1863 год), капитально отремонтированный в 1896 году [Там же, с. 18].

Последние три парохода были «переделаны из старых грузовых пароходов» [Там же, с. 20]. Единственный пароход Севастопольско-Константинопольской линии — «Оле́гъ», 1859 года постройки, прошел капитальный ремонт в 1896 году. Крымский паломник отметил — это был «красивый и прекрасно обставленный пароход во всех отношениях» [Калинин, 2009,

с. 90]. Такими же «ветеранами» РОПиТ были построенные в 1867 году пароходы Анатолийской линии «Азовь» и «Ростовь», прошедший капитальный ремонт в 1881 году [За что Русское общество ..., 1910, с. 15, 18, 20].

Новые пароходы обслуживали лишь Александрийскую прямую линию: «Имп. Николай II» (1895 год), «Королева Ольга» (1893 год), «Чихачевъ» (1892 год), «Царица» (1886 год), «Царь» (1883 год) и «Одесса» (1889 год).

Охарактеризуем далее экономическую компоненту перевозок, быт пассажиров. Ко времени образования Православного Палестинского общества в 1882 году ситуация с бытом паломников на пароходах не менялась десятилетиями, поэтому уже в январе 1883 года Руководство Общества обратилось к своему члену, доктору А. В. Елисееву, с просьбой принять на себя труд отправиться в Иерусалим во время самого большого наплыва туда богомольцев — во время Великого Поста. Инструкция, данная ему, сводилась к следующему: «... совершить путь в обществе поклонников и прожить на месте их жизнью» [Отчет ..., 1885b, с. 6].

Абсолютное большинство паломников для путешествия на пароходе РОПиТ приобретали билеты III класса, без питания в рейсе. Как правило, размещались они на носовой или средней части палубы парохода. Преимущество последней «заключалось в свежем воздухе и возможности видеть и любоваться окружающей природой» [Калинин, 2009, с. 11].

В дни, когда таких пассажиров было много, в их распоряжение предоставляли первый, реже — второй трюмы. Любители тепла забирались в самый дальний уголок трюма, самые стойкие размещались на палубе, как правило, под защитой рубки, лодок, трубы, машины. На двух-трех пароходах для пассажиров III класса были устроены даже палубные каюты, занимавшие всю носовую часть парохода, покрытую сверху и по бокам верхней палубой. Внутри, вдоль бортов, размещались достаточно удобные двухъярусные нары, недостатком которых было наличие «щелевой фауны» [Елисеев, 1885. с. 48—49]. В самих трюмах, помимо насекомых, водились крысы, периодически совершавшие вылазки для поедания скудной паломнической провизии, просфор и свечек [Там же, с. 57].

Несмотря на тесноту и грязь, все паломники старались разместиться с максимально возможным комфортом: устраивали лежанки из теплой одежды или одеяла, в изголовье размещали подушки или мелкие узлы со сбережениями и продуктами. У некоторых с собой были «полотна, ризы, покровы, ковры и другие предметы для жертвования на Гроб Господень. Узлы обшиты холстом с написанными метками или с нашитыми цветными крестиками, по которым они разбирались неграмотными паломниками» [Ювачев-Миролюбов, 2014, с. 10].

В холодную осеннюю или зимнюю погоду, когда палуба продувалась ветром, омывалась дождем или даже засыпалась мокрым снегом, паломнику, отправлявшемуся в Палестину, чтобы встретить там Рождество Христово, приходилось особенно нелегко. При температуре воздуха около 0 градусов по Цельсию, с учётом влажности морского воздуха, было достаточно холодно даже в запертом трюме. В некоторой степени спасали лишь крестьянские овчины и классические полушубки, валенки, традиционный русский чай [Елисеев, 1885, с. 58].

Чай вообще был излюбленным времяпровождением наших паломников в любую погоду. С собой у них всегда имелись некие подобия чайников и посуды. В течение всего морского пути путешествующие питались «одним сухим хлебом, покупая у ресторатора горячую воду» [Дорошевич, 2014, с. 170]. Редко кто умудрялся добыть рыбу и сварить себе похлебку в камбузе. Черный хлеб и особенно ржаные сухари с солью пользовались большой популярностью среди русских поклонников, хотя у них также встречались запасы «крупы и даже картофеля, и капусты» [Ювачев-Миролюбов, 2014, с. 10, 16].

Пассажиры III класса не имели на пароходе каких-либо возможностей для приведения себя в порядок и смены белья. Находившись по храмам и монастырям еще в преддверии поездки, оформив все необходимые документы, в пропотевшей одежде они садились на пароход РОПит. Затем в течение 10—16 дней в своей и без того уже нечистой одежде паломники должны были «и спать, и есть, и валяться по недостаточно чистым голым доскам трюма, пропитанного насквозь угольной пылью, грязью и т. д.» [Елисеев, 1885, с. 56].

После такого вояжа вполне понятной становится реакция католического аббата Рабуассона при виде русских паломников: «Большая толпа Русских паломников, возвращающихся из Синая, после посещения ими Иерусалима и Иордана. Во главе находился священник, одежда которого мало чем отличалась от массы движущихся невозможных одеяний, из которых выглядывают большие головы, толстые руки, безобразные и огромные ноги — это его паства. Все поклонники несут на себе множество разных вещей, как-то: кастрюльки, оловянные кувшины, мерки для воды, куски хлеба, свиное сало, тюфяки, одеяла и несчётное количество, как утверждается, невидимых насекомых. Каждая рука вооружена Иорданским тростником» [Отзыв ..., т. 2, 1891, с. 57].

От различных паразитов, обитавших на пароходах, не было спасения даже пассажирам, которые приобретали билеты II или I классов, особенно при возвращении из Иерусалима, когда на палубе или в трюмах скапливалась огромная масса паломников. В наследство от прежних рейсов в щелях

нар палубных кают и в досках трюмов часто оставались клопы, которые прекрасно переносили зимовку и питались кровью каждого нового потока пассажиров [Елисеев, 1885, с. 57]. Несомненно, распространению всей этой живности способствовала перевозка на пароходах лошадей, мелкого и крупного рогатого скота.

Команды пароходов, начиная от капитанов и заканчивая кочегарами, весьма нехорошо относились к русским паломникам, обвиняя их «в нечистоплотности и в дурном поведении» [Русские паломники ..., 1885, с. 13]. «Бездельники», «святоши», «побродяги», «бараны» [Отчет ..., 1885а, с. 51] — такие определения паломникам нередко давал офицерский состав пароходов РОПиТ: члены команды не только словом, но и своими поступками (пинками, толчками и пр.), при молчаливом невмешательстве капитанов, показывали свое пренебрежение к богомольцам. Некоторые офицеры даже сгоняли паломников с лучших мест на палубе или в трюме и предоставляли эти места туркам или арабам, считая, что последние будут «понежнее и поизбалованнее наших, да, кроме того, едут по своей нужде, а не шататься по богомольям» [Там же].

На несколько десятков пароходов РОПиТ, по утверждению А. В. Елисеева, имелось всего 11—12 фельдшеров, лекарственных помощников и даже самоучек, не имеющих фельдшерского свидетельства, которые, не состоя в команде, назначались лишь на отдельные рейсы. На огромном пароходе не было не только койки, но даже угла для внезапно заболевших. Исправляющему должность корабельного врача иногда приходилось ставить очистительную клизму прямо на палубе судна; обрабатывать глубокие, подчас гнойные раны в условиях грязного, тесного и тёмного трюма, не имея даже перевязочных материалов. При острых заболеваниях с высокой температурой пассажир парохода с билетом III класса был вынужден оставаться либо на палубе, подвергаясь воздействию непогоды, либо в трюме — среди тюков и скота [Елисеев, 1885, с. 51—53]. Целые стада баранов, быков, табуны лошадей и прочей живности нередко были соседями русских паломников. Несмотря на регулярную уборку навоза, на палубе, и в особенности в трюмах, сохранялся интенсивный неприятный запах.

Самым большим испытанием для богомольцев из Российской империи была морская болезнь. Чаще всего она проявляла себя на Черном море и во время самого большого трехдневного морского перехода, который начинался от острова Хиос до Кипра, особенно в заливе Адалии или в Архипелаге (Эгейском море) с его «мёртвой зыбью» между островами, не особенно сильной, но укачивающей и утомительной [Там же, с. 88]. Особенно невыносимо тяжелой из-за скопления рвотных масс и других нечистот была атмосфера в закрытых непрветриваемых трюмах.

Неудобства, связанные с морской болезнью, испытывали не только пассажиры III класса, но и более состоятельные лица. Например, архимандрит Мефодий, настоятель Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии, отправившийся в Палестину из Одессы весной 1892 года, не утруждая себя описанием быта простых паломников, отмечал: «Как ни приятна была обстановка нашего помещения, в I классе, на пароходе, как ни утешительно было и то, что капитан парохода оказался моим земляком (пскович), плавание мое не обошлось, на первых порах, без морской болезни: при довольно сильной качке, я подвергся ей, и она не оставляла меня до самого Константинополя...» [Мефодий (Холмский), 1893, с. 5].

Поездка А. В. Елисеева в Палестину и изданная им впоследствии книга о путешествии с русскими паломниками оказала в некоторой степени благотворное влияние на быт паломников во время морского путешествия на пароходах РОПиТ. Уполномоченный Общества в Перми Д. Д. Смышляев, отправившийся в октябре 1885 года в Святую Землю, сообщал, что «на пароходах все поклонники помещаются теперь в трюме, по возможности удобно и жаловаться им теперь нечего...» [Отчет ..., 1886, с. 96—97].

Благодаря директору РОПиТ и члену Православного Палестинского Общества Николаю Федоровичу Фан-дер-Флиту паломники помещались на пароходах с большим удобством, было упрощено получение кипятка, «столь необходимого для главного их пропитания — чая» [Отчет ..., 1888, с. 178]. Однако, как показывают воспоминания паломников более позднего времени, немалая часть оснований для жалоб сохранилась, проблемы остались неразрешенными.

Неприятную особенность морского путешествия, связанную с перевозкой стада баранов, отправляемых на убой в Турцию, на нижней палубе парохода вместе с пассажирами III класса отмечал в 1889 году и священник Андрей Коровицкий: «Такое неуместное соседство неприятно поражает пассажиров; с трудом можно пробраться в каюту, но каково положение бедных обитателей 3 кл., принужденных дышать отвратительной атмосферой и не имеющих даже чистенького местечка для отдыха; впрочем пассажиров очень немного; но все-таки, на наш взгляд, — это не в порядке вещей» [Коровицкий, 1891, с. 4—5]. Тяжелого соседства в 1898 году не избежали даже элитные воспитанники гимназии [Дмитриевский, 1903, с. 282—283].

Известный публицист Влас Дорошевич, совершавший свое путешествие в Землю обетованную в конце XIX века, делится: «От русских паломников запираются даже эмигрантские помещения, “чтоб не загрязнили”, как будто эмигрантские помещения предназначены для эмигрирующих маркизов и виконтов. Они помещаются в трюмах грязных, полутемных,

спят без подстилки на покрытом липкой грязью полу. Их палуба заставлена, обыкновенно, перевозимым скотом» [Дорошевич, 2014, с. 170]. Условия перемещения паломников III класса на пароходах РОПиТ сравнивали с перевозкой каторжников на пароходах Добровольного флота. Учитывая, что в 1897 году Дорошевич проследовал морским путём из причерноморской Одессы до дальневосточного Сахалина на теплоходе Добровольного флота «Ярославль», в трюмах которого находилось семьсот каторжников, а позже ещё и написал книгу «Сахалин. Каторга», проводимое им сравнение быта паломников и каторжников, надо полагать, не было пустословным и имело под собой основания.

Жалобы на беспорядки, существовавшие на пароходах, часто звучали из уст русских паломников. Уже после поездки доктора А. В. Елисеева Общество обращалось к дирекции РОПиТ с просьбой «обратить внимание на лучшее помещение паломников» [Малиновский, 1902, с. 13], а Глава ИППО — Великий князь Сергей Александрович, — зная о пересмотре Устава РОПиТ, обращался к Министру финансов с ходатайством о дополнении устава мерами, направленными на обеспечение положительной динамики устройства быта богомольцев и их рациона на пароходе. От скудости последнего, безусловно, более всего страдали пассажиры из простого класса [Греков, 1891, с. 11].

Возвращение домой нередко для кого-нибудь из паломников заканчивалось смертью, вызванной крайним истощением организма от недоедания по пути в Иерусалим, в самой Святой земле и при возвращении домой (иногда даже без денежных средств).

Главной отдушиной русских богомольцев на пароходе были совместная молитва и слушание рассказов о святых местах. «...Беседует со своими соседями, слушает рассказчика или чтеца о Святой Земле, а не то, забравшись в темный уголок, где у него наставлено образков и свечек, поет акафисты или правит всенощную, если в числе спутников окажется духовное лицо» [Русские паломники ..., 1885., с. 13] — вспоминал об этой особенности проведения досуга на пароходе доктор А. В. Елисеев. Паломники, помещавшиеся в трюме, по каёмкам бортов парохода ставили свои иконки, свечи и реликвии. Иногда сносили всё в один угол, который украшался рушниками, цветами и зеленью, тем самым служил местом общей молитвы или даже совершения богослужений священником.

«Я не знаю, — писал В. М. Дорошевич, — зрелища более величественного, более трогательного, чем поющий пароход, везущий паломников из Святой Земли. Целый день на пароходе не прекращается пение «Христос воскрес». Собравшись группами в 5, в 6, в 10 человек, они то там, то здесь целый день поют эту светлую радостную песнь, славят Бога, со счастливы-

ми лицами людей, видевших рай. Наступает вечер. Штиль. Тихое, спокойное, гладкое море горит опаловым светом при блеске лучей заката. Сельский священник, едущий в третьем классе, надел старенькую епитрахиль и служит на нижней палубе вечерню. Из ящиков устроили нечто в роде аналоя, накрыли чистым холстом, разложили образки, освященные у Гроба Господня, и пение «Христос воскресе», величественное, как всегда, пение толпы, несется по-тихому, спокойному морю» [Дорошевич, 2014, с. 124].

В июне 1875 года священник Харьковской губернии протоиерей Александр Анисимов совершил морское путешествие в Палестину на одном из пароходов РОПиТ. «Хотя в последнем классе и дешево (в 1874 году проезд в нем стоил 15 руб. серебром), — писал о. Александр, — но ехать в нём не советую и своему врагу: так тяжелы невзгоды, претерпеваемые в нём от солнца, от дождя, и от людей, и от насекомых. Заручившись билетом, уместнее всего сейчас же занять по нему место, чтобы впоследствии, при многолюдстве, не пришлось бедствовать, валяясь, вместо коек, по скамейкам и по полу, хотя бы то и во 2 классе» [Александр (Анисимов), 2015, с. 16].

Нужно заметить, что стоимость билетов 2-го класса во время путешествия священника Анисимова составляла 67 руб. серебром, что было далеко не по карману простому крестьянину. Например, встречались малороссийские паломники, отправлявшиеся в путь с 50—60 рублями. Учитывая, что на оформление документов для выезда за границу и покупку билета у них уходило больше половины сбережений, им нередко приходилось голодать в пути [Русские паломники ..., 1885, с. 12]. Однако такие случаи были довольно редкими. В целом средняя сумма, с которой русский паломник отправлялся в путь, составляла 150 руб.; на 10—15 паломников находился один имеющий от 200 до 300 руб. [Там же]. Немалая часть этих средств состояла из пожертвований односельчан и, как правило, к личным сбережениям человека отношения не имела.

Таким образом, быт среднестатистического русского паломника во время морского следования оставлял желать лучшего. Императорское Православное Палестинское Общество стремилось изменить эти обстоятельства. Невзирая на определённые неудачи в этом направлении, можно отметить неоспоримый факт: благодаря деятельности общества паломничество в Святую Землю приобрело массовый характер, став не только социокультурным явлением, но и фактором мягкой силы, русскости и русского присутствия на Ближнем Востоке в конце XIX — начала XX веков.

Ко времени открытия Таврического отдела ИППО (2 апреля 1900 года) уже существовала целая сеть маршрутов морского пути из южных губерний Российской империи в Палестину: Александрийская круговая,

Александрийская прямая, Севастопольско-Константинопольская, Анатолийская и грузовая линии. Из них лишь Александрийская круговая линия имела сообщение с Яфой — ключевым портом выгрузки русских паломников, поэтому все прочие линии имели транзитное значение. Ориентироваться в выборе того или иного маршрута русскому паломнику помогало большое количество инструкций, изданных ИППО и его членами, ранее уже совершавшими путешествие в Святую землю.

но-технических преобразований в Российской империи и, что особенно важно, институционализации процесса через создание РОПиТ (1857) и Императорского Православного Палестинского Общества (1882).

Сотрудничество РОПиТ и ИППО позволило многократно увеличить поток русских паломников в Святую Землю. РОПиТ смогло предоставить логистические услуги, удовлетворяющие потребности разных по имущественному цензу категорий подданных Российской империи. Невзирая на подчас тяжелые, антисанитарные условия, устаревший и зачастую немодернизированный парк пароходов, была решена важнейшая задача: доступ православных паломников из Российской империи в Палестину стал носить массовый характер. Поездки, бесспорно, могут рассматриваться как проявление массовой культуры. Среди христианских конфессий русские паломники стали устойчивым фактором повседневной жизни захолустного региона Османской империи — Палестины. Так сформировался социокультурный феномен «русская Палестина», имевший пролонгированное воздействие на динамику отношений в Ближневосточном регионе в более поздний период биполярного противостояния.

В конце XIX века меняется геополитическое значение Восточного Средиземноморья, которое из сугубо периферийного региона превращается в узловой регион, где сплетаются интересы ведущих морских и сухопутных держав того времени. Российская империя в конце XIX века укрепляет свои позиции на Ближнем Востоке опосредованно, в том числе и через паломническую деятельность, ставшую не только показателем русской религиозности на фоне европейского обмирщения, но и важным фактором постоянного социокультурного присутствия русскости на Ближнем Востоке. Авторы приводят динамику количественных и качественных показателей, характеризующих организацию российского паломничества к Святым местам из Причерноморских портов, хотя основной акцент исследования в данной статье сделан на описательную компоненту и на историю повседневности, а не на социально-экономический аспект.

Обращаясь к опыту отечественных политологов отметим, что ими (например, С. Переслегиным) неоднократно приводилась как в печатных изданиях, так и в публичных выступлениях версия о том, что морская стратегия всегда выигрышнее сухопутной. Взяв на вооружение тактику морских перевозок, ИППО при помощи РОПиТ решило важную задачу — сделало паломничество и религиозный туризм доступным для всех слоёв населения Российской империи. Описание маршрутов, их детальное картографирование может и должно стать предметом обстоятельного изучения и последующих публикаций авторского коллектива, перед которым ставится задача сместить акценты от описательных парадигм, расшифровывающих

повседневность русского паломника на пути в Палестину и обратно, к экономическим расчетам и исследованиям в области исторической географии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Александр (Анисимов)*, прот. Палестинский паломник. Путевые записки о Священном Востоке. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2015. — 544 с. — ISBN 978-5-373-07104-8.
2. *Арсений (Стадницкий)*, епископ. В стране священных воспоминаний / Вступит. статья Н. Н. Лисового. — Москва : Императорское Православное Палестинское Общество, 2014 — Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2014. — 448 с. — ISBN 978-5-903525-70-6.
3. *Воронов П.*, свящ. Заметки из поездки на Св. Афон / свящ. П. Воронов // Таврические епархиальные ведомости : [газета]. — 1895. — № 33. — С. 820—834.
4. *Воронов П.*, свящ. Заметки из поездки на Св. Афон / свящ. П. Воронов // Таврические епархиальные ведомости : [газета]. — 1895. — № 46. — С. 1153—1168.
5. *Греков Ф. К.* Императорское Православное Палестинское общество. Очерк его деятельности [за 1882—1890 гг.] / Ф. К. Греков ; сост. Ф. Палеолог. — Санкт-Петербург : Типография П. П. Сойкина, 1891. — 53 с.
6. *Дмитриевский А. А.* Современное русское паломничество в Святую землю / А. А. Дмитриевский // Труды Киевской духовной академии. — 1903. — №6. — С. 274—319.
7. *Дорошевич В. М.* В Земле обетованной (Палестина) / В. М. Дорошевич. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-373-07080-5.
8. *Елисеев А. В.* С русскими паломниками на Святой земле весною 1884 года : [Очерки, заметки и наблюдения] / А. В. Елисеев. — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1885. — 365 с.
9. *За что Русское общество* пароходства и торговли желает получить 22 миллиона рублей? — Одесса : Типография "Одес. новости", 1910. — 82 с.
10. *Калинин Н. И.* Путешествие по святым местам Иерусалима, Палестины и Афона / Н. И. Калинин. — Одесса : Надежда, 2009. — 92 с.
11. *Коровицкий А. И.* Дневник паломника : Из путевых заметок законоучителя 2 муж. и Фундуклеев. жен. гимназий свящ. А. Коровицкого / А. И. Коровицкий. — Житомир : Типография Коровицкой, 1891. — 204 с.
12. *Малиновский И. В.* Императорское Православное Палестинское Общество. — 3-е испр. изд. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1902. — 32 с.
13. *Мефодий (Холмский)*. Дневник Палестинского паломника, архимандрита Мефодия, настоятеля Никандровой пустыни, Порховского уезда, Псковской губ. — Санкт-Петербург : Типография А. Каганского и К°, 1893. — 87 с.
14. *Отзыв католика о Русских поклонниках* // Сообщения Императорского Православного общества. — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1891. — Т. 2. — С. 56—58.

15. *Отчет* Православного Палестинского Общества, читанный Секретарем М. П. Степановым в заседании 29 мая 1885 года // *Отчет Православного Палестинского Общества за 1884—1885 год.* — Санкт-Петербург : [б. и.], 1885. — С. 47—61.

16. *Отчет* Православного Палестинского общества, читанный Секретарем М. П. Степановым в заседании 10 января 1886 г. // *Отчет Православного Палестинского Общества за 1885—1886 год.* — Санкт-Петербург : [б. и.], 1886. — С. 96—97.

17. *Отчет* Православного Палестинского Общества, читанный Секретарем М. П. Степановым в заседании 18 апреля 1887 года // *Отчет Православного Палестинского Общества за 1886—1887 год.* — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1888. — С. 169—185.

18. *Отчет* Православного Палестинского Общества, читанный Секретарем М. П. Степановым в заседании 18 октября 1884 года // *Отчет Православного Палестинского Общества за 1884—1885 год.* — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1885. — С. 1—10.

19. *Паломник во святой земле: (Подарок родине) /* Сочинение К. И. Конева, крестьянина с Михайловского, Ставропольской губернии. — 3-е издание. — Астрахань : Тип. Н. Л. Рослякова, аренд. В. Л. Егоровым, 1898. — 43 с.

20. *Русские паломники в Святой земле.* Доклад, читанный А. В. Елисеевым в заседании 18 октября 1884 года // *Отчет Православного Палестинского Общества за 1884—1885 год.* — Санкт-Петербург : [б. и.], 1885. — С. 11—41.

21. *Русское общество пароходства и торговли.* Расписания рейсов пароходов на 1895 г. — Москва : Издано по поручению Леоном Декроз, Товарищество скоропечатника А. А. Левенсон, 1895. — 18 см.

22. *Седьмой отчет* Православного Палестинского Общества за 1888—1890 годы. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1891. — 83 с.

23. *Ювачев-Миролюбов И.* Паломничество в Палестину к Гробу Господню / И. Ювачев-Миролюбов. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 416 с. — ISBN 978-5-373-06898-7.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Концепт понятие категория в свете современной лингвокогнитивистики / Н. Ф. Алефиренко // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания.* — 2010. — № 18 (89). — С. 5—12.

2. *Балахонова М. А.* Роль Императорского Православного Палестинского Общества в паломничестве на рубеже XIX—XX вв. / М. А. Балахонова, В. С. Околотин // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки.* — 2018. — № 4 (18). — С. 53—62.

3. *Балдин К. Е.* Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX века (на материале паломнических мемуаров) / К. Е. Балдин // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия : История. Политология. Социология.* — 2014. — № 2. — С. 30—32.

4. *Бирюкова К. В.* Российская Духовная Миссия в Иерусалиме и Императорское Православное Палестинское Общество / К. В. Бирюкова // *Ученые записки Орловского государственного университета.* — 2017. — № 2 (75). — С. 11—17.

5. *Брандт И. В.* Содержание и методика подготовки специалистов Паломнических служб Русской Православной Церкви в условиях профессионального туристского образования : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / И. В. Брандт. — Москва, 2003. — 124 с.

6. *Грушевой А. Г.* Императорское Православное Палестинское Общество. Обзор истории до 1917 г. / А. Г. Грушевой // Вспомогательные исторические дисциплины. — 2013. — Т. 32. — С. 472—497.

7. *Грушевой А. Г.* Императорское Православное Палестинское Общество в кризисные годы : 1905—1910 / А. Г. Грушевой // Иерусалимский православный семинар. — Москва : Индрик, 2018. — Выпуск 8. — С. 108—122.

8. *Дорофеев Д. Б.* Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах / Д. Б. Дорофеев // Вестник культурологии. — 2010. — № 1. — С. 63—87.

9. *Дорофеев Д. Ю.* Русские странники. Многообразие религиозных образов русского странничества XIX века / Д. Ю. Дорофеев // Logos et Praxis. — 2022. — № 4. — С. 5—18.

10. *Житенёв С. Ю.* Паломническая деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в 1882—1914 гг. / С. Ю. Житенёв // Православный Палестинский сборник. — 2021. — № 119. — С. 72—85.

11. *Житенёв С. Ю.* Цивилизационное присутствие России в мире : к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке / С. Ю. Житенёв // Журнал Института наследия. — 2017. — № 2 (9). — С. 1—24.

12. *Житенёв С. Ю.* Религиозное паломничество : межкультурные коммуникации и цивилизационный аспект: диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01 / С. Ю. Житенёв. — Москва, 2010. — 186 с.

13. *Каган М. С.* Системный подход и гуманитарное знание : избранные статьи / М. С. Каган. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1991. — 384 с. — ISBN 5-288-00956-2.

14. *Корпусов И. М.* К вопросу о различении терминов «Паломничество» и «Религиозный туризм» / И. М. Корпусов // Инновации в науке. — 2015. — № 52-1 (49). — С. 114—118.

15. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. — Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2013. — 602 с. — ISBN 978-5-8291-1393-3.

16. *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. / Н. Н. Лисовой. — Москва : Индрик, 2006. — 512 с. — ISBN 5-85759-327-1.

17. *Манойлова М. А.* Эмпирическое исследование портрета современного паломника / М. А. Манойлова, А. Н. Секретарев // Вестник Псковского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. — 2016. — № 4. — С. 183—189.

18. *Пересыпкин О. Г.* Культурно-исторический феномен «Русская Палестина» / О. Г. Пересыпкин // Обозреватель. — 2016. — № 8 (319). — С. 105—121.

19. *Половникова М. Ю.* Паломничество к святым местам в истории Вятской губернии (вторая половина XIX — начало XX веков) / М. Ю. Половникова, Е. Н. Немчинова // Научный диалог. — 2024. — № 13 (1). — С. 466—484. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-466-484.

20. *Смирнова И. Ю.* Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX—XX века) / И. Ю. Смирнова, Р. Б. Бутова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2021. — № 2 (104). — С. 9—21. — DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-9-21.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2025,
одобрена после рецензирования 18.09.2025,
подготовлена к публикации 20.10.2025.*

Material resources

- Alexander (Anisimov), proto. (2015). *The Palestinian pilgrim. Travel notes about the Sacred East*. Moscow: OLMA Media Group. 544 p. ISBN 978-5-373-07104-8. (In Russ.).
- Arseny (Stadnitsky), Bishop. (2014). *In the land of sacred memories*. Moscow: Imperial Orthodox Palestinian Society. 448 p. ISBN 978-5-903525-70-6. (In Russ.).
- Catholic's review of Russian fans. (1891). In: *Messages of the Imperial Orthodox Society*, 2. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 56—58. (In Russ.).
- Dmitrievsky, A. A. (1903). Modern Russian pilgrimage to the Holy Land. *Proceedings of the Kiev Theological Academy*, 6: 274—319. (In Russ.).
- Doroshevich, V. M. (2014). *In the Promised Land (Palestine)*. Moscow: OLMA Media Group. 320 p. ISBN 978-5-373-07080-5. (In Russ.).
- Eliseev, A. V. (1885). *With Russian pilgrims in the Holy Land in the spring of 1884: [Essays, notes and observations]*. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 365 p. (In Russ.).
- Grekov, F. K. (1891). *Imperial Orthodox Palestinian Society. An outline of his activities [for 1882—1890]*. St. Petersburg: P. P. Soykin Printing House. 53 p. (In Russ.).
- Kalinin, N. I. (2009). *Journey to the holy places of Jerusalem, Palestine and Mount Athos*. Odessa: Nadezhda Publ. 92 p. (In Russ.).
- Korovitsky, A. I. (1891). *Diary of a pilgrim: From the travel notes of a teacher of the law 2 men. and the Fundukleevs. women. gymnasiums of the sacred A. Korovitsky*. Zhytomyr: Korovitskaya Printing House. 204 p. (In Russ.).
- Malinovsky, I. V. (1902). *The Imperial Orthodox Palestinian Society. 3rd ispr. ed.* St. Petersburg: [b. i.]. 32 p. (In Russ.).
- Methodius (Kholmsky). (1893). *Diary of a Palestinian pilgrim, Archimandrite Methodius, abbot of the Nikandrova desert, Porkhovsky district, Pskov province*. St. Petersburg: Printing House of A. Katansky and Co. 87 p. (In Russ.).
- Pilgrim in the Holy Land: (A gift to the Motherland)*. (1898). Astrakhan: N. L. Roslyakov Printing House, arend. by V. L. Egorov. 43 p. (In Russ.).
- Report of the Orthodox Palestine Society, read by Secretary M. P. Stepanov at a meeting on May 29, 1885. (1885). In: *The report of the Orthodox Palestine Society for 1884—1885*. St. Petersburg: [b. i.]. 47—61. (In Russ.).
- Report of the Orthodox Palestine Society, read by Secretary M. P. Stepanov at a meeting on April 18, 1887. (1888). In: *The report of the Orthodox Palestine Society for 1886—1887*. Saint Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 169—185. (In Russ.).
- Report of the Orthodox Palestine Society, read by Secretary M. P. Stepanov at a meeting on October 18, 1884. (1885). In: *The report of the Orthodox Palestine Society for 1884—1885*. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 1—10. (In Russ.).
- Report of the Orthodox Palestinian Society, read by Secretary M. P. Stepanov at a meeting on January 10, 1886. (1886). In: *Report of the Orthodox Palestinian Society for 1885—1886*. St. Petersburg: [b. i.]. 96—97. (In Russ.).
- Russian pilgrims in the Holy Land. Report read by A. V. Eliseev at the meeting on October 18, 1884. (1885). In: *The report of the Orthodox Palestine Society for 1884—1885*. St. Petersburg: [b. i.]. 11—41. (In Russ.).
- Russian Society of Shipping and Trade. Schedules of steamship voyages for 1895*. (1895). Moscow: Published on behalf of Leon Decroze, the Association of the printer A. A. Levenson. 18 cm. (In Russ.).
- The seventh report of the Orthodox Palestine Society for the years 1888—1890*. (1891). St. Petersburg: [b. i.]. 83 p. (In Russ.).

- Voronov, P., sacred. (1895). Notes from a trip to St. Athos. *Tauride Diocesan Gazette: [news-paper]*, 46: 1153—1168. (In Russ.).
- Voronov, P., sacred. (1895). Notes from a trip to St. Athos. *Tauride Diocesan Gazette: [news-paper]*, 33: 820—834. (In Russ.).
- Why does the Russian Shipping and Trade Society want to receive 22 million rubles?* (1910). Odessa: Printing house “Odes. Novosti”. 82 p. (In Russ.).
- Yuvachev-Mirolubov, I. (2014). *Pilgrimage to Palestine to the Holy Sepulchre*. Moscow: OLMA Media Group. 416 p. ISBN 978-5-373-06898-7. (In Russ.).

References

- Alefirenko, N. F. (2010). Concept concept category in the light of modern linguocognitistics. *Issues of journalism, pedagogy, and linguistics*, 18 (89): 5—12. (In Russ.).
- Balakhonova, M. A., Okolotin, V. S. (2018). The role of the Imperial Orthodox Palestinian Society in pilgrimage at the turn of the 19th—20th centuries. *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 4 (18): 53—62. (In Russ.).
- Baldin, K. E. (2014). Activity of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the Middle East at the end of the XIX — beginning of the XX century (based on the material of pilgrimage memoirs). *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2: 30—32. (In Russ.).
- Biryukova, K. V. (2017). The Russian Spiritual Mission in Jerusalem and the Imperial Orthodox Palestinian Society. *Scientific Notes of the Orel State University*, 2 (75): 11—17. (In Russ.).
- Brandt, I. V. (2003). *The content and methodology of training specialists in the pilgrimage services of the Russian Orthodox Church in the context of professional tourism education*. PhD Diss. Moscow. 124 p. (In Russ.).
- Dorofeev, D. B. (2010). The phenomenon of wandering in Western European and Russian cultures. *Bulletin of Cultural Studies*, 1: 63—87. (In Russ.).
- Dorofeev, D. Y. (2022). Russian wanderers. The diversity of religious images of the Russian pilgrimage of the 19th century. *Logos et Praxis*, 4: 5—18. (In Russ.).
- Grushevoy, A. G. (2013). Imperial Orthodox Palestinian Society. An overview of the history before 1917. *Auxiliary historical disciplines*, 32: 472—497. (In Russ.).
- Grushevoy, A. G. (2018). Imperial Orthodox Palestinian Society in the crisis years: 1905—1910. In: *The Jerusalem Orthodox Seminar*, 8. Moscow: Indrik. 108—122. (In Russ.).
- Kagan, M. S. (1991). *System approach and humanitarian knowledge: selected articles*. Leningrad: Leningrad University Press. 384 p. ISBN 5-288-00956-2. (In Russ.).
- Korpusov, I. M. (2015). On the issue of distinguishing the terms “Pilgrimage” and “Religious tourism”. *Innovations in Science*, 52-1 (49): 114—118. (In Russ.).
- Lappo-Danilevsky, A. S. (2013). *Methodology of history*. Moscow: Academic Project; Yekaterinburg: Business Book. 602 p. ISBN 978-5-8291-1393-3. (In Russ.).
- Lisovoy, N. N. (2006). *Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the XIX — early XX centuries*. Moscow: Indrik. 512 p. ISBN 5-85759-327-1. (In Russ.).
- Manoilova, M. A., Sekretarev, A. N. (2016). Empirical study of the portrait of a modern pilgrim. *Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 4: 183—189. (In Russ.).
- Peresyphkin, O. G. (2016). Cultural and historical phenomenon of “Russian Palestine”. *Observer*, 8 (319): 105—121. (In Russ.).

- Polovnikova, M. Yu., Nemchaninova, E. N. (2024). Pilgrimage to Holy Places in History of Vyatka Province (Second Half of 19th — Early 20th Centuries). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 466—484. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-466-484>. (In Russ.).
- Smirnova, I. Y., Butova, R. B. (2021). Russia in the Holy Land. Figures and institutions of Russian Palestine (XIX—XX centuries). *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences*, 2 (104): 9—21. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-104-02-9-21. (In Russ.).
- Zhitenev, S. Y. (2010). *Religious pilgrimage: intercultural communications and the civilizational aspect*. PhD Diss. Moscow. 186 p. (In Russ.).
- Zhitenev, S. Y. (2017). The civilizational presence of Russia in the world: the 135th anniversary of the beginning of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the Russian Empire and in the Middle East. *Journal of the Institute of Heritage*, 2 (9): 1—24. (In Russ.).
- Zhitenev, S. Y. (2021). Pilgrimage activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society in 1882—1914. *Orthodox Palestinian Collection*, 119: 72—85. (In Russ.).

*The article was submitted 18.04.2025;
approved after reviewing 18.09.2025;
accepted for publication 20.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Валиахметова Г. Н. Нормативно-правовое обеспечение кибербезопасности в арабских монархиях Залива : этапы и особенности развития / Г. Н. Валиахметова, Л. В. Цуканов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 421—441. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-421-441.

Valiakhmetova, G. N., Tsukanov, L. V. (2025). Legal and Regulatory Framework for Cybersecurity in Arab Gulf Monarchies: Stages and Features of Development. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 421-441. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-421-441. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Нормативно-правовое обеспечение кибербезопасности в арабских монархиях Залива: этапы и особенности развития

Валиахметова Гульнара Ниловна ¹

orcid.org/0000-0001-7199-7723

доктор исторических наук,
заведующая кафедрой востоковедения,
корреспондирующий автор
vgulnara@mail.ru

Цуканов Леонид Вячеславович ²

orcid.org/0000-0001-6882-9841

кандидат политических наук,
научный сотрудник
leon.tsukanov@mail.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² ПИР-Центр
(Центр политических исследований)
(Москва, Россия)

Legal and Regulatory Framework for Cybersecurity in Arab Gulf Monarchies: Stages and Features of Development

Gulnara N. Valiakhmetova ¹

orcid.org/0000-0001-7199-7723

Doctor of History, Head
of the Department of Oriental Studies,
corresponding author
vgulnara@mail.ru

Leonid V. Tsukanov ²

orcid.org/0000-0001-6882-9841

PhD in Political,
Researcher
leon.tsukanov@mail.ru

¹ Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² PIR Center
(Center for Political Research)
(Moscow, Russia)

© Валиахметова Г. Н., Цуканов Л. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается эволюция нормативно-правовых основ национальных систем кибербезопасности стран — участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Выявлен и проанализирован комплекс факторов, обусловивших динамику и особенности формирования правового поля монархий Залива в контексте их продвижения к безопасной цифровой среде. Предлагается периодизация истории развития правовой базы сектора кибербезопасности, представлена характеристика ее основных этапов. Особое внимание уделено анализу новых направлений модернизации профильного законодательства, включая области финансовых технологий и искусственного интеллекта. Представлены результаты сопоставительного анализа концепций правового регулирования цифрового пространства и его защиты в арабских монархиях. Выявлены ключевые проблемы, препятствующие гармонизации правового поля в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Авторы приходят к выводу о том, что форсированное развитие нормативно-правовой базы сектора кибербезопасности отвечает национальным интересам стран ССАГЗ и долгосрочным стратегиям развития «Видения». Обосновано, что все рассматриваемые страны нарабатывали собственные уникальные правовые практики в области цифровой защиты, стремятся придерживаться высоких международных стандартов кибербезопасности и проактивного подхода к управлению рисками.

Ключевые слова:

кибербезопасность; правовое регулирование; арабские монархии; Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the evolution of the legal and regulatory foundations of the national cybersecurity systems in the member states of the Gulf Cooperation Council (GCC). The authors identify and analyze a complex set of factors that have shaped the dynamics and distinctive features of the development of the legal framework in the Gulf monarchies within the context of their progress toward a secure digital environment. A periodization of the history of the cybersecurity sector's legal base is proposed, with a characterization of its main stages. Particular attention is paid to the analysis of new directions in the modernization of sector-specific legislation, including the fields of financial technology and artificial intelligence. The paper presents the results of a comparative analysis of the concepts for legal regulation and protection of the digital space in the Arabian monarchies. Key challenges hindering the harmonization of the legal framework within the GCC are identified. The authors conclude that the accelerated development of the cybersecurity legal and regulatory framework aligns with the national interests of the GCC states and their long-term development “Visions” (e.g., Saudi Vision 2030). It is substantiated that all the countries under consideration have developed their own unique legal practices in the realm of digital protection and strive to adhere to high international cybersecurity standards and a proactive approach to risk management.

Key words:

Cybersecurity; Legal Regulation; Arabian Monarchies; Gulf Cooperation Council (GCC); Digital Governance.

УДК 94:[34:004.8](532+535+536.2+536.4+536.5+536.8)“1995/2025”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-421-441

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Нормативно-правовое обеспечение кибербезопасности в арабских монархиях Залива: этапы и особенности развития

© Валиахметова Г. Н., Цуканов Л. В., 2025

1. Введение = Introduction

По мере продвижения к цифровому обществу человечество сталкивается с беспрецедентным ростом числа новых угроз. Не стал исключением и Ближний Восток, где динамично меняющийся цифровой ландшафт «наслаивается» на многомерное, внутренне противоречивое цивилизационное полотно региона, усиливая его и без того исключительно высокий конфликтный потенциал. Монархии Персидского залива — Бахрейн, Катар, Королевство Саудовская Аравия (КСА), Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман, — претендующие на роль мировых и региональных флагманов цифровизации, принимают удар в числе первых. Впечатляющие результаты экономической диверсификации, высокая концентрация предприятий энергетического, финансового и инновационного секторов в совокупности с геополитической спецификой Ближнего Востока делают обозначенную группу стран привлекательной для киберпреступности и государств-оппонентов, использующих информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в качестве инструментов проведения внешней политики и борьбы за региональное влияние. Это подталкивает местные власти к форсированному строительству национальных систем кибербезопасности, включая модернизацию законодательства с опорой на передовой зарубежный опыт и собственные уникальные наработки.

Востребованность научного осмысления правовых практик современных государств в области киберзащиты обусловлена необходимостью гармонизации на международном уровне национальных подходов к реагированию на цифровой вызов для совместного противодействия киберугрозам. Цель данного исследования состоит в выявлении предпосылок, этапов и специфики формирования систем правового регулирования сектора кибербезопасности в арабских монархиях, а также в определении круга

проблем, препятствующих созданию общего правового поля в границах их интеграционного объединения — Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) в конце XX—XXI веков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической матрицей исследования выступают принципы научной объективности и системности, что позволило сформировать целостную картину правового измерения системы обеспечения кибербезопасности в странах ССАГЗ, подчеркнув ее многогранность и противоречивость. Теоретической основой исследования стала концепция «сетевого общества» М. Кастельса [Castells, 2010], в соответствии с которой представляется возможным рассматривать монархии Залива в качестве как самостоятельного цифрового кластера с собственными трендами развития, так и интегральной части глобального информационного общества. Исследование выполнено в рамках исторического подхода с использованием проблемно-хронологического, историко-генетического и сравнительного методов, которые позволяют выявить совокупность факторов, обусловивших особенности и динамику процесса эволюции законодательных основ обеспечения кибербезопасности в группе рассматриваемых стран.

Правовое измерение международной и национальной кибербезопасности имеет многоаспектный характер, в связи с чем исследования по данной проблематике проводятся в рамках различных наук — юридических, политических, исторических, экономических, технических. Внимание политологов-международников, как правило, сосредоточено на проблемах формирования универсального правового режима, способного обеспечить безопасность цифрового пространства на глобальном и региональном уровнях [Полякова и др., 2023]. Общерегиональная специфика, оказывающая непосредственное влияние на выработку правовых подходов монархий Залива к киберзащите, широко представлена в трудах российских востоковедов [Кузнецов и др., 2023; Звягельская, 2020]. Роль сектора кибербезопасности и его высоких нормативно-правовых стандартов в продвижении стран ССАГЗ в авангард цифрового общества раскрывается в работах западных экспертов [Hassib et al., 2022; Lotto, 2022; Strauss, 2025].

Высокая степень дискуссионности в правоведческой научной среде характерна для проблем, связанных с нормативным определением базовых терминов «кибербезопасность», «киберпреступность» и смежных понятий [Баландин, 2023; Старкова, 2021; Яковлева, 2021]. Особенности понятийного аппарата и правовых практик государств ССАГЗ в области противодействия ИКТ-преступлениям стали предметом исследований в публикациях представителей научных сообществ России [Шестак и др., 2023;

Волеводз, 2024] и арабских стран [Abu-Taieh et al., 2018]. Экосистемы цифровых госуслуг и их правовое обеспечение в государствах Персидского залива исследуются в рамках case-study [Al-Khouri, 2012] и компаративистики [Ильин и др., 2024].

С развитием цифровой экономики в странах ССАГЗ исследовательский фокус стал смещаться на проблемы правового регулирования сферы финансовых технологий и цифровых активов [Albanki et al., 2024], в том числе в контексте их соответствия нормам шариата [Ali Sh. et al., 2024; Al-Khalifa, 2022]. Значительный научный интерес привлекает проблематика рисков активного внедрения в аравийских монархиях технологий искусственного интеллекта (ИИ) [Пашенцев, 2024; Choithani et al., 2024].

Несмотря на разнообразие направлений и тематики изучения законодательных основ национальных систем кибербезопасности монархий Залива, особенности эволюции профильного нормативно-правового поля, в немалой степени обусловившие феноменальный успех стран ССАГЗ в области создания безопасной цифровой среды, пока не стали предметом отдельного исследования. Данная статья в определенной мере позволяет восполнить указанный пробел. Дополнительный элемент новизны результатов предлагаемой работы, кроме того, обеспечивает ее источниковая база, которую формируют законы, общенациональные и отраслевые нормативные акты и регламенты, регулирующие деятельность госучреждений, деловых кругов, научно-образовательных и общественных организаций, частных лиц в цифровом пространстве монархий Залива; декларации, принятые по итогам саммитов ССАГЗ; отчеты специализированных структур ООН (Международного союза электросвязи, Конференции по торговле и развитию, Всемирной организации интеллектуальной собственности), межправительственной Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и международной профессиональной платформы «Общество Интернета», затрагивающие различные аспекты правового обеспечения цифровой защиты арабских государств; материалы периодической печати.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этапы формирования нормативно-правовой базы сектора кибербезопасности

Процесс эволюции правовых систем монархий Залива в сфере кибербезопасности представляется возможным условно разделить на три этапа. Первый охватывает конец 1990-х — 2006 годы, когда закладывались основы правового регулирования цифрового пространства и его защиты путем принятия законов и иных нормативных актов по отдельным секторам эко-

номики (связь, банковское дело, электронная торговля и т. д.). К адаптации национального правового поля под новые цифровые реалии первыми приступили Оман и Саудовская Аравия. В КСА, например, уже в 1999 году был разработан «Порядок деятельности интернет-провайдеров», за которым последовали законы о телекоммуникациях (2001 год), о нормах использования Интернета и спутниковой связи (2002 год), о предоставлении услуг мобильной связи (2006 год) и т. д. [Saudi Arabia Service Regulations]. Законы о телекоммуникациях (приняты в Омане и Бахрейне в 2002 году, ОАЭ в 2003 году, Катар в 2006 году, Кувейте в 2014 году) регламентировали порядок предоставления услуг связи, устанавливали права и обязанности поставщиков и пользователей, предусматривали меры пресечения за незаконное использование ИКТ-оборудования. Законы об электронных транзакциях (тут «первопроходцем» был Бахрейн в 2002 году [Legislative Decree № 28], за ним последовали ОАЭ в 2006 году, КСА в 2007 году, Оман в 2008 году, Катар в 2010 году, Кувейт в 2015 году) заложили основы безопасности электронных платежей и конфиденциальности ряда групп цифровых данных (электронные записи, документы и подписи, относящиеся к гражданско-правовой, коммерческой и административной деятельности). В рамках реализации новых законов создавались первые профильные государственные институты, на которые в том числе возлагались задачи по развитию нормативной базы секторов ИКТ и цифровой защиты.

Второй этап — с 2007 по 2015 годы — характеризуется акцентом на социально-политические аспекты кибербезопасности и попытками адаптации международных практик к местным реалиям. Импульсом к активизации нормотворческой деятельности послужил комплекс факторов: взрывной рост численности интернет-пользователей, стремительное внедрение ИКТ в различные сферы жизни аравийских обществ, разработка первых стратегических инициатив по диверсификации экономик (Оман 2003 года, Катар и Бахрейн 2008 года, ОАЭ 2010 года) и проектов электронного правительства, а также всплеск правонарушений в ИКТ-пространстве.

Подготовка законов о борьбе с киберпреступностью выявила серьезные разногласия в нормотворческих подходах государств Залива и их концептуальные отличия от зарубежных практик. Прежде всего речь идет о разнообразии понятийного аппарата, выработанного местными законодателями на арабском и английском языках, а также с учетом особенностей исламской правовой мысли [Шестак и др., 2023]. Первый такой закон принят в ОАЭ в 2006 году, на его основе в 2012 году был разработан базовый федеральный закон «О борьбе с киберпреступностью», в который регулярно вносились изменения (2016 год, 2018 год, 2021 год) в плане расширения спектра преступлений, усиления правовых мер против ИКТ-угроз,

ужесточения наказаний для нарушителей. Обновленный в 2021 году закон (введен в действие в 2022 году) относит к преступным действиям несанкционированный доступ к сайтам, финансовые киберпреступления, нарушение неприкосновенности частной жизни, порочный контент, наносящий вред общественной морали и религиозным символам, а также действия, представляющие угрозу национальной безопасности: терроризм, призывы к протестам, пропаганда ненависти и расизма, подрыв национального единства и репутации государства, его институтов или руководителей [New UAE Cybercrime Law].

Саудовский закон 2007 года определяет пять видов преступлений с использованием ИКТ-средств: шпионаж, несанкционированный доступ, дефейсмент сайтов, вторжение в частную жизнь, клевета и причинение вреда другим лицам [Anti-Cyber Crime Law]. Оманский закон 2011 года был первым на Ближнем Востоке правовым актом, наиболее близким к международным стандартам, поскольку разрабатывался с опорой на европейские практики. Закон определял киберпреступность с точки зрения объекта и средств правонарушений, поэтому вводил в правовой оборот два смежных понятия: «киберпреступление» и «преступление, совершенное с использованием информационных технологий» [Oman Cybercrime Legislation]. В Бахрейне закон 2014 года выделяет три группы правонарушений: против ИКТ-систем, преступления с использованием ИКТ-средств и преступный контент [Law on Combating Cybercrime]. Катарский закон 2014 года криминализирует распространение вредоносного программного обеспечения, несанкционированный доступ, кражу личных данных, мошенничество в Интернете и т. п. [Cybercrime Prevention Law]. Главным стимулом к разработке соответствующего закона в Кувейте стали события Арабской весны: массовые протесты в стране вызвали политический кризис, отставку правительства и роспуск парламента в 2011 году. В связи с этим закон 2015 года преимущественно фокусируется на социально-политических аспектах правонарушений в цифровом пространстве, расширяя уже имеющиеся запреты в отношении СМИ и печатных публикаций практически на любую интернет-информацию, включая онлайн-журналистику, социальные сети и блоги [Law № 63 of 2015].

Несмотря на расхождения в трактовках понятия «киберпреступность», во всех монархиях Залива в него включены любые формы инакомыслия (критика властей, призывы к массовым протестам, координация антиправительственных акций с использованием ИКТ и т. п.), а также кибертерроризм (в том числе вербовочная и пропагандистская деятельность, финансовая и иная поддержка террористических группировок, оправдание терроризма). При этом у каждой страны имеется собственный подход

к пониманию сущности терроризма и кибертерроризма и, соответственно, собственный список запрещенных террористических группировок. Кроме того, хотя процесс совершенствования правовых практик и процедур в области противодействия киберпреступности идет довольно активно [Волеводз и др., 2024], законодательства стран — участниц ССАГЗ еще далеки от гармонизации и требуют доработки на национальном уровне ввиду расширения спектра киберугроз, а также с учетом международных актов, в частности Конвенции по киберпреступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2024 года.

Курс на модернизацию, цифровизацию, развитие несырьевых отраслей и привлечение иностранных инвестиций стимулировали внедрение ИКТ в государственное управление. Первые проекты начали тестироваться в КСА с 2003 года и ОАЭ с 2005 года [Al-Khoury A., 2012], а системная разработка цифровых государственных сервисов и методов их защиты стартовала в регионе в начале 2010-х годов [Ильин и др., 2024, с. 32—33]. Новатором стал Оман: корпус нормативных документов 2010 года [Overview of Oman eGovernance] содержал набор стандартов, передовых методов и процедур, обеспечивающих устойчивость государственных ИКТ-систем, улучшение качества госуслуг и минимизацию рисков в соответствии со стратегией «Цифрового Омана» 2003 года.

Начало третьему этапу — с 2016 года по настоящее время — было положено запуском во всех монархиях Залива стратегических программ «Видение», ускоривших цифровизацию и развитие онлайн-услуг. Важным стимулом к заполнению законодательных лакун стала пандемия covid-19 и переход к удаленным формам деятельности. Во всех странах ССАГЗ были приняты стандарты обеспечения кибербезопасности для государственных органов и бизнес-структур, а также законы и регламенты о защите персональных данных и уведомлении о нарушениях, о новых медиа (Интернет-СМИ, блоги, соцсети и т. п.), об антиобщественном поведении в Интернете и т. д. Появились новые направления нормотворчества — в области цифровых валют, финансовых технологий, искусственного интеллекта. Государства начали активно перенимать передовой зарубежный опыт в области правового регулирования цифровой защиты.

В свете развития государственных информационных сервисов и повышения глобальной конкурентоспособности экономик монархий Залива серьезным нормотворческим прорывом стали законы о защите персональных данных. Первый подобный акт был принят Катаром в 2016 году: он устанавливал строгие правила сбора, обработки и хранения данных, а также подкреплялся стандартами и регламентами применения конкретных средств контроля и уведомлений о нарушениях [National Information Assur-

ance Standard]. Хорошо продуманные и детально структурированные правовые рамки защиты данных на основе профильных законов и регламентов имеются также в Омане (соответствующий закон принят в 2017 году), Бахрейне (2018 год), ОАЭ и КСА (2021 год). В Кувейте обозначенная сфера регулируется отдельными положениями законов об электронной коммерции 2014 года и киберпреступности 2015 года, а также «Регламентом о защите данных и конфиденциальности» 2024 года [Data Protection]. Особенность последнего документа состоит в том, что он не распространяется на физических лиц и органы безопасности, которые собирают и обрабатывают персональные, в том числе семейные данные в целях борьбы с преступностью и предотвращения угроз общественной безопасности.

Монархии Залива, стремясь повысить устойчивость к цифровым угрозам, вводят общенациональные требования безопасности, обязательные к исполнению госучреждениями, частными компаниями, научно-образовательными и общественными структурами. В Омане данный блок нормативных актов сформировался в 2017—2019 годы, в КСА в 2018—2024 годах, в Бахрейне в 2022 году. Признанным лидером региона на этом направлении считаются ОАЭ: регламенты 2014—2025 годов [UAE Information Assurance Regulation] базируются на передовых международных практиках и создают эшелонированную многоступенчатую защиту от физического до прикладного уровней. Активно развивается правовое поле для отдельных отраслей, в первую очередь относящихся к критически значимым. В Катаре разработан закон о защите критической информационной инфраструктуры [Critical Information Infrastructure Law]. Специальные нормативы для правительственных сервисов, ИКТ, финансов, транспорта, здравоохранения, энергетики имеются в Бахрейне [Critical National Infrastructure] и ОАЭ [Critical Information Infrastructure Policy; Abu Dhabi — Healthcare].

В целом, высокая динамика развития сферы правового регулирования киберсектора свидетельствует о том, что для местных властей данное направление стало критически важным приоритетом в реализации национальных стратегических программ развития.

3.2. Новые направления модернизации профильного законодательства

Внедрение цифровых валют и рост рынка финансовых технологий сформировали новое направление модернизации законодательной базы в области цифровизации и киберзащиты, выявив существенные концептуальные расхождения между государствами Залива. Наиболее масштабные подвижки имели место в ОАЭ и Омане, взявших курс на лидерство на криптовалютном рынке Ближнего Востока [Emirates Blockchain Strategy; Cyber Security], а также в Бахрейне, который демонстрирует систем-

ный подход в развитии финтеха и его правовой базы [Albanki et al, 2024, с. 340—342; Bahrain Fintech..., 2022].

В Саудовской Аравии правовые рамки кибербезопасности для финансового сектора внедрены в 2017—2022 годах и продолжают довольно динамично развиваться [Fintech Laws]. Однако в отношении некоторых видов финтеха власти занимают осторожную позицию. К примеру, криптовалюты не признаются законным платежным средством, поэтому криптобиржи и криптовалютные транзакции официально не разрешены (в том числе со ссылкой на их несоответствие нормам исламского банкинга [Al-Khalifa, 2022]), но и не запрещены. При этом с 2022 года страна входит в тройку лидеров арабского мира по объемам цифровых активов [Saudis Come Third among Arab..., 2022]; правительство поддерживает финтех-стартапы, а в развитии профильного сегмента участвуют ведущие игроки мирового рынка, прежде всего в лице «Binance». Схожая ситуация наблюдается в Катаре, где майнинг криптовалют подпадает под закон о противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма и классифицируется как преступление [Qatar Cryptocurrency Laws]. Впрочем, как отмечают аналитики ФАТФ, Катар ограничивается преимущественно декларативными мерами: правоохранительные органы не проводят активных мероприятий по выявлению майнеров, а акции по блокировке аккаунтов носят нерегулярный характер [Qatar's Measures..., 2023].

Наиболее жесткую позицию занимает Кувейт. Отсутствие правового регулирования деятельности имевшихся в стране криптобирж сделало Кувейт уязвимым перед лицом угроз со стороны майнеров, работающих в интересах преступных сообществ и недобросовестных предпринимателей. Ввиду стремительного роста «серого» сегмента крипторынка, а также в рамках кампании ФАТФ по борьбе с финансированием терроризма и отмыванием денег в 2023 году правительство наложило «абсолютный запрет на использование виртуальных активов в качестве платежного инструмента / средства» [Ministerial Circular № 1], который, однако, не коснулся цифровых валют, выпускаемых каким-либо правительством.

Очевидно, что среди аравийских монархий отсутствует единство в вопросах легитимности финтеха, направлений и масштабов его развития, ввиду чего профильное законодательство варьируется от страны к стране. Хотя первичная нормативно-правовая база во всех государствах уже сформирована, только три страны — ОАЭ, Бахрейн и Оман — на системной основе разрабатывают регламенты контроля за транзакциями токенов и оборотом криптовалют, порядок лицензирования и функционирования криптобирж и центров майнинга, использования ИИ-инструментов и т. п. [Choithani T. et al, 2024]. При этом оборот и майнинг криптовалют

санкционирован только в ОАЭ, в двух государствах — Кувейте и Катаре — эта деятельность относится к уголовно наказуемым. С 2019 года монархии Залива предпринимают шаги по преодолению имеющихся разногласий в целях развития единого рынка на пространстве ССАГЗ, однако до выработки единой позиции еще довольно далеко [Ali et al., 2024].

Схожий концептуальный разрыв наблюдается и в области технологий искусственного интеллекта и их использования в киберзащите. Системные усилия на данном направлении предпринимают пока только ОАЭ и Саудовская Аравия, которые первыми в мире сформировали специализированные госструктуры (Министерство ИИ ОАЭ в 2017 году, Управление по данным и искусственному интеллекту КСА в 2019 году), а в 2021 году опубликовали стратегии продвижения к глобальному первенству в обозначенной сфере, которые в том числе предусматривают модернизацию профильного законодательства [The National Strategy for Data & AI; UAE National Strategy]. В апреле 2025 года власти ОАЭ анонсировали план внедрения ИИ в поле правового регулирования. Он предусматривает создание единой базы данных федеральных и местных законов, судебных решений, госуслуг и т. п., на основе которой ИИ будет писать новые законы, пересматривать и вносить поправки в действующие нормативные акты [UAE Set to Use AI..., 2025]. Однако эксперты предупреждают о подводных камнях: ИИ становится непостижимым для своих пользователей, данные его обучения могут быть предвзятыми, а интерпретация законов может оказаться непригодной для человеческого общества [Пашенцев и др., 2024]. Сомнения в надежности и этичности технологий ИИ имеются и в других монархиях Залива. Кроме того, нормотворческий процесс в области ИИ, как и в случае с финтехом, сдерживается факторами экономического, технологического, социально-политического и религиозного характера.

3.3. Проблемы гармонизации правового поля в рамках ССАГЗ

Согласно Глобальному индексу кибербезопасности ООН, с 2020 года большинство стран ССАГЗ (Бахрейн, Катар, КСА, ОАЭ) удерживают максимальные показатели по нормативно-правовому критерию [GCI, 2021, с. 77—82; GCI, 2024, с. 70—80]. Незначительно снизил свои позиции в рейтинге 2024 года Оман, который в 2014—2020 годах уверенно лидировал в арабском регионе, а его правовые практики входили в число лучших в мире [GCI, 2017, с. 30—31, 39; Internet Infrastructure, 2020, с. 11]. Одна из причин заключается в том, что в вопросах цифровой трансформации и развития киберсектора Оман, стартовавший значительно раньше своих соседей по Заливу, всегда придерживался размеренного темпа [Lotto, 2024], тогда как другим монархиям (за исключением Кувейта) пришлось перейти на «спринтерский бег», чтобы догнать, а затем и перегнать лидера. В Ку-

вайте полноценный нормотворческий процесс в области киберзащиты был запущен лишь в 2014 году, почти на полтора десятилетия позже региональных партнеров. Тем не менее в последние годы страна активно адаптирует свое законодательство под цифровой вызов, сокращая правовой разрыв с участниками ССАГЗ.

Несмотря на высокие нормативно-правовые стандарты, все монархии Залива сталкиваются с общими проблемами, которые сдерживают темпы продвижения к безопасной цифровой среде как в пределах национальных границ, так и на уровне ССАГЗ. Прежде всего, следует отметить общую инертность законодательной сферы. В условиях стремительной цифровизации и с учетом динамической природы киберугроз правовое поле объективно не успевает своевременно реагировать на новые вызовы, что ведет к появлению законодательных пробелов и усложняет регулирование не только в монархиях Залива, но и в странах, считающихся «абсолютными лидерами» цифрового мира (США, КНР и др.) [Полякова и др., 2023, с. 144]. Однако в странах ССАГЗ ситуация усугубляется «нисходящей» моделью управления, ограничивающей горизонтальные связи и обмен опытом между различными субъектами кибербезопасности, а также высоким уровнем бюрократизации управленческих процессов, замедляющих внедрение инноваций [Internet Infrastructure, 2020, с. 11]. Кроме того, учреждениям зачастую трудно ориентироваться в многочисленных сложных и зачастую противоречивых правилах и нормативах кибербезопасности, а ввод новых регламентов требует значительного времени и ресурсов (финансовых, технических, кадровых), которыми располагают далеко не все государственные и частные структуры [Strauss, 2025].

Концепции стран — членов ССАГЗ в области регулирования ИКТ-пространства и его защиты весьма разнятся, препятствуя гармонизации правового поля. Позиции государств далеко не всегда совпадают даже в вопросах трактовки содержания базовых понятий и терминов (киберпреступность, кибертерроризм и т. д.). Кроме того, до начала 2020-х годов все страны (кроме Омана) придерживались преимущественно реактивного, а не проактивного подхода к развитию киберсектора. Это выражалось в склонности к купированию последствий кибератак и иных нарушений в работе ИКТ-инфраструктуры вместо поэтапной разработки комплексного ответа, предполагающего принятие мер на опережение. Стимулом к активизации нормотворческой деятельности, как правило, выступали крупные кибернападения на объекты критической инфраструктуры, глобальные кризисы (пандемия covid-19) либо инициативы внешних акторов в лице ООН, США и др. И если на национальном уровне эта проблема практически уже решена, но в формате ССАГЗ упреждающий подход пока

не стал доминирующим. Это объясняется чувствительным и конфиденциальным характером киберсферы, а также сохраняющейся атмосферой недоверия, характерной для всего Ближнего Востока с его чрезвычайно высоким конфликтным потенциалом [Кузнецов, 2023; Звягельская, 2020].

Серьезным препятствием к формированию единых законодательных рамок в области кибербезопасности на пространстве ССАГЗ является и то, что все участники этого объединения (кроме Омана) долгое время дистанцировались от мирового нормотворческого процесса, а инициативы ООН и других международных профильных экспертных платформ, с которыми сегодня тесно сотрудничают монархии Залива, далеко не всегда становились руководством к действию. К примеру, рекомендации ООН 2013 года [Development and Harmonization..., 2013] в большинстве своем до начала 2020-х годов оставались без внимания [Internet infrastructure, 2020, с. 16—18]. Кроме того, до недавнего времени страны ССАГЗ увязывали согласование своих политик в вопросах цифровой защиты, включая гармонизацию профильных законодательств, с выработкой общих подходов в рамках всего арабского мира [Hassib et al., 2022; GCC Supreme Council..., 2022], а этот процесс неизменно тормозился ввиду многочисленных доктринальных, нормотворческих и иных разногласий между арабскими государствами. На саммите ССАГЗ в декабре 2024 года [Kuwait Declaration...2024] был взят курс на расширение сотрудничества между участниками объединения путем разработки совместных цифровых стратегий и платформ, а также укрепления кибербезопасности с целью превращения региона в глобальный центр цифровой экономики.

4. Заключение = Conclusions

Нормативно-правовая база в области кибербезопасности, сформированная монархиями Залива в последние десятилетия, отвечает национальным долгосрочным стратегиям развития и способствует созданию безопасной цифровой среды. Хотя каждое государство наработало собственный подход и правовые практики обеспечения киберзащиты, между ними имеются общие черты. Все страны демонстрируют приверженность высоким международным стандартам кибербезопасности, о чем свидетельствуют строгие законы и регламенты (прежде всего в сфере защиты критической ИКТ-инфраструктуры) и жесткий правительственный контроль за их исполнением. Общенациональные и отраслевые законодательства и нормативные акты базируются на триаде кибербезопасности (конфиденциальность, целостность, доступность данных), а также непрерывной атрибуции, оценке и смягчении киберугроз, поскольку кибербезопасность — это постоянный потоковый процесс. Во всех монархиях в той или иной сте-

пени практикуется активное управление рисками и продвигается проактивный подход к организации цифровой защиты, когда речь идет не только о создании оградительных механизмов и надежде на лучшее, но и об активном поиске уязвимых звеньев, понимании меняющегося ландшафта угроз и принятии превентивных продуманных мер.

Вместе с тем если в вопросах формирования национальной правовой базы обеспечения кибербезопасности монархии Залива добились впечатляющих результатов, то в области продвижения к общему правовому полю в рамках ССАГЗ им предстоит решить довольно большой комплекс проблем и — в первую очередь — преодолеть взаимное недоверие и концептуальные разногласия.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Abu Dhabi — Healthcare Information and Cyber Security Standard* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.doh.gov.ae/media/AamenADHICS> (accessed 7.04.2025).
2. *Anti-Cyber Crime Law 2007* // WIPO UN [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/14570> (accessed 12.03.2025).
3. *Bahrain FinTech Ecosystem Report 2022* [Electronic resource]. — Access mode : <https://theblockchainintest.com/uploads/resources/Bahrain%20FinTech%20bay%20-%20FinTech%20Ecosystem%20Report%20-%202022%20Feb.pdf> (accessed 19.04.2025).
4. *Critical Information Infrastructure Protection Law* [Electronic resource]. — Access mode : <https://qcert.ncsa.gov.qa/services/critical-information-infrastructure-protection-interdependency-database> (accessed 7.04.2025).
5. *Critical Information Infrastructure Protection Policy* [Electronic resource]. — Access mode : <https://u.ae/en/information-and-services/justice-safety-and-the-law/cyber-safety-and-digital-security/uac-information-assurance-regulation> (accessed 7.04.2025).
6. *Critical National Infrastructure Cybersecurity Controls* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ncsc.gov.bh/en/policies-controls/CNI-cybersecurity-controls.html> (accessed 7.04.2025).
7. *Cyber Security and Resilience Framework* // Central Bank of Oman [Electronic resource]. — Access mode : [https://cbo.gov.om/sites/assets/FintechCompulsoryDocs/Cyber%20Security%20&%20Resilience%20Framework%20\(CS&RF\).pdf](https://cbo.gov.om/sites/assets/FintechCompulsoryDocs/Cyber%20Security%20&%20Resilience%20Framework%20(CS&RF).pdf) (accessed 19.04.2025).
8. *Cybercrime Prevention Law 2014* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cra.gov.qa/en/document/cybercrime-prevention-law-no-14-of-2014> (accessed 12.03.2025).
9. *Data Protection & Privacy 2025* [Electronic resource]. — Access mode : <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/932/15607/24360-24367-24371-24376-24381> (accessed 7.04.2025).
10. *Development and Harmonization of Cyber Legislation in the Arab Region*. — New York : UNCTAD, 2013. — 21 p.

11. *Emirates Blockchain Strategy 2021* [Electronic resource]. — Access mode : <https://uae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-and-plans/emirates-blockchain-strategy-2021> (accessed 19.04.2025).
12. *Fintech Laws and Regulations Saudi Arabia 2024—2025* [Electronic resource]. — Access mode : <https://iclg.com/practice-areas/fintech-laws-and-regulations/saudi-arabia> (accessed 21.04.2025).
13. *GCC Supreme Council Release Final Communique after 43rd Summit* [Electronic resource] // Saudi Gazette. — 09.12.2022. — Access mode : <https://saudigazette.com.sa/article/627828> (accessed 11.04.2025).
14. GCI — *Global Cybersecurity Index 2017*. — Geneva : ITU UN, 2017. — 166 p.
15. GCI — *Global Cybersecurity Index 2020*. — Geneva : ITU UN, 2021. — 156 p.
16. GCI — *Global Cybersecurity Index 2024*. — Geneva : ITU UN, 2024. — 142 p.
17. *Internet Infrastructure Security Guidelines for the Arab States*. — Washington DC : Internet society, 2020. — 26 p.
18. *Kuwait Declaration Issued at GCC Supreme Council's 45th Session* [Electronic resource] // Bahrain News Agency. 1.12.2024. — Access mode : <https://www.bna.bh/en/KuwaitDeclarationissuedatGCCSupremeCouncils45thsession.aspx?cms> (accessed 11.04.2025).
19. *Law № 63 of 2015 on Combating Information Technology Crimes* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.moi.gov.kw/main/content/docs/cybercrime/ar/law-establishing-cyber-crime-dept.pdf> (accessed 12.03.2025).
20. *Law on Combating Cybercrime in the Kingdom of Bahrain* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.asianlaws.org/gclid/cyberlawdb/GCC/Law%20on%20Combating%20Cybercrime%20in%20the%20Kingdom%20of%20Bahrain.pdf> (accessed 12.03.2025).
21. *Legislative Decree № 28 (2002) with Respect to Electronic Transactions* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.bahrain.bh/wps/wcm/connect/1ede6815-4dc0-451c-aa7d-09c3622f0494/CASPMFGX.pdf?MOD=AJPERES> (accessed 25.03.2025).
22. *Ministerial Circular № 1 of the Year 2023 Regarding the Procedures Required Concerning Transactions Related to Virtual Assets* [Electronic resource]. — Access mode : <https://moci.gov.kw/en/news/194/> (accessed 23.04.2025).
23. *National Information Assurance Standard* [Electronic resource]. — Access mode : https://assurance.ncsa.gov.qa/sites/default/files/publications/policy/2023/NCSA_CSGA_%20 (accessed 15.03.2025).
24. *New UAE Cybercrime Law : Detailed Insights into Crimes and Penalties* [Electronic resource]. — Access mode : <https://davidsoncolaw.com/how-to-report-cyber-crime-in-uae/#:~:text=Article> (accessed 12.03.2025).
25. *Oman Cybercrime Legislation* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.coe.int/en/web/octopus/country-wiki-ap/-/asset_publisher/CmDb7M4RGb4Z/content/id/64859909/pop_up (accessed 12.03.2025).
26. *Overview of Oman eGovernance Framework* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ita.gov.om/ITAPortal/Pages/Page.aspx?NID=559&PID=1848&LID=96> (accessed 15.03.2025).
27. *Qatar Cryptocurrency Laws* [Electronic resource]. — Access mode : <https://freeman-law.com/cryptocurrency/qatar/> (accessed 23.04.2025).
28. *Qatar's Measures to Combat Money Laundering and Terrorist Financing* [Electronic resource] // FATF, 2023. — Access mode : <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutual-evaluations/MER-Qatar-2023.html> (accessed 23.04.2025).

29. *Saudi Arabia Service Regulations* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.citc.gov.sa/en/RulesandSystems/RegulatoryDocuments/> (accessed 25.03.2025).

30. *Saudis Come Third among Arab Cryptocurrency Owners* [Electronic resource] // Saudi Gazette. — 12.01.2022. — Access mode : <https://saudigazette.com.sa/article/615778> (accessed 21.04.2025).

31. *The National Strategy for Data & AI for Saudi Arabia* [Electronic resource]. — Access mode : <https://sdaia.gov.sa/en/SDAIA/SdaiaStrategies/Pages/NationalStrategyForDataAndAI.aspx> (accessed 25.04.2025).

32. *UAE Information Assurance Regulation* [Electronic resource]. — Access mode : <https://u.ae/en/information-and-services/justice-safety-and-the-law/cyber-safety-and-digital-security/uae-information-assurance-regulation> (accessed 7.04.2025).

33. *UAE National Strategy for Artificial Intelligence 2031* [Electronic resource]. — Access mode : <https://ai.gov.ae/strategy/> (accessed 25.04.2025).

34. *UAE Set to Use AI to Write Laws in World First* [Electronic resource] // Financial Times. 21.04.2025. — Access mode : <https://www.ft.com/content/9019cd51-2b55-4175-81a6-eafcf28609c3> (accessed 24.04.2025).

Литература

1. Баландин А. Ю. Кибербезопасность и информационная безопасность. Демаркация правовых категорий / А. Ю. Баландин // Правовая политика и правовая жизнь. — 2023. — № 3. — С. 260—270. — DOI: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9\(3\).114-123](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9(3).114-123).

2. Волеводз А. Г. Цифровые доказательства в уголовном процессе государств — членов ССАГЗ : правовой статус и процедуры признания / А. Г. Волеводз, А. Д. Цыплакова // Вестник экономической безопасности. — 2024. — № 2. — С. 21—29. — DOI: 10.24412/2414-3995-2024-2-21-29.

3. Ильин А. П. Развитие государственных информационных систем в РФ, ИРИ и КСА / А. П. Ильин, Ю. И. Ильина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2024. — № 14 (4). — С. 32—33. — DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-23-38.

4. Звягельская И. Д. Ближний Восток в условиях «негативной определенности» / И. Д. Звягельская, И. А. Свистунова, Н. Ю. Сурков // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — № 6. — С. 94—103. — DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-94-103.

5. Кузнецов В. А. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке : новое прочтение / В. А. Кузнецов, В. В. Наумкин // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. — 2023. — № 1. — С. 70—92. — DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92.

6. Пашенцев Е. Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта и угрозы информационно-психологической безопасности в ОАЭ / Е. Н. Пашенцев, В. А. Чебыкина // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2024. — № 6. — С. 107—117. — DOI: 10.31696/S086919080032578-2.

7. Полякова Т. А. Международная информационная безопасность : универсальное правовое измерение / Т. А. Полякова, Е. С. Зиновьева, А. А. Смирнов // Государство и право. — 2023. — № 12. — С. 139—149.

8. Старкова Л. М. Подходы к пониманию и нормативному определению категории «киберпреступность» и смежных понятий в практике региональных международных

организаций / Л. М. Старкова // Московский журнал международного права. — 2021. — № 4. — С. 123—135. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-123-135>.

9. Шестак В. А. Понятие и сущность киберпреступлений в государствах-членах ССАГПЗ / В. А. Шестак, А. Д. Цыплакова // Мировой судья. — 2023. — № 4. — С. 2—7. — DOI: 10.18572/2072-4152-2023-4-2-7.

10. Яковлева А. В. Кибербезопасность и ее правовое регулирование (зарубежный и российский опыт) / А. В. Яковлева // Социально-политические науки. — 2021. — № 4. — С. 70—81. — DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-4-70-81.

11. Abu-Taieh E. Cyber Security Crime and Punishment : Comparative Study of the Laws of Jordan, Kuwait, Qatar, Oman, and Saudi Arabia / E. Abu-Taieh, A. Alfaries, Sh. Al-Otaibi, Gh. Aldehim // International Journal of Cyber Warfare and Terrorism. — 2018. — № 3. — Pp. 46—59. — DOI: 10.4018/IJCWT.2018070104.

12. Albanks A. A. Unravelling the Legal Framework for Cryptocurrency : A Comparative Analysis of Regulatory Approaches / A. A. Albanks, N. K. Alshawawreh, M. M. Abdeldayem, S. H. Aldulaim // 2024 ASU International Conference in Emerging Technologies for Sustainability and Intelligent Systems (ICETIS). — IEEE Proceeding, 2024. — Pp. 338—343. — DOI: 10.1109/ICETIS61505.2024.10459412.

13. Ali Sh. The Resilience of Shariah-Compliant Investments : Probing the Static and Dynamic Connectedness between Gold-Backed Cryptocurrencies and GCC Equity Markets / Sh. Ali, M. Naveed, H. Hanif, M. Gubareva // International Review of Financial Analysis. — 2024. — Vol. 91. — Pp. 1—19. — DOI: 10.1016/j.irfa.2023.103045.

14. Al-Khalifa Sh. Z. CryptoHalal : An Intelligent Decision-System for Identifying Halal and Haram Cryptocurrencies / Sh. Z. Al-Khalifa // Social Science Research Network, November 2022. — Pp. 76—84. — DOI: 10.13140/RG.2.2.26117.22249.

15. Al-Khoury A. eGovernment Strategies : The Case of the UAE / A. Al-Khoury // European Journal of ePractice. — 2012. — № 17. — Pp. 126—150.

16. Castells M. The Rise of the Network Society / M. Castells. — Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2010. — 625 p. — ISBN 978-1-4051-9686-4.

17. Choithani T. A Comprehensive Study of Artificial Intelligence and Cybersecurity on Bitcoin, Crypto Currency and Banking System / T. Choithani, A. Chowdhury, Sh. Patel, P. Patel, D. Patel, M. Shah // Annals of Data Science. — 2024. — № 11 (1). — Pp. 103—135. — DOI: 10.1007/s40745-022-00433-5.

18. Hassib B. Cybersecurity in the GCC : From Economic Development to Geopolitical Controversy / B. Hassib, J. Shires // Middle East Policy. — 2022. — № 29 (1). — Pp. 90—103. — DOI: 10.1111/mepo.12616.

19. Lotto B. From Zero to One : Oman's Path to Creating a Globally Competitive Cyber Posture [Electronic resource] / B. Lotto // Muscat Daily. — 13.07.2024. — Access mode : <https://www.muscatdaily.com/2024/07/13/omans-path-to-creating-a-globally-competitive-cyber-posture/> (accessed 7.04.2025).

20. Strauss L. Breaking Down National Cybersecurity Frameworks in the Middle East [Electronic resource] / L. Strauss // 6clicks. — 27.01.2025. — Access mode : <https://www.6clicks.com/resources/blog/breaking-down-national-cybersecurity-frameworks-in-the-middle-east> (accessed 7.04.2025).

Статья поступила в редакцию 25.05.2025,
одобрена после рецензирования 25.06.2025,
подготовлена к публикации 17.10.2025.

Material resources

- Abu Dhabi — *Healthcare Information and Cyber Security Standard*. Available at: <https://www.doh.gov.ae/media/Aamen>ADHICS> (accessed 7.04.2025).
- Anti-Cyber Crime Law 2007. *WIPO UN*. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/14570> (accessed 12.03.2025).
- Bahrain FinTech Ecosystem Report 2022*. Available at: <https://theblockchaintest.com/uploads/resources/Bahrain%20FinTech%20bay%20-%20FinTech%20Ecosystem%20Report%20-%202022%20Feb.pdf> (accessed 19.04.2025).
- Critical Information Infrastructure Protection Law*. Available at: <https://qcirt.ncsa.gov.qa/services/critical-information-infrastructure-protection-interdependency-database> (accessed 7.04.2025).
- Critical Information Infrastructure Protection Policy*. Available at: <https://u.ae/en/information-and-services/justice-safety-and-the-law/cyber-safety-and-digital-security/uae-information-assurance-regulation> (accessed 7.04.2025).
- Critical National Infrastructure Cybersecurity Controls*. Available at: <https://www.ncsc.gov.bh/en/policies-controls/CNI-cybersecurity-controls.html> (accessed 7.04.2025).
- Cyber Security and Resilience Framework. *Central Bank of Oman*. Available at: [https://cbo.gov.om/sites/assets/FintechCompulsoryDocs/Cyber%20Security%20&%20Resilience%20Framework%20\(CS&RF\).pdf](https://cbo.gov.om/sites/assets/FintechCompulsoryDocs/Cyber%20Security%20&%20Resilience%20Framework%20(CS&RF).pdf) (accessed 19.04.2025).
- Cybercrime Prevention Law 2014*. Available at: <https://www.cra.gov.qa/en/document/cyber-crime-prevention-law-no-14-of-2014> (accessed 12.03.2025).
- Data Protection & Privacy 2025*. Available at: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/932/15607/24360-24367-24371-24376-24381> (accessed 7.04.2025).
- Development and Harmonization of Cyber Legislation in the Arab Region*. (2013). New York: UNCTAD. 21 p.
- Emirates Blockchain Strategy 2021*. Available at: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-and-plans/emirates-blockchain-strategy-2021> (accessed 19.04.2025).
- Fintech Laws and Regulations Saudi Arabia 2024—2025*. Available at: <https://iclg.com/practice-areas/fintech-laws-and-regulations/saudi-arabia> (accessed 21.04.2025).
- GCC Supreme Council Release Final Communique after 43rd Summit. (2022). *Saudi Gazette*. 09.12. Available at: <https://saudigazette.com.sa/article/627828> (accessed 11.04.2025).
- GCI — *Global Cybersecurity Index 2017*. (2017). Geneva: ITU UN. 166 p.
- GCI — *Global Cybersecurity Index 2020*. (2021). Geneva: ITU UN. 156 p.
- GCI — *Global Cybersecurity Index 2024*. (2024). Geneva: ITU UN. 142 p.
- Internet Infrastructure Security Guidelines for the Arab States*. (2020). Washington DC: Internet society. 26 p.
- Kuwait Declaration Issued at GCC Supreme Council's 45th Session. (2024). *Bahrain News Agency*. 1.12. Available at: <https://www.bna.bh/en/KuwaitDeclarationissuedatGCC-SupremeCouncils45thsession.aspx?cms> (accessed 11.04.2025).
- Law № 63 of 2015 on Combating Information Technology Crimes*. Available at: <https://www.moi.gov.kw/main/content/docs/cybercrime/ar/law-establishing-cyber-crime-dept.pdf> (accessed 12.03.2025).
- Law on Combating Cybercrime in the Kingdom of Bahrain*. Available at: <https://www.asian-laws.org/gclid/cyberlawdb/GCC/Law%20on%20Combating%20Cybercrime%20in%20the%20Kingdom%20of%20Bahrain.pdf> (accessed 12.03.2025).

- Legislative Decree № 28 (2002) with Respect to Electronic Transactions*. Available at: <https://www.bahrain.bh/wps/wcm/connect/1ede6815-4dc0-451c-aa7d-09c3622f0494/CASPMFGX.pdf?MOD=AJPERES> (accessed 25.03.2025).
- Ministerial Circular № 1 of the Year 2023 Regarding the Procedures Required Concerning Transactions Related to Virtual Assets*. Available at: <https://moci.gov.kw/en/news/194/> (accessed 23.04.2025).
- National Information Assurance Standard*. Available at: https://assurance.ncsa.gov.qa/sites/default/files/publications/policy/2023/NCSA_CSGA_%20 (accessed 15.03.2025).
- New UAE Cybercrime Law: Detailed Insights into Crimes and Penalties*. Available at: <https://davidsoncolaw.com/how-to-report-cyber-crime-in-uae/#:~:text=Article> (accessed 12.03.2025).
- Oman Cybercrime Legislation*. Available at: https://www.coe.int/en/web/octopus/country-wiki-apl/-asset_publisher/CmDb7M4RGb4Z/content/id/64859909/pop_up (accessed 12.03.2025).
- Overview of Oman eGovernance Framework*. Available at: <https://www.ita.gov.om/ITAPortal/Pages/Page.aspx?NID=559&PID=1848&LID=96> (accessed 15.03.2025).
- Qatar Cryptocurrency Laws*. Available at: <https://freemanlaw.com/cryptocurrency/qatar/> (accessed 23.04.2025).
- Qatar's Measures to Combat Money Laundering and Terrorist Financing. (2023). *FATF*. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/MER-Qatar-2023.html> (accessed 23.04.2025).
- Saudi Arabia Service Regulations*. Available at: <https://www.citc.gov.sa/en/RulesandSystems/RegulatoryDocuments/> (accessed 25.03.2025).
- Saudis Come Third among Arab Cryptocurrency Owners. *Saudi Gazette*. 12.01. Available at: <https://saudigazette.com.sa/article/615778> (accessed 21.04.2025).
- The National Strategy for Data & AI for Saudi Arabia*. Available at: <https://sdaia.gov.sa/en/SDAIA/SdaiaStrategies/Pages/NationalStrategyForDataAndAI.aspx> (accessed 25.04.2025).
- UAE Information Assurance Regulation*. Available at: <https://u.ae/en/information-and-services/justice-safety-and-the-law/cyber-safety-and-digital-security/uae-information-assurance-regulation> (accessed 7.04.2025).
- UAE National Strategy for Artificial Intelligence 2031*. Available at: <https://ai.gov.ae/strategy/> (accessed 25.04.2025).
- UAE Set to Use AI to Write Laws in World First. (2025). *Financial Times*. 21.04. Available at: <https://www.ft.com/content/9019cd51-2b55-4175-81a6-eafcf28609c3> (accessed 24.04.2025).

References

- Abu-Taieh, E., Alfaries, A., Al-Otaibi, Sh., Aldehim, Gh. (2018). Cyber Security Crime and Punishment: Comparative Study of the Laws of Jordan, Kuwait, Qatar, Oman, and Saudi Arabia. *International Journal of Cyber Warfare and Terrorism*, 3: 46—59. DOI: 10.4018/IJCWT.2018070104.
- Albanki, A. A., Alshawawreh, N. K., Abdeldayem, M. M. (2024). Unravelling the Legal Framework for Cryptocurrency: A Comparative Analysis of Regulatory Approaches. *2024 ASU International Conference in Emerging Technologies for Sustainability and Intelligent Systems (ICETISIS)*. *IEEE Proceeding*. 338—343. DOI: 10.1109/ICETISIS61505.2024.10459412.

- Ali, Sh., Naveed, M. (2024). The Resilience of Shariah-Compliant Investments: Probing the Static and Dynamic Connectedness between Gold-Backed Cryptocurrencies and GCC Equity Markets. *International Review of Financial Analysis*, 91: 1—19. DOI: 10.1016/j.irfa.2023.103045.
- Al-Khalifa, Sh. Z. (2022). CryptoHalal: An Intelligent Decision-System for Identifying Halal and Haram Cryptocurrencies. *Social Science Research Network*, November. 76—84. DOI: 10.13140/RG.2.2.26117.22249.
- Al-Khouri, A. (2012). eGovernment Strategies: The Case of the UAE. *European Journal of ePractice*, 17: 126—150.
- Balandin, A. Y. (2023). Cybersecurity and information security. Demarcation of legal categories. *Legal policy and legal life*, 3: 260—270. DOI: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9\(3\).114-123](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9(3).114-123). (In Russ.).
- Castells, M. (2010). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. 625 p. ISBN 978-1-4051-9686-4.
- Choithani, T., Chowdhury, A., Patel, Sh. (2024). A Comprehensive Study of Artificial Intelligence and Cybersecurity on Bitcoin, Crypto Currency and Banking System. *Annals of Data Science*, 11 (1): 103—135. DOI: 10.1007/s40745-022-00433-5.
- Hassib, B., Shires, J. (2022). Cybersecurity in the GCC: From Economic Development to Geopolitical Controversy. *Middle East Policy*, 29 (1): 90—103. DOI: 10.1111/mepo.12616.
- Ilyin, A. P. (2024). Development of state information systems in the Russian Federation, Iran and KSA. Humanities. *Bulletin of the Financial University*, 14 (4): 32—33. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-23-38. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. (2023). Global and regional trends of the “century+” in the Middle East: a new reading. *Bulletin of the Moscow University. XXV series. International relations and world politics*, 1: 70—92. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92. (In Russ.).
- Lotto, B. (2024). From Zero to One: Oman’s Path to Creating a Globally Competitive Cyber Posture. *Muscat Daily*. 13.07. Available at: <https://www.muscatdaily.com/2024/07/13/omans-path-to-creating-a-globally-competitive-cyber-posture/> (accessed 7.04.2025).
- Pashentsev, E. N. (2024). Malicious use of artificial intelligence and threats to information and psychological security in the UAE. *East. Afro-Asian societies: History and modernity*, 6: 107—117. DOI: 10.31696/S086919080032578-2. (In Russ.).
- Polyakova, T. A., Zinovieva, E. S., Smirnov, A. A. (2023). International information security: a universal legal dimension. *State and Law*, 12: 139—149. (In Russ.).
- Shestak, V. A., Tsyplakova, A. D. (2023). The concept and essence of cybercrime in the GCC member states. *Justice of the Peace*, 4: 2—7. DOI: 10.18572/2072-4152-2023-4-2-7. (In Russ.).
- Starkova, L. M. (2021). Approaches to understanding and normative definition of the category “cybercrime” and related concepts in the practice of regional international organizations. *Moscow Journal of International Law*, 4: 123—135. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-123-135>. (In Russ.).
- Strauss, L. (2025). Breaking Down National Cybersecurity Frameworks in the Middle East. *6clicks*. 27.01. Available at: <https://www.6clicks.com/resources/blog/breaking-down-national-cybersecurity-frameworks-in-the-middle-east> (accessed 7.04.2025).
- Volevodz, A. G., Tsyplakova, A. D. (2024). Digital evidence in the criminal proceedings of the GCC member states: legal status and recognition procedures. *Bulletin of Economic Security*, 2: 21—29. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-2-21-29. (In Russ.).

- Yakovleva, A. V. (2021). Cybersecurity and its legal regulation (foreign and Russian experience). *Socio-political Sciences*, 4: 70—81. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-4-70-81. (In Russ.).
- Zvyagelskaya, I. D., Svistunova, I. A., Surkov, N. Y. (2020). The Middle East in conditions of “negative certainty”. *World Economy and International Relations*, 6: 94—103. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-94-103. (In Russ.).

*The article was submitted 25.05.2025;
approved after reviewing 25.06.2025;
accepted for publication 17.10.2025.*

Информация для цитирования:

Васильев Д. В. Роль железнодорожного транспорта в экономике Закаспийской области : на примере Мургабского государственного имения (1896—1912) / Д. В. Васильев, С. Д. Васильев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 442—459. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-442-459.

Vasilyev, D. V., Vasilyev, S. D. (2025). Role of Rail Transport in Economy of Transcaspiian Region: A Case Study of Murghab Sovereign's Estate (1896—1912). *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 442-459. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-442-459. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Роль железнодорожного транспорта в экономике Закаспийской области: на примере Мургабского государственного имения (1896—1912)

Васильев Дмитрий Валентинович^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6616-0646

Scopus Author ID: 57191406759

доктор исторических наук, доцент,

¹ профессор департамента истории;

² ведущий научный сотрудник

dvvasiliev@mail.ru

Васильев Сергей Дмитриевич³

orcid.org/0000-0001-6126-8981

³ младший научный сотрудник

rokiserg@yandex.ru

¹ Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

² Российская академия предпринимательства (Москва, Россия)

³ Институт Африки Российской академии наук (Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства

Role of Rail Transport in Economy of Transcaspiian Region: A Case Study of Murghab Sovereign's Estate (1896—1912)

Dmitry V. Vasilyev¹

orcid.org/0000-0001-6616-0646

Scopus Author ID: 57191406759

Doctor of History, Associate Professor,

¹ Professor of the Department of History;

² leading research scientist.

dvvasiliev@mail.ru

Sergey D. Vasilyev²

orcid.org/0000-0001-6126-8981

junior research scientist

rokiserg@yandex.ru

¹ Moscow City University (Moscow, Russia)

² Russian Academy of Entrepreneurship (Moscow, Russia)

³ Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель статьи — определить степень вовлеченности отдельных экономических субъектов в экономику региона и государства посредством Закаспийской (Среднеазиатской) железной дороги на примере отдельно взятого хозяйства — Мургабского государева имения в Закаспийской области. Источниками являются официальные статистические сборники Департамента железнодорожных дел Министерства финансов Российской империи и отчетные материалы самого Мургабского имения, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Проанализировано перемещение по железной дороге как основной продукции аграрного кластера имения — хлопка, так и сопутствующей продукции мургабских заводов — хлопкового масла и мыла. Установлено, что железнодорожный транспорт вывозил в промышленные районы России весь выращенный в имении хлопок, а часть масла и все мыло поступали по железной дороге на местный региональный рынок. Анализ входящих грузов показал, что по железной дороге доставлялись в имение необходимые (в весьма ограниченном количестве) сельскохозяйственные машины и удобрения, подсобная тара (мешки для внутренней транспортировки хлопка). В результате сделан вывод о неразрывном симбиозе железнодорожного транспорта и рыночно ориентированных хозяйств региона. Утверждается, что железная дорога стимулировала интеграцию Мургабского имения в региональное и общероссийское экономическое пространство.

Ключевые слова:

Закаспийская железная дорога; Среднеазиатская железная дорога; Байрамали; Мургабское государево имение; экономика; перевозки; хлопок.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study aims to assess the degree of integration of individual economic actors into the regional and national economy through the lens of the Transcaspian (Central Asian) Railway, using the specific case of the Murghab Sovereign's Estate in the Transcaspian Region. The research draws on official statistical compilations from the Department of Railway Affairs of the Russian Empire's Ministry of Finance and reporting materials from the Murghab Estate itself, held in the Russian State Historical Archive. The analysis focuses on the railway shipments of both the Estate's primary agricultural output — cotton — and the secondary products of its local processing plants — cottonseed oil and soap. The findings indicate that the railway transported the entirety of the Estate's cotton harvest to industrial centers in Russia, while a portion of the oil and all of the soap were shipped via rail to supply the local regional market. An examination of inbound freight reveals that the railway also delivered essential, albeit limited, supplies to the Estate, including agricultural machinery, fertilizers, and auxiliary packaging, such as sacks for the internal transportation of cotton. The study concludes that a symbiotic relationship existed between the railway system and the market-oriented enterprises of the region. It is argued that the railroad was a critical catalyst for the integration of the Murghab Estate into both the regional and the broader Russian economic space.

Key words:

Transcaspian Railway; Central Asian Railway; Bayramaly; Murghab Sovereign's Estate; Economic History; Rail Freight; Cotton; Russian Empire.

УДК 94(47).08+94:327(47+55+581)“1896/1912”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-442-459

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Роль железнодорожного транспорта в экономике Закаспийской области: на примере Мургабского государственного имения (1896—1912)

© Васильев Д. В., Васильев С. Д., 2025

1. Введение = Introduction

При освоении Российской империей Центрально-Азиатского региона военно-политические цели почти всегда шли рука об руку с целями экономическими и даже социальными. Этот симбиоз весьма явен в истории любой его части, в том числе в истории Закаспийской области. В 1880 году началось строительство Закаспийской военной железной дороги, которая в условиях труднопроходимых степи и песков была призвана обеспечить снабжение русских войск в Ахалтекинской экспедиции. После успешного присоединения этих туркменских владений к империи железная дорога была перестроена под обычную для России колею (1886—1888), протянулась до Самарканда. Затем от нее отошла ветка (1897—1898) в сторону Кушкинского поста на стыке границы российских владений с Афганистаном и Персией. А еще ранее этого (1887) в долине реки Мургаба вдоль железнодорожной ветки Мерв — Кушка было образовано Мургабское государственное имение — крупное для своего времени агропромышленное предприятие, важнейшими целями учреждения которого следует считать возрождение оазиса, заселение его сельскохозяйственными производителями, заинтересованными в пребывании в составе Российской империи. В течение весьма непродолжительного времени железная дорога, не теряя своего военно-стратегического смысла, превратилась в мощный фактор экономического развития Закаспийской области и Туркестанского генерал-губернаторства вообще.

В настоящей статье рассматривается влияние Закаспийской (позднее — Среднеазиатской) железной дороги на экономику Мургабского государственного имения. Его пример дает уникальную возможность проследить отправку и прием стратегически важных для конкретного хозяйства грузов, так как одна из железнодорожных станций (Байрамали) находилась в усадьбе имения и являлась пунктом отправления и приема грузов, связанных исключительно с его экономической деятельностью.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История Закаспийской железной дороги имеет достаточно широкую историографию, затрагивающую не только военные [Волков, 2010], но и экономические аспекты. Здесь уместно назвать статью туркменистанского историка Б. А. Ходжакулиевой, которая вполне справедливо подчеркнула, что «строительство ... дороги, несомненно, в первую очередь отвечало военно-политическим и экономическим интересам Российской империи, однако наряду с этим осуществление данного стратегически важного проекта способствовало и экономическому развитию Закаспийской области, а также становлению и укреплению туркмено-российских отношений в гуманитарной сфере» [Ходжакулиева, 2016]. Роль Закаспийской дороги в развитии региональной и общероссийской экономики подчеркнута в работах Н. А. Мазаева [Васильев, 2020; Мазаев, 2021; Мазаев, 2023].

И. Б. Бочкарева, в свою очередь, обратила внимание на изменение значения дороги с первоначального военного на экономическое и ее роль в развитии туркестанского местного хлопководства, ставшего весьма прибыльной и привлекательной отраслью. Оценивая социально-экономические последствия появления железной дороги в регионе, она отметила, что это «значительно ускорило процесс экономической модернизации, рост товарности хозяйства региона, его интеграцию в общероссийский рынок», и подчеркнула, что «противоречие между значением железных дорог для развития края и высокими расходами на их содержание» российская администрация решала «в пользу дальнейшего расширения сети железных дорог» [Бочкарева, 2024]. На наш взгляд, И. Бочкарева не совсем корректно оценивает российское присутствие в Центральной Азии как колониальное [Бочкарева, 2019], хотя сделанное заявление о примате военно-стратегического фактора над экономическим при принятии решений о строительстве дорог в регионе [Бочкарева, 2022] представляется вполне справедливым. С этим тезисом согласен и С. Ж. Токтамысов, который, обращаясь к правительственной дискуссии о привлечении частного капитала к строительству Закаспийской железной дороги, пришел к заключению, что именно военно-стратегические и геополитические факторы заставили власть взять на себя все бремя строительства и обеспечения эксплуатации этого сооружения [Токтамысов, 2024]. Сходной позиции придерживается и Т. И. Андреева при оценке действий властей в отношении других железнодорожных магистралей Азиатской России [Андреева, 2023]. Ей же принадлежит анализ концепции железнодорожного строительства в макрорегионе [Андреева, 2010]. Внешнеполитический фактор в развитии железнодорожного транспорта в регионе подчеркнут в работе В. Ю. Белянкиной [Белянкина, 2021], а внутривластный — в статье С. А. Асановой [Асанова, 2021].

Позитивное влияние Закаспийской железной дороги на развитие экономики региона отражено в публикации В. Фурсова и В. Тестова [Фурсов, 2013]. Экономическая структура Мургабского имения рассмотрена в публикации одного из авторов настоящей статьи [Васильев, 2025]. В то же время изучение хозяйства на политическом или макроэкономическом уровне не исключает микроэкономических исторических исследований, примером которых является настоящая статья, рассматривающая влияние железнодорожного транспорта на экономическое развитие отдельно взятого хозяйства — Мургабского государственного имения.

Основным источником представленного исследования является много томный официальный сборник Департамента железнодорожных дел Министерства финансов Российской империи «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» за 1880—1910-е годы, в котором представлены сведения об объемах перевозок по отдельным группам товаров. Для уточнения отдельных вопросов привлекаются сведения из отчетов по Главному управлению уделов, отчета управления Мургабского государственного имения, приуроченного к его 25-летию, а также ряд других делопроизводственных документов имения, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (Ф. 515 — Главное управление уделов МИДв).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Хлопок и его транспортировка в Российской империи в 1880—1910-е годы

Хлопок имел для Российской империи стратегическое значение. После присоединения Центральной Азии российское правительство озаботилось созданием условий для развития там хлопководства. Железнодорожный транспорт был призван сыграть в этом деле роль катализатора.

Хлопчатобумажная промышленность в Российской империи в первой половине 1890-х годов представляла собой весьма развитую отрасль, производившую тканей на сумму более 350 млн руб., в которой было занято 220 тыс. чел., зарабатывавших совокупно около 44 млн руб. Бумагопрядильные и ткацкие фабрики были сконцентрированы в трех районах — Привислинском, Петербургско-Прибалтийском и Московском, охватывавшем Московскую, Ярославскую, Владимирскую, Тверскую и Смоленскую губернии. Но работали эти фабрики в основном на импортном хлопке. Хлопок ввозился из Северной Америки (САСШ), Египта и Ост-Индии (табл. 1 [ССПРЖД, 1893, вып. 11, с. I; ССПРЖД, 1896, вып. 9, с. II; ССПРЖД, 1897, вып. 8, с. II]). Отечественное производство хлопка еще только набирало силу.

Сведения, приведенные в таблице, убеждают не только в зависимости отечественной промышленности от иностранного хлопка, но и в значи-

Таблица 1

Ввоз хлопка-сырца в Российскую империю по странам (тыс. пуд.)
= Import of raw cotton to the Russian Empire by country (thousand poods)

Годы	САСШ	Египет	Персия	Турция, Бразилия, американский, персидский, ост-индский хлопок транзитом	ВСЕГО
1887	4120	1007	656	4994	10777
1888	1886	1187	1055	3830	7958
1889	4869	933	1461	2849	10112
1890	5048	1105	562	2027	8742
1891	3799	1786	498	1777	7860
1892	3347	2649	680	3583	10259
1893	2597	2468	739	759	8878
1894	4999	3263	692	914	11966
1895	3164	1933	737	723	8227

тельной нестабильности поставок, что не могло не беспокоить российских фабрикантов и стимулировало развитие собственного хлопководства. Различие в итоговых данных в таблицах 1 и 2 объясняется тем, что в таблице 2

Таблица 2

Ввоз хлопка-сырца в Российскую империю (тыс. пуд.)
= Import of raw cotton to the Russian Empire (thousand poods)

Таможни	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
Одесская	1305	1425	1577	1435	2104	3476	2723	3370	1642
Ревельская	4163	2384	3230	3724	2598	2163	1367	2826	1939
Санкт-Петербургская	1476	959	1152	1448	956	1912	1755	2244	1776
Нарвская	278	319	312	331	459	666	472	515	498
Либавская	170	1047	1390	556	546	525	728	342	64
Александровская	1009	215	218	234	220	370	237	1229	807
Сосновицкая	224	153	253	200	235	213	144	403	262
Рижская	220	132	120	107	106	111	234	183	151
Бакинская	16	47	45	79	34	76	136	—	—
Астраханская	626	969	1383	285	279	326	449	427	438
Узунадинская	—	—	—	156	197	258	279	201	301
Границкая	—	—	—	—	—	—	1	154	227
ВСЕГО	9485	7650	9680	8555	7733	10096	8525	11894	8105

[ССПРЖД, 1893, вып. 11, с. I; ССПРЖД, 1895, вып. 16, с. I—II; ССПРЖД, 1896, вып. 9, с. II—III; ССПРЖД, 1897, вып. 8, с. I—II] учтены не все таможенные Российской империи, а при указании ввоза по отдельным странам в таблице 1 не показаны незначительные поставщики. При этом названные расхождения несущественны.

Хива и Бухара поставляли на внутренний рынок Российской империи вместе более 2 млн пуд. хлопка, а собственно Туркестанский край — более 1 млн пуд. И последняя цифра росла год от года. Объем хлопка, вывозившегося из азиатских территорий России в ее внутренние губернии, представлен в таблице 3 [ССПРЖД, 1893, вып. 11, с. II; ССПРЖД, 1896, вып. 9, с. II].

Таблица 3

Привоз азиатского хлопка во внутреннюю Россию
= Delivery of Asian cotton to internal Russia

Год	1890	1891	1892	1893	1894
Тыс. пуд.	2840	2689	3508	3002	3347

Получается, что отечественный хлопок в первой половине 1890 года составлял около $\frac{1}{4}$ всего объема потребного сырья. Собственно туркестанский хлопок отправлялся вглубь империи с конечной станции Закаспийской (позднее — Среднеазиатской) железной дороги Самарканд к каспийскому побережью; бухарский — туда же со станции Бухара. А около 600 тыс. пуд. хивинского хлопка шли до Оренбурга на верблюдах [ССПРЖД, 1893, вып. 11, с. II].

В 1893 году общая площадь хлопковых полей составила 2,2 млн дес., из которых 1,5 млн дес. орошались искусственно. В этом году среднеазиатские и закавказские плантации поставили на фабрики империи 4487 тыс. пуд. хлопка, что было почти в два раза меньше ожидавшегося урожая (при урожайности 15 пуд. с дес.). Считалось, что часть собранного хлопка пошла на местные нужды [ССПРЖД, 1895, вып. 16, с. II].

Железнодорожный транспорт был главным способом перевозки хлопка (табл. 4 [ССПРЖД, 1895, вып. 16, с. III; ССПРЖД, 1898, вып. 46, с. I]). Он использовался и как конечный вид транспорта для доставки хлопко-сырца, прибывшего с места его выращивания морским или сухим путем на верблюдах.

Таблица 4

Перевозка хлопка по сети российских железных дорог
= Transportation of cotton on the Russian railway network

Год	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Тыс. пуд.	15167	13801	16386	17254	17108	15088	16702

Главными пунктами отправления среднеазиатского хлопка были Самарканд (2008 тыс. пуд. в 1893 году), станция Баку-пристань (645 тыс. пуд. в 1893 году) и Оренбург (85 тыс. пуд. в 1893 году). В 1893 году из Оренбурга было вывезено на 46 тыс. пуд. меньше, что при росте вывоза хлопка из других пунктов свидетельствует о падении популярности традиционных караванов. Главным узлом перевозки хлопка была Москва, пропустившая в 1893 году 2808 тыс. пуд. хлопка разного происхождения.

Основным районом промышленной переработки хлопка был Московский. В 1893 году проходившие по нему железные дороги перевезли 10 млн пуд. хлопка, что почти на полмиллиона превзошло результат предыдущего года.

Весьма интересно обратить внимание на конечные пункты назначения хлопка (табл. 5 [ССПРЖД, 1895, вып. 16, с. IV; ССПРЖД, 1896, вып. 9, с. VII; ССПРЖД, 1897, вып. 8, с. IV—V]), которые выявляют главные центры его переработки.

Таблица 5

Главные пункты назначения хлопка (тыс. пуд.)
= Main destinations of cotton (thousand poods)

Станция	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
Москва	3438	2803	3711	4390	3657	2808
Раменское	388	335	413	428	403	477
Егорьевск	498	389	576	475	490	443
Серпухов	408	333	433	332	379	394
Орехово	881	651	795	894	852	877
Тверь	368	288	306	418	412	366
Лодзь	1405	1682	1787	1945	1358	1639
Заверце	293	418	289	330	423	354
Петербург	1175	658	727	558	535	186
Ярославль	338	248	402	264	403	477
Вышний Волочек	222	225	257	222	319	278
Владимир	277	240	314	246	316	276
Ундо́л	48	167	200	189	345	228
Иваново	213	183	297			

В 1893 году хлопкового хозяйства в Мургабском государевом имении еще не существовало, так как неудача с пуском Султанбенитской плотины на какое-то время отложила вопрос с орошением его территории. А мервский хлопок в объеме 30 тыс. пуд. распределялся между станциями Узунада (16,3 тыс. пуд.), Амударья (6,7 тыс. пуд.), Астрахань (5,7 тыс. пуд.),

Баку (1,2 тыс. пуд.) и др. [ССПРЖД, 1895, вып. 16, с. 4]. Эти сведения позволяют утверждать, что западное направление (на Узунаду и оттуда в Астрахань или Баку) и транспортная комбинация железная дорога — море — железная дорога были приоритетами в плане доставки хлопка-сырца в промышленные центры империи. Вообще Закаспийская железная дорога в 1891 году перевезла хлопка 2674 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1893, вып. Хлопок, вклейка], в 1892 году — 3137 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1893, вып. 11, с. 17], а в 1893 году — 3759 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1895, вып. 16, с. 39]. Очевиден рост объема перевозок и роли железной дороги в транспортировке хлопка за пределы Туркестанского края.

Значительная часть среднеазиатского хлопка шла на Москву (в Московский район) по Каспийскому морю и Волге, куда меньше — через Батуми, Поты, Одессу на Москву и Петербург [ССПРЖД, 1895, вып. 16, с. 28, 29, 35]. В Привислинский (Варшавский) район хлопок поступал преимущественно через Баку — Батум — Одессу или по каспийскому морю и Волге через Царицын. Московский и Привислинский районы были основными потребителями среднеазиатского хлопка.

В 1894 году перевозка хлопка каботажом по Каспийскому морю возросла до 3531 тыс. пуд. В этом году из Узунады вышло 3349 тыс. пуд. (1924 тыс. пуд. в Астрахань, 1091 тыс. пуд. в Петровск и 334 тыс. пуд. в Баку). По Волге хлопок шел до Нижнего Новгорода (1005 тыс. пуд.), Ярославля (533 тыс. пуд.), Царицына (256 тыс. пуд.) и др. А перевозка хлопка по Черному морю сократилась по сравнению с предыдущим годом в два раза [ССПРЖД, 1896, вып. 9, с. IV—V].

Интересно, что со станции Узунада через Батуми и Одессу среднеазиатский хлопок доставлялся на станцию Заверце в Петроковской губернии в польской части Российской империи [ССПРЖД, 1895, вып. 16, с. 23].

Итак, к середине 1890-х годов в Центрально-Азиатском регионе уже сложился центр отечественного хлопководства со своими транспортными маршрутами, в которые предстояло вписаться относительно небольшому хозяйству Мургабского государева имения.

3.2. Перевозка хлопкового волокна из Мургабского государева имения

В 1895 году была введена в строй Гиндукушская плотина, началось функционирование искусственного орошения в Мургабском государевом имении. Местным жителям под посевы была сдана тысяча с небольшим десятин поливной земли. Из них хлопком было занято 465 дес. И в следующем году первый хлопок имения отравился от станции Байрамали (15,1 тыс. пуд.) на станции Амударья (12,6 тыс. пуд.) и Мерв (2,5 тыс. пуд.) [ССПРЖД, 1898, вып. 46, с. 6—7]. Станция Амударья являлась одной из

ключевых в торговле хлопком. Оттуда он направлялся железной дорогой в Красноводск, а затем различными путями — в Москву, Лодзь и Варшаву [ССПРЖД, 1899, вып. 67, с. III].

В 1897 году в имении под хлопковые посевы была отдана половина из орошавшихся 4189 дес. С них в качестве арендной платы имению поступило 37 707 пуд. хлопка-сырца [РГИА, ф. 515, оп. 27, д. 1291, л. 55 об. — 56]. С 1896 по 1902 годы арендаторы имения «платили за пользование землей $\frac{1}{4}$ часть всего урожая» [РГИА, ф. 515, оп. 88, д. 1291, л. 54]. Поэтому весь собранный на территории имения хлопок приблизился к 151 тыс. пуд. Известно, что в 1897 году со станции Байрамали вышло 159,9 тыс. пуд. хлопка на Мерв, Амударью и Асхабад [ССПРЖД, 1899, вып. 67, с. 37]. Так как статистика поступления хлопка в Байрамали отсутствует, есть основания утверждать, что весь вывезенный хлопок был местного происхождения, а разницу почти в 10 тыс. пуд. можно отнести к хлопку, выращенному местным населением за пределами государева имения.

В следующем году от арендаторов Мургабского государева имения поступило 58 734 пуда хлопка [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 702, л. 92 об.]. Соответственно, всего собрано было почти 235 тыс. пуд. хлопка-сырца. Со станции Байрамали в 1898 году было вывезено 78 тыс. пуд. хлопка [ССПРЖД, 1900, вып. 60, с. 2]. Задержку с отправлением хлопка с территории имения можно объяснить завершением строительства в нем хлопкоочистительного завода и началом очистки перевозившегося железной дорогой хлопка, что естественным образом сказалось на его весе в плане существенного уменьшения. Имеющиеся статистические данные позволяют проследить количество перевозившегося железной дорогой хлопка (табл. 6 [РГИА, ф. 515, оп. 88, д. 1291, л. 50, 52; ССПРЖД, 1906, вып. 10, с. 2; ССПРЖД, 1910, вып. 8, с. 2; ССПРЖД, 1916, вып. 7, с. 2]).

В 1912 году по Среднеазиатской железной дороге со станции Байрамали было вывезено 220,0 тыс. пуд. хлопкового волокна, в 1913 году — 251,0 тыс. пуд., в 1914 году — 196,0 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1916, вып. 7, с. 2]. Поставка шла через Красноводск и Петровск на Москву и Московский промышленный район в целом.

Собранный в Мургабском государевом имении хлопок перед отправкой проходил очистку на местном хлопкоочистительном заводе, поэтому с 1899 года по железной дороге отправлялось уже чистое волокно. Известно, что из пуда сырца 1 сорта на мургабском заводе получалось 11,94 фунта волокна [РГИА, ф. 515, оп. 88, д. 1291, л. 243]. Так как первый сорт был более высокого качества и менее загрязнен семенами, то соотношение количества волокна, получаемого из него, с общим количеством хлопка дает условное максимальное количество волокна, которое тем не менее может

Таблица 6

Перевозка хлопка железной дорогой со станции Байрамали (тыс. пуд.)
= Transportation of cotton by rail from Bayramali station (thousand poods)

Год	Собрано хлопка в Мургабском государевом имении	Хлопковое волокно после очистки, не более	Вывезено по железной дороге
1899	218,4	65,2	98,0
1900	405,0	120,9	101,0
1901	361,3	107,8	102,0
1902	116,8	34,9	113,0
1903	506,9	151,3	13,0
1904	257,7	76,9	198,0
1905	194,2	58,0	60,0
1906	298,4	89,1	94,0
1907	346,1	103,3	224,0
1908	255,0	76,1	165,0
1909	230,9	69,0	152,0
1910	662,3	197,7	100,0
1911	601,0	179,4	178,0
Всего	4454,0	1221,6	1569

служить приемлемым ориентиром. Превышение вывоза из Байрамали над местным производством хлопка объясняется тем, что удельные заводы в случаях неполной загруженности производственных линий перерабатывали сырец из других районов края.

Приведенные сведения убеждают, что весь выращенный и очищенный в Мургабском государевом имении хлопок перевозился Закаспийской (позднее — Среднеазиатской) железной дорогой и поступал в Московский промышленный район.

3.3. Перевозка хлопкового масла и мыла из Мургабского государева имения

В 1903 году в Мургабском государевом имении был построен масляный завод, перерабатывавший семена хлопчатника в масло. В следующем году вступило в строй и маслорафинадное предприятие. Выделение хлопкового масла в 58 группе по номенклатуре товаров, перевозимых по русским железным дорогам (Масла семенные и древесные (кроме эфирных)), произошло в 1909 году. Оно было отнесено ко II категории этой группы (Масло касторовое, кокосовое, кунжутное (сезамовое), пальмовое и тахинное; Масло деревянное, прованское и оливковое), а потому объемы перевозки хлопкового масла железной дорогой за более ранний период уместно

восстановить по этой категории в номинации «Остальные предметы группы» (табл. 7 [ССПРЖД, 1907, вып. 49, с. 129; ССПРЖД, 1908, вып. 38, с. 467; ССПРЖД, 1911, вып. 33, с. 245; ССПРЖД, 1916, вып. 16, с. 388]).

Не определенные в номенклатурной группе масла (предположительно — хлопковое масло) были в 1901 году перевезены Среднеазиатской железной дорогой в объеме 30,3 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1903, вып. 25, с. 177]. 1903 год дал уже 73,8 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1906, вып. 47, с. 34] с постоянным ростом в последующие годы.

Таблица 7

Перевозка хлопкового масла Среднеазиатской железной дорогой
(тыс. пуд.)
= Transportation of cottonseed oil by the Central Asian Railway
(thousand poods)

Год	Объем перевезенного хлопкового масла	Год	Объем перевезенного хлопкового масла
1901	30,3	1909	1102,93
1903	73,8	1910	1576
1904	167,7	1911	1771,8
1905	417,4	1912	2381,9
1906	586,9	1913	1894,6
1907	2,5	1914	2021,3
1908	595,9		

Несмотря на то, что имеющиеся в нашем распоряжении статистические материалы не содержат сведений об отправлении хлопкового масла непосредственно со станции Байрамали, есть все основания утверждать, что железнодорожный транспорт был единственным способом перевозки продукции мургабского масляного и маслорафинадного заводов.

Как уже было отмечено, в 1904 году был сдан в эксплуатацию маслорафинадный завод. При нем был устроен и мыловаренный, перерабатывавший отходы производства первого. К 1912 году мыловаренный завод производил до 10 тыс. пуд. мыла, ориентированного на местный рынок [РГИА, ф. 515, оп. 88, д. 1291, л. 264]. Возможно, именно поэтому железнодорожная статистика начиная с 1912 года сообщает, что мыло со станции Байрамали отправлялось на станции Мерв и Черджуй по 2 тыс. пуд и на станции Асхабад и Чарджуй (город) по 1 тыс. пуд. Еще 2 тыс. пуд. в этом году ушло на другие станции Среднеазиатской железной дороги. Вообще же по Среднеазиатской дороге в 1912 году перемещалось 139 тыс. пуд. мыла (131 тыс. пуд. местного производства) [ССПРЖД, 1914, вып. 11, с. 214, 218–219], в то время как еще

в 1908 году это число составляло 83 тыс. пуд. (77 тыс. пуд. местного производства) [ССПРЖД, 1911, вып. 19, с. 10—11].

Имеющиеся статистические сведения за 1912 год убеждают, что вся производившаяся мыловаренным заводом продукция доставлялась железной дорогой и потреблялась на месте — в пределах Закаспийской области и Бухарского эмирата.

3.4. Роль железной дороги в развитии агрокультуры в Мургабском государевом имении

В 1904 году из Байрамали в Мерв железной дорогой было отправлено 2 тыс. пуд. сельскохозяйственных машин и орудий (кроме деревянных) [ССПРЖД, 1907, вып. 47, с. 39]. Через два года с западных железных дорог в Байрамали прибыло 1,6 тыс. пуд. сельскохозяйственных машин и орудий [ССПРЖД, 1909, вып. 40, с. 614]. В 1908 году на главную станцию Мургабского государева имения было доставлено уже 2,3 тыс. пуд. машин и орудий (половина — с Варшавско-Венской железной дороги) [ССПРЖД, 1911, вып. 43, с. 674]. Еще через два года — 2,1 тыс. пуд. (в основном — с Закавказской железной дороги из Батума) [ССПРЖД, 1912, вып. 43, с. 1268—1270]. В 1914 году в Байрамали с других станций Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог (внутрирегиональный оборот) прибыло 2,5 тыс. пуд. сельскохозяйственных машин и орудий. С прочих железных дорог западных направлений поступило еще 0,5 тыс. пуд [ССПРЖД, 1916, вып. 37, с. 1258].

Имеющаяся в распоряжении железнодорожная статистика за 1893—1903, 1909 и 1911—1913 годы не содержит сведений о поступлении на территорию Мургабского имения сельскохозяйственных машин и орудий. Поэтому можно прийти к заключению, что значительного их притока в Байрамали не было. Это и понятно: основными производителями в имении были арендаторы и дайхане, обходившиеся подручным инвентарем и имевшие возможность самостоятельно приобретать необходимые приспособления в Мерве и других городах области. Наличие, пусть и небольших, отправок со станции Байрамали свидетельствует о поставке близлежащим потребителям (в г. Мерв) сельскохозяйственных орудий, произведенных в мастерских заводов имения.

Следует признать, что существенным недостатком земледелия в Мургабском государевом имении было отсутствие минеральных удобрений. Считалось, что орошение (и мелиорация вообще) является условием, необходимым и достаточным для успешного выращивания хлопка и зерновых. Однако в год 25-летия имения всерьез зазвучали предложения местных агрономов «ввести обязательное удобрение известной части полей долгосрочных арендаторов с выдачей им удобрительных туков в кредит и с тем, чтобы имение половину расходов на покупку туков брало на себя» [РГИА,

ф. 515, оп. 88, д. 1291, л. 233] (*туки* — сельскохозяйственные удобрения: суперфосфаты, костяная мука, томасшлак, калийные соли и др.).

В железнодорожной статистике удалось обнаружить сведения об отправлении туков (в число которых не входили фосфориты, суперфосфаты, томасшлаки, костная мука и т. п.) со станций Среднеазиатской железной дороге в 1903 году и 1904 году по 1,7 тыс. пуд., в 1905 году — 1,6 тыс. пуд., в 1907 году — 22,3 тыс. пуд., в 1908 году — 2,8 тыс. пуд., в 1912 году — 0,1 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1914, вып. 45, с. 500]. В 1905 году такие туки не учитывались, а в 1909—1911 годах сведения по тукам вообще не собирались. Не исключено, что среди этих туков был хлопковый жмых, остававшийся после изготовления хлопкового масла на мургабских заводах. Стоит заметить, что в 1912 году Среднеазиатская железная дорога перевезла внутри региона 5 тыс. пуд. туков из номенклатурной категории «Фосфориты молотые (мука фосфоритная), суперфосфаты, томасовы шлаки, известь фосфорнокислая и фосфогипс» [ССПРЖД, 1914, вып. 45, с. 26]. Несмотря на отсутствие упоминания в статистических таблицах станции Байрамали, можно предположить, что железная дорога принимала участие в доставке неорганических и органических удобрений в тех случаях, если они заказывались государевым имением.

Известно, что хлопок на полях арендаторы собирали в мешки, в которых и сдавали его имению на хлопкоочистительный завод. На 1896 год, первый год выращивания в Мургабском имении хлопка, как и на 1897 год, статистика не дает сведений о завозе на станцию Байрамали мешков. Но уже в 1898 году в имение железной дорогой со станций Мерв, Амударья и Бухара было доставлено 1,8 тыс. пуд. мешков и с Варшавско-Венской железной дороги — 0,6 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1900, вып. 65, с. 120]. В следующем году станция Байрамали приняла 5 тыс. пуд. мешков [ССПРЖД, 1901, вып. 26, с. 53], в 1900 году — 3 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1903, вып. 40, с. 58—59], столько же в 1902 году [ССПРЖД, 1904, вып. 14, с. 76—77]. За 1903 и 1904 годы сведения о прибытии мешков на станцию Байрамали отсутствуют. В 1908 году мешки не ввозились, а даже вывозились со станции Байрамали на станции Среднеазиатской железной дороги в количестве 2 тыс. пуд. [ССПРЖД, 1911, вып. 15, с. 80—81]. А в 1912 году на главную станцию Мургабского имения поступило по 1 тыс. пуд. с Закавказской и Южной железных дорог и было вывезено в Мерв и на другие станции Среднеазиатской дороги столько же — 2 тыс. пуд. мешков [ССПРЖД, 1914, вып. 18, с. 258—261]. Скорее всего, это было связано с тем, что арендаторы, не желая компенсировать стоимость мешков, относились к ним достаточно аккуратно.

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что железная дорога являлась для Мургабского государева имения поставщиком необходимых ему ресурсов.

4. Заключение = Conclusions

Предпринятое исследование убеждает в том, что в стратегически значимых обстоятельствах Российская империя предпочитала действовать комплексно и масштабно. Развитие хлопководства поставило в повестку дня вопрос о модернизации путей сообщения с промышленными центрами страны. Увеличение объема выращивавшегося хлопка-сырца было обусловлено совершенствованием способов его доставки на предприятия легкой промышленности. Это подтолкнуло власть к оперативному переоборудованию Закаспийской военной железной дороги под гражданские (и экономические) нужды и к последовавшему за этим развитию железнодорожной сети в российских владениях в Центральной Азии.

Рассмотренный пример Мургабского государева имения является яркой иллюстрацией комплексного решения транспортно-экономического вопроса. Известно, что оно было создано в свое время ради закрепления геополитически важной территории за империей. Поэтому российское правительство сначала озаботилось созданием оросительной системы, а затем — развитием хлопководства, обеспечив арендаторов первичной обработкой сырца (на местных заводах) и сбытом на внутреннем рынке империи (доставкой железной дорогой). При этом железная дорога обеспечивала не только вывоз продукции за пределы региона, но и сбыт отдельных видов товаров внутри Закаспийской области и Туркестанского края. Она же давала и удобный способ доставки в имение сельскохозяйственных орудий, минеральных удобрений и иных предметов, освобождая администрацию и служащих имения от непроизводительных затрат.

Фактически железная дорога катализировала включение Мургабского имения в региональное и общероссийское экономическое пространство, обеспечивая не только вывоз продукции, но и поставку необходимых для его эффективного функционирования ресурсов. Иными словами, железнодорожная сеть Центрально-Азиатского региона обеспечивала его интеграцию с остальной Россией, участвуя, таким образом, в реализации долгосрочной программы окончательного распространения в азиатской части страны общегосударственного порядка.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 515 (Главное управление уделов МИДв). Ф. 515. Оп. 27. Д. 2823 ; Ф. 515. Оп. 45. Д. 702 ; Ф. 515. Оп. 88. Д. 1291.
2. ССПРЖД — *Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам* / Департамент железнодорожных дел Министерства финансов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1890—1917.

Литература

1. Андреева Т. И. Железнодорожное строительство в социально-экономической жизни Азиатской России в конце XIX — начале XX в. / Т. И. Андреева // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. — 2023. — Т. 3. — № 12. — С. 19—24.
2. Андреева Т. И. Формирование концепции железнодорожного сообщения Сибири и Туркестана в конце XIX — начале XX в. / Т. И. Андреева // Вестник Томского государственного университета. История. — 2010. — № 1 (9). — С. 27—32.
3. Асанова С. А. Путь на восток : проекты железных и колесных дорог в Среднюю Азию и Китай (во второй половине XIX в.) / С. А. Асанова // Люди империи — империя людей : персональная и институциональная история Азиатских окраин России. Сборник научных статей. — Омск : Издательство Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, 2021. — С. 625—634.
4. Белянкина В. Ю. Национальные интересы России на Среднем Востоке в конце XIX — начале XX века через призму внешнеполитических взглядов русских консерваторов / В. Ю. Белянкина // Всеобщая история. — 2021. — № 2. — С. 22—30. — DOI: 10.25791/vseist.02.2021.1130.
5. Бочкарева И. Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана / И. Б. Бочкарева // Известия Алтайского государственного университета. — 2019. — № 5 (109). — С. 33—38. — DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-04.
6. Бочкарева И. Б. Оценка эффективности железных дорог в Центральной Азии как экономического института (конец XIX — начало XX века) / И. Б. Бочкарева, О. И. Чекрыжова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2022. — № 1 (41). — С. 86—97. — DOI: 10.32516/2303-9922.2022.41.8.
7. Бочкарева И. Б. Среднеазиатская железная дорога : вклад в модернизацию Туркестанского края versus проблемы рентабельности (конец XIX — начало XX в.) / И. Б. Бочкарева // Вестник Томского государственного университета. История. — 2024. — № 88. — С. 16—23. — DOI: 10.17223/19988613/88/2.
8. Васильев Д. В. Мургабское государево имение — социально-экономический форпост Российской империи в Центральной Азии : экономическая структура / Д. В. Васильев, Н. А. Мазаев // Журнал фронтирных исследований. — 2025. — Т. 10. — № 2 (38). — С. 32—48. — DOI: 10.46539/jfs.v10i2.647.
9. Васильев Д. В. Железнодорожный транспорт как фактор модернизации Российской империи (по материалам дореволюционной прессы) / Д. В. Васильев, Н. А. Мазаев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2020. — № 4 (36). — С. 247—259. — DOI: 10.32516/2303-9922.2020.36.14.
10. Волков И. В. Закаспийская военная железная дорога и ее влияние на закрепление России в Средней Азии / И. В. Волков // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2010. — № 5. — С. 51—55.

11. Ходжакулиева Б. А. Из истории туркмено-российских отношений : экономические преобразования в Закаспийской области / Б. А. Ходжакулиева // Экономика и управление : проблемы, решения. — 2016. — № 12. — С. 68—73.

12. Мазаев Н. А. Закаспийская военная железная дорога как фактор региональной политики Российской империи / Н. А. Мазаев // Люди империи — империя людей : персональная и институциональная история Азиатских окраин России. Сборник научных статей. — Омск : Издательство Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, 2021. — С. 635—640.

13. Мазаев Н. А. Проблемы железнодорожных перевозок хлопка в Российской империи в начале XX в. / Н. А. Мазаев, Д. В. Васильев // Вестник МГПУ. Серия : Исторические науки. — 2023. — № 3 (51). — С. 49—60. — DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.04.

14. Токтамысов С. Ж. Правительственная дискуссия об участии частного капитала в строительстве Закаспийской железной дороги в конце XIX в. / С. Ж. Токтамысов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2024. — № 1. — С. 109—121. — DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121.

15. Фурсов В. Н. Возведение и функционирование транскаспийской магистрали в 80-х — начале 90-х гг. XIX в. / В. Н. Фурсов, В. Н. Тестов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История. Политология. Экономика. Информатика. — 2013. — № 15 (158). — С. 113—118.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025,
одобрена после рецензирования 29.09.2025,
подготовлена к публикации 17.10.2025.

Material resources

RGIA — Russian State Historical Archive. F. 515 (Main Directorate of the Ministry of Foreign Affairs). (In Russ.).

SSPRZHD — Summary statistics of transportation on Russian railways / Department of Railway Affairs of the Ministry of Finance. (1890—1917). St. Petersburg: [b. i.]. (In Russ.).

References

Andreeva, T. I. (2010). Formation of the concept of railway communication between Siberia and Turkestan in the late XIX — early XX century. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 1 (9): 27—32. (In Russ.).

Andreeva, T. I. (2023). Railway construction in the socio-economic life of Asian Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space*, 3 (12): 19—24. (In Russ.).

Asanova, S. A. (2021). The way to the East: projects of railways and wheeled roads to Central Asia and China (in the second half of the 19th century). In: *People of the Empire — Empire of the people: a personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia. Collection of scientific articles*. Omsk: Publishing House of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 625—634. (In Russ.).

Belyankina, V. Yu. (2021). Russia's national interests in the Middle East in the late 19th — early 20th century through the prism of the foreign policy views of Russian conservatives. *Universal history*, 2: 22—30. DOI: 10.25791/vseist.02.2021.1130. (In Russ.).

Bochkareva, I. B. (2019). Railway construction in the strategy of the Russian Empire for the development of Turkestan. *Proceedings of the Altai State University*, 5 (109): 33—38. DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-04. (In Russ.).

- Bochkareva, I. B. (2024). The Central Asian Railway: a contribution to the modernization of the Turkestan region versus profitability problems (late 19th — early 20th centuries). *Bulletin of Tomsk State University. History*, 88: 16—23. DOI: 10.17223/19988613/88/2. (In Russ.).
- Bochkareva, I. B., Chekryzhova, O. I. (2022). Evaluation of the effectiveness of railways in Central Asia as an economic institution (late XIX — early XX century). *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal*, 1 (41): 86—97. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.41.8. (In Russ.).
- Fursov, V. N., Testov, V. N. (2013). Construction and functioning of the trans-Caspian highway in the 80s — early 90s of the XIX century. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science*, 15 (158): 113—118. (In Russ.).
- Khojakuliyeva, B. A. (2016). From the history of Turkmen-Russian relations: economic transformations in the Transcaspian region. *Economics and management: problems, solutions*, 12: 68—73. (In Russ.).
- Mazaev, N. A. (2021). The Transcaspian military railway as a factor in the regional policy of the Russian Empire. In: *People of the Empire — Empire of People: a personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia. Collection of scientific articles*. Omsk: Publishing House of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 635—640. (In Russ.).
- Mazaev, N. A., Vasiliev, D. V. (2023). Problems of railway transportation of cotton in the Russian Empire in the early twentieth century. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Historical Sciences*, 3 (51): 49—60. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.04. (In Russ.).
- Toktamysov, S. J. (2024). Government discussion on the participation of private capital in the construction of the Transcaspian Railway at the end of the 19th century. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*, 1: 109—121. DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121. (In Russ.).
- Vasiliev, D. V., Mazaev, N. A. (2020). Railway transport as a factor of modernization of the Russian Empire (based on the materials of the pre-revolutionary press). *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal*, 4 (36): 247—259. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.36.14. (In Russ.).
- Vasiliev, D. V., Mazaev, N. A. (2025). Murgabskoye state estate — a socio-economic outpost of the Russian Empire in Central Asia: an economic structure. *Journal of Frontier Studies*, 10 / 2 (38): 32—48. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.647. (In Russ.).
- Volkov, I. V. (2010). The Transcaspian military railway and its influence on the consolidation of Russia in Central Asia. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 5: 51—55. (In Russ.).

*The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 29.09.2025;
accepted for publication 17.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Засеев Г. А. Деятельность низовых партийных ячеек в Северной Осетии и организация идеологического контроля над ними в 1920-е годы / Г. А. Засеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 460—480. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-460-480.

Zaseev, G. A. (2025). Activities of Grassroots Party Cells in North Ossetia and Organization of Ideological Control Over Them in 1920s. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 460-480. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-460-480. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Деятельность низовых партийных ячеек в Северной Осетии и организация идеологического контроля над ними в 1920-е годы

Засеев Георгий Алексеевич
orcid.org/0000-0003-3069-7948
младший научный сотрудник,
отдел истории
geor1395@mail.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева —
филиал
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Владикавказ, Россия)

Activities of Grassroots Party Cells in North Ossetia and Organization of Ideological Control Over Them in 1920s

Georgiy A. Zaseev
orcid.org/0000-0003-3069-7948
junior research scientist,
Department of History
geor1395@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies —
the Filial of the Vladikavkaz
Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется опыт идеологического контроля, осуществлявшегося партийно-государственными органами Северо-Осетинской автономной области по отношению к низовым партийным структурам в 1920-х годах, в первые годы социалистического строительства. Вводятся в научный оборот новые архивные материалы. Отмечается, что Северный Кавказ долгое время был одним из наиболее сложных в управленческом отношении и советской власти потребовались значительное время и ресурсы для утверждения своих позиций. Анализируется роль агитационно-пропагандистского аппарата бюро Северо-Осетинского областного комитета в надзоре над сельскими и городскими ячейками. Выявлены ошибки и промахи, которые допускали в своей деятельности ячейки и о которых нежелательно было упоминать в советское время. Так, например, приводятся конкретные факты, материалы о принятии радикальных мер в отношении коммунистической и комсомольской ячеек селения Ногир, которые в 1929 году подверглись идеологической чистке. Сделан вывод о том, что советская власть уделяла значительное внимание не только организации во всех регионах страны низовых партийных структур в виде отдельных ячеек, но и содержательной стороне их работы, обозначая в качестве первоочередной задачи политическое, идеологическое воспитание членов этих организаций при помощи соответствующих образовательных и политико-просветительных органов, ускоряя процесс сплочения народных масс для более плодотворного проведения культурной революции в регионах.

Ключевые слова:

Северный Кавказ; Северная Осетия; РКП(б); партийные ячейки; советское строительство; идеологический контроль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the experience of ideological control exercised by the party-state authorities of the North Ossetian Autonomous Region over grassroots party structures during the 1920s, the formative years of socialist construction. New archival materials are introduced into scholarly discourse. It is noted that the North Caucasus has long been one of the most administratively complex regions, requiring significant time and resources from Soviet authorities to establish their positions. The role of the propaganda and agitation apparatus of the North Ossetian Regional Committee is examined in overseeing rural and urban party cells. The article identifies errors and shortcomings made by these cells, which were often deemed undesirable to mention during the Soviet era. For instance, specific facts and materials regarding the radical measures taken against the Communist and Komsomol cells in the village of Nohir, which underwent ideological purges in 1929, are presented. The conclusion drawn is that the Soviet government paid considerable attention not only to the organization of grassroots party structures across the country but also to the substantive aspects of their work, emphasizing the political and ideological education of their members through appropriate educational and political enlightenment bodies, thereby accelerating the process of unifying the masses for a more fruitful cultural revolution in the regions.

Key words:

North Caucasus; North Ossetia; RCP(b); party cells; Soviet construction; ideological control.

УДК 94(470.65)“192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-460-480

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Деятельность низовых партийных ячеек в Северной Осетии и организация идеологического контроля над ними в 1920-е годы

© Засеев Г. А., 2025

1. Введение = Introduction

Процессы партийного строительства в молодом советском государстве протекали одновременно с формированием новой государственности. В соответствии с уставом ВКП(б), утвержденным ЦК 17 июня 1926 года, организация партийной системы строилась на принципах демократического централизма, в основе которого лежал территориальный признак: «организация, обслуживающая какой-либо район, считается высшей по отношению ко всем организациям, обслуживающим части данного района» [Коммунистическая ..., 1984, с. 477]. Формирование партийных ячеек осуществлялось в соответствии с жесткой вертикальной иерархией партийных органов: собрания низовых партийных ячеек и бюро ячеек управлялись районными конференциями и комитетами, над которыми в свою очередь стояли окружные комитеты. Окружным комитетом утверждались районные парторганизации и партийные ячейки. Им также в пределах области организовывались учреждения партии и осуществлялось руководство этими учреждениями.

Низовые партийные структуры в виде ячейки являлись основной партийной организацией. Ячейки также выполняли связующую роль между рабоче-крестьянскими массами и руководящим органом партии на местах. Среди идеологических задач, которые возлагались на партийные ячейки, особое место отводилось воспитанию актива в коммунистическом духе, содействию местному партийному комитету в агитационной работе [Там же, с. 484].

Советской властью уделялось значительное внимание процессу партийного строительства, для чего на территории государства, во всех областях, в том числе и на Северном Кавказе, создавались партийные организации. Формирующиеся на районных партийных конференциях районные комитеты РКП(б) (с 1925 года ВКП(б)) утверждали с разрешения окружного комитета городские, сельские, поселковые, партийные организации и ячейки. На

заседаниях партийных ячеек рассматривались самые разнообразные вопросы и проблемы, в том числе связанные с поддержкой советских партийных школ, организацией клубной работы и т. д. К примеру, в совпартшколах работали ячейки таких организаций, как Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Добровольное общество друзей химической обороны и химической промышленности (ДОБРОХИМ) и др. Ими проводились различные беседы, в том числе затрагивавшие тему конституционного устройства СССР и РСФСР [Байков и др., 2024, с. 163].

Среди многочисленных задач, ставившихся перед районными комитетами, особый интерес вызывает обследование деятельности партийных ячеек, которое позволяло выяснить состояние партийной работы на месте, вскрыть имеющиеся недостатки. Это направление партийной организационной деятельности было составным элементом осуществлявшегося партийными органами контроля за общественной и политической жизнью региона. С идеологических позиций необходимо было следить за политической лояльностью, моральным обликом членов партии, а также их дисциплинированностью. О том серьезном значении, которое придавалось советским правительством политическому контролю, свидетельствует существование в Советском Союзе в 1920—1930-х годах разветвленной сети рабоче-крестьянских инспекций (РКИ) и партийных контрольных комиссий, которые управлялись Народным комиссариатом РКИ и Центральной контрольной комиссией (ЦКК) ВКП(б) [Сысов, 2023, с. 566]. Важную роль в выявлении недочетов в работе низовых организаций играли региональные партийные съезды. Часто на съездах удавалось выяснить, что причиной неудовлетворительной работы низовых организаций являются примерно одни и те же факторы: плохая организационно-пропагандистская работа, недостаток квалифицированных коммунистических работников и литературы. На съездах принимались различные меры к укреплению волостных и сельских ячеек [Макаров, 2025, с. 439]. Также в целях установления крепкой дисциплины и устранения морально разлагающихся и социально чуждых элементов в 20—30-х годах в качестве одной из радикальных мер применялась чистка партийных организаций, в том числе партийных ячеек селений и деревень.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материальной основы данной научной публикации использовались работы региональных исследователей советского периода, а также современности, в которых затрагивается проблема формирования низовых партийных организаций в разных областях советского государства в первые послереволюционные годы.

В северокавказской историографии тема ячеёвого строительства, в основном затрагивается в общих работах, которые посвящались региональному советскому строительству после Октябрьской революции и Гражданской войны, а также социально-политическим процессам, происходившим на территории Кавказа и Юга России в первые десятилетия советской власти. К таким публикациям относятся научные труды М. С. Тотоева, З. П. Бердиева, М. К. Нагиевой, А. А. Магометова, Ю. А. Яхутля, В. С. Клопихиной, Е. В. Сартиковой, Х. Б. Батаговой, М. А. Бетрозовой, Е. В. Туфанова [Тотоев, 1968; Бердиев, 2023; Нагиева, 2018; Магометов, 2015; Яхутль и др., 2023; Клопихина, 2019; Сартикова, 2018; Батагова, 2022; Бетророва, 2011; Туфанов и др., 2024].

Научные работы, написанные исследователями из других регионов, также оказываются полезными в изучении обозначенной проблемы за счет того, что в них отражаются особенности функционирования и организации партийных ячеек в 1920-х и начале 1930-х годов XX века в разных частях страны, которые определенно отличались друг от друга по социально-экономическому положению на момент прихода большевиков к власти. Деятельность низовых организаций партии в деревне, на предприятиях и в среде молодёжи неоднократно упоминается в монографиях В. Н. Васева, В. Н. Каракчиева, А. К. Гагиевой, А. А. Исаева, Т. С. Бушуевой, Н. В. Саранцева, М. С. Каменских, Н. Е. Жуковой, А. П. Дементьева, А. А. Панарина, С. Б. Ульяновой, С. С. Цуканова [Васев, 2023; Каракчиев, 2022; Гагиева и др., 2021; Исаев, 2021; Бушуева, 2020; Каменских, 2019; Жукова и др., 2018; Дементьев и др., 2018; Панарин, 2017; Ульянова и др., 2017; Цуканов, 2017]. Также процессы оформления низовых партийно-советских организаций на раннем этапе советского строительства освещаются в научных статьях Н. М. Байкова, Л. В. Кромера, Д. С. Кулешова, Н. А. Макарова, П. А. Меркулова, И. С. Нересян, А. Г. Рябченко, В. А. Санникова, А. И. Сысова [Байков и др., 2024; Кромер, 2021; Кулешов, 2020; Макаров, 2025; Меркулов и др., 2016; Нересян, 2011; Рябченко и др., 2019; Санников, 2016; Сысов, 2023].

Информация о работе партийных ячеек и их идеологическом контроле со стороны агитационно-пропагандистских советских органов содержится в материалах фондов Центрального государственного архива республики Северная Осетия — Алания. Наибольшее количество сведений о деятельности осетинских низовых партийных организаций содержат партийные протоколы, находящиеся в архиве центра историко-политической документации (ИПД ГАНИ). В процессе написания статьи использовались и материалы советской периодической печати города Владикавказа, так как в газетах регулярно публиковались доклады о деятельности тех или иных

советских организаций, а также замечания и советы по улучшению их работы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Деятельность партийных ячеек Осетии в период существования Горской республики (ГАССР) и Северо-Осетинской автономной области (СОАО)

Широкий размах социалистического строительства в молодом советском государстве требовал особого внимания к организации широко поставленной партийной работы, обеспечивающей идеологическую основу происходящих процессов. Эффективность идеологической и агитационно-пропагандистской деятельности как важной составляющей социалистического строительства напрямую зависела от низовых партийных структур и местных партийных организаций. Анализ их деятельности и выявление принципов, на которых строился партийный контроль над партийными ячейками на местах, позволяет понять глубину и направленность процессов укрепления советской власти на окраинах страны. Если в столице и главных промышленных центрах советская власть утвердилась относительно легко, то в «отдаленных от центра районах России» советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы [Дзасохов, 2003, с. 127]. Одним из наиболее сложных в управленческом отношении долгое время оставался Северный Кавказ, где советской власти потребовались значительное время и ресурсы для утверждения своих позиций. В первые послереволюционные годы здесь шли активные боевые действия, ведущиеся в ходе Гражданской войны, что не позволяло большевикам окончательно закрепиться в регионе и развернуть здесь широкую работу по созданию партийных организаций. Формирование ячеек РКП(б) стало возможным после стабилизации обстановки и окончательного перехода региона под контроль советской власти весной 1920 года. После восстановления советской государственности, на Юге России начали работу по созданию низовых партийных органов. При этом не было по-настоящему крепкой связи между областными комитетами и ячейками, а к 1921 году на местах начался хаотичный процесс распада низовых парторганизаций, которые не успели и нескольких лет проработать в станицах и селениях [Туфанов и др., 2024, с. 717]. Во многих районах страны в первой половине 20-х годов наблюдался своего рода «ячейковый кризис»: многие ячейки прекращали свое существование, в некоторых оставалось очень мало людей из числа самых идейных партийцев, которые, тем не менее, зачастую занимались самоуправлением, игнорировали директивы из центра [Нересян, 2011, с. 42].

В ходе строительства советской государственности на Северном Кавказе Терская область 20 января 1921 года была преобразована в Горскую автономную социалистическую советскую республику (ГАССР). Северная Осетия, являясь составной частью ГАССР, подчинялась ее руководству, до 7 июля 1924 года развиваясь бок о бок с другими национальными областями.

Циркуляры Горского политпросвета за 1920—1922 годы дают представление о конструкции районных политико-просветительных комитетов и роли ячеек в региональной партийно-организационной структуре [ЦГА РСО-А, ф. 49, оп. 1, д. 425, л. 17]. Так, отмечалось, что председатель политпросвета должен был выдвигаться именно из местной ячейки РКП(б), из числа наиболее деятельных ее членов. Желательно было, чтобы председателем политико-просветительного комитета назначался секретарь коммунистической ячейки. Назначение секретаря на этот пост было обязательным, если он не был занят никакой другой советско-партийной работой.

В круг ведения председателя входило общее руководство работой политпросвета, устройство митингов и собеседований на политические темы, распространение газет, литературы, организация избы-читальни, клуба, связь с окружным политпросветом, административная работа. Он нес ответственность за всю работу политпросвета.

Местной партийной ячейкой совместно с исполкомом назначался еще один член комитета политпросвета из представителей местных культурных сил (учитель либо просто грамотный работник). В ведении этого сотрудника находились такие вопросы, как устройство школ по ликвидации неграмотности, организация собеседований, чтений на научные темы, участие в работе читальни, устройство театральных кружков, хора, оркестра и т. п.

Между районным политпросветом и местными партийными и комсомольскими ячейками устанавливались прочные связи: вся политико-просветительная работа велась совместно под общим руководством партийных ячеек. Партийная работа с молодежью и работа в деревне должны были быть прочно соединены друг с другом, так как это считалось единственно верной формой организации.

К непосредственному участию в работе политпросвета привлекались все местные силы. Так, члены коммунистической ячейки и члены ячейки комсомола обязывались принимать активное участие в работе политико-просветительного комитета. На этом фоне отмечалось, что окружные партийные комитеты и ячейки на местах не уделяли должного внимания политико-просветительной работе, считавшейся очень важной для Горской республики. Для местных ячеек эта работа вообще характеризовалась как первостепенная по важности. Они должны были заняться организацией Народного дома, Дома горца, школы и читальни-библиотеки. Обеспоко-

енность центра также вызывал факт недостаточного наличия работников в партийно-советских организациях именно из числа местных северокавказских народов. Для того чтобы не ослаблять авторитета партии в глазах местного населения, проводилась политика коренизации, направленная на увеличение национального представительства в административных советских органах [Бетрзова, 2011, с. 20].

Неоднократно отмечалось, что для любого члена партии участие в политико-просветительной работе было не иначе как партийным долгом и обязанностью. Ячейкам же предписывалось привлекать партийцев к этой деятельности. «На эту работу следует бросить лучшие силы. Мы должны добиться, чтобы каждый аул, каждое селение имели школы для взрослых, читальню-клуб, газеты и книги. Госпропаганду коммунизма в Горской республике нужно поставить на высоту», — говорилось в проекте циркуляра областного партийного комитета ГАССР всем окружным партийным комитетам и ячейкам [ЦГА РСО-А, ф. 81, оп. 1, д. 80, л. 73].

В плане работы политпросвета на май 1921 года обозначалось проведение конференции политических работников. Эта широкая конференция была созвана во Владикавказе. Тем не менее последний день её проведения был признан неудачным, а в качестве причины указывалась слабость докладов и неорганизованность ячеек на местах.

На первой Горской областной партийной конференции, прошедшей весной 1921 года во Владикавказе, много внимания уделялось перестройке методов партийной работы в условиях восстановительного периода после Гражданской войны. Необходимо было регулярно проводить собрания ячеек, повышая авангардную роль коммунистов в проведении политики партии [Шотаев, 1969, с. 126]. В качестве важнейшей для выполнения задач также указывалось интернациональное воспитание трудящихся, борьба с великодержавным шовинизмом и национализмом [Горский коммунист, № 1]. На собраниях северокавказских партийных ячеек выступали с докладами работники истпартов — комиссий по истории Октябрьской революции и РКП(б) — с целью популяризации знаний о важнейших событиях из истории коммунистического движения России [Клопихина, 2019, с. 61].

В деревне немалую роль в усилении партийной политики сыграло областное совещание секретарей партийных ячеек, созванное горским обкомом 25 сентября 1923 года в городе Ардоне (Северная Осетия). Были поставлены задачи более ускоренного восстановления народного хозяйства и укрепления союза рабочих и северокавказского крестьянства [Шотаев, 1969, с. 136]. Алагиро-Ардонскому окружному комитету поручили обследовать партийные ячейки Ардона под углом обеспечения более эффективного руководства хозяйственно-политическими кампаниями и колхозным

строительством. Обо всех результатах нужно было докладывать в партийное бюро Северной Осетии. На собраниях осетинских партийных ячеек также прорабатывались проблемы проведения агитационных кампаний по сбору сельскохозяйственного налога с целью организовать его досрочную сдачу [ИПД ГАНИ, ф. 1, оп. 1, д. 667, л. 7]. При этом планировалось использовать тактику социалистического соревнования между отдельными округами, аулами и селениями.

Пути повышения эффективности работы партийных ячеек среди населения постоянно обсуждались областным и окружным бюро РКП(б). В отчете о работе североосетинского областного оргбюро РКП(б) за 1924 год внутреннее состояние партийной организации отмечалось как неудовлетворительное. Несмотря на отсутствие крупных конфликтов и возникновение группировок, между отдельными членами местных ячеек происходили трения на личной почве. Из болезненных явлений фиксировался религиозный уклон в Магометанской и Заманкульской ячейках, образованных в селениях с преимущественно мусульманским осетинским населением. Актуальной была и проблема недостатка базовой дисциплины во многих других ячейках [ИПД ГАНИ, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 2]. Отмечался низкий уровень политической подготовки большинства членов сельских ячеек. Все ячейки области летом 1924 года были обследованы, что позволило констатировать слабость внутрипартийной воспитательной работы. Этот недостаток в деятельности низовых организаций был учтен областным комитетом при составлении нового плана работ на зимний период. Внутрипартийная воспитательная работа должна была занять в этом плане одно из ведущих мест. В период коллективизации крестьянских хозяйств в 1929 году предписывалось уделять больше внимания политической подготовке работников сельского партийного звена, отвечавших за идеологическую работу в сельских коммунистических ячейках: они должны были разъяснять народным массам суть политики коллективизации [Рябенко и др., 2019, с. 131].

Необходимо отметить, что не только на Северном Кавказе существовала проблема низкого уровня политической подготовки членов партячеек. В качестве примера можно привести ситуацию с падением тиража у руководящего партийного женского журнала «Коммунистка» — одного из центральных изданий ВКП(б). В середине 20-х годов тираж издания значительно снизился. Для исправления ситуации редакция журнала имела возможность переориентироваться на новую читательскую аудиторию — организаторов ячеек. Однако редакция журнала отказалась адаптировать материалы, помещаемые на его страницах, под ячейковых руководителей, объяснив это тем, что их уровень политической подготовки соответствовал уровню «малограмотного агитатора» [Минаева, 2017, с. 136].

Обследование состояния политико-просветительской работы и выявление политического уровня ячеек было одним из главных направлений деятельности агитпропа в июле — августе 1924 года. Местные ячейки должны были втягиваться в агитационно-пропагандистскую работу и выдвижение «средних агитаторов». При этом разбросанность деревенских ячеек, оторванность их от производства и плохие условия крестьянской жизни нередко являлись причиной неудовлетворительного уровня просветительской работы среди членов ВКП(б) и Российского Ленинского коммунистического союза молодёжи (РЛКСМ). С осени 1924 года, впрочем, отмечался подъем интереса со стороны ячеек деревни к вопросам общественной и хозяйственной жизни. В протоколе заседания Северо-Осетинского партбюро за 16 сентября 1930 года отмечалось значительное оживление общественности и относительно вопросов всеобщего школьного образования, что, в частности, выражалось в активном обсуждении этой проблемы в стенах партийно-комсомольских ячеек на местах [ИПД ГАНИ, ф. 1, оп. 1, д. 739, л. 16].

Для ячеек агитпропом также выписывались газеты, например, такие как «Правда», «Известия», «Власть труда», «Безбожник». В ячейках комсомола прорабатывались вопросы, связанные с историей детско-юношеского движения, а также давались разъяснения на тему главных врагов советской власти. Не только в Северо-Осетинской автономной области, но и повсеместно на Кавказе в образовательных целях организовывались курсы по подготовке секретарей партийных ячеек [Нагиева, 2018, с. 99]. На открытых объединенных собраниях партийных ячеек и ячеек комсомола также планировалось активно обсуждать решения пленумов Центрального комитета партии. Североосетинский агитпроп должен был обеспечить методическую помощь докладчикам и пропагандистам, которые выступали на данных собраниях, снабдив их тематическими пособиями.

В октябре 1924 года областным комитетом ВКП(б) в округа было командировано 16 работников для руководства деятельностью партакчеек. Разрабатывался примерный план работы городских ячеек, среди них были выделены три ударные. В их число вошли Ногирская сельская, Садонская рудничная, а также ячейка областного осетинского ревкома.

В советской Осетии уделялось внимание и работе коммунистических ячеек различных предприятий. Так, резкой критике подверглось состояние партийной работы на кирпичном заводе «Ир» (Владикавказ). Утверждалось, что слабая разъяснительная деятельность руководства и наличие «правого оппортунизма» привели к неудовлетворительным показателям выполнения промышленно-финансового плана. Общая производительность труда упала на 50.5% [ИПД ГАНИ, ф. 1, оп. 1, д. 747, л. 11]. Эти

недочеты, по мнению обкома, являлись результатом посредственного руководства со стороны партийчейки завода. В частности, в ячейке не были проработаны вопросы уклона от генеральной линии партии, не обсуждались пути борьбы с этим вредным явлением. Улучшить ситуацию рекомендовалось посредством усиления участия ячейки в плановой работе завода, усиления практического соцсоревнования, а также укрепления партийной дисциплины и развертывания большевистской самокритики вокруг конкретных задач завода.

На предприятии «Севкавцинк», в свою очередь, были зафиксированы случаи проявления «великодержавного шовинизма». Отмечалось, что партийный коллектив завода не вел интернациональной работы, не осудил факта проявления шовинизма. Партийное бюро на этом фоне постановило письменно обратиться ко всем ячейкам, указав на необходимость усиления борьбы на два фронта — против великодержавного шовинизма и местного национализма. Аналогичная проблема была и на «Бесланстрое», где отмечалась слабость работы заводской ячейки в отношении борьбы с «оппортунизмом» и интернационального воспитания. При этом в случае с данным предприятием разбирательство закончилось исключением нескольких заводчан из состава Контрольной комиссии — органа отвечавшего в числе прочего и за соблюдение работниками этических норм и улаживание внутренних конфликтов [Санников, 2016, с. 78].

12 декабря 1926 года на очередном заседании Северо-Осетинского облбюро ВКП(б) слушался доклад о функционировании партийной ячейки завода «Алагир» — одного из центральных осетинских предприятий. В ходе обсуждения был сделан вывод о недостаточном снабжении рабочих предметами первой необходимости. Исправить это необходимо было путем открытия кооперативной лавки в рабочем районе. Вместе с этим требовалось открыть аптеку для улучшенного снабжения рабочих медикаментами. Женскому отделу областного комитета было предложено усилить политическую работу среди заводчанок [Социальная политика ..., 2020, с. 17—18].

В качестве негативных аспектов деятельности коммунистических ячеек отмечалось, что их работа не всегда подробно освещалась в отчетах окружных комитетов, из-за чего иногда невозможно было подвести общие итоги их деятельности. К примеру, о работе сельских ячеек часто приходилось судить по докладам инструкторов и других функционеров, командированных в округа с какими-либо поручениями. Собрания партийных ячеек проводились нерегулярно, за исключением ячеек Гизельдонского округа, транспортных (Дарг-Кохская железнодорожная и Бесланская железнодорожная) и всех городских ячеек. К числу наиболее слабых коммунистиче-

ских ячеек были причислены Хумалагская, Дарг-Кохская (сельская), Зильгинская (Правобережный округ), а также все ячейки Дигорского ущелья по причине отдаленности от центра и отсутствия работников [ИПД ГАНИ, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 12]. В укор ставилась также работа без четко определенного плана. Общая посещаемость ячейковых собраний увеличивалась, хотя в селениях не практиковался точный учет присутствующих. Также руководство партячейками со стороны областного комитета и окружных комитетов затруднялось по причине отсутствия регулярного сообщения. Необходимо уточнить, что и другие регионы при ячейковом строительстве сталкивались с похожими проблемами в виде нехватки профессиональных партийных работников, отсутствия технических средств и транспорта для выезда в селения [Сартикова, 2018, с. 73].

В целях поднятия авторитета партийной ячейки в деревне было предписано в течение летнего периода 1925 года организовать борьбу с недисциплинированностью и «всякого рода нездоровыми уклонами». Работу по оздоровлению организации нужно было направить прежде всего в русло изучения «болезней» в партии, а затем приступить с агитпропом к разработке плана по воспитанию партийцев, подвергнутых тем или иным «нездоровым уклонам».

Согласно резолюции совещания секретарей ячеек СОАО за март 1925 года, в содержание работы ячеек, помимо воспитания своих членов и политпросвет работы в крестьянстве, должны были быть включены вопросы хозяйственной и культурной жизни, работы советских и хозяйственных органов, кооперации, крестьянских комитетов и т. д. Партийные ячейки вместе с коммунистическим союзом молодежи и окружными советами принимали участие в допризывной подготовке горцев для службы в рядах РККА. Подобная агитационно-просветительская деятельность считалась областным партийным бюро Северной Осетии «важнейшей политической кампанией» [Батагова, 2022, с. 47]. Налаживание воспитательной и партийной работы среди красноармейцев было одной из главных целей в работе коммунистических ячеек по всей стране. Служащие Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) на ячейковых собраниях организовывали беседы, затрагивающие политическую ситуацию в стране и мире, подчеркивали важную социально-политическую роль правящей большевистской партии. Сотрудники также посещали места проживания солдат РККА, оценивая продуктивность работы «красных уголков» и стенных газет. Уделялось внимание и клубной работе, которая проявлялась в распространении антирелигиозной пропаганды и проведении спортивных и массовых мероприятий среди красноармейцев [Кулешов, 2020, с. 144—145].

Для проверки работы партийцев также признавалось желательным проведение кампании осмотра ячеек. В сентябре 1929 года в Северной Осетии проводились подготовительные работы к чистке партии. Партийное руководство Осетии на этом фоне посчитало целесообразным на собраниях ячейки ВКП(б), общих собраниях рабочих и служащих предприятий и учреждений обсуждать обращение краевой контрольной комиссии по вопросам чистки. Организация обсуждения была возложена на агитпроп и фракции совета профессиональных союзов. Агитационно-пропагандистский отдел также обязался выделить специального корреспондента с целью освещения хода чистки в период работы проверочной комиссии [ИПД ГАНИ, ф. 1, оп. 1, д. 665, л. 4].

3.2. Практика «чистки» низовой партийной организации (на примере ячейки селения Ногир)

Примером осмотра ячеек можно считать проверку ячейки осетинского селения Ногир в 1929 году. После проведения чистки комсомольской организации села была проведена дополнительная проверка ячейки ВКП(б) Ногира, целью которой было устранение чуждого пролетарской партии элемента. Необходимость проверки обосновывалась и тем, что сельская ячейка Ногира была в числе ударных ячеек. В адрес агитпропа был сделан выговор за то, что он не смог усилить пропагандистом ногирскую партийную ячейку. Отмечалось, что руководство ячейки без должной серьезности отнеслось к созыву областной конференции бедняков. Вопросы, касающиеся проведения конференции обсуждались поверхностно и наспех. Агитационно-пропагандистскому отделу Северо-Осетинского обкома также было поручено отозвать одного работника-агитатора из правобережного районного округа и перебросить его в Ногир для усиления пропагандистской работы. На этом фоне было принято решение о помещении в газету «Растдзинад» («Правда») статьи, в которой прояснялись бы вопросы анти-троцкистской работы с особым вниманием к правому уклону и примиренчеству как главной опасности для организации [ИПД ГАНИ, ф. 1, оп. 1, д. 612, л. 7]. В ячейке Ногира были зафиксированы и факты «правого уклона», которые выражались в выступлениях против коллективизации. На этом фоне в селении предполагалось усилить пропагандистскую работу с упором на разъяснение антипартийной сущности правого оппортунизма и троцизма.

Будет уместно рассмотреть и предложения, внесенные по рассмотрении доклада комиссии по проверке ногирской ячейки ВЛКСМ. По мнению осетинского областного комитета, результаты работы комиссии полностью подтвердили правильность оценки обкомом состояния ячейки ВЛКСМ. В качестве основных недостатков комиссия обозначила отсутствие над-

лежащей дисциплины среди членов ячейки; отсутствие твердой пролетарской классовой линии во всей работе ячейки, в частности по вопросам социально-качественного роста членов (проникновение в ячейку чуждого элемента); процветание в ячейке так называемого «квартализма», который выражался в соперничестве между осетинами — выходцами из Южной Осетии и представителями других этнических групп; проникновение в ячейку кулацкого влияния.

Было заявлено, что эти недостатки являлись главным образом результатом чрезвычайно слабой политико-воспитательной работы среди членов ячейки, неудовлетворительного интернационального воспитания, слабого ознакомления с программой и уставом ВЛКСМ, незнания ячейкой основных решений комсомольских съездов, в частности решений 8 съезда, особенно по работе комсомола в деревне. Отмечалось, что в ячейке не было проработано обращение центрального комитета ВЛКСМ о самокритике. Подчеркивалось, что отрыв комсомольской ячейки от партийного руководства со стороны партийной ячейки создал благоприятные условия и почву для троцкистской группы в деле укрепления своего влияния среди значительной части членов комсомола, что привело к частичному разложению и дезорганизации комсомольской ячейки. В качестве профилактических мер обкому ВЛКСМ предложили произвести перевыборы, отдавая предпочтение наиболее идеологически выдержанной и проверенной части актива ячейки [ИПД ГАНИ, ф. 1, оп. 1, д. 632, л. 11]. Внутри ячейки предполагалось проводить беседы о вредности и антипартийности квартализма.

Исследователи отмечают, что партийное руководство в 1920-х годах не всегда уделяло достаточно внимания ячейкам на местах, не брало под тщательный контроль комсомольские организации [Кромер, 2021, с. 116]. В 1920 году член Сибирского бюро РКП(б) Е. М. Ярославский подчеркивал, что комсомольцы фактически находятся без внимания партии. Многие организации отстранялись от коммунистических союзов молодежи, не знали, как проводятся собрания, как ведется молодежная печатная периодика, не имели представления о том, кто входит в союзы и руководит ими. Союзы коммунистической молодежи, таким образом, часто действовали сами по себе. До середины 20-х годов во многих областях СССР фиксировалось недостаточное представительство партийных работников в союзах молодежи. Партийные функционеры зачастую формально присутствовали на комсомольских совещаниях, считая эту работу не слишком престижной и важной, иногда вообще не понимая сути работы КСМ как организации. Подобное отношение к союзам молодежи резко критиковалось со стороны более ответственных и идейных большевиков. Лишь в конце 1920-х годов началось постепенное встречное движение партии и комсомола, когда ор-

ганизации начали взаимно дополнять друг друга, а коммунистические союзы молодежи стали «поставщиками» кадров для партии [Меркулов и др., 2016, с. 165—170].

Деятельность комиссии по высвобождению ячейки от социально чуждых и разложившихся элементов дала значительные результаты для оживления комсомольской работы. Вместе с тем, однако, бюро комитета отмечало, что в работе комиссии были допущены перегибы, так как в числе отсеянных от комсомола имелись батраки и бедняки. Хотя они и проявляли определенные идеологические колебания, при усиленной работе они могли бы проявить себя как дисциплинированные члены Коммунистического союза молодежи.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, исследование, проведенное на примере Северной Осетии, показывает, что советская власть уделяла значительное внимание не только организации во всех регионах страны низовых партийных структур в виде отдельных ячеек, но и содержательной стороне их работы. От ее организации во многом зависел успех социалистического строительства в регионе и эффективность государственных преобразований, что в свою очередь ставило на повестку дня вопрос об осуществлении партийно-государственного контроля и идеологического надзора над деятельностью актива самих ячеек и в первую очередь политическое, идеологическое воспитание членов этих организаций. Так, в качестве одной из главных задач Северо-Осетинского областного комитета ВКП(б) указывалась необходимость тесной взаимосвязи его политической, просветительской и агитационной работы с жизнью низовых партийных ячеек Осетии. Важным с идеологической точки зрения являлся тщательный надзор со стороны агитационно-пропагандистского отдела областного комитета за деятельностью отдельных ячеек, результаты которого разбирались специально созданными комиссиями, выносившими решения по улучшению их работы. Проведение таких радикальных мероприятий в отношении ряда сельских ячеек Северной Осетии, как чистка, исключение из партии и т. п., а также борьба с оппозицией внутри них, свидетельствует прежде всего о серьезности партийной работы в окраинных регионах России и той существенной роли низовых партийных организаций, которая отводилась им советской властью в строительстве нового государства.

Из этого следует, что формирование во всех регионах страны низовых партийных ячеек как необходимой составляющей партийной системы и ведущего инструмента реализации политической воли Советского государства шло одновременно с организацией и осуществлением контроля

над содержательным аспектом их деятельности со стороны вышестоящих партийных структур, что в конечном итоге укрепляло идеологические основы советской власти, ускоряя процесс сплочения народных масс для более плодотворного проведения культурной революции в регионах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Горский коммунист* : [Газета]. — 1923. — № 1.
2. ИПД ГАНИ — Центр Историко-политической документации Государственного архива РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 ; Д. 53. Л. 12 ; Д. 612. Л. 7. ; Д. 632. Л. 11 ; Д. 665. Л. 4 ; Д. 667. Л. 7 ; Д. 739. Л. 16 ; Д. 747. Л. 11.
3. ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф. 49. Оп. 1. Д. 425. Л. 17 ; Ф. 81. Оп. 1. Д. 80. Л. 73.

Литература

1. *Батагова Х. Б.* Деятельность партийных и советских органов власти Северной Осетии по допризывной подготовке молодежи в 1920—1930 гг. / Х. Б. Батагова // Вестник владикавказского научного центра. — 2022. — Выпуск 1. — С. 45—49. — DOI: 10.46698/VNC.2022.58.84.001.
2. *Байков Н. М.* Дальневосточный вектор подготовки управленческих кадров в системе партийного образования (1920-е — начало 1940-х гг.) / Н. М. Байков, Ю. В. Березутский // Власть и управление на востоке России. — 2024. — Выпуск 3 (108). — С. 153—174. — DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-153-174.
3. *Бердиев З. П.* Репрессивная политика партийно-государственной власти СССР в Карачае и Черкесии. Конец 20-х — 30-е годы XX в. / З. П. Бердиев. — Пятигорск : ООО «Рекламно-информационное агентство на КМБ», 2023. — 528 с. — ISBN 978-5-85183-104-1.
4. *Бетророва М. А.* Коренизация как способ подготовки партийных и советских кадров в Кабардино-Балкарии (1920—1940 гг.) / М. А. Бетророва // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — Выпуск 2. — С. 19—23.
5. *Бушуева Т. С.* Общественные настроения в красной армии. 1920-е — 1934 г. / Т. С. Бушуева. — Москва : МПГУ, 2020. — 444 с. — ISBN 978-5-4263-0914-2.
6. *Васёв В. Н.* Коллективизация, раскулачивание и спецпереселение на Архангельском севере в 1920—1930 годах / В. Н. Васёв. — Архангельск : ООО «Консультационное информационно-рекламное агентство», 2023. — 193 с. — ISBN 978-5-98450-805-6.
7. *Гагиева А. К.* Исторический опыт становления избирательных процессов и формирование избирательных технологий при проведении выборов в органы законодательной власти в Коми области, Коми АССР (1917—1936) / А. К. Гагиева, Л. А. Кызылов. — Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2021. — 156 с. — ISBN 978-5-93206-397-2.
8. *Дементьев А. П.* Органы власти и управления в Енисейской губернии в 1917—1918 годах / А. П. Дементьев, О. В. Коновалова. — Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. — 168 с. — ISBN 978-5-7889-0262-3.
9. *Дзасохов А. С.* История Северной Осетии. XX век / А. С. Дзасохов. — Москва : Наука, 2003. — 632 с.

10. Жукова Н. Е. Общественные организации Бурятии в 1920-е гг. : опыт исторического развития / Н. Е. Жукова, Е. Н. Палхаева. — Улан-Удэ : ФГБОУ ВО БГУ, 2018. — 168 с. — ISBN 978-5-9793-1176-0.
11. Исаев А. А. Политико-идеологическое воздействие власти на население дальнего востока СССР в 1930-е гг. / А. А. Исаев. — Владивосток : ДВФУ, 2021. — 130 с. — ISBN 978-5-7444-5153-0.
12. Каменских М. С. Национальная политика в Прикамье в 1918—1939 гг. / М. С. Каменских. — Санкт-Петербург : Маматов, 2019. — 224 с. — ISBN 978-5-91076-209-5.
13. Каракчиев В. Н. Деятельность волостных исполнительных комитетов Коми автономной области в 1920-е годы / В. Н. Каракчиев. — Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. — 146 с. — ISBN 978-5-89606-640-8.
14. Клопихина В. С. Работа испартов Северного Кавказа в системе реализации политики памяти советской власти в 1920-е годы / В. С. Клопихина // Гуманитарные и юридические исследования. — 2019. — Выпуск 3. — С. 59—69. — DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-59-69.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) / Под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. — Москва : Издательство политической литературы, 1984. — Т. 3 : 1922—1925. — 494 с.
16. Кроммер Л. В. Партийное руководство сибирской комсомольской организацией в 1920-е годы / Л. В. Кроммер // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых. Сборник материалов Международной молодёжной научной школы-конференции. — Новосибирск : Институт истории СО РАН ; Новосибирский государственный университет ; АНО «Свободные науки», 2021. — С. 113—123.
17. Кулешов Д. С. Формирование и деятельность первичных партийных организаций в дальневосточных органах безопасности в 1920—1930-е гг. / Д. С. Кулешов // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. — 2020. — Выпуск 7. — С. 141—151.
18. Магоматов А. А. Высшее педагогическое образование в Северной Осетии в 1920—1970-х годах : люди, события, факты / А. А. Магоматов. — Владикавказ : СОГУ, 2015. — 703 с.
19. Макаров Н. А. Первый Костромской губернский партийный съезд РКП (б) как организатор партийной жизни региона / Н. А. Макаров // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков. Материалы XXIV Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Иваново : ФГБОУ ВО ИвГУ, 2025. — С. 434—440.
20. Меркулов П. А. Профсоюзы, ВКП(б) и комсомол в 1920—1930-х гг. / П. А. Меркулов, А. Ю. Саран // Власть. — 2016. — Выпуск 10. — Т. 24. — С. 165—170.
21. Минаева О. Д. Руководящий партийный журнал "Коммунистка" (1920—1930) : историко-типологический анализ / О. Д. Минаева // История отечественных СМИ. — 2017. — Выпуск 2 (4). — С. 124—138.
22. Нагиева М. К. Подготовка национальных кадров в Дагестане в 1920-е гг. / М. К. Нагиева // Известия СОИГСИ. — 2018. — Выпуск 29 (68). — С. 97—106. — DOI: 10.23671/VNC.2018.68.17164.
23. Нересян И. С. Утверждение партийной номенклатуры в структуре государственного управления в начале 1920-х гг. / И. С. Нересян // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — Выпуск 11. — С. 36—43.

24. Панарин А. А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921—1929 гг. / А. А. Панарин. — Армавир : ФГБОУ ВО "АГПУ", 2017. — 336 с.
25. Рябченко А. Г. Особенности партийного образования в СССР конца 1920-х — 1930-х гг. / А. Г. Рябченко, И. Д. Золотарева // Научный вестник Южного института менеджмента. — 2019. — Выпуск 4 (28). — С. 129—133. — DOI: 10.31775/2305-3100-2019-4-129-133.
26. Санников В. А. Трансформация системы партийного контроля в Москве в конце 1920-х — начале 1930-х гг. / В. А. Санников // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2016. — Выпуск 3. — С. 78—80.
27. Саранцев Н. В. Аграрная элита советской власти : 1917—1941 / Н. В. Саранцев, В. Н. Саранцев. — Саратов : Саратовский источник, 2019. — 509 с. — ISBN 978-5-91879-978-9.
28. Сартикова Е. В. Возникновение партийных ячеек в Ремонтненском уезде Калмыцкой Автономной области в 1921—1925 гг. / Е. В. Сартикова // Magna adsurgit: historia studiorum. — 2018. — Выпуск 1. — С. 70—76. — DOI: 10.22162/2541-9749-2018-5-1-70-76.
29. Социальная политика советского государства в 1920—1930-е гг. : в решениях партийных органов Северной Осетии. Сборник документов / Сост. Л. Х. Батагова, Э. М. Рубаева. — Владикавказ : СОГУ, 2020. — 125 с.
30. Сысов А. И. Обследование партийных ячеек как одно из направлений деятельности райкомов ВКП(б) горнозаводской зоны Южного Урала в середине 1920-х — середине 1930-х гг. / А. И. Сысов // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков. Материалы XXII международной научной конференции. — Иваново : ФГБОУ ВО ИвГУ, 2023. — С. 563—568.
31. Тотоев М. С. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней / М. С. Тотоев. — Орджоникидзе : СОГПИ, 1968. — 249 с.
32. Туфанов Е. В. Партийные организации РКП(б)-ВКП(б) Юго-востока России 1920-е гг. : организационно-кадровый потенциал / Е. В. Туфанов, Ю. А. Яхутль // Гуманитарные и юридические исследования. — 2024. — Выпуск 4. — Т. 11. — С. 715—722. — DOI: 10.37493/2409-1030.2024.4.13.
33. Ульянова С. Б. Заводское сообщество и власть в советской России 1920-х годов / С. Б. Ульянова, Н. В. Офицерова. — Санкт-Петербург : ФГАОУ ВО СПбПУ, 2017. — 311 с. — ISBN 978-5-7422-5872-8.
34. Цуканов С. С. Вклад Дальневосточного революционного комитета в развитие региона (1922—1926 гг.) / С. С. Цуканов. — Хабаровск : КГБНУК "ХКМ им. Н. И. Гродекова", 2017. — 143 с. — ISBN 978-5-91309-014-0.
35. Шотаев Н. Ф. Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации / Н. Ф. Шотаев. — Орджоникидзе : Ир, 1969. — 381 с.
36. Яхутль Ю. А. Национально-государственное строительство и социалистическая модернизация Адыгеи в 1920-х — 1930-х гг. : документы и материалы к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области / Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов, А. И. Брантов. — Майкоп : ООО «Электронные издательские технологии», 2023. — 354 с. — ISBN 978-5-6049226-9-9.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025,
одобрена после рецензирования 22.08.2025,
подготовлена к публикации 19.09.2025.

Material resources

CGA RSO-A — *Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania*. (In Russ.).
Gorsky kommunist: [Newspaper], 1. (1923). (In Russ.).
IPD GANI — *Center for Historical and Political Documentation of the RSO State Archive-A*. (In Russ.).

References

- Batagova, H. B. (2022). Activities of the party and Soviet authorities of North Ossetia on pre-prescription training of youth in 1920—1930. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 1: 45—49. DOI: 10.46698/VNC.2022.58.84.001. (In Russ.).
- Baykov, N. M., Berezutsky, Yu. V. (2024). The Far Eastern vector of managerial personnel training in the Party education system (1920s — early 1940s). *Power and management in the East of Russia*, 3 (108): 153—174. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-153-174. (In Russ.).
- Berdiev, Z. P. (2023). *The repressive policy of the party-state authorities of the USSR in Karachay and Cherkessia. The end of the 20s — 30s of the XX century*. Pyatigorsk: OOO Advertising and Information Agency on KMV. 528 p. ISBN 978-5-85183-104-1. (In Russ.).
- Betrozova, M. A. (2011). Korenization as a method of training party and Soviet personnel in Kabardino-Balkaria (1920—1940). *Scientific problems of humanitarian research*, 2: 19—23. (In Russ.).
- Bushueva, T. S. (2020). *Public sentiment in the Red Army. 1920s — 1934*. Moscow: Moscow State University. 444 p. ISBN 978-5-4263-0914-2. (In Russ.).
- Dementiev, A. P., Kononova, O. V. (2018). *Authorities and management in the Yenisei province in 1917—1918*. Krasnoyarsk: SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 168 p. ISBN 978-5-7889-0262-3. (In Russ.).
- Dzasokhov, A. S. (2003). *The History of North Ossetia. XX century*. Moscow: Nauka Publ. 632 p. (In Russ.).
- Egorov A. G., Bogolyubov, K. M. (eds.). (1984). *The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898—1988)*, 3: (1922—1925). Moscow: Publishing House of Political Literature. 494 p. (In Russ.).
- Gagieva, A. K. (2021). *The historical experience of the formation of electoral processes and the formation of electoral technologies during elections to legislative authorities in the Komi region, Komi ASSR (1917—1936)*. Syktyvkar: State University of Economics. 156 p. ISBN 978-5-93206-397-2. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (2021). *The political and ideological impact of power on the population of the USSR Far East in the 1930s*. Vladivostok: FEPU. 130 p. ISBN 978-5-7444-5153-0. (In Russ.).
- Kamenskikh, M. S. (2019). *National policy in the Kama region in 1918—1939*. Saint Petersburg: Mamatov LLC. 224 p. ISBN 978-5-91076-209-5. (In Russ.).
- Karakchiev, V. N. (2022). *The activities of the volost executive committees of the Komi Autonomous Region in the 1920s*. Syktyvkar: FIT Komi Scientific Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 146 p. ISBN 978-5-89606-640-8. (In Russ.).
- Klopikhina, V. S. (2019). The work of the cultural institutions of the North Caucasus in the system of implementing the policy of memory of the Soviet government in the 1920s.

- Humanitarian and legal studies*, 3: 59—69. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-59-69. (In Russ.).
- Kromer, L. V. (2021). The party leadership of the Siberian Komsomol organization in the 1920s. In: *Actual problems of historical research: the view of young scientists. Collection of materials of the International Youth Scientific School-Conference*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS; Novosibirsk State University; ANO “Free Sciences”. 113—123. (In Russ.).
- Kuleshov, D. S. (2020). Formation and activity of primary party organizations in the Far Eastern security agencies in the 1920s and 1930s. *Readings in memory of Professor Alexander Alexandrovich Sidorenko*, 7: 141—151. (In Russ.).
- Magometov, A. A. (2015). *Higher pedagogical education in North Ossetia in the 1920s and 1970s: people, events, facts*. Vladikavkaz: SOGU. 703 p. (In Russ.).
- Makarov, N. A. (2025). The first Kostroma Provincial Party Congress of the Russian Communist Party (b) as the organizer of the party life of the region. In: *State, society, Church in the history of Russia of the XX—XXI centuries. Proceedings of the XXIV International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*. Ivanovo: FSBEI HE IvSU. 434—440. (In Russ.).
- Merkulov, P. A. (2016). Trade unions, the CPSU(b) and the Komsomol in the 1920s and 1930s. *Power*, 10 (24): 165—170. (In Russ.).
- Minaeva, O. D. (2017). The leading party magazine *Kommunika* (1920—1930): a historical and typological analysis. *The history of Russian mass media*, 2 (4): 124—138. (In Russ.).
- Nagieva, M. K. (2018). Training of national personnel in Dagestan in the 1920s. *Izvestiya SOIGSI*, 29 (68): 97—106. DOI: 10.23671/VNC.2018.68.17164. (In Russ.).
- Neresian, I. S. (2011). The approval of the party nomenclature in the structure of public administration in the early 1920s. *Scientific problems of humanitarian research*, 11: 36—43. (In Russ.).
- Panarin, A. A. (2017). *The evolution of cooperation in the Don and the North Caucasus in 1921—1929*. Armavir: AGPU. 336 p. (In Russ.).
- Ryabchenko, A. G., Zolotareva, I. D. (2019). Features of party education in the USSR in the late 1920s — 1930s. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*, 4 (28): 129—133. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-4-129-133. (In Russ.).
- Sannikov, V. A. (2016). Transformation of the party control system in Moscow in the late 1920s — early 1930s. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, 3: 78—80. (In Russ.).
- Sarantsev, N. V., Sarantsev, V. N. (2019). *The agrarian elite of Soviet power: 1917—1941*. Saratov: Saratov Source. 509 p. ISBN 978-5-91879-978-9. (In Russ.).
- Sartikova, E. V. (2018). The emergence of party cells in the Remontnensky district of the Kalmyk Autonomous Region in 1921—1925. *Magna adurgit: historia studiorum*, 1: 70—76. DOI: 10.22162/2541-9749-2018-5-1-70-76. (In Russ.).
- Shotaev, N. F. (1969). *Essays on the History of the North Ossetian Party Organization*. Ordzhonikidze: I. R. 381 p. (In Russ.).
- Sysov, A. I. (2023). Survey of party cells as one of the activities of the district committees of the CPSU(b) of the mining zone of the Southern Urals in the mid-1920s — mid-1930s. In: *State, society, Church in the history of Russia of the XX—XXI centuries. Materials of the XXII International Scientific conference*. Ivanovo: FSBEI HE IvGU. 563—568. (In Russ.).

- The social policy of the Soviet state in the 1920s and 1930s: in the decisions of the party organs of North Ossetia. Collection of documents.* (2020). Vladikavkaz: SOGU. 125 p. (In Russ.).
- Totoev, M. S. (1968). *The history of the North Ossetian ASSR from ancient times to the present day.* Ordzhonikidze: SOGPI. 249 p. (In Russ.).
- Tsukanov, S. S. (2017). *The contribution of the Far Eastern Revolutionary Committee to the development of the region (1922—1926).* Khabarovsk: KGBNUK “KHKM named after N. I. Grodekov”. 143 p. ISBN 978-5-91309-014-0. (In Russ.).
- Tufanov, E. V., Yakhutl, Yu. A. (2024). Party organizations of the RCP(b)-VKP(b) of the South-East of Russia in the 1920s: organizational and personnel potential. *Humanitarian and legal studies*, 4 (11): 715—722. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.4.13. (In Russ.).
- Ulyanova, S. B., Ofitserova, N. V. (2017). *Factory community and power in Soviet Russia in the 1920s.* Saint Petersburg: FSAOU VO SPbPU. 311 p. ISBN 978-5-7422-5872-8. (In Russ.).
- Vasev, V. N. (2023). *Collectivization, dispossession and special settlement in the Arkhangelsk North in the 1920—1930s.* Arkhangelsk: Consulting Information and Advertising Agency, LLC. 193 p. ISBN 978-5-98450-805-6. (In Russ.).
- Yakhutl, Yu. A., Kasyanov, V. V., Brantov, A. I. (2023). *National state building and socialist modernization of Adygea in the 1920s — 1930s: documents and materials for the centenary of the formation of the Adygea (Circassian) Autonomous region.* Maikop: Electronic Publishing Technologies LLC. 354 p. ISBN 978-5-6049226-9-9. (In Russ.).
- Zhukova, N. E., Palkhaeva, E. N. (2018). *Public organizations of Buryatia in the 1920s: the experience of historical development.* Ulan-Ude: BSU. 168 p. ISBN 978-5-9793-1176-0. (In Russ.).

*The article was submitted 14.04.2025;
approved after reviewing 22.08.2025;
accepted for publication 19.09.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ильин П. В. Декабристы, оправданные на следственном процессе : подполковник И. А. Арсеньев / П. В. Ильин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 481—503. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-481-503.

Ilyin, P. V. (2025). Decembrists Exonerated by Investigative Commission: Lieutenant Colonel I. A. Arsenyev. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 481-503. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-481-503. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Декабристы, оправданные на следственном процессе: подполковник И. А. Арсеньев

Ильин Павел Владимирович
orcid.org/0000-0001-6058-2186
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
pavilyn1970@gmail.com

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

Decembrists Exonerated by Investigative Commission: Lieutenant Colonel I. A. Arsenyev

Pavel V. Ilyin
orcid.org/0000-0001-6058-2186
PhD in History,
senior research scientist
pavilyn1970@gmail.com

St. Petersburg Institute of History
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена декабристам, оправданным в ходе следствия и признанным непричастными к тайным обществам. Данная проблематика практически не разработана в историографии. Подчеркивается, что научное значение разработки темы связано с изучением истории выступления Черниговского полка. В отношении оправданных декабристов ставится вопрос выбора, а именно — что считать достоверным: удивляющие показания, доказывающие принадлежность к тайным обществам, или оправдания подозреваемых и итоговый вердикт следствия? Отмечается, что традиционный взгляд отдает предпочтение официальным выводам следствия. Автор статьи предлагает альтернативную точку зрения, доказывая справедливость свидетельских показаний по делу одного из оправданных лиц — подполковника И. А. Арсеньева. Проводится обстоятельный сопоставительный анализ следственных материалов, в том числе привлекается неопубликованное дело И. А. Арсеньева. Уделяется внимание тактике защиты оправданного лица. Актуальность исследования обусловлена значимым для историографии декабризма анализом достоверности содержащихся в следственных показаниях данных, учетом стратегий защиты обвиняемых. Автор приходит к выводу о принадлежности И. А. Арсеньева к участникам декабристского движения.

Ключевые слова:

декабристы; тайные общества; неизвестные участники; следственный процесс; официальное оправдание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the Decembrists who were exonerated by the official investigation and found not guilty of involvement in the secret societies. This aspect of the Decembrist movement remains largely understudied in the historiography. The scholarly significance of this research is underscored by its contribution to the history of the Chernigov Regiment uprising. The case of the exonerated Decembrists raises a fundamental methodological question: which sources should be considered reliable — the incriminating testimony that suggests membership in the secret societies, or the defendants' exculpatory statements and the investigation's final verdict? The traditional view in the scholarship has tended to privilege the official conclusions of the investigative commission. This article, however, offers a revisionist perspective, arguing for the validity of the witness testimony in the case of one exonerated individual, Lieutenant Colonel I. A. Arseniev. The author conducts a thorough comparative analysis of the investigative materials, drawing on Arseniev's unpublished case file. Particular attention is paid to the defense tactics employed by the acquitted officer. The study's relevance lies in its analysis of the reliability of evidence contained in the investigative depositions and its consideration of the defendants' legal strategies, which are crucial for the historiography of Decembrism. The author concludes that I. A. Arseniev was, in fact, a participant in the Decembrist movement.

Key words:

Decembrists; Secret Societies; Unknown Participants; Investigative Commission; Official Exoneration.

УДК 94(47).072+929Арсеньев

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-481-503

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Декабристы, оправданные на следственном процессе: подполковник И. А. Арсеньев

© Ильин П. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вопрос об участии подполковника Ахтырского гусарского полка Ивана Алексеевича Арсеньева в Южном обществе декабристов наделен особым значением, поскольку затрагивает проблему истинной роли в декабристском движении тех персоналий, которых традиционно относят к предполагаемым членам тайных обществ или вовсе непричастным к движению декабристов.

Актуальность настоящей работы для декабристоведческой историографии определяется не только важностью рассмотрения мало освещенной фигуры из числа деятелей декабристского движения, но и обращением к значимым с точки зрения методологии современных исследований вопросам оценки достоверности следственных показаний, изучения стратегий самозащиты декабристов во время следствия, что позволяет критически пересмотреть результаты официального расследования. Новизна исследования связана с тем, что в нем рассматривается почти не затронутая специальным изучением персонала в истории декабризма, доказывается иная степень участия Арсеньева в декабристском движении по сравнению с той, которая утвердилась в предшествующей литературе.

Настоящая статья продолжает цикл публикаций, затрагивающих проблему неизученности состава участников декабристского движения, которых, как правило, принято оценивать как лиц, причастных к нему, но не состоявших в тайных обществах [Ильин, 2004; Ильин, 2009; Ильин, 2024]. Специальных исследований, освещающих участие Арсеньева в декабристском обществе, кроме наших публикаций, не имеется. Степень изученности вопроса определяется нашими работами, в которых впервые подвергается анализу вопрос об участии Арсеньева в декабристской организации [Ильин, 2004, с. 214—219; Ильин, 2006, с. 190]. По сравнению с нашими предшествующими публикациями в настоящей статье привлечены новые источники, осуществлены развернутая критика и сопоставление источни-

ков, проведена научная реконструкция отношений, соединявших офицера с декабристским обществом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель настоящей статьи — попытаться установить подлинную степень участия И. А. Арсеньева в тайном обществе и «южном заговоре» декабристов. Для достижения поставленной цели автор стремился решить следующие задачи: 1) собрать воедино имеющиеся свидетельства по этому вопросу; 2) выяснить степень достоверности обвинения, выдвинутого против Арсеньева, посредством сопоставления как уличающих, так и оправдательных показаний, оценки достоверности информации, сообщенной авторами уличающих показаний; 3) установить причины оправдательного решения по делу Арсеньева, принятого по итогам расследования; 4) проанализировать собранные данные с помощью критики всего объема зафиксированных в следственных материалах данных, на основе этого интерпретировать противоречия в источниковых данных, реконструировать подлинную степень участия оправданного лица в декабристском обществе.

Главный исследовательский метод, примененный в статье, — критический анализ материалов следствия, поэтому в центре внимания находятся следственная документация (показания, записи допросов, вопросные пункты, результирующие записки и др.). Особое внимание уделено выяснению условий происхождения этих документов и особенностям защитной тактики авторов показаний, причин откровенных свидетельств или, напротив, умолчаний. Важным источником для работы стали материалы, собранные в следственном деле Арсеньева, которое лишь недавно стало предметом специального внимания в наших публикациях.

В статье использовался традиционный для декабристоведения метод сопоставления следственных материалов. Ввиду уникальности случая непрямого участия Арсеньева в конспиративных связях декабристов применен сопоставительный анализ первоисточников, учитывающий каждое свидетельство в полном его объеме. Речь идет не о выборе отдельного указания, извлеченного из показаний и подтверждающего ту или иную точку зрения, а о рассмотрении всего комплекса свидетельств в их взаимосвязи, о непредвзятом учете содержания каждого из них. Источники критически анализируются и сопоставляются, при этом выявляются имеющиеся в них противоречия и умолчания. Важной методологической задачей стало выяснение вопросов, не ставших предметом внимания следователей, установление причин незаконченности расследования. Это позволяет понять, насколько следствие было объективно, а его выводы — обоснованы.

В декабристоведении роль Арсеньева в тайном обществе специально не рассматривалась — этот сюжет не нашел отражения в трудах по истории Южного общества и выступления Черниговского полка [Киянская, 1997; Медведская, 1970; Муравьев, 1926; Нечкина, 1925; Нечкина, 1927; Нечкина, 1955; Оксман, 1929; Порох, 1954; Эйдельман, 1980]. В предисловии и комментариях к публикации следственного дела командира Ахтырского полка А. З. Муравьева об Арсеньеве ничего не говорится [Нечкина, 1954]. Если Арсеньев и упоминается, то как лицо, подозревавшееся в принадлежности к заговору, но не состоявшее в нем, поскольку историки ссылаются на вывод следствия о «невиновности» подполковника [Декабристы... 1988, с. 11]. Упоминания в источниках о причастности Арсеньева к декабристскому союзу не стали предметом изучения. Исключение составляет вступительная статья к публикации эпистолярного наследия А. З. Муравьева (изданная под нашей научной редакцией), где участию Арсеньева в «южном заговоре» посвящено несколько страниц [Любарская, 2010, с. 60—61, 63, 66].

В наших работах впервые в историографии по результатам анализа следственных материалов обоснована точка зрения, согласно которой Арсеньев, несмотря на оправдательный итог следствия, был полноценным участником декабристского общества [Ильин, 2004, с. 214—219; Ильин, 2006, с. 190]. В ответ на наши публикации появилась статья Д. М. Фельдмана [Фельдман, 2010]. Автор придерживается точки зрения, воспроизводящей выводы следствия без анализа полученных показаний, без критической проверки официального вердикта, вынесенного по итогам расследования. Фельдман солидарен с главными положениями «линии защиты», которой придерживался Арсеньев [Там же, с. 485]. Эта точка зрения не учитывает показаний ни одного из свидетелей: ни А. З. Муравьева, ни М. И. Муравьева-Апостола, ни Е. Е. Пфейлицера-Франка, о которых пойдет речь в настоящей статье. Появление обвинительных данных в отношении Арсеньева не объясняется никакими убедительными причинами (ошибка памяти свидетелей, стремление оговорить «невиновных» и т. д.). Не приводятся аргументы, которые подкрепляли бы мнение о том, что автор основных уличающих показаний Артамон Муравьев ложно оговорил «невиновного» Арсеньева. В наименьшей степени это касается М. И. Муравьева-Апостола, который располагал сведениями, полученными «из первых рук» — от руководителей Васильковской управы С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина. Сформулировать причины, в силу которых А. З. Муравьев и М. И. Муравьев-Апостол, уличавшие Арсеньева на следствии, могли дать ложные показания (совершить «навет» или «оговор»), автору, поддержавшему традиционную точку зрения, оказалось крайне затруднительным.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первые показания об участии И. А. Арсеньева в тайном обществе и заговоре декабристов на юге

Имя И. А. Арсеньева впервые прозвучало на следствии по делу декабристов 29 января 1826 года. На первом допросе, состоявшемся в присутствии Следственного комитета, доставленный из Киевской губернии командир Ахтырского полка полковник А. З. Муравьев назвал членом тайного общества своего подчиненного подполковника Арсеньева [ВД, 1986, с. 78]. Муравьев подтвердил это в письменных показаниях, составленных в ответ на переданные после допроса «вопросные пункты». Он свидетельствовал, что вскоре после присоединения к Южному обществу узнал об участии в этом конспиративном союзе офицеров подчиненного ему полка, а именно ротмистров Н. Н. Семичева, Е. Е. Франка и подполковника И. А. Арсеньева [ВД, 1954, с. 105].

Более того, на допросе и в показаниях Муравьев раскрыл информацию, серьезным образом уличавшую нового обвиняемого: «30-го числа [декабря 1825 года] подполковник Арсеньев, также ко мне войдя, говорит: “При теперешних обстоятельствах не быть ли готову?” Я и ему сказал, что преступно для спасения своей кожи губить людей безвинных. И, наконец, я бы должен идти против брата родного своего (Александра Захаровича Муравьева, командира соседнего Александрийского гусарского полка. — *П. И.*)» [ВД, 1986, с. 78, 254; ВД, 1954, с. 111]. Предложение Арсеньева, по словам Муравьева, прозвучало после получения известий о приказе арестовать С. И. Муравьева-Апостола и его розысках, принятых военным начальством. Как видим, из приведенного показания с очевидностью вытекает, что предложение Арсеньева ставило Муравьева «против брата родного своего». В ходе следствия Артамон Муравьев настаивал на непричастности брата Александра к декабристскому союзу, его полной неосведомленности о замыслах мятежного выступления. Следовательно, речь шла об участии в военных действиях против той стороны, которую представлял, по его заверениям, брат, — то есть, против правительственных войск. Контекст диалога прямо говорит о том, что обсуждаемое вооруженное действие должно было «спасти» заговорщиков и при этом, возможно, погубить «людей безвинных». Речь в диалоге Муравьева и Арсеньева, таким образом, шла о мятежническом выступлении против верных правительству частей. К этому необходимо добавить, что о начавшемся восстании Черниговского полка Муравьев узнал, по его словам, только 31 декабря [ВД, 1954, с. 111], поэтому за день до этого, 30 декабря, предложение Арсеньева могло находиться лишь в плоскости планируемого заговорщиками выступления, а не действий по подавле-

нию мятежа черниговцев (о котором полковой командир и подчиненный ему офицер не имели еще известий).

Итак, анализ разговора Арсеньева с Артамоном Муравьевым, представленного в показаниях последнего, не оставляет сомнений в том, что в этом диалоге обсуждалась возможность мятежного выступления членов декабристского общества. Получив показания Артамона Муравьева, следствие пришло к аналогичному выводу: следователи сочли, что после получения известия об аресте С. И. Муравьева-Апостола (родственника командира Ахтырского полка) Арсеньев спрашивал у Муравьева, не приготовить ли в сложившейся ситуации эскадрон ахтырцев к участию в мятеже [ВД, 1986, с. 254].

Следует напомнить, что разговор, о котором идет речь, произошел после встречи Артамона Муравьева с братьями Муравьевыми-Апостолами и Бестужевым-Рюминым, состоявшейся 27 декабря, на которой обсуждалась необходимость начала восстания в полках 1-й армии и возможность присоединения к нему Ахтырского полка. Уже было известно о готовящемся аресте Сергея Муравьева-Апостола, и командир ахтырцев после серьезных колебаний поначалу обещал поддержать выступление, но в следующие дни его настроение резко изменилось, и на встрече с артиллерийским офицером Я. М. Андреевичем 29 декабря он отказался от любого содействия [Муравьев, 1926, с. 112—115; Нечкина, 1955, с. 355, 381; Порох, 1954, с. 161]. Участником встречи 27 декабря был ротмистр Ахтырского полка Н. Н. Семичев, который, по свидетельству мемуариста И. И. Горбачевского, уверял, что полк готов начать восстание, вопреки скептическим заявлениям полкового командира [Горбачевский, 1963, с. 53]. Возможно, учитывая отраженный в показаниях А. З. Муравьева вопрос-предложение Арсеньева, решительная позиция офицеров-ахтырцев была общей и согласованной, в противоположность колебаниям полкового командира.

Мы останавливаемся на этом вопросе столь подробно, акцентируя внимание на содержании разговора между А. З. Муравьевым и Арсеньевым, документированном показаниями первого из них, по той причине, что в ходе следствия подполковник Арсеньев представит другую, противоположную по своему смыслу, интерпретацию.

Показания, принадлежащие Артамону Муравьеву — заметной фигуре в декабристской организации на юге, замешанной в радикальные планы военного выступления полков 1-й армии, ареста или покушения на жизнь императора, разработанные лидерами Васильковской управы Южного общества [ВД, 1954, с. 129—132], вызвали со стороны следствия немедленное решение об аресте вновь названного им лица, тем более что, как явствовало из полученных показаний, Арсеньев предлагал начать выступление Ахтырского полка на стороне заговорщиков.

Следствие запросило разрешение на «вытребование» названных Муравьевым офицеров-ахтырцев (Арсеньева, Семичева и Франка) и обратилось за разъяснениями в отношении Арсеньева к С. И. Муравьеву-Апостолу и М. П. Бестужеву-Рюмину — руководителям Васильковской управы [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 4—5 об.]. Император одобрил эти меры. 31 января в журнале Следственного комитета было записано решение об аресте трех офицеров Ахтырского полка и присылке их в Петербург [ВД, 1986, с. 80, 254].

7 февраля исполнявший после ареста А. З. Муравьева должность полкового командира Ахтырского полка подполковник И. А. Арсеньев был арестован в Киевской губернии и отправлен в Петербург. 15 февраля, после предварительного допроса, снятого в Зимнем дворце В. В. Левашовым, он был заключен в Петропавловскую крепость [Вершевская, 2014, с. 323, 357].

3.2. Тактика защиты И. А. Арсеньева и столкновение показаний свидетелей по делу. Оправдательный вердикт следствия

На первичном допросе Арсеньев полностью отверг содержание предъявленных уличающих показаний, заявляя, что не только не принадлежал к тайному союзу, но и не подозревал о его существовании, предложений о вступлении в такой союз Муравьев ему не делал, а 30 декабря он встретился с полковым командиром по делам службы [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 1]. На втором допросе 21 февраля, после которого новому обвиняемому были направлены вопросные пункты (письменные показания Арсеньева зачитывались на заседании Комитета в тот же день), Арсеньев вновь категорически отрицал свою принадлежность к тайному обществу и какую-либо степень осведомленности о его существовании и, тем более, планах мятежа. На главный пункт обвинения — сведения, полученные от Артамона Муравьева, — Арсеньев на допросе отвечал, что 30 декабря действительно спрашивал у полкового командира, не подготовить ли эскадрон к выходу из места расположения, потому что «слышал от проезжавшего артиллерийского офицера», что «будет полку поход» [ВД, 1986, с. 112], а в данных затем показаниях этот свой вопрос целиком отрицал [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 12—12 об.]. Арсеньев ссылаясь на неизвестного ему офицера-артиллериста (вероятно, это был посланец от Общества соединенных славян подпоручик Я. М. Андреевич [Нечкина, 1955, с. 379—382]) как на источник сведений о грядущем «походе» полков 1-й армии.

Из слов подследственного явствовало, что Муравьев неверно истолковал вопрос, приняв слова Арсеньева за предложение участвовать в мятеже. Сам же Арсеньев, по его уверению, имел в виду то обстоятельство, что вскоре должен был поступить приказ о «походе» Ахтырского полка. Хотя Андреевич, если разговор с Арсеньевым действительно имел место, подразумевал

начало повстанческих действий, в оправдательных показаниях обвиняемого это представляло как «поход» против восставшего Черниговского полка.

Из письменного показания Арсеньева вытекало, что в разговоре 30 декабря речь шла о ставшем известным приказе об аресте С. И. Муравьева-Апостола и возможном аресте А. З. Муравьева, причем Арсеньев «ручался» за эскадрон, которым командовал, — что он не выйдет из повиновения полковому командиру. Возможный контекст реализации в этом случае намерений и планов заговорщиков блокировался полным и решительным отрицанием любых «преступных связей» с тайным обществом [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 12].

Исходя из сказанного, следует подчеркнуть: подоплека диалога Арсеньева с Муравьевым, состоявшегося 30 декабря, источником которого послужили, даже согласно оправданиям Арсеньева, сведения, поступившие, видимо, от Я. М. Андреевича, находилась в прямой связи с известиями об «открытии» тайного общества правительством. Предложение подготовить эскадрон в связи с этим помещается в контекст плана открытого выступления на случай обнаружения тайного общества и ареста его членов.

Тем временем А. З. Муравьев в ответах на запрос следствия об Арсеньеве (в котором уже сообщалось об отрицании подполковником уличающих показаний), составленных 19 февраля, подтвердил свое первое показание. По его словам, лично он не принимал Арсеньева в тайное общество, но о членстве его узнал от Бестужева-Рюмина: «...полагал сие [участие Арсеньева в Южном обществе. — *П. И.*], основываясь на словах Бестужева-Рюмина». Последний, по утверждению Муравьева, сообщил ему, что на Арсеньева «можно крепко надеяться» как на товарища по заговору. Артамон Муравьев раскрыл новое обстоятельство, которое подтверждало наличие конспиративных связей между ним и Арсеньевым, — следствие совершенно не учитывало его в дальнейшем. При своем аресте 31 декабря 1825 года Муравьев составил и отправил письмо, адресованное Арсеньеву, а по содержанию — всем заговорщикам в полку. В этом письме, написанном, «чтобы предупредить всякий беспорядок», он просил «быть верну присяге, если память моя сколько-нибудь им дорога», и требовал, если ахтырцы выступят против Черниговского полка, чтобы офицеры «выполнили бы обязанность свою согласно присяге» [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 8 об]. Такое письмо могло быть адресовано только товарищам по заговору, которые ранее выражали намерение принять участие в мятеже. Это обращение лежало, как признавал Муравьев, в плоскости состоявшегося 30 декабря разговора с Арсеньевым. Данное обстоятельство еще больше раскрывает вовлеченность последнего в дела «южного заговора», его влиятельное положение среди офицеров-ахтырцев, состоявших в тайном обществе.

Тем временем запрошенный следователями дважды (19 и 20 февраля) Бестужев-Рюмин категорически отверг свое участие в приеме Арсеньева в декабристский союз, заявляя, что тот не состоял членом общества, и выразил готовность обличить «несправедливость» показания Артамона Муравьева на очной ставке. Отрицал принадлежность Арсеньева к заговору в своем показании и С. И. Муравьев-Апостол [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 4 об., 5 об., 9]. Ему был адресован дополнительный вопрос, в основе которого, возможно, лежала «проговорка» Артамона Муравьева на допросе, согласно которой Муравьев-Апостол уведомил его, что Арсеньев — «главный член общества» среди офицеров-ахтырцев. Это любопытное указание было отвергнуто Муравьевым-Апостолом [Там же, л. 5—5 об.].

В ответ на решительные отрицания Бестужева-Рюмина Артамон Муравьев дал показания от 21 и 22 февраля. В них он настаивал на том, что сообщил раньше, и дополнял свидетельство новыми деталями: «Отрицание Бестужева[-Рюмина] крайне удивительно, ибо [он] у меня на квартире говорил... под Лещином, что Арсеньев удивительно хорош, и надеяться можно крепко на него. И какая бы мне была польза сие ложно показать?», — добавляя, что готов подтвердить это на очной ставке. Муравьев подчеркивал: «Сомневаться же мне невозможно о его к обществу принадлежности, потому что его вопрос 30-го декабря... справедливо мною объявлен... Опять снова повторяю, что оклеветать человека я не в состоянии». Муравьев заявил: чтобы его не «почли довольно низким, чтоб [мог] оклеветать невинного человека», он «присягою готов подтвердить» свой разговор с Арсеньевым [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 7 об. — 8]. Дополнительно он сообщал, что сделал показание об Арсеньеве, поскольку решил «строго держаться истины и припоминаемое не умалчивать»; Муравьев вновь уточнял, что разговор с Арсеньевым произошел до получения известий о восстании Черниговского полка [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 2, 10—10 об.; ВД, 1986, с. 112].

Однако уверения и объяснения Муравьева, в отличие от показаний Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола, не были сочтены основательными, а очные ставки между явно противоречащими друг другу свидетельствами не состоялись.

После получения этих показаний Следственный комитет решил представить Арсеньева к освобождению — как лицо, оправданное в результате расследования. В итоговой записке о А. З. Муравьеве в особом примечании приведен, надо полагать, окончательный вывод следствия о степени причастности Арсеньева к обществу декабристов на юге: «Артамон Муравьев называл Арсеньева членом тайного общества и принял слова сего последнего в смысле готового содействовать обществу, но Арсеньев был сюда вытре-

бован, оказался невинным и по высочайшему повелению уволен» от дальнейшего расследования [ВД, 1954, с. 131]. Аналогичный вывод о невиновности Арсеньева был отражен в записке о нем, представленной Николаю I вместе с предложением Комитета об освобождении. Последовала резолюция императора: «Сейчас выпустить»; на следующий день, 22 февраля, подполковника освободили с оправдательным «аттестатом» [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 14; ВД, 1986, с. 112, 275]. Кратковременное заключение Арсеньева в Петропавловской крепости продлилось всего лишь около недели.

Таким образом, следствие доверилось оправдательным показаниям Арсеньева. Оно удовлетворилось предложенной самим обвиняемым интерпретацией ключевого эпизода с предложением подполковника, обращенным к командиру Ахтырского полка — подготовить эскадрон «к походу» после получения сведений о начавшихся арестах лидеров заговора. Несмотря на кричащие противоречия в показаниях, следствие не стало проводить очных ставок, остановившись на отрицаниях участия Арсеньева в тайном обществе в показаниях Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина — несмотря на то что А. З. Муравьев ссылаясь на последнего как на источник сведений о том, что подполковник являлся членом декабристской организации, неоднократно подтверждая информацию о времени и месте разговора, из которого ему стало известно о членстве Арсеньева.

3.3. Документальные свидетельства, опровергающие оправдательный вердикт

Показания А. З. Муравьева — человека, весьма осведомленного в деятельности декабристского союза на юге, который перед лицом следствия неоднократно, прямо и недвусмысленно подтверждал принадлежность Арсеньева к тайному обществу, — не были единственной уликой против этого офицера.

Еще 15 января в показаниях командира Полтавского пехотного полка В. К. Тизенгаузена — непосредственного начальника Бестужева-Рюмина и осведомленного участника Васильковской управы Южного общества (к которой относились А. З. Муравьев и офицеры Ахтырского полка) — содержались любопытные данные о знакомстве автора показаний с офицерами-гусарами летом 1824 года: «В Белой Церкви бывали у меня, кроме моих офицеров [Полтавского полка], Ахтырского полка два брата Годениуса... Франк... Семицев, подполковник Арсеньев, но с которыми я никогда ни одного слова о конституции или тайном обществе не говорил. Хотя они все честных правил и, как мне кажется, не должны принадлежать к обществу... но я не могу ручаться, чтобы они после того не поступили в общество, подобно артиллерийским офицерам в Лещине...» [ВД, 1954, с. 256]. Это показание раскрывает давний и длительный характер связей офицеров

Ахтырского полка, включая Арсеньева, с членами Васильковской управы, берущих начало, по крайней мере, с лета 1824 года.

Более существенное свидетельство представил другой осведомленный участник Васильковской управы М. И. Муравьев-Апостол. В показаниях, датированных 10—11 апреля 1826 года, он свидетельствовал: «Ахтырского гусарского полка Арсеньев, Семичев и Франк были приняты в члены Южного общества в 1824 году в лагере в Белой Церкви Бестужевым[-Рюминым] и братом моим Сергеем». При этом автор показания добавлял: «Арсеньева и Франка я никогда не видел» [ВД, 1950, с. 270]. Из этого указания видно, что Матвей Муравьев-Апостол знал о принятии в тайное общество перечисленных им офицеров-ахтырцев. Эти сведения, очевидно, он получил от брата Сергея и Бестужева-Рюмина, которые, по утверждению автора показаний, самолично приняли в тайный союз названных офицеров.

Итак, показание Артамона Муравьева о принадлежности Арсеньева к тайному обществу подтверждается авторитетным голосом Матвея Муравьева-Апостола, хорошо информированного («из первых рук») о персональном составе Васильковской управы, возглавляемой его младшим братом, а также подкрепляется показанием Тизенгаузена, говорящим о давнем характере связей офицеров-ахтырцев с заговорщиками, что могло способствовать их поступлению в ряды декабристской организации.

Важно обратить внимание на еще один факт: другие офицеры Ахтырского полка, названные Артамоном Муравьевым и Матвеем Муравьевым-Апостолом членами тайного общества в одном ряду с Арсеньевым (Н. Н. Семичев, Е. Е. Франк), в ходе следствия признали свою осведомленность о существовании тайного общества и участие в его деятельности. Принадлежность этих офицеров-ахтырцев к Южному обществу была установлена по итогам следствия и не оспаривается исследователями [ВД, 2001, с. 109—110, 122—123].

Другим важным обстоятельством является то, что, по полученным в ходе следствия данным, оба указанных офицера Ахтырского полка (Семичев и Франк) узнали о тайном обществе от Бестужева-Рюмина. Именно он, судя по всему, предпринимал усилия по привлечению в декабристский союз офицеров-ахтырцев, отвечал за их вербовку, а не полковой командир А. З. Муравьев. И Франк, и Семичев были извещены Бестужевым-Рюминым о существовании тайного союза в 1824 году, а в 1825 году окончательно приняты в его состав в Лещинском лагере [ВД, 2001, с. 105, 106, 117—118]. Это были те офицеры, которых Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол готовили к вступлению в тайный союз, начиная с весны-лета 1824 года. Путь, который проделали офицеры-ахтырцы в декабрист-

ское общество, как мы видели, имеет пересечения с той фрагментарной информацией об Арсеньеве, которая отразилась в следственных показаниях.

В этом контексте ссылка на Бестужева-Рюмина, присутствующая в показаниях Артамона Муравьева в связи с вопросом о принадлежности Арсеньева к декабристскому обществу, приобретает высокую степень достоверности. Если Бестужев-Рюмин открыл существование общества всем трем офицерам-ахтырцам, а затем способствовал их принятию, именно он и должен был сообщить новому командиру полка Артамену Муравьеву о находящихся в его подчинении заговорщиках (что и отражено в показаниях последнего, утверждающих членство Арсеньева).

Далее следует отметить, что сослуживцы Арсеньева по Ахтырскому полку, будучи важнейшими свидетелями по его делу, по неизвестной причине не опрашивались следствием в связи с вопросом о его принадлежности к тайному обществу. Товарищи Арсеньева по полку и, по всей видимости, ближайшие к нему лица из числа участников декабристской организации, как это ни странно, так и не получили от следствия вопросов о степени причастности подозреваемого к заговору.

Но касались ли Арсеньева офицеры Ахтырского полка в своих показаниях? Сдержанный Н. Н. Семичев ничего не сообщил следствию о принадлежности подполковника к заговору. Ротмистр Е. Е. Франк показал 17 февраля 1826 года, что ему не было известно, принимались ли полковым командиром Муравьевым в тайный союз Арсеньев, Семичев и другие офицеры полка. Сам Франк был извещен о декабристском обществе в 1824 году Бестужевым-Рюминым, окончательно принят в 1825 году С. И. Муравьевым-Апостолом. В ответ на вопрос Следственного комитета от 21 февраля 1826 года — вовлекал ли Артамон Муравьев в тайное общество офицеров-ахтырцев — Франк показал: «Подполковник Арсеньев принят ли был им [А. З. Муравьевым. — *П. И.*] или нет, мне неизвестно, но он мне говорил раз, что надеется со временем его уговорить». Вместе с тем Франк передал характерный диалог, удостоверяющий причастность Арсеньева к конспиративным связям: после известия об аресте П. И. Пестеля (вторая половина декабря 1825 года) Муравьев сообщил Франку: «...всё пропало... Пестель уже взят», — прибавив к этому: «Теперь надо нам как можно дружнее держаться», — а затем сообщил, «что он надеется, что подполковник Арсеньев будет также согласен, на что он [А. З. Муравьев. — *П. И.*] от меня в ответ получил, что это его дело об этом хлопотать» [ВД, 2001, с. 104, 107].

Данное показание передает события, протяженные во времени. Свидетельство о том, что Арсеньева «со временем» хотели вовлечь в тайное общество, относится к более раннему периоду. О хронологической привязке этого указания нельзя сказать ничего определенного: возможно, это было сказано

до лета 1825 года — времени, когда офицеров-ахтырцев окончательно приняли в декабристский союз. В сообщении о событиях, состоявшихся после ареста Пестеля, Арсеньев фигурирует как полноценный участник конспиративных связей: в этом показании Артамон Муравьев предстает лидером заговорщиков в Ахтырском полку, а Арсеньев — как один из тех, кто принимает важное участие в связях заговорщиков, поскольку упоминается как человек, мнение которого представляет для них определенное значение.

Итак, комплекс следственных показаний о подполковнике Арсеньеве, несмотря на официальный акт оправдания, содержит прямые и косвенные указания об участии в декабристском союзе, свидетельства его вовлеченности в конспиративные связи, доказательства того, что заговорщики рассматривали его как своего товарища и единомышленника. Показания А. З. Муравьева и М. И. Муравьева-Апостола, которых нельзя не признать авторитетными и осведомленными свидетелями, недвусмысленно говорят о том, что Арсеньев состоял членом Южного общества. Показания Е. Е. Франка, сослуживца Арсеньева, удостоверяют, что подполковник был значимой частью конспиративных связей офицеров Ахтырского полка. Показания В. К. Тизенгаузена подтверждают, что начиная с 1824 года Арсеньев входил в круг офицеров-ахтырцев, охваченных влиянием лидеров Васильковской управы и с течением времени вовлекаемых в ряды ее членов.

Свидетельства, отложившиеся в фонде следствия, ставят под сомнение отрицание членства Арсеньева в тайном обществе со стороны Бестужева-Рюмина. Очевидно, у него были причины скрывать участие Арсеньева в конспиративной организации. Возможно, это было связано с окраинным положением подполковника в декабристском союзе: долгое время его соединяли с тайным обществом только контакты с Бестужевым-Рюминым, что создавало благоприятные возможности для «выведения» Арсеньева из числа обвиняемых. С другой стороны, конспиративные отношения с офицером в высоком чине, по-видимому, могли быть связаны с подготовкой военного мятежа, а в этом вопросе лидеры «южного заговора», чтобы не увеличивать «виновность» как свою, так и других лиц, стремились укрыть от внимания следствия как можно больше фактов и обстоятельств.

В доказательство последней мысли следует вернуться к словам Бестужева-Рюмина, переданным в показаниях А. З. Муравьева, — о том, что на Арсеньева «надеяться можно крепко» [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 10]. Эти слова, во-первых, прямо говорят об Арсеньеве как единомышленнике членов тайного общества, во-вторых, косвенно свидетельствуют о том, что он был осведомлен о потаенных намерениях декабристов (к которым относились планы военного восстания), в-третьих, позволяют думать, что подполковник был настроен решительно, соглашался принять участие

в действиях заговорщиков, вплоть до восстания. В этом контексте вопрос-предложение Арсеньева, заданный А. З. Муравьеву в канун выступления Черниговского полка, обретает «предысторию» и становится на прочную основу предшествующего участия подполковника в заговоре, его решительного настроя на активные действия, раскрывает степень его осведомленности о целях декабристов и средствах их достижения.

Примерно те же причины лежали в основе показаний С. И. Муравьева-Апостола, тоже отвергавшего участие Арсеньева в «южном заговоре». Если до ареста и следствия либо он, либо Бестужев-Рюмин уведомили о членстве Арсеньева в Южном обществе Матвея Муравьева-Апостола (что явствует из его показаний), то в условиях следствия Сергей Муравьев-Апостол занял позицию отрицания участия подполковника в заговоре. О причинах можно только гадать. Скорее всего, они были связаны с планами мятежа в частях 3-го пехотного корпуса, что в условиях следствия ставило руководителей Васильковской управы перед сложной этической задачей — попытаться уберечь от тяжелых обвинений хотя бы часть товарищей по декабристскому союзу — тех, кто не мог быть легко скомпрометирован в показаниях других лиц ввиду своего периферийного положения в тайной организации и неучастия в восстании Черниговского полка. По-видимому, в случае Арсеньева это удалось сделать как С. И. Муравьеву-Апостолу, так и Бестужеву-Рюмину. Показаний Матвея Муравьева-Апостола, Артамона Муравьева и Франка оказалось недостаточно, чтобы следствие признало выдвинутые обвинения вполне подтвержденными.

Таким образом, полученные следствием данные лишают убедительности оправдательные показания Арсеньева, избравшего для своей защиты тактику полного отрицания уличающих данных. Содержащиеся в показаниях как прямые, так и косвенные свидетельства об участии Арсеньева в тайном обществе и «южном заговоре» декабристов, сведения о сделанном им предложении подготовить к выступлению эскадрон Ахтырского полка заставляют признать оправдательный вердикт следствия необоснованным. Отрицание участия Арсеньева в декабристском обществе со стороны Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола могло быть мотивировано стремлением спасти Арсеньева от обвинений в знании планов «мятежа» и готовности принять в нем участие, а заодно ослабить собственную «виновность» в распространении заговора в частях 1-й армии.

3.4. Причины вынесения оправдательного вердикта, незавершенный характер расследования

Говоря о причинах оправдательного вердикта, прежде всего, нужно признать успешной осуществленную Арсеньевым переинтерпретацию ключевого уличающего показания А. З. Муравьева — о предложении

подготовить к «походу» командуемый подполковником эскадрон. Сам факт этого предложения Арсеньев на допросе отрицать не стал — по-видимому, опасаясь возражений свидетелей. Не отрицая факта, он постарался полностью изменить его смысл. Переинтерпретация показаний Муравьева стала центральным пунктом оправдательной «линии поведения» Арсеньева. В рамках избранной им защитной тактики уличающие свидетельства со стороны Муравьева объяснялись неверно понятым смыслом слов Арсеньева, получившего сведения о скором «походе» Ахтырского полка, но не имевшего в виду участие в мятеже. Актуальный для 30 декабря 1825 года контекст начала арестов заговорщиков и состоявшейся ранее встречи Артамона Муравьева с руководителями Васильковской управы, на которой обсуждалась непосредственная организация мятежа в частях 1-й армии, нивелировался и исчезал. Будущий «поход» связывался с поступившим вскоре приказом о выступлении полка для участия в подавлении восстания черниговцев, а предложение Арсеньева попадало в легитимный контекст сохранения верности присяге Николаю I и необходимого порядка в полку.

Оценивая причины оправдательного итога следствия, нужно отдать должное самозащите Арсеньева. Фактически он спас себя от наказания, последовательно придерживаясь позиции отрицания не только членства в тайном обществе, но и любой степени осведомленности о его существовании и намерениях. Такая тактика защиты, по-видимому, произвела благоприятное впечатление на следователей и самого Николая I, как и в случае других оправданных лиц, против которых имелись показания об участии в декабристском обществе (артиллерийский офицер Ф. Е. Врангель, полковые командиры 1-й армии Ф. К. Левенталь и В. К. Ширман, — все они, как правило, были в короткий срок освобождены из-под ареста) [Ильин, 2004, с. 340—341].

Личные качества Арсеньева, обусловившие твердость во время допросов, упорство в отстаиваемой позиции, избранная им тактика поведения, отразившаяся и в письменных показаниях, обеспечили ему, по всей видимости, высокую степень доверия со стороны следствия. В условиях дефицита уличающих данных, полученных от свидетелей по делу, его показания стали доказательством того, что уличающие свидетельства, прежде всего Артамона Муравьева, не имеют под собой надежной почвы. В целом, следствие некритически отнеслось к показаниям Арсеньева, не придавая значения свидетельствам сначала А. З. Муравьева, а затем М. И. Муравьева-Апостола, прямо утверждавших участие подполковника в тайном обществе. Подследственному в какой-то мере повезло в том, что другие осведомленные свидетели (например, офицеры-ахтырцы) не стали подтверждать уличающие его показания.

В выяснении вопроса о вступлении в Южное общество офицеров Ахтырского полка следователи сосредоточились на участии в их вербовке полкового командира Артамона Муравьева, упустив из виду энергичную деятельность в этом направлении руководителей Васильковской управы. Если бы расследование тщательно выяснило действия по набору новых членов С. И. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, то, несомненно, был бы пролит свет и на прием в декабристский союз Арсеньева.

Другим обстоятельством, повлиявшим на оправдательный итог, стала фактическая остановка следственных действий. Следствие по делу Арсеньева отличается незавершенностью. Во-первых, не были заданы уточняющие вопросы Артамену Муравьеву и Матвею Муравьеву-Апостолу ввиду их утвердительных показаний о членстве Арсеньева в конспиративном союзе. Во-вторых, не были опрошены офицеры Ахтырского полка Н. Н. Семичев и Е. Е. Франк, осведомленные об участии подполковника в заговоре, связанные с ним не только служебными и личными отношениями, но и контактами по тайному союзу. В-третьих, не был опрошен офицер-артиллерист Я. М. Андреевич, от которого, согласно показаниям Арсеньева, он услышал в конце декабря 1825 года о «походе» ахтырцев и других полков 1-й армии. В-четвертых, не были проведены очные ставки между Арсеньевым и Артамоном Муравьевым в связи со сделанными последним уличающими показаниями, а также между Артамоном Муравьевым, Матвеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым в связи с показаниями первых двух свидетелей о принадлежности Арсеньева к Южному обществу.

Сворачивание расследования, невнимание к обвинительным свидетельствам отличают многие случаи в группе оправданных лиц [Ильин, 2004, с. 337—343]. Дело Арсеньева — один из ярких случаев игнорирования уличающих показаний, которые свидетельствовали об участии в тайном обществе, указывали на подтверждающие обстоятельства вступления офицера в декабристское общество, на тех, кто непосредственно осуществлял прием в члены, даже содержали информацию о предложении, сделанном обвиняемым лицом, — начать восстание в Ахтырском полку.

3.5. Реконструкция участия И. А. Арсеньева в тайном обществе декабристов

Полученные в ходе следствия данные позволяют в общих чертах реконструировать историю присоединения Арсеньева к декабристскому обществу и его участия в «южном заговоре». Как и другие офицеры Ахтырского полка (Н. Н. Семичев, Е. Е. Франк), он попал в поле зрения руководителей Васильковской управы С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина к лету 1824 года. Вероятно, как и другие офицеры-ахтырцы, Арсеньев

узнал в это время о существовании тайного союза, преследующего цель изменения самодержавной формы правления. В дальнейшем связь с офицерами поддерживал Бестужев-Рюмин, «приготовляя» их к вступлению в число членов Южного общества. Арсеньев встречался с другими членами Васильковской управы (как видно из показаний В. К. Тизенгаузена), постепенно приобретая вес и значение в кругу товарищей по полку.

Уже на этом этапе, судя по всему, офицеры-ахтырцы, в том числе Арсеньев, считались членами тайного общества, поступившими в «низший разряд». Показание об этом «разряде» («полупринятых») участников Южного общества дал С. И. Муравьев-Апостол в связи с запросом о приеме в тайный союз как раз офицеров Ахтырского полка. Согласно этому показанию, «третьему» разряду, который составляли «полупринятые», открывали не всю информацию о средствах достижения политических целей декабристского общества и его внутреннем устройстве [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 5—5 об.; ВД, 2001, с. 131].

Подчеркнем, что распространение тайного общества в Ахтырском полку происходило не усилиями А. З. Муравьева (принявшего командование над полком только весной 1825 года), а посредством активных действий одного из руководителей Васильковской управы Бестужева-Рюмина, что делает убедительным предположение о том, что прием Арсеньева был осуществлен руководством управы.

После перехода в 1-ю армию А. З. Муравьева и занятия им должности полкового командира офицеры-ахтырцы, находившиеся в статусе принятых в «низший разряд» членов, оказались в его ведении. Как свидетельствовал сам Муравьев на допросах, он получил информацию о том, что в подчиненном ему полку о тайном союзе извещены несколько офицеров, в том числе Арсеньев. Летом 1825 года (возможно, в августе-сентябре, во время учений в Лещинском лагере) состоялся окончательный прием Арсеньева и других офицеров Ахтырского полка, осуществленный Сергеем Муравьевым-Апостолом при участии Бестужева-Рюмина. О том, что несколько офицеров-ахтырцев стали новыми полноправными членами, стало известно М. И. Муравьеву-Апостолу, о чем мы знаем из его показаний.

Можно полагать, что Арсеньев был в числе решительно настроенных деятелей тайного общества. Он командовал эскадроном Ахтырского полка и не отказывался от участия в военном выступлении. Руководители Васильковской управы считали, что на него можно «крепко надеяться». Когда стало известно о поступившем приказе арестовать главу «южного заговора» С. И. Муравьева-Апостола, Арсеньев, как видно из показаний А. З. Муравьева, обратился к нему с вполне логичным для участника тайного союза вопросом: не подготовить ли к задуманному, согласно плану

лидеров Васильковской управы, выступлению командуемый им эскадрон? Вопрос показывает, что подполковник одобрял намерения заговорщиков и готов был участвовать в выступлении. Отказ Артамона Муравьева от содействия руководителям Васильковской управы в деле организации восстания предопределил неучастие в событиях и подчиненного ему офицера.

В контексте раскрытой в следственных показаниях готовности Арсеньева содействовать восставшим можно оценивать свидетельство мемуариста И. И. Горбачевского, который утверждал, что, несмотря на позицию командира Ахтырского полка А. З. Муравьева, среди подчиненных ему офицеров были те, кто готов был поддержать черниговцев и присоединиться к ним; их рупором выступает в мемуарном тексте Н. Н. Семичев [Горбачевский, 1963, с. 53, 58]. Хотя в мемуарах Горбачевского другие заговорщики-ахтырцы не названы по фамилии, можно полагать, что одним из них был Арсеньев. Источником сведений мог служить как Артамон Муравьев, так и, возможно, Я. М. Андреевич (артиллерийский офицер, который, по-видимому, имел разговор с Арсеньевым и снабдил его информацией о «походе» частей 3-го пехотного корпуса) — товарищи Горбачевского по каторге.

Неслучайно, что, согласно показаниям Муравьева, именно Арсеньеву было направлено 31 декабря 1825 года особое письмо, предупреждавшее подполковника и других заговорщиков от любых действий, нарушавших принесенную присягу, в связи с начавшимся восстанием Черниговского полка и арестом полкового командира Ахтырского полка. Вряд ли такое письмо могло быть адресовано нерешительным участникам тайного союза, которые не выражали намерений поддержать открытое выступление.

Раскрытые в ходе следствия признаки участия Арсеньева в заговоре, его готовности присоединиться к «южному восстанию» были полностью перечеркнуты твердой «линией защиты» самого Арсеньева, а также спасительными для него отрицаниями лидеров Васильковской управы, что повлекло за собой прекращение следственных действий.

4. Заключение = Conclusions

Расследование об И. А. Арсеньеве дает яркий пример переинтерпретации обвинительных показаний. Арсеньев уличался свидетельствами своего непосредственного начальника А. З. Муравьева и осведомленного брата руководителя Васильковской управы Южного общества М. И. Муравьева-Апостола, содержащими безоговорочные указания о членстве в тайном обществе. Казалось бы, в этой ситуации подследственному, который обвинялся, по крайней мере, в осведомленности о планах «мятежа» и готовности ему содействовать, грозил неминуемый судебный приговор. Если бы подтвердились не только членство Арсеньева в тайном союзе, но и сделанное

им предложение «взбунтовать» Ахтырский полк в связи с началом мятежных действий в декабре 1825 года, ему было бы предъявлено обвинение: по «второму пункту» («бунт») — «полное знание умысла», по роду «виновности» «мятеж» — «приготовление товарищей планами и советами, с знанием сокровенной цели» или, более мягкое, «знание о предстоящем мятеже без действия», что позволяло предать его Верховному уголовному суду в пространстве от V до VIII разряда Согласно градации наказаний, принятой судом, это соответствовало наказанию каторжными работами сроком до десяти лет, либо бессрочному поселению в Сибири (автор статьи опирается на систему обвинений и соответствующих наказаний, разработанную Верховным уголовным судом 1826 года [ВД, 1980, с. 103—109, 218—222]).

Однако Арсеньев сумел представить следствию другую трактовку уличающих показаний, полностью лишив свидетельства о разговоре с А. З. Муравьевым обвинительного значения. В показаниях Арсеньева предложение подготовить подчиненные войска к мятежному выступлению предстало в противоположном свете — как законное предложение подготовиться к походу против мятежников. Руководители заговора в частях 1-й армии С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин не подтвердили показаний о членстве Арсеньева в Южном обществе, что определило дальнейшие выводы следствия. Оно сочло уличающие показания недостаточными для обвинения.

Предпринятые Арсеньевым попытки переопределить содержание уличающих свидетельств достигли своей цели, а молчание товарищей по тайному обществу определило благоприятный для обвиняемого исход следствия. Оправдательный вердикт, утвержденный императором, стал препятствием для учета показаний, поступивших позднее, в том числе удостоверявших членство подполковника в декабристском союзе.

Подлинное отношение Арсеньева к декабристской конспирации укрылось от внимания следствия, свидетельства о его причастности к ней были проигнорированы после выдвигения Арсеньевым оправдывающей его версии. Но историк не равен следователю и не обязан доверять заключениям официального расследования: в его распоряжении имеется весь комплекс документальных данных, в том числе оставленных без внимания дознанием. По итогам анализа следственных материалов правомерно заключить, что соотнесенные следствием недостаточными для обвинения показания А. З. Муравьева и М. И. Муравьева-Апостола представляются более соответствующими отношениям, связывавшим Арсеньева с декабристским обществом, нежели оправдательные показания последнего, порожденные его «линией защиты». Несмотря на официальное оправдание, ставшее результатом скоротечного неполного расследования, есть основания отнести

Арсеньева к числу членов Южного общества, выражавших готовность принять участие в выступлении Черниговского полка.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : Госполитиздат, 1950. — Т. IX. — 308 с.
2. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : Госполитиздат, 1954. — Т. XI. — 436 с.
3. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : Наука, 1986. — Т. XVI. — 400 с.
4. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : Наука, 1980. — Т. XVII. — 296 с.
5. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : РОССПЭН, 2001. — Т. XIX. — 528 с. — ISBN 5-8243-0147-6.
6. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 48 (Следствие и суд по делу декабристов). Ф. 48. Оп. 1. Д. 176 (И. А. Арсеньев).
7. *Горбачевский И. И.* Записки, письма / И. И. Горбачевский. — Москва : Изд-во АН СССР, 1963. — 354 с.
8. *Декабристы*. Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — 448 с. — ISBN 5-02-009485-4.

Литература

1. *Вершевская М. В.* Декабристы в Петропавловской крепости : персоналии, хронология, топография. Справочный указатель / М. В. Вершевская // *Декабристы*. Актуальные проблемы исследований. Сборник статей и материалов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 302—379. — ISBN 978-5-4469-0483-9.
2. *Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — 664 с. — ISBN 5-98187-034-6.
3. *Ильин П. В.* Обманувшие следствие : к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825—1826 гг. / П. В. Ильин // *Русская история и историческая мысль XIX—XX вв.* Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2006. — С. 185—195. — ISBN 5-98187-072-9.
4. *Ильин П. В.* П. А. Набоков и Ф. С. Панютин — неизвестные члены Васильковской управы Южного общества / П. В. Ильин // *Декабристы в Україні. Дослідження й матеріали*. [Декабристы в Украине. Исследования и материалы]. — Киев : Изд. С. Е. Цымбаленко, 2009. — Т. 6. — С. 42—65. — ISBN 978-966-96992-4-4.
5. *Ильин П. В.* П. Я. Ренненкампф : незамеченный декабрист-заговорщик / П. В. Ильин // *Научный диалог*. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 409—436. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436.
6. *Киянская О. И.* Южный бунт / О. И. Киянская. — Москва : Изд-во РГГУ, 1997. — 192 с. — ISBN 5-7281-0004-X.
7. *Любарская Т. Г.* Декабрист А. З. Муравьев / Т. Г. Любарская // *Муравьев А. З.* Письма. — Иркутск : Иркутский музей декабристов, 2010. — С. 3—105.

8. *Медведская Л. А. С. И. Муравьев-Апостол* / Л. А. Медведская. — Москва : Просвещение, 1970. — 176 с.
9. *Муравьев М. В. Декабрист А. З. Муравьев* / М. В. Муравьев // *Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов, статей и воспоминаний.* — Москва : Изд-во Всесоюзн. об-ва политкаторжан, 1926. — С. 103—128.
10. *Нечкина М. В. Восстание Черниговского полка* / М. В. Нечкина // *Каторга и ссылка.* — 1925. — № 8. — С. 87—112.
11. *Нечкина М. В. Общество соединенных славян* / М. В. Нечкина. — Москва : Гос. изд-во, 1927. — 248 с.
12. *Нечкина М. В. Предисловие* / М. В. Нечкина // *Восстание декабристов.* — Москва : Госполитиздат, 1954. — С. 7—28.
13. *Нечкина М. В. Движение декабристов* / М. В. Нечкина. — Москва : Изд. Академии наук, 1955. — Т. 2. — 506 с.
14. *Оксман Ю. Г. Восстание Черниговского полка* / Ю. Г. Оксман // *Восстание декабристов. Материалы.* — Москва : Гос. изд-во, 1929. — С. IX—LXVII.
15. *Порох И. В. Восстание Черниговского полка* / И. В. Порох // *Очерки из истории движения декабристов.* — Москва : Гос. изд-во полит. литературы, 1954. — С. 121—185.
16. *Фельдман Д. М. Департамент приемов и уловок* / Д. М. Фельдман // *14 декабря 1825 года : источники, исследования, историография, библиография.* — Санкт-Петербург ; Москва : Нестор-История, 2010. — Выпуск 8. — С. 458—490.
17. *Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей : повесть о С. Муравьеве-Апостоле* / Н. Я. Эйдельман. — Москва : Госполитиздат, 1980. — 365 с.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2025,
одобрена после рецензирования 29.09.2025,
подготовлена к публикации 17.10.2025.*

Material resources

- GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. 48 (Investigation and trial of the Decembrists). F. 48. Op. 1. D. 176 (I. A. Arsenyev).* (In Russ.).
- Gorbachevsky, I. I. (1963). *Notes, letters.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 354 p. (In Russ.).
- The Decembrists. Biographical reference book.* (1988). Moscow: Nauka Publ. 448 p. ISBN 5-02-009485-4. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, IX.* (1950). Moscow: Gospolitizdat. 308 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XI.* (1954). Moscow: Gospolitizdat. 436 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XVI.* (1986). Moscow: Nauka Publ. 400 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XVII.* (1980). Moscow: Nauka Publ. 296 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XIX.* (2001). Moscow: ROSSPEN. 528 p. ISBN 5-8243-0147-6. (In Russ.).

References

- Eidelman, N. Ya. (1980). *Apostol Sergei: the story of S. Muravyov the Apostle.* Moscow: Gospolitizdat. 365 p. (In Russ.).

- Feldman, D. M. (2010). Department of techniques and tricks. In: *December 14, 1825: sources, research, historiography, bibliography*, 8. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya. 458—490. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2004). *New information about the Decembrists. Members of secret societies and military actions of 1825—1826 who were pardoned, acquitted and undetected by the investigation*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 664 p. ISBN 5-98187-034-6. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2006). Deceived the investigation: towards the study of methods and techniques for the protection of the accused at the Decembrist trial of 1825—1826. In: *Russian history and historical thought of the XIX—XX centuries. Collection of articles on the 75th anniversary of A. N. Tsamutali*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 185—195. ISBN 5-98187-072-9. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2009). P. A. Nabokov and F. S. Panyutin — unknown members of the Vasilkovsky board of the Southern Society. In: *Decembrists in Ukraine. Until the end of the material. [The Decembrists in Ukraine. Research and materials]*, 6. Kiev: Publishing house of S. E. Tsymbalenko. 42—65. ISBN 978-966-96992-4-4. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2024). Pavel Rennenkampf: Unnoticed Decembrist Conspirator. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 409—436. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436. (In Russ.).
- Kiyanskaya, O. I. (1997). *Southern rebellion*. Moscow: RGGU Publishing House. 192 p. ISBN 5-7281-0004-X. (In Russ.).
- Lyubarskaya, T. G. (2010). The Decembrist A. Z. Muravyov. In: *Muraviev A. Z. Letters*. Irkutsk: Irkutsk Museum of the Decembrists. 3—105. (In Russ.).
- Medvedskaya, L. A. (1970). *S. I. Muravyov-Apostol*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 176 p. (In Russ.).
- Muravyov, M. V. (1926). The Decembrist A. Z. Muravyov. In: *Secret societies in Russia at the beginning of the 19th century. A collection of materials, articles, and memoirs*. Moscow: Publishing House of the All-Union. Political prisoners. 103—128. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1925). The uprising of the Chernigov regiment. *Penal servitude and exile*, 8: 87—112. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1927). *The Society of the United Slavs*. Moscow: State Publishing House. 248 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1954). Preface. In: *The Decembrist Uprising*. Moscow: Gospolitizdat. 7—28. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1955). *The Decembrist Movement*, 2. Moscow: Publishing House. Academy of Sciences. 506 p. (In Russ.).
- Oxman, Yu. G. (1929). The uprising of the Chernigov regiment. In: *The Decembrist Uprising. Materials*. Moscow: State Publishing House. IX—LXVII. (In Russ.).
- Porokh, I. V. (1954). The uprising of the Chernigov regiment. In: *Essays from the history of the Decembrist movement*. Moscow: State Publishing House of Political Science. Literature. 121—185. (In Russ.).
- Vershevskaya, M. V. (2014). The Decembrists in the Peter and Paul Fortress: personalities, chronology, topography. Reference index. In: *The Decembrists. Current research issues. Collection of articles and materials*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 302—379. ISBN 978-5-4469-0483-9. (In Russ.).

*The article was submitted 04.06.2025;
approved after reviewing 29.09.2025;
accepted for publication 17.10.2025.*

Информация для цитирования:

Ипполитов В. А. Отражение настроений крестьянства в период Первой мировой войны в делах об оскорблении императорской фамилии / В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 504—528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-504-528.

Ippolitov, V. A. (2025). Peasant Sentiment during First World War: A Study of Lèse-majesté Cases in Imperial Russia. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 504-528. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-504-528. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Отражение настроений крестьянства в период Первой мировой войны в делах об оскорблении императорской фамилии

Ипполитов Владимир Александрович

orcid.org/0000-0001-9327-3865

ScopusAuthorID 58616569100

WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
vladimir.ippolitov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132-П,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Peasant Sentiment during First World War: A Study of Lèse-majesté Cases in Imperial Russia

Vladimir A. Ippolitov

orcid.org/0000-0001-9327-3865

ScopusAuthorID 58616569100

WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022

PhD in History,
senior research scientist
vladimir.ippolitov@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out at
the expense of a grant
Russian Science Foundation
№ 22-18-00132-P,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются материалы дел об оскорблении императорской фамилии как индикатор крестьянских настроений в годы Первой мировой войны. Уделяется внимание поколению «революционного перелома», представители которого родились приблизительно с 1885 по 1900 годы. Приоритет отдан рассмотрению отношения сельских жителей к мобилизации, реквизиции лошадей, инфляции и т. д. Автор раскрывает отношение землепашцев к столыпинской аграрной реформе и земельному вопросу в целом. Проведен статистический анализ случаев оскорбления императорской фамилии по возрастному принципу. Подсчитано распределение подсудимых по форме наказания, и проведена группировка по характеру высказывания. Рассчитана доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Реализованный статистический анализ показал, что в случаях обвинения крестьян поколения «революционного перелома» преобладала «площадная брань», антивоенные высказывания и политические мотивы; для них был характерен значительный радикализм и политизация. Установлено, что для риторики более старших возрастов была характерна высокая доля антивоенной риторики, оскорбительные высказывания и недовольство экономическим положением. Отмечаются падение авторитета императора в годы войны, кризис «наивного монархизма» в среде сельского социума, десакрализация образа царя особенно среди молодого поколения крестьян.

Ключевые слова:

крестьянство; общественно-политические настроения; оскорбления; император; Первая мировая война; монархизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines court records of *lèse-majesté* crimes as an indicator of peasant morale during the First World War. It pays particular attention to the “revolutionary watershed” generation, comprising individuals born between approximately 1885 and 1900. The analysis prioritizes rural attitudes toward mass mobilization, the requisition of horses, wartime inflation, and other home-front hardships. The author also explores the peasants’ reception of the Stolypin agrarian reforms and the land question more broadly. A statistical analysis of *lèse-majesté* cases was conducted, disaggregating defendants by age. The study quantifies the distribution of sentences and categorizes the offending statements by their nature. The proportion of crimes committed while intoxicated is also calculated. The statistical findings reveal that peasants of the “revolutionary watershed” cohort were predominantly charged for using “profane language,” making anti-war statements, and expressing political grievances; their rhetoric was characterized by significant radicalism and politicization. In contrast, the rhetoric of older peasants featured a high proportion of anti-war sentiment, personal insults, and discontent with the deteriorating economic situation. The article concludes that these cases evidence a sharp decline in the Emperor’s authority during the war, signaling a crisis of “naïve monarchism” within rural society and a profound desacralization of the Tsar’s image, particularly among the younger peasant generation.

Key words:

Russian Peasantry; Socio-Political Sentiment; *Lèse-majesté*; Tsar Nicholas II; First World War; Monarchism.

УДК 930:343.638(470.23-25)“1914/1918”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-504-528

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Отражение настроений крестьянства в период Первой мировой войны в делах об оскорблении императорской фамилии

© Ипполитов В. А., 2025

1. Введение = Introduction

Среди источников для характеристики общественного сознания российского крестьянства начала XX века особое значение имеют дела об оскорблении императора и членов его фамилии. Данный источник служит индикатором эволюции патриархальных настроений внутри сельского социума в условиях переломного периода, которым являлась Первая мировая война. Общеизвестно, что в ментальных установках русского крестьянства центральное место занимал принцип монархизма. Недаром патриархальные традиции народа считались фундаментом всей российской цивилизации. На протяжении веков образ царя являл собой символ государства. Таким образом, к 1914 году российское социальное пространство можно охарактеризовать как авторитарный патернализм [Булдаков, 2017, с. 153].

Первая мировая война стала в глазах крестьянского социума основанием для проверки способности императора выполнять функцию защитника народа. Неудачи русской армии воспринимались в обществе как свидетельство плохой подготовки к боевым действиям со стороны царя. В условиях мировой войны от российской деревни потребовалась максимальная концентрация сил для ведения колоссального по масштабам конфликта. Землепашцы всегда болезненно относились к рекрутской повинности и мобилизации, чрезвычайным налогам, так как это вело к кризису хозяйства, сопровождавшемуся увеличением доли женского труда.

«Оскорбление Его Величества» относилось к разряду государственных преступлений и было одним из самых распространенных видов нарушения порядка в России начала XX века. Материалы дел об оскорблении лиц императорской фамилии содержат достоверную информацию о настроениях в крестьянской среде. Эти документы уникальны тем, что не только дают возможность ознакомиться с «живой» речью русских крестьян начала XX века, но и содержат всю палитру стереотипных народных представлений о царе и власти.

Согласно 103 статье Уголовного Уложения 1903 года за оскорбление или порчу изображений императорских особ, «учиненные непосредственно или хотя и заочно», обвиняемые могли получить до 8 лет каторги. Наиболее распространенные заочные оскорбления, угрозы, надругательства над портретами наказывались заключением в крепость. Важным добавлением в статье 103 было то, что если «заочные оскорбления, угроза или надругательство учинены по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения, то виновный наказывался арестом» [Новое уголовное уложение ... 1903, с. 45]. Довольно часто эта формулировка позволяла обвиняемым избежать суровых наказаний.

Основное внимание в данной статье уделяется отношению крестьян к мировой войне и социально-экономическому положению в стране, которое выражалось в оскорблениях лиц императорской фамилии. Новизна работы в первую очередь связана с применением методов поколенческой истории при характеристике настроений российского крестьянства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой нашего исследования выступают документы фонда 1405 министерства юстиции, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В дополнение к ним использовались региональные материалы фондов 4 канцелярии губернатора и 272 губернского жандармского управления находящиеся в Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО). Всего исследовано более 259 дел или кратких сводок протоколов по случаям оскорблений императорской фамилии, совершенных крестьянами.

Изучаемый источник можно отнести к делопроизводственной документации или судебно-следственной. Дело об оскорблении императора могло содержать в себе целый комплекс документов: рапорты уездных исправников, обвинительный акт, приговор суда, данные о личности обвиняемого (возраст, сословное положение, семейное состояние), протоколы допроса свидетелей, следственную переписку и т. д. Историк К. В. Самохин при анализе подобного типа источников отмечал высокую степень их достоверности [Самохин, 2024, с. 483].

В последнее время исследователей привлекает поколенческая история российского общества в начале XX века. Значительное количество современных работ посвящены изучению поколения «революционного перелома» [Безгин, 2025; Ипполитов, 2023; Вязинкин, 2023; Сафонов, 2024].

Впервые в научный оборот понятие поколение «революционного перелома» ввел социолог Ю. А. Левада. По мнению ученого, представители этой генерации стали непосредственными участниками революционных

событий в 1905—1930-е годы. Ю. А. Левада считал, что люди данного поколения родились в «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2001, с. 7]. Концепция социолога, сформулированная в начале 2000-х годов, учитывая современные исследования, по мнению автора, нуждается в корректировке.

Ключевым понятием для выделения границ поколений являются формативные годы. По определению Л. Ю. Пушиной, «специфика поколения обуславливается событиями, переживаемыми его представителями в формативный период, скоростью, характером и глубиной социальных трансформаций, уровнем социально-экономического развития общества, политико-идеологическими факторами, уровнем образования и т. д.» [Пушина, 2011, с. 28]. Видный английский социолог К. Мангейм считал, что генерации возникают под воздействием важнейших исторических событий, переживание которых заставляет молодых людей воспринимать мир иначе, чем старшие возрасты [Мангейм, 2000, с. 16].

Согласно концепции Х. Ортега-и-Гассета 15 лет составляют границу одной генерации [Ортега-и-Гассет, 2000, с. 280]. Исходя из этого, хронологические рамки рождения представителей поколения «революционного перелома» можно определить диапазоном с 1885 по 1900 годы, см: [Безгин, 2025, с. 11—19]. Представители изучаемого поколения пережили схожий процесс социализации в свой формативный период в 1905—1922 годах. Ранним этапом становления поколения «революционного перелома» являлись события Первой российской революции, которые повлияли на духовное формирование детей и молодых мужчин того времени. Условная верхняя граница рождений представителей данной генерации связана с мобилизационными кампаниями, проводившимися в годы Первой мировой и Гражданской войн. Люди, родившиеся до или после заявленных границ поколения, имели иной социальный опыт, который сформировался в принципиально других условиях своего формативного периода.

В изучаемой генерации выделяются как минимум две когорты. По наблюдению ученых Н. Хоува и В. Ширауса, родившиеся на стыке генераций составляют «пограничную» группу, которая имеет признаки своих предшественников и последователей [Howe, 1991, p. 58—68]. В данном исследовании рассматривается период с 1914 по 1917 года, следовательно, представителям поколения «революционного перелома» было в это время от 16 лет до 31 года.

В отечественной историографии значительное количество публикаций посвящено проблеме изучения дел об «оскорблении Его Величества». Тем не менее существенные аспекты этой темы продолжают оставаться малоизученными. Крупнейшим специалистом в изучении образа императорской семьи в массовом сознании является Б. И. Колоницкий. Важной заслугой

ученого является разработка методологической модели работы с данными источниками. Б. И. Колоницкий создал классификацию оскорблений в адрес царя: «случайные», связанные с конфликтами в селе, религиозные, политические [Колоницкий, 2010, с. 46]. В своей фундаментальной монографии исследователь резюмирует, что «изучение этого источника не дает оснований для выводов относительно распространенности антимонархического сознания» [Там же, с. 560]. В то же время историк признавал «фрагментацию монархической культуры» в годы Первой мировой войны.

В последнее время появились работы, в которых дела об оскорблениях исследуются как исторический источник. Н. М. Корнева и А. А. Солнышкин детально проанализировали статьи Уголовного Уложения 1903 года, касавшиеся «оскорбления Его Величества» [Корнева, 2022]. Согласно их выводам, события Первой российской революции, не привели к изменению законодательства по данному виду преступлений и Уложение 1903 года оставалось актуальным до падения монархии. Н. В. Патраш, считает, что материалы судебно-следственных дел могут служить существенным дополнением к другим источникам по изучению трансформации образа царя в массовом сознании [Патраш, 2016, с. 100].

За последние годы появился целый ряд крупных публикаций, посвященных оскорблению крестьянами императорской фамилии, основанных на региональных источниках. На материалах Тамбовской губернии В. Б. Безгин доказывает тезис об отсутствии преступного умысла в высказываниях крестьян. Историк подчеркивает, что оскорбительные высказывания демонстрировали падение авторитета царя и утрату доверия к системе власти [Безгин, 2016, с. 27]. Исследователь отмечает рост оскорбительных высказываний со стороны землепашцев в адрес царя в годы Первой мировой войны [Там же, с. 26]. На примере Нижегородской губернии А. Н. Лушин и К. А. Чудецкая изучили опыт деятельности полиции по пресечению оскорблений императорской фамилии [Лушин, 2020].

Количественные методы исследования применил А. С. Слепцов, анализируя дела по оскорблению императорской семьи, возбужденные в Области войска Донского [Слепцов, 2024]. Исследователь с помощью метода группировки создал базу данных, благодаря которой выявил социальную и территориальную специфику данного вида преступлений [Слепцов, 2024; Его же, 2024].

Ряд специалистов считают, что материалы следственных дел позволяют судить о падении авторитета правящего монарха. Например, Ю. В. Варфоломеев утверждает, что данные источники «проясняют, как нарастающее недовольство населения, проявлявшееся в том числе и в публичном оскорблении царя, влияло на судьбу государства в критический для него

период» [Варфоломеев, 2024, с. 44]. Историк констатировал, что рейтинг Николая II в российском обществе был ниже, чем у кайзера Вильгельма II [Варфоломеев, 2010, с. 75]. Он же на основе количественного анализа материалов Саратовской судебной палаты делает вывод об эволюции характера государственных преступлений в сторону десакрализации царской власти в канун Великой российской революции [Варфоломеев, 2023, с. 84]. Аналогичные взгляды высказывал В. В. Кулачков, основываясь на материалах следственных дел Западного региона. Историк показал явные признаки разочарования сельского социума в верховной власти, которая традиционно персонифицировалась в лице императора [Кулачков, 2016, с. 134]. Схожая позиция у И. Н. Кузнецова, который на основании анализа документов Вологодской губернии пришел к выводу, что недовольство крестьян было вызвано в первую очередь «усталостью от войны» [Кузнецов, 2013, с. 224]. В. Б. Аксенов назвал годы Первой мировой войны «временем отречения народа от своего царя» [Аксенов, 2021, с. 150].

Интересно мнение Н. А. Коноваловой, предложившей отбросить «случайные» оскорбления царствующих особ, которые проявлялись лишь в привычке употреблять матерные слова [Коновалова, 2014]. Историк считает малоинформативными дела о так называемых карнавальных оскорблениях, то есть выражениях, произнесенных в пьяном виде и по случайному поводу. На материалах следственных дел Сибири историк делает вывод, что недовольство крестьян проявлялось против личности царя, но не против принципа самодержавия [Там же, с. 46].

Наконец, О. С. Поршнева в своей фундаментальной монографии писала о начале коррозии ряда базовых ценностей сельского социума в годы мировой войны, проявившейся в том, что монархия утрачивает привлекательность в глазах огромной части крестьян [Поршнева, 2004, с. 84—85].

Но не все историки единодушны в оценке материалов по оскорблениям императорской фамилии как маркера крестьянских настроений. Например, Д. А. Сафонов, проведя количественный анализ дел об «оскорблении Величества» в Оренбургской губернии, подверг сомнению распространенный тезис о разрушении принципов «наивного монархизма» в сознании масс. Автор подчеркивает, что исследователи, которые работают с данным источником, имеют дело лишь с негативными суждениями, не могут сравнить их с положительными мнениями, которые в документах не отразились [Сафонов, 2017, с. 203]. Д. А. Сафонов считает, что дела «об оскорблении» представляют интерес прежде всего для изучения уровня правосознания масс. Автор отмечал серьезные недостатки в деле осуществления правосудия по делам об оскорблении из-за невозможности строго следовать букве закона [Сафонов, 2016, с. 178].

Несмотря на значительное количество публикаций по исследуемому вопросу стоит отметить недостаточное количество обобщающих работ на общероссийском материале по данной теме. Практически все упомянутые исследования проведены на материалах одной губернии. В историографии, затрагивающей период 1914—1917 годов, пока довольно слабо представлены количественные методы исследования. Возраст преступников обычно не принимается во внимание, к тому же в материалах дела выписки из метрических книг не всегда присутствовали. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что поколенческий аспект данной темы остается неизученным.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Антивоенные настроения крестьян поколения «революционного перелома»

Для крестьян поколения «революционного перелома» ключевым фактором, определявшим отношение к власти, являлся призыв на действительную службу. Широко распространенным мотивом оскорбления императора в исследуемой генерации было нежелание потенциальных призывников отправляться на фронт. Типичный случай произошел в Пермской губернии в ноябре 1914 года, где землепашец Я. А. Пищальников (25 лет) во время разговоров о мобилизации ратников ополчения заявил: «Я Николке не служака» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 225] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). В декабре 1915 года ярославский крестьянин И. В. Хомутов (18 лет), находясь в состоянии опьянения во время ссоры с парнями из-за девушки, кричал, размахивая ножом: «Лучше двоих зарежу, а служить Николашке не пойду» [Там же, л. 80]. В мае 1914 года в Псковской губернии Н. И. Жук (19 лет), подлежащий призыву на службу, во время гуляний выкрикнул: «Сдадут в солдаты — служить не буду Николаю-дураку». В ходе следствия молодой человек объяснял свой поступок глупостью [Там же, л. 190]. Схожие мотивы прослеживаются в деле вологодского крестьянина Е. И. Леготина (19 лет). В день призыва на службу он в состоянии сильного алкогольного опьянения во время гуляния произнес: «К ..., я лучше пойду служить германскому царю, нежели нашему» [Там же, л. 193].

Реквизиция лошадей на нужды фронта также являлась одной из причин недовольства крестьянства политикой власти. Хлебопашец Минской губернии К. Г. Кушель (27 лет) в беседе о поставке лошадей по военнokonской повинности сказал: «Если бы ко мне за лошадьми пришел сам государь император, то я взял бы кол и прогнал бы его как собаку» [Там же, л. 99]. В селе Карай-Салтыково (Тамбовская губерния) И. Д. Семенов

(30 лет) в июле 1914 года во время проверки лошадей высказался: «Зачем нам воевать и зачем идти на службу, для того чтобы нас убили нам все равно подчиняться русскому царю так и немецкому» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 8998, л. 1]. Судя по материалам дела, речь крестьянина вызвала «тревожное настроение» среди населения. Симптоматично, что все население села Карай Салтыково считалось «революционного направления», что было следствием крестьянских выступлений 1905—1906 годов.

Нередко потенциальные призывники не только не горели желанием отправляться на фронт, но и осуждали тех, кто уже воевал. В 1915 году в Тамбовской губернии загонщик скота Т. Н. Коновальцев (30 лет) на упрек в том, что он загнал лошадь мужика, у которого три сына сражались на фронте, ответил: «Разве они за меня пошли на войну, мне ... с войной и государем» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2365, л. 9].

Крестьяне — отходники, находившиеся в городах на заработках, оторванные от привычного им социума, нередко попадали под влияние антивоенной или антимонархической пропаганды, что могло стать причиной произнесения «брани» в адрес царя. В ноябре 1915 года уроженец Костромской губернии А. М. Жиров (31 год) в Петрограде в трактире «Астория», помимо площадной брани в адрес императора, на вопрос, про кого он говорит, заявил: «...а про того, который на троне сидит и из-за которого гибнут миллионы на фронте» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 70]. Как видно из материалов дела, сам Жиров, как рабочий авиационного завода, был освобожден от призыва на службу. 19-ти летний крестьянин Гродненской губернии Ф. В. Цитко в городе Белостоке во время визита императора спросил: «Что уже проехал этот черт рогатый» [Там же, л. 77]. Землепашец из Самарской губернии, работавший на железнодорожной станции Харьков-товарный, Н. А. Макеев (25 лет), судя по доносу, произнес за завтраком оскорбление в адрес императрицы [Там же, л. 302].

Принятие Николаем II в сентябре 1915 года верховного командования над армией не вызвало в сельской среде энтузиазма, ожидаемого властью. Крестьянин Тамбовской губернии И. Г. Агеев (17 лет), работавший шахтером в Таганрогском округе, принял участие в разговоре о принятии императором командования войсками, заявив: «Он ни ... понимает в этом деле, а только может сеledку носить» [Там же, л. 191]. Для недавних выходцев из деревни работа на промышленных предприятиях стала фактором их духовного раскрепощения, которое выражалось в числе прочего в критических высказываниях относительно верховной власти.

Неверие в способность императора переломить ход войны проявлялось в замечаниях крестьян о его якобы пронемецких симпатиях. В сентябре 1915 года неграмотная томская крестьянка А. В. Толстикова (30 лет)

в беседе с односельчанкой выказалась по поводу принятия Николаем II командования: «... немцы говорят, что он за них, а не за нас» [Там же, л. 194].

В материалах дел обычно не фигурирует обсуждение положения дел на фронте, но отдельные, видимо, грамотные крестьяне комментировали военные события. В июне 1916 года в Тамбовской губернии 27-летний П. И. Тимофеев в разговоре с односельчанами и раненым солдатом, помимо нецензурной брани в адрес императора и великого князя Николая Николаевича, которых якобы нужно повесить, произнес, что царь «продал Варшаву и весь польский край» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9494, л. 1]. Один из собеседников донес об услышанном, после чего Тимофеев был задержан. По материалам дела видно, что обвиняемый ранее уже отбывал наказание в тюрьме, что, вероятно, способствовало радикализации его взглядов. По наблюдению И. Н. Кузнецова, для «предреволюционного периода стало характерно проявление необъяснимо жестокого отношения отдельных представителей крестьянского населения к царственному дому» [Кузнецов, 2013, с. 224].

Измена в «верхах» как часть антимонархических слухов встречается в делах, касавшихся крестьян. Жительница Полтавской губернии М. П. Тума (20 лет) в разговоре со знакомой заметила: «... немцы нас бьют, потому что в армии, все сволочь и изменники». На замечание собеседниц о роли царя Тума добавила: «Все продажные и сволочь, и государь тоже сволочь, столько он передерживал немцев в России, и вот теперь немцы нас и бьют» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 62].

3.2. Социально-экономические мотивы в оскорблениях императора крестьянами поколения «революционного перелома»

Низкий общекультурный уровень большинства российского крестьянства обуславливал размытость их социально-экономических настроений в изучаемый период. В то же время в массе случаев высказывания землепашцев достаточно конкретны. Солдаты, приезжавшие в отпуск, далеко не всегда выступали защитниками императора в сельских спорах. В апреле 1916 года в Московской губернии 23-х летний В. Н. Монахов в деревенской чайной во время разговора с товарищами о нежелании воевать бранил императора и хвалил своего сослуживца, который попал в плен. Исходя из материалов дела известно, что Монахов, по происхождению землепашец, воевал с 1914 года и был ранен [Та же, л. 298]. Тобольский крестьянин Н. В. Покушев (29 лет) во время отпуска, присутствуя при проверке по делу незаконно срубленного казенного леса, сказал: «... правительство, а с ним вместе и государя» [Там же, л. 399]. Сельчане считали лес, как и все недра, своими, неслучайно «аграрные беспорядки» начинались именно с самовольных порубок.

«Аграрный вопрос», всегда волновавший крестьянина, служил поводом к оскорблениям императора, допустившего, по мнению обвиняемых, несправедливое распределение земли. Екатеринославский землепашец П. Д. Куницкий (26 лет), являясь наемным работником, получил замечание от дочери владельца за отдых в неположенное время. После этого Куницкий при свидетелях заявил в адрес императора: «Чертов барбос, дурак, пораздавал землю богатым. Я бы тебя за то, что ты дал нашему хозяину много земли, зарезал бы» [Там же, л. 355]. В деле нет упоминания об алкогольном опьянении, следовательно, молодой человек вполне сознательно излагал свои мысли.

В ряде дел фигурирует недовольство крестьян столыпинской аграрной реформой. 28 февраля 1916 года житель Тульской губернии С. М. Кутнев (30 лет) в беседе с односельчанами заявил: «Вот порезал царь землю на участки, а что нам делать на участках? У нас в России порядков нет, немцы хозяйничают» [Там же, л. 37]. В июне 1914 года в Вятской губернии 17-летний А. С. Первяков, названный в деле «праздношатающимся», на утверждение о том, что царь дал им «хороший» закон о выходе из общины, сказал: «... государю, он меньше моего знает» [Там же, л. 19].

В целом ряде случаев прослеживается связь негативных отзывов об императоре с ухудшившимся материальным положением землепашцев. В сентябре 1915 года крестьянин Таврической губернии А. С. Чабан (31 года) при разговоре об аренде земли посетовал: «Как мы будем платить деньги, когда нас царь разорил». Своё преступление впоследствии он объяснил расстройством после получения письма от брата из немецкого плена [Там же, л. 250].

В здании Крестьянского Поземельного банка Тамбовской губернии Н. Ф. Ширяев (23 года) при свидетелях «в разговоре сам с собой» произнес: «Нас всех заберут, и тогда лучше будет — за границей сахар 7 копеек, а у нас все дороже, правительство ни за чем не следит» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 8948, л. 7]. Очевидно, что опасение идти на военную службу усугублялось недовольством ростом цен из-за инфляции.

В Тамбовской губернии в селе Ново-Никольском в сентябре 1914 года на сельском сходе обсуждался вопрос о платежах за землю крестьянскому поземельному банку. На нем местный сельский староста М. П. Зацепин (31 года) заявил, что в его товариществе платить не хотят: «... какому государю платить-то — кто её знает, кому мы будем служить» [Там же, д. 8930, л. 2]. По словам свидетеля урядника Тюренкова, это высказывание подействовало на крестьян, и платежей в этот день поступило мало. Характерно, что Зацепина первоначально приговорили к высылке из губернии на один год, но позже дело было прекращено из-за недостатка улик.

Молодые крестьяне, пережившие в детстве события Первой российской революции, нередко выступали зачинщиками беспорядков в последующее десятилетие. В августе 1915 года землепашцы Тамбовской губернии С. С. Башков (19 лет) и А. А. Цыплаков (23 года) явились на хутор землевладельца Иванова за своими лошадьми, пойманными во время незаконной поправки. На замечание зрителя о том, что они не годятся служить ни барину, ни императору, Цыплаков возразил: «А за какой ... идти на войну — наш царь земли нам не раздал» [Там же, д. 8949, л. 7]. В данном случае, несмотря на алкогольное опьянение, молодые люди вполне осознанно провели связь между необходимостью рисковать жизнью на фронте и осуществлением вековой мечты российского крестьянства о «черном переделе».

Антимонархический характер носила реплика крестьянина Эстляндской губернии А. Н. Яныкова (31 год), который вопреки запрету владельца проехал через лес. На упреки лесника землепашец ответил: «Пусть хоть сам царь поедет по этой дороге, если не послушается — буду стрелять» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 4]. В данном случае примечательно переплетение экономических и антимоноархических мотивов, хотя произнесены эти слова были в пылу спора.

Молодые крестьяне поколения «революционного перелома», работавшие в дворянских имениях по найму, демонстрировали более радикальные настроения, чем представители старших возрастов. В сентябре 1915 года в Херсонской губернии батрак П. А. Онищенко (21 год), явившись в экономию Ток, стал грубо требовать себе хлеба на кухне. В ответ на просьбу подождать молодой человек побил служащую и разразился «площадной бранью» в адрес императора [Там же, л. 71].

Часть крестьянства выражала недовольство запретом производства и продажи алкогольной продукции в годы войны. В декабре 1914 года крестьянин Томской губернии Н. М. Алтухов (24 года) на сельском сходе, посвященном распоряжению о закрытии продажи спиртных напитков, произнес: «Вот царь подписал указ, вот и дурак, что подписал, зачем было подписывать» [Там же, л. 146]. В 1915 году тамбовский крестьянин А. П. Дунаев (32 года), зайдя в избу зимой, потирая руки, произнес: «Эх ... теперь хорошо бы выпить с мороза, а кто виноват — царь, что запретил торговлю водкой» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2357, л. 4]. Но, несмотря на запрет, значительное количество преступлений в деревне совершалось в состоянии алкогольного опьянения. Фактор употребления спиртного в крестьянской среде играл важнейшую роль. Б. И. Колоницкий считал, что оскорбления императора — по большей части «пьяное преступление» [Колоницкий, 2010, с. 50]. По подсчетам Д. А. Сафонова, нетрезвое состояние упоминается в 21 % дел об оскорблениях в Оренбургской губернии [Сафонов, 2016, с. 179].

3.3. Крестьянские оскорбления императора с политическими мотивами

Примечательно дело, разобранное мировым судьей Томской губернии, где обвинялись трое крестьян, которые принадлежали к поколению «революционного перелома». Р. П. Петров (31 год), Г. А. Самарин (20 лет), П. А. Курский (22 года) в состоянии опьянения в присутствии полицейского сотника выкрикивали: «... церковь, Бога, царя и правительство» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 363]. В данном случае недовольство землепашцев царем сочетается с атеистическими мотивами.

Довольно распространенным местом произнесения «крамольных» речей являлся сельский сход. В Томской губернии братья литовского происхождения Н. Х. и М. Х. Ростенс (28 и 31 год), явившись на сход, пытались сорвать со старосты должностной знак и кричали оскорбительную брань в адрес императора. Симптоматично, что один из братьев уже побывал на фронте, где получил ранение [Там же, л. 195]. Анализ материалов позволяет утверждать, что прибывавшие в отпуска военные нередко становились обвиняемыми по статье 103 Уложения о наказаниях.

Как правило, речи крестьян не содержали политических лозунгов, но отдельные радикально настроенные молодые люди, несмотря на опасность, выкрикивали революционные фразы. Рязанский крестьянин И. А. Зенуков (27 лет) на станции в нетрезвом виде закричал: «Долой царя, долой самодержавие. Да здравствует революция!» [Там же, л. 277].

Примечательный случай упоминания политической партии в оскорбительной речи зафиксирован в апреле 1916 года в селе Дубасово Пермской губернии. Крестьянин П. И. Мезенин (27 лет) обратился к прибывшим с фронта солдатам с речью: «Вы не знаете, за что служили: вы защищали черную сотню, а я защищал социал-демократическую партию». Речь молодого человека сопровождалась бранью в адрес царя, правительства и сената [Там же, л. 276]. По материалам дознания видно, что Мезенин был женат и грамотен, но неясно, состоял ли он в партии и участвовал ли в революционном движении.

В документах следствия встречаются крестьяне, уже подвергавшиеся преследованиям за участие в аграрных выступлениях в годы Первой российской революции. Например, житель деревни Агаревские Выселки Тамбовской губернии И. И. Кульдичев (41 год) в 1906 году был обвинен в публичном чтении прокламации: «Чего хотят люди, которые ходят под красным флагом». Это дело было прекращено безо всяких для Кульдичева последствий. В 1915 году крестьянин, согласно показаниям свидетелей, сказал: «Служить идут одни дураки <...> русским будет лучше, если победит Германия, так как в Германии заботятся о своём народе» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, л. 12].

В рассматриваемый период редко встречаются дела об оскорблении предшественников императора. Одно из таких преступлений произошло в Полтавской губернии, когда 26-ти летний крестьянин Н. М. Полывянный, взяв 25 рублевый билет с портретом Александра III, произнес: «Дивитесь какой арестант» [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 226]. Война и порождённые ею проблемы делали неактуальным обращение к истории в среде малограмотных землепашцев.

Некоторые дела были возбуждены по откровенно малозначимым проступкам. Крестьянин Томской губернии Ф. Г. Аренштам (23 года) поднес к портрету императора зажжённую папиросу и заявил: «Смотрите, он курит и дым в нос пускает». На следствии он объяснил свой поступок легкомыслием, признался, что не хотел оскорбить государя. За это хулиганство с молодого человека взяли подписку о невыезде [Там же, л. 188]. Пермский крестьянин И. П. Петров (19 лет) в компании нетрезвых парней пел непристойные песни, в которых были слова: «Наш государь Николай по-собачьи полай» [Там же, л. 279]. За свой поступок он наказания никакого не понес, так как был призван на военную службу.

Старшее поколение, не попадавшее под призыв, помимо осуждения войны, часто выражало недовольство вызванной ей инфляцией. Крестьянин Костромской губернии П. О. Песков (57 лет) в разговоре с соседями сказал: «Дороговизна оттого, что государыня императрица отправила за границу 80 вагонов сахара» [Там же, л. 147]. Новгородский землепашец С. А. Беляев (49 лет) жаловался на «дороговизну жизни»: «Царь обобрал всех людей на войну, увеличил налоги, отдал немцам 12 городов, а когда народ разбежится, он заберет себе всю землю» [Там же, л. 13].

Для настроений крестьян старшего поколения характерно стремление к справедливому распределению земли. В декабре 1915 года хлебопашец Воронежской губернии И. Ф. Романенко (62 года) на замечание односельчанина о недостаточности наделов и о том, что «может быть после войны всем поровну будет», сказал: «Да, уравниется — наши цари все сатаны» [Там же, л. 63]. Данные высказывания типичны для крестьянских разговоров.

Показателен случай, произошедший в октябре 1915 года в Тамбовской губернии. Дьякон М. П. Покровский (64 года) при свидетелях сказал: «После войны с Японией у нас были сильные беспорядки — грабили помещиков, а по окончании войны с Германией будут беспорядки для свержения дома Романовых» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2971, л. 2]. Данный факт демонстрирует нелояльность к императору со стороны представителя низового духовенства, который должен был быть опорой власти в деревне. В то же время для лиц духовного сословия были не характерны подобные преступления.

Среди обвиняемых старшего поколения заметна категория солдатских жен. В Подольской губернии жительница села Наливайки Е. А. Чабанюк (34 года) в присутствии соседей произнесла: «... его мать с государем, забрал моего мужа на войну, а мне что делать». Указанная крестьянка до этого подозревалась в краже кукурузы [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 201]. Воронежская крестьянка А. В. Фуфаева (32 года), имевшая малолетних детей, была осуждена на надзор со стороны полиции за брань в адрес царя [Там же, л. 128]. Тяжелое материальное положение семей, оставшихся без кормильца, провоцировало негативные эмоции в адрес императора.

Оскорбления императора были частью глухого ропота в российской деревне в годы мировой войны. Согласно рапорту генерал-майора Волкова, обнаруженному в составе документов одного из дел по оскорблению царя, в 1915 году в Лебедянском уезде Тамбовской губернии «замечается большая распущенность в разговорах» [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2355, л. 16].

3.4. Специфика и количественный анализ дел об оскорблении Величества, фигурантами которых были представители поколения «революционного перелома» и старших возрастов

Расследование дел по оскорблению лиц императорской фамилии осложнялось возможностью сведения счетов между свидетелями и обвиняемым. Например, при разборе случая С. П. Лощманова (27 лет) из Могилевской губернии выяснилось, что сыновья и племянник свидетеля Карпова несколько лет назад убили зятя обвиняемого [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 45]. При рассмотрении дела тамбовского крестьянина И. И. Кульдичева показания на него не были приняты во внимание, так как очевидцы преступления были осуждены судом к выплате штрафа в его пользу [ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, л. 13].

Ненадежность сельских свидетелей была фактором, осложнявшим расследование дел по статье 103 Уложения о наказаниях. Например, крестьянка Тамбовской губернии Е. И. Новикова (30 лет) обвинялась в оскорблении императора и великого князя Николая Николаевича на основании показаний её односельчанок. Однако вскоре они отказались от своих свидетельств, как видно из материалов дела, после обещания Николаевой дать им фруктовой воды и пуд баранок. Следовательно, занимавшийся этим делом, сетовал на то, что, несмотря на «полную внутреннюю уверенность в виновности Николаевой и подкупе свидетелей, формально это установить нельзя» [Там же, д. 2355, л. 16].

Судам при рассмотрении изучаемых дел приходилось учитывать нередко запутанные отношения в среде деревенского социума. Так, тамбовский крестьянин И. Л. Филатов был оправдан из-за того, что свидетельни-

цы по его делу были с ним во враждебных отношениях из-за земельных споров. Поэтому суд не принял во внимание их показания, из которых следовало, что Филатов якобы назвал императрицу Марию Федоровну «германкой», а ее сына Михаила охарактеризовал словами: «... черт знает, откуда» [Там же, д. 2352, л. 63]. Упоминание в материалах дела вражды между свидетелем и обвиняемым служило поводом для смягчения приговора либо прекращения следствия. Стоит отметить принципиальность большинства работников правоохранительных органов, которые не доверяли доносам, если были сомнения в непредвзятости свидетелей.

В фондах РГИА и ГАТО изучено 236 случаев оскорбления лиц императорской фамилии, где указан возраст обвиняемых. Для удобства работы информация заносилась в таблицы Microsoft Excel. Всего проанализировано 164 случая обвинения крестьян поколения «революционного перелома» и 72 — более старших возрастов.

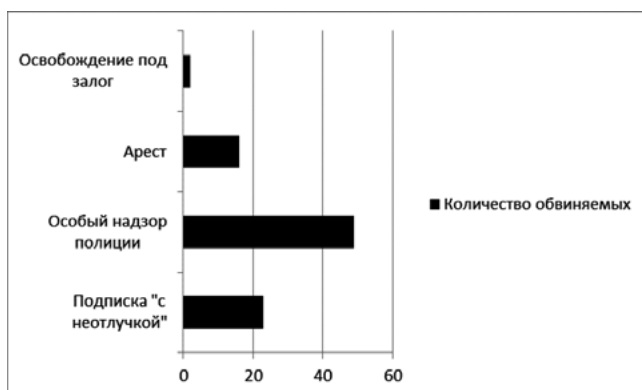

Рис. 1. Распределение обвиняемых из поколения «революционного перелома» по форме наказания.

Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476; ГАТО, ф. 4. оп. 1, д. 8930, д. 8998, д. 9494, д. 9691, д. 9271, д. 8950; ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, д. 2349, д. 8948, д. 8949, д. 2350, д. 2352, д. 2355, д. 2357, д. 2359, д. 2363, д. 2365].

Согласно законодательству того времени крестьяне-подростки младше 16 лет не получали никаких наказаний, кроме надзора со стороны родителей. Распределение дел по мере пресечения среди обвиняемых в возрасте от 16 до 31 года представлено на диаграмме (рис. 1). При анализе видов наказания, примененных к оскорбившим императора, бросается в глаза незначительное количество строгих мер. Большинство случаев заканчивались установлением особого надзора полиции (29,8 %). Подписку о невы-

езде взяли с 14 % обвиняемых. Только в 16 случаях в материалах фигурировал арест или содержание под стражей (9,7 %). В 43-х случаях крестьяне были призваны в действующую армию (26,25). Значительный процент дел остался неразобранным из-за отсутствия доказательств или ненадежности свидетельских показаний.

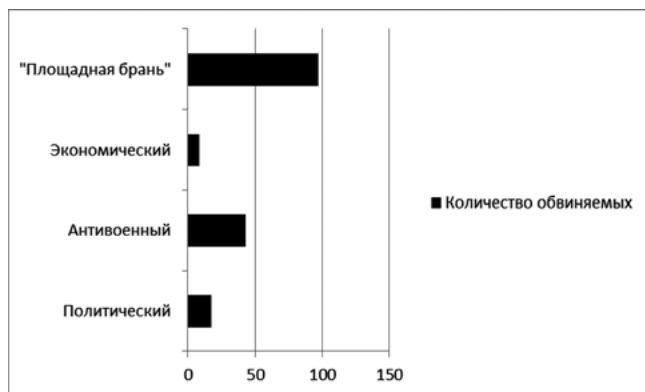

Рис. 2. Распределение обвиняемых из поколения «революционного перелома» по характеру оскорбления.

Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476; ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 8930, д. 8998, д. 9494, д. 9691, д. 9271, д. 8950; ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, д. 2349, д. 8948, д. 8949, д. 2350, д. 2352, д. 2355, д. 2357, д. 2359, д. 2363, д. 2365].

Крестьянские высказывания в адрес императорской фамилии довольно сумбурны, тем не менее можно условно выделить в них четыре группы: антивоенные, политические, экономические и «площадная брань». Среди обвиняемых представителей поколения «революционного перелома» большинство преступлений приходилось на инвективы с использованием обсценной лексики в адрес императора или членов царствующего дома (59,1 %) (см. рис. 2). Помимо 43 случаев антивоенных высказываний (26,2 %), заметно число политических комментариев, которых выявлено 17 (10,3 %). Выступлений, в которых основной акцент сделан на экономических проблемах, всего 4,8 %.

Меры пресечения для обвиняемых крестьян старших поколений представлены в виде диаграммы (рис. 3). В качестве наказания преобладал особый надзор полиции (37,5 %). В 19 случаях мерой пресечения стала лишь подписка о невыезде (26,3 %). Существенно реже, чем в поколении «революционного перелома», встречаются случаи призыва крестьян в армию — 12 (16,6 %).

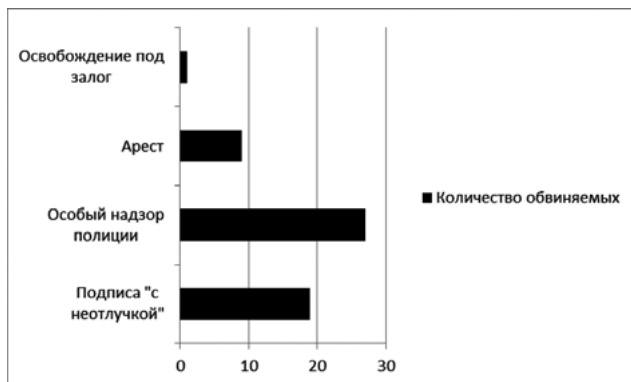

Рис. 3. Распределение обвиняемых из старших поколений по форме наказания.

Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476; ГАТО, ф. 4. оп. 1, д. 8930, д. 8998, д. 9494, д. 9691, д. 9271, д. 8950; ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, д. 2349, д. 8948, д. 8949, д. 2350, д. 2352, д. 2355, д. 2357, д. 2359, д. 2363, д. 2365].

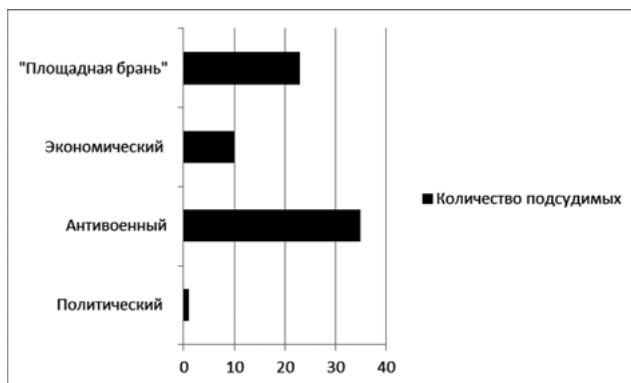

Рис. 4. Распределение обвиняемых по характеру оскорбления из старших поколений.

Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476; ГАТО, ф. 4. оп. 1, д. 8930, д. 8998, д. 9494, д. 9691, д. 9271, д. 8950; ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 2348, д. 2349, д. 8948, д. 8949, д. 2350, д. 2352, д. 2355, д. 2357, д. 2359, д. 2363, д. 2365].

Среди старших возрастов в материалах дел существенно ниже доля случаев «площадной брани» (31,9 %), чем в поколении «революционного перелома». Согласно диаграмме, преобладали антивоенные высказывания (48,6 %) (рис. 4). Заметно выше процент выступлений экономического характера (13,8 %). Вероятно, это связано с тревогой за сохранение крестьянского хозяйства в условиях войны. Для более зрелых крестьян не характер-

ны выступления исключительно политического характера. Это свидетельствует о большей политизированности и радикализации представителей генерации «революционного перелома».

Согласно подсчетам В. К. Аксенова, среди всех возрастов больше обвиняемых было среди 40-летних мужчин и 30-ти летних женщин [Аксенов, 2020, с. 266]. Историк объясняет такие данные не мобилизационными кампаниями, а недовольством в обществе властью.

Среди обвиняемых представителей поколения «революционного перелома» совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения — 38,4 %. В старших возрастах этот показатель составлял 20,8 %. Повидимому, молодые крестьяне чаще употребляли спиртные напитки, при этом были более склонны к проявлению неуважения к императору. Можно сделать вывод о большей раскрепощенности представителей поколения «революционного перелома» по сравнению со старшим поколением.

Спорным представляется мнение Д. А. Сафонова [Сафонов, 2017, с. 203] о том, что документы об оскорблении лиц императорской фамилии не свидетельствуют об эрозии «наивного монархизма» в среде крестьянского социума. Очевидно, что, браня императора, землепашцы не могли сформулировать никакой позитивной политической программы. Монархизм крестьян в основной массе сохранялся, но война пошатнула авторитет императора и его семьи. Это подтверждает ретроспективный взгляд на то, как было воспринято крестьянами падение монархии.

4. Заключение = Conclusions

Материалы дел об оскорблении лиц императорской фамилии являются важнейшим источником для понимания как конкретных исторических событий, так и кардинальных социальных и политических трансформаций. Крестьянскую речь того периода сложно назвать богатой. Исследование показывает схожие нарративы в высказываниях землепашцев разных губерний. Повторяющиеся стереотипные слова свидетельствуют о настроениях, царивших в обществе.

Многое определял контекст, в котором произносились оскорбительные речи и физическое самочувствие преступника. В состоянии алкогольного опьянения крестьяне произносили случайную брань либо антивоенные заявления. В делах, где пьянство не фигурирует, заметно преобладание критики тяжелого положения в стране и политики властей.

В период 1914—1917 годов критическое отношение к власти со стороны молодого поколения определялось в первую очередь нежеланием идти на фронт. Общими для сельского социума факторами недовольства был недостаток земли, реквизиция лошадей для фронта, результаты столыпинской

аграрной реформы, инфляция и высокие налоги. Кроме социально-экономических причин произнесения оскорбительных речей, немаловажное значение имели слухи, широко распространенные в деревне. Крестьяне без энтузиазма отнеслись к принятию Николаем II поста Верховного главнокомандующего армией. Критическому восприятию в обществе подвергались как внутривнутриполитический курс императора, так и его непосредственное руководство военными операциями, в том числе такая мера, как введение «сухого закона».

Негативное отношение к войне находило выражение в оскорблениях государя. Широко распространенная практика забирать на фронт обвиняемых в оскорблении царя молодых людей в перспективе могла сказаться на верности войск императору. События февраля — марта 1917 года показали отсутствие в войсках стойких монархических настроений.

Для крестьянства поколения «революционного перелома», согласно материалам следственных дел, была характерна триада протестных практик: «площадная брань», антивоенная риторика и высказывания с прямым политическим подтекстом. Для более старших возрастов характерна высокая доля антивоенной риторики, оскорбительных высказываний и выражений недовольства экономическим положением. В целом настроения поколения «революционного перелома» характеризуются большей радикализацией и политизацией, что обусловлено специфическим социальным опытом этих граждан, полученным в фомативные годы.

Угрозы убийства в адрес царя свидетельствуют о десакрализации его образа в глазах части крестьян. Применительно к периоду 1914—1917 годов фиксируется массовое появление в высказываниях землепашцев маркеров агрессии — «убить», «зарезать», «повесить» и т. д. Для настроений представителей поколения «революционного перелома» наиболее заметно падение авторитета правящего монарха. Мировая война служила катализатором этого процесса.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*. Ф. 4. (Канцелярия губернатора). Оп. 1. Д. 8998, 9494, 8948, 8949, 8930, 9691, 9271, 8950 ; Ф. 272 (Губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 2365, 2357, 2348, 2971, 2355, 2352, 2349, 8948, 8949, 2350, 2352, 2355, 2359, 2363.

2. *Новое уголовное уложение*, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. — Санкт-Петербург : Изд. Каменноостровского книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. — 130 с.

3. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1405 (Министерство юстиции) Оп. 521. Д. 476.

Литература

1. Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918) / В. Б. Аксенов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 992 с.
2. Аксенов В. Б. Убить Николая II : Угрозы, слухи, реалии (1914—1918 гг.) / В. Б. Аксенов // Исторические записки. — 2021. — № 20 (138). — С. 124—150.
3. Безгин В. Б. Как и за что крестьяне бранили царя (по материалам следственных дел конца XIX — начала XX века) / В. Б. Безгин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (74). — Ч. 2. — С. 24—27.
4. Безгин В. Б. Российская деревня первой трети XX века : поколение «революционного перелома» / В. Б. Безгин, А. Ю. Вязинкин, В. А. Ипполитов, Д. А. Сафонов, А. А. Слезин, К. А. Якимов. — Москва : Квадрига, 2025. — 504 с.
5. Булдаков В. П. Революция, эмоции, политики : к переосмыслению событий 1914—1917 гг. / В. П. Булдаков // Политическая концептология. — 2017. — № 2. — С. 147—180.
6. Варфоломеев Ю. В. Количественные и качественные изменения в структуре государственных преступлений в начале XX века (по материалам Саратовской судебной палаты и окружного суда) / А. Ю. Варфоломеев, Ю. В. Варфоломеев // Базис. — 2023. — № 1 (13). — С. 77—85. — DOI: 10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544.
7. Варфоломеев Ю. В. Слухи о царской измене в контексте «политической порнографии» России накануне Февральской революции / Ю. В. Варфоломеев // Известия Саратовского университета. — 2010. — Т. 10. — Выпуск 2. — С. 73—79.
8. Варфоломеев Ю. В. Характер государственных преступлений в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Саратовской судебной палаты) / Ю. В. Варфоломеев // Базис. — 2024. — № 2 (16). — С. 41—44.
9. Вязинкин А. Ю. Крестьяне в революционных событиях начала XX века : по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 402—417. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417.
10. Ипполитов В. А. Факторы состояния здоровья крестьян поколения «революционного перелома» в 1920-е годы (на примере Тамбовской губернии) / В. А. Ипполитов // Крестьяноведение. — 2023. — Т. 8. — № 2. — С. 46—63. — DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-46-63.
11. Колоницкий Б. И. Трагическая эротика : образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 657 с. — ISBN 978-5-86793-757-7.
12. Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами Особы Государя Императора в начале XX века / Н. А. Коновалова // Вестник Омского университета. — 2014. — № 1 (71). — С. 42—47.
13. Корнева М. Н. «Оскорбление Его Величества дерзкими словами» как государственное преступление (на материалах Санкт-Петербургских архивов) / М. Н. Корнева, А. А. Солнышкин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 388—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409.
14. Кузнецов И. Н. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX — начала XX века по следственным делам об оскорблении имени и титула императора и членов императорской семьи / И. Н. Кузнецов // Вестник архивиста. — 2013. — № 3. — С. 215—226.

15. Кулачков В. В. Характеристика восприятия императора Николая II в правовом сознании крестьян Западного региона России периода первой мировой войны / В. В. Кулачков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История. Политология. — 2016. — № 15 (236). — С. 131—135.

16. Левада Ю. А. Поколения XX века возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5 (55). — С. 7—14.

17. Лушин А. Н. Деятельность полиции по пресечению оскорблений монарших особ в Российской империи во второй половине XIX — начала XX века (на примере Нижегородской губернии) / А. Н. Лушин, К. А. Чудецкая // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2020. — № 3 (51). — С. 75—78.

18. Мангейм К. Очерки социологии знания : Проблема поколений — созидательность — экономические амбиции / К. Мангейм ; Пер. с англ. Е. Я. Додина. — Москва : ИНИОН РАН, 2000. — 162 с. — ISBN 5-248-01334-8.

19. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет ; Пер. с исп. ; Сост., предисл. общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. — Москва : Весь Мир, 2000. — 700 с. — ISBN 5-7777-0116-7.

20. Патраш Н. В. Трансформация образа царя в сознании населения Псковской губернии в начале XX века по материалам судебно-следственных дел / Н. В. Патраш // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. — 2016. — № 3. — С. 92—102.

21. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны / О. С. Поршнева. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 366 с. — ISBN 5-8243-0590-0.

22. Пушина Л. Ю. Поколение как социокультурная общность / Л. Ю. Пушина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. — 2011. — № 3 (23). — С. 28—34.

23. Самохин К. В. Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии) / К. В. Самохин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 480 — 499. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499.

24. Сафонов Д. А. Деятельность правоохранительных органов России конца XIX — начала XX века по правоприменению статей об «оскорблении величества» / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2016. — № 4 (20). — С. 171—184.

25. Сафонов Д. А. Деятельность правоохранительных органов России конца XIX — начала XX века по правоприменению статей об «оскорблении величества» / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2016. — № 4 (20). — С. 171—184.

26. Сафонов Д. А. «Оскорбление Величества» как индикатор общественного сознания провинциального общества конца XIX — начала XX века / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2017. — № 2 (22). — С. 193—208.

27. Сафонов Д. А. Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны : информационные возможности / Д. А. Сафонов // История: факты и символы. — 2024. — № 1 (38). — С. 117—134. — DOI: 10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134.

28. Слепцов А. С. География оскорблений членов императорской семьи в области войска Донского в начале XX века / А. С. Слепцов // Известия высших учебных за-

ведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2024. — № 1 (221). — С. 74—83.

29. Слепцов А. С. Образ монаршей власти : кого и почему оскорбляли в области войска Донского в начале XX века / А. С. Слепцов // Клио. — 2024. — № 5 (209). — С. 126—132. — DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-126-132.

30. Слепцов А. С. Дела по оскорблению императорской особы как исторический источник / А. С. Слепцов // В сборнике : Платоновские чтения. Материалы и доклады XXIX Всероссийской конференции молодых историков. — Самара : ООО «САМАРА-МА», 2024. — С. 175—177. — ISBN 978-5-605-14607-0.

31. Howe N. The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. — New York : William Morrow & Company, 1991. — Pp. 58—68.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025,
одобрена после рецензирования 03.10.2025,
подготовлена к публикации 20.10.2025.

Material resources

GATO — *The State Archive of the Tambov region. F. 4. (Office of the Governor). Op. 1. D. 8998, 9494, 8948, 8949, 8930, 9691, 9271, 8950; F. 272 (Provincial Gendarmerie Department). Op. 1. D. 2365, 2357, 2348, 2971, 2355, 2352, 2349, 8948, 8949, 2350, 2352, 2355, 2359, 2363. (In Russ.).*

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1405 (Ministry of Justice) Op. 521. D. 476. (In Russ.).*

The new Criminal Code, Most highly approved on March 22, 1903. (1903). St. Petersburg: Publishing House of the Kamennooostrovsky V. P. Anisimov Bookstore. 130 p. (In Russ.).

References

Aksenov, V. B. (2020). *Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the war and Revolution (1914—1918)*. Moscow: New Literary Review. 992 p. (In Russ.).

Aksenov, V. B. (2021). To kill Nicholas II: Threats, rumors, realities (1914—1918). *Historical notes*, 20 (138): 124—150. (In Russ.).

Bezgin, V. B., Vyazinkin, A. Yu., Ippolitov, V. A. (2025). *The Russian village of the first third of the twentieth century: the generation of the “revolutionary turning point”*. Moscow: Quadriga. 504 p. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2016). How and for what the peasants scolded the tsar (based on the materials of investigative cases of the late 19th — early 20th century). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 12 (74) / 2: 24—27. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2017). Revolution, emotions, politics: towards rethinking the events of 1914—1917. *Political conceptology*, 2: 147—180. (In Russ.).

Howe, N., Strauss, W. (1991). *The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company. 58—68.

Ippolitov, V. A. (2023). Factors of the health status of peasants of the “revolutionary turning point” generation in the 1920s (on the example of the Tambov province). *Peasant Studies*, 8 (2): 46—63. DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-46-63. (In Russ.).

Kolonitsky, B. I. (2010). *Tragic eroticism: images of the Imperial family during the First World War*. Moscow: New Literary Review. 657 p. ISBN 978-5-86793-757-7. (In Russ.).

- Konovalova, N. A. (2014). On the study of the problem of peasants insulting the Person of the Emperor at the beginning of the XX century. *Bulletin of Omsk University, 1* (71): 42—47. (In Russ.).
- Korneva, M. N., Solnyshkin, A. A. (2022). “Insulting His Majesty with insolent words” as a state crime (based on the materials of the St. Petersburg archives). *Scientific dialogue, 11* (10): 388—409. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409. (In Russ.).
- Kulachkov, V. V. (2016). Characteristics of the perception of Emperor Nicholas II in the legal consciousness of the peasants of the Western region of Russia during the First World War. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science, 15* (236): 131—135. (In Russ.).
- Kuznetsov, I. N. (2013). The image of the tsar in the minds of the Vologda province peasantry in the second half of the 19th — early 20th century in investigative cases of insulting the name and title of the emperor and members of the imperial family. *Archivist's Bulletin, 3*: 215—226. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes, 5* (55): 7—14. (In Russ.).
- Lushin, A. N., Chudetskaya, K. A. (2020). Police activities aimed at suppressing insults to monarchs in the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century (on the example of Nizhny Novgorod province). *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3* (51): 75—78. (In Russ.).
- Mannheim, K. (2000). *Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations — Competitiveness — Economic Ambitions*. Moscow: INION RAS. 162 p. ISBN 5-248-01334-8. (In Russ.).
- Ortega y Gasset H. (2000). *Selected works*. Moscow: The Whole World. 700 p. ISBN 5-7777-0116-7. (In Russ.).
- Patrash, N. V. (2016). Transformation of the image of the tsar in the minds of the population of Pskov province in the early twentieth century based on materials of judicial and investigative cases. *Bulletin of Tver State University. Series: History, 3*: 92—102. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2004). *Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve and during the First World War*. Moscow: ROSSPEN. 366 p. ISBN 5-8243-0590-0. (In Russ.).
- Pushina, L. Y. (2011). Generation as a socio-cultural community. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences, 3* (23): 28—34. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2016). The activities of law enforcement agencies in Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century on the enforcement of articles on “insulting majesty”. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal, 4* (20): 171—184. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2016). The activity of law enforcement agencies of Russia in the late XIX — early XX century on the enforcement of articles on “insulting majesty”. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal, 4* (20): 171—184. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2017). “Insulting Majesty” as an indicator of the public consciousness of provincial society in the late 19th — early 20th century. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal, 2* (22): 193—208. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2024). Social portrait of veterans of the First World War: information opportunities. *History: facts and symbols, 1* (38): 117—134. DOI: 10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134. (In Russ.).

- Samokhin, K. V. (2024). Assassination of Alexander II in Cases of Insulting Majesty (Material from Tambov Province). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 480—499. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499>. (In Russ.).
- Sleptsov, A. S. (2024). Cases of insulting the imperial person as a historical source. In: *In the collection: Platonic readings. Materials and reports of the XXIX All-Russian Conference of Young Historians*. Samara: SAMARAMA LLC. 175—177. ISBN 978-5-605-14607-0. (In Russ.).
- Sleptsov, A. S. (2024). Geography of insults to members of the imperial family in the field of the Don army in the early twentieth century. *News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*, 1 (221): 74—83. (In Russ.).
- Sleptsov, A. S. (2024). The image of monarchical power: who and why was insulted in the field of the Don army at the beginning of the twentieth century. *Klio*, 5 (209): 126—132. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-126-132. (In Russ.).
- Varfolomeev, Yu. V. (2010). Rumors of tsarist treason in the context of Russia's "political pornography" on the eve of the February Revolution. *Proceedings of the Saratov University*, 10 (2): 73—79. (In Russ.).
- Varfolomeev, Yu. V. (2024). The nature of state crimes in the Russian Empire during the First World War (based on the materials of the Saratov Judicial Chamber). *Basis*, 2 (16): 41—44. (In Russ.).
- Varfolomeev, Yu. V., Varfolomeev, Yu. V. (2023). Quantitative and qualitative changes in the structure of state crimes in the early twentieth century (based on the materials of the Saratov Judicial Chamber and the District Court). *Basis*, 1 (13): 7—85. DOI: 10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Peasants in Revolutionary Events of Early 20th Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 402—417. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417>. (In Russ.).

*The article was submitted 20.06.2025;
approved after reviewing 03.10.2025;
accepted for publication 20.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Махрачев Г. С. Развитие валяльного промысла на территории Тамбовской губернии в условиях перехода от позднеимперского к советскому строю / Г. С. Махрачев, Я. В. Махрacheва, М. А. Облицов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 529—548. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-529-548.

Makhrachev, G. S., Makhracheva, Ya. V., Oblitsov, M. A. (2025). Development of Felted Footwear Craft in Tambov Province During Transition from Late Imperial to Soviet System. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 529-548. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-529-548. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Развитие валяльного промысла на территории Тамбовской губернии в условиях перехода от позднеимперского к советскому строю

Махрачев Георгий Сергеевич
orcid.org/0000-0002-8279-243X
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории и философии,
корреспондирующий автор
mahrachova@mail.ru

Махрacheва Яна Васильевна
orcid.org/0000-0002-8634-110X
научный сотрудник
nika36323@yandex.ru

Облицов Максим Анатольевич
orcid.org/0000-0003-0008-4083
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории и философии
Mr.MaximOblitsov@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина для поддержки научных коллективов, приказ № 490/1 от 02.09.2024 г.

Development of Felted Footwear Craft in Tambov Province During Transition from Late Imperial to Soviet System

Georgy S. Makhrachev
orcid.org/0000-0002-8279-243X
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of History and Philosophy,
corresponding author
mahrachova@mail.ru

Yana V. Makhracheva
orcid.org/0000-0002-8634-110X
Research Associate
nika36323@yandex.ru

Maxim A. Oblitsov
orcid.org/0000-0003-0008-4083
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of History and Philosophy
Mr.MaximOblitsov@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared with financial support from the grant of Derzhavin Tambov State University to support scientific teams, Order № 490/1 dated September 2, 2024

© Махрачев Г. С., Махрacheва Я. В., Облицов М. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению специфики развития валяльного кустарного промысла в аграрном регионе. Новизна исследования видится в том, что был применен междисциплинарный подход, а также был рассмотрен крупный временной промежуток, включающий позднейшее время, период военного коммунизма и годы нэпа. В качестве материалов привлекаются документы региональных архивов и авторский полевой архив устной традиции, а также опубликованные данные статистики, делопроизводственные источники, статьи периодических изданий. Показано, что в позднейшее время деятельность валяльщиков носила преимущественно натуральный характер, а кустарничество только начинало зарождаться в местах повышенного скопления мастеров. Сообщается, что механизация производства происходила медленными темпами. Кроме того, авторы приходят к выводу, что стремительное развитие промысловой кооперации в среде валяльщиков в годы военного коммунизма было обусловлено потребностями фронта. Уделяется внимание объяснению причин снижения численности промысловых кооперативов в годы нэпа. Подчеркивается, что употребление диалектной лексики, относящейся к профессиональной сфере, наряду с литературной в одном и том же населенном пункте свидетельствует не только о глубинной установке в сознании человека на труд, но и акцентирует внимание на значимости специфики видов трудовой деятельности, мастерстве.

Ключевые слова:

кустарные промыслы; промысловая кооперация; валяльное дело; ремесленная лексика; Тамбовская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the development of the handmade felted footwear craft within an agrarian region. The novelty of this study lies in its interdisciplinary approach and its analysis of an extensive timeframe encompassing the late Imperial era, the period of War Communism, and the years of the New Economic Policy (NEP). The research draws upon a diverse source base, including regional archival documents, the authors' own field archive of oral histories, published statistical data, administrative records, and contemporary periodicals. The study demonstrates that during the late Imperial period, the work of felters was predominantly subsistence-based, with cottage industries only beginning to emerge in areas with a high concentration of artisans. It is reported that the mechanization of production progressed at a slow pace. Furthermore, the authors conclude that the rapid development of trade cooperatives among felters during War Communism was driven by the demands of the military front. The article also pays particular attention to explaining the reasons for the decline in the number of these trade cooperatives during the NEP. Finally, it is emphasized that the concurrent use of dialectal and literary lexicon related to the professional domain within the same locality not only reflects a deep-seated cognitive framework for labor but also underscores the significance of specific types of work and the value of artisanal skill.

Key words:

felted footwear craft, cottage industry, Tambov Province, Soviet transition, trade cooperatives, War Communism, NEP, oral history, dialectology, labor culture.

Развитие валяльного промысла на территории Тамбовской губернии в условиях перехода от поздней имперской к советской системе

© Махрачев Г. С., Махрачева Я. В., Облицов М. А., 2025

1. Введение = Introduction

Хронологический отрезок, начало которого совпадает с отменой крепостного права, а конец — с переходом страны к индустриализации и коллективизации, можно с уверенностью назвать временем расцвета кустарных промыслов. Однако установление на многие годы командно-административной экономики поставило под удар деятельность мелких товаропроизводителей и снизило интерес ученых к этой теме. Лишь в конце XX века в рамках перехода к рыночным отношениям произошла актуализация исследований, связанных с изучением специфики организации предпринимательской деятельности прошлых поколений. В связи с этим особую значимость приобретают исследования регионального характера, поскольку кустарное производство являлось предвестником современного малого предпринимательства, которое напрямую связано с локальными традициями и местной географией.

Впервые к вопросам развития кустарного производства исследователи обратились еще в поздней имперской время, что было связано с попытками понять новые реалии, в которых оказалась Россия после отмены крепостного права. Так, заметным явлением общественной жизни стала дискуссия о месте кустарных промыслов в экономике страны, развернувшаяся между народниками и марксистами. Народники в своих работах делали акцент на уникальности кустарных промыслов, подчеркивая их неразрывную связь с реалиями русской жизни. А. А. Исаев на примере Московской губернии попытался выявить причины зарождения центров кустарного производства [Исаев, 1876, т. 1; Исаев, 1876, т. 2; Исаев, 1877]. В. С. Пругавин изучил особенности организации кустарного отдела на выставке 1882 года [Пругавин, 1882].

Среди марксистов выделялись Г. В. Плеханов и В. И. Ленин, которые стремились показать, что развитие кустарного производства было закономерным экономическим явлением, характерным капиталистической формации. Плеханов, проанализировав положение кустарей, указал на то, что их про-

изводство имело вид типового капиталистического предприятия [Плеханов, 1956]. Ленин в своей работе подчеркнул, что переход многих сельских мастер-ов от натурального производства к рыночному происходил именно под влиянием развивавшихся в стране капиталистических отношений [Ленин, 1971].

Для историографии советского периода был характерен спад интереса к данной теме, а те немногие работы, которые все же выходили в свет, носили ярко выраженный идеологический характер. Так, основополагающей можно назвать работу В. И. Ленина, в которой кооперации отводилась важнейшая роль при построении социалистического общества [Ленин, 1970]. Неудивительно, что вслед за ней был опубликован ряд трудов, в которых делался акцент на высоких темпах кооперативного строительства, в том числе и в среде кустарей [Тихомиров, 1929; Фромметт, 1927]. Заметное влияние на разработку рассматриваемой темы оказали опубликованные также в 1920-х годах исследования А. А. Рыбникова, в которых приводилась классификация кустарных промыслов и давалась их описательная характеристика [Рыбников, 1922, Рыбников, 1926].

В 1957 году в свет вышла работа П. И. Яковлева, в которой автор попытался проследить судьбу отечественной кооперации с позднимперского времени до «хрущевской оттепели» [Яковлев, 1957]. А. И. Бузлаева в своей монографии сделала акцент на том, что кооперированные кустари в годы военного коммунизма и нэпа работали в лучших условиях, чем частники [Бузлаева, 1969]. П. Г. Рындзюнский проанализировал место кустарной промышленности в формировавшихся в пореформенное время капиталистических отношениях [Рындзюнский, 1966]. К. Н. Тарновский изучил географию распространения кустарных промыслов в начале XX века, рассмотрел влияние русско-японской и Первой мировой войн на эту форму производства [Тарновский, 1995].

В работах конца 1980—1990-х годов ученые пытались переосмыслить существовавшую историографическую традицию, излишне негативно оценивая положение советской кооперации [Козлов, 1990; Файн, 1994].

На заре XXI века был опубликован труд В. Г. Егорова, в котором автор проследил историю кооперативного строительства в среде кустарей как закономерный этап концентрации мелкой собственности [Егоров, 2005]. М. В. Карташова, активно применяя новые компьютерные методы исследования, выбрала центральным сюжетом политику позднимперского правительства по стимулированию кустарного производства [Карташова, 2018]. В настоящее время все большую популярность приобретают исследования, носящие региональный характер [Перепелицын, 2005; Егоров и др., 2016; Григорова, 2017].

Таким образом, с одной стороны, данная статья развивает наметившуюся тенденцию повышения интереса к региональным аспектам развития ку-

старой промышленности; с другой — авторы значительно расширили хронологические рамки исследования, рассмотрев как целостный временной промежуток пореформенное время, период военного коммунизма и нэпа. Такой подход ранее не был характерен для отечественной историографии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование базируется на широком круге источников. В первую очередь это неопубликованные документы, сохранившиеся в Государственном архиве Тамбовской области и Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области. В них была отражена информация об особенностях организации работы кустарей для нужд фронта в годы гражданской войны, а также о темпах кооперативного строительства и объемах производства. Кроме того, были проанализированы материалы статистики разных лет, позволившие выявить центры кустарного производства и проследить особенности складывания капиталистических отношений. Дополнительно к работе привлекались источники периодического характера и делопроизводственные документы. Особо отметим использование в работе полевого архива устной традиции, собранного авторами в экспедициях на территории региона на рубеже XX—XXI веков.

В рамках работы использовались общенаучные и специальные методы исследования. К первым следует отнести анализ, востребованный для работы с любыми историческими источниками, и синтез, благодаря которому разрозненные факты были собраны в единую логическую конструкцию. Под второй группой методов мы понимаем историко-статистический метод, который был необходим при работе с количественными данными, историко-сравнительный, применявшийся для сопоставления специфики организации кустарного производства в разные эпохи, метод сплошной выборки и контент-анализ данных из текстов бесед, содержащихся в полевых материалах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Зарождение кустарного валяльного производства в позднемперское время

Подворные переписи 1880—1884 годов отразили скудность крупных центров валяльного промысла на территории губернии. Это Романовская, Кузьминская и Грязинская волости Липецкого уезда, в которых было отмечено 298, 69 и 45 промысловых дворов соответственно [Сборник ..., 1885, Т. 8, с. 108]; Ракшинская волость Моршанского уезда — 124 двора [Сборник ..., 1882, Т. 3, с. 290—291]; Зарубинская волость Спасского уезда — 57 дворов [Сборник ..., 1883, Т. 5, с. 118—119]; Митропольская волость Тамбовского уезда — 41 двор [Сборник ..., 1886, Т. 12, с. 280—281].

Среди основных форм организации валяльного промысла выделялись следующие: 1) домашнее производство для личного пользования, 2) местное ремесленное изготовление под заказ, 3) отходничество, также ориентированное на работу под заказ, 4) кустарное или капиталистическое, предполагавшее наличие наемных рабочих, а также сбыт изделий неизвестному потребителю. Как правило, тамбовские мастера работали «для удовлетворения местного крестьянского спроса» [Сборник ..., 1881, Т. 2, с. 131], то есть практиковали первые две организационные формы.

К третьей категории можно отнести как тамбовских мастеров, которые уходили в соседние уезды и губернии, так и пришлых, которые трудились на территории Тамбовщины из других регионов. Так, мастера из с. Плоская Дубрава Питерской волости два раза в год — весной и осенью — отправлялись работать в южные уезды Тамбовской губернии. Весенняя отлучка приходилась на май, период стрижки овец, и длилась около двух недель. В это время отбивали шерсть и изготавливали из нее исключительно войлок, полости, епанчи. Осенняя отлучка начиналась в конце августа и длилась до конца октября. В это время изготавливали также валенки. Уходили артелями по 6—12 человек [Сборник ..., 1882, Т. 3, с. 246]. Мастера из селений, входивших в состав Романовской, Кузьминской и Грязинской волостей, в качестве направления отходничества выбирали Воронежскую губернию и Область войска Донского. Работали там с конца августа до середины ноября или декабря группами по 2—3 человека [Сборник ..., 1885, Т. 8, с. 100]. Отходничество существовало и среди мастеров с. Митрополье Митропольской волости. Причем крупные мастера работали у себя дома, а по соседним деревням ходили маломочные [Сборник ..., 1886, Т. 12, с. 266].

Отходничество практиковалось и мастерами из других губерний. На рубеже 1900—1910-х годов в Липецкий уезд стали приходить валяльщики из Московской и Тверской губерний. Их изделия отличались более высоким качеством, а скорость производства была в два раза быстрее [Обследование ..., 1912, с. 4]. В результате жесткой конкуренции возник риск обнищания местных мастеров, которые практиковали отсталую технологию производства.

Капитализация валяльного производства была в первую очередь заметна в крупных центрах промысловой активности. Кустари сбывали свою продукцию на ближайших крупных рынках, а также использовали наемных рабочих, число которых, как правило, было невелико: 1—2 человека [Там же, с. 2]. Так, мастера из с. Ярлуково Грязинской волости сбывали свои изделия на базарах в Липецке и Грязях, из с. Покасы Зарубинской волости — в Спасске, из с. Митрополье Митропольской волости — в Бондарях, Гагарино, Рассказово, а кроме того, во всех обозначенных селени-

як существовал наемный труд [Обследование ..., 1912, с. 2, 6; Сборник ..., 1883, т. 5, с. 99—100; Сборник ..., 1886, т. 12, с. 256; Докладная ..., с. 72]. В документах также упоминалось об использовании наемного труда в с. Крутые хутора Романовской волости и д. Коршуновка Питерской волости [Обследование ..., 1912, с. 1—2; Кустарные ..., 1900, с. 57].

Местные ремесленники и отходники в подавляющем большинстве случаев выделяли изделия из сырья, заранее предоставленного заказчиком [Докладная ..., с. 24, 35, 63]. Кустари же использовали шерсть, состриженную с собственных овец либо приобретенную у соседей и на ближайших базарах [Кустарные ..., 1900, с. 58]. Чем больше было производство, тем более крупными партиями и на более выгодных условиях закупалась шерсть. Некоторые валяльщики, например из с. Митрополье Митропольской волости, использовали для работы только овечью шерсть без примесей, боясь в противном случае лишиться потребителей [Докладная ..., с. 72]. А в Моршанском уезде мастера изготавливали продукцию как из чистой овечьей шерсти, так и с примесями коровьей и собачьей. Изделия с примесями продавались в два раза дешевле [Сборник ..., 1882, т. 3, с. 247].

Орудия труда: рубели, колодки, раскаты, лучки, струны, железные прутья — частью делались мастерами самостоятельно, частью покупались. Колодки могли прослужить два года, в то время как струн хватало на 1—3 дня работы, потому их покупали десятками [Там же]. Началась медленная механизация производства благодаря распространению шерсточесальных машин, численность которых в конце XIX века была единичной [Сборник ..., 1882, т. 3, с. 247; Сборник ..., 1883, т. 4, с. 193; Сборник ..., 1886, т. 12, с. 266]. Причем они производились в том числе и местным населением, что подтверждали экспонаты губернской выставки [Тамбовское ..., 1913, с. 83]. Распространению механических орудий производства мешала их дороговизна. Стоимость шерсточесальной машины варьировалась от 70 до 100 руб., а цена одной пары готовых валенок из чистой овечьей шерсти составляла 1 руб. 40 коп. [Сборник ..., 1882, с. 247].

Организация валяльного производства требовала крупных капиталовложений, которых у обычных крестьян не было. А потому многим из них приходилось обращаться к зажиточным односельчанам за кредитом под высокий процент. Кабальность заключавшихся договоров приводила к разорению мастеров [Обследование ..., 1912, с. 2; Докладная ..., с. 72].

3.2. Объединение валяльщиков в кооперативы и особенности выполнения ими госзаказов в годы военного коммунизма

В документах периода военного коммунизма встречались весьма скудные данные о работе единоличных валяльщиков, что неудивительно, поскольку страна оказалась в глубоком кризисе, затронувшем все сферы

общественной жизни. Между тем советская власть отдавала предпочтение кооперативной форме организации производства, которая была в кратчайшие сроки поставлена на государственный контроль.

Тем не менее некоторые выводы о промысловой активности населения можно сделать на основе результатов сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов. Следует выделить два крупных центра, существовавших в 1917 году: это Шаморгская волость Шацкого уезда, где проживало 558 мастеров, и Зарубинская волость Спасского уезда — 262 мастера. В 1920 году был зафиксирован только один крупный центр — Митропольская волость Тамбовского уезда, где промышляло 270 человек. Остальные центры промысловой активности пришли в упадок [Бюллетень ..., 1924, № 4, с. 14].

В журнале «Трудовое единение», который вышел в свет 30 мая 1919 года, приведены данные о числе действовавших в губернии промысловых кооперативов. Среди них 1 по выработке валяльной обуви — в Шацком уезде, а также несколько объединений в Тамбовском уезде, которые могли быть связаны с валяльным промыслом: 2 кустарно-войлочных и 1 по обработке шерсти [Кустарная ..., 1919, с. 60].

Появление кооперативов валяльщиков нередко было связано с наличием государственных заказов (госзаказов). В конце 1919 года Тамбовский губернский отдел текстильной промышленности (губтекстиль) организовал 3 кооператива, изготавливавших валенки для нужд фронта на территории Тамбовского уезда [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1520, л. 18]. В это же время возник кооператив в с. Хмелевое Козловского уезда. Местный совет народного хозяйства сразу начал переговоры с отделом военных заготовок о предоставлении заказов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 719, л. 48].

Шефство над промысловой кооперацией в 1919 году взяло губернское бюро союзов кредитных, сельскохозяйственных и производственных кооперативов (сельскобюро). 6 декабря того же года оно стало посредником при реализации заказа от губтекстиля на производство валенок [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 25 об.]. В феврале–марте 1920 года сельскобюро было преобразовано в Тамбовский губернский сельскохозяйственный союз кредитной и кустарно-промысловой кооперации (губсельскосоюз) [ГАТО, ф. Р-966, оп. 1, д. 52, л. 11 об.], который вскоре был поглощен губернским союзом потребителей обществ (губсоюзом) [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 75].

Из вышеобозначенных фактов можно сделать вывод, что губтекстиль претендовал на главенствующую роль среди прочих местных государственных органов управления во взаимоотношениях с валяльщиками. Более того, на заседании коллегии губтекстиля от 14 мая 1920 года было при-

нято решение, что все заказы из центра на валяльную обувь и чулочно-валяльные изделия должны были реализовываться только через губтекстиль [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 758, л. 134]. Параллельно с этим на заседаниях Президиума ГСНХ было постановлено, что все заказы для тамбовских кустарей должны были проходить через кустарно-кооперативный отдел [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 717, л. 59, 63]. Но этот отдел просуществовал недолго, и 24 июля прошло первое заседание коллегии нового органа — губернского отдела по делам кустарной и мелкой промышленности (губкустпрома) [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 109].

Учрежденному губкустпрому не сразу удалось в должной мере наладить организационную работу. В записке от 18 августа сообщалось, что валяльщики по-прежнему работали для нужд губтекстиля [Там же, л. 108]. Однако военное положение вынуждало советскую власть отладить процесс массового производства тех изделий, которые были востребованы на фронте и к которым в том числе относились валенки. Этому способствовало издание в сентябре–октябре губкустпромом ряда соответствующих приказов. Во-первых, производственная секция губсоюза должна была каждые 10 дней предоставлять сведения о количестве выработанных валенок. Во-вторых, все государственные учреждения были обязаны передать в губкустпром сведения о заключенных с валяльщиками договорах и об объемах имевшегося сырья. В-третьих, создавалась комиссия по ревизии имевшейся на фабричных складах шерсти, пригодной для передачи кустарям. Всякие попытки оспорить данные решения должны были караться трибуналом [ГАТО, ф. Р-966, оп. 1, д. 38, л. 9, 11, 26]. По итогу на заседании коллегии губтекстиля 12 ноября 1920 года было принято решение о передаче губкустпрому заказа на валяную обувь и нарядов на шерсть [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 758, л. 281].

Губкустпром должен был организовать производство 60 000 пар валенок для нужд фронта [ГАТО, ф. Р-966, оп. 1, д. 38, л. 27]. В целях повышения эффективности производства в кооперативах валяльщиков вводилась должность ответственного руководителя работ. Каждая пара валенок должна была быть помечена дробью, у которой числитель — номер кооператива, а знаменатель — мастера. Изготовление некачественной продукции каралось ликвидацией кооператива и судебным преследованием. Месячная норма выработки изделий на одного мастера составляла 20 пар валенок [Там же, л. 32—33].

3.3. Специфика существования частной и кооперативной форм валяльного производства в годы нэпа

О промысловой активности населения в годы нэпа позволяют судить данные статистического обследования 1925 года, согласно которым круп-

ные центры валяльного производства существовали в Бондарской и Сампурской волостях Тамбовского уезда, где проживало 199 и 177 валяльщиков соответственно, Дегтинской волости Козловского уезда — 109 валяльщиков, Пригородной и Алгасовской волостях Моршанского уезда — 89 и 82 валяльщика, Ищенской и Пригородно-Лебединской волостях Липецкого уезда — 96 и 76 валяльщиков [Бюллетень ..., 1928, № 8, с. 16—19]. Также хотелось бы обратить внимание на заметку в «Тамбовской правде», в которой отмечалось постепенное вытеснение пришлых валяльщиков местными мастерами [Не кустарь ..., 1922, с. 3].

Работали мастера преимущественно осенью и зимой по 12—14 часов в сутки. По-прежнему развитию промысла мешала дороговизна орудий труда. Пара валенок на местных рынках оценивалась в 7—8 руб., а стоимость необходимого для работы оборудования могла превышать 100 руб. [Бюллетень ..., 1928, № 8, с. 16].

Как уже отмечалось, советскую власть интересовала не частная ремесленно-кустарная, а кооперативная форма производства, информацией о которой изобилуют источники этого периода. Преемником упраздненной производственной секции губсоюза стал образованный 1 августа 1921 года губернский союз кустарно-промысловый кооперации (губкустпромсоюз) [Краткий ..., с. 442]. По данным на 1 июля 1922 года, в его состав входило 27 кооперативов, специализировавшихся на кошмовальном производстве (изготовлении валенок и войлока) и охватывавших 716 мастеров [Лябин, 1922, с. 25].

Первоначально руководство губкустпромсоюза по инерции придерживалось сложившейся еще в годы военного коммунизма традиции ориентироваться на госзаказы. Однако гражданская война постепенно заканчивалась, а потому былой нужды в огромных партиях валенок уже не было. Внешние контрагенты, с которыми губкустпромсоюз заключил договоры в течение 1921—1922 финансового года, зачастую были не в состоянии предоставить качественное сырье и материалы, а также обеспечить на должном уровне финансирование работы. По этим причинам заказ на выделку 5000 пар валенок был выполнен менее чем на 30 %. В дальнейшем руководство союза приняло решение начать заготовку собственного сырья. В течение нескольких месяцев 1922 года удалось создать запас шерсти, которая должна была обеспечить на 100 % потребности валяльного производства до 1 февраля 1923 года [Там же, с. 26].

Организацией производственной деятельности занимались также уездные союзы кустарно-промысловый кооперации (укустпромсоюзы), входившие в состав губкустпромсоюза. Так, Козловский укустпромсоюз открыл собственную валяльную мастерскую. Однако это все равно не по-

могло удержать кооперативы в составе союза. Из-за слабой загруженности работой два из трех кооперативов, функционировавших на базе союза, вышли из его состава [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2834, л. 37].

Несмотря на все усилия губкустпромсоюза наладить производственную деятельность в среде промысловой кооперации, в течение 1922 года входившие в его состав укустпромсоюзы стали объединяться с сельскохозяйственными союзами, перетекая таким образом в состав губсельско-союза. К тому же в 1923 году площадь губернии сократилась практически в 2 раза. Поэтому в 1923—1924 годах место губкустпромсоюза занял Тамбовский районный союз кустарно-промысловой кооперации (райкустпромсоюз), работавший на уездном уровне [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3322, л. 1; ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 25]. За первую половину 1924 года члены союза произвели 100 пар валенок [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2340, л. 170].

1 сентября 1923 года в состав Тамбовского райкустпромсоюза входило 5 первичных кооперативов валяльщиков, из которых только Митропольский объединял 112 высоко квалифицированных мастеров, а остальные были заметно слабее [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 696, л. 13].

В смешанных уездных и районных союзах губсельскосоюза также велось производство валяных изделий. Так, в состав Липецкого районного союза сельскохозяйственной кредитно-производственной и кустарно-промысловой кооперации входила Желто-Песковская артель валяльщиков, которая в 1922 году выполняла заказ на изготовление 152 пар валяных сапог, 500 шт. хомутовых подкладок и 737,13 кг строительного войлока [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 30]. В Козловском районном производственном союзе сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации функционировала Глазковская артель валяльщиков, чьи изделия распространялись среди местных товариществ, коммун и артелей [Там же, л. 20].

После ликвидации Тамбовского райкустпромсоюза и полного исчезновения специализированных союзов наблюдалось постепенное снижение числа действовавших в губернии кооперативов валяльщиков. По состоянию на 1 апреля 1924 года в губернии существовало 26 кооперативов валяльщиков, объединявших 350 мастеров. А по данным на 1 июля 1926 года функционировало уже только 9 кооперативов валяльщиков, охватывавших 258 мастеров [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 4017, л. 14—16, 27]. Интерес к промысловой кооперации возродился только в 1928 году, что привело к созданию нового губкустпромсоюза [П-ский, 1928, с. 4]. Однако в стране начинались уже совсем другие процессы, связанные с индустриализацией и коллективизацией.

3.4. Отражение трудовой деятельности тамбовских валяльщиков в языке устной традиции

Материалы устной традиции, собранные авторским коллективом¹ на рубеже XX—XXI веков в селах области от жителей, в том числе принадлежащих к династиям мастеров, содержат воспоминания разных поколений и позволяют отчасти понять, как лексическая система складывалась вокруг трудовой неземледельческой деятельности на Тамбовщине.

В местах с традиционно высокой плотностью мастеровых людей сохранились и дошли до наших дней не только общие наименования профессионалов (гиперонимы), но и номинации, указывающие на их специализацию, детализирующие выполнение конкретного трудового действия (гипонимы).

Примером гиперонимов может служить слово *ва́льщик*, которое употребляется в значении ‘мастер валяльного дела’ и соотносится с полным процессом создания валяного изделия (Бонд.: АМИ, Пич.: СМВ, ЧМА; Самп.: ПНИ, ФНД; Сосн.: КВГ, КВВ; Умет.: НКВ): *Щас мало валяют валенков. Уже ва́льщики почти умерли все. Я не знаю, кто у нас в Оржевке валяет или нет. Раньше много валяли валенков* (Умет.: НКВ). Здесь и далее тексты бесед с респондентами привлекаются для иллюстрации лексики, поэтому приводятся без учета фонетических диалектных черт. Список сокращений названий районов и муниципальных округов (с 2023 года) Тамбовской области приводится в соответствии с современным административным делением области в конце статьи. Там же дается список информантов.

Ко вторым можно отнести слова, обозначающие исполнителей отдельных видов работы, в том числе способов и этапов подготовки сырья: *чеса́льщик* ‘мастер, занимающийся шерсточесным ремеслом’ (Пич.: ЧМА), *чѣшник* ‘то же’ (Самп.: РТИ); *стригáль* ‘человек, стригущий шерсть с овец’ (Ржакс.: АМВ; Умет.: МВК). Например: *А я не помню, как на колхозе стригли, там тыщи овец <...> Тогда не было электрических машинок. Да, это*

1 Результаты этнолингвистических экспедиций, проводимых ежегодно на территории Тамбовской и близлежащих областей под руководством Т. В. Махрачевой, доцента кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», начиная с 1993 года по настоящее время, представляют значительный полевой архивный материал (ПАМ), содержащий этнолингвистические, этнографические, лексические данные по различным темам и разделам традиционной народной культуры региона. С 1995 года практически все материалы подтверждены аудио-, а с 2005 года видео- и фотофиксацией. По сути, этот архив можно считать единственным относительно полным источником по устной традиции региона. С 2020 года участниками ежегодных экспедиций становятся авторы представляемой статьи. Полнота и частотность записей, хранящихся в ПАМ по теме валяния на исследуемой территории, а также тот факт, что большая их часть ранее не была опубликована, мотивировали выбор, сделанный в пользу данного источника перед остальными.

вот сейчас пошли, электрическими стригут. Стригалёй было много прям (Умет.: МВК). Важно отметить, что на общерусском материале эта черта проявляется очень ярко и позволяет увидеть, какие действия, этапы работы оцениваются как значимые и обуславливают генезис профессии, рождение профессионала. Сбор и анализ этой лексики делает возможным исследование того, как именно маркировалась эта специализация в языке, какие языковые средства привлекались, подробнее см.: [Вендина 2020, с. 64, Королькова, 2022, с. 104—112 и др.].

Разнообразен номинативный ряд, который использовался для обозначения рабочих помещений в валяльном промысле: *чёска* ‘специальное помещение для чесания шерсти’ (Гаврил.: КТИ; Кирс.: ИВИ; Пич.: ЧМА; Самп.: БЗА, РТИ; Умет.: НКВ), *шерсточёска* ‘то же’ (Мучкап.: БВВ); *валяльня* ‘специальное помещение для валяния’, а также *ва́льня* (Пич.: СМВ) и *поваля́йка* ‘то же’: «Ну, у него, ну как сказать, была поваля́йка. <...> ну как бы, здание, в котором он занимался этим делом. <...> У него стоял здесь стол, большой стол. Большой стол. На этом столе, ну, такие вот все его приспособления были: рубель <...>, гвозди были понабиты, висели вот эти вот колодки. Вот здесь стол. Здесь вот посредине как бы печка была» (Мучкап.: ЧВС).

Эту же тенденцию можно наблюдать и в названиях орудий труда, приспособлений, машин: *чеса́лка* ‘механическое приспособление для чесания шерсти’ (Пич.: ЧМА), *чёска* ‘то же’ (Умет.: НКВ); *чёски* — повсем., только во мн. ч. в значении ‘приспособление для ручного распутывания, разравнивания шерсти’; *валови́ще* ‘ткань для настиланья шерсти’ (Мучкап.: БСВ; Умет.: НКВ); *недоло́г* ‘брак, неравномерное, неплотное разложение шерсти на первом этапе’ (Мучкап.: БСВ) и др.

Таким образом, лексика, относящаяся к профессиональной сфере и сохранившаяся в речи мастеров, характерна для тех мест, где исторически существовали крупные, устойчивые кустарные центры. Закономерно, что в них же можно наблюдать и детализацию ремесла на языковом уровне и ориентацию на профессионализм, которые складывались под мощным влиянием изменяющихся и совершенствовавшихся форм производства. На остальной территории области она или не фиксируется, или на протяжении всего XX века подвергается вытеснению под давлением исторических, экономических процессов и литературной нормы, заменяется на общерусскую лексику, например, *сарай* в значении ‘помещение для валяния’, *простыня* / *тряпка* / *материал* / *пеленка* в значении ‘ткань для настиланья шерсти’ и т. п.

В связи с этим для нас особенно важна мысль, высказанная Т. И. Вендиной и подтвержденная на анализе целого корпуса *nomina professionalia*: «Все эти имена позволяют не только составить представление о профес-

сиональной деятельности человека традиционной культуры, но и говорят о том, что русская традиционная культура — это культура хозяйственной деятельности. Более того, в них отражены глубинные установки этой культуры, которая повелительно требует от человека быть существом деятельным, причастным к труду» [Вендина, 2020, с. 83].

Для традиционного общества характерно особое отношение к человеку труда, мастеровым людям, они пользовались заслуженным почетом и уважением. Но если общественный взгляд — это взгляд «извне», в котором мастер, его знания и умения подвергаются идеализации, мифологизации, и этот ракурс уже попадал в поле зрения ученых [Байбурин, 2005, с. 71—73], то рассказы самих мастеров о себе, своем деле — это уже взгляд «изнутри», и он иной. Лейтмотивом таких повествований является описание невыносимых условий труда, больные руки, сбитые в кровь пальцы, мозоли: *И валяй до тех пор, пока семь потов не слетит.... Он [заготовка валенка] горячий. Он его бросит на этот, на стол, пока он аптекёт немножко, чтоб руки не сжечь. <...> Руки, пальцы и щас мёрзнуть. От кислоты. Она всё съедает* (Мучкап.: БВВ); *Всё у него ж вот здесь, аж руки до крови, в мозоли всё сбивается, а шерсть не идёт. Это весенняя шерсть не идёт. Ну, я не помню <...> то ли вазелин, чё-то с чем-то наводила и мазала ему, и он заматывал и дальше продолжал работать* (Мучкап.: ЧВС).

При этом большинство респондентов отмечают, что специализация и профессионализм не являлись стопроцентной гарантией успеха в работе и далеко не всегда обеспечивали получение желаемой прибыли, мастерам приходилось сталкиваться и с недобросовестностью продавцов при закупке больших партий сырья, и с намеренным обманом местных заказчиков, предоставляющих некачественное сырье для изготовления штучного товара. Связано это с тем, что в среде мастеров редко была налажена работа напрямую с поставщиками. Чаще всего закупку шерсти производили оптом на ярмарке у заезжих продавцов или покупали на месте стрижки овец. Товар продавался «мешками», сверху всегда размещалась шерсть лучшего качества, без посторонних примесей, а на дне мешка можно было обнаружить глину, грязь или *вешняк* 'шерсть весенней стрижки, которую из-за природных свойств не использовали в валке' (Мучкап.: БВВ, ЧВС, Умет.: МВК), *вяснік* 'в том же значении' (Мучкап.: БВВ). Упоминание о таких историях в среде мастеров не редкость, но ситуация долго не менялась.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, на рубеже XIX—XX столетий валяльный промысел имел в большей степени натуральный характер. Практиковалось отходничество, как правило, в южном направлении. Были зафиксированы конфликты с пришлыми мастерами из Московской и Тверской губерний. Переход

к капиталистической форме производства был зафиксирован в крупных центрах промысловой активности, которых в губернии было немного. Механизация производства происходила медленными темпами.

Во время военного коммунизма наблюдался упадок кустарного валяльного производства. Вместе с тем резко возросла численность промысловых кооперативов, что было связано с идеологическими взглядами и военными потребностями советской власти. Специализированного промыслового союза в это время создать не удалось, а потому кооперативы валяльщиков входили в состав интегральных объединений. Первые годы существования советской власти шла борьба между разными ведомствами за внимание мастеров. Организовать производственный процесс для нужд фронта на должном уровне новой власти удалось лишь в 1920 году.

В годы нэпа началось оживление кустарного производства после нескольких лет упадка, а также происходили изменения в географии промысловой активности: часть бывших центров исчезла, но появились новые. В первые годы нэпа многие кооперативы валяльщиков входили в состав образовавшихся специализированных губернских, уездных и районных кустарно-промысловых союзов. Но руководству как первичных, так и вторичных и третичных кооперативов было сложно адаптироваться к рыночным реалиям. Мастера все сильнее тяготились подобными объединениями, а потому число последних неуклонно снижалось.

Материалы устной традиции позволяют скорректировать устоявшееся представление о том, что при описании локальной традиции есть только два «взгляда»: «извне», официальный, нашедший отражение в письменных источниках, и «изнутри», сформированный самой традицией, поскольку последний оказывается неоднородным. Обширный репертуар диалектных лексем фиксирует историю развития ремесла, хранит сведения о нем.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Сокращения названий районов и муниципальных округов (с 2023 г.) Тамбовской области

Бонд. — Бондарский, Гаврил. — Гавриловский, Знам. — Знаменский, Ржакс. — Ржаксинский, Кирс. — Кирсановский, Мич. — Мичуринский, Морд. — Мордовский, Морш. — Моршанский, Мучкап. — Мучкапский, Никиф. — Никифоровский, Петр. — Петровский, Пич. — Пичаевский, Расск. — Рассказовский, Ржакс. — Ржаксинский, Самп. — Сампурский, Сосн. — Сосновский, Староюр. — Староюрьевский, Токар. — Токаревский, Увар. — Уваровский, Умет. — Уметский.

Список информантов

АМВ — жен., 1936 г. р., п.г.т. Ржакса, Ржакс., записи Т. В. Махрачевой, А. А. Черчевой, 2001.

АМИ — жен., 1929 г. р., с. Митрополье, Бонд., записи Т. В. Махрачевой, 1995.

БВВ — муж., 1953 г. р., с. Кулябовка, Мучкап., записи Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2023.

БЗА — жен., 1948, с. Сампур, Самп., записи Т. В. Махрачевой, М. А. Облицова, Е. Ю. Блиновой, 2020.

БПЕ — жен., 1919 г. р., с. Никольское, Знам., записи Т. В. Махрачевой, Н. Г. Раковской, 2001.

БСВ — жен., 1948 г. р., с. Кулябовка, Мучкап., записи Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2023.

ИВИ — жен., 1938 г. р., с. 1-ая Иноковка, Кирс., записи Т. В. Махрачевой, Д. Н. Лоскутова, 2009.

КВГ — жен., 1929 г. р., с. Вторые Левые Ламки, Сосн., записи Т. В. Махрачевой, С. П. Коропченко, Р. А. Кочарян, 2018.

КВВ — муж., 1932 г. р., с. Нижняя Ярославка, Сосн., записи Т. В. Махрачевой, С. П. Коропченко, Р. А. Кочарян, 2018.

КТИ — жен., 1950 г. р., с. Булгаково, Гаврил., записи Я. В. Махрачевой, Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2024.

МВК — муж., 1947 г. р., с. Оржевка, Умет., записи Г. С. Махрачева, Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2022.

НКВ — жен., 1929 г. р., с. Оржевка, Умет., записи Г. С. Махрачева, Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2022.

ПНИ — жен., 1916 г. р., с. Пановы Кусты, Самп., записи Т. В. Махрачевой, 1993.

РТИ — жен., 1941 г. р., с. Бахарево, Самп., записи Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2020.

СМВ — жен., 1955 г. р., с. Васильево, Пич., записи Г. С. Махрачева, Я. В. Махрачевой, 2020.

ФНД — муж., 1926 г. р., с. Прудовка, Самп., записи Т. В. Махрачевой, 1993.

ЧВС — жен., 1968 г. р., с. Шапкино, Мучкап., записи Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 1993.

ЧМА — жен., 1939 г. р., с. Большой Ломовис, Пич., записи Г. С. Махрачева, Я. В. Махрачевой, 2020.

Источники и принятые сокращения

1. *Бюллетень* Тамбовского губернского статистического бюро. — Тамбов : Издание Тамбовского губернского статистического бюро, 1924. — № 4. — 140 с.

2. *Бюллетень* Тамбовского губернского статистического бюро. — Тамбов : Издание Тамбовского губернского статистического бюро, 1928. — № 8. — 96 с.

3. ГАСПИТО — *Государственный архив* социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-840 (Тамбовский губернский комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 2340. Л. 170 ; Ф. 842 (Тамбовский уездный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 696. Л. 13.

4. ГАТО — *Государственный архив* Тамбовской области. Ф. Р-727 (Совет народного хозяйства исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 717. Лл. 59, 63 ; Д. 719. Л. 48 ; Д. 758. Лл. 134, 281 ; Д. 785. Л. 25 об. ; Д. 1042. Лл. 75, 108, 109 ; Д. 1520. Л. 18 ; Д. 2834. Л. 37 ;

Д. 3322. Л. 1 ; Д. 3325. Лл. 20, 30 ; Д. 3499. Л. 25 ; Д. 4017. Лл. 14—16, 27 ; Ф. Р-966 (Тамбовский губернский союз сельскохозяйственной кредитной и кустарно-промышленной кооперации). Оп. 1. Д. 38. Лл. 9, 11, 26—27, 32—33 ; Д. 52. Л. 11.

5. Докладная записка губернского агронома о мероприятии по кустарным промыслам. — [Без места и года]. — 75 с.

6. Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921—22 отчетный год. — [Без места и года]. — 553 с.

7. Кустарная промышленность в Тамбовской губ // Трудовое единение. — 1919. — № 14—15—16. — С. 60—61.

8. Кустарные промыслы Тамбовской губернии. — Тамбов : Губернская земская типография, 1900. — 613 с.

9. Ленин В. И. О кооперации / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 45. — С. 369—377.

10. Ленин В. И. Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Москва : Политиздат, 1971. — Т. 3. — С. 1—609.

11. Лябин Н. Производственная работа губкустпромсоюза (обзор деятельности) / Н. Лябин // Кооператор. — 1922. — № 1. — С. 25—27.

12. Не кустарь. Положение кустаря / Не кустарь // Тамбовская правда : [газета]. — 1922. — № 151. — С. 3.

13. Обследование кустарных промыслов Липецкого уезда. — Липецк : Типография Л. А. Петровой, 1912. — 100 с.

14. Плеханов Г. В. Наши разногласия / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения. — Москва : Госполитиздат, 1956. — Т. 1. — С. 115—794.

15. Пругавин В. С. Кустарь на выставке 1882 года / В. С. Пругавин. — Москва : Типография Н. С. Скворцова, 1882. — 54 с.

16. П-ский С. Организовать куспромсоюз / С. П-ский // Тамбовская правда : [газета]. — 1928. — № 21. — С. 4.

17. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Отдел хозяйственной статистики. — Тамбов : Губернская Земская типография, 1881. — Т. 2. Козловский уезд. — 431 с.

18. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. — Тамбов : Губернская Земская типография, 1882. — Т. 3. Моршанский уезд. — 519 с.

19. Тамбовское сельскохозяйственное общество. Отчет о деятельности Тамбовского сельскохозяйственного общества за период со 2 марта 1902 года по 1 января 1913 года. — Тамбов : Типография Губернского Земства, 1913. — 84 с.

Литература

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. — 2-е издание, исправленное. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 217 с. — ISBN 5-9551-0001-6.

2. Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности / А. И. Бузлаева. — Москва : Наука, 1969. — 175 с.

3. Вендина Т. И. Антропология диалектного слова / Т. И. Вендина — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — 684 с. — ISBN 978-5-4469-1776-1.

4. Григорова В. А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья на пути модернизации (вторая половина XIX века — начало XX века) / В. А. Григорова. — Воронеж : ВГТУ, 2017. — 291 с. — ISBN 978-5-7731-0531-2.

5. Егоров В. Г. Кустарные промыслы Курской губернии второй половины XIX — XX вв. / В. Г. Егоров, О. А. Зозуля, Е. С. Сарыков. — Санкт-Петербург : Алетей, 2016. — 206 с. — ISBN 978-5-906823-01-4.
6. Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве : становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века) / В. Г. Егоров. — Казань : Издательство Казанского университета, 2005. — 332 с. — ISBN 5-7464-1320-8.
7. Исаев А. А. Промыслы Московской губернии / А. А. Исаев. — Москва : Типография А. И. Мамонтова, 1876. — Т. 1. — 94 с.
8. Исаев А. А. Промыслы Московской губернии / А. А. Исаев. — Москва : Типография и литография С. В. Гурьянова, 1876. — Т. 2. — 200 с.
9. Исаев А. А. Промыслы Московской губернии / А. А. Исаев. — Москва : Типо-литография С. В. Гурьянова, 1877. — Т. 1, вып. 2. — 35 с.
10. Карташова М. В. Кустарные промыслы Российской империи в последней трети XIX — начале XX в. (1872—1917 гг.) : статистика, локализация, государственная поддержка / М. В. Карташова. — Нижний Новгород : Кварц, 2018. — 414 с. — ISBN 978-5-906698-87-2.
11. Козлов И. А. Революция, нэп и судьбы мелкого производства / И. А. Козлов // Историческое значение нэпа : сборник научных трудов. — Москва : Институт истории СССР, 1990. — С. 61—85.
12. Королькова М. Д. Словообразовательное гнездо в ремесленной лексике русских говоров (корни *-вал-* и *-кат-* в лексике валяльного дела) / М. Д. Королькова // Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках. — Волгоград : ВолГУ, 2022. — С. 104—112.
13. Перепелицын А. В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период / А. В. Перепелицын. — Воронеж : ВГПУ, 2005. — 171 с. — ISBN 5-88519-238-3.
14. Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русско-го народного хозяйства / А. А. Рыбников. — Москва : Кооперативное издательство, 1922. — 52 с.
15. Рыбников А. А. Очерки организации сельского кустарно-ремесленного хозяйства / А. А. Рыбников. — Москва : Всесоюзпромсоюз, 1926. — 41 с.
16. Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России / П. Г. Рындзюнский. — Москва : Наука, 1966. — 262 с.
17. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. / К. Н. Тарновский. — Москва : Наука, 1995. — 269 с.
18. Тихомиров В. А. Социалистическое соревнование и промысловая кооперация / В. А. Тихомиров. — Москва : Всесоюзпромсоюз; Крестьянская газета, 1929. — 13 с.
19. Файн Л. Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е гг.) / Л. Е. Файн // Вопросы истории. — 1994. — № 9. — С. 35—47.
20. Фромметт Б. Р. Десять лет советской промысловой кооперации. 1917—1927 / Б. Р. Фромметт. — Москва : Книгосоюз, 1927. — 70 с.
21. Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет / П. И. Яковлев. — Москва : КОИЗ, 1957. — 51 с.

*Статья поступила в редакцию 17.06.2025,
одобрена после рецензирования 29.09.2025,
подготовлена к публикации 18.10.2025.*

Material resources

A brief overview of the activities of the GIC and its Presidium for the 1921—22 reporting year. [Without place and year]. 553 p. (In Russ.).

AA — *Archive of authors.* (In Russ.).

Bulletin of the Tambov Provincial Statistical Bureau, 4. (1924). Tambov: Publication of the Tambov Provincial Statistical Bureau. 140 p. (In Russ.).

Bulletin of the Tambov Provincial Statistical Bureau, 8. (1928). Tambov: Publication of the Tambov Provincial Statistical Bureau. 96 p.

Collection of statistical information on the Tambov province, 3. (1882). Tambov: Provincial Zemstvo Printing House. 519 p. (In Russ.).

Collection of statistical information on the Tambov province. Department of Economic Statistics, 2. (1881). Tambov: Provincial Zemstvo Printing House. 431 p. (In Russ.).

GASBITO — *The State Archive of the Socio-political History of the Tambov region. F. P—840 (Tambov Provincial Committee of the CPSU(b)).* (In Russ.).

GATO — *State Archive of the Tambov region. F. R-727 (Council of National Economy of the Executive Committee of the Tambov Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies).* (In Russ.).

Handicraft industry in the Tambov province. (1919). *Labor unity*, 14—15—16: 60—61. (In Russ.).

Handicrafts of the Tambov province. (1900). Tambov: Provincial Zemstvo Printing House. 613 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1970). On cooperation. In: *Complete Works*, 45. 5th ed. Moscow: Politizdat. 369—377. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1971). The development of capitalism in Russia. In: *Complete works*, 3. 5th ed. Moscow: Politizdat. 1—609. (In Russ.).

Lyabin, N. (1922). The production work of gubkustpromsoyuz (an overview of activities). *Cooperator*, 1: 25—27. (In Russ.).

Not a handicraftsman. The position of the artisan. (1922). *Tambovskaya Pravda: [newspaper]*, 151: P. 3. (In Russ.).

Plekhanov, G. V. (1956). Our differences. In: *Selected philosophical works*, 1. Moscow: Gospolitizdat. 115—794. (In Russ.).

Prugavin, V. S. (1882). *Kustar at the exhibition of 1882.* Moscow: N. S. Skvortsov Printing House. 54 p. (In Russ.).

P-skiy, S. (1928). To organize the kustprom union. *Tambovskaya pravda: [newspaper]*, 21: P. 4. (In Russ.).

Survey of handicrafts of the Lipetsk district. (1912). Lipetsk: L. A. Petrova Printing House. 100 p. (In Russ.).

Tambov Agricultural Society. Report on the activities of the Tambov Agricultural Society for the period from March 2, 1902 to January 1, 1913. (1913). Tambov: Printing house of the Provincial Zemstvo. 84 p. (In Russ.).

The memorandum of the provincial agronomist on the event on handicrafts. [Without place and year]. 75 p. (In Russ.).

References

Baiburin, A. K. (2005). *Dwelling in the rituals and representations of the Eastern Slavs.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 217 p. ISBN 5-9551-0001-6. (In Russ.).

Buzlaeva, A. I. (1969). *Lenin's plan for cooperation in small industry.* Moscow: Nauka Publ. 175 p. (In Russ.).

- Egorov, V. G. (2005). *Domestic cooperation in small-scale industrial production: formation, stages of development, nationalization (the first third of the 20th century)*. Kazan: Kazan University Press. 332 p. ISBN 5-7464-1320-8. (In Russ.).
- Egorov, V. G. (2016). *Handicrafts of the Kursk province of the second half of the XIX—XX centuries*. Saint Petersburg: Aleteya. 206 p. ISBN 978-5-906823-01-4. (In Russ.).
- Fine, L. E. (1994). Soviet cooperation in the grip of the command and administrative system (the 20s). *Questions of history*, 9: 35—47. (In Russ.).
- Frommett, B. R. (1927). *Ten years of Soviet fishing cooperation. 1917—1927*. Moscow: Knigosoyuz. 70 p. (In Russ.).
- Grigорова, V. A. (2017). *Handicrafts of the Central Chernozem region on the path of modernization (the second half of the 19th century — the beginning of the 20th century)*. Voronezh: VSTU. 291 p. ISBN 978-5-7731-0531-2. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (1876). *Crafts of the Moscow province, 1*. Moscow: A. I. Mamontov Printing House. 94 p. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (1876). *Crafts of the Moscow province, 2*. Moscow: S. V. Guryanov's Printing and Lithography. 200 p. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (1877). *Crafts of the Moscow province, 1(2)*. Moscow: S. V. Guryanov's Printing and Lithography. 35 p. (In Russ.).
- Kartashova, M. V. (2018). *Handicrafts of the Russian Empire in the last third of the XIX — early XX century (1872—1917): statistics, localization, government support*. Nizhny Novgorod: Quartz. 414 p. ISBN 978-5-906698-87-2. (In Russ.).
- Korolkova, M. D. (2022). The word-formative nest in the craft vocabulary of Russian dialects (roots -val- and -kat- in the lexicon of felt making). In: *Semantics and functioning of language units in Slavic languages*. Volgograd: Volgograd State University. 104—112. (In Russ.).
- Kozlov, I. A. (1990). Revolution, NEP and the fate of small-scale production In: *Historical significance of NEP: collection of scientific papers*. Moscow: Institute of History of the USSR. 61—85. (In Russ.).
- Perpelitsyn, A. V. (2005). *Peasant crafts in the central chernozem provinces of Russia in the post-reform period*. Voronezh: VGPU. 171 p. ISBN 5-88519-238-3. (In Russ.).
- Rybnikov, A. A. (1922). *Small industry and its role in the restoration of the Russian national economy*. Moscow: Cooperative Publishing House. 52 p. (In Russ.).
- Rybnikov, A. A. (1926). *Essays on the organization of rural handicraft farming*. Moscow: Vsekopromsoyuz. 41 p. (In Russ.).
- Ryndzunsky, P. G. (1966). *Peasant industry in post-reform Russia*. Moscow: Nauka Publ. 262 p. (In Russ.).
- Tarnovsky, K. N. (1995). *Small industry of Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century*. Moscow: Nauka Publ. 269 p. (In Russ.).
- Tikhomirov, V. A. (1929). *Socialist competition and industrial cooperation*. Moscow: Vsekompromsoyuz; Krestyanskaya gazeta. 13 p. (In Russ.).
- Yakovlev, P. I. (1957). *Fishing cooperation of the USSR for 40 years*. Moscow: KOIZ Publ. 51 p. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2020). *The anthropology of the dialectal word*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 684 p. ISBN 978-5-4469-1776-1. (In Russ.).

*The article was submitted 17.06.2025;
approved after reviewing 29.09.2025;
accepted for publication 18.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Подлесных С. Н. Причины упразднения совестных судов в Российской империи / С. Н. Подлесных // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 549—567. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-549-567.

Podlesnykh, S. N. (2025). Abolition of Courts of Conscience in Russian Empire: A Study of Causality. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 549-567. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-549-567. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Причины упразднения совестных судов в Российской империи

Подлесных Сергей Николаевич

orcid.org/0009-0001-2613-5777

кандидат юридических наук,
кафедра социально-
гуманитарных наук
agera3@yandex.ru

Воронежский государственный
лесотехнический университет
имени Г. Ф. Морозова
(Воронеж, Россия)

Abolition of Courts of Conscience in Russian Empire: A Study of Causality

Sergey N. Podlesnykh

orcid.org/0009-0001-2613-5777

PhD in Law, Department of Social
Sciences and Humanities
agera3@yandex.ru

Voronezh State University
of Forestry and Technologies
named after G. F. Morozov
(Voronezh, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Комплексно рассматриваются причины поэтапного упразднения совестных судов в Российской империи периода 1820—1850-х годов. Источниками выступили делопроизводственные документы из фондов Российского государственного исторического архива, законодательные акты Российской империи I-й половины XIX века и воспоминания современников. Новизна исследования заключается в обращении к теме, которая до сих пор не получила в исторической литературе научного анализа. Вводится в научный оборот комплекс архивных документов. Автор делает вывод о том, что формальные причины упразднения совестных судов были только поводом к их закрытию как самостоятельных судебных учреждений. Сообщается, что основная первопричина упразднения совестных судов была связана с их спецификой. Подчеркивается, что в условиях нарастающего господства философии юридического позитивизма (в том числе среди руководства министерства юстиции) специфика совестных судов делала невозможным их эффективную работу в российском правовом пространстве дореформенной эпохи, когда судебный процесс в основном был построен на принципах формального судопроизводства.

Ключевые слова:

совестный суд; министерство юстиции; граф Виктор Никитич Панин; судебная реформа 1864 года; дореформенный суд; эффективность судейской работы; юридический позитивизм; Российская империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article offers a comprehensive analysis of the reasons for the phased abolition of the Courts of Conscience (*sovestnye sudy*) in the Russian Empire during the 1820s to 1850s. The source base includes administrative records from the collections of the Russian State Historical Archive, legislative acts of the Russian Empire from the first half of the nineteenth century, and contemporary memoirs. The novelty of this research lies in its focus on a subject that has hitherto been largely overlooked in the historiography, thereby filling a significant gap in the scholarly literature. Furthermore, the study introduces into academic discourse a substantial body of previously unexamined archival documents. The author concludes that the formal justifications for the abolition of the Courts of Conscience served merely as a pretext for their closure as independent judicial institutions. It is argued that the root cause of their abolition was intrinsically linked to their unique character. The article emphasizes that within the context of the growing dominance of legal positivism — a philosophy embraced by the senior officials of the Ministry of Justice — the distinctive, equity-focused nature of the Courts of Conscience rendered them incompatible with the Russian legal framework of the pre-reform era, which was predominantly based on the principles of formalistic legal proceedings.

Key words:

Court of Conscience; Ministry of Justice; Count Viktor Nikitich Panin; Judicial Reform of 1864; Pre-Reform Russian Judiciary; Efficiency of the Judiciary; Legal Positivism; Russian Empire.

УДК 94:347.992(47)“182/185”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-549-567

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Причины упразднения совестных судов в Российской империи

© Подлесных С. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Специфика деятельности совестных судов Российской империи, учрежденных Екатериной II в 1775 году, была нами проанализирована в статье «Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству: 1775—1866 годы» [Подлесных, 2024, № 13(10), с. 445—462]. В связи с этим в настоящей статье особенности деятельности совестных судей специально нами разбирать не будут, хотя именно специфика работы совестных судов во многом предопределила их постепенное упразднение.

I-я половина XIX века — это время смены в России политико-правовой парадигмы, эволюционирующей от положений естественного права и в целом идей эпохи просвещения в сторону позитивизма. Анализ причин упразднения отечественных совестных судов невозможен без учета этого основного обстоятельства.

Первое упразднение совестного суда состоялось в 1828 году в Астраханской губернии [РГИА, ф. 1149, оп. 1, 1828, д. 39] и явилось своеобразным прецедентом для последующих закрытий совестных судов в других губерниях империи. По схеме 1828 года были упразднены совестные суды в Архангельской губернии (1847 год) [РГИА, ф. 1149, оп. 3, 1847, д. 75] и Олонецкой губернии (1848 год) [РГИА, ф. 1149, оп. 3, 1848, д. 76]. В 1852 году были закрыты совестные суды еще в 18-ти губерниях России [РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1852, д. 48.], в 1857 году — в 22-х губерниях [Барац, 1893, с. 23]. Наконец, в 1861 году были закрыты последние совестные суды в Санкт-Петербургской и Московской губерниях [ПСЗРИ II, 1863, Т. XXXVI, Отд. I, с. 996]. 25 ноября 1866 года последовал закон «О постепенном упразднении должностей совестных судей и о поручении исправления их обязанностей товарищам председателей Палат уголовного и гражданского суда» [ПСЗРИ II, 1868, Т. XL, Отд. II, с. 293]. Этим нормативным актом институт совестного суда упразднялся уже не как самостоятельное судебное учреждение, а как правовой институт.

Для целей настоящей статьи причины упразднения совестных судов нами разделены на две категории:

— формальные причины (конкретные обстоятельства, которые были положены министерством юстиции в обоснование своих решений в официальных документах);

— латентные причины (конкретные обстоятельства, которые внешне себя не проявляли и, как правило, не были зафиксированы в официальных документах).

Отечественная историография заявленной темы исследования отнюдь не пестрит большим количеством работ. Из дореволюционных авторов необходимо выделить исследования И. М. Наумова [Наумов, 1830] и Г. М. Бараца [Барац, 1893]. В советский период работ по истории совестных судов не выходило. Из современных исследований необходимо упомянуть таких авторов, как Ю. В. Баранов [Баранов, 2020], В. А. Воропанов [Воропанов, 2010], В. А. Илюхина и С. Ю. Агафонов [Илюхина и др., 2024], Т. Л. Мигунова [Мигунова, 2007], Л. М. Свердлова [Свердлова, 2013], А. С. Смыкалин [Смыкалин, 2017], Н. В. Старикова [Старикова, 2013]. Тем не менее в работах указанных авторов причины ликвидации совестных судов не стали предметом отдельного исследования.

Актуальность темы определяется обращением к сюжету, который ранее не подвергался научному анализу в исторической литературе, а также привлечением комплекса архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Одним из основных источников исследования явились документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА): фонд 1149 (Департамент законов Государственного совета), фонд 1152 (Департамент государственной экономики Государственного совета), фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Также использовались опубликованные архивные материалы: сборник документов «Россия под надзором: отчеты III отделения 1827—1869».

В законодательных актах Российской империи анализируемого периода содержатся нормативные правила, регулирующие деятельность совестных судов, порядок их упразднения и передачи дел в местные судебные палаты. Данные документы включены в Полное собрание законов Российской империи.

Ценным историческим источником, определяющим характеристику обстоятельств, складывавшихся вокруг упразднения совестных судов в 1820—1860-е годы, являются воспоминания и дневниковые записи современников описываемых событий. В частности, в исследовании были

использованы дневники А. В. Никитинко, А. А. Половцова, мемуары П. В. Долгорукова, П. П. Семенова-Тян-Шанского, воспоминания В. П. Орлова-Давыдова.

Необходимым историческим источником явилась также справочная и статистическая литература дореволюционного периода.

Методологической основой исследования послужили как общие, так и частные методы научного познания. На основе метода структурного анализа был прояснен порядок упразднения совестных судов России в 1828—1861 годах. Формально-логический метод позволил проанализировать действующее законодательство Российской империи относительно специфики судопроизводства совестных судов. Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить причины упразднения совестных судов в различных губерниях России, а также сравнить механизмы упразднения на различных этапах закрытия совестных судов. Телеологический метод был использован для определения причин и целей упразднения совестных судов. В исследовании был задействован также историко-системный метод, который позволил в комплексе проанализировать место совестных судов в системе дореформенного судопроизводства, соотнести специфику совестного разбирательства с особенностями судопроизводства в иных судах империи, в том числе оценить эффективность судопроизводства совестных судов. В статье использованы также иные методы научного познания.

Целью настоящего исследования является рассмотрение причин упразднения совестных судов Российской империи в 1820—1850-е годы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формальные причины упразднения совестных судов: общие вопросы

Как показывают делопроизводственные документы министерства юстиции периода 1820—1850-х годов, причины упразднения совестных судов различались исходя из особенностей конкретной губернии Российской империи. В основном эти особенности касались количества и качества дворянского сословия соответствующей губернии. Те губернии, где процент поместного дворянства был незначительный (например, Астраханская, Олонекская, Архангельская губернии), можно объединить под одним термином — «недворянские губернии». Первые упразднения совестных судов как раз состоялись в нескольких «недворянских губерниях».

В документах министерства юстиции I-й половины XIX века главными формальными причинами (эти причины также можно назвать официальными) поэтапного закрытия совестных судов в «недворянских губерниях» назывались следующие обстоятельства: небольшое количество дел, которые рассма-

тривались совестными судами; отсутствие должного количества дворян для занятия должности судьи. Так, к примеру, еще в 1828 году на эти обстоятельства указывал генерал А. П. Ермолов, который был главноуправляющим Астраханской губернии, Грузии и Кавказской области [Подлесных, 2024, № 4, с. 50].

Эти же причины официально назывались министерством юстиции при закрытии Архангельского совестного суда в 1847 году [РГИА, ф. 1149, оп. 3, д. 75, л. 4 об. – 9, 11] и Олонецкого совестного суда в 1848 году [РГИА, ф. 1149, оп. 3, д. 76, л. 2—2 об.]. При этом в Олонецкой губернии кадровый вопрос не стоял так остро, как, к примеру, в соседней Архангельской губернии [Плех, 2020, с. 61]. Мы уже указывали, что «фактически единственной причиной закрытия Олонецкого совестного суда в 1848 году явилось малое количество дел, производящихся в этом судебном учреждении» [Подлесных, 2025, с. 54].

Когда в 1852 году с подачи министерства юстиции были закрыты еще 18 совестных судов, то официальная основная причина их упразднения сводилась к малому количеству дел, которые они разрешали [РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1852, д. 48, л. 8 об. – 9 об.].

Необходимо отметить, что в 1840-е годы не менее важной официальной причиной закрытия совестных судов также становится недостаточное их финансирование со стороны государства. Совестные судьи имели самое маленькое жалование в сравнении с иными чиновниками ведомства министерства юстиции. Оклады совестных судей к середине XIX века находились на уровне примерно 1780 года [РГИА, ф. 1149, оп. 3, д. 75, л. 6 об.] Для сравнения укажем годовое жалование чиновников судебского корпуса по штатам 1843 года по губерниям I разряда;

- председатель судебной палаты — 1143,45 руб. сер.;
- товарищ председателя судебной палаты — 714,80 руб. сер.;
- уездный судья — 343,10 руб. сер.;
- совестный судья — 171,59 руб. сер. [РГИА, ф. 1152, оп. 4, д. 113, л. 187—340.].

Таким образом, находясь на губернском уровне правосудия и имея класс выше, чем уездный судья, совестный судья получал жалование в два раза меньше, чем судья в уезде. Это еще притом, что в 1848 году жалование совестным судьям было полностью отменено (кроме Вятской и Пермской губерний) [ПСЗРИ II, 1849, Т. XXIII. Отд. I, с. 284—285].

В условиях, когда министерству юстиции не хватало денег на повышение жалования судьям иных органов правосудия, министр юстиции В. Н. Панин не скрывал, что на упразднении совестных судов как самостоятельных учреждений можно хорошо сэкономить. Так, например, на упраздненных в 1852 году совестных судах в 18-ти губерниях империи

предполагалось в год сэкономить на сумму 32 000 руб. сер. [РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1852, д. 48, л. 8 об.]. В масштабах всего государства это были небольшие деньги, но и такого излишка у министерства юстиции не было.

Важно отметить, что официальные причины упразднения совестных судов нельзя путать с причинами объективно малого количества дел, поступавших на рассмотрение в совестные суды. На наш взгляд, причинами малого количества дел, производящихся в совестных судах, были как объективные, так и субъективные обстоятельства. Данные обстоятельства кроются в специфике деятельности совестного судьи, его компетенции, а также общем низком уровне понимания целей и задач совестного разбирательства со стороны и чиновников, и населения в целом. Ко всему этому также необходимо прибавить нарастание господства позитивистского подхода в государственном управлении.

Таким образом, формальными причинами упразднения совестных судов в России периода 1820—1850-х годов были следующие обстоятельства:

- небольшое количество дел, производящихся в совестных судах;
- кадровая проблема, связанная с нежеланием дворян занимать должность совестного судьи (особенно в «недворянских губерниях»);
- недостаточное государственное финансирование совестных судов.

3.2. Латентные причины упразднения совестных судов: общие вопросы

Латентные причины упразднения совестных судов нуждаются в более широком осмыслении, чем формальные причины, которые можно выявить путем анализа делопроизводственных документах министерства юстиции. Чтобы выявить латентные причины упразднения совестных судов, необходимо хорошо понимать специфику этих судов, а также общественно-политическую ситуацию в России I-й половины XIX века.

Взойдя на престол, Александр I восстановил закрытые его отцом Павлом I совестные суды [ПСЗРИ I, 1830, Т. XXVI, с. 775—778]. Однако с все большим отходом Александра I от продолжения политики своей бабки менялось и отношение государства к совестным судам. Далеко не все либеральные реформы первых лет царствования Александра I удалось реализовать [Упоров, 2024, с. 85]. Особенно переход к реакции стал ощущаться после 1820 года — как ответ на череду внешних и внутренних политических событий [Балина, 2016, с. 33].

Совестные суды, по задумке Екатерины II, должны были являться проводниками положений естественного права, идей эпохи просвещения. Эти идеи в том числе подкрепляли нарождающиеся в России в I-й половине XIX века политико-философские системы демократии и либерализма, которые были чужды идеалам самодержавной монархии. Русский философ

С. А. Левицкий писал: «В России же либерализм воспринимался как “вольномудство”, и даже когда значительная часть русской интеллигенции прониклась либеральными веяниями (в первой половине XIX века), правительство видело в “либеральничании” опасного врага» [Левицкий, 2011, с. 451].

Одним из ярких примеров непринятия демократических элементов в судостроительстве России дореформенного времени и, как следствие, принципов совестного разбирательства является следующий факт. Когда М. М. Сперанский представил в «Комитет 6 декабря 1826 года» [Андреева, 2019, с. 254] свой проект государственных преобразований, в нем говорилось также о реформировании судостроительства. В частности, Сперанский предлагал «дать более силы и пространства суду совестному». Этот проект не был осуществлен, потому что возникло сомнение, «найдутся ли для предложенной реформы способные люди и достаточные денежные средства». Однако главная причина отклонения проекта Сперанского заключалась в том, что министр финансов Е. Ф. Канкрин был противником усиления совестного суда и видел в нем «перевес демократического элемента» [Барац, 1893, с. 22].

Как видим, «демократический элемент» в деятельности совестных судов настораживал апологетов консерватизма и самодержавия. «Консервативная партия» в российском правительстве на протяжении почти всей I-й половины XIX века выступала против развития в России института совестного разбирательства.

С приходом на трон Николая I ситуация вокруг совестных судов и той модели судопроизводства, которую они приносили в юридическую практику, резко ухудшилась. Совестный суд был нацелен на защиту частного интереса, а в эпоху Николая I частный интерес гасился, вообще частная инициатива, мягко говоря, не приветствовалась. С этой точки зрения совестные суды все более начинают выпадать из судебной системы, видящей свои идеалы в философии юридического позитивизма, в том числе с ориентацией на этатистскую модель построения государственного аппарата.

Вероятно, в специфику совестного разбирательства после их восстановления Александром I никто не вдумывался: ни сами судьи, ни местные власти, ни политические деятели, ни министерство юстиции. Когда декабрист Н. М. Муравьев в 1826 году писал в каземате крепости «Конституцию», «представленную для ответов», он широко затронул деятельность совестных судов [Дружинин, 1933, с. 356—366]. Однако это был проект уже совсем иного судебного учреждения. От совестных судов образца 1775 года Муравьевым в прямом смысле было взято практически только одно название (хотя прослеживается явное влияние Habeas Corpus Act). В большинстве своем совестные суды по Конституции Муравьева ничего общего не имели с совестными судами Екатерины II.

К концу 1840-х годов совестные суды воспринимались как ненужный рудимент, оставшийся в наследство от XVIII века и уже ставший историей. В сущности данного вида суда, его целях и задачах, которые были заложены в моменте его учреждения Екатериной II, похоже, никто не разбирался. Ведь это был суд совершенно иной по своему содержанию, нежели, к примеру, судебные палаты, уездные суды.

Граф В. П. Орлов-Давыдов, который был в должности совестного судьи Санкт-Петербурга с 1848 по 1852 годы, вспоминал, что «... испытал особые затруднения в совершенном незнании министрами порядка судопроизводства в совестном суде и самого закона, которым сей суд был связан» [Орлов-Давыдов, 1880, с. 409].

В масштабах судебной системы всей дореформенной России интересен пример с Вятской и Пермской губерниями. Законом от 31 июля 1864 года председателям Вятской и Пермской палат уголовного и гражданского суда предоставлялось полномочие исправлять должности местных совестных судей (как временная мера) [ПСЗРИ II, 1867, Т. XXXIX, Отд. I, с. 685]. Данный законодательный акт иллюстрирует полное непонимание (нежелание понять) руководством министерства юстиции разницы между совестным судопроизводством и формальным судопроизводством, которое отправлялось в судебных палатах. Совмещение этих различных видов судопроизводства не могло идти на пользу правосудию в целом и понижало его качество. Формализованный процесс у председателей судебных палат подавлял сущность совестного разбирательства. Справедливости ради необходимо отметить, что выход в свет закона от 31 июля 1864 года обусловил отсутствие кандидатов для замещения должности совестных судей в Вятской и Пермской губерниях.

Среди основных латентных причин упразднения совестных судов в России периода 1820—1850-х годов нами выделяются следующие обстоятельства:

- господство юридического позитивизма;
- субъективный фактор (частично вытекает из первой причины);
- отсутствие системы совестных судов (данная причина связана с позитивным правом).

Рассмотрим более конкретно каждую из латентных причин упразднения отечественных совестных судов в 1820—1850-е годы.

3.3. Господство юридического позитивизма как латентная причина упразднения совестных судов

В течение всего первого десятилетия правления Александра I влияние идей эпохи просвещения на общество и государство постепенно снижалось. Пустоты в философском осмыслении государственного строитель-

ства частично заполняет либерально-демократическая повестка, распространение которой после заграничных походов русской армии начинает сдерживаться государством. В том числе ответом либерально-демократической философии становится этатистская модель государства и юридический позитивизм.

Широкое проникновение идей юридического позитивизма в России отмечается в 1840-е годы [Матюшенко и др., 2013, с. 35]. Представители данного философского направления отождествляли закон и право, считали, что без государства невозможно никакое развитие. Во время правления Николая I в России господствовал этатистский вариант юридического позитивизма. Основным источником права выступало само государство [Трунов, 2025, с. 883].

Нельзя не согласиться с современными авторами, которые отмечают, что «по сути официальной доктриной николаевского времени был юридический позитивизм» [Верещагин, 2023, с. 19]. Это философско-правовое направление видело своим идеалом закон, а роль государства в жизни общества считалась определяющей [Правкин, 2015, с. 97].

До 1830-х годов в российской общественно-политической мысли еще господствовало учение естественного права [Маркова-Мурашова, 2013, с. 41]. Однако во II четверти XIX века государство всерьез взялось за вытравливание просветительских идей европейских революций. Идея личности с ее частными интересами отходила на второй план.

В первую очередь реконструкция общественных идеалов проходила в сфере образования. Еще в 1826 году начали с преобразований в учебных планах университетов, предполагалось запретить преподавание естественного права. Цензор А. В. Никитенко в своем дневнике 13 декабря 1826 года писал: «Говоря о предстоящих в университете преобразованиях, попечитель как будто сам склонялся к тому мнению, что в русских университетах вовсе не следует читать некоторые предметы. Я понял, что дело идет об естественном праве» [Никитенко, 2005, т. 1, с. 214].

23 апреля 1833 года в Высочайшем повелении «О преподавании естественного права» было сказано, что преподавание естественного права «сдва ли возможно, доколе наши университеты не будут снабжены от правительства особым на сей конец руководством» [Высочайшее повеление ..., 1834, с. 5—6]. С окончанием текущего года попечителям учебных округов было предписано «приостановить преподавание естественного права впредь до издания надлежащего по сей части руководства» [Там же, с. 6]. Так, после данного повеления из числа предметов, преподаваемых в Санкт-Петербургской гимназии, естественное право было удалено [Алешинцев, 1912, с. 74].

«Под разными предложениями власти пытались запретить преподавание естественного права, изъять и уничтожить книги, ему посвященные, уволить из университетов профессоров, преподающих естественное право», — отмечает современный исследователь Б. В. Емельянов [Емельянов, 2025, с. 119]. Разумеется, что такая борьба государства против философии естественного права не могла не остаться без последствий для совестных судов.

Необходимо отметить, что тенденция к пренебрежению «естественным правом» была характерна для всего XIX века, когда отдавалось предпочтение позитивизму и исторической школе права [Фролова, 2013, с. 76].

3.4. Субъективный фактор как латентная причина упразднения совестных судов

Значимым обстоятельством, повлиявшим на постепенное упразднение совестных судов, был субъективный фактор. С 1839 по 1841 годы должность управляющего министерства юстиции занимал граф В. Н. Панин. С 1841 по 1862 годы Панин пребывал в должности министра юстиции [Министерство ..., 1902, с. 66].

Граф Панин был чиновником консервативных убеждений, сторонником самодержавия, телесных наказаний, ужесточения цензуры и одним из противников судебной и крестьянской реформ [Семенов-Тянь-Шанский, 2006, с. 78]. При этом Панин был человеком европейски образованным, много читал и знал несколько языков [Суздалева и др., 2015, с. 4].

Министра Панина многие критиковали. Публицист, князь П. В. Долгоруков в своих воспоминаниях называет его «долговязым, полоумным, трехполенным» [Долгоруков, 2006, с. 160]. А. А. Половцов в своем дневнике за 1865 год писал, что «столь долго заведовавший министерством юстиции граф Панин не только ничего не сделал, чтобы возвысить это звание (звание судей. — *С. П.*), но окончательно втоптал его в грязь» [Половцов, 2022, с. 296].

В своем дневнике за 18 января 1858 года профессор, цензор А. В. Никитенко, описывая спор министра народного просвещения А. С. Норова с В. Н. Паниным, записал: «Говорят, министр народного просвещения потерпел сильное поражение в заседании совета министров в прошедший четверг, где он докладывал... Против Норова восстал враг мысли, всякого гражданского, умственного и нравственного усовершенствования, граф Панин. Он не лишен ума, а главное — умеет говорить» [Никитенко, 2005, т. 2, с. 53].

Отношение В. Н. Панина к совестным судам не всегда было одинаковым за время его нахождения на посту министра юстиции. На этот счет показателен 1843 год. В переписке с министром внутренних дел о предоставлении помещений для совестных судов и возможном закрытии Архангельского совестного суда граф Панин отмечал: «Что касается до второго предмета, то есть до закрытия Архангельского совестного суда, то я на-

хожу, что предмет сей тесно связанный с коренными законами нашего Отечества может быть разрешен не иначе как в соображении с имеющимся ввиду общим пересмотром гражданского и уголовного судопроизводства» [РГИА, ф. 1286, оп. 8, д. 1071, л. 78—78 об.] (сохранены орфография и пунктуация источника).

Иными словами, министр Панин тогда, в 1843 году, не поддержал предложение вице-губернатора Архангельской губернии М. Ф. Ножина о закрытии Архангельского совестного суда и передаче его дел в местную судебную палату [РГИА, ф. 1286, оп. 8, д. 1071, л. 34—34 об.], указывая на различные подходы в процессах у совестного судьи и в судебных палатах. По мнению Панина, закрытие совестных судов должно было повлечь пересмотр действующего законодательства о гражданском и уголовном судопроизводстве.

Однако через четыре года, в 1847 году, закрытие Архангельского совестного суда все же состоялось. Инициаторами закрытия тогда вновь выступали местные власти. Панин их поддержал. На следующий 1848 год в отношении Олонецкого совестного суда министр Панин сам был инициатором закрытия этого судебного учреждения. Никаких изменений в действующее законодательство, регулирующее судопроизводство, на этот счет не вносилось. Государство пренебрегло интересами правосудия, имея в виду один из основных принципов юридического позитивизма — главенствующую роль государства.

О формальном отношении В. Н. Панина к рассмотрению судебного дела в своих отчетах писало III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Так, в отчете за 1841 год чиновники III отделения отмечали: «Нельзя умолчать, что граф Панин, еще не совсем ознакомившийся со своею новой обязанностью... взирает на свою святую обязанность не совсем с правильной точки зрения. Он не сливает нравственных убеждений и требует только соблюдения последних в решении дел. Так, видим мы в прошедшем году несколько вопиющих, в которых стороне явно обиженной нет возможности оказать правосудия единственно потому, что обидчики облекли свои действия в законные формы. Если бы граф Панин убедился, что правосудие заключается не столько в соблюдении форм, сколько в справедливом решении дел и если бы он, так сказать, сливал законы с нравственными убеждениями, то лучшего министра юстиции нельзя и желать» [Россия ..., 2006, с. 264—265]. В отчете за 1842 год фиксировалось: «... министр юстиции не внемлет нравственным убеждениям» [Там же, с. 299].

В том числе именно поэтому совестные суды были министру юстиции Панину чужды. Он их не понимал, будучи формалистом.

Таким образом, в вопросе упразднения совестных судов далеко не последнюю роль сыграл субъективный фактор — личное отношение к роли закона в жизни государства и общества, а также формам судопроизводства министра юстиции В. Н. Панина.

3.5. Отсутствие системы совестных судов как латентная причина их упразднения

Отсутствие системы совестных судов как латентная причина их упразднения было следствием ненадлежащего исполнения компетентными чиновниками и государственными органами ст. 402 «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая», принятых в 1775 году. Вполне вероятно, что впоследствии отсутствие системы совестных судов было политической волей руководства государства.

Согласно ст. 402 упомянутого закона решения совестного суда можно было обжаловать в Верховном совестном суде [ПСЗРИ I, 1830, Т. XX, с. 279]. Однако такой судебной инстанции не было создано. На данное обстоятельство обращал внимание «Комитет 6 декабря 1826 года». Был составлен проект, в соответствии с которым предполагалось учредить Верховный совестный суд в составе Судебного сената [Коркунов, 1895, с. 136], но данный проект так и не был реализован.

На практике жалобы на решения совестных судов принимал Сенат. Получалось так, что решение, принятое в конкретной губернии совестным судом по правилам специфического совестного разбирательства, рассматривалось в Сенате по правилам, противоположным этому виду судопроизводства — правилам формального судопроизводства.

Нельзя не согласиться с Т. Л. Мигуновой, которая отмечала, что «при такой противоречивости более организованное и мощное формальное судопроизводство оттесняло совестные суды на периферию правовой деятельности общества» [Мигунова, 2007, с. 120].

Имея свою самостоятельную юрисдикцию, специальные «средства» разрешения конфликтов как в уголовном, так и в гражданском судопроизводстве, совестный суд вместе с тем не имел возможности в полной мере реализовать свою специфику, развивать свою «особость», совершенствовать юридические приемы и средства совестного разбирательства. Формальный процесс, поддерживаемый государством, «задушил» совестные суды, не дав им возможности развиваться. Слабость совестных судов чувствовалась населением, в том числе по этой причине тяжущиеся стороны предпочитали обращаться в суды, где действовали принципы формального юридического разбирательства. В глазах народа только сильная государственная власть могла обеспечить порядок и справедливость.

Таким образом, отсутствие системы совестных судов подрывало их авторитет и «жизнеспособность», влияло на эффективность и полностью лишало совестные суды развития. Выдержать конкуренцию с судами, работающими по принципам формального процесса, который поддерживало государство, совестные суды объективно не могли.

4. Заключение = Conclusions

Под причинами упразднения совестных судов Российской империи понимаются конкретные обстоятельства формального и латентного характера, которые были положены министерством юстиции в обоснование своих решений в 1820—1850-х годах, в том числе в официальных документах.

Анализ архивной делопроизводственной документации и эволюции политико-правовой парадигмы российского государства в I-й половине XIX века дает основание дифференцировать причины упразднения совестных судов на две категории: формальные и латентные.

Формальными причинами упразднения совестных судов являлись небольшое количество производящихся дел, кадровая проблема и недостаточное государственное финансирование.

Основными латентными причинами упразднения совестных судов можно назвать нарастающее господство юридического позитивизма, субъективный фактор (который по большому счету вытекал из первой латентной причины) и отсутствие системы совестных судов.

Философское обоснование упразднения совестных судов в Российской империи имело свои корни в юридическом позитивизме. Основная первопричина упразднения совестных судов была связана с их спецификой, которая в условиях нарастающего господства философии юридического позитивизма, в том числе среди руководства министерства юстиции, делала невозможным эффективную работу совестных судов в российской судебной системе дореформенной эпохи, в основном построенной на принципах формального судопроизводства. Данное обстоятельство являлось также причиной низкого уровня финансирования совестных судов, которые со сменой политико-правовой парадигмы отечественного государства считались «ненужным» органом правосудия.

Необходимо отметить, что латентные причины упразднения совестных судов, не вполне очевидные при поверхностном взгляде на ситуацию, были первичны по отношению к причинам формальным (официальным). Другими словами, те обстоятельства, которые лежали в основе латентных причин, служили поводом к оформлению официальных причин упразднения совестных судов как самостоятельных судебных учреждений.

Целями упразднения совестных судов (то есть тем, к чему стремилось министерство юстиции) являлись полное закрытие совестных судов и экономия бюджетных средств.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Алешинцев И. А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век) / И. А. Алешинцев. — Санкт-Петербург : Издание О. Богдановой, 1912. — 346 с.
2. *Высочайшее* повеление «О преподавании естественного права» от 23 апреля 1833 г. // Журнал министерства народного просвещения. — 1834. — № 1. — Ч. 1. — С. 5—6.
3. *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки / П. В. Долгоруков // Трагедия реформатора : Александр II в воспоминаниях современников / сост. Б. Д. Гальперина, Д. И. Раскин. — Санкт-Петербург : Д.А.Р.К, 2006. — С. 159—176.
4. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев / Н. М. Дружинин. — Москва : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. — 402 с.
5. *Министерство юстиции за сто лет : 1802—1902 : исторический очерк* / [сост. П. Н. Гуссаковский]. — Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1902. — 340 с.
6. Никитенко — *Никитенко А. В.* Записки и дневник : в 3 томах / А. В. Никитенко. — Москва : Захаров, 2005. — Т. 1. — 640 с. — Т. 2. — 608 с.
7. *Орлов-Давыдов В. П.* Воспоминания совестного судьи / В. П. Орлов-Давыдов // Русский архив. — 1880. — Книга 2. — С. 400—425.
8. *Половцов А. А.* Дневник. 1859—1882. В 2 т. / А. А. Половцов. — Москва : Фонд «Связь эпох», 2022. — Т. 1. — 880 с.
9. ПСЗРИ I — *Полное собрание законов Российской империи. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая* // ПСЗРИ. Собрание I. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. XX. — № 14392. — 1034 с.
10. ПСЗРИ II — *Полное собрание законов Российской империи. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О временных штатах совестных судов» от 3 мая 1848 г.* // ПСЗРИ. Собрание II. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1849. — Т. XXIII. — Отд. I. — № 22232. — 665 с.
11. Россия — *Россия под надзором : отчеты III отделения 1827—1869. Сборник документов* / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Шербакова. — Москва : Рос. фонд культуры : Российский архив, 2006. — 706 с.
12. *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Эпоха освобождения крестьян / П. П. Семенов-Тянь-Шанский // Трагедия реформатора : Александр II в воспоминаниях современников. — Санкт-Петербург : Д.А.Р.К, 2006. — С. 75—104.

Литература

1. *Андреева Т. В.* Записка М. М. Сперанского о создании Комитета 6 декабря 1826 года / Т. В. Андреева // Петербургский исторический журнал. — 2019. — № 4 (24). — С. 253—272.

2. *Балина О. Г.* Политика Александра I и «Просветительские реформы» в России I четверти XIX века / О. Г. Балина // *Культура. Духовность. Общество.* — 2016. — № 22. — С. 24—36.
3. *Баранов Ю. В.* Судебная практика Московского совестного суда (1782—1861 гг.) / Ю. В. Баранов // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция.* — 2020. — № 1. — С. 67—73.
4. *Барац Г. М.* Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести : историко-юридический этюд / Г. М. Барац. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — 40 с.
5. *Верещагин А. Н.* Кассационный Сенат (1866—1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи / А. Н. Верещагин. — Москва : Издательская группа «ЗАКОН», 2023. — 616 с.
6. *Воропанов В. А.* Практика совестных судов на Урале и в Западной Сибири (конец XVIII — первая половина XIX вв.) / В. А. Воропанов // *Научный вестник Уральской академии государственной службы : политология, экономика, социология, право.* — 2010. — № 2 (11). — С. 126—130.
7. *Емельянов Б. В.* Царизм против естественного права (три эпизода гонений) / Б. В. Емельянов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение.* — 2015. — № 4. — С. 119—126.
8. *Илюхина В. А.* Институт совестного суда в Российской империи (1775—1852) / В. А. Илюхина, С. Ю. Агафонов // *Историко-правовые проблемы : новый ракурс.* — 2024. — № 1. — С. 23—32. — DOI: 10.24412/2309-152-2024-1-23-32.
9. *Коркунов Н. М.* Проект Верховного совестного суда в двадцатых годах (историческая справка) / Н. М. Коркунов // *Журнал министерства юстиции.* — 1895. — № 4. — С. 135—138.
10. *Левицкий С. А.* Трагедия свободы / С. А. Левицкий. — Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2011. — С. 480.
11. *Маркова-Мурашова С. А.* Эволюция типов правопонимания в контексте генезиса национальной правовой системы России / С. А. Маркова-Мурашова // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* — 2013. — № 3—2. — С. 39—47.
12. *Матюшенко З. Г.* Позитивизм в России : ранний этап / З. Г. Матюшенко, Н. Г. Самсонова // *Известия МГТУ МАМИ.* — 2013. — Т. 2. — № 4 (18). — С. 34—41.
13. *Мигунова Т. Л.* Совестный суд Екатерины II / Т. Л. Мигунова // *Закон и право.* — 2007. — № 2. — С. 116—121.
14. *Наумов И. М.* Мои мысли о совестном суде и признательность к памяти Преосв. Митрополита Амвросия / И. М. Наумов. — Санкт-Петербург : Тип. Гл. упр. путей сообщения, 1830. — 22 с.
15. *Плех О. А.* Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века / О. А. Плех // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* — 2020. — Т. 42. — № 2. — С. 58—69. — DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450.
16. *Подлесных С. Н.* Астраханский совестный суд : история присоединения к палате уголовного и гражданского суда (1828 год) / С. Н. Подлесных // *Электронный журнал «Кавказология».* — 2024. — № 4. — С. 40—53. — DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-40-53.
17. *Подлесных С. Н.* Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству : 1775—1866 годы / С. Н. Подлесных // *Научный диалог.* — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 445—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462.

18. Подлесных С. Н. К вопросу о причинах закрытия Олонецкого совестного суда / С. Н. Подлесных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2025. — Т. 47. — № 4. — С. 52—56. — DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1182.
19. Правкин С. А. Эволюция позитивистского и социологического подхода в юриспруденции России второй половины XIX — начала XX века / С. А. Правкин // Апробация. — 2015. — № 4 (31). — С. 97—103.
20. Свердлова Л. М. Казанский совестный суд, как суд примирительной инициативы / Л. М. Свердлова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья : сборник. — 2013. — № 3. — С. 214—220.
21. Смыкалин А. С. Сравнение совестного суда Екатерины II и английского суда Канцлера / А. С. Смыкалин // Инструменты современной научной деятельности : сборник статей по итогам Межд. науч.-практ. конференции : в 2 ч. — Ижевск : Агентство международных исследований, 2017. — Ч. 2. — С. 150—153.
22. Старикова Н. В. Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) / Н. В. Старикова // Вестник Мининского университета. — 2013. — № 4 (4). — С. 6.
23. Суздалева Т. П. Противник судебной реформы 1864 г. В. Н. Панин / Т. П. Суздалева, К. В. Федоров // Гуманитарный вестник. — 2015. — № 1 (27). — С. 1—11.
24. Трунов И. А. Юридический позитивизм и неопозитивизм (легизм) : теоретико-методологические особенности / И. А. Трунов // Вестник науки. — 2025. — Т. 1. — № 6 (87). — С. 882—886.
25. Упоров И. В. Либеральные идеи в Российской империи времен Екатерины II и Александра I / И. В. Упоров // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 114—3. — С. 82—86. — DOI: 10.18411/tmio-10-2024-112.
26. Фролова Е. А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) / Е. А. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 2013. — № 2. — С. 71—77.

Статья поступила в редакцию 05.07.2025,
одобрена после рецензирования 28.09.2025,
подготовлена к публикации 18.10.2025.

Material resources

- Aleshintsev, I. A. (1912). *The history of gymnasium education in Russia (XVIII and XIX centuries)*. St. Petersburg: Edition of O. Bogdanova. 346 p. (In Russ.).
- Dolgorukov, P. V. (2006). Petersburg essays. In: *The tragedy of the reformer: Alexander II in the memoirs of contemporaries*. Saint Petersburg: D.A.R.K. 159—176. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1933). *The Decembrist Nikita Muravyov*. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. 402 p. (In Russ.).
- Nikitenko, A. V. (2000). *Notes and diary: in 3 volumes*. Moscow: Zakharov. 640 p. (In Russ.).
- Orlov-Davydov, V. P. (1880). Memoirs of a conscientious judge. *Russian Archive*, 2: 400—425. (In Russ.).
- Polovtsov, A. A. (2022). *Diary. 1859—1882. In 2 volumes, I*. Moscow: Svyaz Epochs Foundation. 880 p. (In Russ.).
- PSZRI I — The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire. Part one. (1830). *PSZRI*.

- Assembly I, XX (14392)*. St. Petersburg: Typogr. II ed. Proper E. I. V. Chancery. 1034 p. (In Russ.).
- PSZRI II — The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The most highly approved opinion of the State Council “On the temporary staff of conscientious courts” dated May 3, 1848. (1849). *PSZRI. Assembly II, XXIII (22232)*. St. Petersburg: Typogr. II ed. His own E. I. V. Chancellery. 665 p. (In Russ.).
- Russia under supervision: reports of the III department 1827—1869. Collection of documents*. (2006). Moscow: Russian Cultural Foundation: Russian Archive. 706 p. (In Russ.).
- Semenov-Tyan-Shansky, P. P. (2006). Memoirs. The Era of Peasant Liberation. In: *The Tragedy of the Reformer: Alexander II in the memoirs of his contemporaries*. Saint Petersburg: D.A.R.K. 75—104. (In Russ.).
- The Highest decree “On the teaching of natural law” dated April 23, 1833. (1834). *Journal of the Ministry of National Education, 1 (1)*: 5—6. (In Russ.).
- The Ministry of Justice for a hundred years: 1802—1902: a historical essay*. (1902). Saint Petersburg: Senate Printing House. 340 p. (In Russ.).

References

- Andreeva, T. V. (2019). M. M. Speransky’s note on the establishment of the Committee on December 6, 1826. *St. Petersburg Historical Magazine, 4 (24)*: 253—272. (In Russ.).
- Balina, O. G. (2016). The policy of Alexander I and the “Enlightenment reforms” in Russia in the first quarter of the 19th century. *Culture. Spirituality. Society, 22*: 24—36. (In Russ.).
- Baranov, Yu. V. (2020). Judicial practice of the Moscow Conscience Court (1782—1861). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence, 1*: 67—73. (In Russ.).
- Barats, G. M. (1893). *An essay on the origin and gradual subsequent abolition of conscientious courts and courts of conscience in Russia: A historical and legal study*. St. Petersburg: [b. i.]. 40 p. (In Russ.).
- Frolova, E. A. (2013). Theory of natural law (historical and theoretical aspect). *Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law, 2*: 71—77. (In Russ.).
- Ilyukhina, V. A., Agafonov, S. Yu. (2024). Institute of the conscientious court in the Russian Empire (1775—1852). *Historical and legal problems: a new perspective, 1*: 23—32. DOI: 10.24412/2309-152-2024-1-23-32. (In Russ.).
- Korkunov, N. M. (1895). The project of the Supreme Court of Conscience in the twenties (historical reference). *Journal of the Ministry of Justice, 4*: 135—138. (In Russ.).
- Levitsky, S. A. (2011). *The tragedy of freedom*. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate. P. 480. (In Russ.).
- Markova-Murashova, S. A. (2013). Evolution of types of legal understanding in the context of the genesis of the national legal system of Russia. *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences, 3—2*: 39—47. (In Russ.).
- Matyushenko, Z. G. (2013). Positivism in Russia: an early stage. *Izvestiya MGTU MAMI, 2 / 4 (18)*: 34—41. (In Russ.).
- Migunova, T. L. (2007). The conscientious court of Catherine II. *Law and Law, 2*: 116—121. (In Russ.).
- Naumov, I. M. (1830). *My thoughts on the conscientious court and appreciation for the memory of the Most Reverend. Metropolitan Ambrose*. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. ways of communication. 22 p. (In Russ.).

- Plekha, O. A. (2020). The composition of the bureaucracy of the Olonets province in the first half of the 19th century. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 42 (2): 58—69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450. (In Russ.).
- Podlesnykh, S. N. (2024). B. Astrakhan Conscience Court: the history of joining the Criminal and Civil Court Chamber (1828). *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 4: 40—53. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-40-53. (In Russ.).
- Podlesnykh, S. N. (2024). Conscientious courts in the Russian Empire as an alternative to formal legal proceedings: 1775—1866. *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 445—462. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462. (In Russ.).
- Podlesnykh, S. N. (2025). On the issue of the reasons for the closure of the Olonets Conscience Court. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, 47 (4): 52—56. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1182. (In Russ.).
- Pravkin, S. A. (2015). Evolution of the positivist and sociological approach in Russian jurisprudence of the second half of the XIX — early XX century. *Approbation*, 4 (31): 97—103. (In Russ.).
- Smykalin, A. S. (2017). Comparison of the conscientious court of Catherine II and the English court of Chancellor. In: *Tools of modern scientific activity: a collection of articles based on the results of International scientific and practical research. Conferences: at 2 a.m.*, 2. Izhevsk: Agency for International Studies LLC. 150—153. (In Russ.).
- Starikova, N. V. (2013). The Conscience court in the judicial system of Catherine II (based on the materials of the Nizhny Novgorod province). *Bulletin of Mininsky University*, 4 (4): P. 6. (In Russ.).
- Suzdaleva, T. R., Fedorov, K. V. (2015). V. N. Panin, Opponent of judicial reform in 1864. *Humanitarian Bulletin*, 1 (27): 1—11. (In Russ.).
- Sverdlova, L. M. (2013). Kazan Conscience Court as a court of reconciliation initiative. *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region: collection*, 3: 214—220. (In Russ.).
- Trunov, I. A. (2025). Legal positivism and neopositivism (legalism): theoretical and methodological features. *Bulletin of Science*, 1 / 6 (87): 882—886. (In Russ.).
- Uporov, I. V. (2024). Liberal ideas in the Russian Empire during the time of Catherine II and Alexander I. *Trends in the development of science and education*, 114—3: 82—86. DOI: 10.18411/trnio-10-2024-112. (In Russ.).
- Vereshchagin, A. N. (2023). *The Senate of Cassation (1866—1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire*. Moscow: Publishing group "The LAW". 616 p. (In Russ.).
- Voropanov, V. A. (2010). The practice of conscientious courts in the Urals and Western Siberia (late XVIII — first half of the XIX centuries). *Scientific Bulletin of the Ural Academy of Public Administration: Political Science, Economics, sociology, law*, 2 (11): 126—130. (In Russ.).
- Yemelyanov, B. V. (2015). Tsarism against natural law (three episodes of persecution). *Bulletin of St. Petersburg University. Episode 17. Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Religious studies*, 4: 119—126. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2025;
approved after reviewing 28.09.2025;
accepted for publication 18.10.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Салфетников Д. А. Текстильная промышленность Северо-Кавказского края в 1927—1934 годах : условия становления и проблемы производства / Д. А. Салфетников // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 568—588. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-568-588.

Salfetnikov, D. A. (2025). Textile Industry of North Caucasus Region (1927-1934): Conditions for Development and Production Challenges. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 568-588. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-568-588. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

eLIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Текстильная
промышленность
Северо-Кавказского края
в 1927—1934 годах: условия
становления и проблемы
производства**

Салфетников Дмитрий Анатольевич
orcid.org/0000-0003-2991-7958
кандидат исторических наук, доцент
da.salfetnikov@mail.ru

Кубанский государственный аграрный
университет им. И. Т. Трубилина
(Краснодар, Россия)

**Textile Industry
of North Caucasus Region
(1927-1934): Conditions
for Development and
Production Challenges**

Dmitry A. Salfetnikov
orcid.org/0000-0003-2991-7958
PhD in History, Associate Professor
da.salfetnikov@mail.ru

Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin
(Krasnodar, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается положение текстильной отрасли легкой промышленности в ставропольских, кубанских, черкесских и других районах Северо-Кавказского края в период его существования как административно-территориального субъекта (1927—1934). Установлено, что главными факторами формирования текстильной промышленности региона были подходящие климатические условия, тесная связь с сельским хозяйством, традиционные хозяйственные занятия (в первую очередь овцеводство), достаточная ресурсная база для развития подотраслей текстильной промышленности, особенно шерстяной, наличие транспортных путей. Выполнен анализ проблем производственной деятельности отдельных предприятий (шерстопрядильных, суконных, шерстомоечных): нехватка кадров, недостаточная техническая оснащенность и объемы переработки избыточного сырья. Доказано, что текстильная отрасль края в рассматриваемый период проходила свое становление. Выявлено, что главной задачей было строительство или реконструкция государственных текстильных предприятий (фабрик, шерстомоек), способных поглощать вырабатываемую в крае шерсть и производить достаточное количество метражной продукции. Отмечается, что текстильных предприятий в крае было немного, они располагались в основном в городах, вблизи транспортных путей и выстраивали прочные производственные связи с профильными предприятиями, находящимися в других районах РСФСР, а также в республиках Советского Союза, участвуя в укреплении экономических связей между регионами страны.

Ключевые слова:

текстильная промышленность; овцеводство; индустриализация; фабрика; шерстомойка; Северный Кавказ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the status of the textile sector within the light industry of the Stavropol, Kuban, Circassian, and other areas of the North Caucasus during its existence as an administrative-territorial entity from 1927 to 1934. It identifies key factors contributing to the establishment of the region's textile industry, including favorable climatic conditions, strong ties to agriculture, traditional economic practices (notably sheep farming), a sufficient resource base for the development of textile sub-sectors — especially wool production — and the availability of transportation routes. An analysis of the operational challenges faced by individual enterprises (such as wool spinning mills, cloth factories, and wool washing facilities) reveals issues such as labor shortages, inadequate technical equipment, and limited processing capacities for surplus raw materials. The findings demonstrate that the textile sector in the region was in a formative stage during this period. It was established that a primary objective was the construction or reconstruction of state textile enterprises (factories and wool washing facilities) capable of processing locally produced wool and generating adequate quantities of fabric products. It is noted that there were few textile enterprises in the region, primarily located in urban areas near transportation routes, which established robust production links with specialized facilities in other regions of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, as well as in other Soviet republics, thereby contributing to the strengthening of economic ties between different regions of the country.

Key words:

textile industry; sheep farming; industrialization; factory; wool washing; North Caucasus.

УДК 94(470.62/.67)“1927/1934”+677(091)“19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-568-588

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Текстильная промышленность Северо-Кавказского края в 1927—1934 годах: условия становления и проблемы производства

© Салфетников Д. А., 2025

1. Введение = Introduction

В наши дни в сложных для российской экономики условиях реализации ее задач все более актуальным становится изучение деятельности различных отраслей промышленности на важных этапах их становления и дальнейшего развития. Особый интерес представляет исторический опыт функционирования текстильной промышленности в новых условиях советской индустриализации, когда не хватало отечественных тканей и трикотажных изделий, в которых остро нуждалось население. В диахронии данная проблема актуализируется одной из видимых сторон современного общества потребления, когда отечественная текстильная промышленность по большей части замещалась импортной продукцией.

Развитие текстильной отрасли промышленности в рамках постановки задач индустриального строительства не обладало к концу 1920-х годов теми приоритетными характеристиками, которые были обозначены, например, для отраслей тяжелой промышленности. Однако кризисные явления в конце периода нэпа, «ножницы цен» в отношении реализации и количества сельскохозяйственной и промышленной продукции заставляли партийное и государственное руководство уделять внимание темпам роста отраслей легкой промышленности. Проблема нехватки промтоваров, крайне недостаточного производства их для граждан, особенно для сельских тружеников, была одним из «краеугольных камней» в острых дискуссиях по экономическим вопросам. Достаточно вспомнить, например, позицию В. А. Базарова и некоторых других экономистов, касавшуюся системного развития промышленных предприятий и отраслей [Каким быть плану ..., 1989, с. 177, 178].

При этом было ясно, что насыщение села техникой — тракторами и комбайнами — дело не только времени, но и большого напряжения сил в реализации плана первой пятилетки. Замена импортной продукции на отечественную не могла произойти быстро, сбыт же одежды, обуви и га-

лантереи требовался повседневно и зависел главным образом от успешного развития хлопчатобумажного, шерстяного, трикотажного, обувного и других производств. Сырье для них в основном поступало из сельской местности через заготконторы и другие организации. Особую роль в этом плане играли аграрные районы страны, в том числе входившие тогда в Северо-Кавказский край: донские, кубанские, ставропольские, черкесские, карачаевские, чеченские и районы других будущих автономных республик Северного Кавказа. Объектом данного исследования является текстильная промышленность Северо-Кавказского края с 1927 до 1934 годы, то есть до разделения его на Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Тема развития советских отраслей промышленности всегда вызывала интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей. Здесь приобретали значение вопросы, связанные с подходами к индустриальному строительству, накануне и в процессе реализации первого пятилетнего плана, с развитием отдельных отраслей промышленности, в том числе текстильной. Историки и экономисты — современники того периода достаточно подробно рассматривали и давали оценки достижений отрасли в рамках плановых задач; в частности Е. Л. Цейтлин в «Очерках истории текстильной техники» [Цейтлин, 1940].

Позднее советские историки и экономисты, имея достаточно большой фактический материал, исследовали проблемы развития промышленности в СССР. Их работы носили обобщающий характер, но в них уделялось внимание и текстильной отрасли в конце нэпа, в начале индустриализации и в 1930-е годы. В этом ряду следует отметить работы П. Б. Жибарева [Жибарев, 1969], В. С. Лельчука [Лельчук, 1984]. Необходимо упомянуть зарубежных исследователей, которые в своих работах анализировали процессы, происходившие тогда в отраслях советской промышленности [Gregory, Markevich, 2002; Davies, 1996], непосредственно среди работ по текстильной промышленности следует выделить труды П. А. Хромова [Хромов, 1946], А. М. Корнеева [Корнеев, 1957], и М. В. Конотопова [Конотопов, 2018].

В последние десятилетия появилось немало работ, показывающих региональные особенности развития текстильного производства в рассматриваемый период. В основном они касались тех районов страны, где данная отрасль промышленности традиционно была развитой, например, Московской [Сафонова, 2001], Ивановской областей [Козлов, 1918], Чувашии [Казанцева, 2020] и др. По северокавказскому региону можно отметить работы Е. Н. Бадмаевой [Бадмаева, 2024], Е. В. Туфанова [Туфанов, 2021], в которых рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся отрас-

лей легкой промышленности в 1920—1930-е годы (сырье, кадры, проблемы управления и профсоюзы). Комплексных работ по истории северокавказской текстильной отрасли данного периода в историографии нет.

В нашем исследовании впервые предпринимается попытка анализа становления текстильной отрасли края в начальный период индустриализации. Используются историко-сравнительный, статистический, историко-описательный и другие классические методы исследования, помогающие объективно проанализировать источниковую базу и выявить основные закономерности процессов, изучаемых в рамках данной темы. Статья базируется на неопубликованных документах из центральных и регионального архивов, а также на опубликованных сборниках документов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблемы и условия развития текстильной промышленности Северо-Кавказского края

Районы Северного Кавказа обладали традиционно широкими возможностями для развития сельского хозяйства: не только зерновой базой, но и животноводческой, в том числе овцеводством. Иначе говоря, для развития текстильной промышленности здесь были все необходимые условия, в первую очередь — мощная сырьевая база. Негативные последствия разорительных для экономики страны и региона войн — Первой мировой и особенно Гражданской — преодолевались сложно и влияли на протяжении почти всех 1920-х годов на состояние промышленности и сельского хозяйства края. Текстильная промышленность края и в начале 1-й пятилетки продолжала оставаться одной из наименее развитых отраслей промышленности, не проявляющей определенной тенденции к росту и не играя значительной роли в общем промышленном балансе края. Если с 1926 по 1928 годы товарная продукция всей северокавказской промышленности увеличилась более чем в 1,5 раза, то продукция текстильной промышленности смогла увеличиться за этот же период только на 20 %. Удельный же вес ее к 1929 году в общей сумме товарной промышленной продукции составлял примерно 2,5 %. Это было крайне малым показателем, несмотря на определенный производственный рост после восстановительного периода [Лунин, 1929, с. 43].

ВСНХ и планирующие органы центрального и краевого уровней на начальном этапе индустриализации не включали текстильную промышленность края в число основных отраслей. Но перспективы ее развития во многом связывались с обеспечением текстильных предприятий местным сырьем, заготавливаемым в пределах Северного Кавказа. В докладной записке северокавказского крайкома ВКП(б) в июле 1927 года среди прочих

вопросов, касающихся промышленного строительства, указывалось прямо, что наличие в национальных областях достаточного количества шерсти «выдвигает вопрос о целесообразности сооружения там шерстопрядильной фабрики» [История ..., 1971, с. 144]. Так, важную роль в крае отводили овцеводству: оно восстанавливалось, в годы 1-й пятилетки должно было превзойти довоенный уровень, поставляя не только «грубую» шерсть, но и шерсть овец мериносов.

Проблемой было то, что и государственная, и кустарная промышленность края востребовала для своего производства лишь небольшую часть шерсти для своего производства. Остальное вывозилось за пределы края. Значительная часть шерсти шла на удовлетворение нужд местного населения путем кустарной переработки для изготовления домотканого сукна, варежек, чулок, башлыков и кавказских бурок, пользующихся большим спросом. Поэтому вполне уместной была линия на развитие местной текстильной промышленности, которая бы поглощала количество вырабатываемой шерсти и выпускала метражную продукцию в достаточном количестве. Но при этом предусматривалась и выработка ею бурок и башлыков с целью вытеснения подобной кустарной продукции, а в дальнейшем — и сокращения удельного веса кустарей, относящихся к данному производству.

Текстильная промышленность перерабатывала различные виды сырья для выпуска суконно-шерстяных товаров. Если продолжать рассматривать вопрос обеспеченности различными видами шерсти, то необходимо отметить факт наличия поголовья верблюдов в двух округах края — Сальском и Ставропольском. То есть верблюжью шерсть тогда не столько везли из Средней Азии, сколько старались вырабатывать в крае самостоятельно: например, в 1929 году намечено было заготовить около 400 центнеров этой шерсти [Лунин, 1929, с. 44].

Важную роль играли и условия, в первую очередь климатические, для разведения хлопчатника и других технических культур, таких как лен и конопля. В отношении выращивания и обработки льна подчеркивалась «необходимость всемерного ускорения организации в крае опытных предприятий». Конопляная солома давала при переработке два вида волокна, одно из которых использовалось для прядения, а другое — для производства ваты. Что касается посевов хлопчатника, то под них определялись конкретные районы — Кубани и Терека; стимулировались эти посевы путем так называемой «контрактации» с сельскими жителями, для которых выделялась часть промтоваров, в чем они были крайне заинтересованы.

Так, например, в конъюнктурных сведениях за апрель 1927 года по Ставропольскому округу сообщалось следующее: «Население округа имеет у себя достаточно сельскохозяйственной продукции, а более зажиточная

часть — и запасы зерновых продуктов, которые им сбываются на местных рынках по мере надобности. Такое хозяйственно-экономическое положение округа давало право населению производить закупки промтоваров... Население, особенно сельское, пригородное и городское, занимающееся сельским хозяйством, предъявляло на рынке большой спрос на мануфактурные и другие товары. Из хлопчатобумажных спрашивались сильно плательные группы — маркизеты, батисты и вольты, в которых на рынке ощущался недостаток. Рубашечные группы удовлетворяли спрос, за исключением туалетного и зефира, в которых ощущался недостаток. Из бельевой группы спрашивались тонкие сорта, в которых также ощущался недостаток. Бязь шла слабо. Из одежной группы шли хорошо одинарные и двойные, ... удовлетворенность спроса этими товарами была не выше 25—30 %. Все остальные группы товаров шли посредственно. Нитки шли хорошо» [ГАСК, ф. Р-522, оп. 1, д. 273, л. 73, 73 об].

Итак, для развертывания широкого суконно-ткацкого производства имела достаточная сырьевая база. Риски же были здесь связаны с возможными опозданиями в строительстве соответствующих промышленных предприятий, что в дальнейшем приводило к отрицательным результатам, главным из которых было невыполнение и без того завышенных плановых заданий.

Много зависело и от кадровой политики, хотя в то время главным лозунгом был: «Техника решает все!». Нехватка квалифицированных специалистов, рабочих была проблемой для отраслей промышленности в условиях ещё не преодоленной безработицы. Во 2-й половине 1920-х годов тарифные сетки, устоявшиеся нормы выработки, механические надбавки определяли и регулировали зарплату и по производствам, и по районам. В целом по всей советской текстильной промышленности рост зарплаты с 1926 по 1928 годы составил 57 %, затем — в 1929—1930 годы наблюдался и рост числа квалифицированных и даже высококвалифицированных рабочих при сохранении прежней численности неквалифицированной рабочей силы [Сафонова, 2001, с. 399, 400].

Говоря о районировании текстильного производства, необходимо учесть факт отличия состояния текстильного производства в Северо-Кавказском крае от тех районов страны, в которых оно было традиционно развитым, например центральных, включая Московско-Ивановский, Курский, а также Поволжский и др., где восстановленные в период нэпа текстильные фабрики по-прежнему задавали тон развития отрасли. Но планы индустриализации расширяли спектр решаемых задач, заставляя на новом уровне развертывать освоение источников сырья. Важнейшие особенности промышленности регионов, в том числе Юга России, их сырьевая база

должны были развиваться и разрабатываться быстрыми темпами, с максимальной отдачей для экономики страны [Салфетников, 2019, с. 77].

В отношении аграрных областей это дело особое, как и развитие или создание там заново промышленных отраслей. Но как раз речь шла о тех из них, которые непосредственно были связаны с сельским хозяйством, перерабатывали его сырьевую базу (зерновую, например), будучи напрямую приближенными к этим источникам сырья.

Если производство хлопчатника, тем более шелка для экономики северокавказских районов не было явлением распространенным (в основном привозили из республик Средней Азии и Закавказья), то производство шерсти, главным образом овечьей, здесь являлось важнейшим сегментом народнохозяйственного механизма. Шерстяное, хлопчатобумажное и шелковое производства, как известно, всегда являлись базовыми отраслями текстильной промышленности. Кроме того, необходимо сказать о географии текстильных предприятий, а их было не так много, поэтому каждое из них приобретало особое значение в процессе развития этой отрасли промышленности.

Располагались они в основном в городах — Ростове-на-Дону, Азове, Армавире, Ставрополе, Эркен-Шахаре (находившимся в Черкессии), а также в станице Котляревской. Ростовские ватная и ткацкая фабрики были наиболее крупными, они входили в Севкавтекстильтрест: первая из них производила в год 1800 тонн ваты, на ней работали 180 рабочих. Чулочная фабрика в г. Азове принадлежала Донснабторгу. Две ватные фабрики, шерсто-прядельная и одно из отделений ткацкой фабрики в Армавире хотя и были меньше по своим производственным мощностям и с меньшим количеством рабочих, но зато входили в Армавирский комбинат текстильной промышленности, который уже считался серьезным предприятием отрасли. На прядельно-суконной фабрике г. Ставрополя 40 рабочих производили полторы сотни тонн сукна достаточно хорошего качества. Фабрика входила в Ставропольский окружной промотдел, тогда как шерстопрядельная фабрика в Эркен-Шахаре подчинялась местному промотделу. Что же касается предприятий станицы Котляревской, то это были три прядельные, небольшие опытные предприятия, из названных — единственные, располагавшиеся в сельской местности, они входили в трест Севкавволокно [Лунин, 1929, с. 46].

Следует в этом ряду упомянуть мелкие кустарные предприятия: это в основном кустарные мастерские в Черкессии, ставропольские и кабардино-балкарские валяльные мастерские (входившие в Ставропольский и Кабардино-Балкарский кустарно-промысловые союзы), а также шерстопрядельные мастерские в Чечне, входившие в Чечкустпромсоюз. Несмотря на то, что выпускаемая ими продукция пользовалась спросом у местного населения, в количественном отношении она была незначительной. Поэто-

му главный упор в развитии текстильной отрасли был сделан на усиление государственных предприятий.

Уже в 1928 году стоимость товарной продукции в хлопчатобумажном производстве составляла около 5 млн руб., из которых на Севкавтекстиль-трест приходилось почти 3 млн руб., остальное — на Армавирский комбинат текстильной промышленности. По шерстяному производству подавляющее большинство товарной продукции приходилось на Ставропольскую суконную фабрику (400 тыс. руб.) и совсем немного — на Черкесскую шерстяную фабрику. У всех этих предприятий были хорошие перспективы для развития, так же как и в трикотажном производстве, которое по темпам роста несколько опережало другие в планах первой пятилетки. Если в 1928 году здесь было выработано продукции на 635 тыс. руб., то в 1929 году — уже на 785 тыс. руб., к концу 1-й пятилетки стоимость его продукции запланировано увеличивалась до 9 млн руб. [Лунин, 1929, с. 46].

Проблемы с сырьем влияли на производство и сбыт товарной продукции, а значит — на выполнение плановых заданий в начале индустриализации, когда вопросы развития текстильной промышленности (как и вообще легкой) отходили на второй план, причем даже на Северном Кавказе, где, как мы отмечали, она проходила процесс своего становления и базировалась на местном сырье, особенно шерстяная ее отрасль. Так, директор Ставропольской государственной прядильно-суконной фабрики сообщал в Окргпромотдел в сентябре 1928 года, что вместо «просимых ею в заявке 135,8 т мытой шерсти отпущено 100 т через акционерное общество «Шерсть»... За недостатком 35,8 т фабрика должна стоять без дела 3 месяца плюс 1 месяц ремонта. Просим Вас принять соответствующее мероприятие к загрузке фабрики сырьем». Одной из оперативных мер предлагался переход на переработку осенней шерсти, но, возможно, это было лишь в примеси к весенней шерсти, которую необходимо было доставить в кратчайшие сроки, что позволяло избежать крайне невыгодного простоя [ГАСК, ф. Р-621, оп. 1, д. 45, л. 35, 35 об].

Итак, мы можем говорить о фактическом отсутствии в крае к началу индустриализации текстильной промышленности как цельной отрасли в сравнении с некоторыми районами страны, где она была традиционно развита. Но обширная сырьевая база Северо-Кавказского края способствовала развитию текстильной отрасли легкой промышленности, особенно ее шерстяной подотрасли, что, в свою очередь, стимулировало развитие овцеводства в крае.

3.2. Модернизация текстильного производства, главные предприятия отрасли и значение их работы

Данное производство для всего Северного Кавказа имело огромное значение. Ведь тогда в этом относительно большом по территории и на-

селению (свыше 8 млн человек), разнообразном как по этнокультурным, так и по ландшафтным условиям регионе не было ни одной трикотажной фабрики. Исключением могла стать чулочная фабрика в Азове, но она не могла покрыть и малой части всей потребности населения в трикотажном товаре, даже в чулочном, а он являлся крайне дефицитным. Планируемое кратное его увеличение за годы пятилетки мотивировало появление одного или даже нескольких трикотажных предприятий, которые могли бы удовлетворить всё возрастающий спрос населения. Эту проблему нужно было решать в сжатые сроки.

Модернизация Азовской чулочной фабрики для этих целей не имела смысла, так как при ее небольшой мощности требовались слишком большие финансовые вложения, поэтому задачей оставалось поддержание ее основного капитала и введение в строй неиспользованных до сих пор мощностей. Упор же был сделан на строительство новых цехов трикотажного производства для фабрики в г. Ростове-на-Дону, в дальнейшем она не должна была оставаться единственной трикотажной фабрикой. Ведь речь шла фактически о создании заново всей региональной текстильной промышленности.

Следует напомнить, что в начале индустриализации, как и в наши дни, показатели фондовооруженности труда в отрасли были в наиболее развитых странах значительно выше. Многое зависело от наличия масштабных инвестиций для модернизации текстильного производства, тем более что в долевом соотношении их объем был ниже, чем в других отраслях промышленности. Современные исследователи подчеркивают особую роль государственного участия в инвестировании отрасли и в процессе формирования ее технологического потенциала, так как большая часть станков и других механизмов была тогда импортного производства [Шевченко, 2019, с. 134, 143].

Машинизация была важнейшей частью индустриальных процессов, в первую очередь — в тяжелой промышленности. В легкой промышленности машин было мало, старые берегли и старались вовремя ремонтировать. Они были, как правило, зарубежного производства и в целом были ремонтпригодными. Например, на Ставропольской государственной шерстопрядильной фабрике в 1929 году в техническом оборудовании числилась сороочистительная машина американского производства, которая так и называлась — «Американка», стоимостью около 5 тыс. руб., для которой дополнительно приобрели трансмиссию (468,74 руб.) и ремни (105,02 руб.). Импортного производства были также электродвигатель и нефтяной двигатель «Горнсби» мощностью 56 лошадиных сил [ГАСК, ф. Р-249, оп. 1, д. 294, л. 1, 1 об].

Отметим, что уже в 1-й половине 1920-х годов появились первые советские ткацкие автоматы и воздушно-сушильные машины, хотя и на основе иностранных типов, но уже свои. К 1928 году ленинградский завод

им. Карла Маркса начал массовый выпуск отечественных ткацких станков, ватеров и чесальных машин. Они являлись новыми, усовершенствованными машинами и позволяли приступить к замене устаревшего оборудования на наших текстильных фабриках и шерстомойках [Цейтлин, 1940, с. 438].

Проблемы с оборудованием оставались актуальными до конца 1-й пятилетки, об этом заявляли и в высших эшелонах власти: «Состояние нашего оборудования по текстильной промышленности по всем ее видам является чрезвычайно плохим, устаревшим. Так, например, по текстильной промышленности оборудование возрастом от 30 до 50 лет составляет примерно 40—57 %, по шерстообработке этого же возраста — до 90 %» [XVII конференция ..., 1932, с. 37].

В структуре текстильной промышленности Северного Кавказа главный акцент в конце 1920-х годов делался на уже имевшиеся предприятия, их реконструкцию с целью максимально эффективного использования производительных сил, особенно на те, чьи технические условия это позволяли. Они и должны были стать локомотивами развития текстильного производства в крае, тем более что некоторые из них были значимыми и за пределами Северо-Кавказского края, получив известность даже в масштабах республиканской экономики.

В данном случае справедливым будет сказать о Донской и особенно — Невинномысской шерстомойке. На роли последней стоит остановиться подробнее, тем более что шерстяное производство в обеспечении текстилем в регионе имело определяющее значение. В плане дооборудования действующих на 1929 год предприятий центр тяжести в деле последующего развития шерстяной промышленности в крае приходился именно на Невинномысскую шерстомойку, близ которой даже была запланирована постройка новой суконно-ткацкой фабрики.

Приоритеты шерстопрядильного производства стимулировали расширение самой шерстомойки, которая становилась Невинномысской шерстомоечной фабрикой им. Ленина и увеличивала в годы 1-й пятилетки свои объемы работы. Ее деятельность соотносится с начальной фазой шерстяного производства. Фабрика поставляла обработанное сырье не только для Ставропольской шерстопрядильной фабрики. Этому способствовало и удобное месторасположение предприятия — близ ветки Северо-Кавказской железной дороги, что значительно облегчало как доставку сырья, так и отправку обработанной шерсти в районы самого Ставрополя и в соседние с ним регионы. В дальнейшем же в списке шерстомоечных предприятий объединения «Союззаготшерсть» на 1933 год Невинномысская фабрика была крупнейшей, со значительным отрывом она обходила даже вторую по величине среднеазиатскую шерстомойку в узбекском г. Мерв (в 3 раза

по выпуску продукции и в 2 раза — по количеству рабочих), имевшую производственную программу в 9,5 млн руб. и более 400 рабочих [РГАЭ, ф. 7663, оп. 1, д. 26, л. 3].

Необходимость развития фабрик и заводов данной отрасли была продиктована усилением выработки и заготовки шерсти, в основном овечьей. Так, всего за 1933 год по всему тресту «Союззаготшерсть» было заготовлено 40926 тонн овечьей шерсти всех трех видов (грубой, полугрубой и тонкой), а верблюжьей (несколько меньше по цене за тонну) — всего 1800 тонн. В 1934 году соотношение показателей было уже такое: 48 863 тонны и 1740 тонн соответственно. Заготавливали и кроличью шерсть, но ввиду ее слишком высокой цены (20 тыс. руб. за тонну) и выше против средней цены овечьей — примерно 1,5 тыс. руб. за тонну) ее заготовки хотя и повышались год от года, но были сравнительно незначительными [РГАЭ, ф. 7663, оп. 1, д. 19, л. 6].

Практически во все внутренние районы страны шло распределение шерсти с учетом производственной мощности предприятий по ее обработке. Если подробнее рассмотреть географию поставок продукции с этих предприятий, то сразу обращает на себя внимание факт работы нескольких из них, наиболее крупных. Они способствовали расширению и укреплению экономических связей между районами СССР, обработанная ими шерсть отправлялась в несколько районов страны.

Например, Мервское шерстомоечное предприятие с горячим методом обработки шерсти, располагавшееся на территории Узбекской ССР, поставляло свою продукцию, как и Келесская фабрика, в основном на территории среднеазиатских республик. Гурьевская покрывала своей продукцией районы Нижней и Средней Волги, Урала и Башкирии. Шерстомоечная фабрика им. Мануильского в Крыму отправляла шерсть большей частью в Украинскую ССР (2034 т из 3186 т), в самом Крыму оставалась только 331 т, остальное небольшими частями уходило в районы Средней Волги, Уральской области и Западной Сибири. Всего отсюда шерсть уходила в 9 районов страны — это был серьёзный показатель [РГАЭ, ф. 7663, оп. 1, д. 26, л. 54].

Роль же Невинномысской шерстомоечной фабрики в распределении шерстяной продукции трудно переоценить. Она была приближена к источникам сырья на Северном Кавказе и находилась у транспортных железнодорожных магистралей. Это само по себе являлось важнейшим фактором в развитии любого крупного промышленного предприятия, позволяя успешнее расширять свою деятельность и связи с другими регионами. Для данного предприятия в начале второй пятилетки таких регионов было десять. Почти половина продукции из 10,5 тыс. тонн оставалась на Северном Кавказе. В другие районы РСФСР, а также в союзные республики распределялось остальное, из чего наибольшее количество приходило в Казах-

скую, Армянскую ССР (1914 т и 1318 т соответственно), в меньшем количестве — в Киргизскую, Узбекскую и Туркменскую ССР [Там же].

К концу 1-й пятилетки определялось понимание, что в следующей пятилетке крайне важно развивать отрасли легкой промышленности, в первую очередь текстильную. Уже в 1932 году на XVII конференции ВКП(б) говорилось: «Нужно иметь в виду, что наша текстильная промышленность технически не так плохо оборудована. Наша текстильная промышленность освоит все имеющееся оборудование. Перед нами сейчас же должен встать вопрос о процессе реконструкции текстильной промышленности» [XVII конференция ..., 1932, с. 66]. Предприятия края активно участвовали в достижении необходимого экономического эффекта и расширении возможностей текстильной промышленности как на региональном уровне, так и на уровне союзной экономики.

3.3. Межпроизводственные связи отрасли и реализация ее задач в 1933—1934 годах

Линия распределения промышленности между наркоматом тяжелой промышленности и наркоматом легкой промышленности состояла в том, что к Наркомату легкой промышленности относились все отрасли, связанные главным образом со снабжением широкого рынка. Сюда относились все виды текстильной промышленности, кожевенно-обувная промышленность, мыловаренная промышленность и др. [Там же, с. 34].

Связь с сельским хозяйством в работе текстильной промышленности прослеживалась наглядно, многое в работе предприятий её подотраслей зависело, например, от урожая хлопчатника или от факторов, влиявших на количество поголовья овечьего стада. Из контрольных цифр к плану заготовок шерсти по Северо-Кавказскому краю на весну 1933 года видно, что наибольшее количество поголовья взрослых овец (почти 751,5 тыс.) выращивали в овцеводческих товарных фермах, а также прочих хозяйствах, в совхозах овцеводческого объединения и Племотреста, в других совхозах, не входящих в эти объединения. По видам и группам заготавливали шерсть обычных русских или горских овец (по поголовью соответственно 890 156 и 776 644), грубую, тонкорунную (по их заготовкам уже наблюдался паритет). Отдельные хозяйства заготавливали верблюжью шерсть, её было сравнительно немного (учитывая поголовье — 5388) [РГАЭ, ф. 7663, оп. 1, д. 32, л. 114].

Партийно-государственная политика ставила животноводческие хозяйства перед необходимостью более эффективно использовать все земельные угодья, строить прочные, вместительные фермы, улучшать племенную работу, расширять кормовую базу, то есть комплексно подходить к выполнению плановых заданий. Чтобы улучшить уход за животными, уже с конца 1-й пятилетки организовывались кустовые и районные животноводческие вы-

ставки, старались в большей степени привлекать женский труд. Так, в письме орготдела Ставропольского райисполкома сельсоветам Ставропольского района как раз речь шла о привлечении женщин к организации животноводческих выставок: «...в животноводстве очень важную, а в отдельных случаях главную роль играет женский труд» [Голоса из провинции ..., 2010, с. 41]. Была поставлена задача отразить результаты женского труда в животноводстве, отметить достижения и выявить все недочеты, снижающие эффективность животноводства: обезличка, несоблюдение зооветеринарного минимума, неправильный уход, кормление и содержание скота, что приводило к повышенным отходам, отбраковке скота [Там же].

Несмотря на повышенное внимание во 2-й пятилетке к текстильной промышленности, к её шерстяной подотрасли, на постоянное увеличение поголовья овечьего стада и заготовок шерсти, проблемы здесь оставались и к середине 1930-х годов, на этапе завершения коллективизации. Поднимались они на собраниях и съездах различного уровня. Так, например, один из заведующих животноводческими колхозными фермами на совещании делегатов Всесоюзного съезда ударников прямо говорил, что «овец много, а пасти негде», нет химикатов для купания овец. Отмечалась и серьезная зоотехническая проблема: «У нас имеется всего один зоотехник, а овец — 50 тыс. голов. Зоотехнию надо будет поднять, потому что без зоотехники далеко не уедешь» [Голоса из провинции ..., 2010, с. 52, 53]. Подобные ситуации заставляли усиливать взаимодействие смежных производств и ответственность работников в условиях нехватки квалифицированных кадров, техники и необходимых средств.

Особенности работы текстильной промышленности, органически связанной с рядом аграрных производств, отражались и на швейной отрасли промышленности. Материально, технологически она зависела от подотраслей текстильной промышленности, на продукции которой и работала, производя готовую одежду разных видов, белье и т. д. На рубеже 1-й и 2-й пятилеток швейная промышленность, как и другие отрасли легкой промышленности, испытывала трудности с выполнением не только количественных, но и качественных показателей.

Например, подводя в целом положительные итоги развития промышленности Северо-Осетинской автономной области, отметим, что за 1932 год было недовыполнение плана по пяти имеющимся там отраслям, причем процент выполнения производственной программы местной швейной фабрикой был наиболее высоким — 76,9 %. Но уже в 1933 году другие предприятия значительно повысили свои показатели, некоторые с перевыполнением плана, а швейная фабрика осталась на том же месте, даже с небольшим понижением процента выполнения плана. Производственно-

ки тогда называли ее «болтом», хотя это было достойное, крупное предприятие, с хорошим коллективом, который сумел переломить ситуацию летом 1934 года, добившись выполнения очень высоких плановых заданий (в июле — на 102 %), и фабрика вошла в «красный список» предприятий-победителей. Этому способствовали улучшение организации труда, технического руководства в цехах, бытовых условий работников и перестройство зарплаты [История ..., 1973, с. 120, 122, 124]. Успехам данной фабрики способствовали поставки текстильной продукции, вырабатываемой северокавказскими предприятиями. Некоторые из этих предприятий сами переживали сложности, в первую очередь с техническим обеспечением.

При рассмотрении итогов развития промышленности Северо-Кавказского края за 1933 год отметим, что среди всех отраслей Наркомата легкой промышленности наибольшее среднегодовое число рабочих (свыше 1650) насчитывалось в швейной промышленности. Это было в 2 раза больше, чем в шерстяной (880 человек). Однако по валовой продукции в ценах 1926—1927 годов практически половина всего дохода приходилась именно на шерстяную промышленность — 22395 тыс. руб., и в этом смысле ее значение трудно переоценить. Заметим, что хлопчатобумажная отрасль текстильной промышленности занимала в этом списке не последнее место, но по стоимости валовой продукции уступала швейной в 2,5 раза, а шерстяной — более чем в 5 раз, будучи по этому показателю примерно на одном уровне с кожевенной промышленностью [Народное хозяйство ..., 1934, с. 5].

К концу 1933 года Севкавтекстильтрест состоял из 4-х фабрик: Ростовской прядильно-ткацкой, Азовской чулочной, Армавирской ватной и Эркен-Шахарской прядильной. Они находились «на полном хозрасчете с самостоятельными балансами и нормированными суммами оборотных средств». Говоря об остающихся производственных проблемах, отметим ряд фактов. Например, выстроенный главный корпус Армавирской фабрики «был готов вчерне и на нем были установлены только 12 машин из подлежащих установке 36 машин». Плохо обстояло дело с основными средствами на Азовской чулочной фабрике: только 38 из 144 чулочно-вязальных машин были установлены в 1932 году, остальные машины работали уже свыше 25 лет. Подобные проблемы существовали на Эркен-Шахарской и Ростовской фабриках. Последняя вырабатывала полушерстяные и вигоньевые ткани, находя сбыт своей продукции только «благодаря острой дефицитности текстильных тканей на рынке, так как продукция фабрики была весьма низкого качества» [ГАРФ, ф. А44, оп. 9, д. 177, л. 2 об., 3].

После разделения в 1934 году единого Северо-Кавказского края образовались 2 самостоятельных края: Азово-Черноморский и Северо-Кавказ-

ский. При этом Эркен-Шахарская прядильная фабрика перешла во второй, а три остальные вышеназванные фабрики — в состав Азово-Черноморского края. Они смогли улучшить свою работу (за исключением Ростовской ткацкой фабрики), при этом рост продукции по Армавирской ватной фабрике объяснялся в том числе переносом на нее оборудования бывшей Ростовской ватной фабрики, бездействовавшей с июля 1932 года (табл. 1).

Таблица 1

Выпуск текстильной продукции и сравнительное выполнение программ, составлено по: [ГАРФ, ф. А44, оп. 9, д. 177, л. 4 об.].

Наименование текстильного предприятия	Выпуск продукции в тыс. руб.		План 1934 г.	Выполнение программы	
	1933 г.	1934 г.		К плану	К 1933 г.
Армавир ватная	3536	5246	6970	75,2 %	148,3 %
Ростов ткацкая	7343	3014	3220	93,6 %	41 %
Азов чулочная	2305	2217	2439	90,9 %	96,2 %
ВСЕГО	13184	10477	12629	83 %	79,2 %

Оценивая потенциал и перспективы первого (куда входили донские и кубанские районы), Краевая плановая комиссия в апреле 1934 года отмечала, что рост отраслей промышленности, в том числе легкой, опирается на крупные сырьевые ресурсы края, тем не менее легкая промышленность «недостаточно развита в крае» и более половины всей продукции ее приходится на кожевенно-обувную. Поэтому особое внимание было уделено именно текстильной среди отраслей, «обслуживающих местный спрос в соответствии с общим курсом на равномерное размещение ... легкой промышленности в стране». При этом и тогда прямо говорилось, что текстильная промышленность находится «в крае в зачаточном состоянии». В целом такая же картина наблюдалась и во вновь образованном Северо-Кавказском крае, хотя, например с кожевенной и швейной отраслями особых проблем там не было [История ..., 1973, с. 112—113, 142].

Итак, к моменту разделения единого Северо-Кавказского края проблемы с текстильной промышленностью оставались, она продолжала занимать подчиненное положение в экономике региона. Во многом это объясняется большей ориентацией на обработку шерсти для вывоза в другие районы, все еще недостаточной технической оснащенностью ряда ее основных предприятий и сопутствующими проблемами, из-за чего они не могли полностью обеспечивать возрастающие требования к качеству продукции. Тем не менее, учитывая возросшее в начале 2-й пятилетки внимание к текстильной промышленности партийных и хозяйственных органов,

можно констатировать ряд позитивных сдвигов в оформлении и развитии отрасли, её взаимодействии с другими смежными отраслями.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в рассматриваемый период текстильная промышленность Северо-Кавказского края фактически проходила свое становление. На него влияли социально-экономические, отдельные национально-культурные особенности (традиционное изготовление некоторых видов верхней одежды), а также климатические условия. Существенной проблемой было то, что к концу 1920-х годов государственных предприятий отрасли было мало, кустарная промышленность работала исключительно на удовлетворение спроса местного населения, а он все более возрастал. В своем становлении и развитии она опиралась на местную сырьевую, главным образом животноводческую базу. В соответствии с этим основной отраслью была шерстяная, тесно связанная с овцеводством.

Также подчеркнем, что удельный вес текстильной промышленности к началу индустриализации в общем объеме краевой промышленности был крайне мал. Её формирование как целой отрасли проходило в условиях, когда легкая промышленность в рамках индустриализации находилась в подчиненном положении в сравнении с тяжелой, имевшей главные приоритеты в советской экономике. С этим связаны и факторы недостаточной технической оснащенности ряда предприятий отрасли, что влияло как на количество, так и на качество выпускаемой продукции. Необходимость возрастания доли текстильной отрасли в легкой промышленности края сохранялась и на момент разделения Северо-Кавказского края в 1934 году.

Большое количество шерсти вывозилось за пределы края, что также было специфическим фактором развития региональной отрасли и имело определенное значение. Но главной задачей в индустриальном формировании отрасли в регионе (в Ставрополье, Черкессии, на Дону, Кубани и других районах, входивших тогда в Северо-Кавказский край) было строительство или реконструкция государственных текстильных предприятий — фабрик, шерстомоек, способных поглощать вырабатываемую в крае шерсть и производить достаточное количество метражной продукции. Несмотря на то, что данная задача в полной мере к 1934 году не была решена, текстильная промышленность края оформилась как самостоятельная отрасль легкой промышленности.

Текстильных предприятий в крае было немного, располагались они в основном в городах, но часто вблизи транспортных путей, что способствовало более оперативной загрузке товарной продукции. При этом именно они своей деятельностью обеспечивали основу формирования столь

необходимой для советских граждан текстильной отрасли в крае и расширение выпуска ее продукции. Эти немногочисленные заводы и фабрики отрасли выстраивали прочные производственные связи с профильными предприятиями, находящимися в других районах РСФСР, а также в республиках Советского Союза, участвуя в укреплении экономических связей между регионами страны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *XVII конференция* Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчет. — Москва : Партийное изд-во, 1932. — 396 с.
2. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации Ф. А44 (Министерство местной промышленности РСФСР (МИНМЕСТПРОМ РСФСР). Центральная бухгалтерия. 1934—1941 гг.). Ф. А44. Оп. 9. Д. 177. Л. 2 об, 3.
3. ГАСК — *Государственный архив* Ставропольского края. Ф. Р-522 (Ставропольское агентство Армавирского отделения Всероссийского текстильного синдиката). Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 273. Л. 73,73 об.
4. *Голоса из провинции* : жители Ставрополя в 1930—1940 годах : сборник документов / сост. Г. Никитенко, Т. Колпикова. — Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010. — 560 с. — ISBN 978-5-88216-127-8.
5. *История индустриализации Северного Кавказа* (1926—1932 гг.) Документы и материалы / под ред. В. И. Филькина. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1971. — 564 с.
6. *История индустриализации Северного Кавказа* (1933—1941 гг.) Документы и материалы. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. — 621 с.
7. *Народное хозяйство Северо-Кавказского края*. (статистический справочник). — Пятигорск : Сев.-Кавк. краев. гос. изд., 1934. — 270 с.
8. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 7663. (Всесоюзное объединение по заготовкам и первичной обработке шерсти и снабжению шерстеобрабатывающей промышленности сырьем Наркомата текстильной промышленности СССР. 1932—1940 гг.). Ф. 7663. Оп. 1. Д. 19. Л. 6 ; Ф. 7663. Д. 26. Л. 3, 54 ; Ф. 7663. Д. 32. Л. 114.

Литература

1. *Бадмаева Е. Н.* Хозяйственный эксперимент по внедрению культуры хлопчатника в природно-климатических условиях Юга России в 1920—1940-е годы / Е. Н. Бадмаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 337—359. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-337-359.
2. *Жибарев П. Б.* Индустриализация СССР — великий подвиг советского народа / П. Б. Жибарева. — Москва : Издательство Москов. университета, 1969. — 328 с.
3. *Казанцева Л. В.* Развитие текстильной отрасли Чувашии в 1929—1934 годах / Л. В. Казанцева, О. Н. Широков // Вестник Чувашского университета. — 2020. — № 4. — С. 45—52. — DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-45-52.
4. *Каким быть плану* : дискуссии 20-х годов. — Ленинград : Лениздат, 1989. — 223 с.

5. Козлов А. Д. Тейковский хлопчатобумажный комбинат (1920-е — 30-е гг.) / А. Д. Козлов. — Иваново : ИВГУ, 1918. — 115 с.
6. Конотопов М. В. Развитие экономики России в XVI—XX веках. Избранные труды : в 4 т. / М. В. Конотопов, С. И. Сметанин. — Санкт-Петербург : Алетей, 2018. — Т. 3. — 456 с.
7. Корнеев А. М. Текстильная промышленность СССР и пути ее развития / А. М. Корнеев. — Москва : Гизлегпром, 1957. — 364 с.
8. Лельчук В. С. Индустриализация СССР : история, опыт, проблемы / В. С. Лельчук. — Москва : Политиздат, 1984. — 304 с.
9. Лунин Б. Текстильная промышленность Северного Кавказа и перспективы ее развития / Б. Лунин // Северо-Кавказский край. — 1929. — № 7. — С. 43—50.
10. Салфетников Д. А. Административно-хозяйственное планирование в области промышленности Кубани и Ставрополя во 2-й половине 1920-х гг. / Д. А. Салфетников // Голос минувшего. — 2019. — № 1—2. — С. 75—80.
11. Сафонова Е. И. Московские текстильщики в годы нэпа : квалификация и дифференциация в оплате труда / Е. И. Сафонова // Экономическая история. Ежегодник. 2000. — Москва : РОССПЭН, 2001. — С. 389—419.
12. Туфанов Е. В. Партийно-государственная номенклатура и промышленная модернизация народного хозяйства во второй половине 1920-х гг. (на материалах Северного Кавказа) / Е. В. Туфанов // Гуманитарные и юридические исследования. — 2021. — № 4. — С. 131—137.
13. Хромов П. А. Очерки экономики текстильной промышленности СССР / П. А. Хромов. — Москва ; Ленинград : Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1946. — 173 с.
14. Цейнтлин Е. А. Очерки истории текстильной техники [Электронный ресурс] / Е. А. Цейнтлин. — 1940. — Режим доступа : <https://djvu.online/file/smIoSliLxVutZ> (дата обращения 04.04.2025).
15. Шевченко И. К. Текстильная промышленность в России : история и современность / И. К. Шевченко, Ю. В. Развадовская, А. А. Марченко // Terra Economicus. — 2019. — Т. 7. — № 1. — С. 131—149. — DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-131-149.
16. Davies R. W. The Industrialisation of Soviet Russia, vol. 4 : Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933 / R. W. Davies. — Basingstoke : Macmillan, 1996. — 612 p.
17. Gregory P. R. Creating Soviet Industry : The House That Stalin Built / P. R. Gregory, A. Markevich // Slavic Review. — 2002. — № 61. — Pp. 787—814.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025,
одобрена после рецензирования 09.09.2025,
подготовлена к публикации 18.09.2025.

Material resources

- Filkin, V. I. (ed.). (1971). *History of industrialization of the North Caucasus (1926—1932) Documents and materials*. Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House. 564 p. (In Russ.).
- GARF — State Archive of the Russian Federation F. 444 (Ministry of Local Industry of the RSFSR (Ministry of Local Industry of the RSFSR). Central Accounting Department. 1934—1941). F. 444. Op. 9. D. 177. L. 2 vol. 3. (In Russ.).
- GASK — State Archive of the Stavropol Territory. F. R-522 (Stavropol Agency of the Armavir branch of the All-Russian Textile Syndicate). F. R-522. Op. 1. D. 273. L. 73.73 vol. (In Russ.).

- National economy of the North Caucasus region. (statistical reference book).* (1934). Pyatigorsk: Sev.-Kavk. Regional State Publishing House. 270 p. (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 7663. (All-Union Association for the procurement and primary processing of wool and the supply of the wool-processing industry with raw materials from the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR. 1932—1940).* F. 7663. Op. 1. D. 19. L. 6.; F. 7663. D. 26. L. 3, 54; F. 7663. D. 32. L. 114. (In Russ.).
- The history of the industrialization of the North Caucasus (1933—1941) Documents and materials.* (1973). Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House. 621 p. (In Russ.).
- Voices from the provinces: residents of Stavropol in 1930—1940: a collection of documents.* (2010). Stavropol: Stavropol Territory Committee on Archives. 560 p. ISBN 978-5-88216-127-8. (In Russ.).
- XVII Conference of the All-Union Communist Party (b): verbatim report.* (1932). Moscow: Party Publishing House. 396 p. (In Russ.).

References

- Badmaeva, E. N. (2024). Agricultural Experimentation in Cotton Cultivation under Natural and Climatic Conditions of Southern Russia (1920s—1940s). *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 337—359. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-337-359. (In Russ.).
- Davies, R. W. (1996). *The Industrialisation of Soviet Russia, vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933.* Basingstoke: Macmillan. 612 p.
- Gregory, P. R., Markevich, A. (2002). Creating Soviet Industry: The House That Stalin Built. *Slavic Review*, 61: 787—814.
- Kazantseva, L. V., Shirokov, O. N. (2020). The development of the textile industry of Chuvashia in 1929—1934. *Bulletin of the Chuvash University*, 4: 45—52. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-45-52. (In Russ.).
- Khromov, P. A. (1946). *Essays on the economics of the textile industry of the USSR.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR in Moscow. 173 p. (In Russ.).
- Konotopov, M. V., Smetanin, S. I. (2018). *The development of the Russian economy in the XVI—XX centuries. Selected works: in 4 volumes, 3.* St. Petersburg: Aleteya. 456 p. (In Russ.).
- Korneev, A. M. (1957). *Textile industry of the USSR and ways of its development.* Moscow: Gizlegprom. 364 p. (In Russ.).
- Kozlov, A. D. (1918). *Teikovsky cotton mill (1920s — 30s).* Ivanovo: IvGU. 115 p. (In Russ.).
- Lelchuk, V. S. (1984). *Industrialization of the USSR: history, experience, problems.* Moscow: Politizdat. 304 p. (In Russ.).
- Lunin, B. (1929). Textile industry of the North Caucasus and prospects for its development. *The North Caucasus region*, 7: 43—50. (In Russ.).
- Napkinnikov, D. A. (2019). Administrative and economic planning in the field of industry of Kuban and Stavropol in the 2nd half of the 1920s. *Voice of the past*, 1—2: 75—80. (In Russ.).
- Safonova, E. I. (2001). Moscow textile workers during the NEP years: qualifications and wage differentiation. In: *Economic history. The yearbook. 2000.* Moscow: ROSSPEN. 389—419. (In Russ.).
- Shevchenko, I. K., Razvadovskaya, Yu. V., Marchenko, A. A. (2019). Textile industry in Russia: history and modernity. *Terra Economicus*, 7 (1): 131—149. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-131-149. (In Russ.).

- Tufanov, E. V. (2021). Party-state nomenclature and industrial modernization of the national economy in the second half of the 1920s (based on materials from the North Caucasus). *Humanitarian and legal studies*, 4: 131—137. (In Russ.).
- What should the plan be: discussions of the 20s.* (1989). Leningrad: Lenizdat Publ. 223 p. (In Russ.).
- Zeintlin, E. A. (1940). *Essays on the history of textile technology*. Available at: <https://djuvonline/file/smIoSliLxVutZ> (accessed 04.04.2025). (In Russ.).
- Zhibarev, P. B. (1969). *Industrialization of the USSR — the great feat of the Soviet people*. Moscow: Moscow Publishing House. University. 328 p. (In Russ.).

*The article was submitted 29.04.2025;
approved after reviewing 09.09.2025;
accepted for publication 18.09.2025.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47—48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Averina, A. V.</i> Illocutionary Force of Adverbial Clauses: Evidence from German.....	9
<i>Adamova, Z. G., Khompodoeva, M. V.</i> A Psycholinguistic Study of Assimilation Mechanism of Value Concept “Itegel” (“Faith”) Based on an Associative Database (Material from Sakha Language)	40
<i>Bazhenova, T. E.</i> Northern Russian Isoglosses in Middle Volga Region	64
<i>Goryacheva, M. A.</i> Karelian Language in Periodical Press: Dynamics of Functioning as a Reflection of Shifts in Language Ideology and Policy in 20th–21st Centuries	79
<i>Manerova, K. V.</i> Formulaicity of German Controlled Language as a Translation Challenge for Neural Machine Translation.....	101
<i>Marinova, E. V.</i> Terms as a Result of Various Forms of Borrowing (Language of Digital Society).....	121
<i>Prokopyeva, A. E.</i> Word Family with a Common Base чомыо [chomu] ‘to be big’ in Language of Forest Yukaghirs	141
<i>Ryabtseva, E. S., Goryaev, S. O.</i> Academician Bayer on Rus’ and Russia: Figurative Language in Scholarly and Poetic Texts	161
<i>Shamne, N. L., Mayer, V. S.</i> Colorative Markers of Modernity in Contemporary Cultural Conflicts	181
<i>Shigurov, V. V., Shigurova, T. A.</i> Nominative and Accusative Cases of Russian Nouns in Contexts of Adverbialization Combined with Modality, Pronominalization, Particulation, and Interjection.....	205

COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

<i>Avtaeva, N. O., Beinenson, V. A., Boldina, K. A.</i> Generative Neural Networks in Regional Mass Media: Usage Proficiency and Ethical Attitudes of Journalists and Students in Nizhny Novgorod.....	231
<i>Babikova, M. R., Kruzhkova, O. V.</i> A Two-Factor Model for Perception of Graffiti by Metropolis Dwellers.....	255

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Zhironkina, E. S.</i> Receptive Strategy of Martin Amis's Novel “The Zone of Interest”.....	278
<i>Kiseleva, I. A., Potashova, K. A.</i> Authentic Intonation of Lermontov’s Poem “Journalist, Reader, and Writer” (1840) as a Key to Understanding Author’s Intent.....	296
<i>Ling Jie.</i> Reception of Mikhail Sholokhov’s “The Fate of a Man” in Chinese Literary Criticism.....	317

Makarov A. V., Tyutyunnik, I. A. Schiller versus Bürger: An Eighteenth-Century Debate on Nature of Popular Art	344
Safron, E. A. Northern Myth in Works of Finnish Prose Writers of Second Half of 19th Century (Fairy Tales of Zacharias Topelius).	364

HISTORY

Baranov, A. V., Kasyanov, V. V. Historical Trends in Development of Urban Planning in Krasnodar in 1921—1941.	381
Bliznyakov, R. A., Malyshev, D. A. Maritime Transportation of Russian Pilgrims to Palestine in Late 19th Century	397
Valiakhetova, G. N., Tsukanov, L. V. Legal and Regulatory Framework for Cybersecurity in Arab Gulf Monarchies: Stages and Features of Development	421
Vasilyev, D. V., Vasilyev, S. D. Role of Rail Transport in Economy of Transcaspiian Region: A Case Study of Murghab Sovereign's Estate (1896–1912).	442
Zaseev, G. A. Activities of Grassroots Party Cells in North Ossetia and Organization of Ideological Control Over Them in 1920s	460
Ilyin, P. V. Decembrists Exonerated by Investigative Commission: Lieutenant Colonel I. A. Arsenyev	481
Ippolitov, V. A. Peasant Sentiment during First World War: A Study of Lèse-majesté Cases in Imperial Russia	504
Makhrachev, G. S., Makhracheva, Ya. V., Oblitsov, M. A. Development of Felted Footwear Craft in Tambov Province During Transition from Late Imperial to Soviet System.....	529
Podlesnykh, S. N. Abolition of Courts of Conscience in Russian Empire: A Study of Causality	549
Salfetnikov, D. A. Textile Industry of North Caucasus Region (1927-1934): Conditions for Development and Production Challenges.....	568
TO AUTHORS	589

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»
Подписано в печать 22.10.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 34,75. Тираж 500 экз. Заказ 22/10-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2025
Свободная цена

